

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ЖЮЛЬ ВЕРН
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ**

**Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1955**

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ТРЕТИЙ

ДЕТИ
КАПИТАНА ГРАНТА

Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1955

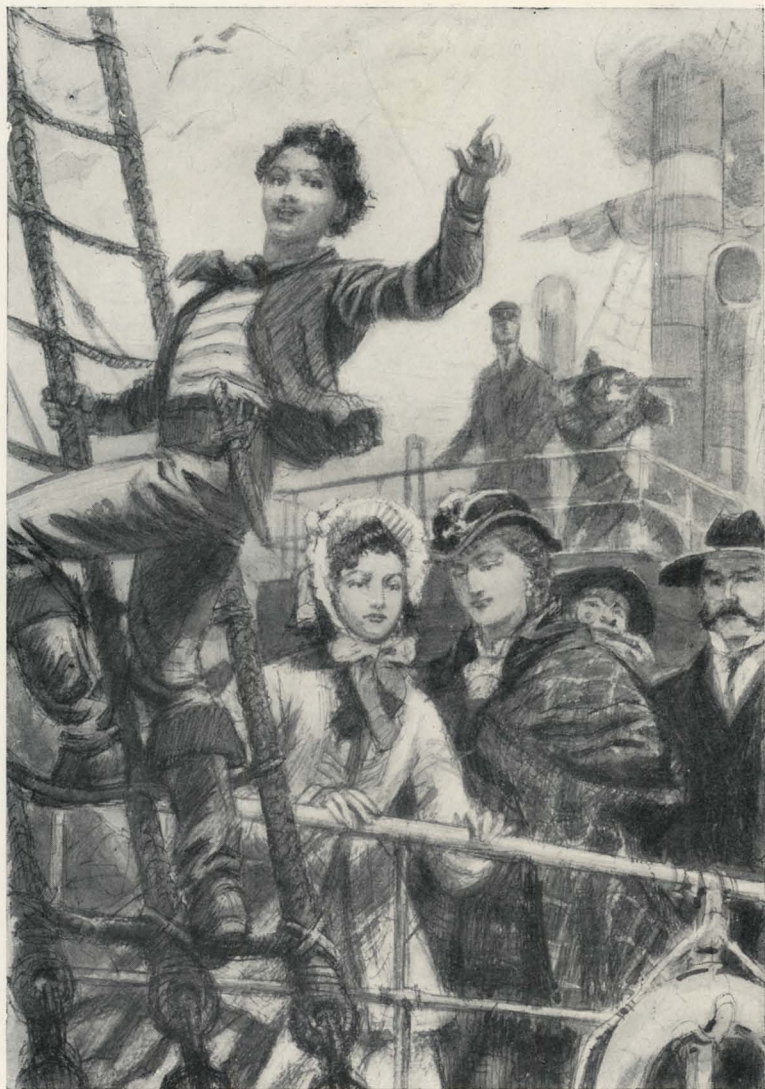
Издание осуществляется под редакцией
Б. Н. Агапова, проф. Ю. И. Данилина,
акад. Д. И. Щербакова

Перевод с французского

Иллюстрации художника
П. И. Луганского

**ДЕТИ КАПИТАНА
ГРАНТА**

*Перевод А. Бекетовой
под редакцией Н. Коган*

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Рыба-молот

26 июля 1864 года при сильном северо-восточном ветре мчалась на всех парах вдоль Северного пролива великолепная яхта. На верхушке ее бизань-мачты развевался английский флаг, а на голубом вымпеле грот-мачты виднелись расшитые золотом, увенчанные герцогской короной инициалы «Э Г». Яхта носила название «Дункан». Она принадлежала лорду Эдуарду Гленарвану, одному из шестнадцати шотландских пэров, заседающих в палате лордов, почетному члену известного во всем Соединенном Королевстве Темзинского яхт-клуба.

На борту «Дункана» находились Гленарван, его молодая жена леди Элен и двоюродный брат — майор Мак-Наббс.

Недавно спущенная на воду, яхта заканчивала пробное плавание в нескольких милях от залива Клайда и возвращалась в Глазго.

На горизонте вырисовывался уже остров Арран, как вдруг вахтенный матрос доложил, что за кормой «Дункана» плывет какая-то огромная рыба. Капитан Джон Мангльс немедленно приказал сообщить об этом лорду Эдуарду, и тот в сопровождении майора Мак-Наббса не замедлил подняться на ют¹.

¹ Ют — кормовая часть судна

— Что это за рыба? — спросил он капитана.

— Я полагаю, сэр, что это крупная акула, — ответил Джон Манглс.

— Акула в здешних водах! — недоверчиво воскликнул Гленарван.

— В этом нет ничего удивительного, — подтвердил капитан, — это рыба-молот — вид акул, встречающийся во всех морях и под всеми широтами. Если я не ошибаюсь, то мы имеем дело с одной из этих подлых тварей. Если разрешите, сэр, и если леди Гленарван доставит удовольствие присутствовать при этой интересной охоте, то мы быстро узнаем, что это за рыба.

— Ваше мнение, Мак-Наббс? — спросил Гленарван майора. — Стоит ли нам заняться этой ловлей?

— Заранее согласен с вашим решением, — флегматично ответил майор.

— Я полагаю, что необходимо уничтожать этих хищных тварей, — заметил Джон Манглс. — Воспользуемся случаем, если вам угодно, — это будет одновременно и захватывающее зрелище и доброе дело.

— Хорошо, приступайте, Джон, — согласился лорд Гленарван.

Он послал предупредить леди Элен, и она, заинтересованная предстоящей необычайной рыбной ловлей, поспешила на ют к мужу.

Море было спокойно, и можно было без труда следить за стремительными движениями хищной рыбы, которая с удивительным проворством то ныряла, то устремлялась вслед за яхтой.

Джон Манглс отдал необходимые распоряжения. Матросы сбросили с правого борта яхты толстый канат с крюком, на конец которого насажена была приманка — большой кусок сала. Прожорливая акула, хотя и находилась ярдах в пятидесяти от «Дункана», но, учув приманку, стрелой понеслась догонять яхту. Теперь отчетливо можно было видеть, как ее плавники, серые на концах и черные у основания, мощно рассекали волны, в то время как ее хвост служил рулем, не позволяя отклониться в сторону. По мере того как она приближалась к приманке, ее огромные выпуклые глаза, казалось, загорались алчностью, а когда она

переворачивалась, то широко разевала пасть, усеянную четырьмя рядами зубов. Ее огромная голова напоминала двойной молоток, насаженный на рукоятку. Джон Манглс не ошибся, — действительно, это была самая прожорливая представительница семейства акул: рыба-молот.

Пассажиры и команда «Дункана» с напряженным вниманием следили за всеми движениями акулы. Вскоре она приблизилась к приманке, стремясь половчее схватить ее, перевернулась на спину, и мгновенно огромный кусок сала исчез в ее пасти.

Сильно дернув канат, акула сама себя «подцепила» на крюк.

Матросы поспешно принялись подтягивать свою добычу при помощи блоков, прикрепленных к грот-рее.

Акула, чувствуя, что ее вытаскивают из родной стихии, яростно забилась, но ее быстро усмирили. Накинута на хвост мертвая петля парализовала все ее движения. Спустя несколько мгновений акулу подняли над бортовыми сетками и сбросили на палубу. К ней осторожно приблизился матрос и сильным ударом топора отсек ее страшный хвост.

Ловля окончилась. Больше нечего было опасаться хищницы. Ненависть моряков к акулам была удовлетворена, но их любопытство не угасло. Обычно на всех судах принято тщательно исследовать желудок акул. Матросы, зная ее неразборчивую прожорливость, надеются на какую-нибудь находку, и надежды их порой сбываются.

Леди Гленарван, не пожелав присутствовать при столь отталкивающем зрелище, перешла на рубку. Акула была еще жива. То был крупный экземпляр десяти футов длиной и весом более шестисот фунтов. Такие размеры и вес были обычны для рыбы-молота. Но, не являясь самой крупной среди акул, рыба-молот тем не менее самая опасная.

Вскоре огромную рыбу без всяких церемоний разрубили топором. Крюк проник вглубь желудка, оказавшегося совершенно пустым. Видимо, акула давно голодала. Разочарованные моряки хотели было выбросить тушу в море, как вдруг внимание бодмана при-

влек какой-то грубый предмет, плотно застрявший в одной из складок утробы хищницы.

— Это что такое? — воскликнул он.

— Это кусок скалы, который акула проглотила, чтобы набить себе желудок, — ответил один из матросов.

— Ну да! — отозвался другой. — Просто-напросто это ядро, которым выпалили в желудок этой твари, только она не успела его переварить.

— Бросьте болтать! — вмешался в разговор помощник капитана Том Остин. — Разве вы не видите, что эта тварь была горькой пьяницей, и, чтобы не потерять ни капли, она вылакала не только вино, но проглотила и бутылку.

— Как! — воскликнул лорд Гленарван. — Бутылка — в желудке акулы?

— Да, самая настоящая бутылка, — подтвердил Остин, — только видно, что из погреба она вышла давненько!

— Ну-ка, Том, вытащите бутылку, да осторожнее, — приказал лорд Гленарван: — бутылки, найденные в море, часто содержат важные документы.

— Вы полагаете? — спросил майор Мак-Наббс.

— Да, во всяком случае, это возможно.

— О, не спорю, — отозвался майор, — я вполне допускаю, что бутылка хранит какую-нибудь тайну.

— Сейчас мы узнаем это, — промолвил Гленарван. — Ну, как дела, Том?

— Вот, сэр, — ответил помощник капитана, показывая какой-то бесформенный предмет, который он с трудом извлек из желудка акулы.

— Отлично! — сказал Гленарван. — Прикажете тщательно обмыть эту грязную бутылку и принесите ее в рубку.

Том повиновался, и бутылка, найденная при столь странных обстоятельствах, вскоре очутилась на столе в кают-компании. Вокруг стола разместились: лорд Гленарван, майор Мак-Наббс, капитан Джон Манглс и леди Элен, любопытная, как все женщины.

В море всякий пустяк — событие. Минуту все молчали. Каждый взглядом вопрошал хрупкий сосуд,

скрывал ли он тайну какого-нибудь кораблекрушения или только пустяковую записку, вверенную воле волн каким-нибудь скучающим мореплавателем.

Однако надо было узнать, в чем же дело, и Гленарван тотчас занялся осмотром бутылки, действуя со всей необходимой в таких случаях предосторожностью. Он в эту минуту похож был на коронера¹, пытающегося напасть на следы важного преступления. И, поступая таким образом, Гленарван был прав, ибо очень часто самая ничтожная на первый взгляд деталь наталкивает на важное открытие.

Прежде чем раскупорить бутылку, Гленарван внимательно осмотрел ее снаружи. На ее длинном, узком, крепком горлышке уцелел обрывок ржавой проволоки. Стенки бутылки, очень плотные, способные выдержать давление в несколько атмосфер, свидетельствовали о том, что бутылка отлита в Шампани. Такими бутылками виноделы Аи и Эперне разбивают спинки стульев, причем на стекле не остается даже царапины. Не удивительно, что этот сосуд мог легко перенести все превратности длительного странствия.

— Бутылка из-под клико, — удостоверил майор.

Так как Мак-Наббс слыл знатоком в этой области, то никто его слов не оспаривал.

— Дорогой майор, — сказала Элен, — что толку в том, какое вино было в этой бутылке, если мы не знаем, откуда она приплыла.

— Мы это узнаем, дорогая Элен, — сказал лорд Гленарван. — Уже и сейчас можно утверждать, что она проделала большой путь. Обратите внимание на известковые отложения, которыми она покрылась под воздействием морской воды. Эта бутылка долго носилась по океану, прежде чем ее проглотила акула.

— Я, безусловно, согласен с вами, — отозвался майор. — Действительно, этот хрупкий сосуд в каменистой оболочке совершил, повидимому, долгое путешествие.

— Но откуда он? — спросила леди Элен.

¹ Коронер — официальное лицо в Англии, ведущее следствие в случае чьей-нибудь внезапной и подозрительной смерти.

— Терпение, терпение, дорогая Элен: в таких случаях необходима выдержка. Мне кажется, что я не ошибусь, считая, что бутылка сама ответит на наши вопросы.

Сказав это, Гленарван начал счищать твердые наросты, предохраняющие горлышко бутылки, — вскоре показалась пробка, сильно попорченная морской водой.

— Досадно! — воскликнул Гленарван. — Если тут хранятся какие-нибудь документы, то они окажутся подмоченными.

— Боюсь, что так, — согласился майор.

— К тому же, — продолжал Гленарван, — эта плохо закупоренная бутылка могла утонуть, но, к счастью, ее во-время проглотила акула и доставила на борт «Дункана».

— Конечно, — сказал Джон Манглс, — но жаль, что мы не выловили бутылку в открытом море, под определенной широтой и долготой. Тогда, изучив воздушные и морские течения, можно было бы установить пройденный бутылкой путь, а теперь, с таким почтальоном, как акула, плывущим против ветра и течений, будет очень трудно в этом разобраться.

— Посмотрим, — сказал Гленарван и с величайшей осторожностью откупорил бутылку.

По кают-компании распространился крепкий запах морской воды.

— Что там? — с чисто женским нетерпением спросила Элен.

— Да, я был прав, — отозвался Гленарван, — тут есть документы.

— Документы! Документы! — воскликнула леди Элен.

— Но, повидимому, они отсырели, — заметил Гленарван, — их невозможно извлечь, так крепко они прилипли к стенкам бутылки.

— Разобьем бутылку, — предложил Мак-Наббс.

— Я предпочел бы ее сохранить, — ответил Гленарван.

— И я, — согласился майор.

— Конечно, — вмешалась Элен, — но так как со-
держимое ценнее содержащего, то я предлагаю по-
жертвовать последним.

— Достаточно, сэр, отбить горлышко, — посовето-
вал Джон Манглс, — и можно будет вынуть доку-
менты, не повредив их.

— Правильно, дорогой Эдуард! — воскликнула
леди Элен.

Иным способом действительно трудно было из-
влечь бумаги, и лорд Гленарван решил отбить гор-
лышко драгоценной бутылки. Но так как каменистый
нараст на бутылке приобрел твердость гранита, при-
шлось прибегнуть к молотку. Вскоре на стол посыпа-
лись осколки стекла и показались слипшиеся клочки
бумаги. Гленарван осторожно вынул их, разложил пе-
ред собой. Элен, майор и капитан тесным кругом об-
ступили его.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Три документа

Извлеченные из бутылки клочки бумаги были напо-
ловину разъедены морской водой. Из почти расплыв-
шихся строк еле-еле можно было разобрать кое-какие
непонятные слова. В течение нескольких минут Гле-
нарван внимательно рассматривал клочки. Он поворачи-
вал их то так, то сям, разглядывая на свет и изучая
малейшие следы уцелевших слов, которые пощадило
море. Наконец, он обернулся к друзьям, внимательно
смотревшим на него.

— Здесь, — сказал он, — три документа, пови-
димо копии одного и того же. Один написан по-
английски, второй — по-французски и третий — по-не-
мецки. Несколько уцелевших слов не допускают в этом
сомнения.

— А можно уловить смысл документа? — спросила
леди Гленарван.

— Трудно утверждать что-нибудь определенное,
дорогая Элен, уцелевшие слова слишком отрывочны.

— А может быть, они дополняют друг друга? — спросил майор.

— Несомненно, — ответил Джон Манглс. — Вряд ли морская вода уничтожила в трех документах одни и те же слова. Сличая сохранившиеся обрывки фраз, мы в конце концов доберемся до их смысла.

— Вот этим мы и займемся, — сказал лорд Гленарван, — но будем делать это постепенно. Начнем с английского документа.

В этом документе строки и слова были расположены следующим образом:

62	Bri	gow
sink		stra
	aland	
skipp	Gr	
	that monit	of long
and		ssistance
	lost	

— Да, тут трудно что-нибудь понять, — разочарованно сказал майор.

— Во всяком случае, — заметил капитан, — это по-английски.

— Безусловно, — отозвался лорд Гленарван, — слова *sink*, *aland*, *that*, *and*, *lost* уцелели; а *skipp*, очевидно, значит *шкипер*. Видимо, речь идет о каком-то мистере *Гр...*, капитане потерпевшего крушение судна¹.

— Добавим к этому обрывки слов *monit* и *ssistance*, — сказал Джон Манглс, — смысл их совершенно ясен².

— Ну вот, кое-что мы уже знаем! — воскликнула Элен.

— К сожалению, тут не хватает многих строк, — заметил майор. — Как узнать название погибшего судна и место крушения?

— Узнаем и это, — сказал лорд Гленарван.

— Безусловно, — согласился майор, всегда присоединявшийся к общему мнению. — Но как?

— Дополняя один документ другим.

— Так примемся за дело! — взмолилась леди Элен.

¹ Слова *sink*, *aland*, *that*, *and*, *lost* соответственно означают: *терпеть крушение*, *на земле*, *этот*, *и*, *пропавший*.

² *Monition* — *документ* и *assistance* — *помощь*.

Второй клочок бумаги был попорчен сильнее, чем первый. На нем сохранились лишь немногие бессвязные слова, расположенные в следующем порядке:

7 Juni

Glas
zwei atrosen
 graus
 bringt ihnen

— Это написано по-немецки, — воскликнул Джон Манглс, взглянув на бумагу.

— А знаете вы этот язык, Джон? — спросил Гленарван.

— Знаю и очень хорошо, сэр.

— Тогда переведите нам эти несколько слов.

Капитан внимательно прочитал документ.

— Прежде всего, — сказал он, — мы можем установить, когда произошло кораблекрушение: 7 Juni, то есть 7 июня; сопоставляя это с цифрой 62 английского текста, мы получим точную дату: 7 июня 1862 года.

— Чудесно! — воскликнула Элен. — Продолжайте, Джон!

— В той же строке я нахожу слово «Glas»; сливая его со словом «gow» первого документа, получаем «Glasgow». Очевидно, речь идет о судне из порта Глазго.

— И я того же мнения, — сказал майор.

— Вторая строка документа совсем расплылась, — продолжал Джон Манглс, — но в третьей я разобрал два очень важных слова: «zwei», что значит «два», и «atrosen», вернее «matrosen», что в переводе значит — «матросы».

— Стало быть, речь идет о капитане и двух матросах? — спросила Элен.

— Повидимому, — ответил лорд Гленарван.

— Признаюсь, сэр, — продолжал капитан, — что следующее слово «graus» ставит меня в тупик. Не знаю, как перевести его. Может быть, это разъяснит третий документ. Что же касается двух последних слов, то их легко понять: «bringt ihnen» значит «окажите им», а если мы свяжем их с английским словом

«assistance», которое, подобно им, находится в седьмой строчке первого документа, то они составляют связную фразу: «Окажите им помощь».

— Да! «Окажите им помощь»! — повторил Гленарван. — Но где же находятся эти несчастные? До сих пор у нас не имеется ни малейшего указания на место, где произошла катастрофа?

— Будем надеяться, что французский документ окажется более ясным, — заметила Элен.

— Прочтем теперь французский документ, — сказал Гленарван, — нам это будет нетрудно, так как мы все знаем этот язык.

Вот точное воспроизведение третьего документа:

трех (trois)	ачтовое (ats)	тания (tannia)
	гония (gonie)	южный (austral)
		досту (abor)
контин (contin)	пл (pr)	жесток (cruel)
	брош (jeté)	инд (indi)
и 37°11'	шип (lat)	олго (ongit)

— Тут есть цифры! — воскликнула Элен. — Смотрите, господа! Смотрите!

— Будем действовать постепенно, — сказал лорд Гленарван, — начнем сначала. Разрешите восстановить одно за другим все неполные, отрывочные слова. С первых букв ясно, что речь идет о трехмачтовом судне, название его благодаря сличению английского и французского документов для нас понятно: «Британия». Из следующих двух слов — «гония» и «южный» — понятны только второе.

— Вот это уже ценное указание, — заявил Джон Манглс, — значит, кораблекрушение произошло в Южном полушарии.

— Довольно неопределенно, — заметил майор.

— Продолжаю, — сказал Гленарван. — Слово «достиг» — корень глагола «достигнуть». Эти несчастные пристали к какому-то берегу. Но где? Что значит «контин»? Не континент ли? Затем «жесток»?

— Жестокий! — воскликнул Джон Манглс. — Так вот объяснение немецкого слова «graus»: grausam — жестокий!

— Продолжаем! Продолжаем! — сказал Гленарван, интерес которого по мере прояснения смысла документа все возрастал. — *Инд...* Не идет ли тут речь об Индии, куда эти моряки могли быть выброшены? А что означает слово «олго»? А, долгота! Вот и широта: тридцать семь градусов одиннадцать минут. Наконец-то у нас есть одно точное указание!

— Да, но отсутствует указание долготы, — промолвил Мак-Наббс.

— Не все сразу, дорогой майор, — отозвался Гленарван, — хорошо, что мы уже точно знаем градус широты. Несомненно, этот французский документ — самый полный из трех. Очевидно, каждый является дословным переводом двух других, ибо все содержат одинаковое количество строк. Поэтому надо объединить все три текста, перевести на один какой-нибудь язык и постараться установить общий, наиболее правдоподобный, наиболее логичный и наиболее полный их смысл.

— А на какой же язык вы собираетесь перевести документ? — спросил майор.

— На французский, — ответил Гленарван, — так как лучше всего сохранился текст именно французского документа.

— Вы правы, сэр, — согласился Манглс. — К тому же этот язык всем нам хорошо знаком.

— Итак, решено! Я соединю обрывки этих слов и фраз и дополню пробелы теми обрывками слов, смысл которых ясен, а затем мы сравним и обсудим.

Гленарван тотчас же взялся за перо и через несколько минут подал своим друзьям бумагу, где было написано следующее:

7 июня 1862 трехмачтовое судно «Британия» Глазго			
потерпело крушение		гони	южн
	берег	два матроса	
Капитан Гр		дости	
контин	пл	жесток	инд
брошен этот документ		долготы	
и 37°11 широты		Окажите им помощь	
погибнут			

В эту минуту появился матрос и доложил капитану, что «Дункан» вошел в залив Клайда, и спросил, какие будут приказания.

— Каковы ваши намерения, сэр? — обратился Джон Манглс к Гленарвану.

— Как можно скорее прибыть в Думбартон, Джон. Оттуда леди Элен поедет домой, в Малькольм-Касл, а я отправлюсь в Лондон, чтобы вручить этот документ в адмиралтейство.

Джон Манглс отдал соответствующие приказания, и матрос пошел передать их помощнику капитана.

— А теперь, друзья мои, — сказал Гленарван, — будем продолжать нашу расшифровку. Мы напали на след страшной катастрофы. От нашей догадливости зависит жизнь нескольких людей. Напряжем наш ум и постараемся найти ключ к этой загадке.

— Мы готовы, дорогой Эдуард, — ответила леди Элен.

— Прежде всего, — продолжал Гленарван, — выделим из этого документа: во-первых, часть, которая нам ясна, во-вторых, часть, которая позволяет нам делать некоторые предположения, в-третьих, — что нам неизвестно. Что нам известно? Известно, что седьмого июня тысяча восемьсот шестьдесят второго года трехмачтовое судно «Британия», отплывшее из порта Глазго, потерпело крушение, что его два матроса и капитан бросили в море под широтой тридцать семь градусов одиннадцать минут этот документ и что они просят помощи.

— Совершенно правильно, — подтвердил майор.

— Что можно предположить? — продолжал Гленарван. — Прежде всего, что крушение произошло в южных морях, и здесь прошу вас обратить внимание на обрывок слова «*gonie*». Не есть ли это название страны?

— *Патагония!* — воскликнула леди Элен.

— Правильно.

— Но разве тридцать седьмая параллель пересекает Патагонию? — спросил майор.

— Это легко проверить, — ответил Джон Манглс, развертывая карту Южной Америки. — Совершенно

верно! Тридцать седьмая параллель пересекает Арауканию¹, проходит по пампасам вдоль северных границ Патагонии и теряется в водах Атлантического океана.

— Хорошо! Продолжим расшифровку. Два мотроса и капитан «достиг» (*abor*) — достигли... чего? «контин» (*contin*) — континента. Обратите на это внимание: не острова, а континента. Какая же судьба постигла их? К счастью, тут стоят две буквы «пл» (*pr*); они рассказывают нам судьбу несчастных. Они в плену — «пленники». Чьи пленники? «Инд» (*indi*) — «жесточких индейцев». Достаточно убедительно? Разве недостающие слова не просятся сами собой на пробелы? Разве смысл документа не проясняется на ваших глазах? Разве не догадываетесь вы о дальнейшем?

Гленарван говорил убежденно, его энтузиазм внушал непоколебимую уверенность, его боодушевление передавалось присутствующим, и они хором воскликнули:

— Бесспорно! Бесспорно!

Помолчав, Гленарван продолжал:

— Друзья мои, все эти предположения кажутся мне весьма правдоподобными. Полагаю, что катастрофа произошла у берегов Патагонии. Впрочем, я наведу справки в Глазго о маршруте «Британии», и тогда нам станет ясно, могла ли она оказаться в этих водах.

— Зачем ехать в Глазго, — сказал Джон Манглс, — у меня есть здесь комплект «Торговой и мореходной газеты», и мы узнаем все, что нам надо.

— Давайте посмотрим! — воскликнула леди Гленарван.

Джон Манглс взял комплект номеров газеты за 1862 год и стал бегло просматривать их. Вскоре он с удовлетворением прочел:

— «Тридцатого мая тысяча восемьсот шестьдесят второго года. Перу. Кальяо. Место назначения Глазго, «Британия», капитан Грант».

— Грант! — воскликнул Гленарван. — Уж не тот ли

¹ А р а у к а н и я — территория Чили, населенная индейцами-арауканами.

это отважный шотландец, который мечтал основать новую Шотландию на одном из островов Тихого океана?

— Да, — ответил Джон Манглс, — это тот самый Грант. В тысяча восемьсот шестьдесят первом году он отплыл из Глазго на «Британии», и с тех пор о нем ничего не слышно.

— Нет никаких сомнений! — воскликнул Гленарван. — Это он! «Британия» отплыла из Кальеа тридцатого мая, а седьмого июня, спустя неделю, потерпела крушение у берегов Патагонии. Теперь вся история этой катастрофы раскрылась перед нами. Вы видите, друзья мои, мы нашли ключ к решению почти всей загадки, и единственным неизвестным теперь является долгота, где произошло крушение.

— Но долгота и не нужна! — заявил Джон Манглс. — Зная страну и широту, я берусь найти место бедствия.

— Следовательно, нам все известно? — спросила леди Гленарван.

— Все, дорогая Элен, и я могу заполнить теперь то, что смыла морская вода, с такой легкостью, словно писал бы этот документ под диктовку самого капитана Гранта.

Тут Гленарван снова взял перо и, не колеблясь, написал следующее:

«7 июня 1862 года трехмачтовое судно «Британия», из порта Глазго, затонуло у берегов Патагонии в Южном полушарии. Два матроса и капитан Грант пытаются достичь берега, где окажутся в плену у жестоких индейцев. Они бросили этот документ под... градусами долготы и 37°11' широты. Окажите им помощь, или они погибнут».

— Хорошо! Хорошо, дорогой Эдуард! — воскликнула леди Элен. — Если этим несчастным суждено когда-нибудь вновь увидеть свою родину, то они будут обязаны вам своим спасением.

— Они увидят ее! — ответил Гленарван. — Теперь этот документ совершенно точен, совершенно ясен, совершенно достоверен, и Англия, не задумываясь, придет на помощь трем своим сынам, заброшенным на

пустынный морской берег. То, что она когда-то сделала для Франклина и для многих других, то она делает и для потерпевших крушение на «Британии».

— Но ведь у этих несчастных, — сказала Элен, — несомненно, остались семьи, которые оплакивают их гибель. Быть может, у бедного капитана Гранта есть жена, дети...

— Вы правы, дорогая моя, и я немедленно уведомлю их, что не вся надежда на спасение утрачена. А теперь, друзья мои, поднимемся на палубу, вероятно, мы приближаемся к порту.

Действительно, «Дункан», ускорив ход, шел в эту минуту вдоль берегов Бутла, оставив справа от себя Ротсей, очаровательный маленький городок, приютившийся в плодородной долине. Яхта вышла в узкий фарватер залива, проплыла мимо Гринока и в шесть часов вечера бросила якорь у подножья базальтовой скалы Думбартона, на вершине которой высился знаменитый замок шотландского героя Уоллеса.

На пристани ждал экипаж, который должен был отвезти Элен и майора Мак-Наббса в Малькольм-Касл; Гленарван, обняв молодую жену, поспешил к поезду, отправлявшемуся в Глазго.

Но перед отъездом он прибегнул к быстрейшему способу извещения — телеграфу, и несколько минут спустя в редакции газет «Таймс» и «Морнинг кроникл» пришло следующее сообщение:

«За справками о судьбе трехмачтового судна «Британия» из Глазго и о капитане Гранте обращаться к лорду Гленарвану, Малькольм-Касл, Люсс, графство Думбартон, Шотландия».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Малькольм-Касл

Малькольм-Касл, один из самых поэтических замков горной Шотландии, расположен вблизи деревни Люсс над живописной долиной. Прозрачные воды озера Ломонд омывают гранит его стен. С незапамят-

ных времен замок принадлежал роду Гленарван, сохранившему на родине Роб-Роя и Фергуса Мак-Грегора гостеприимные обычаи старинных героев Вальтера Скотта.

Когда в Шотландии вспыхнула революция, то у многих вассалов, которые не могли уплатить своим бывшим ленным землевладельцам высокую арендную плату, земли были конфискованы. Некоторые из них погибли от голода, другие стали рыбаками, а иные эмигрировали. Отчаяние охватило всех. Одни только Гленарваны полагали, что верность данному слову обязательна для всех людей как знатных, так и простых и не нарушили договоров со своими арендаторами. Ни один из них не покинул родной кров, не расстался с землей, где покоился прах его предков, все продолжали жить на тех же землях, которые некогда арендовали у своих господ. Итак, в эту эпоху всеобщей ненависти и вражды у Гленарвана, как в замке Малькольм-Касл, так и на борту «Дункана», служили лишь шотландцы. Все были потомками бывших вассалов Мак-Грегора, Мак-Фарлана, Мак-Наббса, Мак-Ногтона, все были уроженцами Стирлинга или Думбартона, все — люди честные, душой и телом преданные своему господину. Некоторые говорили даже на гэльском языке горной Шотландии.

У лорда Гленарвана было огромное состояние. Он делал много добра, и его доброта превосходила даже его щедрость, ибо доброта неисчерпаема, а щедрость имеет пределы.

Землевладелец Люсса, *лорд* Малькольм являлся в палате лордов представителем своего графства. Будучи иакобитом (сторонником Стюартов), он отнюдь не заискивал у Ганноверского дома и не был в чести у государственных мужей Англии, главным образом, потому, что придерживался обычаев своих предков и стойко противился политическому нажиму «этих южан».

Но лорд Гленарван не был ни реакционером, ни человеком ограниченного ума и узких воззрений. В своем графстве он поощрял все передовое, в душе же оставался страстным патриотом-шотландцем, и,

участвуя в состязаниях Королевского Темзинского яхт-клуба, радел лишь о славе родной Шотландии.

Эдуарду Гленарвану было тридцать два года. Он был высокого роста, с несколько суровыми чертами лица, но необыкновенно добрыми глазами. От него так и веяло поэзией горной Шотландии. Он слыл человеком исключительной отваги, предприимчивым и благородным. Это был Фергус XIX столетия, необычайно добрый, совершеннее, чем сам святой Мартин, способный единственное рубище свое отдать бедняку.

Лорд Гленарван был женат всего три месяца. Его жена, Элен, была дочерью известного путешественника Вильяма Туффнеля, ставшего, как многие другие, жертвой страсти к географическим открытиям.

Элен не принадлежала к дворянскому роду, но она была чистокровной шотландкой, что в глазах лорда Гленарвана было выше всякого дворянства. Он избрал в подруги жизни эту прелестную, мужественную, самоотверженную девушку. Он встретился с ней после смерти ее отца, когда она одиноко жила в Кильпатрике в родительском доме, почти без всяких средств. Гленарван сразу понял, что эта бедная девушка будет преданной женой, и женился на ней. Элен было двадцать два года. Это была блондинка с глазами голубыми, как воды шотландских озер в радостное весеннее утро. Ее любовь к мужу превосходила чувство благодарности к нему: она любила его так, словно он был заброшенным сиротой, а она богатой наследницей. Фермеры и слуги готовы были отдать жизнь за нее, они называли ее «наша добрая госпожа из Люсс».

Молодые супруги жили счастливо в Малькольм-Касле среди чудесной и дикой природы горной Шотландии. Они гуляли под тенистыми сводами аллей дубов и кленов, по берегам озер, где порой звучали еще пиброксы¹, спускались в дикие ущелья, где вековые руины повествовали об истории Шотландии. То они углублялись в чащу березовых и хвойных лесов, высившихся среди просторных лугов с пожелтевшим

¹ Пиброксы — древнешотландские песни.

вереском, то назавтра взбирались на крутые вершины Бенломона или скакали верхом по пустынным долинам, любясь, ощущая, любя этот полный поэзии край, который еще до сей поры называют «краем Роб-Роя», восхищаясь знаменитыми местами, которые столь вдохновенно воспел Вальтер Скотт. По вечерам, когда на горизонте зажигался «Фонарь Мак-Фарлана» — луна, они уходили бродить вдоль старинной кольцевой галереи, опоясывавшей зубчатыми стенами замок Малькольм. Там, задумчивые, одинокие, словно забытые всем миром, сидели они на камнях, отколовшихся от скал, окруженные безмолвием, освещенные бледными лучами луны, а ночной сумрак медленно окутывал темнеющие горы. Долго оставались они, погруженные в тот возвышенный восторг, в ту духовную близость, тайной которых владеют лишь любящие сердца.

Так прошли первые месяцы супружества. Но лорд Гленарван не забывал, что его жена — дочь известного путешественника. Ему казалось, что Элен, должно быть, унаследовала страсть отца к путешествиям, и он был прав. Был построен «Дункан», яхта, которая должна была перенести лорда и леди Гленарван в самые дивные уголки земного шара, к островам Архипелага, в воды Средиземного моря. Легко представить себе радость Элен, когда муж передал «Дункан» в ее полное распоряжение. Действительно, есть ли большее блаженство, чем плыть с любимым вдоль прекрасных берегов Греции и переживать медовый месяц у сказочных восточных берегов.

А вот теперь Гленарван уехал в Лондон. Но ведь речь шла о спасении потерпевших кораблекрушение, а потому внезапный отъезд мужа не печалил Элен. Она лишь нетерпеливо поджидала его. Телеграмма, полученная на следующий день, известила о его скором возвращении, но вечером пришло письмо, из которого она узнала, что он задерживается в Лондоне вследствие некоторых возникших по его делу затруднений. На третий день она получила новое письмо, в котором лорд Гленарван не скрывал своего недовольства адмиралтейством.

Леди Элен начала тревожиться за исход дела. Вечером, когда она была одна в комнате, вошел управляющий замком Хальбер и спросил, не угодно ли ей принять молодую девушку и мальчика, спрашивающих лорда Гленарвана.

— Они местные жители? — спросила Элен.

— Нет, — ответил управляющий, — я их не знаю. Они ехали поездом до Баллоха, а оттуда пришли пешком в Люсс.

— Просите их ко мне, Хальбер, — сказала леди Элен.

Управляющий вышел. Через несколько минут в комнату Элен вошли молоденькая девушка и мальчик. Это были брат и сестра. Сходство было столь велико, что не оставляло в этом сомнений. Сестре было лет шестнадцать. Ее красивое, немного утомленное лицо, ее глаза, видимо пролившие уже немало слез, ее грустное, но не робкое выражение лица, ее бедная, но опрятная одежда — все располагало в ее пользу. Она держала за руку мальчика лет двенадцати с очень решительным выражением лица. Казалось, что он считает себя защитником сестры. Да! Конечно, каждому, кто осмелился бы недостаточно почтительно отнестись к девушке, пришлось бы иметь дело с этим мальчуганом.

Сестра, очутившись перед леди Элен, слегка смутилась, но та поспешила заговорить с ней.

— Вы желали поговорить со мной? — спросила она, ободряюще глядя на девушку.

— Нет, — определенно заявил мальчик, — мы хотели говорить с лордом Гленарваном.

— Извините его, сударыня, — проговорила девушка, укоризненно посмотрев на брата.

— Лорда Гленарвана сейчас нет в замке, — пояснила леди Элен, — но я его жена, и если могу заменить...

— Вы леди Гленарван? — спросила девушка.

— Да, мисс.

— Жена лорда Гленарвана из Малькольм-Касла, поместившего в газете «Таймс» объявление о крушении «Британии»?

— Да, да! — поспешно ответила Элен. — А вы...

— Я дочь капитана Гранта, а это мой брат.

— Мисс Грант! Мисс Грант! — воскликнула леди Элен, обняв девушку и целуя мальчугана в пухлые щеки.

— Сударыня, — взволнованно обратилась к Элен мисс Грант, — что вам известно о кораблекрушении, которое потерпела «Британия»? Жив ли отец? Увидим ли мы его когда-нибудь? Скажите, умоляю вас!

— Милая девочка! Я не хочу внушать вам призрачных надежд.

— Говорите, сударыня, говорите! Я много испытала и готова ко всему.

— Милое дитя, — ответила Элен, — хотя надежды очень мало, но с помощью всемогущего бога, быть может, настанет день, когда вы снова увидите вашего отца.

— Боже мой, боже мой!.. — воскликнула мисс Грант и, не в силах более сдерживаться, разрыдалась.

Роберт горячо целовал руки Элен Гленарван.

Когда миновал первый порыв этой горестной радости, молодая девушка засыпала Элен бесчисленными вопросами. Та рассказала ей историю находки документов и их содержание. Дети узнали, что «Британия» потерпела крушение у берегов Патагонии, что капитан и два матроса, спасшиеся после катастрофы, повидимому, добрались до материка, и, наконец, что они написали записки на трех языках, взывавшие о помощи ко всему свету, и доверили их прихоти океана.

Во время этого рассказа Роберт Грант не спускал глаз с Элен. Казалось, его жизнь зависела от ее слов. Детское воображение воссоздавало ужасные сцены, пережитые отцом. Он видел его на палубе «Британии», он плыл вместе с ним по волнам, вместе с ним он цеплялся за прибрежные скалы, задыхаясь, полз по песку за черту прибоя. Много раз во время рассказа мальчик восклицал:

— О, мой бедный отец! — И крепче прижимался к сестре.

Мисс Грант выслушала рассказ со сложенными руками, не проронив ни слова.

— А документ, покажите мне документ, сударыня! — воскликнула молодая девушка, как только Элен закончила рассказ.

— У меня его нет, милая девочка, — ответила та.

— У вас его нет!

— В интересах вашего отца лорд Гленарван увез документ в Лондон. Но я дословно передала вам его содержание и рассказала, каким образом удалось его прочесть. Среди обрывков почти смытых фраз волны пощадили несколько цифр, но, к несчастью, долготы...

— Обойдемся без нее! — воскликнул мальчуган.

— Конечно, мистер Роберт, — согласилась Элен, улыбаясь решительности юного Гранта. — Итак, мисс Грант, — обратилась она снова к молодой девушке, — вам известны малейшие подробности документа так же хорошо, как и мне самой.

— Да, сударыня, — ответила девушка, — но я хотела бы видеть почерк отца!

— Что ж, быть может, завтра лорд Гленарван возвратится домой. Имея в руках столь неоспоримый документ, он решил представить его в адмиралтейство и добиться немедленной отправки судна на поиски капитана Гранта.

— Возможно ли это! — воскликнула девушка. — Неужели вы сделаете это для нас?

— Да, дорогая, и я с минуты на минуту жду мужа.

— Сударыня, — с глубокой признательностью пылко воскликнула девушка, — пусть бог благословит вас и лорда Гленарвана.

— Милая девочка, — ответила Элен, — мы не заслуживаем никакой благодарности: всякий на нашем месте сделал бы то же самое. Лишь бы оправдались наши надежды! А до возвращения мужа вы, разумеется, останетесь в замке...

— Сударыня, я не смею злоупотреблять вашей добротой, ведь мы для вас чужие люди.

— Чужие! Нет, милое дитя, ни вы, ни ваш брат не чужие в этом доме. Я хочу, чтобы лорд Гленарван, вернувшись домой, рассказал детям капитана Гранта, что предпринято для спасения их отца.

Невозможно было отказаться от столь радушного приглашения. Мисс Грант и ее брат остались в Малькольм-Касле ожидать возвращения Гленарвана.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Предложение Элен Гленарван

Говоря с детьми капитана Гранта, леди Элен умолчала о тех затруднениях, которые встретил в адмиралтействе лорд Гленарван. Не намекнула она также ни одним словом на вероятность того, что капитан Грант попал в плен к южноамериканским индейцам. К чему было огорчать бедных детей и омрачать только что вспыхнувшую в них надежду. Это все равно не меняло бы положение дел. Итак, умолчав обо всем этом и ответив на все вопросы мисс Грант, Элен в свою очередь стала расспрашивать молодую девушку о ее жизни, о ее положении в этом мире, где, как это выяснилось, она была единственной опорой брата.

Простой и трогательный рассказ молодой девушки еще больше расположил к ней Элен Гленарван.

Мери и Роберт были единственными детьми капитана Гранта. Гарри Грант лишился жены при рождении Роберта и на время своих длительных отлучек поручал детей заботам своей доброй старой двоюродной сестры. Капитан Грант был отважным моряком, прекрасно знавшим свое дело. Будучи одновременно и опытным мореплавателем и опытным купцом, он объединял таким образом в себе дарования, необходимые для шкипера морского флота. Жил он в Шотландии, в городе Дунде графства Перт, и был коренным шотландцем. Отец его, министр при Сент-Катрин Шурш, дал ему прекрасное образование, считая, что знания никогда никому не могут повредить, даже капитану дальнего плавания.

Первые дальние плавания Гарри Гранта, сначала в качестве помощника капитана, а затем капитана, были удачны, и через несколько лет после рождения сына он уже обладал кое-какими сбережениями.

Вот тогда-то его осенила смелая мысль, создавшая ему популярность в Шотландии. Капитан Грант, подобно Гленарвану, как и ряд других знатных шотландских семейств, считал Англию поработительницей Шотландии. По мнению Гранта, интересы его родины не совпадали с интересами англосаксов, и он решил основать шотландскую колонию на одном из островов Тихого океана. Мечтал ли он, что эта колония когда-нибудь, по образцу Соединенных Штатов Америки, добьется независимости? Той независимости, которую неизбежно, рано или поздно, завоюют Индия и Австралия? Возможно! Быть может, он даже выдал кое-кому свои тайные помыслы. Не удивительно поэтому, что английское правительство отказалось содействовать осуществлению его планов. Больше того, оно чинило капитану Гранту всяческие препятствия, которые в любой иной стране сломили бы человека, но он не пал духом, он воззвал к патриотизму соотечественников, построил, отдав свое состояние, судно «Британия» и, подобрав отборную команду, отплыл исследовать крупные острова Тихого океана. Детей же оставил на попечении старой двоюродной сестры. Это было в 1861 году. В течение следующего года, вплоть до мая 1862 года, он давал о себе знать. Но после отплытия из Кальяо, в июне месяце 1862 года, никто ничего не слышал о «Британии», и «Газетт маритим» упорно молчала о судьбе капитана Гранта.

Сестра Гарри Гранта неожиданно умерла, и дети остались одни. Мери Грант было в ту пору четырнадцать лет. Мужественная девочка, оказавшись в столь тяжелом положении, не пала духом и всецело посвятила себя воспитанию брата, еще совсем ребенка. Благоразумная и предусмотрительная, ценой жестокой экономии, работая день и ночь, она отказывала себе во всем ради брата и, воспитывая его, сумела заменить ему мать.

Осиротевшие дети жили в Дунде, мужественно борясь с нуждой. Эта юная пара была трогательна. Мери думала лишь о брате, мечтая для него о счастливом будущем. Она была, увы! твердо убеждена

в том, что «Британия» погибла и отца больше нет в живых. Легко представить себе волнение Мери, когда случайно попавшееся ей на глаза объявление в «Таймсе» вывело ее из того отчаяния, в которое она была погружена.

Не колеблясь, она решила тотчас же действовать. Если б она даже узнала, что тело капитана Гранта найдено на пустынном берегу среди обломков потерпевшего аварию судна, то это было бы лучше, чем непрерывное сомнение, вечная пытка неизвестности. Она все рассказала брату. В тот же день дети капитана Гранта сели в поезд, направлявшийся в Перт, и вечером прибыли в Малькольм-Касл, где Мери после стольких душевных мук вновь обрела надежду.

Вот трогательная история, которую Мери Грант поведала леди Гленарван. Она рассказала обо всем просто, даже не подозревая, что в долгие годы испытаний она вела себя как героиня.

Элен была расстрогана до слез, и, слушая грустную повесть Мери, она не один раз обнимала детей.

Роберту казалось, что он узнал эту историю в первый раз, и он слушал рассказ сестры с широко раскрытыми глазами. Он впервые понял, сколь многим обязан сестре, как много она выстрадала. Крепко обняв ее, мальчик вскричал:

— Ах, мамочка, дорогая моя мамочка!

Этот крик вырвался из глубины его сердца.

Наступила ночь, и леди Элен, понимая, что дети устали, прервала беседу. Мери и Роберта Гранта отвели в предназначенные им комнаты, и они уснули, мечтая о светлом будущем.

После их ухода Элен попросила к себе майора и вкратце поведала ему происшествие этого вечера.

— Какая славная девушка, эта Мери Грант, — сказал Мак-Наббс, выслушав рассказ Элен.

— Лишь бы мужу удалось добиться успеха в этом деле, — промолвила Элен, — иначе положение детей действительно будет ужасным!

— Гленарван добьется своего, — отозвался Мак-Наббс. — Если только у лордов адмиралтейства сердца не тверже портлендского цемента.

Несмотря на это заверение, Элен провела очень беспокойную ночь.

На следующее утро Мери и Роберт, проснувшиеся с зарей, прогуливались по обширному двору замка, как вдруг послышался шум приближающегося экипажа. Лорд Гленарван возвращался в Малькольм-Касл. Лошади мчались во весь опор.

Тотчас же во дворе появилась Элен в сопровождении майора и бросилась навстречу мужу.

Он казался печальным, разочарованным, гневным. Он молча обнял жену.

— Ну что, Эдуард? — спросила Элен.

— Плохо, дорогая Элен, это люди без сердца! — ответил лорд Гленарван.

— Они отказали?

— Да, отказались послать судно! Они говорили о миллионах, зря затраченных на розыски Франклина. Они утверждали, будто документ неясен, непонятен. Они говорили, что катастрофа эта относится к отдаленному времени, что прошло уж два года, и найти пострадавших очень мало шансов. Они уверяли, что индейцы давно уже увели их вглубь страны, что нельзя, наконец, обыскать всю Патагонию ради трех человек — к тому же шотландцев! Эти, мол, рискованные, безрезультатные поиски погубят больше людей, нежели спасут жизней. Словом, они привели все возражения людей, решивших отказать в помощи. Они помнят о проектах капитана, и несчастный Грант безвозвратно погиб!

— Отец! Бедный мой отец! — воскликнула Мери Грант, падая на колени перед лордом Гленарваном.

— Ваш отец? — спросил недоуменно Гленарван, глядя на девушку у своих ног. — Неужели, мисс...

— Да, Эдуард, — вмешалась Элен, — это мисс Мери и ее брат Роберт — дети капитана Гранта, которых адмиралтейство только что обрекло на сиротство.

— Ах, мисс, — сказал Гленарван, помогая девушке подняться, — если б я знал о вашем присутствии...

Он умолк. Тягостное молчание, прерываемое рыданиями, воцарилось во дворе замка. Никто не проронил ни слова: ни Гленарван, ни Элен, ни майор, ни слуги,

безмолвно стоявшие вокруг своих хозяев. Но по всему видно было, что эти шотландцы возмущены поведением английского адмиралтейства.

После нескольких минут молчания майор спросил Гленарвана:

— Итак, у вас нет никакой надежды?

— Никакой!

— Ну что ж! В таком случае, я сам отправлюсь к этим господам, — воскликнул юный Роберт, — и мы посмотрим...

Сестра не дала ему договорить, но сжатый кулак мальчугана указывал на его отнюдь не миролюбивые намерения.

— Нет, Роберт, нет! — проговорила Мери Грант. — Поблагодарим великодушных господ этого замка за все, что они для нас сделали, — мы никогда в жизни не забудем этого, — и уедем.

— Мери! — воскликнула леди Элен.

— Что вы собираетесь предпринять? — спросил лорд Гленарван молодую девушку.

— Я брошусь к стопам королевы, — ответила девушка, — и посмотрим, останется ли она глуха к мольбам детей, просящих спасти жизнь их отца.

Гленарван покачал головой: и не потому, что сомневался в добром сердце ее величества, а потому, что знал, — Мери Грант не допустят до королевы.

Слишком редко доходят мольбы до подножия трона, и кажется, что над входом царских дворцов начертаны слова, которые англичане помещают у штурвала своих кораблей: «Passengers are requested not to speak to the man at the wheel»¹.

Леди Элен поняла мужа. Она знала, что попытка девушки обречена на неудачу. Пред ней предстала несчастная участь этих детей. Но тут ее осенила великодушная и благородная мысль.

— Мери Грант! — воскликнула она. — Подождите, мое дитя. Выслушайте меня.

Девушка, держа брата за руку, собиралась уходить. Она остановилась.

¹ Просят пассажиров не разговаривать с рулевым.

Элен, взволнованная, с влажными, полными слез глазами, обратилась к мужу.

— Эдуард! — сказала она твердым голосом. — Капитан Грант, бросая в море это письмо, вверял свою судьбу тому, кому оно попадет в руки. Оно попало к нам...

— Что вы хотите сказать этим, Элен? — спросил Гленарван.

Все вокруг молчали.

— Я хочу сказать, — продолжала Элен, — что начать супружескую жизнь добрым делом, это — счастье. Вы, Эдуард, собирались предпринять увеселительную поездку, но какое удовольствие может сравниться со счастьем спасти жизнь обездоленным людям, которых собственная родина бросила на произвол судьбы.

— Элен! — воскликнул Гленарван.

— Вы поняли меня, Эдуард? «Дункан» — прочное судно. Оно смело может плавать в Южных морях. Оно совершит кругосветное путешествие, если понадобится. Едем, Эдуард! Едем на поиски капитана Гранта!

При этих словах Гленарван обнял свою молодую жену. Он улыбался, а Мери и Роберт целовали ей руки. Во время этой трогательной сцены слуги замка, умиленные и взволнованные, оглашали воздух восторженными криками:

— Ура! Да здравствует наша молодая хозяйка замка! Ура! Трижды ура лорду и леди Гленарван!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Отплытие «Дункана»

Мы уже говорили, что леди Элен обладала мужественным и великодушным сердцем. Ее предложение бесспорно доказывало это. Лорд Гленарван вправе был гордиться такой благородной женой, способной понимать его и идти с ним рука об руку. Еще в Лондоне, когда его ходатайство было отклонено, ему пришла в голову мысль самостоятельно организовать поиски капитана Гранта. Он не заговорил о ней пер-

вый только потому, что не мог еще свыкнуться с мыслью о разлуке с Элен. Но когда Элен это предложила, никаким колебаниям не могло быть места. Слуги замка восторженно приветствовали это предложение — ведь речь шла о спасении братьев по крови, таких же шотландцев, как они. И лорд Гленарван от всего сердца присоединил свой голос к крикам «ура» в честь молодой госпожи Малькольм-Касла.

Поскольку отплытие было решено, каждая минута была на счету. В тот же день лорд Гленарван послал Джону Манглсу приказ привести «Дункан» в Глазго и сделать все необходимые приготовления для плавания в Южных морях — плавания, которое могло превратиться в кругосветное путешествие. Надо сказать, что Элен, утверждая, что «Дункан» годен для такой экспедиции, не преувеличила мореходных качеств яхты. Это было замечательно прочное и быстроходное судно, которое смело могло выдержать любое дальнейшее плавание.

«Дункан» был превосходной паровой яхтой. Водоизмещение ее было двести десять тонн, а первые суда, достигшие берегов Америки, суда Колумба, Пинсона, Веспуччи, Магеллана, были гораздо меньших размеров¹.

Яхта «Дункан» была двухмачтовым бригом. Она имела фок-мачту с марселем и брамстенгой и грот-мачту с контр-бизанью и флагштоком; кроме того, треугольный парус — фор-стаксель, большой и малый кливера, а также штаговые паруса. Вообще оснастка «Дункана» была достаточна для того, чтобы он управлялся, как обыкновенный клипер. Но, конечно, главным его двигателем являлась паровая машина в сто шестьдесят лошадиных сил, новейшей системы и снабженная перегревателями, позволяющими поднимать давление пара до очень высокого уровня, и приводившая в движение два винта. Идя на всех парах, «Дун-

¹ Четвертое путешествие в Америку Христофор Колумб совершил на четырех судах. Самое большое из них — каравелла, на которой плыл Колумб, — было водоизмещением в семьдесят тонн, а самое малое судно — в пятьдесят тонн. Это были суда, пригодные лишь для каботажного плавания. (Прим. автора.)

кан» развивал наибольшую скорость. Действительно, во время пробного плавания в заливе Клайда патент-лаг¹ показал скорость в семнадцать морских миль в час².

Таким образом, «Дункан» мог смело отправиться даже в кругосветное плавание.

Джону Манглсу нужно было позаботиться лишь о внутреннем переоборудовании судна. Прежде всего он приказал расширить угольные ямы, чтобы погрузить как можно больше угля, ибо в пути не так-то легко возобновить запасы топлива. Ту же меру предосторожности Джон Манглс предпринял для пополнения камбуза³. Он умудрился сделать почти двухгодичный запас провизии. Правда, недостатка в деньгах у него не было; он даже приобрел небольшую пушку, которую установил на шканцах яхты. Никогда нельзя предвидеть грядущих событий, а в таком случае не мешает располагать орудием, которое может выстрелить восьмифунтовым ядром на расстоянии свыше четырех миль.

Джон Манглс был знатоком своего дела и, хотя командовал лишь увеселительной яхтой, считался одним из лучших шкиперов Глазго. Ему было тридцать лет. Несколькo суровые черты лица его дышали мужеством и добротой. Ребенком он был взят в замок Малькольм-Касл. Семья Гленарван госпитала его и сделала из него прекрасного моряка. Он успел совершить уже несколько дальних плаваний, неоднократно давая доказательства энергии и хладнокровия. Когда лорд Гленарван предложил ему командование «Дунканом», он охотно согласился, ибо любил владельца Малькольм-Касла, как брата, и искал случая выказать ему свою преданность.

Помощник Джона Манглса, Том Остин, был старым моряком, заслуживающим полного доверия. Судовая команда «Дункана», включая капитана и его помощника, состояла из двадцати пяти человек. Все

¹ Патент-лаг — прибор, показывающий скорость движения судна.

² Морская миля равняется 1852 метрам.

³ Камбуз — кухня.

испытанные моряки, все уроженцы графства Думбартон, все дети арендаторов. На яхте они образовали как бы клан¹ храбрых шотландцев. Среди них были даже традиционные «волынщики»². Таким образом, Гленарван имел в своем распоряжении команду преданных, отважных, горячо любящих свое дело, верных, опытных моряков, умеющих владеть оружием и вести судно, готовых встретить на пути любую опасность. Когда команда «Дункана» узнала, куда отправляется яхта, то моряки не могли сдержать свою радость, и эхо думбартонских скал повторило восторженные крики «ура».

Как ни усердно занимался Джон Манглс погрузкой на «Дункан» топлива и провианта, он не забыл позаботиться о подготовке для дальнего плавания помещений лорда и леди Гленарван. Одновременно он позаботился и о каютах для детей капитана Гранта, так как леди Элен не могла отказать в просьбе Мери взять ее с собой на борт «Дункана».

Юный Роберт скорее спрятался бы в трюме, чем остался на берегу. Даже если бы ему пришлось быть юнгой, как Нельсону и Франклину, он отправился бы в плавание на «Дункане». Ну как можно было отказать такому мальчугану! Никто и не пытался. Пришлось принять его на яхту не как пассажира, на что он не соглашался, а как члена экипажа: в качестве юнги, ученика или матроса, что ему было безразлично. Джону Манглсу было поручено обучать его морскому делу.

— Прекрасно! — заявил Роберт. — Пусть капитан не щадит меня и не скупится угощать ударами «кошки-девятихвостки»³, если я окажусь плохим учеником.

— Будь спокоен, мой мальчик, — серьезным тоном ответил Гленарван, умолчав о том, что кошки-девятихвостки на борту «Дункана» были запрещены, да в них на яхте не было никакой необходимости.

Чтобы закончить список пассажиров яхты, надо

¹ Клан — семья, род.

² Волынщик — игрок на волынке в шотландских полках.

³ Кошка-девятихвостка — плеть из девяти ремней, применявшаяся для телесных наказаний во флоте.

упомануть майора Мак-Наббса. Это был мужчина пятидесяти лет с правильными, спокойными чертами лица, дисциплинированный; он слыл за человека с прекрасным, ровным характером: скромный, молчаливый, мирный и добродушный, всегда готовый пойти, куда его посылают, всегда во всем согласный, никогда не спорящий, не теряющий хладнокровия. Он одинаково спокойно подымался как по лестнице в свою спальню, так и на откос обстреливаемой траншеи: не волнуясь, не выходя из себя даже от взрыва бомбы. Вероятно, ему суждено было умереть, так и не найдя случая разгневаться. Майор Мак-Наббс не только проявлял храбрость на полях сражений и обладал обычной для военных физической мощью, свойственной людям большой мускульной силы, но, что было гораздо важнее, у него было нравственное мужество, сила духа. Его единственной слабостью был неумеренный шотландский патриотизм. Он был чистокровным сыном горной Шотландии и упорно придерживался всех старинных обычаев своей родины. Поэтому его никогда не соблазняла служба в английской армии, и свой морской чин он получил в 42-м полку горной гвардии, командный состав которого пополнялся исключительно шотландскими дворянами. Будучи близким родственником Гленарвана, Мак-Наббс постоянно жил в Малькольм-Касле, а в качестве майора счел естественным принять участие в экспедиции на «Дункане».

Таковы были пассажиры яхты, призванные непредвиденными обстоятельствами совершить одно из самых изумительных путешествий наших дней.

С тех пор как «Дункан» ошвартовался у паровой пристани Глазго, он не переставал возбуждать любопытство публики. Ежедневно его посещало множество людей, только о нем и говорили, к великому неудовольствию других капитанов, в том числе капитана Бёртона, который командовал великолепным пароходом «Шотландия», стоявшим у пристани бок о бок с «Дунканом» и готовившимся отплыть в Калькутту. Капитан этого громадного парохода действительно вправе был смотреть свысока на своего крошку-соседа «Дункана».

А между тем всеобщий интерес к яхте возрастал с каждым днем.

День отплытия «Дункана» приближался. Джон Манглс проявил себя капитаном умелым и энергичным. Спустя месяц со дня испытания яхты в заливе Клайд «Дункан», снабженный топливом, провиантом, оборудованный для дальнего плавания, был готов выйти в море. Отплытие назначили на 25 августа. Таким образом, яхта могла прибыть в южные широты приблизительно к началу весны.

Как только проект Гленарвана стал известен, ему пришлось выслушать ряд предостережений о трудностях и опасностях экспедиции. Но Гленарван не обращал на это ни малейшего внимания, и решение его идти на поиски капитана Гранта осталось непоколебимым. Впрочем, многие, порицавшие Гленарвана, в душе восхищались им. В конце концов общественное мнение открыто стало на сторону шотландского лорда, и все газеты, за исключением правительственных, единодушно порицали поведение лордов адмиралтейства. Впрочем, Гленарван был столь же равнодушен к похвалам, как и к порицаниям, — он выполнял свой долг, а до остального ему было мало дела.

24 августа Гленарван, леди Элен, майор Мак-Наббс, Мери Грант и Роберт Грант, мистер Олбинет, стюард¹ яхты, и его жена, миссис Олбинет, состоявшая горничной при леди Элен Гленарван, покинули Малькольм-Касл. Слуги, преданные семье Гленарван, трогательно прощались с ними.

Через несколько часов путешественники были уже на борту «Дункана». Население Глазго восторженно приветствовало леди Элен, молодую мужественную женщину, которая отказалась от безмятежных радостей комфортабельной жизни и спешила на помощь несчастным, потерпевшим кораблекрушение.

Помещения лорда Гленарвана и его жены находились на корме и состояли из двух спален, салона и двух небольших ванн комнат. Затем шла общая зала, куда выходили шесть кают. Пять из них были

¹ С т ю а р д — буфетчик.

заняты Мери и Робертом Грант, мистером и миссис Олбинет и майором Мак-Наббсом. Каюты Джона Манглса и Тома Остина были расположены на носу яхты, и двери их выходили на палубу. Команда с большими удобствами была размещена в подпалубном пространстве, ибо на яхте не было иного груза, кроме угля, провианта и оружия. Таким образом, капитан, получив в свое распоряжение обширное помещение внутри судна, умело его использовал.

«Дункан» должен был выйти в море в ночь с 24-го на 25-е августа, около трех часов утра, с началом отлива, но до отплытия яхты население Глазго было свидетелем трогательного зрелища. В восемь часов вечера лорд Гленарван и его гости, вся команда экипажа от кочегара до капитана включительно, все, кто принимал участие в предстоящей экспедиции, отбыли с яхты и направились в Сен-Мунго, старинный собор в Глазго, который столь живописно рисует Вальтер Скотт. Собор этот, уцелевший среди опустошений, произведенных еще со времен Реформации, принял под свои величественные своды пассажиров и моряков «Дункана». Среди обширного нефа, усеянного, словно кладбище, надгробными плитами, высокопочтенный Мортон призвал благословение божье на путешественников, молясь о даровании им благополучного плавания. И вот в древней церкви зазвучал голос Мери Грант. Девушка пела и в молитве возносила благодарность и хвалу своим благодетелям и богу.

В одиннадцать часов вечера все собрались на борту яхты. Капитан и команда занялись последними приготовлениями к отплытию. В полночь стали разводять пары. Капитан отдал приказ быстрее подбрасывать уголь, и вскоре клубы черного дыма смешались с ночным туманом. Паруса — они не могли быть использованы, ибо дул юго-западный ветер, — были тщательно завернуты в холщовые чехлы для защиты их от копоты.

В два часа ночи корпус «Дункана» задрожал; манометр показывал давление в четыре атмосферы; перегретый пар со свистом вырвался из клапанов. Между приливом и отливом наступил временный штиль. Начинало светать, и можно было разглядеть фарватер

реки Клайд, его бакены с потускневшими при свете фонарями. Наступил час отплытия. Джон Манглс приказал известить Гленарвана, и тот не замедлил подняться на палубу.

Вскоре начался отлив. Прозвучали громкие гудки «Дункана»: отдали концы каната, и, отделившись от окружавших кораблей, яхта отчалила от пристани. Заработал винт, и «Дункан» двинулся по фарватеру реки. Джон не взял лодмана; он прекрасно знал все извилины реки Клайд, и никто лучше его не вывел бы судно в открытое море. Яхта была послушна его воле. Правой рукой он управлял машиной, а левой — молча и уверенно вращал штурвал. Вскоре последние заводы, расположенные по берегам, сменились виллами, живописно разбросанными по прибрежным холмам, и городской шум замер вдали.

Час спустя «Дункан» проплыл мимо скал Думбартона, еще через два часа был в заливе Клайд. В шесть часов утра яхта обогнула мыс Малл-оф-Кинтайр и вышла из Северного пролива в открытый океан.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Пассажиры каюты номер шесть

В первый день плавания море было бурным, к вечеру подул свежий ветер. «Дункан» сильно качало. Поэтому женщины не появлялись на палубе. Они лежали в каютах, что было весьма благоразумно.

На следующий день ветер круто изменил направление. Капитан Джон Манглс приказал поставить фок, контр-бизань и малый марсель, и «Дункан» стал устойчивее — меньше чувствовалась боковая и килевая качка. Леди Элен и Мери Грант могли с самого утра подняться на палубу, где уже находились Гленарван, майор и капитан.

Восход солнца был великолепен. Дневное светило, похожее на позолоченный диск, поднималось из океана, словно из колоссальной гальванической ванны. «Дункан» скользил в потоках лучезарного света, и ка-

залось, то не ветер, а солнечные лучи надувают его паруса.

Пассажиры яхты благоговейно созерцали появление дневного светила.

— Что за дивное зрелище! — проговорила Элен. — Восход солнца предвещает прекрасный день. Только бы ветер не переменился, остался попутным!

— Трудно желать более благоприятного ветра, дорогая Элен, — отозвался Гленарван, — и нам не приходится сетовать на такое начало нашего путешествия.

— А скажите, дорогой Эдуард, как долог наш путь?

— На это вам ответит только капитан Джон, — сказал Гленарван. — Как мы идем, Джон? Довольны ли вы своим судном?

— Очень доволен, сэр. Это отличное судно — моряку приятно чувствовать его под ногами. И машина и корпус как нельзя лучше подходят друг к другу. Вот почему яхта, как вы сами видите, оставляет за собой такой ровный след и так легко уходит от волны. Мы идем со скоростью семнадцати морских миль в час; если скорость не снизится, то дней через десять пересечем экватор и менее чем через пять недель обогнем мыс Горн.

— Вы слышите, Мери? Меньше чем через пять недель! — обратилась к молодой девушке леди Элен.

— Да, сударыня, — ответила Мери. — Я слышала, и мое сердце сильно забилося при словах капитана.

— Как вы переносите плавание, мисс Мери? — спросил Гленарван.

— Неплохо, сэр. А вскоре надеюсь совсем освоиться с морем.

— А наш юный Роберт?

— О, Роберт!.. — вмешался Джон Манглс. — Если его нет сейчас в машинном отделении, то, значит, он взобрался на мачту. Этот мальчуган не знает, что такое морская болезнь... Да вот полюбуйтесь сами. Видите, где он?

Все взоры устремились туда, куда указывал капитан, — на фок-мачту: там футах в ста от палубы, на

снастях брамстенги, висел Роберт. Мери невольно вздрогнула.

— О, успокойтесь, мисс! — сказал Джон Манглс. — Я вам ручаюсь за него. Обещаю, что в недалеком будущем я представлю капитану Гранту лихого молодца, — ибо нисколько не сомневаюсь, что мы разыщем этого достойного капитана.

— О, пусть вас услышит небо! — ответила девушка.

— Милая мисс Мери, — вновь заговорил Гленарван, — все предвещает нам удачу. Взгляните на этих славных молодцов, взявшихся за это прекрасное дело. С ними мы не только добьемся успеха, но легко достигнем его. Я обещал леди Элен увеселительную прогулку и верю, что сдержу слово.

— Эдуард, вы лучший из людей! — воскликнула Элен Гленарван.

— Отнюдь нет, но у меня лучшая команда на лучшем судне. Разве вы не восхищаетесь нашим «Дунканом», мисс Мери?

— Конечно, сэр, — ответила девушка, — не только как пассажирка, но и как настоящий знаток.

— Вот как?

— Будучи ребенком, я постоянно играла на кораблях отца. Он хотел воспитать из меня моряка. Если понадобится, я и теперь могу взять рифы или поставить парус.

— Что вы говорите, мисс! — воскликнул Джон Манглс.

— Если так, — сказал Гленарван, — то вы в лице капитана Джона, несомненно, будете иметь большого друга, ибо профессию моряка он ставит выше любой иной, даже для женщины. Не правда ли, Джон?

— Совершенно верно, сэр, — ответил молодой капитан, — но я должен признаться, что, по-моему, мисс Грант более пристало находиться в рубке, чем ставить брамсель. Но все же моему самолюбию моряка льстят ее слова.

— А особенно когда она восхищается «Дунканом»... — добавил Гленарван.

— ...который того вполне заслуживает, — ответил Джон Манглс.

— Право, вы так гордитесь вашей яхтой, — сказала леди Элен, — что мне захотелось осмотреть ее сверху донизу и заодно поглядеть, как устроились наши славные матросы в кубрике.

— Очень удобно, — ответил Джон Манглс: — не хуже, чем дома.

— А они действительно дома, дорогая Элен, — сказал Гленарван. — Эта яхта — уголок нашей старой Шотландии, это кусок графства Думбартон, плывущий по волнам океана; таким образом, мы не покинули нашей родины: «Дункан» — это замок Малькольм-Касл, а океан — озеро Ломонд.

— Ну, тогда, дорогой Эдуард, покажите нам ваш замок, — шутливо промолвила Элен.

— К вашим услугам! — ответил Гленарван. — Но позвольте предупредить Олбинета.

Стюард «Дункана» Олбинет был превосходный метрдотель, достойный быть по своему внушительному виду метрдотелем во Франции, так усердно и умно он исполнял свои обязанности. Олбинет немедленно явился.

— Олбинет, мы хотим прогуляться перед завтраком, — сказал Гленарван таким тоном, словно дело шло о прогулке в окрестностях замка. — Надеюсь, что к нашему возвращению завтрак будет сервирован.

Олбинет важно поклонился.

— Вы пойдете с нами, майор? — спросила Мак-Наббс Элен.

— Если прикажете, — ответил он.

— О, майор наслаждается своей сигарой, — вмешался Гленарван, — не мешайте ему. Знаете, мисс Мери, он страстный курильщик, он даже спит с сигарой во рту.

Майор кивнул головой и остался, остальные спустились в кубрик.

Оставшись один на палубе, Мак-Наббс, по обыкновению, вступил сам с собой в беседу, окутавшись густыми облаками дыма, и, не двигаясь, глядел на пенистый след за кормой яхты. После нескольких минут безмолвного созерцания он повернулся и вдруг увидел рядом с собой какого-то человека. Если бы вообще

что-нибудь могло удивить майора, то именно подобная встреча, ибо этот пассажир был ему совершенно незнаком.

Это был высокий, сухощавый человек лет сорока. Он походил на длинный гвоздь с широкой шляпкой. Голова у него была круглая, крепкая, лоб высокий, нос длинный, рот большой и выдающийся вперед подбородок. Глаза скрывались за огромными круглыми очками и имели какое-то неопределенное выражение, присущее обычно никталопам¹. Лицо у него было умное и веселое. В нем не было отталкивающего выражения, присущего чопорным людям, которые из принципа никогда не смеются, скрывая свое ничтожество под личиной серьезности. Отнюдь нет. Непринужденность, милая бесцеремонность незнакомца — все говорило о том, что он склонен видеть в людях и вещах лишь хорошее. Хоть он еще не вымолвил ни слова, но видно было, что он говорун и очень рассеянный человек, вроде тех людей, которые смотрят и не замечают, слушают и не слышат. На нем была дорожная фуражка, бархатные коричневые панталоны, той же материи куртка с бесчисленными карманами, которые были туго набиты всевозможными записными книжками, блокнотами, бумажниками, одним словом, множеством ненужных и обременительных предметов; обут он был в грубые желтые ботинки и кожаные гетры. Через плечо у него болталась на ремне подозрная труба.

Суетливость незнакомца представляла резкий контраст с невозмутимым спокойствием майора. Он вертелся вокруг Мак-Наббса, рассматривал его со всех сторон, кидал на него вопросительные взгляды, а тот, казалось, нисколько не интересовался ни тем, откуда взялся этот господин, ни тем, куда он направляется, ни тем, почему он оказался на борту «Дункана».

Когда загадочный незнакомец увидел, что все его попытки разбиваются о равнодушие майора, он схватил свою подозрную трубу — раздвинутая в длину, она имела четыре фута — и, расставив ноги, неподвижный,

¹ Никтало́пия — особенное свойство глаз видеть в темноте предметы лучше, чем при ярком свете.

похожий на дорожный столб, направил ее на линию горизонта, а минут через пять опустил ее и оперся на нее, словно на трость; но вдруг труба сложилась, колена ее скользнули одно в другое, и новый пассажир, потерявший точку опоры, чуть не растянулся у грот-мачты.

Всякий другой на месте майора непременно улыбнулся бы, но он и бровью не повел. Незнакомец решил действовать иначе.

— Стюард! — крикнул он с иностранным акцентом и прислушался.

Никто не появлялся.

— Стюард! — повторил он громче.

Мистер Олбинет проходил как раз в камбуз, находившийся под шканцами. Он был очень удивлен, когда услышал, что его столь бесцеремонно окликают какой-то долговязый незнакомец.

«Откуда он взялся? — спросил себя Олбинет. — Друг мистера Гленарвана? Нет, это невозможно!»

Он поднялся на ют и подошел к незнакомцу.

— Вы стюард этого судна? — спросил тот.

— Да, сэр, но я не имею чести...

— Я пассажир каюты номер шесть, — не дал договорить ему незнакомец.

— Каюты номер шесть? — повторил Олбинет.

— Ну да. А как ваше имя?

— Олбинет.

— Хорошо, друг мой Олбинет, — сказал незнакомец каюты номер шесть, — позаботьтесь о завтраке, да поживее. Вот уже тридцать шесть часов, как я не ел. Собственно говоря, я проспал тридцать шесть часов, что вполне простительно человеку, без единой остановки примчавшемуся из Парижа в Глазго. Скажите, пожалуйста, в котором часу здесь завтракают?

— В девять, — машинально ответил Олбинет.

Незнакомец пожелал взглянуть на свои часы, это заняло немало времени, ибо он обнаружил часы лишь в девятом кармане.

— Хорошо. Но сейчас нет еще и восьми! Ну вот что, Олбинет, дайте-ка мне пока что бисквиты и стакан шерри, а то я упаду от истощения.

Олбинет слушал, ничего не понимая, а незнакомец продолжал болтать, перескакивая с поразительной быстротой с предмета на предмет.

— Ну, а где же капитан? Он еще не встал? А его помощник? Тот что, тоже спит? — трещал незнакомец. — К счастью, погода хорошая, ветер попутный, судно идет само собой.

Как раз в эту минуту на трапе появился Джон Манглс.

— Вот капитан, — объявил Олбинет.

— Ах, я очень рад! — воскликнул незнакомец. — Очень рад познакомиться с вами, капитан Бёртон!

Если кто и был изумлен, то, несомненно это был Джон Манглс, и не только потому, что его называли капитаном Бёртоном, но и потому, что он увидел незнакомца на борту своего судна.

А тот продолжал рассыпаться в любезностях.

— Позвольте пожать вам руку, — сказал он. — Если я не сделал этого третьего дня вечером, то лишь потому, что не следует никого беспокоить в момент отплытия. Но сегодня, капитан, я счастлив познакомиться с вами.

Джон Манглс широко открыл глаза и с удивлением смотрел то на Олбинета, то на незнакомца.

— Теперь мы познакомимся с вами, дорогой капитан, — продолжал незнакомец, — теперь мы с вами друзья. Давайте поболтаем. Скажите, довольны вы своей «Шотландией»?

— О какой «Шотландии» вы говорите? — спросил, наконец, Джон Манглс.

— О пароходе «Шотландия», на котором мы находимся. Прекрасное судно. Мне расхвалили его за внешние качества и за высокие моральные достоинства его командира, славного капитана Бёртона! Вы не родственник великого африканского путешественника Бёртона? Отважный человек! Если он ваш родственник, примите мои горячие поздравления!

— Сэр, я не только не родственник путешественника Бёртона, но я даже и не капитан Бёртон, — ответил Джон Манглс.

— А-а... — протянул незнакомец. — Значит, я говорю с помощником капитана Бёртона, мистером Берднессом?

— Мистер Берднесс? — переспросил Джон Манглс, начиная уже подозревать истину, но не понимая, кто перед ним: сумасшедший или чужак. Только что молодой капитан хотел окончательно выяснить это, как на палубе появились лорд Гленарван, его жена и мисс Грант.

Увидев их, незнакомец воскликнул:

— А, пассажиры! Пассажиры! Чудесно! Надеюсь, мистер Берднесс, вы представите меня...

И, не ожидая ответа Джона Манглса, поспешил к ним навстречу.

— Миссис... — сказал он мисс Грант. — Мисс... — сказал он Элен. — Сэр... — прибавил он, обращаясь к лорду Гленарвану.

— Лорд Гленарван, — пояснил Джон Манглс.

— Сэр, — продолжал незнакомец, — я прошу извинить меня за то, что представляюсь вам сам, но в море приходится несколько уклоняться от светского этикета. Надеюсь, мы быстро познакомимся и в обществе дам путешествие на пароходе «Шотландия» покажется нам столь же коротким, сколь и приятным.

Ни леди Элен, ни мисс Грант не нашли, что ответить. Они не могли понять, каким образом этот посторонний человек мог очутиться на палубе «Дункана».

— Сэр, — обратился к нему Гленарван, — с кем имею честь говорить?

— Жак-Элиасен-Франсуа-Мари Паганель, секретарь Парижского географического общества, член-корреспондент географических обществ Берлина, Бомбея, Дармштадта, Лейпцига, Лондона, Петербурга, Вены, Нью-Йорка, почетный член Королевского географического и этнографического института восточной Индии, короче говоря, я человек, который, проработав над географией двадцать лет в качестве кабинетного ученого, решил, наконец, заняться ею практически, и теперь направляюсь в Индию, чтобы объединить там труды великих путешественников.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Откуда прибыл и куда направлялся Жак Паганель

Очевидно, секретарь Географического общества был приятным человеком, так как все это было сказано чрезвычайно любезно. Впрочем, Гленарван прекрасно знал теперь, с кем имеет дело: ему хорошо было известно имя и заслуги уважаемого Жака Паганеля. Его труды по географии, его доклады о новейших открытиях, печатаемые в бюллетенях Общества, его переписка чуть ли не со всем миром — все это делало Паганеля одним из виднейших ученых Франции. Поэтому Гленарван сердечно протянул руку своему неожиданному гостю.

— Теперь, когда мы представились друг другу, — сказал он, — позвольте мне, господин Паганель, задать вам один вопрос?

— Хоть двадцать, сэр, — ответил Жак Паганель, — беседа с вами всегда будет для меня удовольствием.

— Вы прибыли на борт этого судна третьего дня вечером?

— Да, сэр, третьего дня, в восемь часов вечера. Сойдя с поезда, я сел в кэб, из кэба направился прямо на «Шотландию», где я из Парижа заказал себе каюту номер шесть. Ночь была темная. Я никого не заметил на палубе. А так как я был очень утомлен после тридцати часов путешествия и знал, что лучшее средство от морской болезни немедленно по прибытии на судно улечься на койку и не вставать первые дни плавания, то я тотчас же лег и, смею вас уверить, самым добросовестным образом проспал тридцать шесть часов!

Теперь слушатели Жака Паганеля поняли, каким образом он оказался на борту яхты. Французский путешественник перепутал суда и сел на «Дункан» в то время, когда экипаж судна присутствовал на богослужении в Сен-Мунго. Все объяснялось очень просто. Но что скажет ученый-географ, узнав название и маршрут судна, на котором он оказался?

— Итак, господин Паганель, вы избрали Калькутту исходным пунктом ваших сухопутных путешествий? — спросил Гленарван.

— Да, сэр. Всю свою жизнь я лелеял мечту увидеть Индию! И эта заветная мечта, наконец, осуществится! Я попаду на родину слонов и...

— Значит, господин Паганель, вы были бы огорчены, попав не в Индию, а в какую-нибудь иную страну?

— Я был бы очень огорчен, сэр, у меня есть рекомендательные письма к лорду Соммерсету, генерал-губернатору Индии, и поручение Географического общества, которое необходимо выполнить.

— А! Вам дано поручение?

— Да, мне поручено осуществить полезное и важное путешествие, план которого разработал мой ученый друг и коллега, господин Вивьен де Сен-Мартен. Согласно этому плану, мне надлежит направиться по следам братьев Шлагинвайт, полковника Воу, Вебба, Ходжона, миссионеров Хука и Габэ, Муркрофта, Жюля Реми и ряда других знаменитых путешественников. Я хочу добиться того, что, к несчастью, не удалось осуществить в тысяча восемьсот сорок шестом году миссионеру Крику, одним словом, я хочу обследовать течение реки Яру-Дзангбо-Чу, которая, огибая с севера Гималайские горы, на протяжении тысячи пятисот километров орошает Тибет, хочу выяснить в конце концов, не впадает ли эта река на северо-востоке Ассама в Брампутру. Путешественнику, который разрешит эту важнейшую географическую задачу, несомненно, обеспечена золотая медаль.

Паганель был великолепен. Он говорил с неподражаемым воодушевлением, он парил на быстрых крыльях фантазии, и остановить его было бы так же трудно, как перегородить плотиной течение Рейна у Шарузских порогов.

— Господин Жак Паганель, — сказал Гленарван, когда знаменитый ученый на минуту умолк. — Несомненно, это — прекрасное путешествие, и наука будет вам за него очень признательна. Но я не хочу держать вас в заблуждении, и на некоторое время вам все же

придется отказаться от удовольствия побывать в Индии.

— Отказаться? Почему?

— Да потому, что вы плывете в сторону, противоположную Индийскому полуострову.

— Как! Капитан Бёртон...

— Я не капитан Бёртон, — отозвался Джон Манглс.

— Но «Шотландия»...

— Это судно не «Шотландия»!

Изумление Паганеля не поддавалось описанию. Он посмотрел поочередно то на лорда Гленарвана, сохранявшего полную серьезность, то на леди Элен и Мери Грант, лица которых выражали огорчение и сочувствие, то на улыбавшегося Джона Манглса, на невозмутимого майора. Затем, пожав плечами, он опустил очки со лба на переносицу и воскликнул:

— Что за шутка!

Но в этот момент глаза его остановились на штурвале, он прочел надпись:

— «Дункан»! «Дункан»! — крикнул Паганель в отчаянии, а затем, стремглав сбежав с лестницы, устремился в свою каюту.

Как только незадачливый ученый исчез, никто на яхте, кроме майора, не в силах был удержаться от смеха; хохотали и матросы. Ехать в противоположном направлении по железной дороге, вместо поезда, идущего в Эдинбург, сесть на поезд в Думбартон, еще куда ни шло; но перепутать судна и плыть в Чили, когда стремишься в Индию, — это уж верх рассеянности!

— Впрочем, такой случай с Жаком Паганелем меня не удивляет, — заметил лорд Гленарван. — Он

славится подобными злоключениями. Однажды он опубликовал прекрасную карту Америки, куда умудрился вклинить Японию. Но это не мешает ему все же быть выдающимся ученым и одним из лучших географов Франции.

— Но что же мы будем делать с этим беднягой? — спросила леди Элен. — Не можем же мы везти его в Патагонию!

— А почему бы и нет? — спокойно сказал Мак-Наббс. — Мы не ответственны за его рассеянность. Предположите, что он сел бы не на тот поезд. Ведь не переменили бы из-за него маршрут?

— Но он сошел бы на ближайшей станции, — возразила леди Элен.

— Ну, что ж, это он может сделать и теперь, если пожелает. Сойдет на первой же стоянке, — заметил Гленарван.

В это время Паганель, удостоверившись, что багаж его находится на «Дункане», удрученный и пристыженный, снова поднялся на палубу. Он продолжал твердить злополучное слово: «Дункан!», «Дункан!», не находя иных слов в своем лексиконе. Он ходил взад и вперед, осматривая оснастку яхты, вопрошая взглядом безмолвный горизонт открытого моря. Наконец, он подошел к лорду Гленарвану.

— А куда идет «Дункан»? — спросил он.

— В Америку, господин Паганель.

— А точнее?

— В Консепсьон.

— В Чили! В Чили! — воскликнул злополучный ученый. — А моя экспедиция в Индию! Что скажет господин Катрфак, президент Центральной комиссии? А господин Авозак! А господин Кортамбер! А господин Вивьен де Сен-Мартен! Как я снова появлюсь на заседании Географического общества!

— Не отчаивайтесь, господин Паганель, — стал успокаивать его Гленарван, — все устроится, вы потеряете только сравнительно небольшой промежуток времени, а река Яру-Дзангбо-Чу никуда не утечет из Тибетских гор. Скоро мы остановимся у острова

Мадейра, и там вы сядете на судно, возвращающееся в Европу.

— Благодарю вас, сэр. Видно, придется примириться с этим. Но, подумайте, какое удивительное приключение! Только со мной могло случиться нечто подобное. А моя каюта на «Шотландии»!..

— Ну, о «Шотландии» вам лучше пока забыть.

— Но мне кажется, — снова начал Паганель, еще раз оглядывая судно, — «Дункан», видимо, увеселительная яхта?

— Да, сэр, — отозвался Джон Манглс, — и принадлежит она его сиятельству лорду Гленарвану...

— ...который просит вас широко воспользоваться его гостеприимством, — докончил Гленарван.

— Бесконечно благодарен вам, сэр, — ответил Паганель. — Право, я глубоко тронут вашей любезностью. Но позвольте мне внести следующее предложение: Индия — чудесная страна, неисчерпаемый источник всевозможных волшебных сюрпризов, неожиданностей для путешественников, несомненно дамы не бывали в этой стране... И стоит рулевому только повернуть руль, как «Дункан» так же свободно поплывет в Калькутту, как и в Консепсьон, а поскольку вы совершаете путешествие... *

Но Гленарван отрицательно покачал головой, и Паганель умолк.

— Господин Паганель, — сказала леди Элен, — если бы дело шло об увеселительном путешествии, то я, не задумываясь, ответила бы вам: «Едемте в Индию», и лорд Гленарван не стал бы возражать. Но «Дункан» плывет в Патагонию, чтобы привезти оттуда на родину людей, потерпевших там крушение, и не может отказаться от такой гуманной цели.

Через несколько минут французский путешественник был уже в курсе дела. С волнением выслушал он историю о чудесной находке, историю капитана Гранта и о великодушном предложении Элен.

— Сударыня, — сказал он, — позвольте мне выразить безграничное восхищение вашим поступком. Пусть яхта продолжает свой путь! Я чувствовал бы угрызения совести, если бы задержал ее хоть на один день!

— Не хотите ли вы присоединиться к нашей экспедиции? — спросила леди Элен.

— Это невозможно, сударыня, я обязан выполнить возложенное на меня поручение и сойду на первой же стоянке.

— То есть на острове Мадейра, — заметил Джон Манглс.

— Пусть на острове Мадейра. Оттуда всего сто восемьдесят лье до Лиссабона, и я подожду какого-нибудь попутного судна.

— Отлично, господин Паганель, — сказал Гленарван, — все будет сделано согласно вашему желанию. Что же касается меня, я счастлив, что могу на эти несколько дней предложить вам быть моим гостем на этой яхте. Будем надеяться, что вы не слишком соскучитесь в нашем обществе!

— О сэр, — воскликнул ученый, — хорошо, что я так удачно ошибся. Однако положение человека, намеревающегося плыть в Индию, а плывущего в Америку, нельзя не назвать смешным.

Как ни печально, но Паганелю пришлось примириться с отсрочкой, предотвратить которую он был не в силах. Он оказался очень милым, веселым, конечно, рассеянным человеком и очаровал дам своим неизменно хорошим настроением. К концу первого дня Паганель подружился со всеми. Он попросил, чтобы ему показали знаменитый документ, и долго, внимательно и кропотливо изучал его, вникая во все мелочи. Никакого иного истолкования документа он не допускал. Он отнесся с живым участием к Мери Грант и ее брату и старался внушить им твердую надежду на встречу с отцом. Его непоколебимая уверенность в успех экспедиции «Дункана» вызвала улыбку на устах молодой девушки. Конечно, не будь у него определенной цели, он, несомненно, отправился бы на поиски капитана Гранта.

А когда Паганель узнал, что леди Элен — дочь известного путешественника Вильяма Туффнеля, то разразился восторженными восклицаниями. Он знал ее отца. Какой это был отважный ученый! Сколькими письмами обменялись они, когда Вильям Туффнель

был членом-корреспондентом Парижского географического общества! И это он, он, Паганель, вместе с господином Мальт-Брюном предложил Туффнеля в члены общества!.. Какая встреча! Какое удовольствие путешествовать вместе с дочерью Вильяма Туффнеля!

В заключение географ попросил у леди Элен разрешения поцеловать ее. Поцелуй был разрешен, хотя, возможно, что это было немного «неприлично».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Одним хорошим человеком больше на «Дункане»

Между тем яхта, пользуясь попутным течением у берегов Северной Африки, быстро приближалась к экватору. 30 августа показался остров Мадейра. Гленарван, верный обещанию, предложил бросить якорь и высадить ученого на берег.

— Мой дорогой лорд, — сказал Паганель, — я буду откровенен с вами. Скажите, намеревались вы до встречи со мной сделать остановку у Мадейры?

— Нет, — ответил Гленарван.

— Тогда разрешите мне использовать мою несчастную рассеянность. Остров Мадейра слишком хорошо известен. Он не представляет больше никакого интереса для географа. О нем все уже сказано, все написано; к тому же когда-то знаменитое местное виноделие ныне пришло в полный упадок. Подумайте: на Мадейре больше не осталось виноградников! В тысяча восемьсот тринадцатом году там производилось двадцать тысяч пип¹ вина, в тысяча восемьсот сорок пятом году уже две тысячи шестьсот шестьдесят девять пип, а в настоящее время не производится даже пятисот пип. Прискорбное явление! Итак, если вы не возражаете, то посадите меня у Канарских островов...

— Сделаем остановку у Канарских островов, — ответил Гленарван, — они тоже лежат на нашем пути.

¹ Пипа — равна 50 гектолитрам.

— Я это знаю, дорогой лорд. Канарские острова, состоящие из трех групп, представляют большой интерес для обследования, не говоря уже о Tenerифеском пике, который мне всегда хотелось увидеть. Это редкий случай. Я воспользуюсь им и в ожидании судна, которое доставит меня в Европу, поднимусь на эту знаменитую гору.

— Как вам будет угодно, дорогой Паганель, — невольно улыбаясь, ответил Гленарван.

Он вправде был улыбаться.

Канарские острова находятся недалеко от Мадейры, всего в двухстах пятидесяти милях, — расстояние ничтожное для такой быстроходной яхты, как «Дункан».

31 августа в два часа дня Джон Манглс и Паганель прогуливались по палубе. Француз забрасывал собеседника вопросами относительно Чили.

— Господин Паганель! — вдруг прервал его капитан, указывая на какую-то точку на юге горизонта.

— Что, дорогой капитан? — отозвался ученый.

— Поглядите в ту сторону. Вы ничего не видите? — Ничего.

— Вы смотрите не туда. Глядите не на горизонт, а выше, на облака.

— На облака? Ничего не вижу.

— Ну а теперь взгляните на конец бушприта.

— Ничего не вижу.

— Вы не хотите видеть! Хотя мы находимся в сотне миль от Tenerифеского пика, его остроконечная вершина ясно вырисовывается на горизонте.

Хотел Паганель видеть или он того не хотел, но спустя некоторое время ему, чтобы не прослыть слепцом, пришлось согласиться с Джоном Манглсом.

— Ну наконец-то вы увидели, — сказал капитан.

— Да, да, вижу совершенно ясно. Как! Это и есть прославленный Tenerифеский пик? — пренебрежительно сказал географ.

— Он самый.

— А мне кажется, будто это не очень высокая гора.

— Однако она возвышается на одиннадцать тысяч футов над уровнем моря.

— Но Монблан куда выше!

— Возможно, но когда вам придется взбираться на нее, то она покажется вам очень и очень высокой!

— Взбираться? Взбираться на Тенерифеский пик? К чему это, дорогой капитан, после Гумбольдта и Бонплана? Гениальный Гумбольдт поднялся на эту гору и так подробно описал ее, что тут уж ничего не прибавишь. Он отметил пять зон: зону виноградников, зону лавров, зону сосен, зону альпийских вересков и, наконец, бесплодную зону. Гумбольдт добрался до наивысшей точки Тенерифеского пика, где некуда было даже сесть. С вершины горы перед его взором расстилалось пространство, равное четверти всей Испании. Затем он спустился в жерло вулкана до самого дна этого потухшего кратера. Спрашивается: что остается мне делать на этой горе после такого великого человека?

— Действительно, после него вам новых открытий не сделать, — согласился Джон Манглс. — А жаль, вам будет очень скучно в Тенерифеском порту в ожидании прихода судна. Там рассчитывать на какие-либо развлечения нечего.

— Конечно, рассчитывать придется только на самого себя, — смеясь, ответил Паганель. — Но скажите, дорогой Манглс, разве на островах Зеленого Мыса нет удобных стоянок?

— Конечно, есть. В Вила-Прая очень легко сесть на пароход, идущий обратно в Европу.

— А кроме того, имеется еще одно преимущество, — заметил Паганель: — острова Зеленого Мыса расположены вблизи Сенегала, где я встречу соотечественников. Я знаю, эту группу островов считают малоинтересной, пустынной, да и климат там нездоровый. Но для географа все представляет интерес. Уметь видеть — это наука. Есть люди, которые не умеют видеть, — путешествуя, они обогащаются свежими впечатлениями не больше, чем улитки. Но, поверьте мне, я не принадлежу к их числу.

— Как вам будет угодно, господин Паганель, — ответил Джон Манглс. — Я уверен, что ваше пребывание на островах Зеленого Мыса обогатит географиче-

скую науку. Мы все равно должны остановиться там, чтобы запастись углем, и вы нас нисколько не задержите.

Сказав это, капитан взял курс к западным берегам Канарских островов. Знаменитый Тенерифеский пик остался за кормой «Дункана», и, продолжая идти таким же быстрым ходом, яхта пересекла 2 сентября в пять часов утра тропик Рака. Погода изменилась. Воздух сделался тяжелым и влажным, каким всегда бывает в период дождей. Испанцы именуют этот период «временем луж». Время очень тягостное для путешественников, но полезное для жителей африканских островов, страдающих от недостатка лесов, а потому и влаги. Бурное море не позволяло пассажирам находиться на палубе, но беседы в кают-компании не стали менее оживленными.

3 сентября Паганель начал укладывать свои вещи, готовясь к высадке на берег. «Дункан» уже лавировал между островами Зеленого Мыса. Яхта прошла мимо острова Сель, бесплодного и унылого, словно песчаная могила, прошла вдоль обширных коралловых рифов, оставила в стороне остров Сен-Жак, перерезанный с севера на юг цепью базальтовых гор, оканчивающейся двумя унылыми вершинами, вошла в бухту Вила-Прая и стала на якорь в виду города. Погода была ужасная, бушевал прибой, несмотря на то, что бухта защищена от морских ветров. Дождь лил как из ведра, и сквозь его потоки едва можно было различить город, который расположен на обширной равнине, род террасы, напоминавшей по своей форме земляную приподнятую площадку, упиравшуюся в отроги горного кряжа вулканического происхождения, вышиной в триста футов. Вид острова сквозь частую завесу дождя был удручающе унылый.

Леди Гленарван не удалось осуществить свое намерение побывать в городе. Погрузка угля протекала с большими затруднениями. Таким образом, пассажиры «Дункана» оказались словно под домашним арестом. В то время как море и небо в необозримом хаосе смешивали воды свои, пассажирам не оставалось ничего иного, как сидеть в кают-компании. Естественно,

что больше всего говорили о погоде. Каждый высказывал свое мнение, кроме майора, который с подобным же равнодушием взирал бы и на всемирный потоп.

Паганель ходил взад и вперед, покачивая головой.

— Словно нарочно такая погода, — повторял он.

— Да, стихия вооружилась против нас, — соглашался с ним Гленарван.

— А я все же восторжествую над ней.

— Не можете же вы пренебречь таким ливнем, — заметила леди Элен.

— Я, лично, сударыня, никакого ливня не боюсь, но опасаясь только за свой багаж и инструменты: ведь все погибнет.

— Опасен лишь момент высадки, — заметил Гленарван, — но как только вы попадете в Вила-Прая, то там вы устроитесь неплохо. Правда, несколько грязновато, по соседству с обезьянами, свиньями, что вряд ли приятно, но путешественник не должен быть слишком взыскателен. К тому же можно надеяться, что месяцев через семь-восемь вам удастся отплыть в Европу.

— Через семь-восемь месяцев! — воскликнул Паганель.

— Да, не ранее, ведь в период дождей суда редко заходят на острова Зеленого Мыса. Но вы можете с пользой провести время. Этот архипелаг еще мало изучен как в области топографии местности, так и климатологии, и этнографии, и гипсометрии¹. Здесь есть над чем поработать.

— Вы сможете заняться исследованием рек, — заметила леди Элен.

— Здесь нет рек, сударыня, — ответил Паганель.

— Ну, займитесь речками.

— Их также нет.

— Тогда какими-нибудь потоками, ручьями...

— Их тоже не существует.

— В таком случае, вам придется обратить внимание на леса, — промолвил майор.

¹ Гипсометрия — измерение рельефа местности.

— Для того чтобы был лес, необходимы деревья, а деревьев тут нет.

— Приятный край, нечего сказать! — отозвался майор.

— Утешьтесь, дорогой Паганель, — сказал Гленарван: — вам все же остаются горы.

— О сэр! Горы здесь невысоки и неинтересны. К тому же они давно исследованы.

— Исследованы? — удивился Гленарван.

— Да. Мне, как всегда, не везет. Если на Канарских островах меня опередил Гумбольдт, то здесь меня опередил геолог Шарль Сен-Клер-Девиль.

— Неужели?

— Увы, это так! — жалобно ответил Паганель. — Этот ученый находился на борту французского корвета «Решительный», когда тот стоял у островов Зеленого Мыса. Он поднялся на самую интересную вершину архипелага — на вулкан острова Фогу. Так что же мне остается делать?

— Действительно это прискорбно, — промолвила Элен. — Что же вы, господин Паганель, думаете предпринять?

Паганель несколько минут молчал.

— Право, вам надо было высадиться на Мадейре, хоть там уже нет вина, — заметил Гленарван.

Ученый секретарь Парижского географического общества продолжал молчать.

— Я подождал бы с высадкой, — заявил майор таким же тоном, каким сказал бы: «А я не стал бы ждать».

— Дорогой Гленарван, — прервал, наконец, молчание Паганель, — где вы намереваетесь сделать следующую остановку?

— О, не раньше, чем в Консепсьоне.

— Черт возьми! Это меня чрезвычайно отдаляет от Индии!

— Нисколько: как только вы обогнете мыс Горн, «Дункан» начнет приближаться к Индии.

— Сомневаюсь.

— К тому же, — продолжал Гленарван серьезным тоном, — не все ли равно, попадете вы в Ост- или Вест-Индию?

— Как все равно?

— Если только не считать, что обитатели пампы в Патагонии такие же индейцы, как туземцы Пенджаба.

— А знаете, сэр, — воскликнул Паганель, — вот довод, который никогда не пришел бы мне в голову!

— А золотую медаль, дорогой Паганель, — продолжал Гленарван, — можно заслужить в любой стране. Всюду можно работать, производить изыскания, делать открытия: и в Кордильерах и в горах Тибета.

— Но мои исследования реки Яру-Дзангбо-Чу?

— Вздор, вы замените ее Рио-Колорадо. Эта большая река еще мало известна, и, судя по картам, географы довольно произвольно обозначили ее.

— Знаю, мой дорогой лорд. Бывают всевозможные ошибки. Я нисколько не сомневаюсь, что Географическое общество столь же охотно командировало бы меня в Патагонию, как и в Индию. Но эта мысль не пришла мне в голову.

— В результате вашей обычной рассеянности...

— А не отправиться ли вам вместе с нами, господин Паганель? — предложила ученому самым любезным тоном леди Элен.

— Сударыня! А моя командировка?

— Предупреждаю вас, что мы пройдем Магеллановым проливом, — объявил Гленарван.

— Сэр, вы искуситель!

— Добавлю, что мы побываем в порте Голода.

— Порт «Голод»! — воскликнул атакованный со всех сторон француз. — Порт, известный во всех географических летописях!

— Примите во внимание, господин Паганель, — продолжала Элен, — что ваше участие в экспедиции прославит Францию наравне с Шотландией.

— Конечно!

— Географ принесет пользу нашей экспедиции, а что может быть прекраснее, чем поставить науку на службу человечеству!

— Вот это хорошо сказано, сударыня.

— Поверьте мне: повинуйтесь, как это сделали мы, воле случая, или, вернее, воле providения. Оно по-

слало нам этот документ, мы двинулись в путь. Провидение привело вас на борт «Дункана», не покидайте же яхту.

— Сказать вам, друзья мои, что я думаю? — спросил Паганель. — Мне кажется, что всем вам очень хочется, чтобы я остался.

— Вам самому, Паганель, смертельно хочется остаться, — заявил Гленарван.

— Верно! — воскликнул ученый-географ. — Но я боялся быть навязчивым.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Пролив Магеллана

Все на яхте обрадовались, узнав о решении Паганеля. Юный Роберт с такой пылкостью бросился ему на шею, что почтенный секретарь Географического общества едва удержался на ногах.

— Бойкий мальчуган! — сказал Паганель. — Я обучу его географии.

А так как Джон Манглс решил сделать из Роберта моряка, Гленарван — человека мужественного, майор — хладнокровного, леди Элен — доброго и великодушного, а Мери Грант — благодарного к таким учителям, то, очевидно, юному Гранту предстояло стать незаурядным человеком.

«Дункан», быстро закончив погрузку угля, покинул эти унылые места и, взяв курс на запад, попал в течение, проходившее близ берегов Бразилии, а 7 сентября при сильном северном ветре пересек экватор и вступил в Южное полушарие.

Итак, переход совершался благополучно. Все верили в успех экспедиции. Количество шансов найти капитана Гранта, казалось, с каждым днем возрастало. Одним из наиболее уверенных в успехе экспедиции был капитан «Дункана». Объяснялось это главным образом его горячим желанием видеть мисс Мери спокойной и счастливой. Он сильно был увлечен молодой

девушкой и столь неумело скрывал свои чувства, что все, кроме него и Мери Грант, заметили это. Что касается ученого-географа, тот был самым счастливым человеком во всем Южном полушарии. Он по целым дням изучал географические карты, разложенные на столе в кают-компании, что являлось причиной ежедневных стычек с мистером Олбинетом, которому он мешал накрывать на стол. В этих спорах все были на стороне Паганеля, за исключением майора, который относился к географии с присущим ему равнодушием, особенно в часы обеда. Кроме того, натолкнувшись среди судового груза на ящики с разнообразными книгами, принадлежавшими помощнику капитана, и заметив среди них несколько томиков на испанском языке, Паганель решил изучить язык Сервантеса. Этим языком никто на яхте не владел. Знание испанского языка должно было облегчить географу изучение чилийского побережья. Благодаря способностям полиглота Паганель надеялся свободно говорить на этом новом для него языке еще до времени прихода яхты в Консепсьон, а пока он с ожесточением изучал испанский язык и беспрестанно бормотал про себя какие-то непонятные слова.

В свободное время он умудрялся заниматься с Робертом, рассказывая ему историю материка, к которому так быстро приближался «Дункан».

10 сентября яхта находилась под 5° 37' широты и 31° 15' долготы. Гленарван узнал некую историческую подробность, которая, повидимому, не была известна большинству даже более образованных людей. Паганель излагал им историю Америки, и, рассказывая о великих мореплавателях, по пути которых теперь следовал «Дункан», он воскресил образ Христофора Колумба, утверждая, будто великий генуэзец умер, так и не подозревая, что открыл Новый Свет.

Слушатели громко запротестовали, но Паганель настаивал на своем.

— Это вполне достоверно, — говорил он. — Я отнюдь не хочу умалять славы Колумба, но факт неоспорим. В конце пятнадцатого века помыслы людей были направлены к одной цели: облегчить сношения с Азией и западными путями выйти к востоку. Одним

словом, стремились найти кратчайший путь в «страну пряностей». Вот какую задачу пытался разрешить Колумб. Он предпринял четыре путешествия, подходил к Америке у берегов о. Каймана, Гондураса, Москитного берега, Никарагуа, Верагуа, Коста-Рики и Панамы, но полагал, что эти земли принадлежат Японии и Китаю. Он умер, так и не заподозрив существования огромного материка, который, увы, даже не унаследовал его имени.

— Я готов поверить вам, дорогой Паганель, — отзывался Гленарван. — Тем не менее меня удивляет, и я прошу вас объяснить мне, какие мореплаватели приписали честь открытия Америки Колумбу?

— Его преемники: Охеда, который сопровождал его в путешествиях, Винсенте Пинсон, Америго Веспуччи, Мендоса, Бастидас, Кабраль, Солис, Бальбоа. Все они прошли вдоль восточных берегов Америки, отмечая на карте границы; триста шестьдесят лет тому назад их несло на юг то же самое течение, которое ныне несет и нас. Представьте себе, друзья мои, ведь мы пересекли экватор именно в том месте, где пересек его Пинсон в последний год пятнадцатого века, а теперь мы приближаемся к восьмому градусу южной широты, под которым Пинсон пристал когда-то у берегов Бразилии. Годом позже португалец Кабраль спустился еще южнее, до порта Сегуро. Затем мореплаватель Веспуччи во время своей третьей экспедиции, в тысяча пятьсот втором году, продвинулся еще южнее. В тысяча пятьсот восьмом году Винсенте Пинсон и Солис объединились для совместного исследования американских берегов, а в тысяча пятьсот четырнадцатом году Солис открыл устье реки Ла-Плата, где был растерзан туземцами, и честь первым обогнуть новый материк выпала на долю Магеллана. Этот великий мореплаватель в тысяча пятьсот девятнадцатом году проплыл с пятью судами вдоль берегов Патагонии, открыл порт Десеадо, порт Сан-Хулиан, где надолго задержался, открыл под пятьдесят вторым градусом широты пролив «Онз-Миль Вьерж», названный впоследствии его именем, и двадцать восьмого ноября тысяча пятьсот двадцатого года Магеллан вышел в

Тихий океан. О! какой восторг он должен был испытать и как сильно забилося его сердце, когда он обнаружил на горизонте искрящееся под лучами солнца неизвестное море!

— Как бы мне хотелось быть на его месте! — воскликнул Роберт, воодушевленный словами географа.

— И мне бы тоже, мой мальчик, и я не пропустил бы подобного случая, родился я триста лет тому назад.

— Что было бы печально для нас, господин Паганель, — заметила леди Элен, — ибо вы не сидели бы сейчас с нами на палубе «Дункана» и мы не услышали бы того, что вы нам сейчас рассказали.

— Не я, так другой рассказал бы вам об этом, сударыня, и добавил бы, что западный берег Америки был исследован братьями Писарро. Эти отважные искатели приключений были великими основателями городов: Куско, Кито, Лима, Сант-Яго, Вилья-Рика, Вальпараисо и Консепсьон, куда плывет «Дункан». Одновременно с открытиями братьев Писарро совпали открытия Магеллана, и очертания американских берегов, к большому удовлетворению ученых Старого Света, были занесены на карту.

— А я стремился бы еще к новым открытиям, — заявил Роберт.

— А зачем? — спросила Мери, глядя на юного брата, увлеченного рассказом Паганеля.

— В самом деле, мой мальчик, зачем? — с ободряющей улыбкой спросил лорд Гленарван.

— А затем, что мне интересно узнать, не скрывается ли еще что-либо за Магеллановым проливом.

— Bravo, друг мой! — воскликнул Паганель. — И я попытался бы узнать, простирается ли материк до Южного полюса, или там открытое море, как предполагал ваш соотечественник Дрейк. Не сомневаюсь, что если бы Роберт Грант и Жак Паганель жили в семнадцатом веке, то они отправились бы вслед за двумя очень любознательными голландцами Схоутеном и Лемером, стремясь, как они, отгадать эту географическую загадку.

— Это были ученые? — спросила леди Элен.

— Нет, просто отважные купцы, которых мало интересовала научная сторона открытий. В ту пору существовала голландская Ост-Индская компания, которой принадлежало исключительное право провозить товары через Магелланов пролив. А так как в то время, кроме этого пролива, иного пути в Азию не знали, то привилегия Ост-Индской компании являлась захватнической. Несколько купцов решили бороться с этой монополией, пытаясь открыть другой пролив. К числу таковых принадлежал некий Исаак Лемер, человек умный и образованный. Он снарядил на свои средства экспедицию, которую возглавил его племянник Яков Лемер и Схоутен, опытный моряк, родом из Горно. Эти отважные мореплаватели пустились в путь в июне тысяча шестьсот пятнадцатого года, почти столет спустя после Магеллана. Они открыли новый пролив между островом Эстадос и Огненной Землей, названный проливом Лемера, а двенадцатого февраля тысяча шестьсот шестнадцатого года они обогнули прославленный мыс Горн, который с большим основанием, чем его собрат, мыс Доброй Надежды, имел бы право называться мысом Бурь.

— Как бы я хотел быть там! — воскликнул Роберт.

— Да, ты прав, мой мальчик, ибо это подлинная радость! — воодушевленно воскликнул Паганель. — Существует ли большее удовлетворение, большее счастье, чем то, которое испытывает мореплаватель, наносящий на судовую карту свои открытия. Перед его глазами возникают новые земли, остров за островом, мыс за мысом, они словно всплывают из недр морских! Сначала контуры этих земель смутны, изломаны, прерывисты: вот тут — уединенный лагерь, а там — отдаленная бухта, а еще дальше — затерянный в безграничном просторе залив. Но постепенно открытия дополняют друг друга, линии уточняются, пробелы на картах уступают место штрихам, очертания бухт врезаются в сушу, мысы увенчивают исследованные берега, и вот, наконец, новый материк во всем своем великолепии с его озерами, его реками, его потоками, его горами, его долинами и его равнинами и деревнями, городами и столицами возникает на глобусе.

Ах, друзья мои! открывать неведомые земли, это — творить, это — переживать волнения и неожиданности! Но ныне этот источник почти исчерпан: все известно, все исследовано, все новые берега и материки занесены на карту, и нам, теперешним географам, больше нечего делать.

— Нет, дорогой Паганель, есть что делать, — возразил Гленарван.

— Что же?

— То, что делаем мы!

А яхта тем временем неслась с поразительной быстротой по пути Веспуччи и Магеллана. 15 сентября она пересекла тропик Козерога и взяла курс к знаменитому проливу. Порой едва приметной полосой на горизонте обрисовывались низкие берега Патагонии, но отстояли они дальше, чем на десять миль от яхты, и, глядя сквозь знаменитую подзорную трубу, Паганель получал о них лишь смутное представление.

25 сентября «Дункан» был уже у пролива Магеллана и плавно вошел в него. Этим путем обычно плывут торговые суда, направляющиеся в Тихий океан. Длина Магелланова пролива составляет всего лишь триста семьдесят шесть миль. Он настолько глубок, что по нему могут проходить, даже вблизи берегов, суда большого тоннажа, его дно удобно для якорных стоянок. По берегам много источников пресной воды, множество доступных и безопасных гаваней — словом, преимуществ, которых нет ни в проливе Лемера, ни у грозного скалистого мыса Горн, где непрерывно свирепствуют ураганы и штормы.

В первые часы плавания по Магелланову проливу, на протяжении приблизительно шестидесяти — восьмидесяти миль до мыса Грегори, берега отлоги и песчаны. Жак Паганель боялся проглядеть хоть единый прибрежный уголок, хоть единую деталь пролива. Плыть предстояло около тридцати шести часов, а панорама берегов, залитых сверкающим южным солнцем, несомненно, заслуживала напряженного и восторженного созерцания. Вдоль северных берегов не видно было никаких жителей, только несколько туземцев бродило по обнаженным скалам Огненной Земли.

Паганель роптал на то, что ему не пришлось увидеть ни одного патагонца; его это сердило, а спутников забавляло.

— Патагония без патагонцев — это не Патагония, — раздраженно повторял он.

— Потерпите, мой почтенный географ, скоро мы увидим патагонцев, — утешал его Гленарван.

— Я не уверен в этом.

— Но ведь они существуют, — заметила леди Элен.

— Сильно сомневаюсь в этом, сударыня, поскольку не вижу ни одного.

— Но ведь название «патагонцы», что по-испански значит «большегогие», дано было не каким-то воображаемым созданиям.

— О! название ровно ничего не значит! — воскликнул Паганель, любивший спорить и потому упрямо стоявший на своем. — Кроме того, вообще неизвестно, как их называют.

— Неужели! — воскликнул Гленарван. — А вы знали об этом, майор?

— Нет, — ответил Мак-Наббс, — и я не заплатил бы ни одного шотландского фунта стерлингов за то, чтобы узнать это.

— И тем не менее узнайте это, равнодушный вы человек! — заявил Паганель. — Магеллан назвал туземцев «патагонцами», это верно, но огнеземельцы называют их «тиременеи», чилийцы — «каукалу», колонисты Кармена — «теуэльче», арауканцы — «уильче». У Бугенвиля они известны под именем «чайхи», а сами себя они зовут общим именем «ипокен». Так вот, я спрашиваю вас, как следует называть их и может ли вообще существовать на свете такой народ, который имеет столько имен?

— Вот так довод! — воскликнула Элен.

— Допустим этот довод, — сказал Гленарван, — но, надеюсь, наш друг Паганель признает, что если существует сомнение относительно того, как называть патагонцев, то относительно их роста все одинакового мнения?

— Никогда не соглашусь с этой чудовищной нелепостью! — воскликнул Паганель.

— Они огромного роста, — настаивал Гленарван.
— Не знаю.
— Они малорослые? — спросила леди Элен.
— И этого никто не может утверждать.
— Ну тогда среднего роста? — проговорил Мак-Наббс, желая всех примирить.
— Не знаю.
— Ну, это уж чересчур! — воскликнул Гленарван. — Путешественники, которые их видели...
— Путешественники, которые их видели, — перебил его Паганель, — противоречат друг другу. Магеллан утверждал, будто его голова едва достигала им до пояса...
— Ну вот видите!
— Да, но Дрейк утверждает, что англичане выше самого высокого патагонца.
— Ну насчет англичан я сомневаюсь, — презрительно заметил майор. — Вот если бы он сравнил их с шотландцами!
— Кевендиш говорит, что патагонцы крепкие, рослые люди, — продолжал Паганель. — Гаукинс утверждает, будто они великаны, Лемер и Схоутен сообщают, что они одиннадцати футов ростом.
— Прекрасно! Свидетельство этих людей заслуживает доверия, — заметил Гленарван.
— Да, но такого же доверия заслуживают Вуд, Нарборо и Фалькнер, а по их словам, патагонцы — люди среднего роста. Правда, Байрон, Ла Жироде, Бутенвиль, Уэллс и Картере доказывают, что рост патагонцев в среднем равен шести футам шести дюймам, тогда как господин д'Орбини, ученый, лучше всех знающий эту страну, утверждает, что их средний рост пять футов четыре дюйма.
— Но где же тогда истина среди всех этих противоречий? — спросила леди Элен.
— Истина заключается в следующем, — ответил Паганель, — у патагонцев ноги короткие, а туловище длинное. В шутку можно выразиться так: это люди шести футов роста, когда сидят, и пяти — когда стоят.
— Bravo, милейший ученый! — воскликнул Гленарван. — Вот это хорошо сказано!

— Но только в том случае, если патагонцы существуют вообще, тогда это примиряет все разногласия, — продолжал Паганель. — А теперь, друзья мои, скажу вам в заключение, что Магелланов пролив великолепен даже без патагонцев.

В это время яхта огибала между двумя живописными берегами полуостров Брансуик. Среди деревьев мелькнули чилийский флаг и колокольня церкви. Пролит извивался теперь среди величественных гранитных массивов. Подножия гор скрывались в чаще огромных лесов, а вершины их, покрытые шапкой вечных снегов, окутаны были пеленой облаков. На юго-западе поднималась на шесть тысяч пятьсот футов вершина горы Тары.

После долгих сумерек наступила ночь. Дневной свет неприметно угасал, на землю легли мягкие тени. Небо покрылось яркими звездами, и созвездие Южного Креста указывало мореплавателям путь к Южному полюсу. Среди этой светящейся темноты, при сиянии звезд, заменявших в этих краях маяки цивилизованных стран, яхта смело продолжала путь, не бросая якоря ни в одной из удобных для стоянки бухт, которыми изобилует окрестное побережье. Часто реи яхты задевали ветви южных буков, склонявшихся к волнам, нередко винт взбивал воды в устьях больших рек, вспугивая диких гусей, уток, гаршнепов, чирков и все пернатое царство этих болотистых мест. Вскоре показались развалины и оползни, которым ночь придавала величественный вид, — то были печальные остатки некогда покинутой колонии, чья участь навсегда опровергает представление о том, что местность плодородна, а леса богаты дичью. «Дункан» проходил мимо порта Голода.

Здесь в 1581 году поселился испанец Сармиенто во главе четырехсот эмигрантов. Он основал город Сан-Фелиппе. Часть поселенцев погибла от свирепых морозов, голод прикончил тех, кого пощадила зима, и корсар Кавендиш, посетивший в 1587 году колонию, застал последнего из четырехсот несчастных эмигрантов умирающим от голода на развалинах города, про-

существовавшего всего шесть лет, но, казалось, пережившего шесть столетий.

Яхта проплыла вдоль пустынных берегов. На расвете она шла по узкому проливу перешейка, по берегам которого теснились буковые, ясеневые и березовые леса, из недр которых вздымались зеленеющие своды, высокие горы, увитые мощным, диким терновником с остроконечными пиками, среди которых выше всех вздымался обелиск Бугенвиля.

Яхта миновала устье бухты Сан-Николас, которую Бугенвиль назвал когда-то бухтой Французов. Вдали резвилось множество тюленей и, повидимому, огромные киты, если судить по мощности выбрасываемых ими фонтанов воды, которые видны были на расстоянии четырех миль. Наконец, «Дункан» обогнул мыс Фроуорд, еще покрытый последними снегами. На южном берегу пролива, на Огненной Земле, высилась на шесть футов гора Сармьенто — гигантское нагромождение скал, рассеченных грядой облаков, образующих как бы воздушный архипелаг.

Именно мысом Фроуорд заканчивается Американский материк, ибо мыс Горн всего лишь каменистый остров, затерянный среди океана под пятьдесят шесть градусов южной широты.

Между полуостровом Брансуик и островом Десоласьон пролив еще более суживается. Этот длинный остров распластался среди множества мелких островков, словно огромный кит, рухнувший на берег, усеянный валунами. Как не похожа эта столь искромсанная на куски граница Америки на вольные, четкие контуры Африки, Австралии и Индии! Какая космическая катастрофа так распылила этот огромный мыс, служащий водоразделом между двумя океанами?

А там, вместо плодородных берегов, протянулись оголенные, пустынные косогоры, изрезанные множеством узких проходов этого запутанного лабиринта.

«Дункан», не замедляя хода, безошибочно плыл этими прихотливыми извилинами, смешивая клубы дыма с хлопьями разодранного утесами тумана. Не останавливаясь, яхта прошла мимо нескольких испанских факторий, обосновавшихся на этих безлюдных

берегах. У мыса Тамар пролив снова расширяется. «Дункан», усилив пары, обогнул крутые берега островов Нарборо и стал приближаться к южному побережью. Наконец, через тридцать шесть часов после входа в пролив показалась вдали скала мыса Пилар, высившаяся над самым островом Десоласьон. Безбрежное водное пространство расстилалось перед форштевнем «Дункана», и Жак Паганель, приветствуя его восторженным жестом, был взволнован не менее, чем Магеллан в то мгновение, когда его корабль «Тринидад» накренился под легкими бризами Тихого океана.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Тридцать седьмая параллель

Через неделю после того, как яхта «Дункан» обогнула мыс Пилар, она на всех парах вошла в бухту Талькауано — великолепную гавань длиной в двенадцать и шириной в девять миль. Погода стояла дивная. Небо в этом краю с ноября по март — безоблачно, и вдоль берегов, защищенных Андами, неизменно дует южный ветер. Следуя приказанию Эдуарда Гленарвана, Джон Манглс вел яхту все время вблизи берегов архипелага Чилоэ и других бесчисленных обломков этой части Американского континента. Какие-нибудь остатки разбившегося судна, сломанные запасные реи, кусок дерева, обработанный человеческой рукой, могли навести «Дункан» на след крушения «Британии», но ничего не было заметно, и яхта, идя своим путем, бросила якорь в порту Талькауано спустя сорок два дня после того, как покинула темные воды залива Клайд.

Гленарван велел спустить шлюпку, сел в нее вместе с Паганелем, и вскоре они высадились на берегу у эстакады. Ученый географ хотел применить на практике свои знания испанского языка, над изучением которого он столь добросовестно трудился, но, к его крайнему удивлению, туземцы не понимали его.

— Очевидно, у меня плохое произношение, — сказал он.

— Отправимся в таможенную, — ответил Гленарван.

В таможенную с помощью нескольких английских слов, сопровождаемых выразительными жестами, ему объяснили, что резиденция английского консула — город Консепсьон, находится в часе езды. Гленарван тут же нашел двух резвых верховых лошадей, и вскоре он и Паганель въезжали в большой город, возникший благодаря предприимчивости Вальдивиа, этого мужественного сподвижника братьев Писарро.

Но в какой упадок пришел некогда великолепный город! Туземцы нередко подвергали его разграблению. Сгоревший в 1819 году, опустошенный, разоренный, со стенами, еще почерневшими от огня, испепелившего его, город насчитывал теперь едва восемь тысяч жителей. Его уже давно затмил соседний город — Талькауано. Никто не желал трудиться, улицы заросли травой, превратившись в просеки. Заглохла торговля, заглохла деловая жизнь, все замерло. С каждого балкона раздавались звуки мандолины, через опущенные жалюзи слышалось томное пение, и Консепсьон, некогда город мужей, превратился в деревню, населенную лишь женщинами и детьми.

Гленарван не проявил большого желания углубляться в причины этого упадка, хотя Паганель пытался затронуть этот вопрос. Не теряя ни минуты, он отправился к консулу ее британского величества Ж. Р. Бентоку. Этот важный чиновник принял его очень учтиво и, узнав историю капитана Гранта, предложил навести справки по всему побережью.

На вопрос, известно ли ему что-либо о судьбе трехмачтового судна «Британия», потерпевшего крушение у тридцать седьмой параллели на чилийском или арауканском побережье, консул Бенток ответил отрицательно. Никаких сведений об этом не поступило ни к нему, ни к его товарищам, консулам других стран. Гленарвана, однако, не обескуражило это известие. Он вернулся в Талькауано и, не жалея ни хлопот, ни денег, разослал по всему побережью людей на поиски. Тщетно: самые подробные опросы прибрежного населе-

ния ни к чему не привели. Итак, «Британия» не оставила нигде следов своего пребывания.

Гленарван уведомил друзей о том, что предпринятые им розыски не дали никаких результатов. Мери Грант и ее брат не смогли скрыть горя. Через шесть дней после прибытия «Дункана» в Талькауано все пассажиры собрались на юте. Леди Элен пыталась утешить, — конечно, не словами (что могла она сказать!), а ласками, — детей капитана Гранта. Жак Паганель снова взялся за документ и с напряженным вниманием изучал его, словно стараясь вырвать у него неведомые тайны. Целый час он разглядывал документ, когда Гленарван вдруг спросил его:

— Паганель! Я полагаюсь на вашу проницательность. Не заблуждаемся ли мы относительно толкования документа? Быть может, дополненные нами слова неверны?

Паганель безмолвствовал: он размышлял.

— Быть может, мы ошибаемся относительно места катастрофы? — продолжал Гленарван. — Разве слово *Пагагония* не бросается в глаза даже самому непроницательному человеку?

Паганель продолжал молчать.

— Наконец, слово *индеец* не говорит ли за то, что мы правы? — прибавил Гленарван.

— Несомненно, — отозвался Мак-Наббс.

— В таком случае разве не ясно, что потерпевшие крушение в ту минуту, когда писали эти строки, боялись попасть в плен к индейцам?

— Тут я прерву вас, дорогой Гленарван, — ответил, наконец, Паганель. — Если ваши первые выводы правильны, то во всяком случае последний кажется мне ошибочным.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила Элен.

Глаза всех присутствующих устремились на географа.

— По-моему, — многозначительно произнес Паганель, — капитан Грант *в настоящее время находится в плену у индейцев*, и, добавлю, что на этот счет документ не оставляет никаких сомнений.

— Пожалуйста, разъясните это, господин Паганель, — попросила мисс Грант.

— Нет ничего легче, дорогая Мери: вместо того чтобы читать *станем пленниками*, читайте: *стали пленниками*, и все будет ясно.

— Но это невозможно! — воскликнул Гленарван.

— Невозможно? А почему, мой уважаемый друг? — спросил, улыбаясь, Паганель.

— Да потому, что бутылка могла быть брошена только в тот момент, когда судно разбивалось о скалы. Отсюда вывод: градусы широты и долготы, означенные в документе, совпадают с местом крушения.

— Нет, я с вами не согласен, — быстро возразил Паганель. — Почему не допустить, что индейцы увели потерпевших крушение вглубь материка и, возможно, что эти несчастные попытались уже оттуда с помощью бутылки указать место, где они находятся в плену.

— Но как они могли это сделать, дорогой Паганель: для того чтобы бросить бутылку в море, необходимо находиться вблизи моря.

— Конечно, но за отсутствием моря можно находиться на берегу реки, впадающей в море.

Удивленное молчание встретило этот неожиданный, но не заключающий в себе ничего невероятного ответ. По заблестевшим глазам своих слушателей Паганель понял, что в сердце каждого вновь затеплилась надежда.

Первой прервала молчание Элен.

— Вот это мысль! — воскликнула она.

— И какая удачная мысль! — наивно добавил географ.

— В таком случае что же надо предпринять? — спросил Гленарван.

— Я полагаю, что надо начать с того места на Американском материке, где проходит тридцать седьмая параллель, затем следовать вдоль нее, не уклоняясь ни на полградуса, до того пункта, где параллель доходит до Атлантического океана. Таким образом, двигаясь по этому маршруту, нам, может быть, удастся найти потерпевших крушение на «Британии».

— Мало шансов, — заметил майор.

— Как ни мало на это шансов, но мы не имеем права ими пренебречь, — возразил Паганель. — Если мое предположение правильно и бутылка действительно попала в океан, плывя по течению одной из рек материка, то мы должны напасть на следы пленников. Посмотрите, друзья мои, на карту этой страны: я докажу вам с полной очевидностью, что я прав.

Говоря это, Паганель разложил на столе карту Чили и аргентинских провинций.

— Вот смотрите, — сказал он, — и следуйте за мной в этой прогулке по Американскому матерiku. Переберемся через узкую полосу Чили. Перевалим через Андские Кордильеры и спустимся в пампу. Сколько здесь рек, речек, горных потоков! Вот Рио-Негро, вот Рио-Колорадо, их притоки, пересекающие тридцать седьмую параллель, все они могли свободно унести бутылку с документом в море. Быть может, там, в становище индейцев, на берегу одной из малоизвестных рек, в ущельях горной цепи, находятся те, кого я вправе назвать нашими друзьями, и они ждут чудесного избавления. Можем ли мы обмануть их надежды? Разве вы не согласны со мной, что необходимо неуклонно придерживаться маршрута, который я сейчас провожу пальцем по карте? А если, вопреки моим ожиданиям, я и на этот раз ошибусь, то разве наш долг не повелевает нам продвигаться и дальше по тридцать седьмой параллели, и если понадобится, то совершить для их спасения даже кругосветное путешествие?

Эти слова, произнесенные Паганелем с благородным воодушевлением, произвели глубокое впечатление на слушателей. Все подошли к нему и жали ему руку.

— Да! Отец мой там! — воскликнул Роберт, пожирая глазами карту.

— И где бы он ни был, мы найдем его, мой мальчик, — ответил Гленарван. — Действительно, наш друг Паганель правильно толкует содержание документа, и надо не колеблясь следовать по намеченному им пути. Либо капитан Грант попал в плен к многочисленному племени индейцев, либо он во власти племени слабого. В последнем случае мы освободим его силой. А в пер-

вом случае мы, разузнав о положении капитана, возвратимся на восточное побережье, сядем на «Дункан», достигнем Буэнос-Айреса, и там майор Мак-Наббс организует такой сильный отряд, который справится со всеми индейцами аргентинских провинций.

— Правильно, правильно, сэр! — воскликнул Джон Манглс. — А я добавлю, что этот переход через материк совершится благополучно.

— Да, благополучно и никого не утомит, — подтвердил Паганель. — Множество людей уже совершили этот переход, не располагая нашими материальными возможностями и не имея перед собой той великой цели, которая воодушевляет нас! Разве некий Базилио Вильармо не прошел в тысяча семьсот восемьдесят втором году от Кармена¹ до Кордильер? Разве в тысяча восемьсот шестом году чилиец, судья из провинции Консепсьон, дон Луис де ла Крус, выйдя из Антуко и перевалив через Андский хребет, не добрался через сорок дней до Буэнос-Айреса, следуя по тридцать седьмой параллели? Наконец, полковник Гарсиа, Алсид д'Орбини и мой почтенный коллега доктор Мартин де Мусси — разве не изъездили они вдоль и поперек этот край, совершая во имя науки то, что мы предполагаем совершить во имя человеколюбия!

— Господин Паганель! Господин Паганель! — воскликнула Мери Грант дрожащим от волнения голосом. — Как нам отблагодарить вас за то, что вы так самоотверженно подвергаете себя стольким опасностям!

— Опасностям? — воскликнул Паганель. — Кто произнес слово «опасность»?

— Не я! — отозвался Роберт.

Глаза мальчугана сверкали и взгляд был полон решимости.

— Опасности! — продолжал Паганель. — А разве существуют опасности? Здесь речь идет всего лишь о путешествии в триста пятьдесят лье — ведь мы будем все время двигаться по прямой линии; о путешествии под широтой, на которой в Северном полушарии рас-

¹ Кармен-де-Патагонес.

положены Испания, Сицилия, Греция, следовательно о путешествии в идеальных климатических условиях, о путешествии, которое продлится самое большее месяц. Ведь это просто прогулка!

— Господин Паганель, — обратилась к нему леди Элен, — итак, вы думаете, что если потерпевшие крушение попали в руки индейцев, то те пощадили их жизнь?

— Несомненно, сударыня, ведь индейцы не людоеды. Отнюдь нет. Один мой соотечественник, мой знакомый по Географическому обществу, Гинар, провел три года в пампе в плену у индейцев. Он много страдал, с ним обращались жестоко, но в конце концов он вышел победителем из этого испытания. В этих краях европеец — существо полезное; индейцы знают ему цену и заботятся о нем, как о породистом животном.

— Итак, решено, — заявил Гленарван. — Отправляемся в путь, и немедленно. По какой дороге мы направимся?

— По легкой и приятной, — ответил Паганель. — Вначале кое-где по горам, затем по отлогому восточному склону Андского хребта и далее по гладкой равнине, поросшей ровной травой, местами песчаной: настоящий сад.

— Посмотрим по карте, — предложил майор.

— Извольте, дорогой Мак-Наббс. Отыщем на чилийском побережье между мысом Румена и бухтой Карнеро тот пункт, где тридцать седьмая параллель тянется вдоль Американского материка, отсюда двинемся в путь. Миновав столицу Араукании, мы горным проходом Антуко переваливаем через Кордильеры, вулкан останется в стороне, на юге. Затем, спустившись по отлогим склонам горы, перебравшись через Рио-Колорадо, мы двинемся через пампасы к озеру Салинас, к реке Гуамини, к Сьерра-Тапалькем. В этом месте проходят границы провинции Буэнос-Айрес, мы переходим их, поднимаемся на Сьерра-Тандиль и продолжаем наши поиски до мыса Медано на побережье Атлантического океана.

Намечая маршрут предстоящей экспедиции, Пага-

нель ни разу не взглянул на лежавшую перед ним карту: он не нуждался в ней. В его изумительной памяти хранились все труды Фрезье, Молина, Гумбольдта, Мьерса, д'Орбиньи, и он безошибочно и не колеблясь выбирал наилучшее направление. Окончив этот географический перечень, Паганель добавил:

— Итак, друзья мои, путь наш ясен. В месяц мы закончим его и достигнем восточного побережья даже раньше «Дункана», если его случайно задержит в пути западный ветер.

— Стало быть, «Дункан» должен крейсировать между мысом Корриентес и мысом Сан-Антонио? — спросил Джон Манглс.

— Да.

— А кто, по-вашему, войдет в состав экспедиции? — спросил Гленарван.

— Состав экспедиции должен быть немногочисленный. Ведь нам важно разузнать, в каком положении капитан Грант, а не вступать в бой с индейцами. Мне кажется, что Гленарван — наш естественный руководитель, затем майор, который, конечно, никому своего места не уступит и ваш покорный слуга, Жак Паганель...

— И я! — воскликнул юный Грант.

— Роберт! Роберт! — остановила его сестра.

— А почему нет? — отозвался Паганель. — Путешествия закаляют юношей. Итак, мы вчетвером и еще трое матросов с «Дункана»...

— Как, — спросил Джон Манглс Гленарвана, — вы считаете меня лишним в этой экспедиции?

— Дорогой Джон, мы оставляем на борту парохода наших пассажиров, то есть самое драгоценное для нас на свете. А кто лучше может позаботиться о них, чем преданный капитан «Дункана»!

— Значит, нам нельзя сопутствовать вам? — спросила леди Элен, и взор ее затуманился грустью.

— Дорогая Элен, — ответил Гленарван, — наше путешествие должно очень быстро закончиться, и разлука будет недолгой.

— Хорошо, — промолвила Элен. — Поезжайте, горячо желаю вам успеха!

— К тому же это даже не путешествие, — заявил Паганель.

— А что же это такое? — спросила Элен.

— Всего-навсего кратковременное отсутствие. Мы пройдем наш путь, как честные люди, делая как можно больше добра. *Transire benefaciendo*¹ — это наш девиз.

Этими словами Паганель закончил спор, если только слово «спор» можно применить к обсуждению вопроса, по которому не было разногласий.

В этот же день начались приготовления к экспедиции. Решено было держать все в строжайшей тайне, чтобы не привлечь внимания индейцев.

Отъезд назначили на 14 октября. Когда речь зашла о том, кому из матросов отправиться с экспедицией, то все предложили свои услуги; Гленарвану оставалось только выбирать, и он, не желая никого из этих славных малых обидеть, решил бросить жребий. Так и сделали. Жребий выпал помощнику капитана Тому Остину, крепышу Вильсону и Мюльреди, который мог бы состязаться в боксе с самим Томом Сайерсом.

Гленарван проявил исключительную энергию в приготовлениях к отъезду. Он во что бы то ни стало хотел отправиться в назначенный срок и добился этого. Не менее энергично действовал и Джон Манглс. Он запасся углем и был готов выйти снова в море. Джон полагал прибыть к аргентинскому побережью раньше сухопутных путешественников. Отсюда возникло между Гленарваном и молодым капитаном настоящее соревнование, послужившее на пользу общему делу.

14 октября в назначенный час все были готовы. Перед отплытием все собрались в кают-компанию. «Дункан» снимался с якоря, и лопасти винта уже пенили прозрачные воды бухты Талькауано. Гленарван, Паганель, Мак-Наббс, Роберт Грант, Том Остин, Вильсон и Мюльреди, вооруженные карабинами и револьверами Кольта, готовились покинуть яхту. Проводники и мулы уже ждали их у конца бревенчатого мола.

— Пора, — вымолвил, наконец, Гленарван.

¹ Идти, творя добро (лат.).

— Отправляйтесь, мой друг, — стараясь сдержать волнение, ответила Элен.

Гленарван прижал ее к груди. Роберт бросился на шею сестре.

— А теперь, дорогие друзья, — воскликнул Паганель, — крепко пожмем на прощанье друг другу руки и сохраним тепло этого пожатия до встречи на берегах Атлантического океана!

Паганель хотел, пожалуй, невозможного. Однако, прощаясь, некоторые обнимались столь горячо, что пожелание почтенного ученого могло и осуществиться.

Все поднялись на палубу, и семь членов экспедиции покинули «Дункан». Вскоре они высадились у набережной. Маневрировавшая в это время яхта подошла к ним ближе чем на полкабельтова¹.

— Друзья, да поможет вам бог! — крикнула в последний раз Элен с юта.

— И он поможет, — ответил Жак Паганель, — ибо, поверьте, мы и сами будем друг другу помогать.

— Вперед! — скомандовал Джон Манглс механику.

— В путь! — как бы переключаясь с капитаном, крикнул Гленарван.

И в ту секунду, когда всадники понеслись во весь дух по прибрежной дороге, на яхте заработал винт и она на всех парах поплыла в океан.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Переход через Чили

Гленарван включил в состав экспедиции четырех проводников-туземцев: трех мужчин и одного мальчика. Погонщик мулов был англичанин, проживший в этой стране более двадцати лет. Он отдавал своих мулов в наем путешественникам и сам нанимался

¹ Кабельтов — морская мера длины для небольших расстояний, равная 185,2 метра.

к ним проводником через многочисленные перевалы Кордильер.

Перевалив горы, он передавал путешественников «бакеано» — аргентинскому проводнику, хорошо знавшему все дороги в пампе. Англичанин, несмотря на то, что жил среди индейцев и мулатов много лет, не забыл родной язык и свободно объяснялся с путешественниками. Это облегчало положение Гленарвана, который легко мог отдавать всякого рода распоряжения, ибо испанского языка Жака Паганеля, несмотря на все его старания, пока никто не понимал.

При погонщике мулов («катапасе» на чилийском наречии) состояло два подручных туземца-пеона и двенадцатилетний мальчуган. Пеоны погоняли мулов, нагруженных багажом экспедиции, а мальчик вел «мадрину» — малорослую кобылицу, которая, увешанная бубенчиками и колокольчиком, шла впереди, увлекая за собой десять мулов. На семи ехали путешественники, а на восьмом — катапас. Остальные два мула были нагружены съестными припасами и несколькими кусками материи, предназначенной завоевать благосклонность касиков¹ пампы. Пеоны обычно шли пешком. Этот переход через Южную Америку, казалось, должен был совершиться в наилучших условиях как в смысле быстроты, так и в смысле безопасности.

Перевалить через Андский хребет не так-то легко. Предпринять подобное путешествие можно только, имея в своем распоряжении выносливых мулов, из которых лучшие вывезены из Аргентины. У этих превосходных животных выработались свойства, какими их порода первоначально не обладала. Они неприхотливы к пище. Они пьют один раз в день, легко проходят срок километров за восемь часов и покорно несут груз в четырнадцать арробов².

На протяжении всего пути от океана до океана нет ни одного постоянного двора. Путешественники питаются сушеным мясом, рисом, приправленным перцем, и

¹ К а с и к — вождь туземного племени

² А р р о б — местная мера веса, равная 11 килограммам.

дичью, если удастся подстрелить по пути. В горах пьют воду горных потоков, в равнине — воду ручьев, прибавляя несколько капель рома, хранящегося у каждого путешественника в бычьем роге — «шифле». Впрочем, в тех горных краях следует воздерживаться от употребления спиртных напитков, ибо там нервная система у человека и без того находится в очень возбужденном состоянии. Что касается постельных принадлежностей, то они заключаются в местном седле — «рекадо». Это рекадо сделано из «пелионов» — бараньих шкур, дубленных с одной стороны и покрытых шерстью с другой, и укрепляется на муле широкими, богато вышитыми подпругами. Путешественник, завернувшийся ночью в эти теплые пелионы, может спокойно спать, не опасаясь никакой сырости.

Гленарван, будучи опытным путешественником и человеком, который умеет принаравливаться к местным обычаям, приобрел для себя и для своих спутников чилийские одежды. Паганель и Роберт, два ребенка — один побольше, другой поменьше, — пришли в восторг, когда просунули головы в чилийские пончо — широкий плащ с отверстием посередине, на ноги они натянули сапоги, сделанные из кожи задних ног жеребенка. Богато оседланные мулы, которых взнуздали арабскими мундштуками, их длинные кожаные переплетенные поводья, служившие одновременно бичом, идущая впереди кобылица, убранная металлическими украшениями, и двойные холщовые, ярких красок, мешки, «альфорхасы», с запасом съестных припасов, — как пышно все это выглядело! Пока рассеянный Паганель садился на разубранного мула, тот чуть-чуть не лягнул его. Усевшись, наконец, в седло, с неразлучной подзорной трубой через плечо, укрепившись ногами в стремях, он всецело положился на опытность мула, и ему не пришлось в этом раскаяться. Что касается Роберта, то тот сразу же проявил себя великолепным всадником.

Двинулись в путь. Погода стояла чудесная. Небо было безоблачно, с моря дул свежий ветер, смягчая зной. Маленький отряд быстро продвигался по извилистым берегам бухты Талькауано, стремясь выйти, в три-

дцати милях к югу, на тридцать седьмую параллель. Весь день ехали быстро, пробираясь сквозь камыши пересохших болот; ехали почти молча: слишком живы были в памяти минуты расставания с оставшимися на яхте. Еще виднелся дым «Дункана», исчезавшего за горизонтом. Говорил лишь Паганель: прилежный географ задавал сам себе вопросы по-испански и сам же отвечал на том же языке.

Главный проводник — катапас — оказался довольно молчаливым; его профессия не располагала к болтовне. Он почти не говорил со своими леонами, — впрочем, те прекрасно знали свое дело. Если какой-нибудь из мулов останавливался, то они подгоняли его гортанным окриком, если окрик не помогал, то метко брошенный камень преодолевал упрямство животного. Если вдруг ослабевала подпруга или сваливалась уздечка, то леон сбрасывал с себя плащ, покрывал им голову мула, все налаживал, и животное снова продолжало путь.

Погонщики мулов обычно начинают дневной переход тотчас же после завтрака, в восемь часов утра, и делают привал на ночлег в четыре часа пополудни. Гленарван следовал этому обычаю. И вот, когда катапас подал сигнал остановиться, путешественники, ехавшие у пенистых волн океана, приближались как раз к городу Арауко, расположенному в самой южной части бухты. Отсюда до бухты Карнеро, где начинается тридцать седьмая параллель, надо было проехать к западу еще миль двадцать. Поскольку вся эта часть побережья уже была обследована посланными Гленарвана и следов кораблекрушения нигде не было обнаружено, то повторные обследования были бы излишними, и решено было, что город Арауко явится отправным пунктом экспедиции. Отсюда, никуда не отклоняясь, следовало держать путь прямо на восток.

Маленький отряд, войдя в город, расположился на ночлег во дворе харчевни, ибо в помещении было слишком мало удобств.

Арауко — столица Араукании, государства, имеющего в длину сто пятьдесят лье, а в ширину три-

дцать. Населяют Арауканию молуче, эти первородные сыны чилийской расы, воспетой поэтом Эрсилья, — гордое и сильное племя, единственное из американских племен, которое никогда не подпадало под иноземное владычество. Если город Арауко был когда-то подчинен испанцам, то население Араукании оставалось всегда независимым. Оно некогда так же сопротивлялось угнетателям, как ныне сопротивляется захватническим попыткам Чили, и его государственный флаг — белая звезда на лазурном фоне — гордо реет на укрепленном холме, защищающем столицу.

Пока готовили ужин, Гленарван, Паганель и катас прогуливались по городу между домами, крытыми соломенными крышами. В Арауко, кроме церкви и развалин францисканского монастыря, не было ничего достопримечательного. Гленарван попытался получить какие-либо сведения о «Британии», но безуспешно. Паганель приходил в отчаяние, ибо никто из местных жителей не понимал его. Но так как их родной язык был арауканский как здесь, так и до самого Магелланова пролива, то Паганелю его испанский язык мог пригодиться не более, чем древнееврейский. Поэтому географ использовал зрение больше, чем слух. Разглядывая различные типы молуче, он как ученый испытывал истинное наслаждение. Мужчины были рослые, с плоскими лицами меднокрасного цвета, без бороды — у них было в обычае выщипывать себе бороду. С настороженным взглядом, большеголовые, с жесткой гривой черных волос, они проводили время в постыдной праздности, свойственной воинам, не знающим, чем заняться в мирное время. Женщины, жалкие, но выносливые, выполняли всю тяжелую работу по домашнему хозяйству, чистили лошадей скребницей, начищали оружие, пахали, охотились за дичью для своих повелителей мужчин и находили еще время выделывать пончо — национальные плащи бирюзового цвета, причем каждое пончо требовало двух лет работы и стоило не менее ста долларов. В общем, молуче — народ малоинтересный и довольно диких нравов. Им свойственны почти все человеческие пороки, но есть у них добродетель — любовь к независимости.

— Настоящие спартанцы! — повторял Паганель, вернувшись с прогулки и сидя за ужином.

Конечно, почтенный ученый преувеличивал, но еще более удивил он своих собеседников, когда заявил, что его сердце француза сильно билось во время прогулки по городу Арауко. Когда майор спросил, что же вызвало столь внезапное «сердцебиение», то Паганель ответил, что это волнение вполне понятно, ибо некогда один из его соотечественников занимал престол Араукании. Майор попросил географа назвать имя этого монарха. Жак Паганель с гордостью назвал господина де Тонен, экс-адвоката из Периге, милейшего человека, обладателя, пожалуй, несколько уж слишком пышной бороды, претерпевшего в Араукании то, что развенчанные короли охотно называют «неблагодарностью подданных». Заметив, что майор улыбнулся, представив себе адвоката в роли развенчанного короля, Паганель очень серьезно заявил, что легче адвокату стать справедливым королем, чем королю справедливым адвокатом. Эти слова вызвали всеобщий смех, и было предложено выпить «чича»¹ за здоровье бывшего короля Араукании — Орелия Антония Первого. Несколько минут спустя путешественники, завернувшись в пончо, спали крепким сном.

На следующее утро в восемь часов маленький отряд двинулся вдоль тридцать седьмой параллели на восток. Во главе ехал катапас, замыкали шествие пеоны. Дорога пересекала плодородные земли, обильные виноградниками и пастбищами. Но постепенно местность становилась пустынной. Лишь изредка то тут, то там попадались хижины «растреадорес» — индейцев-охотников за дикими лошадьми, знаменитых на всю Америку, или же какая-нибудь брошенная сменная почтовая станция, а ныне приют бродяги туземца. Две реки преградили за этот день путь отряду: река Раке и река Тубаль, но катапас нашел брод, и путешественникам удалось переправиться на противоположный берег. На горизонте простиралась горная цепь Анд, становясь все выше по направлению к северу,

¹ Чича — мансовая водка

с все более частыми и частыми пиками. Но это были еще только предгорья огромного станового хребта Нового Света.

В четыре часа пополудни, после перехода в тридцать пять миль, путешественники сделали привал на просторе под сенью гигантских миртовых деревьев. Мулов разнуздали, расседлали и погнали пастись на густой траве пампы. Из мешков вынули мясо и неизменный рис. После ужина все улеглись на землю, пелионы заменили им одеяла и подушки, и путешественники погрузились в глубокий, восстанавливающий силы сон. Катапас и пеоны бодрствовали поочередно всю ночь.

Так как погода была очень благоприятной, так как все участники экспедиции, не исключая Роберта, хорошо себя чувствовали и так как путешествие началось при столь счастливых предзнаменованиях, то следовало воспользоваться этим, идти вперед и не «упускать счастья», как говорят игроки. Таково было общее мнение.

На следующий день двигались быстро, благополучно переправились через пороги Рио-Бель, а вечером, когда расположились лагерем на берегу реки Био-Био, протекавшей на границе между Чили испанским и Арауканией, Гленарван мог отметить в походном дневнике еще тридцать пять пройденных миль. Местность не меняла своего облика. То был плодородный край, кругом обилие амариллисов, фиалковых деревьев, дурмана, кактусов, покрытых золотистыми цветами. Какие-то звери, среди них дикая кошка, притаились в чаще. Пернатых было мало, лишь порой мелькали то цапля, то одинокая сова, то спасающиеся от когтей сокола дрозды и чомги.

Туземцев почти не было видно. Лишь изредка, словно тени, проносились «гуачосы», в которых течет смешанная кровь индейцев и испанцев. Они мчались верхом на конях, бока которых кровоточили от острых шпор, привязанных к голым ногам всадников. Дорога была совершенно безлюдна, не у кого было получить хоть какие-нибудь сведения. Однако Гленарван примирился с этим. Он старался убедить себя, что индейцы,

по всей вероятности, захватив в плен капитана Гранта, увели его по ту сторону Анд, следовательно, поиски могли дать результаты лишь в пампе, а не здесь. Итак, следовало вооружиться терпением и продвигаться неуклонно вперед.

Семнадцатого тронулись в путь в обычное время и в установленном порядке, соблюдать который было так трудно Роберту, ибо его увлекающийся характер толкал его, к великому отчаянию его мула, опередить мадрину, и лишь строгий окрик Гленарвана возвращал его обратно.

Местность становилась менее ровной. Появившиеся то тут, то там холмы указывали на близость гор, реки все множились, шумно покоряясь прихотливым скатам. Паганель часто обращался к карте, и если какая-нибудь река не была обозначена на ней, что бывало нередко, то его кровь географа закипала и он очаровательно сердился.

— Речка без имени подобна человеку, лишенному гражданских прав! — возмущенно говорил ученый. — Для географического закона она не существует.

И он, не стесняясь, давал имена этим безыменным речкам, отмечая их на своей карте, украшая их самими звучными испанскими названиями.

— Какой язык! — восторгался Паганель. — Какой полнозвучный гармоничный язык! Он словно вылит из металла! Я уверен, что в нем семьдесят восемь частей меди и двадцать две части олова — как в лучшей бронзе, идущей на отливку колокола.

— Но вы-то разве делаете какие-нибудь успехи в испанском языке? — спросил его Гленарван.

— Конечно. Вот только это проклятое произношение! Беда мне с ним!

И Паганель в продолжение пути, не жалея горла, боролся с трудностями испанского произношения, не забывая, однако, делать географические наблюдения. В этой области он был удивительно силен, и тут его никто не мог бы превзойти. Когда Гленарван спрашивал катапаса о какой-нибудь особенности данного края, то ответ географа всегда опережал ответ провод-

ника. Катапас с великим изумлением смотрел на ученого.

В этот день, около десяти часов утра, путь отряда пересекла какая-то дорога. Естественно, Гленарван спросил у катапаса ее название, и, конечно, ему ответил Жак Паганель:

— Это дорога из Умбея в Лос-Анхелес.

Гленарван взглянул на катапаса.

— Совершенно верно, — подтвердил тот и, обратясь к географу, спросил: — Вы, очевидно, уже когда-то здесь проезжали?

— Разумеется! — серьезно ответил Паганель.

— На муле?

— Нет, сидя в кресле.

Катапас, очевидно, не понял его и, пожав плечами, вернулся на свое обычное место во главе отряда.

В пять часов вечера сделали привал в неглубоком ущелье, в нескольких милях от города Лоха. Эту ночь путешественники провели у подножия сьерр — первых ступеней огромного хребта Анд.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

На высоте двенадцати тысяч футов

Переход через Чили совершался до сих пор без каких-либо значительных происшествий. Но, начиная с этого места, отряду предстояло испытать все те препятствия и опасности, с которыми сопряжено путешествие в горах. Здесь должна была начаться ожесточенная борьба с природой.

Необходимо было, до того как выступить в путь, решить, какой перевал через Кордильеры избрать, не отклоняясь от намеченного курса. Спросили катапаса.

— Мне известны в этой части Кордильер, — ответил он, — лишь два перевала, доступные для езды.

— Вы, без сомнения, имеете в виду перевал Арика, открытый Вальдивиа Мендосой? — спросил Паганель.

— Именно.

— А второй — это перевал Вильярика, не правда ли?

— Совершенно верно.

— Но, друг мой, ни тот, ни другой нам не подходят, ибо один уведет нас слишком далеко к северу, а второй к югу.

— А вы можете предложить нам третий проход? — спросил географа майор.

— Да, — ответил Паганель, — а именно проход Антуко, идущий по склону вулкана под тридцать седьмым градусом третьей минутой южной широты, то есть приблизительно в полуградусе от нашего пути. Он лежит всего на высоте тысячи туазов и был открыт Замудно Крусом.

— Прекрасно! — промолвил Гленарван. — Но вам, капитан, известен этот перевал?

— Да, сэр, мне случалось проходить им, и я не упомянул о нем только потому, что это всего лишь горная тропа, по которой пастухи-индейцы гонят скот с восточных склонов гор.

— Ну что ж, друг мой, — ответил Гленарван, — там, где проходят стада кобылиц, баранов и быков, сможем пройти и мы. А поскольку это поведет нас напрямик, будем держаться этого пути.

Немедленно прозвучал сигнал к отправлению, и отряд углубился в долину Лас-Лехас, продвигаясь среди огромных известковых скал. Подъем был незаметен. Около одиннадцати часов утра пришлось обогнуть небольшое озеро, естественный водоем и живописное место встречи всех окрестных рек; журча, стекались они сюда и безмолвно сливались в прозрачных водах озера. Над озером поднимались в гору обширные льяны — равнины, поросшие злаковыми растениями, где пасся скот индейцев. Вскоре отряд попал в болото, тянувшееся и к югу и к северу, и лишь благодаря инстинкту мулов всадники выбрались оттуда благополучно. В час полудни показалась крепость Бальенаре, возвышавшаяся на утесе, увенчивая его острокопечную вершину своими полуразвалившимися стенами. Отряд проехал мимо. Подъем становился все круче, и камни с шумом скатывались вниз из-под ног мулов.

Около трех часов пополудни появились живописные развалины какой-то крепости, разрушенной во время восстания 1770 года.

— Несомненно, — сказал Паганель, — горы недостаточно защищают людей, тут приходится воздвигать крепости.

С этого момента дорога стала тяжелей и опасней. Подъем все круче, пропасти — угрожающе глубокими, а тропинки уже и уже. Мулы осторожно ступали вперед, склонив морды, словно вынюхивая путь. Ехали гуськом. Порой на каком-нибудь крутом повороте мадрина вдруг исчезала из виду, и маленький караван руководился лишь доносившимся до него отдаленным позвякиванием ее колокольчика. Нередко прихотливо извилистая тропа приводила отряд к двум параллельным дорогам, и катапас мог переговариваться со своими пеонами только через разделявшую их непроходимую пропасть, шириной едва в два туаза, но глубиной в двести.

Хотя здесь трава еще сопротивлялась неистовому вторжению камней, но уже чувствовалась победа минерального царства над растительным. Близость вулкана Антуко была заметна по красноватым осколкам застывшей лавы, испещренным иглообразными желтыми кристаллами. Нагроможденные друг на друга утесы, казалось, должны были вот-вот обрушиться, и все же, вопреки всем законам равновесия, они оставались неподвижными. Конечно, стихийные бедствия должны были слегка изменить их внешний облик, и, вглядываясь в эти плоские вершины, эти покосившиеся купола, эти неуклюжие бугры, можно было убедиться, что для этой горной местности час окончательной осадки еще не пробил.

В этих условиях нелегко было находить дорогу. Частые землетрясения меняют рельеф местности, дороги нередко пропадают и опознавательные вехи исчезают. Поэтому катапас колебался: остановившись, он огляделся вокруг и стал пристально разглядывать форму скал, стараясь найти среди легко крошившихся камней следы ног индейцев. Но установить путь безошибочно было невозможно.

Гленарван шаг за шагом следовал за проводником. Он видел, как по мере увеличения трудностей пути росло замешательство катапаса. Он не решался задавать ему вопросы и полагал, быть может не без основания, что и у проводников так же, как у мулов, есть особый инстинкт, на который лучше всего положиться.

Таким образом, почти вслепую, катапас проблуждал еще час, но неизменно поднимался в гору. Наконец, он вынужден был остановиться. Отряд находился на дне одного из тех узких ущелий, которые индейцы называют «кебрадас». Дорогу преградила отвесная скала из порфира. После тщетных поисков какого-нибудь прохода катапас слез с мула, скрестил на груди руки и стал ждать. Гленарван подошел к нему.

— Вы заблудились? — спросил он.

— Нет, сэр, — ответил катапас.

— Однако мы находимся не в проходе Антуко?

— Мы в нем.

— Вы не ошибаетесь?

— Нет, не ошибаюсь. Вот зола от костра, который разводили индейцы, а вот следы, оставленные стадами кобылиц и баранов.

— Значит, они прошли по этой дороге?

— Да, прошли, но теперь по ней пройти нельзя: последнее землетрясение сделало дорогу непроходимой.

— Для мулов, но не для людей, — отозвался майор.

— Ну, это ваше дело, — ответил катапас, — я сделал все, что мог. Мои мулы и я готовы повернуть обратно, и если вам угодно, то будем искать других проходов через Кордильеры.

— А это надолго нас задержит?

— На три дня, не менее.

Гленарван молча слушал катапаса, было очевидно, что последний готов выполнить все, что обязался по договору, но его мулы не могли идти дальше. Однако когда катапас предложил повернуть обратно, то Гленарван, обратившись к спутникам, спросил:

— Ну как, пойдем вперед или повернем?

— Мы хотим следовать за вами, — ответил Том Остин.

— И даже опередить вас, — добавил Паганель. — В чем, собственно, заключается дело? В том, чтобы перевалить через горную цепь, а противоположный склон несравненно более легок для спуска, чем тот, на котором мы находимся сейчас. Спустившись по тому склону, мы найдем и аргентинских проводников — «бакеанос» — и резвых коней, привыкших скакать по равнинам. Итак, вперед, смелей!

— Вперед! — подхватили спутники Гленарвана.

— А вы не отправитесь с нами? — спросил катапаса Гленарван.

— Я погонщик мулов, — ответил тот.

— Как хотите.

— Обойдемся и без него, — сказал Паганель. — По ту сторону этой преграды мы вновь окажемся на тропинках прохода Антуко, и я ручаюсь, что не хуже лучшего местного проводника выведу вас самым прямым путем к подножию Кордильер.

Итак, Гленарван уплатил катапасу то, что ему причиталось, и отпустил его с пеонами и мулами. Оружие, инструменты и кое-какие съестные припасы семь путешественников распределили между собой. С общего согласия решили немедленно пуститься в дальнейший путь и, если понадобится, то продолжать восхождение даже ночью. По левому склону гор змеилась очень крутая тропа, по которой мулы не могли бы пройти. Подниматься по ней было очень трудно, но все же после двух часов напряженного подъема Гленарван и его спутники оказались вновь в проходе Антуко.

Теперь они находились в сущности в той части Анд, которая недалеко от хребта Кордильер. Но ни прото-решиной тропы, ни определенных горных проходов не было заметно. Окрестность сильно изменилась после недавнего землетрясения, и приходилось подниматься по бездорожью все выше и выше к вершинам горной цепи. Неожиданное отсутствие тропы весьма озадачило Паганеля. Он увидел теперь, что подъем на вершину Кордильер, средняя высота которых колеблется

от одиннадцати до двенадцати тысяч шестисот футов, будет очень труден. К счастью, время года благоприятствовало этому: воздух мягкий, небо безоблачно, но зимой — с мая по октябрь¹ — такое восхождение было бы невозможно. Сильные холода губят путешественников, а тех, кого они щадят, часто застигают ярые «темпоралес» — снежные ураганы, присущие этой местности и ежегодно заполняющие пропасти Кордильер новыми жертвами.

Подъем продолжался всю ночь. Цеплялись руками за выступы, взбирались на почти неприступные площадки, перепрыгивали через широкие и глубокие расщелины, плечи служили лестницей, переплетенные друг с другом руки — веревками. Отважные путешественники походили на труппу ловкачей-акробатов. Вот когда нашли широкое применение сила Мюльреди и ловкость Вильсона, — эти два славных шотландца всюду поспевали. Их преданность, их мужество сотни раз выводили маленький отряд из безвыходного положения. Гленарван не спускал глаз с Роберта, так как мальчуган по своей горячности был очень неосторожен. Паганель устремлялся вперед с чисто французским пылом. Что же касается майора, то тот не торопился, но и не отставал, совершенно равнодушно совершая восхождение по склону. Сознал ли он, что вот уже в течение нескольких часов поднимается в гору? Это вопрос. Быть может, он воображал, что спускается под гору.

В пять часов утра барометр показал, что путешественники достигли высоты в семь тысяч пятьсот футов. Таким образом, они находились на вторичных плоскогорьях, там, где уже кончалась древесная растительность. Тут прыгали животные, которые могли бы представить немалый интерес для охотников, но проворные звери прекрасно сознавали это и, еще издали увидев людей, уносились от них со всех ног. Среди них были ламы — драгоценные горные животные, заменяющие барана, быка, лошадь, способные жить там,

¹ В Южном полушарии зима приходится на летние месяцы Северного полушария.

где не смог бы существовать даже мул; были также шиншиллы — маленькие грызуны, кроткие и боязливые, с густым мехом, нечто среднее между зайцем и тушканчиком; их задние лапки делают их похожими на кенгуру, и было очень забавно наблюдать, как эти проворные зверьки, подобно белкам, перепрыгивают с верхушки на верхушку дерева.

— Это еще не птица, но уже не четвероногое, — заметил Паганель.

Однако ламы и шиншиллы были не единственными животными этих гор. На высоте девяти тысяч футов, у границы вечных снегов, бродили целыми стадами жвачные животные необыкновенной красоты: альпака с длинной шелковистой шерстью, безрогая коза, изящная и благородная, которую натуралисты окрестили — викунья, или вигонь. Но приблизиться к ним нечего было и думать, да и рассмотреть их было почти невозможно: они уносились, словно в быстром полете, бесшумно скользя по ослепительно белому снежному ковру.

В этот час облик окружающей местности совершенно преобразился. Со всех сторон вздымались огромные глыбы блистающего льда, местами отливающего синевой, отражая первые лучи восходящего солнца. Подъем становился очень опасным. Никто не отваживался двигаться вперед, не прощупав предварительно очень тщательно, нет ли под ногами расщелины. Вильсон стал во главе отряда, пробуя ногой крепость льда. Его спутники ступали точно по его следам, боясь повышать голос, ибо малейшее сотрясение воздуха могло вызвать обвал снежных масс, нависших футах в семистах или восьмистах над их головами.

Таким образом они достигли пояса кустарника; тот в свою очередь на двести пятьдесят футов выше уступал место злакам и кактусам. Но на высоте одиннадцати тысяч футов даже эти растения покинули бесплодную почву, и все следы растительности исчезли. За это время подъема путешественники сделали лишь один привал, в восемь часов утра, чтобы, слегка закусив, восстановить силы, и со сверхчеловеческим напряжением возобновили подъем, преодолевая все

возраставшие опасности. Им приходилось то перелезать через остроконечные гребни, то пробираться над пропастями, куда заглянуть и то было страшно! Во многих местах попадались деревянные кресты, словно вехи, отмечавшие многочисленные катастрофы. Около двух часов пополудни между оголенными остроконечными вершинами развернулось огромное плато, без всяких следов растительности, напоминавшее пустыню. Воздух был сухой, небо яркоголубое. На этой высоте дожди неизвестны, и влага оседает либо в виде снега, либо в виде града. То тут, то там остроконечные порфировые и базальтовые вершины, словно кости скелета, торчали из-под белого покрова, а порой осколки кварца или гнейса, рассыпавшиеся под действием ветров, обваливались с глухим шумом, и разреженный воздух почти заглушал тупой звук их падения.

Небольшой отряд, несмотря на все свое мужество, все же начал терять силы. Гленарван, видя, насколько изнурены его спутники, уже начал раскаиваться в том, что завел их так глубоко в горы. Юный Роберт старался не поддаваться усталости, но сил у него не могло хватить надолго.

В три часа Гленарван остановился.

— Надо отдохнуть, — сказал он, сознавая, что никто, кроме него, не сделает подобного предложения.

— Отдохнуть, но где? — отозвался Паганель. — Тут нет никакого приюта.

— Тем не менее это необходимо, хотя бы ради Роберта.

— О нет, сэр, я могу еще идти... — возразил отважный мальчуган. — Не останавливайтесь...

— Тебя понесут, мой мальчик, — перебил его Паганель, — нам во что бы то ни стало необходимо добраться до восточного склона. Там, может быть, мы найдем какой-нибудь шалаш. Полагаю, что придется идти еще часа два.

— Никто не возражает? — спросил Гленарван.

— Никто, — хором ответили его спутники.

— А я понесу мальчика, — прибавил Мюльреди.

Отряд снова двинулся на восток. Два часа еще длился этот ужасный подъем. Необходимо было

добраться до вершины. Разреженность воздуха вызывала болезненное удушье, известное под названием «пуна». Десны кровоточили; чтобы ускорить кровообращение, приходилось как можно чаще дышать, а это утомляло; болели глаза от блеска отраженных солнечных лучей на снегу. Как ни велика была сила воли у этих мужественных людей, но настала минута, когда даже самые отважные обессилели, и головокружение, этот ужасный бич гор, лишило их не только физических, но и духовных сил. Нельзя безнаказанно бороться с подобным переутомлением. То один, то другой падал, а поднявшись, не в силах был идти и полз на коленях. Ясно, что перенапряжение вскоре положит конец этому слишком затянувшемуся подъему, и Гленарван с ужасом думал о необозримых снежных просторах, о холоде, о вечернем сумраке, заволакивавшем эти пустынные вершины, об убежище на ночь, как вдруг майор остановил его и произнес спокойно:

— Хижина.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Спуск с Кордильер

Есякий другой на месте Мак-Наббса сто раз прошел бы мимо этой хижины, вокруг нее и даже над нею, не заподозрив о ее существовании. Занесенная снегом, она почти не выделялась среди окрестных скал. Пришлось ее отрывать. Понадобились полчаса упорного труда Вильсона и Мюльреди на то, чтобы прокопать вход в «касучу», и маленький отряд поспешил укрыться там.

Эта касуча, построенная индейцами, сложена была из «адоба» — род кирпичей, обожженных на солнце. Она имела форму куба с гранями в двенадцать футов и стояла на вершине базальтовой скалы. Каменная лестница вела к входу, единственному отверстию в хижине, и как ни узок был этот вход, ураганы, снег или град все же проникали в хижину, когда буран свирепствовал в горах.

В хижине свободно могли разместиться десять человек, и если стены ее недостаточно предохраняли от влаги в период дождей, то в это время года они все же до известной степени защищали от резкого холода — в десять градусов ниже нуля. Кроме того, очаг с дымоходом из наскоро сложенных кирпичей давал возможность развести огонь и успешно бороться с холодом.

— Вот и приют, может быть не очень удобный, но во всяком случае сносный, — промолвил Гленарван.

— Как! — воскликнул Паганель. — Да это дворец! Не хватает только стражи и придворных. Нам будет здесь прекрасно.

— Особенно, когда в очаге запылает яркий огонь, — прибавил Том Остин. — Ведь мы не только проголодались, но и промерзли, меня лично хорошая вязанка дров порадовала бы больше, чем кусок дичи.

— Ну что ж, Том, постараемся раздобыть топливо, — отозвался Паганель.

— Топливо — на вершинах Кордильер? — сказал Мюльреди, недоверчиво покачивая головой.

— Поскольку в касуче сложили очаг, то, видимо, где-то вблизи есть какое-то топливо, — заметил майор.

— Наш друг Мак-Наббс прав, — промолвил Гленарван. — Готовьте все к ужину, а я возьму на себя обязанности дровосека.

— Мы с Вильсоном пойдем вместе с вами, — объявил Паганель.

— Если я могу быть вам полезен... — сказал, вставая с места, Роберт.

— Нет, отдыхай, мой храбрый мальчик, — ответил Гленарван. — Ты станешь настоящим мужчиной уже тогда, когда твои сверстники все еще будут детьми.

Гленарван, Паганель и Вильсон вышли из касучи. Было шесть часов вечера. Несмотря на полное безветрие, мороз сильно пощипывал. Голубое небо постепенно темнело, и последние лучи заходящего солнца озаряли остроконечные вершины горного хребта. Паганель захватил с собой барометр и, взглянув на него, убедился, что ртуть держится на уровне 0,495 миллиметра. Падение ртутного столба барометра соответ-

ствовало высоте в одиннадцать тысяч семьсот футов, следовательно, эта часть Кордильер была ниже Монблана лишь на девятьсот десять метров. Если бы в этих горах надо было преодолевать такие же трудности, какими на каждом шагу изобилует великан Швейцарии, если бы бури и метели ополчились на них, то ни один путешественник, конечно, не перевалил бы через мощную горную цепь Нового Света.

Гленарван и Паганель, взобравшись на порфировый утес, окинули взглядом горизонт. Они находились на самой вершине главного хребта Кордильер и охватывали взором пространство в сорок квадратных миль. Восточный склон шел отлого, по его откосам легко можно было спускаться, и пеоны скользили по ним на протяжении сотен туазов. Вдали продольные полосы камней и заносных валунов, оттесненные туда оползнями ледников, образовали огромные цепи морен. Солнце закатывалось, и долины Колорадо постепенно погружались в сгущавшийся сумрак. Освещенные солнечными лучами, один за другим, постепенно угасали выступы почвы, скалы, шпили, пики, и мало-помалу весь восточный склон Анд погрузился в тьму. На западе отроги горного кряжа, круто подпирающие боковую стену склона, были еще освещены лучами заходящего солнца. Ослепительное впечатление производили скалы и ледники, словно купающиеся в лучах дневного светила. К северу волнообразно спускался ряд вершин; незаметно сливаясь друг с другом, они образовали смутно теряющуюся вдали зыбкую полосу, так что глаз различал ее неотчетливо, словно линию, проведенную неумелою рукой. Но на юге зрелище было великолепное, и по мере приближения ночи оно становилось все величественнее. Внизу виднелась дикая долина Торбидо, над нею в двух милях господствовала гора Антуко с зияющим кратером. Вулкан ревел, словно чудовище, словно библейский Левиафан, изрыгая клокочущие пары, смешанные с клубами огненной сажки. Окружавшие его горы, казалось, были объаты пламенем. Град раскаленных добела камней, облака красноватого дыма, ракеты лавы — все сливалось в огненные снопы. Огромный луч света, поми-

нотно возраставший, и ослепительное зарево заполняло своим резким отражением весь необъятный горизонт, и солнце, постепенно утрачивая сумеречный, едва брезжащий свет, исчезало во мраке, словно угасающее светило.

В импровизированных дровосеках — Паганеле и Гленарване — заговорило чувство художника; они, пожалуй, еще долго восхищались бы великолепной картиной борьбы огней земных с огнями небес, но менее восторженный Вильсон вернул их к действительности. Деревьев, правда, нигде не было, но, к счастью, скалы покрыты были тощим и сухим лишайником; им запаслись в изобилии, а также растением «льяретта», корни которого горят довольно сносно. Лишь только драгоценное топливо было принесено в касучу, как им немедленно заполнили очаг. Разжечь огонь было не легко, еще труднее было поддерживать его. Сильно разреженный воздух содержал мало кислорода для горения — такое по крайней мере объяснение дал майор.

— Зато, — прибавил он, — вода здесь закипит не при ста градусах, а раньше; любителям кофе, сваренного на воде, вскипающей при ста градусах, придется довольствоваться меньшей температурой, ибо кофе закипит при температуре ниже девяноста градусов¹.

Мак-Наббс оказался прав: термометр, опущенный в закипевшую воду, показал всего лишь восемьдесят семь градусов. Все с наслаждением выпили по несколько глотков горячего кофе. Сушеное мясо доставило присутствующим мало удовольствия и вызвало со стороны Паганеля замечание, столь же здравое, сколь и бесполезное.

— Да, — сказал он, — надо признаться, что кусок жареной ламы был бы сейчас очень кстати. Говорят, что это животное заменяет и быка и барана, и мне очень хотелось бы знать, заменяет ли оно также хороший бифштекс.

¹ Понижение точки кипения равняется приблизительно 1 градусу на 324 метра подъема.

— Как! Вы недовольны нашим ужином, ученый Паганель? — спросил Мак-Наббс.

— Я в восторге, почтенный майор, но признаюсь, что блюдо дичи было бы очень кстати.

— Вы сибарит, — сказал Мак-Наббс.

— Совершенно верно, майор, но я уверен, что и вы не отказались бы от доброго бифштекса?

— Пожалуй! — согласился майор.

— А если бы вас попросили сейчас отправиться на охоту, несмотря на холод и тьму, вы пошли бы?

— Конечно. И если вам только угодно...

Не успели еще товарищи Мак-Наббса поблагодарить его, заявив, что не хотят злоупотреблять его бесконечной любезностью, как вдруг послышался отдаленный вой. Он не прекращался. Казалось, то был вой не отдельных животных, а целого быстро приближающегося стада. Географ высказал предположение: не хочет ли провидение, дав им приют, снабдить их еще ужином. Но Гленарван несколько разочаровал его, напомнив, что четвероногие животные Кордильер никогда не встречаются на таких высотах.

— Тогда откуда же этот шум? — спросил Том Остин. — Вы слышите, он приближается?

— Уж не лавина ли? — сказал Мюльреди.

— Нет! — возразил Паганель. — Это настоящий звериный вой.

— Увидим, — сказал Гленарван.

— И увидим с оружием в руках, — добавил майор, беря свой карабин.

Все выбежали из касучи. Ночь наступила темная и звездная. Зазубренный диск убывающей луны еще не вошел на горизонте. Северные и восточные вершины тонули во мраке, и взгляд еле различал фантастические очертания нескольких ближайших утесов. Вой — вой перепуганных зверей — приближался. Он несся со стороны погруженных во мрак гор. Что происходило там? И вдруг на плоскогорье обрушилась бешеная лавина, лавина живых существ, обезумевших от ужаса. Казалось, все плоскогорье дрогнуло. Сотни, быть может, тысячи животных неслись вслепую, производя, несмотря на разреженный воздух, оглушитель-

ный шум. Были ли то дикие звери пампы или же стадо лам и викуней? Гленарван, Мак-Наббс, Роберт, Остин и оба матроса едва успели броситься на землю, как этот живой вихрь промчался в нескольких футах над ними. Паганель, видевший ночью лучше, чем днем, и продолжавший стоять, чтобы все разглядеть, был мгновенно сбит с ног.

В этот момент раздался выстрел. Майор стрелял наугад. Ему показалось, что какое-то животное упало в нескольких шагах от него, тогда как все стадо в неудержимом порыве с еще большим воем уже стремительно неслось по склонам, освещенным отблеском вулкана.

— А! Вот они! — раздался чей-то голос, голос Паганеля.

— Кто это «они»? — спросил Гленарван.

— Да, мои очки. Черт возьми! Как их не потерять при такой сумятице!

— Вы не ранены?

— Нет! помят немножко. Уж не знаю, кем.

— Вот кем, — отозвался майор, волоча за собой животное, которое застрелил.

Все поспешили в касучу и при свете очага стали рассматривать добычу Мак-Наббса.

Это был красивый зверь, похожий на небольшого верблюда, только без горба. У него была изящная голова, стройное тело, длинные, тонкие ноги, шелковистая светлокофейного цвета шерсть с белыми пятнами на брюхе. Взглянув на него, Паганель тотчас же воскликнул:

— Это гуанако!

— Что такое гуанако? — спросил Гленарван.

— Животное, годное в пищу, — ответил Паганель.

— И вкусное?

— Очень. Пища, достойная богов Олимпа! Я знал, что у нас на ужин будет свежее мясо! И какое мясо! Но кто же освежает тушу?

— Я, — сказал Вильсон.

— Прекрасно! А я берусь приготовить жаркое, — ответил Паганель.

— Вы, стало быть, и повар, господин Паганель? — спросил Роберт.

— Конечно, мой мальчик, ведь я француз, а всякий француз немного повар.

Через пять минут Паганель раскладывал на раскаленных углях очага большие куски дичи. Десятью минутами позже он подал товарищам аппетитно зажаренное «филе гуанако». Никто не стал чиниться, и все собрались уписывать мясо за обе щеки.

Но, едва попробовав, путешественники, к великому изумлению географа, сделали гримасу отвращения.

— Отвратительно! — сказал один.

— Совершенно несъедобно! — добавил другой.

Бедный ученый, попробовав своей стряпни, вынужден был согласиться, что подобное жаркое было несъедобно даже и для голодных людей. Товарищи стали подшучивать над ним, к чему он отнесся добродушно, и подняли на смех его «пищу богов». Он сам ломал себе голову, стараясь понять, почему это действительно вкусное и лакомое мясо гуанако превратилось в столь несъедобное. Внезапно его озарила догадка...

— Я понял! — воскликнул он. — Понял, черт побери! Я знаю теперь, в чем дело!

— Быть может, это мясо слишком долго лежало? — спокойно спросил Мак-Наббс.

— Нет, несносный майор, к сожалению, оно слишком долго бежало, и как я мог упустить это из виду!

— Что вы хотите этим сказать, господин Паганель? — спросил Том Остин.

— Я хочу сказать, что мясо гуанако вкусно только тогда, когда животное убито во время отдыха, но если за ним долго охотились и животное долго бежало, тогда его мясо несъедобно. И поэтому, по отвратительному вкусу нашего жаркого, я заключаю, что это животное, как и все стадо, примчалось издалека.

— Вы уверены в этом? — спросил Гленарван.

— Совершенно уверен.

— Но что, какое явление природы могло так сильно напугать животных, что они покинули логова, где им надлежало бы теперь спокойно спать?

— На это, дорогой мой Гленарван, я не могу вам ответить. Поверьте мне, не будем искать дальнейших объяснений, а лучше ляжем спать. Я прямо умираю, так мне хочется спать! Ну как, будем спать, майор?

— Будем спать, Паганель!

Подбросив топлива в очаг, каждый завернулся в свое пончо, и вскоре в хижине раздался богатырский разнозвучный храп, причем громче всего среди этого гармоничного оркестра выделялся бас ученого географа.

Только Гленарван не сомкнул глаз. Его томило какое-то смутное беспокойство. Мысли невольно возвращались к стаду гуанако, в необъяснимом ужасе мчавшемуся в одном направлении. Их не могли преследовать хищные звери — на такой высоте их почти нет, а охотников и того меньше. Что же внушило гуанако такой ужас, что погнало их к пропастям Антуко? Какая причина? Гленарван предчувствовал надвигающуюся опасность.

Однако под влиянием полудремоты мысли его мало-помалу приняли иное направление, и тревога сменилась надеждой. Завтра он со своими спутниками очутится у подошвы Кордильер. Именно там начнутся настоящие поиски капитана Гранта, и, быть может, они вскоре увенчаются успехом. Он мечтал о том, как будут освобождены от тяжкого плена капитан Грант и два его матроса. Одна за другой проносились эти картины в его воображении, но ежеминутно его отвлекало от них то потрескивание искорки, вылетающей из очага, то яркая вспышка пламени, освещавшая лица спавших товарищей и бросающая беглые тени на стены касучи. Но тут же предчувствия снова с еще большей силой овладевали им. Он полусознательно прислушивался к доносившимся извне звукам, трудно объяснимым в этих пустынных горах.

Внезапно ему почудились отдаленные глухие угрожающие раскаты, словно раскаты грома, но они неслись не с неба. Видимо, это была гроза, бушевавшая где-то по склонам горы, на несколько тысяч футов ниже, чем ее вершина. Гленарван решил убедиться в этом и вышел из касучи.

Взошла луна. Воздух был прозрачен и неподвижен. Ни облачка ни внизу, ни на вершинах гор. Лишь кое-где мелькали отблески огнедышащего вулкана Антуко. Ни грозы, ни молний. Высоко в небе мерцали тысячи звезд. А между тем раскаты не умолкали. Казалось, они приближались и неслись вдоль Кордильер. Гленарван вернулся в касучу, еще более обеспокоенный, спрашивая себя, что общего могло быть между этим подземным гулом и бегством гуанако. Не являлось ли одно следствием другого? Он взглянул на часы. Было два часа ночи. Между тем, не будучи твердо уверен в том, что им действительно грозит какая-то опасность, он не разбудил утомленных товарищей, спавших мертвым сном, и сам забылся в тяжелой дремоте, продлившейся несколько часов.

Вдруг ужасающий грохот разом поднял его на ноги, то был оглушительный шум, похожий на скрежет бесконечного множества повозок, везущих по гулкой мостовой ящики с артиллерийскими снарядами. Внезапно Гленарван почувствовал, что почва уходит у него из-под ног; касуча заколебалась, в стенах ее появились трещины.

— Тревога! — крикнул он.

Его спутники, уже проснувшиеся и упавшие кто как попало, сползли вниз по крутому склону горы. Рассветало, и глазам открылась жуткая картина. Облик гор внезапно изменился: они стали ниже; остроконечные вершины их, качаясь, исчезали, словно под ними открывались какие-то люки. Происходило явление, свойственное Кордильерам:¹ горный кряж в несколько миль шириной целиком перемещался, сползая вниз к равнине.

— Землетрясение! — крикнул Паганель.

Он не ошибся. Это было одно из тех стихийных бедствий, которые свойственны гористой границе Чили как раз в этой местности, где в течение четырнадцати лет Копяпо был дважды уничтожен, а Сант-Яго раз-

¹ Почти тождественное явление природы произошло на Монбланской горной цепи в 1820 году. При этой ужасающей катастрофе погибли три проводника из Шамуни. (*Прим. автора.*)

рушен четыре раза. Эта часть земного шара особенно подвержена действию подземного огня, а вулканы этой горной цепи, сравнительно недавнего происхождения, представляют собою недостаточные клапаны для беспрепятственного выхода подземных паров и газов. Отсюда эти непрекращающиеся сотрясения, на местном наречии — «темблорес».

Между тем оторвавшаяся часть горной площадки с находившимися на ней ошеломленными, охваченными ужасом людьми, которые вцепились в росшие кругом лишайники, катилась вниз с быстротой курьерского поезда, то есть пятидесяти миль в час. Невозможно было ни убежать, ни задержаться, ни крикнуть. Подземный гул, грохот сталкивающихся гранитных и базальтовых скал, облака снежной пыли делали какое-либо общение невозможным. Кряж то спускался без толчков и тряски, то, словно судно в бурном море, подвергался килевой и боковой качке. Он проносился мимо пропастей, куда стремглав падали глыбы горных пород, выкорчевывал вековые деревья, подобно гигантской косе, срезал все выступы восточного склона.

Трудно вообразить себе мощь, развиваемую этой массой в миллиарды тонн весом, скользящей со все возрастающей скоростью под уклон в пятьдесят градусов!

Никто не мог бы определить, сколько времени длилось это неопишемое падение. Никто не осмелился вообразить, в какую же пропасть предстояло обрушиться этой громаде. Никто не знал, все ли они еще живы, или кто-нибудь лежит уже распростертый на дне пропасти. Задыхаясь от быстрого спуска, окочевшие от пронизывающего их ледяного ветра, ослепленные снежным вихрем, они еле переводили дух; обессиленные, почти без сознания, цеплялись за скалы, движимые лишь могучим инстинктом самосохранения.

Вдруг толчок невероятной силы оторвал их от скользящего острова, выбросил вперед, и они покатались по последним уступам гор. Плато резко остановилось.

В течение нескольких минут никто не шевелился. Наконец, один поднялся. Оглушенный толчком, он

все же твердо держался на ногах. То был майор. Отряхнув ослеплявшую его пыль, он оглянулся. Вокруг, один возле другого, словно вылетевшие из ружья свинцовые пули, неподвижно лежали его спутники. Майор пересчитал их. Все были налицо, кроме Роберта Гранта.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Спасительный выстрел

Восточный склон Андских Кордильер, спускаясь длинными пологими скатами, незаметно переходит в равнину; на этой равнине оказался обломок горы с путешественниками. В этом новом краю расстилались тучные пастбища, высились, образуя настоящий лес, великолепные деревья и несметное число яблонь, отягощенных золотистыми плодами, посаженных еще во времена завоевания материка. То был, казалось, уголок плодородной Нормандии, заброшенный на эти плоские равнины, и при всяких иных обстоятельствах путешественник был бы поражен столь внезапным переходом от пустыни к оазису, от снеговых вершин к зеленеющим лугам, от зимы к лету.

Почва вновь стала совершенно неподвижной. Землетрясение прекратилось, и подземные силы проявляли, видимо, свою разрушительную работу где-то дальше, ибо цепь Кордильер всегда в каком-нибудь месте подвержена колебаниям или сотрясениям почвы. На этот раз землетрясение отличалось особой силой. Очертания гор резко изменились. На фоне голубого неба вырисовывалась новая панорама вершин, гребней, пиков, и проводник по пампе напрасно стал бы искать на них привычных ориентиров. Начинался восхитительный день. Восстав со своего влажного ложа — Тихого океана, — солнечные лучи скользили по серебристому простору, погружаясь в волны уже другого океана.

Было восемь часов утра.

Гленарван и его спутники благодаря усилиям майора мало-помалу вернулись к жизни. Они были

лишь сильно оглушены. Итак, они спустились с Кордильер и могли бы приветствовать такое передвижение, все заботы о котором взяла на себя природа, если бы не исчез один из них, самый слабый, еще ребенок, Роберт Грант.

Мужественный мальчик покорила сердца спутников. Паганель, особенно к нему привязавшийся, да и майор, несмотря на свой холодный вид, — все полюбили его, но больше всех полюбил его Гленарван. Он пришел в отчаяние, когда узнал об исчезновении Роберта. Гленарван словно видел несчастного мальчика, лежащего на дне пропасти и тщетно зовущего на помощь его, своего второго отца.

— Друзья мои, друзья мои, — говорил Гленарван, с трудом удерживая слезы, — нужно искать его, надо его найти! Не можем мы его бросить на произвол судьбы! Ни одна долина, ни одна пропасть, ни одна бездна не должны остаться необследованными. Обвяжите меня веревкой! Спустите в эти пропасти! Я так хочу! Слышите: хочу! Лишь бы Роберт был жив! Утратив сына, как мы осмелимся найти его отца? И какое имеем мы право спасти капитана Гранта ценою жизни его ребенка!

Спутники Гленарвана молча слушали его. Они понимали, что он жаждет прочесть в их глазах хотя бы тень надежды, и избегали смотреть на него.

— Ну что ж, — продолжал Гленарван, — вы слышали меня! Вы молчите! Так, значит, вы больше уже ни на что не надеетесь! Ни на что!

Все молчали. Наконец, заговорил Мак-Наббс:

— Кто из вас, друзья мои, помнит, в какой именно момент исчез Роберт?

Ответа на этот вопрос не последовало.

— Скажите по крайней мере, подле кого был мальчик во время спуска? — продолжал майор.

— Подле меня, — отозвался Вильсон.

— До какого момента ты видел его подле себя? Постарайся припомнить! Говори!

— Я помню вот что, — ответил Вильсон: — минуты за две до толчка, которым кончился наш спуск,

Роберт, уцепившись за пучок лишайника, держался еще подле меня.

— Минуты за две? Подумай хорошенько, Вильсон. Минуты могли показаться тебе очень долгими. Не ошибаешься ли ты?

— Думаю, что не ошибаюсь. Да, именно так: минуты за две, а быть может, и того меньше.

— Пусть так. А где находился Роберт: справа или слева от тебя? — спросил Мак-Наббс.

— Слева. Я помню, как его пончо хлестало меня по лицу.

— А ты по отношению к нам находился с какой стороны?

— Тоже слева.

— Итак, значит, Роберт мог исчезнуть только с этой стороны, — проговорил майор, поворачиваясь к горе и указывая вправо. — Прибавлю, что, принимая во внимание время исчезновения мальчика, можно с уверенностью сказать, что он упал на ту часть горы, которая снизу ограничена равниной, а сверху — стеной в две тысячи футов. Там-то и следует его искать, и, распределив между собой этот район, мы там его и найдем.

Никто не прибавил ни слова. Шесть человек взобрались по склону Кордильер, расположились цепью на хребте и начали на разной высоте поиски. Держась вправо от линии спуска, они обыскивали малейшие трещины, спускались, рискуя жизнью, на дно пропастей, местами заваленных обломками массива, и выбирались оттуда с окровавленными руками и ногами, в изодранной одежде. В течение долгих часов вся эта часть Кордильер, за исключением нескольких, совершенно недоступных плоскогорий, была обследована самым тщательным образом, и ни одному из этих мужественных людей не пришлось в голову подумать об отдыхе. Но, увы, все поиски оказались тщетными. Ребенок нашел в горах не только смерть, но и могилу, навеки сокрытую надгробной плитой какой-нибудь огромной скалы.

Около часа дня Гленарван и его спутники, разбитые усталостью, удрученные, вновь сошлись на дне

долины. Гленарван глубоко страдал. Он говорил с трудом, с его губ слетали одни и те же слова, прерываемые вздохами:

— Не уйду отсюда! Не уйду!

Всем понятно было это упорство, превратившееся в навязчивую идею, и каждый отнесся к нему с уважением.

— Подождем, — сказал Паганель майору и Тому Остину, — отдохнем немного и восстановим силы. Это нам необходимо независимо от того, возобновим ли мы наши поиски, или будем продолжать наш путь.

— Да, — ответил Мак-Наббс, — останемся здесь, раз этого хочет Эдуард. Он надеется — но на что он надеется?

— Бог его знает, — сказал Том Остин.

— Бедный Роберт! — промолвил Паганель, вытирая слезы.

В долине росло множество деревьев. Майор выбрал место под группой высоких рожковых деревьев и распорядился разбить временный лагерь. Несколько одеял, оружие, немного сушеного мяса и риса — вот все, что уцелело у путешественников. Вблизи протекала речка, где черпали еще мутную после обвала воду. Мюльреди развел на траве костер и вскоре подал своему хозяину горячий, подкрепляющий силы напиток. Но Гленарван отказался от него и продолжал лежать в оцепенении на раскинутом пончо.

Так прошел день. Настала ночь, такая же тихая и безмятежная, какой была вначале и предыдущая ночь. В то время как все улеглись, хотя и не засыпали, Гленарван снова отправился на поиски по склонам Кордильер. Он прислушивался, надеясь, что услышит призыв мальчика. Он поднялся высоко, углубился далеко в горы один и, приложив ухо к земле и стараясь укротить биение сердца, прислушивался.

В течение всей ночи бедный лорд блуждал в горах. То Паганель, то майор шли за ним следом, готовые поддержать его на скользких гребнях, у края пропасти, куда увлекала его бесполезная отвага. Но его последние усилия, его стократ повторяемый при-

зв: «Роберт! Роберт!» — оказались бесплодными, — оплакиваемое им имя повторяло лишь эхо.

Настало утро. Друзьям пришлось идти за Гленарваном на отдаленное плоскогорье и силой увести в лагерь. Он был в невыразимом отчаянии. Кто осмелился бы заговорить с ним о дальнейшем пути, кто посмел бы предложить ему покинуть эту роковую долину? А между тем не хватало уже съестных припасов. Где-то вблизи должны были находиться те аргентинские проводники, о которых говорил им катапас, и лошади, необходимые для перехода через пампу. Вернуться было гораздо трудней, чем идти вперед. Кроме того, было условлено встретиться с «Дунканом» на побережье Атлантического океана. Эти веские соображения не допускали дальнейшего промедления, и в общих интересах необходимо было продолжать путь.

Мак-Наббс попытался отвлечь Гленарвана от его горестных мыслей. Долго уговаривал он друга, но тот, казалось, не слышал его и только отрицательно качал головой. Наконец, он пробормотал:

— Выступать?

— Да, выступать.

— Подождем еще час.

— Хорошо, подождем, — согласился майор.

Час прошел, Гленарван стал умолять переждать еще час. Казалось, что это приговоренный к смерти молит о продлении жизни. Так шло время приблизительно часов до двенадцати. Наконец, Мак-Наббс, посоветовавшись со всеми, решительно заявил, что надо отправляться в путь, ибо от этого зависит жизнь всех его спутников.

— Да, да, — отозвался Гленарван, — надо, надо отправляться.

Но, говоря это, он не глядел на Мак-Наббса. Его взор был устремлен на какую-то черную точку высоко в небе. Вдруг он поднял руку и замер.

— Вон там, там! — крикнул Гленарван. — Смотрите! Смотрите!

Все взглянули туда, куда он так настойчиво указывает. В это время черная точка заметно увеличи-

лась. Это была птица, парившая на неизмеримой высоте.

— Это кондор, — сказал Паганель.

— Да, кондор, — отозвался Гленарван. — Как знать! Он несется сюда, снижается... Подождем.

На что надеялся Гленарван? Не помутился ли его рассудок? Что значили слова: «Как знать»?

Паганель не ошибся: все яснее и яснее можно было разглядеть кондора. Этот великолепный хищник, перед которым некогда благоговели инки¹, был царем Анд. В этом краю он достигает необычайно крупных размеров. Сила его изумительна, он нередко сталкивает в пропасть быка. Он набрасывается на бродящих по равнинам овец, козлят, телят и, вцепившись в жертву, поднимается с ней на большую высоту. Нередко кондор парит на высоте двадцати тысяч футов, то есть на высоте, недоступной человеку. Отсюда этот невидимый царь воздушных пространств зорко оглядывает землю и замечает там такие неуловимые глазом предметы, что изумляет естествоиспытателей.

Но что такое заметил этот кондор? Быть может, труп Роберта Гранта?

— Как знать! — повторял Гленарван, не спуская с него глаз.

А чудовищная птица приближалась, то паря в воздухе, то стремительно падая вниз, словно неодушевленное тело, брошенное в пространство. Но вскоре хищник начал описывать большие круги не выше, чем семьсот футов над землей. Теперь кондора можно было рассмотреть ясно: ширина его могучих растопыренных крыльев превышала пятнадцать футов, он держался в воздухе, еле взмахивая ими, так как большим птицам свойственно летать с величественным спокойствием, тогда как насекомым, чтобы удержаться в воздухе, приходится беспрестанно махать крыльями.

Майор и Вильсон схватили карабины. Гленарван жестом их остановил. Кондор описывал круги над одним из недоступных для человека плато Кордильер, находившимся приблизительно в четверти мили от

¹ Древние индейские племена.

наших путников. Огромная птица носилась с головокружительной быстротой, то выпуская, то пряча страшные когти, время от времени трясая своим хрящеватым гребнем.

— Это там! Там!.. — крикнул Гленарван.

Вдруг в его голове промелькнула догадка.

— Если Роберт еще жив! — воскликнул он в ужасе. — То эта птица... Стреляйте, друзья мои, стреляйте!

Но было уже поздно: кондор исчез за высокими выступами скалы. Прошла секунда, показавшаяся столетием... Но вот огромная птица появилась снова; она летела медленнее, отягощенная грузом.

Раздался вопль ужаса — в когтях у кондора висело и качалось безжизненное тело, то было тело Роберта Гранта. Хищник, вцепившись в одежду мальчика, парил в воздухе футах в ста пятидесяти над лагерем. Он заметил путешественников и, стремясь со своей тяжелой добычей поскорее скрыться, мощно рассекал крыльями воздух.

— А! — крикнул Гленарван. — Пусть лучше тело Роберта разобьется о скалы, чем послужит...

Он не договорил и, схватив карабин Вильсона, прицелился в кондора, но рука его дрожала, глаза заволокли туманом, он не мог навести ружье.

— Предоставьте это мне, — сказал майор.

И, неподвижный, спокойный, уверенный, Мак-Наббс прицелился в кондора: тот был от него уже в трехстах футах.

Но не успел майор нажать курок карабина, как в глубине долины раздался выстрел; белый дымок поднялся между двумя базальтовыми громадами, и кондор, пораженный пулей в голову, описывая круги, стал медленно, словно на парашюте, спускаться на своих широко распростертых крыльях. Не выпуская добычи, он мягко упал футах в десяти от крутого берега ручья.

— Теперь за нами дело! За нами! — крикнул Гленарван.

И, не стараясь узнать, откуда раздался спасительный выстрел, он кинулся к кондору. Спутники после-

довали за ним. Когда они добежали до кондора, тот был уже мертв, а тела Роберта почти не было видно из-под его широких крыльев.

Гленарван бросился к мальчику, вырвал его из когтей птицы, уложил на траву и приник ухом к груди безжизненного тела.

Никогда из уст человеческих не вырывалось еще такого радостного возгласа, какой вырвался в этот миг у Гленарвана:

— Он дышит! Он жив!

В одну минуту с Роберта сняли одежду, смочили ему лицо свежей водой. Он пошевелился, приоткрыл глаза, посмотрел вокруг себя и прошептал:

— А, это вы, сэр... отец мой!

Гленарван, задыхаясь от волнения, был не в силах ответить и, опустившись на колени возле чудом спасенного мальчика, заплакал от радости.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Испанский язык Жака Паганеля

Роберт, избавившись от одной страшной опасности, тут же подвергся другой, пожалуй не меньшей: его едва не задушили в объятиях. Как он ни был слаб, но все же ни один из его спутников не смог удержаться от того, чтобы не прижать мальчика к сердцу. Надо полагать, что такие объятия не губительны для больных; по крайней мере Роберт от них не умер.

Затем мысли путешественников от спасенного обратились к спасителю, и, разумеется, майору первому пришлось в голову осмотреться кругом.

Шагах в пятидесяти он увидел человека очень высокого роста, неподвижно стоявшего на уступе у самой подошвы горы. У ног его лежало длинное ружье. У этого столь неожиданно появившегося незнакомца были широкие плечи, длинные волосы, схваченные кожаным ремешком. Рост его превышал шесть футов, смуглое лицо было раскрашено: переносица красной

краской, веки — черной, лоб — белой. Одет он был, как полагается жителю пограничной полосы Патагонии: на нем был великолепный, сшитый жилами страусиный плащ из шкуры гуанако, пушистой шерстью наружу, и разукрашенный красными фантастическими узорами. Под плащом виднелась нижняя одежда из лисьего меха, туго стянутая в талии и спереди заканчивающаяся клинышком. На поясе висел мешочек с красками для раскрашивания лица. Обувь его была сшита из бычьей кожи и у лодыжек крестообразно перевязана ремешками.

Несмотря на пеструю расцветку, лицо патагонца было величественно и обличало недожизненный ум. Стоя в позе, полной достоинства, он ждал, что произойдет. Эту неподвижную и внушительную фигуру, стоящую на скалистом пьедестале, можно было принять за статую, олицетворяющую бесстрашие.

Заметив патагонца, майор указал на него Гленарвану, и тот быстро подошел к нему. Патаговец сделал два шага вперед. Гленарван схватил его руку и крепко пожал. В глазах лорда, во всем его облике, в его сияющем лице светилась такая признательность, такая горячая благодарность, что патаговец не мог не понять его. Он слегка наклонил голову и произнес несколько слов, которые, однако, ни майор, ни его друг не поняли.

Тогда патаговец, внимательно всмотревшись в чужестранцев, заговорил на другом языке, но и на этот раз его не поняли. Впрочем, некоторые произнесенные туземцем фразы показались Гленарвану похожими на испанский язык, на котором он знал несколько необходимых слов.

— *Español?* — спросил он.

Патаговец кивнул головой сверху вниз — движение, имеющее у всех народов одинаковое значение.

— Отлично, — заявил майор, — теперь дело за нашим другом Паганелем. Хорошо, что ему пришлось в голову изучать испанский язык!

¹ Испанец?

Позвали Паганеля. Он немедленно прибежал и приветствовал патагонца с чисто французской грацией, которую тот, по всей вероятности, не смог оценить. Географу тогда же рассказали обо всем.

— Чудесно! — воскликнул он.

И, широко открывая рот, чтобы яснее выговаривать, он проговорил:

— Vos sois um homem de bem! ¹

Туземец внимательно слушал, но ничего не отвечал.

— Он не понимает, — промолвил географ.

— Быть может, вы неправильно произносите? — высказал предположение майор.

— Возможно. Произношение дьявольское!

И Паганель снова повторил свою любезную фразу, но результат был все тот же.

— Изменим фразу, — сказал географ и произнес медленно и внушительно: — Sem duvida, um Pata-gão? ²

Тот попрежнему молчал.

— Dizeime! ³ — добавил Паганель.

Патаговец и на этот раз не проронил ни слова.

— Vos compreendeis? ⁴ — закричал Паганель так громко, что едва не порвал себе голосовые связки.

Было очевидно, что индеец ничего не понимал, так как, наконец, ответил по-испански:

— No comprendo ⁵.

Теперь настала очередь Паганеля изумляться, и он с видимым раздражением спустил очки со лба на глаза.

— Пусть меня повесят, если я понимаю хоть слово на этом дьявольском наречии! — воскликнул он. — Повидимому, это арауканское наречие.

— Да нет же, — отозвался Гленарван, — этот человек, несомненно, ответил по-испански.

И, повернувшись к патагонцу, он вновь спросил его:

¹ Вы славный человек!

² Конечно, вы патаговец?

³ Отвечайте!

⁴ Вы понимаете?

⁵ Не понимаю.

— Español?

— Si, si! ¹ — ответил туземец.

Паганель остолбенел от удивления. Майор и Гленарван переглянулись.

— Я боюсь, мой ученый друг, — начал, слегка улыбаясь, майор, — не произошло ли здесь какого-нибудь недоразумения и не стали ли вы жертвой своей рассеянности, которая, как мне кажется, вас неотступно преследует?

— Что? Что? — насторожился географ.

— Дело в том, что патаговец, несомненно, говорит по-испански.

— Он?

— Да, он! Не изучили ли вы случайно какой-нибудь другой язык, приняв его...

Мак-Наббс не успел договорить. Негодующий возглас Паганеля, сопровождаемый возмущенным пожатием плеч, прервал его.

— Вы слишком многое позволяете себе, майор, — сказал Паганель сухо.

— Так почему же вы его не понимаете? — ответил Мак-Наббс.

— Не понимаю его потому, что туземец говорит на плохом испанском наречии, — ответил раздраженно географ.

— Вы считаете, что он говорит на плохом наречии, потому что не понимаете его? — спокойно сказал майор.

— Послушайте, Мак-Наббс, — вмешался Гленарван, — ваше предположение невероятно. Как ни рассеян наш друг Паганель, но вряд ли можно допустить, чтобы он вместо одного языка изучил другой.

— Тогда, дорогой Эдуард, или лучше вы, почтенный Паганель, объясните мне происходящее.

— Я ничего не хочу объяснять, — ответил географ. — Я свидетельствую: вот книга, по которой я ежедневно изучал испанский язык. Взгляните на нее, майор, и вы увидите, что я не ввожу вас в заблуждение!

¹ Да, да!

С этими словами Паганель начал рыться в своих многочисленных карманах и спустя некоторое время вытащил весьма потрепанный томик и торжествующе подал его майору. Тот взял книжку и взглянул на нее.

— Это что за литературное произведение? — спросил он.

— Это «Луизиада», — ответил Паганель, — великолепная героическая поэма, которая...

— «Луизиада»? — воскликнул Гленарван.

— Да, друг мой, не более не менее, как «Луизиада» великого Камозэнса!

— Камозэнса? — повторил Гленарван. — Но, бедный друг мой, ведь Камозэнс португалец! Вы, значит, в течение шести недель изучаете португальский язык!..

— Камозэнс... «Луизиада»... Португальский язык... — вот все, что мог пролепетать Паганель.

Глаза его под очками смущенно забежали, тотчас раздался гомерический смех обступивших его спутников.

Патагонец и бровью не повел. Он спокойно ждал объяснения этой непонятной ему сцены.

— Ах, я безумец, ах сумасшедший! — воскликнул, наконец, Паганель. — Так вот что произошло! И все это не шутка! Все это произошло со мной! Да ведь это вавилонское смешение языков! Ах, друзья мои, друзья мои! Подумайте только: ехать в Индию и очутиться в Чили! Изучать испанский язык, а выучить португальский! Нет, это слишком! И если так будет продолжаться, то в один прекрасный день вместо того, чтобы выбросить в окно свою сигару, я выброшусь сам!

Наблюдая, как Паганель относится к своему злоключению, видя, как он переживает эту досадную неудачу, нельзя было не смеяться, и он первый подал тому пример.

— Смейтесь, друзья мои, смейтесь от всей души! — повторял он. — Поверьте, я сам больше всех смеюсь над собой! — Тут он так захохотал, как, по всей вероятности, не хохотал ни один ученый в мире.

— Тем не менее мы все же остались без переводчика, — промолвил майор.

— О, не приходите в отчаяние, — отозвался Паганель, — португальский и испанский языки настолько схожи, что я даже перепутал их, но это сходство поможет мне быстро исправить ошибку, и вскоре я смогу поблагодарить этого достойного патагонца на языке, которым он столь хорошо владеет.

Паганель не ошибся, ибо через несколько минут ему удалось обменяться с туземцем несколькими словами. Географ узнал, что патагонца зовут Талькав, что на арауканском языке значит «громовержец». По всей вероятности, это прозвище было ему дано благодаря его искусству в обращении с огнестрельным оружием.

Но особенно обрадовался Гленарван тому, что патаговец оказался профессиональным проводником по пампе. Встреча с патагонцем являлась такой необыкновенной удачей, что все окончательно уверовали в успех экспедиции, и никто больше не сомневался в спасении капитана Гранта.

Между тем путешественники вернулись с индейцем к Роберту. Мальчик протянул руки к туземцу, и тот безмолвно положил ему на голову руку. Он осмотрел мальчика, ошупал ушибленные места. Затем, улыбаясь, пошел к берегу реки, сорвал там несколько пучков дикого сельдерея и, вернувшись, натер им тело больного. Благодаря этому чрезвычайно осторожному массажу мальчик почувствовал прилив сил, и было очевидно, что несколько часов покоя поставят его на ноги.

Итак, было решено, что этот день, а также следующую ночь посвятят отдыху. К тому же надлежало обсудить и решить два важных вопроса: о пище и о транспорте. Ни съестных припасов, ни мулов у путешественников не было. К счастью, с ними был Талькав. Теперь этот проводник, привыкший сопровождать путешественников вдоль границы Патагонии, один из самых умных местных бакеанос, взялся снабдить Гленарвана всем необходимым для его небольшого отряда. Он предложил отправиться в индейскую «тольдерию» (деревню), находившуюся всего в четырех милях от них, где, по его словам, можно достать все

необходимое для экспедиции. Это предложение сделано было наполовину при помощи жестов, наполовину при помощи испанских слов, которые Паганелю удалось понять. Оно было принято. Гленарван и его ученый друг, простившись с товарищами, немедленно направились вслед за проводником-патагонцем вверх по течению реки.

Полтора часа они шли быстро, едва поспевая за великаном Талькавом. Вся прилегавшая к подножию Кордильер местность отличалась красотой и замечательным плодородием. Сменяя друг друга, тянулись тучные пастбища. Казалось, тут свободно могло прокормиться стотысячное стадо жвачных животных. Широкие пруды, соединенные между собой частой сетью речек, обильно питали влагой зеленеющие равнины. Черноголовые лебеди игриво плескались в этом водяном царстве, оспаривая его у множества страусов, резвившихся среди льяносов¹. Царство пернатых, шумное, яркое по краскам, было очень разнообразно. «Изакас» — изящные, серенькие с белыми полосками горлицы — и желтые «кардиналы» красовались на ветвях деревьев, словно живые цветы. Перелетные голуби мчались куда-то вдаль, и стая разнообразных воробьев — «чинголос», «ильчуэрос», «монхитас» — преследовали друг друга, наполняя воздух пронзительным чириканьем. Жак Паганель восторженно любовался всем окружающим, и с его уст непрерывно срывались восклицания, к большому удивлению патагонца, считавшего вполне естественным, что по воздуху летают птицы, на прудах плавают лебеди, а на лугах растут травы. Ученому-географу не пришлось ни жалеть о предпринятой прогулке, ни жаловаться на ее продолжительность. Они уже достигли становища индейцев, а ему показалось, что он только что пустился в путь. Тольдерия раскинулась в глубине долины, сжатой отрогами Анд. Здесь, в шалашах из ветвей, жило человек тридцать туземцев-кочевников, которые пасли огромные стада тучных коров, быков, лошадей и овец. Они перегоняли их

¹ Льяносы — высокотравные степи в Южной Америке.

с пастбища на пастбище и всюду находили для своих четвероногих питомцев обильную пищу.

Андо-перуанцы — помесь племен арауканов, пуээльче и аукассов. Цвет их кожи имеет оливковый оттенок, они среднего роста, коренастые, с почти круглым овалом лица, низким лбом, выдающимися скулами, тонкими губами, с женоподобными чертами, тупым выражением лица. Антрополог сразу сказал бы, что эти туземцы не являются представителями чистой расы. Вообще они были мало интересны, но Гленарвану нужны были не они, а их стада. А поскольку у кочевников имелись быки и лошади, то ему больше от них ничего и не требовалось.

Талькав взялся вести переговоры и быстро пришел к соглашению. В обмен на семь низкорослых лошадок аргентинской породы с полной сбруей, сто фунтов сушеного мяса, несколько мер риса и несколько бурдюков для воды индейцы соглашались (вместо вина или рома, что для них было более ценно) взять двадцать унций золота, назначение которого они прекрасно знали. Гленарван хотел купить восьмью лошадь для патагонца, но тот дал понять, что в этом нет нужды.

Торг был закончен, Гленарван распрощался со своими новыми «поставщиками», как их назвал Паганель, и меньше чем через полчаса все трое вернулись в лагерь. Там их встретили восторженными криками, которые, по правде говоря, относились больше к съестным припасам и верховым лошадям. Все закусили с большим аппетитом.

Поел немного и Роберт. Его силы почти восстановились.

Остаток дня был посвящен полному отдыху. Говорили понемногу обо всем: о милых спутниках, оставленных на яхте, о самой яхте, о капитане Джоне Манглсе, о его славной команде, о Гарри Гранте, который, возможно, был где-нибудь недалеко.

Паганель не расставался с индейцем — он сделался тенью Талькава. Географ был вне себя от радости: наконец-то он увидел настоящего патагонца, рядом с которым он казался карликом, патагонца, могущего почти соперничать своим ростом с мексиканским импе-

ратором Максимилианом и с тем негром из Конго, восьми футов ростом, которого видел ученый Ван-дер-Брок. Паганель оглушал невозмутимого Талькава испанскими фразами, и тот терпеливо выслушивал его. На этот раз географ изучал испанский язык без книги. Слышно было, как он явственно произносил испанские слова, напрягая то горло, то язык, то челюсти.

— Если я не усвою произношения, то будьте снисходительны ко мне, — повторял он майору. — Но мог ли я когда-нибудь предполагать, что испанскому языку меня будет обучать патаговец!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Рио-Колорадо

На следующий день, 22 октября, в восемь часов утра Талькав подал сигнал к отправлению. Аргентинская равнина между двадцать вторым и сорок вторым градусами долготы понижается с запада на восток: путешественникам предстояло только спускаться по отлогому склону к морю.

Когда патаговец отказался от предложенной лошади, то Гленарван решил, что Талькав, подобно местным проводникам, предпочитает идти пешком, — что при его длинных ногах было, конечно, легко.

Но Гленарван ошибся.

В момент отъезда Талькав свистнул по-особому, и тотчас же из соседней рощицы выбежала великолепная аргентинской породы рослая лошадь. Это было необыкновенно красивое животное караковой масти, выносливое, гордое, смелое и горячее. Маленькая, изящно посаженная голова, раздувающиеся ноздри, глаза, полные огня, широкие подколенки, крутой загривок, высокая грудь, длинные бабки — словом, все говорило о силе и гибкости. Мак-Наббс, знаток лошадей, не мог вдоволь налюбоваться этим представителем пампаских коней, он находил у него некоторое сходство с английским гунтером. Красавец конь носил

имя «Таука», что на патагонском языке значит «птица», и, несомненно, заслуживал это прозвище.

Лишь только Талькав вскочил на коня, тот встал на дыбы и рванулся вперед. Нельзя было не залюбоваться патагонцем, этим великолепным наездником. Его снаряжение заключалось в двух охотничьих приспособлениях, бывших в большом ходу в аргентинских равнинах: бола и лассо. Бола состоит из трех шаров, соединенных кожаным ремнем. Индеец бросает их с расстояния в сто шагов в преследуемого зверя или врага столь метко, что этот снаряд опутывает ноги жертвы и она тут же падает. Итак, в руках индейца — это грозное оружие, и владеет он им с поразительной ловкостью. Лассо — ремень, футов в тридцать длиной, туго сплетенный из двух кожаных полос, заканчивается затяжной петлей, скользящей по железному кольцу. Эту затяжную петлю бросают правой рукой, в то время как левой держат ремень, конец которого крепко прикреплен к седлу. Длинный, перекинутый через плечо карабин дополнял вооружение патагонца.

Талькав, не замечая, повидимому, восторга, вызванного его изящной, непринужденной и гордой осанкой, стал во главе отряда, и все двинулись в путь. Всадники скакали то галопом, то ехали шагом, ибо аргентинским лошадям, видимо, рысь была несвойственна. Роберт ехал верхом так смело, что Гленарван уверился в его способности крепко держаться в седле.

Пампа начинается у самого подножья Кордильер. Ее можно делить на три зоны: первая идет от хребта Анд и покрыта низкорослыми деревьями и кустарником, она тянется на двести пятьдесят миль; вторая, шириной в четыреста пятьдесят миль, поросшая великолепными травами, кончается в ста восьмидесяти милях от Буэнос-Айреса. Отсюда до самого моря путешественник едет безбрежными лугами и мнет поросли люцерны и чертополоха, — это третья зона пампы.

Когда отряд Гленарвана выехал из ущелий Анд, то прежде всего натолкнулся на множество подвижных песчаных дюн, называемых «меданос». Если

в дюнах корни растений глубоко не переплетены между собой, то ветер гонит песок словно морские волны. Этот песок, необыкновенно мелкий, при малейшем дуновении взвигается легким облаком, превращаясь порой в настоящие смерчи, поднимающиеся на большую высоту. Это зрелище одновременно и радует взор и неприятно для глаз. Радует, ибо трудно вообразить себе что-либо более своеобразное, чем эти бродящие по равнине смерчи: то сталкивающиеся, то смешивающиеся, падающие и вновь вздымающиеся в каком-то хаотическом беспорядке; оно неприятно, ибо от бесчисленных меданос в воздухе отделяется мельчайшая пыль, проникающая в глаза, как плотно их ни прикрывай.

Это явление, вызванное северным ветром, продолжалось в течение почти всего дня. Тем не менее отряд быстро двигался вперед, и к шести часам вечера оставшиеся в сорока милях позади Кордильеры лишь смутно чернели на горизонте, теряясь в вечернем тумане.

Путешественники, несколько утомленные, пройдя добрых тридцать восемь миль, с удовольствием приветствовали час отдыха. Привал сделали на берегу быстрой реки Неукен, мутные, бурные воды которой мчались меж высоких красных утесов. Неукен называется у некоторых географов «Рамид», у других — «Комсэ» и берет свое начало среди озер, известных только индейцам.

Ни ночью, ни в течение следующего дня не произошло ничего примечательного. Ехали быстро и без приключений. Ровная местность и умеренная температура облегчали путешествие. Все же около полудня солнечные лучи стали палящими. Вечером горизонт на юго-западе заволокло тучами — верный признак перемены погоды. Патагонец не мог не знать этого и указал географу пальцем на западную часть неба.

— Знаю, — отозвался Паганель и, обращаясь к спутникам, сказал: — Погода меняется к худшему. Нам придется познакомиться с «памперо».

И объяснил, что памперо, чрезвычайно сухой юго-западный ветер, — частое явление в аргентинских

равнинах. Талькав не ошибся, ночью памперо задул с ужасной силой, причиняя немалые страдания людям, располагавшим только пончо. Лошади улеглись на землю, а люди сбились в кучу подле них. Гленарван боялся, что ураган задержит их, но Паганель, взглядев на барометр, успокоил его:

— Обычно памперо свирепствует три дня подряд, на что безошибочно указывает падение барометра. Но если барометр поднимается, как в данном случае, то все ограничивается несколькими часами яростного шквала. Успокойтесь, мой друг, на рассвете небо снова прояснится.

— Вы говорите, словно по книге читаете, Паганель, — заметил Гленарван.

— Я сам словно книга, — ответил географ, — и вы можете, не стесняясь, эту книгу перелистывать.

Книга не ошиблась: в час ночи ветер вдруг стих, и путешественники могли восстановить силы крепким сном. Проснулись освеженными, бодрыми, в особенности Паганель, который, похрустывая суставами, весело потягивался, словно щенок.

Было 24 октября. Прошло десять дней со времени отъезда путешественников из Талькауано. До места, где Рио-Колорадо пересекается тридцать седьмой параллелью, оставалось еще девяносто три мили, то есть три дня пути. Во время этого переезда через Американский материк лорд Гленарван нетерпеливо ожидал встречи с туземцами, надеясь через патагонца, с которым Паганель стал уже недурно объясняться, выведать у них какие-нибудь сведения о капитане Гранте. Но они ехали по местам, редко посещаемым индейцами, так как проезжие дороги, ведущие из Аргентинской республики к Кордильерам, проходят севернее. Индейцы-кочевники или оседлые, живущие под властью касиков, тоже не попадались. А если случайно вдали показывался какой-нибудь всадник-кочевник, то он спешил ускакать прочь, отнюдь не желая вступать в сношения с незнакомцами. Подобный отряд внушал подозрение и мирному всаднику, отважившемуся в одиночестве путешествовать по здешней равнине, и любому бандиту, заставляя его остерегаться

этих восьми вооруженных людей, ехавших на быстрых конях; одинокий путник в этих пустынных местах мог заподозрить в них злоумышленников, и потому им никак не удавалось побеседовать ни с честными людьми, ни с грабителями и приходилось, пожалуй, сожалеть, что на пути не попадалась банда растреадорес¹, даже если бы и пришлось начать с ними разговор, обменявшись предварительно ружейными выстрелами.

Однако, как не приходилось Гленарвану сожалеть о том, что он никого не встречал, что, естественно, затрудняло их поиски, все же произошло нечто, неожиданно подтвердившее правильность толкования документа.

Не раз отряд пересекал на пути через пампу всевозможные тропы и среди них дорогу, ведущую из Кармена в Мендосу, которую легко можно было узнать по грудам костей домашних животных: мулов, лошадей, овец и быков. Эти кости, обглоданные хищными птицами и побелевшие на воздухе, служили как бы вехами тропы. Их были тысячи, и, несомненно, не один человеческий скелет смешал здесь свой прах с останками животного.

До сих пор Талькав не задал ни одного вопроса относительно маршрута, намеченного путешественниками, хотя понимал, конечно, что отряд не стремится выйти ни на одну из дорог пампы, не имеет целью достичь ни деревень, ни городов или учреждений аргентинских провинций. Каждое утро отряд, выезжая, направлялся навстречу восходящему солнцу и в течение всего дня не уклонялся никуда в сторону, а вечером, когда делали привал, заходящее солнце всегда стояло за спиной. По всей вероятности, Талькаву, как проводнику, должно было казаться странным, что не он ведет путешественников, а те ведут его. Но если он удивлялся, то, со свойственной индейцам сдержанностью, молчал и, пересекая тропинки, по которым отряд не желал следовать, никаких замечаний не делал. Однако в тот день, когда отряд достиг вышеупомянутой дороги из Кармена в Мендосу, Талькав остановил коня и, обратившись к Паганелю, сказал:

¹ Растреадорес — грабители на равнинах.

— Эта дорога на Кармен.

— Ну да, милейший патагонец, — ответил географ, стараясь, как можно лучше выговаривать испанские слова, — это дорога из Кармена в Мендосу.

— Мы поедем не по ней? — спросил Талькав.

— Нет, — ответил Паганель.

— Куда же мы направляемся?

— На восток.

— Это значит, что мы никуда не попадем.

— Как знать!

Талькав замолчал и взглянул с глубоким удивлением на ученого. Однако он ни на минуту не допускал, что Паганель шутит. Индеец, сам относящийся всегда ко всему серьезно, не понимал шуток.

— Итак, вы не едете в Кармен? — спросил он, помолчав немного.

— Нет, — ответил Паганель.

— И в Мендосу — тоже не едете?

— И туда не едем.

В этот момент Гленарван, подъехав к Паганелю, спросил, что говорит ему Талькав и почему он остановился.

— Он спрашивает, куда мы направляемся: в Кармен или Мендосу, — пояснил Паганель, — и очень удивлен, узнав, что мы не едем ни в одно из этих мест.

— Действительно, наш маршрут должен ему казаться очень странным, — заметил Гленарван.

— Видимо, так. Он утверждает, что мы никуда не поедем.

— Послушайте, Паганель, не могли бы вы ему разъяснить цель нашей экспедиции и почему нам важно попасть именно на восток?

— Это будет очень трудно, — ответил Паганель, — ибо индеец ничего не понимает в географических градах, а история документа покажется ему фантастической.

— Но что именно он не поймет, историю документа или самого историка? — серьезно спросил майор.

— Ах, Мак-Наббс! — воскликнул Паганель. — Вы все еще продолжаете сомневаться в моем испанском языке!

— Ну так попытайтесь объяснить ему, мой почтенный друг! — ответил тот.

— Попытаюсь.

Паганель подъехал к патагонцу и принялся объяснять ему цель экспедиции. Географу часто приходилось прерывать свое объяснение то из-за недостатка слов, то вследствие трудности передать некоторые особенности дела и разъяснить дикарю кое-какие непонятные для него подробности. Любопытно было наблюдать ученого: он жестикулировал, он произносил слова по слогам, он так надрывался, что пот градом катился у него со лба. Когда ему не хватило слов, то пришлось прибегнуть к помощи рук. Паганель, соскочив с лошади, начал чертить на песке географическую карту, где меридианы пересекались с параллелями, где изображены были два океана, где проходила дорога в Кармен. Никогда ни один преподаватель не бывал еще в столь затруднительном положении. Талькав невозмутимо следил за всеми движениями географа, но нельзя было угадать, понимает он его или нет.

Урок географии длился более получаса. Наконец, Паганель умолк, вытер струившийся по лицу пот и взглянул на патагонца.

— Понял он? — спросил Гленарван.

— Сейчас выясним, — ответил Паганель. — Но если он ничего не понял, то от дальнейших пояснений я отказываюсь.

Талькав стоял неподвижно. Он молчал. Взгляд его был прикован к начерченной на песке карте, которую мало-помалу сдувало ветром.

— Ну? — спросил его Паганель.

Казалось, что Талькав не слышал вопроса. Ученый уже заметил ироническую улыбку майора и, задетый за живое, собирался было с новой энергией возобновить урок географии, но тут патаговец жестом остановил его.

— Вы ищете пленника? — спросил он.

— Да, — ответил Паганель.

— И ищите его именно на протяжении того пути, который тянется от солнца заходящего к солнцу вос-

ходящему? — прибавил Талькав, пользуясь индейской манерой выражаться для определения дороги с запада на восток.

— Вот именно.

— Это ваш бог вручил волнам огромного моря тайну пленника?

— Да, сам бог.

— Ну, так пусть исполнится воля его, — с некоторой торжественностью сказал Талькав: — мы направимся на восток, и если надо будет, то дойдем до самого солнца.

Паганель, придя в восторг от своего ученика, тотчас же перевел товарищам ответы индейца.

— Какой умный народ! — прибавил он. — Я уверен, что из двадцати крестьян моей страны девятнадцать ничего не поняли бы из моих объяснений.

Гленарван попросил узнать у патагонца, не слышал ли он о каких-либо чужестранцах, попавших в плен к индейцам пампасов. Паганель задал индейцу этот вопрос и стал ждать ответа.

— Как будто слышал, — ответил патаговец.

Этот ответ был немедленно переведен на английский язык, и семь путешественников, окружив патагонца, вперили в него вопросительные взгляды.

Паганель, волнуясь и с трудом подбирая слова, продолжал задавать столь интересующие его вопросы, в то время как взгляд его, устремленный на важное лицо патагонца, казалось, пытался прочесть ответ раньше, чем тот слетит с его губ.

Каждое испанское слово патагонца географ повторял по-английски, и таким образом его спутники слышали ответы как бы на родном языке.

— Кто был этот пленник? — спросил Паганель.

— Это чужестранец, европеец, — ответил Талькав.

— Вы видели его?

— Нет, но я знаю о нем по рассказам индейцев. Он был храбрец. У него было сердце быка.

— Сердце быка! — повторил Паганель. — Ах, что за чудесный образ! Вы поняли, друзья мои? Он хочет сказать «мужественный человек»!

— Мой отец! — крикнул Роберт Грант. Потом, об-

рашаясь к Паганелю, он спросил: — Как сказать по-испански: «Это мой отец»?

— Es mi padre, — ответил географ.

Тогда Роберт взял Талькава за руки и с нежностью произнес:

— Es mi padre!

— Su padre!¹ — воскликнул патагонец, и взгляд его просветлел.

Он обнял мальчика, снял с седла и с удивлением и симпатией вглядывался в него. Умное, спокойное лицо индейца выражало сочувствие.

Но Паганель не закончил еще своих расспросов. Где находился этот пленник? Что он делал? Когда именно Талькав слышал о нем? Все эти вопросы теснились одновременно в его уме. Ответы последовали незамедлительно.

Паганель узнал, что европеец был в плену у одного из индейских племен, кочующих по области между реками Колорадо и Рио-Негро.

— Но где же он находился в последнее время? — спросил Паганель.

— У касика Кальфоукуора, — ответил Талькав.

— Вблизи того пути, по которому мы следуем?

— Да.

— А кто такой этот касик?

— Он вождь индейского племени пойуче, человек с двумя языками, с двумя сердцами.

— То есть он хочет сказать, что этот вождь — человек двуличный как на словах, так и на деле, — пояснил Паганель, предварительно переведя дословно это красивое, образное выражение. — Сможем ли мы спасти нашего друга? — спросил он.

— Возможно, если он все еще находится в руках индейцев.

— А когда вы о нем слышали в последний раз?

— Уже давно. С тех пор солнце дважды посылало лампе лето.

Радости Гленарвана не было предела. Время, указанное патагонцем, совпадало с датой документа.

¹ Его отец!

Оставалось выяснить еще один вопрос у Талькава, и Паганель поспешил сделать это.

— Вы говорите об одном пленнике, — сказал он, — а разве их было не трое?

— Не знаю.

— И вы ничего не знаете о том, что теперь с пленником?

— Ничего.

На этом разговор закончился. Возможно, что трое пленников давно были разлучены друг с другом. Но из слов патагонца, несомненно, явствовало, что среди индейцев шел разговор о каком-то европейце, попавшем к ним в плен. Время, когда это произошло, место, где находился пленник, даже образная фраза патагонца о его отваге, — все, несомненно, относилось к капитану Гарри Гранту.

На следующий день, 25 октября, путешественники с новой энергией продолжали путь на восток. Ехали по печальной, однообразной, бесконечной равнине, на местном наречии именуемой «травесиас»¹. Глинистая почва, отданная во власть ветров, представляла гладкую поверхность: ни камня, ни булыжника, лишь порой они попадались на дне какого-нибудь бесплодного, пересохшего оврага или по берегам прудков, вырытых руками индейцев. Изредка встречались низкорослые рощи с темными верхушками, их то там, то сям прорезали белые рожковые деревья, стручки которых сладки, — они освежают и приятны на вкус. Показывались порой рощицы «чанара», дикий терновник и всевозможные виды колючих кустарников, чахлый вид которых говорил уже о бесплодии почвы.

День 26 октября был утомителен. Необходимо было добраться до Рио-Колорадо. Кони, подгоняемые всадниками, неслись с такой быстротой, что отряд в тот же вечер достиг красавицы реки пампы. Индейское название ее Кобу-Лебу означает «великая река». Пересекая на значительном протяжении пампу, она впадает в Атлантический океан. Там, вблизи устья, происходит любопытное явление: количество воды в

¹ Травесиас — пустынные районы.

реке по мере приближения к океану уменьшается, — потому ли, что почва дна реки впитывает в себя влагу, потому ли, что вода испаряется, но причину этого столь редкого явления до сей поры не выяснили.

Добравшись до Рио-Колорадо, Паганель, как географ, прежде всего искупался в ее водах, окрашенных красноватой глиной. Он был удивлен глубиной реки — явление, объяснявшееся таянием снегов под влиянием летнего солнца; больше того, река оказалась столь широкой, что лошади не в состоянии были переплыть ее. К счастью, двигаясь вверх по течению, путешественники обнаружили висячий мост, сделанный индейцами из плетеных гибких ветвей, скрепленных между собой ремнями. Через этот мост маленькому отряду удалось перебраться на левый берег, где он расположился лагерем.

Прежде чем уснуть, Паганель задался целью точно определить местонахождение Рио-Колорадо и самым тщательным образом нанес эту реку на карту — за отсутствием Яру-Дзангбо-Чу, которая вдали от него низвергала свои воды с Тибетских гор.

Следующие два дня, 27 и 28 октября, путешествие прошло благополучно. Все та же природа, все та же бесплодная почва. Никогда еще пейзаж не выглядел более однообразным, никогда окрестность не казалась более унылой. Между тем почва становилась очень влажной. Приходилось перебираться через затопленные водой низины, так называемые «каньадас», и через никогда не пересыхавшие мелкие лагуны — «эстерос», заросшие водяными травами. Вечером лошади остановились на берегу большого озера Лаукем, вода которого содержит очень много минеральных веществ, индейцы зовут его «Горьким озером». В 1862 году оно было свидетелем жестокой расправы аргентинских войск с туземцами.

Здесь путешественники расположились, как обычно, лагерем, и ночь прошла бы спокойно, если бы вокруг не было обезьян-сапажу и диких собак. Эти шумные животные исполняли, видимо в честь европейцев, одну из тех примитивных симфоний, от которой, пожалуй, не отрекся бы какой-нибудь композитор грядущих лет.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Пампы

Аргентинские пампы простираются от тридцать четвертого до сорокового градуса южной широты. Слово «пампа» арауканское, оно означает «равнина, поросшая травой», и это название очень подходит к этому краю. Древовидные мимозы западной ее части, роскошные травы восточной придают этой равнине своеобразный характер. Эта растительность уходит глубокими корнями в слой земли, под которым лежит красная или желтая глинисто-песчаная подпочва. Если бы геологи начали изучать эти отложения третичного периода, то обнаружили бы здесь неисчерпаемые богатства. Там гниет бесчисленное множество стародавних скелетов. Индейцы утверждают, что это кости вымершей великой породы броненосцев-тату, и прах этих сгнивших животных скрывает всю первичную историю этих равнин.

Американские пампы — такая же географически обособленная область, как саванны Страны Великих Озер или степи Сибири. Климат пампы, будучи континентальным, отличается более суровой зимой и более знойным летом, чем климат провинции Буэнос-Айрес, ибо, по словам Паганеля, океан зимой постепенно отдает земле то тепло, которое поглощает у нее летом. Этим объясняется то, что на островах держится более ровная температура, чем в глубине материков¹. И вот почему климат западной части пампы не отличается тем однообразием, которое наблюдается на побережье благодаря близости Атлантического океана. В западной части наблюдается резкая смена температур: то суровые холода, то жгучая жара. Осенью, то есть в апреле и мае, нередко идут проливные дожди. Но в описываемое нами время года погода стояла очень сухая и чрезвычайно жаркая.

На рассвете отряд двинулся в путь, предварительно

¹ По этой причине зима в Исландии мягче, чем в Ломбардии. (Прим. автора.)

определив направление. Грунт, скрепленный корнями деревьев и кустов, сделался совершенно твердым. Исчез мельчайший песок, из которого образовывались дюны, исчезла пыль, клубившаяся в воздухе.

Лошади шли бодрым шагом среди «пах-бравы», высокой травы, в которой индейцы укрываются во время грозы. Все реже и реже встречались водоемы, где росли ивы и местное растение «*gyugnerium argenteum*», любящее близость пресной воды. Кони, встретив в лощинах воду, спешили воспользоваться этим и пили вволю, словно торопясь запастись влагой на будущее время. Талькав старался ехать впереди, обследуя кусты и распугивая «чолинас» — опаснейших гадюк, от укуса которых менее чем через час погибает даже бык. Проворный конь Талькава перескакивал через густые кусты, помогая хозяину прокладывать путь тем, кто ехал позади.

Итак, путешествие по ровным, прямым равнинам не представляло трудности, и отряд подвигался быстро. Природа окрест была однообразна, ни камня, ни валуна на сто миль вокруг. Беспредельное, нескончаемое однообразие! Не было даже намека на какой-либо пейзаж, или происшествие, или естественную неожиданность! Нужно было быть Паганелем, ученым-энтустиастом, чтобы замечать нечто там, где ничего не было приметного, и любоваться мелочами такой дороги. Что же радовало его здесь? Он сам не мог бы ответить. Может быть, какой-нибудь кустик, порой, быть может, травка. Но даже столь малого было достаточно, чтобы развязать язык словоохотливому географу, и он поучал Роберта, который охотно внимал ему.

Весь день, 29 октября, перед глазами наших всадников простиралась та же нескончаемо-однообразная равнина. Около двух часов пополудни заметили на земле под ногами лошадей много костей каких-то животных. То были истлевшие и побелевшие останки огромного стада быков. Но эти скелеты не были разбросаны в беспорядке, как обычно валяются скелеты обессиленных, павших в пути одно за другим животных. Никто не мог объяснить, почему на таком не-

большом пространстве собрано такое множество скелетов. Это было загадкой даже для Паганеля, и он обратился за разъяснениями к Талькаву. Тот не замедлил удовлетворить его любопытство.

Восклицание географа: «Быть не может!» — и последовавший за этим утвердительный кивок головы патагонца очень заинтересовали всех присутствующих.

— Что же это такое? — спросили они Паганеля.

— Молния! — ответил географ.

— Как! Молния способна произвести подобное опустошение? — воскликнул Том Остин. — Убить наповал стадо в пятьсот голов!

— Талькав это утверждает, и Талькав не ошибается. Я в данном случае верю ему, ибо грозы в пампе отличаются особой яростью. Лишь бы нам не испытать этого на себе!

— Что-то очень жарко, — промолвил Вильсон.

— Термометр показывает тридцать градусов в тени, — отозвался Паганель.

— Это меня не удивляет, — сказал Гленарван, — я чувствую себя так, словно по мне пробегает электрический ток. Будем надеяться, что эта жара недолго продлится.

— К сожалению, — возразил Паганель, — нам нечего рассчитывать на перемену погоды, на горизонте — ни облачка!

— Тем хуже, — заметил Гленарван, — наши лошади измучены зноем. Тебе, мой мальчик, не слишком жарко? — спросил он Роберта.

— Нет, сэр, — ответил мальчуган, — я люблю жару, она приятна!

— Особенно зимой, — глубокомысленно заметил майор, попыхивая сигарой.

Вечером сделали привал у заброшенного ранчо — глиняной мазанки с соломенной крышей; ранчо было обнесено частоколом, правда полусгнившим, но все же ночью он мог защитить лошадей от нападения лисиц. Самим лошадям эти звери не в силах причинить вреда, но они, хитрецы, перегрызают их недоуздки, и лошади пользуются этим, чтобы вырваться на свободу.

В нескольких шагах от ранчо была вырыта яма,

служившая, очевидно, очагом, в ней еще сохранилась остывшая зола. Внутри ранчо имелась скамья, убогое ложе из бычьей кожи, котелок, вертел и чайник для кипячения «матэ». Матэ — напиток из настоя сушеных трав, очень распространенный в Южной Америке, так сказать чай индейцев, его пьют сквозь соломинку, как многие американские напитки. По просьбе Паганеля Талькав приготовил несколько чашек матэ, и путешественники с удовольствием запили им свой обычный ужин, найдя индейский напиток превосходным.

На следующий день, 30 октября, солнце поднялось как бы в раскаленном тумане и залило землю жгучими лучами. Температура в этот день была исключительно высока, а на равнине, к несчастью, нигде нельзя было укрыться от зноя. Однако маленький отряд снова храбро двинулся на восток. Несколько раз в пути встречались огромные стада животных, которые, не имея сил пастись под палящим солнцем, лежимо валялись на траве. Сторожей, вернее — пастухов, не было видно, лишь собаки, привыкшие, утоляя жажду, высасывать молоко у овец, сторожили огромные стада коров, телят и быков. Рогатый скот здесь очень кроткого нрава, ему не присуще инстинктивное отвращение к красному цвету, которое столь свойственно его европейским собратьям.

— Это, несомненно, объясняется тем, что здесь они пасутся на республиканских пастбищах! — заметил Паганель, очень довольный своей, быть может несколько вольной, остротой.

К полудню в пампе начались какие-то изменения, которые не могли ускользнуть от глаз путешественников, утомленных однообразием этих мест. Злаки стали попадаться реже. Вместо них появились тощие репейники и гигантские чертополохи футов в девять высотой, способные осчастливить всех ослов земного шара. Там и сям росли низкорослые колючие кустарники темнозеленого цвета. Как ни казались они невзрачны, а на такой иссушенной почве даже они были ценны. До этих мест влага, сохранявшаяся в глинистой почве равнины, питала пастбища; и ковер травы был густ и роскошен. Но здесь этот ковер, ме-

стами истертый, местами прорванный, обнажил свою основу и обнаружил скудость почвы. Талькав указал своим спутникам на эти явные признаки возраставшей засухи.

— Я лично ничего не имею против этой перемены, — заявил Том Остин, — трава, кругом трава — это в конце концов может и надоесть.

— Да, но там, где трава, там и вода, — отозвался майор.

— О, у нас недостатка в этом нет, — вмешался Вильсон, — и где-нибудь по дороге нам, конечно, встретится река.

Если бы Паганель слышал эту фразу, то, конечно, не упустил бы случая сказать, что между Рио-Колорадо и горами аргентинской провинции протекает очень мало рек, но он в этот момент объяснял Гленарвану явление, на которое тот обратил его внимание.

С некоторого времени в воздухе чувствовался запах гари, а между тем до самого горизонта не видно было никакого огня. Не замечалось и дыма — указания на отдаленный пожар. Таким образом, это явление нельзя было объяснить какой-нибудь естественной причиной. Вскоре запах горелой травы стал так ощутителен, что все, за исключением Паганеля и Талькава, были удивлены. На вопросы друзей географ, всегда готовый объяснить любое явление, поведал им следующее:

— Мы с вами не видим огня, но чувствуем запах гари. А ведь нет дыма без огня, эта пословица не менее правдива в Америке, чем в Европе. Значит, где-то что-то горит, но у этих памп столь ровная поверхность, что воздушные течения не встречают тут никаких препятствий, и нередко запах горящей травы можно почувствовать миль за семьдесят пять.

— За семьдесят пять миль? — недоверчиво переспросил майор.

— Да, именно, — подтвердил Паганель. — Я должен только добавить, что подобные пожары часто охватывают большие пространства и порой достигают огромной силы.

— Кто же поджигает прерии? — спросил Роберт.

— Иногда молния, когда травы очень высушены зноем, а иногда сами индейцы.

— А с какой целью они это делают?

— Они утверждают — не знаю, насколько это верно, — будто после таких пожаров в пампе лучше растут злаки. Это доказывало бы, что зола удобряет почву. А я полагаю, что цель этих пожаров — уничтожение миллиардов клещей, докучающих стадам.

— Но такой энергичный способ может стоить жизни кое-кому из животных, бродящих по равнине, — заметил майор.

— Случается, что сгорают целые стада, но какое это имеет значение при таком громадном количестве!

— Я не забочусь о них — это дело индейцев, — продолжал Мак-Наббс, — я думаю о путешественниках, которые проезжают через пампу. Ведь может случиться, что они будут застигнуты и охвачены пламенем?

— Конечно! — с видимым удовольствием воскликнул Паганель. — Это иногда случается, и я ничего не имел бы против присутствовать при подобном зрелище.

— Это похоже на нашего ученого, — сказал Гленарван. — В своей любви к науке он готов сам заживо сгореть.

— Ну нет, дорогой Гленарван, я ведь прочел Купера, и его «Кожаный Чулок» научил меня, как спастись от надвигающегося пламени. Надо просто вырвать траву вокруг себя по радиусу в несколько туазов. Нет ничего проще. Поэтому я нисколько не боюсь степного пожара и всеми силами призываю его.

Однако пожеланиям Паганеля не суждено было осуществиться, и его поджаривали лишь нестерпимо жгучие лучи солнца. Лошади задыхались в этой тропической жаре. Тени ложились лишь от изредка набегавшего на огненный диск облачка. Тогда всадники подгоняли лошадей, стараясь держаться в этой освежающей тени, которую вместе с облаком гнал вперед западный ветер. Но туча скоро обгоняла лошадей, и солнце, ничем не заслоненное, вновь заливало огненными потоками иссохшую почву пампы.

Когда Вильсон заявлял, что у них имеется достаточный запас воды, то он не принял в расчет неутолимой жажды, терзавшей в течение этого дня его спутников, а утверждая, что на пути наверняка встретится какая-нибудь река, он слишком поспешил. Мало того, что на пути не видно было речек, ибо однообразно-плоская почва не представляла для них удобного русла, но даже искусственные водоемы, вырытые индейцами, и те все пересохли. Видя, что признаки засухи с каждой милей увеличиваются, Паганель спросил Талькава, где тот рассчитывает найти воду.

— В озере Салинас, — ответил индеец.

— А когда мы приедем туда?

— Завтра вечером.

Обычно путешествуя по пампе Аргентины роют колодцы и находят воду на глубине нескольких туазов. Но наши путешественники, не имея необходимых для рытья колодцев инструментов, не могли прибегнуть к этому способу. Пришлось ограничиться небольшой порцией воды, и если отряд не испытывал мучительной жажды, то все же не имел возможности утолить жажду целиком.

Вечером, после перехода в тридцать миль, сделали привал. Все рассчитывали восстановить силы крепким сном, но ночью тучи назойливых moskitov и комаров не дали никому покоя. Их появление указывало на предстоящую перемену ветра, который действительно вскоре изменил направление и задул с севера. Эти проклятые насекомые обычно исчезают из той местности лишь при южном или юго-западном ветрах.

Если майор спокойно переносил мелкие жизненные невзгоды, то Паганель все время негодовал на судьбу. Он проклинал moskitov и комаров, он сожалел о том, что нет подкисленной воды, которая успокаивает жгучую боль от множества укусов. И хотя майор пытался утешить географа, утверждая, что надо считать себя еще счастливым, если из трехсот видов насекомых, известных естествоиспытателям, на них напали всего лишь два, Паганель все же проснулся в плохом настроении. Однако, когда отряд на заре собирался двинуться в путь, торопить ученого не понадобилось, так

как в этот день предстояло добраться до озера Салинас. Лошади очень устали. Они чуть не умирали от жажды, и хотя всадники, заботясь о них, урезали свою порцию воды, ее все же было недостаточно. Засуха давала себя чувствовать еще сильнее, а зной при северном, несущем пыль ветре, этом самуме пампы, казался еще нестерпимей.

В этот день однообразие пути было несколько нарушено. Мюльреди, ехавший впереди, вдруг повернул коня назад и сообщил о приближении отряда индейцев. К этой встрече отнеслись по-разному. Гленарвану пришло в голову, что от этих туземцев он, пожалуй, узнает что-нибудь о потерпевших крушение на «Британии». Талькав отнюдь не был рад встрече с индейцами-кочевниками, он считал их грабителями и старался избегать их.

По его указанию маленький отряд сгрудился и привел в боевую готовность свое оружие. Возможны были всякие неожиданности.

Вскоре показался отряд индейцев. Он состоял всего лишь из десяти человек, что успокоило пататонца. Индейцы подъехали на расстояние приблизительно ста шагов. Теперь их легко можно было разглядеть. Это были туземцы, принадлежавшие пампскому племени, которое в 1833 году разгромил генерал Росас. Рослые, с высоким выпуклым лбом, оливковым оттенком кожи, они являлись прекрасными представителями индейской расы.

Одеты они были в шкуры гуанако или нутрий и вооружены копьями футов в двадцать длиной, ножами, пращами, бола и лассо. Ловкость, с которой они управляли конями, доказывала, что это были искусные наездники.

Они остановились шагах в ста от путешественников и, казалось, о чем-то совещались, крича и жестикулируя. Гленарван направил к ним своего коня. Но не успел он проехать и двух туазов, как отряд индейцев круто повернул и с невероятной быстротою скрылся из виду. Усталые лошади наших всадников никогда, конечно, не смогли бы их догнать.

— Трусые! — крикнул Паганель.

— Честные люди так быстро не убегают, — прибавил Мак-Наббс.

— Что это за индейцы? — спросил Паганель Талькава.

— Гаучо, — ответил патагонец.

— Гаучо, — повторил Паганель, поворачиваясь к своим спутникам, — гаучо! Тогда нам не стоило принимать всех этих мер предосторожности, ибо бояться их было нечего.

— Почему? — спросил майор.

— Потому, что гаучо — безобидные пастухи.

— Вы так думаете, Паганель?

— Конечно. Они приняли нас за грабителей и обратились в бегство.

— А я полагаю, что они не осмелились напасть на нас, — сказал Гленарван, который был очень раздосадован тем, что не удалось вступить в переговоры с туземцами, кем бы они ни были.

— Если я не ошибаюсь, то эти гаучо вовсе не безобидные пастухи, а отъявленные, опасные разбойники, — сказал майор.

— Что вы! — воскликнул Паганель.

И он с таким жаром принялся спорить по этому этнологическому вопросу, что умудрился вывести из равновесия майора, и тот, вопреки своей обычной сдержанности, сказал:

— Мне думается, вы не правы, Паганель.

— Не прав? — переспросил ученый.

— Да. Сам Талькав принял этих индейцев за грабителей, а он, наверное, хорошо знает, кто они такие.

— Ну и что ж? На этот раз Талькав ошибся, — возразил несколько резко Паганель, — гаучо — мирные пастухи, я сам писал об этом в одной брошюре о пампе, пользующейся некоторой известностью.

— Значит, вы ошиблись, господин Паганель.

— Я ошибся, господин Мак-Наббс?

— Если угодно — по рассеянности, — продолжал настаивать майор, — и вам придется внести некоторые поправки в следующее издание вашей брошюры.

Паганель, очень уязвленный тем, что его географические сведения не только подвергаются сомнению, но

и становятся предметом шуток, почувствовал, что раздражается.

— Знайте, милостивый государь, — сказал он майору, — что мои книги не нуждаются в подобных исправлениях!

— А по-моему, нуждаются, по крайней мере в данном случае, — возразил Мак-Наббс, тоже охваченный упрямством.

— Вы, сударь, что-то придирчивы сегодня, — отрезал Паганель.

— А вы что-то сварливы, — отпарировал майор.

Спор разгорался не на шутку, несмотря на то, что повод, вызвавший его, был совершенно незначителен, и Гленарван счел нужным вмешаться.

— Несомненно, — сказал он, — один из вас слишком придирчив, а другой — сварлив, и, по правде сказать, вы оба удивляете меня.

Патагонец, не понимая, о чем спорят два друга, легко догадался, что они ссорятся. Он улыбнулся и спокойно сказал:

— Это северный ветер.

— Северный ветер! — воскликнул Паганель. — При чем тут северный ветер?

— Ну конечно, — отозвался Гленарван, — ваше плохое настроение объясняется северным ветром. Помнится, мне говорили, что на юге Америки он чрезвычайно раздражает нервную систему.

— Клянусь святым Патриком, вы правы, Эдуард! — воскликнул майор и расхохотался.

Но Паганель, не на шутку раздраженный, не желал сдаваться и набросился на Гленарвана, вмешательство которого показалось ему слишком шутливым.

— Итак, по-вашему, у меня возбуждены нервы?

— Конечно, Паганель, и причина этому — северный ветер. Он часто наталкивает тут людей на преступления, подобно северному ветру в окрестностях Рима.

— На преступления! — воскликнул ученый. — Так я имею вид человека, собирающегося совершить преступление?

— Этого я не говорю.

— Скажите лучше прямо, что я хочу вас зарезать!

— Ох, боюсь этого! — ответил Гленарван, не будучи больше в состоянии удержаться от смеха. — К счастью, северный ветер дует всего лишь один день.

Слова Гленарвана возбудили всеобщий хохот.

Паганель прищипорил лошадь и ускакал вперед, желая рассеять в одиночестве свое плохое настроение. Через четверть часа он уже забыл о происшедшем. Так на короткий срок добродушие ученого изменило ему, но, как правильно указал Гленарван, причина тому была чисто внешняя.

В восемь часов вечера Талькав, ехавший несколько впереди, сообщил, что они приближаются к желанному озеру. Четверть часа спустя маленький отряд спускался по крутому берегу озера Салинас. Но здесь путников ожидало тяжелое разочарование: озеро пересохло.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В поисках пресной воды

Озером Салинас заканчивается непрерывный ряд лагун, которые связывают Сьерра-Вентана и Сьерра-Гуамини. Некогда многочисленные экспедиции направлялись из Буэнос-Айреса в эти места для добывания соли, так как воды Салинас содержат значительное количество хлористого натрия. Но благодаря жгучему зною вода испарилась, соль осела на дно, превратив озеро в огромное сверкающее зеркало.

Когда Талькав говорил о питьевой воде озера Салинас, то он имел в виду не самое озеро, а пресные речки, впадающие в него во многих местах. Но в данное время и они пересохли. Все выпило палящее солнце. Легко представить себе то подавленное состояние, которое овладело путешественниками, измученными жаждой, когда они достигли высохших берегов озера.

Надо было немедленно принять какое-то решение. Вода, еще сохранившаяся в бурдюках в незначитель-

ном количестве, протухла и не могла утолить жажду. А она жестоко давала себя чувствовать. Голод и усталость отступали перед насущной потребностью в воде. Изнуренные путешественники приютились в «рука»¹, кожаной палатке, раскинутой и оставленной туземцами в небольшом овраге. Лошади, лежа на илистых берегах озера, с видимым отвращением жевали водоросли и сухой тростник.

Когда все разместились в рука, Паганель обратился к Талькаву с просьбой сказать, что, по его мнению, следует предпринять. Географ и индеец говорили быстро, но Гленарвану удалось все же разобрать несколько слов. Талькав говорил спокойно. Паганель жестикулировал за двоих. Этот диалог длился несколько минут, затем патагонец скрестил руки на груди.

— Что он сказал? — спросил Гленарван. — Мне показалось, что он советует нам разделиться.

— Да, на два отряда, — ответил Паганель. — Те, у кого лошади от усталости и жажды еле передвигают ноги, пусть как-нибудь продолжают путь вдоль тридцать седьмой параллели. А те, у кого лошади в лучшем состоянии, должны, опередив первый отряд, отправиться на поиски реки Гуамини, которая впадает в озеро Сан-Лукас в тридцати одной миле отсюда. Если вода в этой реке будет в изобилии, то второй отряд подождет первый на берегу. Если же Гуамини тоже пересохла, то отряд направится обратно навстречу товарищам, чтобы избавить их от бесполезного перехода.

— А тогда что делать? — спросил Том Остин.

— Тогда придется спуститься на семьдесят пять миль к югу, к отрогам Сьерра-Вентана, а там рек очень много.

— Совет неплох, — ответил Гленарван, — и мы немедленно последуем ему. Моя лошадь не очень пострадала от недостатка воды, и я могу сопутствовать Талькаву.

¹ Рука — хижина, шалаш.

— О милорд, возьмите меня с собой! — взмолился Роберт, словно дело шло об увеселительной прогулке.

— Но не будешь ли ты отставать, мой мальчик?

— О нет! У меня хорошая лошадь. Она так и рвется вперед... Так как же, сэр... Прошу вас!

— Хорошо, едем, мой мальчик, — согласился Гленарван, радуясь, что ему не придется расставаться с Робертом. — Не может быть, чтобы нам втроем не удалось найти какого-нибудь источника свежей и чистой воды!

— А я? — спросил Паганель.

— О, вы, милейший Паганель, вы останетесь с запасным отрядом, — отозвался майор. — Вы слишком хорошо знаете и тридцать седьмую параллель, и реку Гуамини, и пампу, чтобы покинуть нас. Ни Мюльреди, ни Вильсон, ни я — никто из нас не сумеет добраться до того места, которое Талькав назначит для встречи, а под предводительством храброго Жака Паганеля мы смело двинемся вперед.

— Приходится покориться, — ответил географ, очень польщенный тем, что его поставили во главе отряда.

— Только не будьте рассеянны, — прибавил майор, — и не заводите нас в такие места, где нам нечего делать, ну хотя бы к берегам Тихого океана!

— А вы заслуживаете этого, несносный майор! — смеясь, ответил Паганель. — Но скажите мне, дорогой Гленарван, как вы будете объясняться с Талькавом?

— Полагаю, что нам с патагонцем не придется разговаривать, — ответил Гленарван, — но в каком-нибудь экстренном случае тех испанских слов, которые я знаю, хватит для того, чтобы мы поняли друг друга.

— Так в путь, мой достойный друг! — ответил Паганель.

— Сначала поужинаем, — сказал Гленарван, — а затем, если сможем, то немного вздремнем перед отъездом.

Путешественники закусили всухомятку, что мало подкрепило их, а затем улеглись спать. Паганелю снились потоки, водопады, речки, реки, пруды, ручьи,

даже полные графины — словом, все, в чем обычно содержится питьевая вода; то был настоящий кошмар.

На следующий день в шесть утра лошади Талькава, Гленарвана и Роберта Гранта были оседланы. Их напоили оставшейся в бурдюках водой, и они пили ее с жадностью, хотя вода была отвратительна на вкус. Затем трое всадников вскочили в седла.

— До свиданья! — крикнули Остин, Вильсон и Мюльреди.

— Главное, постарайтесь не возвращаться! — добавил Паганель.

Вскоре патагонец, Гленарван и Роберт потеряли из виду маленький отряд, оставленный на попечение географа. «Desierto de las Salinas», то есть пустыня озера Салинас, по которой ехали всадники, представляла собой равнину с глинистой почвой, поросшую чахлыми кустами футов в десять вышиной, низкорослыми мимозами, которые индейцы называют «куррамамель», и кустообразными растениями «юмма», содержащими много соды. Кое-где встречались обширные пласты соли, отражавшие с необыкновенной яркостью солнечные лучи. Если бы не палящий зной, то эти «баррерос»¹ можно было бы легко принять за обледеленные участки земли. Во всяком случае, контраст между сухой, выжженной почвой и сверкающими соляными пластами придавал этой пустыне очень своеобразный и интересный вид.

Совершенно иную картину представляла находящаяся в восьмидесяти милях южнее Сьерра-Вентана, куда, если пересохла река Гуамини, пришлось бы спуститься путешественникам. Этот край, обследованный в 1835 году капитаном Фитц-Роем, главой экспедиции на «Бигле», необыкновенно плодороден. Там расстилаются роскошные, лучшие на индейских землях пастбища. Северо-западные склоны Сьерра-Вентана покрыты пышными травами; ниже расстилаются леса, богатые разнообразными видами древесных пород. Там растет «альгарробо» — разновидность рожко-

¹ Баррерос — земли, пропитанные солью.

вого дерева, стручки которого сушат, перемалывают и готовят из них хлеб, весьма ценимый индейцами; «белое квебрахо» — дерево с длинными, гибкими ветвями, напоминающее нашу европейскую плакучую иву; «красное квебрахо», отличающееся необыкновенной прочностью; легко воспламеняющийся «наудубай», являющийся нередко причиной страшнейших пожаров; «вираро», чьи лиловые цветы имеют форму пирамиды; и, наконец, восьмидесятифутовый гигант «тимбо», под колоссальной кроной которого может укрыться от солнечных лучей целое стадо. Аргентинцы не раз пытались колонизировать этот богатый край, но им так и не удалось преодолеть враждебность индейцев.

Несомненно, такое плодородие говорило о том, что эту местность обильно орошают многочисленные речки, низвергающиеся по склонам горной цепи; даже во время сильнейших засух эти речки не пересыхают, но чтобы добраться до них, следовало продвигаться к югу на сто тридцать миль. Талькав был, несомненно, прав, решив сначала направиться к реке Гуамини: это было значительно ближе и в нужном направлении.

Лошади трех всадников быстро неслись вперед. Эти превосходные животные, видимо, чувствовали инстинктивно, куда направляли их хозяева. Особенно резвой была Таука. Она птицей перелетала через пересохшие ручьи и кусты курра-маммель, испуская звонкое ржанье. Лошади Гленарвана и Роберта, увлеченные ее примером, хотя и более медленной рысью, скакали вслед за ней. Талькав, словно приросший к седлу, служил спутникам таким же примером, каким Таука являлась для коней.

Патагонец часто оглядывался на Роберта. Видя, как мальчик крепко и уверенно держится в седле, наблюдая его гибкую спину, прямую посадку, свободно опущенные ноги, прижатые к седлу колени, он выражал свое удовольствие одобрительным криком. Действительно, Роберт Грант становился превосходным наездником и заслуживал похвалы индейца.

— Браво, Роберт! — поощрял мальчика Гленарван. — Талькав, видимо, доволен тобой.

— Чем же он доволен, сэр?

— Доволен твоей посадкой на лошади.

— О, я крепко держусь, вот и все, — краснея от удовольствия, ответил мальчуган.

— А это главное, Роберт, — продолжал Гленарван. — Ты слишком скромн, но я предсказываю тебе, что из тебя выйдет отличный спортсмен.

— Вот это хорошо, — смеясь, сказал Роберт, — а папа хочет сделать из меня моряка. Что скажет он?

— Одно не мешает другому. Если не все наездники образцовые моряки, то все моряки способны стать образцовыми наездниками. Сидя верхом на рее, приучаешься крепко держаться, а осадить коня, заставить его выполнять боковые и круговые движения — это приходит само собой, ибо все это очень естественно.

— Бедный отец! — промолвил мальчик. — Как он будет вам благодарен, сэр, когда вы его спасете!

— Ты очень любишь его, Роберт?

— Да, сэр. Папа был так добр ко мне и к сестре! Он только и думал о нас! После каждого дальнего плавания он привозил нам подарки из всех тех стран, где побывал. Но что бывало дороже всего — вернувшись домой, он так нежно говорил с нами, так ласкал нас! О, когда вы узнаете папу, то полюбите его! Мери на него похожа. У него такой же мягкий голос, как у нее. Для моряка это странно, не правда ли?

— Да, очень странно, Роберт, — согласился Гленарван.

— Я так ясно представляю его себе, — продолжал мальчик, словно говоря сам с собой. — Добрый, славный папа! Когда я был малюткой, то он укачивал меня на коленях, всегда напевая старинную шотландскую песню, в которой воспеваются озера нашей родины. Порой мне вспоминается мотив этой песни, но смутно. Мери тоже помнит ее. Ах, милорд, как мы любили его! Знаете, мне кажется, что нужно быть ребенком, чтобы так сильно любить своего отца!

— Но нужно вырасти, чтобы научиться уважать его, мой мальчик, — ответил Гленарван, растроган-

ный признаниями, вырвавшимися из этого юного сердца.

Во время их разговора лошади замедлили ход и пошли шагом.

— Ведь мы найдем его, правда? — проговорил Роберт после нескольких минут молчания.

— Да, мы найдем его, — ответил Гленарван. — Талькав навел нас на его след, а патагонец внушает мне доверие.

— Талькав — славный индеец, — отозвался мальчик.

— Без сомнения!

— Знаете что, сэр?

— Скажи сначала, в чем дело, а тогда я отвечу тебе.

— Я хочу сказать, что вас окружают только славные люди: миссис Элен, — я так ее люблю! — майор, такой невозмутимый, капитан Манглс, господин Паганель и матросы «Дункана», такие отважные и такие преданные!

— Да, я знаю это, мой мальчик, — ответил Гленарван.

— А знаете вы, что лучше всех — вы?

— Ну нет, этого я не знаю!

— Так знайте же это, сэр! — воскликнул Роберт, взяв руку лорда и целуя ее.

Гленарван ласково улыбнулся Роберту, но разговор оборвался, ибо Талькав жестом дал понять, чтобы они не отставали. Нельзя было терять времени, следовало помнить об оставшихся позади.

Всадники снова пустили лошадей крупной рысью. Но вскоре стало очевидным, что лошадям, за исключением Тауки, такой аллюр был не под силу. В полдень пришлось дать им часовой отдых. Они выбились из сил и даже отказывались есть пучки альфафары — разновидность люцерны, — тощей и выжженной палящими лучами солнца.

Гленарван встревожился: признаки засушливости не исчезали, и недостаток воды мог привести к губительным последствиям. Талькав молчал и, вероятно, думал, что в отчаяние приходится преждевременно,

пока не выяснилось, пересохла река Гуамини или нет.

Итак, он снова двинулся вперед, и волей-неволей, понукаемые хлыстами и шпорами, лошади поплелись шагом — на рысь они уже не были способны.

Талькав мог опередить спутников, ибо Таука в несколько часов домчала бы его до берегов реки. Несомненно, он подумывал об этом, но несомненно также, что он не желал бросать своих спутников одних среди этой пустыни и, чтобы не опережать их, заставил своего скакуна умерить шаг.

Таука не без сопротивления, то становясь на дыбы, то испуская звонкое ржанье, умеряла свой аллюр, и не столько силой, сколько увещаниями удалось хозяину подчинить коня своей воле. Талькав действительно разговаривал со своей лошастью, и если Таука не отвечала ему, то во всяком случае она его понимала. Надо думать, что доводы патагонца были очень вески, так как, «поспорив» некоторое время, Таука сдалась на увещания хозяина и подчинилась ему, хотя и продолжала грызть удила.

Но если Таука поняла Талькава, то и Талькав понял скакуна. Умное животное каким-то высшим инстинктом учуяло признаки влажности в воздухе; оно жадно втягивало воздух, двигая и щелкая языком, словно смачивало его благодетельной влагой.

Патагонцу было ясно: вода близко. Он подбодрил спутников, объяснив им нетерпение коня. Вскоре две другие лошади тоже почуяли близость воды. Собрав последние силы, они понеслись вскачь вслед за конем индейца.

Около трех часов пополудни в углублении почвы блеснула светлая полоса. Она переливалась под лучами солнца.

— Вода! — воскликнул Гленарван.

— Да, вода, вода! — крикнул Роберт.

Теперь не нужно было подгонять лошадей. Бедные животные, почувствовав прилив сил, помчались вперед. В несколько минут они доскакали до реки Гуамини и, как были, вместе с всадниками, бросились по грудь в благодетельные воды. Хозяева поневоле после-

довали их примеру и приняли ванну, о чем им не пришлось в голову жалеть.

— Ах, как вкусно! — воскликнул Роберт, упиваясь водой посредине реки.

— Не пей так много, мой мальчик, — предупредил Гленарван, не подавая, однако, сам примера умеренности.

Некоторое время ничего не было слышно, кроме громких, торопливых глотков. Что касается Талькава, то тот пил спокойно, не спеша, маленькими глотками, «длинными, как лассо», по патагонскому выражению. Он никак не мог напиться, и его спутники стали опасаться, как бы он не выпил всей воды в реке.

— Ну, видно, надежды наших друзей теперь не потерпят крушения, — сказал Гленарван. — Доехав до Гуамини, они найдут здесь достаточно чистой и свежей воды, если только Талькав не выпьет всю воду в реке.

— А не могли бы мы отправиться им навстречу? — спросил Роберт. — Таким образом мы избавим их от нескольких часов тревоги и страданий.

— Конечно, мой мальчик, но в чем же мы отвезем им воду? Ведь бурдюки остались у Вильсона. Нет, уж лучше подождать их на месте, как было условлено. Принимая во внимание расстояние, которое им надо проехать шагом, я полагаю, что наши друзья придут лишь ночью. Итак, приготовим же для них добрый ночлег и добрый ужин.

Талькав, не дожидаясь предложения Гленарвана, отправился выбирать подходящее место для привала. Ему посчастливилось найти на берегу реки «рамаду» — трехсторонний загон для скота. Рамада являлась превосходным убежищем для людей, не боящихся спать под открытым небом, как это было в данном случае. Поэтому путники не стали искать ничего лучшего, и все трое растянулись на земле, под солнцем, чтобы просушить промокшую одежду.

— Итак, место для ночлега найдено, — сказал Гленарван. — Позаботимся теперь об ужине. Надо, чтобы наши друзья остались довольны посланными вперед гонцами. Надеюсь, что им не придется жаловаться.

Мне кажется, что, поохотившись часок, мы не потеряем времени даром. Ты готов, Роберт?

— Да, сэр, — ответил мальчик, вставая на ноги и поднимая ружье.

Мысль об охоте пришла Гленарвану в голову потому, что берега Гуамини, казалось, были местом встречи всей дичи окрестных равнин. Целыми стаями поднимались в воздух «тинаму» — род красных куропаток, водящихся в пампе, — черные рябчики из породы ржанок, именуемые «теру-теру», желтые коростели и водяные курочки с великолепным зеленым оперением.

Что же касается четвероногих, то их не было видно. Но Талькав, указав на высокие травы и густые лесные поросли, дал понять, где именно притаились животные. Охотникам достаточно было сделать лишь несколько шагов, чтобы очутиться в месте, равного которому по обилию дичи нельзя было найти на целом свете.

Для начала они предпочли дичь четвероногую дичи пернатой: их первые выстрелы были направлены на крупную дичь пампы. Вскоре они вспугнули сотни косуль и гуанако, подобных тем, которые так неистово обрушились на них в вершинах Кордильер. Но эти пугливые животные быстро умчались, так что оказалось невозможным приблизиться к ним на расстояние ружейного выстрела. Охотники решили преследовать другую дичь, которая к тому же была значительно вкуснее. Подстрелили штук двенадцать красных куропаток и коростелей, кроме того, Гленарван убил метким выстрелом пекари — «таи-тетр». Мясо этого толстокожего животного с рыжеватой шерстью очень вкусно, и на него не жаль было потратить порох.

Меньше чем в полчаса охотники без труда настреляли столько дичи, сколько им было необходимо. Роберт не отстал от других: он застрелил редкое животное из семейства неполнозубых — «армадилла», нечто вроде «тату» — броненосца, длиной в полтора фута, покрытого панцирем из подвижных костистых пластинок. Это было очень жирное животное, и, по словам патагонца, мясо его представляло настоящее лакомство. Роберт очень гордился своей удачей.

Что касается Талькава, то он показал своим спутникам, как охотятся на «нанду» — разновидность водящегося в пампе страуса, отличающегося удивительной быстротой в беге. Имея дело с таким быстроногим животным, индеец не стал прибегать к хитрости. Он погнал Тауку галопом прямо на этого страуса, стремясь сразу настичь его, ибо, не сделай он этого, тот лишь замучил бы и лошадь и охотника, непрерывно петляя во время быстрого бега.

Приблизившись к нанду на необходимое расстояние, Талькав метнул бола могучей рукой так ловко, что он сейчас же обвился вокруг ног страуса, и тот сразу остановился. Еще несколько секунд — и нанду лежал распростертый на земле.

Индеец постарался поймать нанду не из охотничьего тщеславия, а потому, что мясо этого страуса очень вкусно и Талькаву хотелось добыть это яство для общего стола.

Итак, в рамаду принесли связку красных куропаток, страуса Талькава, пекари Гленарвана и броненосца Роберта. Со страуса и пекари тотчас же содрали жесткую кожу и нарезали их мясо тонкими ломтиками. Что же касается броненосца, то это ценное животное носит на себе собственный противень, на котором его можно изжарить, и его положили на раскаленные уголья в его же панцире.

Трое охотников удовольствовались за ужином одними куропатками, более питательную пищу они оставили друзьям. К ужину подали чистую прозрачную воду, показавшуюся всем вкуснее всех портвейнов мира, вкуснее даже, чем «ускебо»¹, столь любимая в Шотландии.

Не забыли и о лошадях. В рамаде нашлось такое огромное количество сена, что его хватило и лошадям и для подстилки.

Когда все приготовления были закончены, то Гленарван, Роберт и индеец завернулись в пончо и улеглись на перину, набитую «альфафарой», — обычное ложе охотников в пампе.

¹ Ускебо — род ячменной водки, настоянной на дрожжах.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Красные волки

Настала ночь, ночь перед новолунием, когда луна невидима для всех обитателей Земли. Лишь звезды озаряли слабым светом равнину. На горизонте в тумане мерцали созвездия Зодиака. Река Гуамини бесшумно катила свои воды, подобно широкой спокойной масляной струе, скользящей по мрамору. Птицы, четвероногие и пресмыкающиеся отдыхали от дневной усталости. Безмолвие пустыни распростерлось над необъятной пампой.

Гленарван, Роберт и Талькав последовали общему примеру: растянувшись на мягком ложе из люцерны, они спали крепким сном. Обессиленные усталостью лошади улеглись на землю. Лишь Таука, как настоящий чистокровный конь, спал стоя, сохраняя и в спящем состоянии тот же гордый вид, как в бодрствующем, готовый мчаться вперед по первому зову хозяина. В загоне царил глубокий покой. Костер догорал, изредка озаряя последними вспышками безмолвную тьму.

Около десяти часов вечера, проспав очень недолго, индеец проснулся. Он стал зорко вглядываться во что-то и к чему-то прислушиваться. Видимо, Талькав хотел кого-то захватить врасплох. Вскоре обычно невозмутимое лицо его отразило смутную тревогу. Что услышал он? Подкрадывающихся ли к ним бродяг-индейцев, или ягуаров, или полосатых тигров, или иных хищных зверей, которых могла привлечь в эти места близость реки? Это предположение показалось ему, очевидно, наиболее вероятным, так как он бросил быстрый взгляд на сваленный в загоне запас топлива, и его беспокойство возросло.

Действительно, весь запас сухой альфафары должен был скоро догореть и не мог надолго держать на расстоянии дерзких хищников.

Но делать было нечего. Талькаву оставалось только ждать событий, и он ждал, облокотившись на руки,

вперив взор вдаль, словно человек, которого внезапно разбудила какая-то надвигающаяся опасность.

Так прошел час. Всякий другой на месте Талькава был бы успокоен царившей кругом тишиной и снова бы уснул. Но там, где чужестранец ничего не заметил бы, индеец, в силу присущей ему обостренной чуткости и природного инстинкта, почуял близкую опасность. В то время как Талькав прислушивался и приглядывался, Таука глухо заржала, повернув голову к входу в рамаду; она потянула ноздрями воздух. Патаговец быстро приподнялся.

— Таука учуяла какого-то врага, — пробормотал он и, выйдя из рамады, стал внимательно осматривать равнину.

Было тихо, но беспокойно. Талькав заметил какие-то тени, бесшумно скользившие среди поросли курра-мамель. Там и сям сверкали яркие точки, они то исчезали, то вспыхивали вновь, двигались, пересекая друг друга во всех направлениях. Казалось, что это плясали по зеркалу огромной лагуны отблески каких-то сказочных огромных фонарей. Чужестранец, несомненно, принял бы эти летающие искры за светляков, чье мерцание можно увидеть ночью во многих местах пампы, но Талькава это не могло обмануть: патаговец понял, с каким врагом предстояло иметь дело. Зарядив ружье, он встал на страже у входа в загон.

Долго ждать не пришлось. В пампе послышался странный не то лай, не то вой. Ответом на него был выстрел из карабина, а затем последовали неистовые завывания, исходившие, казалось, из сотни глоток.

Гленарван и Роберт, внезапно разбуженные, вскочили.

— Что случилось? — спросил Роберт.

— Уж не индейцы ли? — сказал Гленарван.

— Нет, — ответил Талькав, — агуары.

— Агуары? — вопросительно глядя на Гленарвана, повторил Роберт.

— Да, — ответил Гленарван, — красные волки пампы.

Схватив ружья, Гленарван со спутниками присоединились к индейцу. Талькав указал на равнину, откуда доносился оглушительный вой. Роберт инстинктивно сделал шаг назад.

— Ты не боишься волков, мой мальчик? — спросил Гленарван.

— Нет, сэр, — твердо ответил мальчик. — Когда я с вами, то я вообще ничего не боюсь.

— Тем лучше. Эти агуары не очень-то страшные звери, и не будь их такое множество, я вообще не обратил бы на них внимания.

— Пусть много! — отозвался Роберт. — Мы хорошо вооружены, попробуй-ка подойди к нам!

— Мы им покажем!

Говоря так, Гленарван хотел только успокоить мальчика, но в глубине души он не без страха думал об этом ночном нападении бесчисленного множества разъяренных волков. Быть может, их были там целые сотни, и трем человекам, пусть даже и хорошо вооруженным, немислимо было одолеть такое множество хищников.

Когда патагонец произнес слово «агуар», Гленарван тотчас вспомнил название, данное пампскими индейцами красному волку. Этот хищник известен у натуралистов под именем «*canis-jubatus*». Ростом он с крупную собаку, у него лисья морда и красно-бурая шерсть; вдоль всего хребта, по спине, идет черная грива. Зверь этот очень проворен и силен. Он живет обычно в болотистых местах и преследует водящуюся там дичь вплавь. Ночь выгоняет красного волка из его берлоги, в которой он спит днем. Особенно бояться его в эстансиях¹. Голодный агуар нападает даже на крупный скот, производя немалые опустошения. В одиночку красный волк не опасен, но голодная стая их представляет большую опасность, и лучше было бы встретиться с кагуаром или ягуаром, с которыми можно сразиться один на один. По вою, раздававшемуся в пампе, по множеству скачущих по равнине теней

¹ Эстансии — большие скотоводческие хозяйства в аргентинской пампе.

Гленарван понял, что на берегах Гуамини собралась огромная стая красных волков. Хищники почуяли верную добычу — лошадиное и человеческое мясо, каждый из них жаждал вернуться в логово с частью этой добычи. Положение, таким образом, было угрожающее.

Тем временем кольцо волков постепенно стягивалось. Проснувшиеся лошади дрожали от страха. Лишь Таука нетерпеливо била копытом о землю, порываясь оборвать привязь и умчаться. Хозяин успокаивал ее непрерывным свистом. Гленарван и Роберт стояли у входа в рамаду, готовясь к обороне. Зарядив карабины, они взяли на прицел первый ряд агуаров, как вдруг Талькав молча приподнял вверх дула их ружей.

— Чего хочет Талькав? — спросил Роберт.

— Он запрещает нам стрелять.

— Почему?

— Быть может, он находит, что агуары еще далеко.

Но причина более важная побудила индейца действовать так загадочно. Гленарван понял это, когда Талькав, открыв и перевернув свою пороховицу, показал, что она почти пуста.

— Ну, что? — спросил Роберт.

— Придется беречь огнестрельные припасы. Сегодняшняя охота дорого обошлась нам: у нас свинец и порох на исходе. Хватит лишь выстрелов на двадцать.

Мальчик промолчал.

— Ты не боишься, Роберт?

— Нет, сэр.

— Хорошо, мой мальчик.

В эту минуту раздался выстрел: Талькав уложил на месте слишком предприимчивого врага. Волчья стая, надвигавшаяся тесными рядами, отступила и сбилась в кучу шагах в ста от частокола. Тотчас же Гленарван, по знаку индейца, стал на его место, а Талькав, собрав подстилки, сухую траву — словом, все, что могло гореть, завалил этим вход в рамаду и бросил в середину этой кучи пылающий уголь. Вскоре черный фон неба затянула огненная завеса, и между языками пламени проглянула равнина, ярко освещенная колеб-

лющимся заревом. Гленарван понял, против какого полчища хищников им придется обороняться. Вряд ли кому-нибудь приходилось видеть такое огромное скопище, и к тому же таких голодных волков. Огненная завеса, которой Талькав преградил наступление хищников, еще больше разъярила их. Но все же некоторые приблизились к самому костру и обожгли себе лапы. Время от времени приходилось стрелять, чтобы удерживать эту завывающую стаю, и через час штук пятнадцать убитых волков устилали равнину.

Теперь осажденные находились в менее опасном положении. До тех пор пока не истощились боевые припасы и огненная завеса еще пылала у входа в рамаду, опасаться вторжения волков было нечего. Но что делать тогда, когда все эти способы защиты будут исчерпаны? Гленарван посмотрел на Роберта, и сердце его сжалось. Он не думал о себе, а лишь о бедном мальчике, таком не по годам мужественном. Роберт был бледен, но крепко держал ружье, — полный решимости, он ожидал нападения разъяренных волков.

Между тем Гленарван, хладнокровно обдумав создавшееся положение, решил тем или иным путем искать выхода из него.

— Через час, — сказал он, — у нас не будет ни пороха, ни пуль, ни огня, и потому нам нечего ждать этого момента, а следует действовать немедленно.

И, обратившись к Талькаву, припоминая все испанские слова, сохранившиеся в его памяти, он начал с ним разговор, то и дело прерываемый выстрелами.

Не так-то легко было этим двум людям понять друг друга. К счастью, Гленарвану были известны повадки красных волков. Не будь этого, он ничего не понял бы из слов и жестов патагонца. Но все же прошло по крайней мере четверть часа, прежде чем он смог передать Роберту содержание разговора с Талькавом. Гленарван спросил индейца, что он думает об их почти безнадежном положении.

— Что же он ответил? — спросил Роберт Грант.

— Он сказал, что нам любой ценой надо продержаться до рассвета. Агуар выходит на добычу только ночью, а на заре возвращается к себе в берлогу. Это

ночной хищник, боящийся дневного света, — род совы, только четвероногий.

— Что ж, будем защищаться до рассвета!

— Да, мой мальчик, и пустим в ход ножи, если не сможем защищаться ружьями.

Талькав уже подал тому пример, и когда какой-нибудь волк слишком близко подкрадывался к пылавшему костру, то патаговец своей длинной, вооруженной ножом рукой рассекал пламя, и мгновение спустя нож взвивался вверх, обгаренный кровью.

Между тем средства защиты приходили к концу. Около двух часов ночи Талькав бросил в костер последнюю охапку сухой травы, и у осажденных оставалось зарядов всего лишь на пять выстрелов.

Гленарван тоскливо оглянулся вокруг.

Он думал об этом мальчике, стоявшем подле него, о своих товарищах, о всех тех, кого любил. Роберт молчал. Быть может, в его детском доверчивом воображении опасность не казалась такой грозной. Но Гленарван тревожился за двоих и думал, что теперь все они неизбежно обречены на жестокую смерть: быть растерзанными заживо. Не владея больше собой, он притянул ребенка к себе. Он прижал его к груди, поцеловал в лоб, и невольные слезы полились из его глаз.

Роберт, улыбаясь, посмотрел на него.

— Я не боюсь! — промолвил он.

— Нет, дитя мое, нет, не бойся, — ответил Гленарван. — Через два часа наступит утро, и мы будем спасены!.. Молодец, Талькав! Молодец, мой храбрый патаговец! — воскликнул он, увидя, как ловко индеец ударом приклада убил двух огромных волков, порывавшихся перепрыгнуть через огненную преграду.

Но в эту же минуту при угасающем свете костра Гленарван заметил стаю волков, идущую сплоченными рядами на приступ рамады.

Развязка кровавой драмы приближалась. Огонь костра мало-помалу угасал, горючее иссякло. Равнина, до сей поры освещенная, погружалась во мрак, и во мраке опять замелькали фосфоресцирующие глаза

красных волков. Пройдет еще несколько минут, и вся огромная стая ринется в загон.

Талькав в последний раз выстрелил и прикончил еще одного врага. Истощив боевые припасы, он скрестил руки на груди. Голова его склонилась. Казалось, он что-то молча обдумывал. Изыскивал ли он какой-нибудь смелый, невозможный, безрассудный способ отразить эту разъяренную свору? Гленарван не решился спросить его.

Вдруг волки изменили план нападения: они как будто стали удаляться, и их до сей поры оглушительный вой внезапно прекратился. На равнине воцарилась мрачная тишина.

— Они уходят, — промолвил Роберт.

— Может быть, — отозвался, прислушиваясь, Гленарван.

Но Талькав, догадавшись, о чем идет речь, отрицательно покачал головой. Патагонец хорошо знал, что хищники до тех пор не упустят верной добычи, пока заря не загонит их обратно в темные логова.

Однако тактика врага явно изменилась. Он уже не пытался проникнуть сквозь вход в рамаду, но избрал новый, более страшный способ действия. Агуары, отказавшись от попыток проникнуть сквозь вход, который люди столь упорно отстаивали огнем и оружием, обошли рамаду кругом и дружным натиском пытались проникнуть в нее с противоположной стороны. Уже слышно было, как когти хищников впиваются в полусгнившее дерево. Между расшатанными кольями частокола просовывались мощные лапы, окровавленные морды. Перепуганные лошади, сорвавшись с привязи, метались по загону, обезумев от ужаса.

Гленарван схватил мальчика, прижал его к себе, решив защищать его до последней возможности. Быть может, у него мелькнула даже безумная мысль попытаться спастись с Робертом бегством, но в этот миг взгляд его упал на индейца. Талькав, только что метавшийся, словно дикий зверь, по загону, вдруг подошел к своей дрожавшей от нетерпения лошади и начал тщательно седлать ее, не забывая ни одного ремешка, ни одной пряжки. Казалось, возобновившийся

с удвоенной силой вой хищников перестал беспокоить его. Гленарван наблюдал за Талькавом с мрачным ужасом.

— Он бросает нас на произвол судьбы! — воскликнул он, видя, что Талькав взял в руки поводья лошади, как всадник, готовый сесть в седло.

— Талькав? Никогда! — отозвался Роберт.

Действительно, индеец думал не о том, чтобы покинуть друзей, а о том, чтобы спасти их ценой собственной жизни.

Таука была оседлана: она грызла удила и нетерпеливо прыгала на месте; глаза ее, полные огня, метали молнии. Конь понял намерение хозяина. В тот момент, когда индеец, уцепившись за гриву, готовился вскочить на коня, Гленарван судорожным движением удержал его за руку.

— Ты покидаешь нас? — спросил он, жестом указывая на часть равнины, где не было волков.

— Да, — ответил индеец, понявший Гленарвана. И он добавил по-испански: — Таука — хорошая лошадь! Быстроногая! Увлечет за собой волков.

— О, Талькав! — воскликнул Гленарван.

— Скорей, скорей! — торопил индеец.

— Роберт! Мальчик мой! Ты слышишь? — сказал Гленарван Роберту дрожащим от волнения голосом. — Он хочет пожертвовать собой ради нас! Хочет умереть в пампу и увлечь за собой всю стаю.

— Друг Талькав! — крикнул Роберт, бросаясь к ногам патагонца. — Друг Талькав, не покидай нас!

— Нет, он нас не покинет, — сказал Гленарван и, обернувшись к индейцу, добавил: — Едем вместе!

И он указал на обезумевших от страха лошадей, прижавшихся к столбам частокола.

— Нет, — возразил индеец, понявший его намерение. — Плохие лошади. Перепуганные. Таука — хороший конь.

— Ну что ж, пусть будет так! — сказал Гленарван. — Талькав не покинет тебя, Роберт. Он показал мне, что я должен сделать. Я должен ехать, а он — остаться с тобой!

И, схватив за уздечку Тауку, он сказал:

— Поеду я!

— Нет, — спокойно ответил патаговец.

— Поеду я! — воскликнул Гленарван, вырывая из рук Талькава повод. — Спасай мальчика! Доверяю тебе, Талькав!

Гленарван в своем возбуждении перемешивал испанские слова с английскими. Но что значит язык! В такие грозные мгновения жест бывает красноречивей слов, люди сразу понимают друг друга.

Однако Талькав не соглашался, спор затягивался, а опасность с секунды на секунду возрастала. Изгрызанные колья частокола уже трещали под натиском волков.

Ни Гленарван, ни Талькав не склонны были уступить друг другу. Индеец увлек Гленарвана ко входу в загон; он указывал ему на свободную от волков равнину. Своей страстной речью он хотел втолковать Гленарвану, что нельзя терять ни секунды и что в случае неудачи в наибольшей опасности окажутся оставшиеся, что он лучше всех знает Тауку и он один сумеет использовать для общего спасения изумительную легкость и быстроту ее бега. Но Гленарван в ослеплении упорствовал: он во чтобы то ни стало хотел пожертвовать собой, как вдруг что-то сильно толкнуло его. Таука прыгала, взвивалась на дыбы и внезапно, рванувшись вперед, перелетела через огненную преграду и трупы волков, и уже издали до них донесся детский голос:

— Да спасет вас бог, сэр!

Гленарван и Талькав едва успели заметить Роберта, вцепившегося в гриву Тауки, — он промелькнул и исчез во мраке.

— Роберт! Несчастный! — вскричал Гленарван.

Но этого крика не расслышал даже индеец: раздался ужасающий вой. Красные волки бросились вслед за ускокавшей лошастью и помчались с невероятной быстротой на запад.

Талькав и Гленарван выбежали за ограду рамады. На равнине уже снова воцарилась тишина, лишь вдаль среди ночного мрака смутно ускользала какая-то волнообразная линия.

Потрясенный Гленарван, ломая в отчаянии руки, упал на землю. Он взглянул на Талькава. Тот улыбался с обычным спокойствием.

— Таука — хорошая лошадь! Храбрый мальчик! Он спасется! — повторял патаговец, утвердительно кивая головой.

— А если он упадет? — спросил Гленарван.

— Не упадет!

Несмотря на уверенность Талькава, несчастный Гленарван провел ночь в страшной тревоге. Он и не думал о том, от какой опасности он избавился с исчезновением волков. Он порывался пуститься на поиски Роберта, но индеец удерживал его. Он убеждал его, что их лошади не догонят Тауку, что она, конечно, опередила своих врагов, что найти ее в темноте невозможно и что следует дожждаться рассвета и только тогда ехать на поиски Роберта.

В четыре часа утра начала занимать заря. Сгустившиеся на горизонте туманы постепенно светлели.

Прозрачная роса пала на равнину, и высокие травы зашелестели от предрассветного ветерка. Пора было отправляться в путь.

— В дорогу! — сказал индеец.

Гленарван молча вскочил на лошадь Роберта. Вскоре всадники уже неслись галопом на запад, придерживаясь прямого направления, от которого не должен был отклоняться и второй отряд.

В течение часа они мчались, не замедляя хода, ища глазами Роберта, и на каждом шагу боялись натолкнуться на его окровавленный труп. Гленарван безжалостно погонял шпорами коня. Наконец, послышались ружейные выстрелы, стреляли через определенные промежутки времени, очевидно подавая сигнал.

— Это они! — воскликнул Гленарван.

Оба всадника пришпорили коней и несколько минут спустя доскакали до отряда, предводительствуемого Паганелем. У Гленарвана вырвался крик радости: Роберт был здесь, живой, невредимый, верхом на великолепной Тауке, весело заржавшей при виде хозяина!

— Ах, мое дитя! Мое дитя! — с невыразимой нежностью воскликнул Гленарван.

Он и Роберт соскочили на землю и бросились в объятия друг другу.

Затем наступила очередь индейца прижать к груди мужественного сына капитана Гранта.

— Он жив! Он жив! — восклицал Гленарван.

— Да, — ответил Роберт, — благодаря Тауке!

Но еще до того, как индеец услышал эти полные признательности слова, он уже благодарил своего коня — говорил с ним, целовал его, словно в жилах этого благородного животного текла человеческая кровь.

Затем, обернувшись к Паганелю, патагонец указал на Роберта.

— Храбрец! — сказал он и, пользуясь индейской метафорой для определения отваги, добавил: — Шпоры его не дрожали.

— Скажи, дитя мое, почему ты не дал мне или Талькаву сделать эту последнюю попытку спасти тебя? — спросил Гленарван, обнимая Роберта.

— Сэр, — ответил мальчик, и в голосе его звучала горячая благодарность, — на этот раз за мной была очередь пожертвовать собой. Талькав уже спас однажды мне жизнь, а вы спасете жизнь моего отца!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Аргентинские равнины

Как ни радостна была встреча, но после первых излияний Паганель, Остин, Вильсон, Мюльреди, все, за исключением, быть может, одного майора Мак-Наббса, почувствовали, что умирают от жажды. К счастью, Гуамини протекала недалеко. Путешественники немедленно двинулись в путь, и в семь часов утра маленький отряд достиг загона. При виде нагроможденных у входа волчьих трупов легко можно было представить себе, сколь яростна была атака врага и сколь энергична оборона.

Когда путешественники утолили жажду, то их угостили в ограде загона чрезвычайно обильным завтраком. Филе нанду было признано очень вкусным, а тату, зажаренный в собственном панцире, — изысканным лакомством.

— Вкушать такие изумительные яства в умеренном количестве было бы неблагодарностью по отношению к провидению, — заявил Паганель. — Долой умеренность!

И он действительно наелся до отвала, но здоровье его от этого не пострадало благодаря воде Гуамини, которая, по мнению ученого, обладала свойствами, чрезвычайно способствующими пищеварению.

В десять часов утра Гленарван, не желая повторять ошибку Ганнибала, чрезмерно задержавшегося в Капуре, подал сигнал к отъезду. Бурдюки наполнили водой, и отряд тронулся в путь. Отдохнувшие, сытые лошади быстро мчались вперед и почти все время скакали легким галопом. Местность, благодаря близости воды более влажная, стала и более плодородной, но столь же необитаемой.

2 и 3 ноября прошли без всяких приключений. Вечером 3-го числа путешественники, уже привычные к длинным переходам, сделали привал на границе между пампой и провинцией Буэнос-Айрес. Отряд покинул бухту Талькауано 14 октября. Таким образом, он сделал за двадцать два дня переход в сорок пять миль; иными словами, уже две трети пути были, к счастью, пройдены.

Утром следующего дня путешественники перешли условную границу, отделяющую аргентинские равнины от пампы. Именно тут Талькав надеялся встретить касиков, в руках которых — в чем он был уверен — находятся Гарри Грант и его два товарища по плену.

Из четырнадцати провинций, составляющих Аргентинскую республику, провинция Буэнос-Айрес самая обширная и самая населенная. На юге между шестьюдесятью четвертым и шестьюдесятью пятым градусами она граничит с индейской территорией. Почва этой провинции чрезвычайно плодородна, климат необыкновенно здоровый. Она представляет собой почти идеально гладкую

равнину, простирающуюся до подножия гор Тандиль и Тапалькем, покрытую злаками и бобовыми кустарниковыми растениями.

С момента, как путешественники покинули берега Гуамини, они, к своему немалому удовлетворению, установили заметное снижение температуры. Средняя температура днем была не более 17 градусов по Цельсию. Сильные холодные ветры, постоянно дующие из Патагонии, непрерывно охлаждали воздух. Животные и люди, сильно страдавшие от засухи и зноя, теперь дышали полной грудью. Ехали бодро и уверенно. Но, вопреки уверениям Талькава, край оказался совершенно безлюдным, или, точнее сказать, обезлюдевшим.

Путь к востоку, вдоль тридцать седьмой параллели, по которому двигался отряд, тянулся вдоль небольших озер с пресной или соленой водой. У воды под сенью кустов порхали проворные королики, пели веселые жаворонки; тут же мелькали тангары — соперники колибри по своему разноцветному блестящему оперению. Эти красивые птицы весело хлопали крыльями, не обращая внимания на скворцов с красными погонами и красной грудью, которые важно расхаживали взад и вперед по откосам дороги. На колючих кустах раскачивалось, словно креольский гамак, подвижное гнездо птицы «аннубис», а по берегам озер, распуская по ветру огненного цвета крылья, целыми стаями бродили великолепные фламинго. Тут же виднелись их гнезда, имевшие форму усеченного конуса примерно в фут вышиной, во множестве расположенные один возле другого, образуя нечто вроде городка. Приближение всадников не очень встревожило фламинго, и это крайне не понравилось ученому Паганелю.

— Мне давно хотелось увидеть, как летают фламинго, — сказал он майору.

— Вот и прекрасно! — отозвался майор.

— И поскольку представляется случай, то я им и воспользуюсь.

— Воспользуйтесь, Паганель.

— Пойдемте со мной, майор; пойдем и ты, Роберт. Мне нужны свидетели.

И Паганель, пропустив вперед большинство своих спутников, направился в сопровождении майора и Роберта к стае краснокрылых. Приблизившись к ним на расстояние ружейного выстрела, географ выстрелил холостым зарядом, так как не хотел напрасно проливать птичью кровь, и фламинго, словно сговорившись, поднялись и всей стаей улетели. Паганель в это время внимательно наблюдал за ними сквозь очки.

— Ну что, заметили вы, как они летают? — спросил он майора, когда стая скрылась из виду.

— Конечно, — ответил Мак-Наббс. — Только слепой не увидел бы этого.

— Скажите, похож, по-вашему, летящий фламинго на оперенную стрелу?

— Нисколько.

— Ни малейшего сходства, — прибавил Роберт.

— Я был уверен в этом, — с довольным видом заявил ученый. — Однако это не помешало моему знаменитому соотечественнику Шатобриану сделать это неудачное сравнение фламинго со стрелой. Запомни, Роберт: сравнение — это самая опасная риторическая форма. Опасайся сравнений всю свою жизнь и прибегай к ним лишь в крайних случаях.

— Итак, вы довольны результатом вашего опыта? — спросил майор.

— Я в восторге.

— И я тоже. Но пришпорим коней: по милости вашего знаменитого Шатобриана мы почти на целую милю отстали.

Когда они догнали своих спутников, то Паганель увидел, что Гленарван ведет какой-то оживленный разговор с индейцем, видимо плохо понимая его. Талькав то и дело умолкал, внимательно вглядываясь в горизонт, и всякий раз на его лице отражалось сильное удивление.

Гленарван, не видя подле себя своего обычного переводчика, попытался сам расспросить индейца, но тщетно. И как только он заметил приближавшегося ученого, так уже издали крикнул ему:

— Скорей идите сюда, друг Паганель, мы с Талькавом никак не можем понять друг друга!

Побеседовав несколько минут с патагонцем, Паганель обратился к Гленарвану.

— Талькав, — сказал он, — очень удивлен одним, в самом деле, странным явлением.

— Каким же?

— Тем, что нигде кругом не видно ни индейцев, ни даже их следов. Обычно их отряды всегда пересекают эти равнины во всех направлениях: то эти индейцы гонят выкраденный скот, то пробираются к самым Кордильерам, чтобы продавать там местного изделия ковры и бичи, сплетенные из кожи.

— А чем объясняет Талькав исчезновение индейцев?

— Он сам ничего не понимает и удивляется.

— Но каких индейцев рассчитывал он встретить в этой части пампасов?

— Как раз тех, в чьих руках находились пленники европейцы; индейцев, находящихся под властью касиков Кальфоукоура, Катриеля или Янчетруса.

— Что это за люди?

— Это вожди некогда могущественных племен. Лет тридцать тому назад их оттеснили в горы. С той поры они подчинились Аргентине — насколько, впрочем, способен подчиниться индеец — и кочуют по пампе и по провинции Буэнос-Айрес. И я удивлен не менее Талькава тем, что нам нигде не попадаются следы индейцев в этих местностях, где они обычно разбойничают.

— Но, в таком случае, что же нам следует предпринять? — спросил Гленарван.

— Сейчас узнаю, — ответил Паганель.

И, поговорив несколько минут с Талькавом, он сказал:

— То, что советует патаговец, кажется мне очень разумным. По его мнению, нам следует продолжать путь на восток до форта Независимый, и если даже там мы не получим никаких сведений о капитане Гранте, то во всяком случае узнаем, куда девались индейцы аргентинских равнин.

— А форт этот далеко отсюда? — поинтересовался Гленарван.

— Нет, он расположен на Сьерра-Дель-Тандиль, милях в шестидесяти отсюда.

— И когда же мы доберемся туда?

— Послезавтра к вечеру.

Гленарван был чрезвычайно смущен этим обстоятельством. Казалось, меньше всего можно было ожидать, что в пампе не встретятся индейцы. Обычно их здесь бывает слишком много. Очевидно, какое-то исключительное обстоятельство заставило индейцев исчезнуть. Но если Гарри Грант действительно находится в плену у одного из этих племен, то очень важно было узнать, куда же увели его индейцы: на север или на юг? Этот вопрос тревожил Гленарвана. Необходимо было не сбиться со следов капитана, и потому разумней всего было последовать совету Талькава и ехать до селения Тандиль. Там по крайней мере можно будет с кем-нибудь переговорить...

Около четырех часов пополудни на горизонте обрисовался холм, который в такой плоской местности казался горой. Это была Сьерра-Тапалькем, у которой путники расположились лагерем на ночь.

На следующий день они беспрепятственно перебрались через Сьерру-Тапалькем: продвигаться приходилось по отлогим песчаным склонам. Перебраться через такую горную цепь людям, перевалившим через Анды, казалось делом легким. Лошадям почти не пришлось замедлять ход. В полдень всадники миновали заброшенный форт Тапалькем — это первое звено цепи крепостей, которые тянулись вдоль южной границы, защищая ее от набегов индейцев. Но, ко все возрастающему изумлению Талькава, индейцев и следа не было. Однако около полудня вдаль появились три всадника, хорошо вооруженных, на прекрасных конях. Некоторое время они наблюдали за маленьким отрядом, но, не дав возможности приблизиться к ним, умчались с невероятной быстротой. Гленарван был в ярости.

— Гаучо, — пояснил патаговец, давая этим туземцам то название, которое вызвало в свое время горячий спор между майором и Паганелем.

— А, гаучо, — воскликнул Мак-Наббс, — ну, Паганель, ведь сегодня северный ветер не дует, так что же вы скажете об этих мирных пастухах?

— Скажу, что они производят впечатление настоящих бандитов! — ответил Паганель.

— А от впечатления до действительности, мой дорогой ученый...

— Только один шаг, мой дорогой майор!

Признание Паганеля вызвало общий взрыв хохота, но это нисколько не смутило его. Он сообщил даже кое-что интересное об этих индейцах.

— Я где-то читал, — сказал он, — что у арабов очень злой склад рта, но доброе выражение глаз. А вот у дикарей Америки как раз обратное. У них очень злые глаза.

Ни один физиономист не мог бы правильной определить расу индейцев.

Между тем путешественники, по указанию Талькава, ехали, держась близко друг от друга: как ни был пустынен этот край, все же следовало остерегаться неожиданного нападения. Однако эти меры предосторожности оказались излишними, и в тот же вечер маленький отряд без помехи расположился на ночлег в пустой обширной тольдерии, где касик Катриель имел обыкновение собирать свои отряды. Патагонец обследовал землю кругом и по отсутствию на земле свежих следов пришел к заключению, что тольдерия давно пустовала.

На следующий день Гленарван и его спутники снова оказались в степи. Показались первые из расположенных вдоль горной цепи Тандиль эстансии. Но Талькав посоветовал не делать привала, а продолжать двигаться к форту Независимый, где только и можно было выяснить причину столь странного опустения края.

Снова стали встречаться деревья, так редко попадавшиеся после Кордильер, большинство их было посажено уже после заселения американской территории европейцами. Здесь привились четочные деревья, персиковые, тополя, ивы, акации; все они росли без всякого ухода быстро и пышно. Гуще всего деревья

окаймляли «коррали» — обширные загоны для скота, обнесенные частоколом, где паслись и откармливались целыми тысячами быки, бараны, коровы и лошади. Все эти животные были помечены клеймом своего хозяина. Множество крупных и бдительных собак охраняло их. На слегка пропитанной солью земле, расстилающейся у подножья гор, росла сочная трава, самый подходящий корм для скота. Вот почему именно на этой земле предпочитают строить эстансии. Во главе скотоводческих хозяйств стоят заведующий и его помощник, имеющие в своем распоряжении пеонов, по четыре человека на каждую тысячу голов скота. Эти люди ведут жизнь библейских пастырей. Их стада столь же многочисленны, а быть может даже более многочисленны, чем стада, некогда заполнявшие равнины Месопотамии.

Паганель обратил внимание спутников на еще одно любопытное явление, свойственное этим плоским равнинам: на миражи. Так, эстансия издали казалась большим островом, а окружающие ее тополя и ивы словно отражались в прозрачных водах, отступавших назад по мере приближения путешественников. Иллюзия была настолько полной, что путники снова и снова поддавались обману.

В течение 6 ноября отряд проехал мимо нескольких эстансий, а также одной-двух саладеро. Именно здесь животное, откормленное на сочных пастбищах, подставляет выю под нож мясника. Саладеро — одновременно и солильня. Здесь не только убивают, но и засаливают мясо животных. Эта отвратительная работа начинается обычно в конце весны.

«Саладеросы» отправляются за животными в коррали; они ловят их там при помощи лассо, которым владеют с большой ловкостью, отводят в саладеро и здесь быков, волов, коров, овец убивают сотнями, сдирают с них шкуру и разделяют на туши. Но нередко бывает, что быки сопротивляются. Тогда саладеросы превращаются в тореадоров. Эту опасную работу они выполняют изумительно ловко и чрезвычайно жестоко. Вообще эта резня представляет ужасное зрелище. Ничего не может быть отвратительней окрестно-

стей саладеро. Из этих страшных загонов, насыщенных зловонными испарениями, доносятся свирепые крики саладеросов, зловещий лай собак, протяжный вой издыхающих животных, а урбусы и орасы, эти огромные грифы аргентинских равнин, тысячами слетевшиеся издалека, вырывают в это время у саладеросов еще трепещущие внутренности их жертв.

Но сейчас в этих боянях царили тишина, покой и безлюдье. Час грандиозного убоя еще не пробил.

Талькав торопил отряд. Он хотел в тот же вечер попасть в форт Независимый. Лошади, подгоняемые седоками и увлеченные Таукой, мчались среди высоких злаков. По пути всадникам попадались фермы, окруженные зубчатыми изгородями и защищенные глубокими рвами. На кровле каждого главного дома фермы имелась терраса, с которой обитатели, всегда готовые к бою, могли вести перестрелку с разбойниками равнины.

Гленарвану, быть может, удалось бы получить на этих фермах сведения, которых он добивался, но безопаснее было доехать до селения Тандиль. Поэтому всадники, нигде не останавливаясь, поехали дальше. Переправились вброд через две речки: Рио-Уэсос и несколькими милями дальше Рио-Чапалеофу. Вскоре горная цепь Тандиль развернула под ногами лошадей зеленые скаты своих первых уступов, и спустя час в глубине узкого ущелья показалось селение, над которым царили зубчатые стены форта Независимый.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Форт Независимый

Сьерра-Тандиль возвышается над уровнем моря на тысячу футов. Эта горная цепь образовалась в первобытные времена, задолго до появления органической жизни на земле, видоизменяясь под влиянием подземного жара. Она состоит из чередующихся полукруглых

гнейсовых холмов, поросших травой. Округ Тандиль, носящий имя этой горной цепи, занимает всю южную часть провинции Буэнос-Айрес и разграничивается отлогостью, по которой стекают, по направлению к северу, ручьи, берущие свое начало на ее скатах.

Население округа Тандиль состоит приблизительно из четырех тысяч жителей. Административный центр его — селение Тандиль — ютится у подошвы северных склонов гор, под защитой форта Независимый. Протекающая здесь речка Чапалеофу придает селению довольно живописный вид. Селение отличалось одной особенностью, о которой не мог не знать Паганель: его жители состоят из французских басков¹ и колонистов-итальянцев. Действительно, французы первые основали колонии по нижнему течению Ла-Платы, а в 1828 году для защиты новой колонии от частых нападений индейцев, которые отстаивали свои владения от чужеземцев, французом Паршаппом выстроен был форт Независимый. В этом деле ему оказал содействие знаменитый французский ученый Алсид д'Орбиньи, который превосходно знал, изучил и описал эту часть Южной Америки.

Селение Тандиль — довольно важный торговый пункт. На его «галерах» — высоких двухколесных телегах, запряженных волами и очень удобных для передвижения по дорогам равнины, — добираются до Буэнос-Айреса в двенадцать дней, поэтому население поддерживает с этим городом оживленную торговлю. Жители Тандиля возят туда на продажу скот из своих эстансий, соленое мясо из своих саладеро и очень своеобразные изделия индейской промышленности, как то: бумажные и шерстяные ткани, изысканные плетения из кожи и тому подобное. В Тандиле имеются, не считая некоторого количества довольно комфортабельных жилых домов, также школы и церкви, чтобы люди не прослыли невеждами как в жизни земной, так и в жизни небесной.

¹ Баски — народ, населяющий Страну Басков и восточную часть Наварры в Испании, а за ее пределами — западную часть Нижних Пиреней (Франция)

Рассказав обо всех этих подробностях, Паганель добавил, что в Тандиле, несомненно, удастся получить интересующие их сведения от местных жителей; к тому же в форте всегда находится гарнизон национальных войск. Итак, Гленарван распорядился поставить лошадей на конюшне довольно приличной на вид фонды¹, затем Паганель, майор, Роберт и он в сопровождении Талькава направились в форт Независимый.

Поднявшись немного в гору, они оказались у крепостных ворот, весьма небрежно охраняемых часовым-аргентинцем. Он пропустил путешественников беспрепятственно, что доказывало либо чрезвычайную беспечность, либо его полнейшую уверенность в безопасности здешних мест.

На площади крепости происходило строевое учение, самому старшему из солдат было лет двадцать, а самому младшему не более семи. По правде говоря, это была дюжина детей и подростков, довольно ловко упражнявшихся в фехтовании. Форменная одежда их состояла из полосатой сорочки, стянутой кожаным поясом. Ни панталон, ни коротких до колен штанов, ни коротких шотландских юбок и в помине не было. Впрочем, при такой теплой погоде можно было свободно позволить себе так легко одеваться. Паганель сразу составил себе хорошее мнение о правительстве, не растрачивающем зря государственные средства на всякие галуны. Каждый вооружен был ружьем и саблей, но ружье было слишком тяжело, а сабля слишком длинна. Все были смуглые и походили друг на друга, равно как и обучающий их капрал. Это, повидимому, были, как впоследствии и оказалось, двенадцать братьев, которых обучал строевой науке тринадцатый.

Паганель не удивился. Будучи посвящен в местную статистику, он знал, что среднее количество детей в семье здесь обычно бывает более девяти, но его чрезвычайно изумило то, что юные воины маршировали, как французские солдаты, ловко выполняя основные двенадцать приемов зарядки ружей, и что капрал отдавал порою команду на родном языке географа.

¹ Ф о н д а — постоянный двор.

— Вот это оригинально! — промолвил он.

Но Гленарван явился в форт Независимый не для того, чтобы глазеть на то, как какие-то мальчуганы упражняются в строевом искусстве; еще менее интересовали его их национальность и происхождение. Поэтому он не дал Паганелю возможности вдосталь налюбоваться ими, а попросил его вызвать коменданта. Паганель передал эту просьбу капралу, и один из аргентинских солдат направился к домику, служившему казармой.

Спустя несколько минут появился сам комендант. Это был человек лет пятидесяти, еще крепкий, с военной выправкой. У него были жесткие усы, выдающиеся скулы, волосы с проседью, повелительный взгляд. Такова была внешность коменданта, поскольку можно было судить об этом сквозь густые клубы дыма, вырывавшиеся из его короткой трубки. Его походка и своеобразная манера держаться напомнили Паганелю старых унтер-офицеров его родины.

Талькав, подойдя к коменданту, представил ему Гленарвана и его спутников. В то время как Талькав говорил, комендант так пристально вглядывался в Паганеля, что это могло смутить любого посетителя. Ученый, не понимая, в чем дело, хотел было попросить у него объяснений, когда тот бесцеремонно взял Паганеля за руку и радостно воскликнул по-французски:

— Вы француз?

— Да, француз, — ответил Паганель.

— Как я рад! Добро пожаловать! Милости просим! Я тоже француз! — заявил комендант, изо всех сил пожимая руку ученого.

— Это ваш друг? — спросил майор географа.

— Конечно! — ответил тот не без гордости. — У меня имеются друзья во всех пяти частях света.

Не без усилий освободив руку из клещей, чуть не раздавивших ее, он заговорил с богатырем-комендантом. Гленарван охотно направил бы разговор на интересующую его тему, но вояка принялся рассказывать свою историю и отнюдь не был склонен остановиться на полпути. Видимо, бравый малый уже так давно покинул Францию, что почти забыл родной язык — если

не самые слова, то обороты речи. Он говорил примерно так, как говорят негры во французских колониях.

Комендант форта Независимый оказался сержантом французской армии, бывшим спутником Паршаппа. Со времени основания форта, то есть с 1828 года, он не покидал этих мест и в настоящее время состоял комендантом форта с согласия аргентинского правительства. Это был баск, лет пятидесяти, по имени Мануэль Ифарагер, — как видим, почти испанец. Спустя год жизни в Тандиле сержант Мануэль натурализовался, вступил в ряды аргентинской армии и женился на достойнейшей индейке. Скоро жена подарила ему двух близнецов — разумеется, мальчиков, ибо достойная спутница жизни сержанта никогда не позволила бы себе подарить ему дочерей. Для Мануэля не существовало на свете профессии, кроме военной, и он очень надеялся со временем и с божьей помощью преподнести республике роту юных солдат.

— Вы видели? — воскликнул он. — Молодцы! Хорошие солдаты! Хосе! Хуан! Мигель! Пепе! Пепе семь лет, и он уже умеет стрелять!

Пепе, услышав, что его хвалят, сдвинул крошечные ножки и очень ловко взял на караул.

— Пойдет далеко, — прибавил комендант. — Когда-нибудь будет полковником или старшим бригадиром! — Комендант Мануэль был так увлечен своим рассказом, что не было никакой возможности спорить с ним ни по поводу преимущества службы в армии, ни по поводу того будущего, которое он предназначал своему воинственному чаду. Он был счастлив. «А все, что дает счастье, — реально», — сказал Гете.

Рассказ Мануэля Ифарагера, к великому удивлению Талькава, длился добрых четверть часа. Индейцу было непонятно, как может столько слов выходить из одной глотки. Никто не прерывал коменданта. Но так как любой сержант, даже сержант французский, все же когда-нибудь умолкает, то замолчал, наконец, и Мануэль, заставив предварительно своих гостей зайти к нему в дом. Те безропотно покорились необходимости быть представленными госпоже Ифарагер, а познакомившись с ней, нашли ее «милой особой», если

только это выражение Старого Света может быть применимо к индеанке.

Когда все желания сержанта были выполнены, он спросил гостей, чем он обязан чести их посещения.

Наступил самый благоприятный момент для расспросов. Эту задачу взял на себя Паганель. Он начал с того, что рассказал коменданту на французском языке об их путешествии по пампе, а закончил вопросом, почему индейцы покинули этот край?

— Э! Никого! — воскликнул сержант, пожимая плечами. — Верно! Никого... Мы все сложа руки... делать нечего...

— Но почему?

— Война.

— Война?

— Да, гражданская война...

— Гражданская война? — переспросил Паганель, который, сам того не замечая, начал говорить ломаным французским языком.

— Да, война между Парагваем и Буэнос-Айресом, — ответил сержант.

— Ну и что же?

— Ну, индейцы все ушли на север... по пятам генерала Флорес...

— А где же касики?

— Касики с ними.

— Как! И Катриель?

— Нет Катриеля.

— А Кальфоукоура?

— Ни намека на Кальфоукоура.

— А Янчетруса?

— Никакого Янчетруса!

Этот разговор был передан Талькаву, который утвердительно кивнул головой. Видимо, патаговец не знал или забыл о гражданской войне, вызвавшей впоследствии вмешательство Бразилии и разделившей республику на два лагеря. Индейцы могли только выиграть от этой распри, воспользовавшись ею для грабежей. Таким образом, сержант не ошибался, объясняя запустение пампы гражданской войной, свирепствовавшей в северных провинциях Аргентины.

Но это обстоятельство расстраивало все планы Гленарвана. В самом деле, если Гарри Грант был в плену у касиков, то они, несомненно, увели его к северным границам республики. А если так, то где искать его? Следовало ли предпринять новые опасные и почти бесполезные поиски на севере пампы? Прежде чем принять такое ответственное решение, надо было серьезно обсудить его.

Оставался, однако, еще один важный вопрос, который следовало задать сержанту, и майор в то время, пока его друзья молча переглядывались между собой, спросил, не слыхал ли он о европейцах, которые попали в плен к индейским касикам.

Мануэль несколько минут размышлял, словно припоминая что-то, и, наконец, ответил:

— Да, слышал.

— А! — вырвалось у Гленарвана; у него вновь возродилась надежда.

Паганель, Мак-Наббс, Роберт и он окружили сержанта.

— Говорите! говорите! — впиваясь в него глазами, повторяли они.

— Несколько лет тому назад... — начал сержант, — да, верно... европейские пленники... но никогда не видел...

— Несколько лет! — прервал его Гленарван. — Вы ошибаетесь. Дата крушения указана точно. «Британия» погибла в июне тысяча восемьсот шестьдесят второго года. Значит, прошло едва два года.

— О! больше, сэр!

— Не может быть! — крикнул Паганель.

— Нет, точно. Это было, когда родился Пепе... Дело шло о двух пленных.

— Нет, о трех, — вмешался Гленарван.

— О двух, — упорно утверждал сержант.

— О двух? — переспросил очень удивленный Гленарван. — О двух англичанах?

— Да нет же! — ответил сержант. — Какие англичане? Нет... один француз, а другой итальянец.

— Итальянец, которого убили индейцы племени пойуче? — воскликнул Паганель.

— Да... потом узнал... француз спасся.

— Спасся! — воскликнул Роберт, жизнь которого, казалось, зависела от того, что скажет сержант.

— Да, спасся — убежал из плена, — подтвердил сержант.

Все оглянулись на Паганеля, который в отчаянии бил себя по лбу.

— А, понимаю, — промолвил он, наконец. — Все объясняется, все ясно!

— Но в чем дело? — нетерпеливо спросил встревоженный Гленарван.

— Друзья мои, — ответил Паганель, беря в свои руки руки Роберта, — нам придется примириться с крупной неудачей: мы шли по ложному пути! Тут речь идет вовсе не о капитане Гранте, но об одном моем соотечественнике, товарищ которого, Марко Вазелло, был действительно убит индейцами племени пойуче, а француза жестокие индейцы несколько раз уводили с собой к берегам реки Колорадо, но ему удалось, наконец, бежать из плена и вернуться во Францию. Думая, что мы идем по следам Гарри Гранта, мы напали на следы молодого Гинара¹.

Слова Паганеля встречены были глубоким молчанием. Ошибка была очевидна. Подробности, сообщенные сержантом: национальность пленника, убийство его товарища, его бегство из плена — все подтверждало ее.

Гленарван с удрученным видом смотрел на Талькава.

— Вы никогда не слыхали о трех пленных англичанах? — спросил Талькав сержанта.

— Никогда, — ответил Мануэль. — В Тандиле было бы известно... я знал бы... Нет, этого не было...

После такого категорического ответа Гленарвану нечего было больше делать в форте Независимый. Он

¹ Гинар действительно был с 1856 по 1859 год пленником индейцев-пойуче, он мужественно перенес страшные пытки, которым его подвергали индейцы, и в конце концов ему удалось бежать узким горным проходом Упсальята через Андский хребет. Он возвратился в 1861 году во Францию и ныне является одним из коллег почтенного Паганеля по Географическому обществу. (*Прим. автора.*)

и его друзья, поблагодарив сержанта и пожав ему руку, удалились.

Гленарван был в отчаянии, видя, что все его надежды рушились. Роберт молча шел подле него, с глазами, полными слез. Гленарван не находил для мальчика слов утешения. Паганель, жестикулируя, разговаривал сам с собой. Майор не открывал рта. Что же касается Талькава, то, видимо, его индейское самолюбие было задето тем, что он повел иностранцев по неверному следу.

Однако никому не приходило в голову упрекнуть его за столь извинительную ошибку.

Ужин прошел грустно. Конечно, ни один из этих мужественных и самоотверженных людей не жалел о том, что напрасно потратил так много сил, напрасно подвергал себя такому множеству опасностей, но каждого угнетала мысль, что в одно мгновение рухнула всякая надежда на успех. В самом деле, можно ли было надеяться напасть на след капитана Гранта между Сьерра-Тандиль и океаном? Нет. Если бы какой-нибудь европеец попал в руки индейцев у берегов Атлантического океана, то, конечно, это было бы известно сержанту Мануэлю. Подобное происшествие не могло не получить огласки среди туземцев, ведущих постоянную торговлю с Тандилем и Карменом, близ устья Рио-Негро. Торговцы Аргентинской равнины осведомлены обо всем и обо всем сообщают. Итак, путешественникам оставалось лишь одно: без промедления добираться до «Дункана», ожидавшего их, как было условлено, у мыса Меданос.

Паганель снова попросил у Гленарвана документ, находка которого заставила предпринять столь неудачные поиски. Географ перечитывал его с нескрываемым раздражением, словно стремясь вырвать у бумаги иное толкование.

— Но ведь этот документ вполне ясен! — воскликнул Гленарван. — В нем самым определенным образом говорится и о кораблекрушении «Британии» и о том, где именно находится в плену капитан Грант.

— А я говорю, нет! — возразил, ударив кулаком по столу, Паганель. — Нет и нет! Поскольку Гарри

Гранта нет в пампе, значит его нет в Америке вообще. А где он, на это должен ответить вот этот документ. И он ответит, друзья мои, не будь я Жак Паганель!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Наводнение

Форт Независимый находится в ста пятидесяти милях от берегов Атлантического океана. Гленарван полагал, что если с ними ничего не произойдет в пути — а вряд ли это могло случиться, — то они будут на «Дункане» через четыре дня. Но вернуться на борт корабля без капитана Гранта, потерпев полную неудачу в своих розысках, — с этим он никак не мог примириться. Поэтому на следующий день он медлил с подготовкой к отъезду. Тогда майор взял все в свои руки: он приказал запасти провизию, оседлать лошадей и расспросить, где можно будет остановиться в пути. Благодаря проявленной им энергии маленький отряд уже в восемь часов утра следующего дня спустился по поросшим травой склонам Сьерра-Тандиль.

Гленарван молча скакал рядом с Робертом. Его смелый, решительный характер не позволял ему примириться с неудачей. Сердце его учащенно билось, голова пылала. Паганель, раздосадованный безрезультатностью поисков, мысленно перебирал на все лады слова документа, пытаясь найти в них хоть какое-нибудь новое указание. Талькав ехал молча, опустив поводья коня. Никогда не терявший надежды майор держался бодро, как человек, не знающий, что такое упадок духа. Том Остин и оба матроса разделяли огорчение своего начальника. Когда какой-то робкий кролик перебежал им дорогу, то суеверные шотландцы переглянулись.

— Плохое предзнаменование, — промолвил Вильсон.

— Да, в Шотландии, — отозвался Мюльреди.

— Что плохо в Шотландии, то плохо и здесь, — поучительно заметил Вильсон.

Около полудня путешественники перевалили через горную цепь Тандиль и очутились на обширных равнинах, полого спускающихся к океану. На каждом шагу встречались речки, орошавшие прозрачной водой этот плодородный край и терявшиеся среди тучных пастбищ. Постепенно земля, словно океан после бури, делалась все ровнее. Последние холмы аргентинских памп остались позади, и под ногами лошадей расстился теперь однообразный зеленеющий ковер.

Все время погода стояла прекрасная, но в этот день небо несколько омрачилось. Огромное количество паров, образовавшихся благодаря высокой температуре последних дней, скопилось в виде густых туч, грозивших разразиться проливным дождем. К тому же близость Атлантического океана и постоянный западный ветер делали атмосферу этой местности особенно влажной. Это было заметно по ее плодородию, по тучности пастбищ, по темнозеленой окраске трав. В этот день, однако, тяжелые тучи не разразились дождем, и к вечеру лошади, легко сделав конец в сорок миль, добрались до берега «каньяды», глубокого, огромного естественного водоема, наполненного водой. Здесь сделали привал. Укрыться было негде. Пончо заменили путешественникам одновременно и палатки и одеяла, и все уснули под открытым небом, которое угрожало ливнем. К счастью, все ограничилось лишь угрозой. На следующий день, по мере того как равнина понижалась к океану, присутствие подпочвенных вод стало еще заметнее, вода просачивалась сквозь все поры земли. Вскоре дорогу на восток начали пересекать то полноводные, то еще только начинающие наполняться водой пруды. До тех пор пока тянулись открытые водоемы, свободные от водяных растений, лошади шли легко, но когда появились так называемые «пантаны» — топкие трясины, заросшие высокими травами, то продвигаться стало значительно труднее. Заметить их и своевременно избежать опасность было невозможно.

Эти водомоины стоили уже жизни не одному животному существу. Роберт, обогнавший отряд на полмили, прискакал обратно и крикнул:

— Господин Паганель! Господин Паганель! Там целый лес рогов!

— Что? — удивился Паганель. — Ты нашел лес рогов?

— Да, да! Если не лес, то по крайней мере лесную поросль!

— Лесную поросль? Ты бредишь, мальчик! — промолвил Паганель, пожимая плечами.

— Нет, не брежу, — уверял Роберт, — вот вы сами увидите! Какой диковинный край! Тут сеют рога, и они растут, словно пшеница. Мне очень хотелось бы иметь такие семена!

— Мальчик, кажется, не шутит, — сказал майор.

— Право, господин майор, вы сейчас убедитесь в этом.

Роберт не ошибался: вскоре отряд подъехал к огромному полю, равномерно утыканному рогами, которым не видно было конца. Действительно, это была настоящая низкорослая, густая, но странная лесная поросль.

— Ну что? — спросил Роберт.

— Вот оригинально! — промолвил Паганель и обратился за разъяснениями к Талькаву.

— Рога вылезают из земли, но быки остаются в земле, — заявил Талькав.

— Как! — воскликнул Паганель, — в этой трясине увязло целое стадо?

— Да, — подтвердил патагонец.

Действительно, тут нашло смерть огромное стадо, ибо почва под тяжестью быков осела и сотни животных погибли, задохнувшись в громадной трясине. Такие катастрофы случаются порой в аргентинских равнинах, и об этом знал Талькав. Это предостережение следовало принять во внимание.

Отряд объехал огромную гекатомбу, способную удовлетворить самых кровожадных богов древнего мира, и час спустя это поле рогов осталось в двух милях позади.

Талькава, видимо, стало тревожить какое-то непривычное явление. Он часто останавливал лошадь и приподнимался на стременах. Высокий рост давал ему

возможность окинуть взором обширное пространство, но, не замечая, повидимому, ничего, что могло бы объяснить ему происходящее, он вновь пускал лошадь вперед. Проехав милю, он снова останавливался, затем, отделившись от спутников, отъезжал на несколько миль то к северу, то к югу и, возвращаясь, становился опять во главе отряда, ни словом не обмолвившись ни о своих надеждах, ни о своих опасениях. Такое поведение Талькава заинтересовало Паганеля и обеспокоило Гленарвана. Последний попросил ученого узнать у индейца, в чем дело.

Паганель тотчас же обратился к Талькаву за разъяснениями. Индеец ответил ему, что он никак не может понять, почему почва так сильно пропитана влагой. Никогда еще за всю бытность его проводником не случилось ему наблюдать, чтобы почва была столь зыбкой. Даже в период сильных дождей по Аргентинской равнине всегда можно было пробраться.

— Но чему приписать эту возрастающую влажность? — спросил Паганель.

— Не знаю, — ответил индеец, — а когда буду знать...

— А разве горные речки во время сильных ливней никогда не выходят из берегов?

— Случается.

— Может быть, это случилось и сейчас?

— Может быть! — ответил Талькав.

Паганелю пришлось удовольствоваться этим уклончивым ответом, и он передал Гленарвану содержание своего разговора.

— А что советует делать Талькав? — спросил Гленарван.

— Что должны мы делать? — спросил Паганель патагонца.

— Ехать как можно быстрее! — ответил индеец.

Совет этот легче было подать, чем выполнить. Лошади очень устали, ступая по зыбкой почве, скользившей под ногами, а местность шла все более и более под уклон, и теперь эту часть равнины можно было сравнить с громадной ложиной, которую стремительный поток мог быстро заполнить водой. Поэтому следовало

как можно скорее выбраться из этих низин, так как наводнение немедленно превратило бы их в озеро. Пришпорили коней. Но оказалось, что воды, по которой шлепали лошади, было еще недостаточно, и около двух часов пополудни разверзлись хляби небесные, и на равнину потоками хлынул тропический ливень. Укрыться от этого потока не было никакой возможности. Оставалось одно — запастись философским спокойствием и стоически переносить все! Пончо всадников промокли насквозь, вода со шляп стекала на них, словно из переполненных водосточных труб. С бахромы седел струились ручьи. Всадники, забрызганные грязью, летевшей из-под копыт лошадей, скакали верхом как бы под двойным ливнем — с небес и с земли.

Промокшие, продрогшие, разбитые усталостью, путники добрались к вечеру до жалкого ранчо. Лишь для очень неприхотливых людей это ранчо могло сойти за пристанище, и только находящиеся в отчаянном положении путешественники согласились бы укрыться в нем. Но у Гленарвана и его спутников не было выбора. Итак, они забились в эту заброшенную хижину, которой побрезговал бы последний бедняк индеец. С трудом развели жалкий костер из сухой травы, больше дымивший, чем согревавший. За стенами ранчо продолжала свирепствовать непогода, и крупные капли дождя просачивались сквозь прогнившую соломенную крышу. Двадцать раз костер грозило залить, и двадцать раз Мюльреди и Вильсон отвоевывали его у воды.

Скудный и малопитательный ужин прошел очень грустно. Все ели без аппетита. Только майор, не говоря худого слова, оказал честь промокшей провизии: невозмутимый Мак-Наббс не обращал внимания на злключения. Паганель, как истый француз, пытался шутить, но он никого не рассмешил.

— Очевидно, шутки мои подмочены, — заметил он: — все они дают осечки.

Лучшее, что можно было сделать в подобном положении, — это уснуть, каждому хотелось хоть на время забыть усталость. Ночь выдалась бурная, стены ранчо трескали, качались и грозили рухнуть при каждом силь-

ном порыве ветра. Несчастные лошади, ничем не защищенные от непогоды, жалобно ржали во дворе, да и хозяевам их было немногим лучше в жалкой хижине; однако мало-помалу путники уснули. Первым заснул Роберт, положив голову на плечо лорда Гленарвана, и вскоре, хранимые богом, погрузились в сон и все остальные временные обитатели ранчо.

Видно, бог был чутким стражем, ибо ночь прошла без происшествий. Разбудила путников Таука. Бодрая, как всегда, она ржала и сильно била копытом в стену ранчо. Если Талькав не подавал сигнала к отъезду, то это делал его конь. А поскольку путешественники были уже многим обязаны Тауке, то повиновались ей, и отряд тотчас же двинулся в путь.

Шел небольшой дождь, но сырой глинистый грунт не впитывал скопившихся вод, и все эти лужи, болота, пруды выступали из берегов, сливаясь в огромные «банадо» предательской глубины. Паганель, взглянув на карту, подумал, и не без основания, что Рио-Гранде и Рио-Виварата, реки, в которые обычно стекают воды этой равнины, теперь, вероятно, вышли из берегов и образовали общее русло шириной в несколько миль.

Необходимо было мчаться во весь опор. Вопрос шел об общем спасении. Если наводнение усилится, то где найти убежище? До самого горизонта не видно было ни одной возвышенности, и на такую плоскую равнину воды должны были хлынуть с необычайной быстротой.

Коней пустили полной рысью. Таука неслась впереди и, пожалуй, больше, чем любая амфибия с могучими плавниками, заслуживала название морского коня, ибо с такой силой рассекала воду, словно это была ее родная стихия.

Внезапно, около десяти часов утра, Таука начала проявлять признаки сильнейшего беспокойства. Она непрерывно оглядывалась на юг, на необозримые просторы равнин, протяжно ржала, раздувая ноздри, втягивала свежий воздух, порывисто вставала на дыбы. Талькав, которого скачки лошади не вышибали из седла, все же с трудом справлялся с нею. Он сильно натянул удила, выступившая изо рта пена коня окра-

силась кровью, но горячее животное не унималось, всадник понимал, что стоит лошади только дать волю, как она во весь опор помчится на север.

— Что происходит с Таукой? — спросил Паганель. — Уж не впились ли в нее здешние прожорливые пивавки?

— Нет, — ответил индеец.

— Значит, она чего-то испугалась?

— Да, она почуяла опасность.

— Какую?

— Не знаю.

Если опасность, которую почуяла Таука, была пока еще невидима, то слух уже улавливал ее. Действительно, глухой рокот, похожий на рокот прилива, слышался где-то за пределами горизонта. Дул порывистый влажный ветер, неся с собой водяную пыль. Птицы стремительно улетали — видимо, от какого-то чуждого им явления природы. Лошади, ступая по колено в воде, уже ощущали напор течения. Вскоре появились с юга, приблизительно в полумиле от отряда, бесчисленные стада животных, которые неистово мычали, ржали, блеяли. Опрокидывая друг друга, поднимаясь вновь, они бешено стремились вперед; то был ураганный хаос обезумевших существ, мчавшихся с невероятной быстротой. Их почти невозможно было разглядеть сквозь поднимаемый ими вихрь водяных брызг. Кажется, даже сотня великанов китов не могла с большей силой взбаламутить океан.

— Anda, anda! ¹ — крикнул громовым голосом Талькав.

— Что такое? — спросил Паганель.

— Разлив! Разлив! — ответил Талькав и, дав шпоры коню, помчался к северу.

— Наводнение! — крикнул Паганель.

И все понеслись за Таукой.

Нельзя было медлить: действительно, милях в пяти на юге уже виднелся надвигавшийся оттуда огромный, широчайший водяной вал, превращавший равнину в океан. Высокие травы исчезали, словно скошенные,

¹ Скорей, скорей! (исп.)

мимозовые растения, вырванные потоком, неслись по течению, образуя плавающие островки. Вся масса воды, разворачиваясь, хлынула сплошным потоком, сметая все на своем пути. Очевидно, перемычки между крупнейшими реками пампасов были прорваны, и воды Колорадо на севере и воды Рио-Негро на юге слились в общий поток.

Водяной вал, замеченный Талькавом, надвигался со скоростью призового скакуна. Всадники уносились от него, словно тучи, гонимые вихрем. Тщетно высматривали они хоть какое-нибудь пристанище: до самого горизонта простиралась вода. Охваченные паническим страхом, лошади мчались неистовым галопом, и всадники с трудом удерживались в седлах. Гленарван часто оглядывался назад.

«Вода настигает нас», — думал он.

— Anda, anda! — кричал Талькав.

И всадники пытались ускорить бег коней. Бока несчастных животных, истерзанные шпорами, были обильно залиты кровью, окрашивающей воду непрерывными алыми струйками. Лошади спотыкались о неровности почвы. Они запутывались в подводных травах. Они падали. Их заставляли снова подниматься. Они падали снова, и опять и опять их поднимали. А уровень воды заметно повышался. По ней шли волны, грозившие превратиться в пенящийся вал и вскоре залить путешественников.

С четверть часа продолжалась эта жестокая борьба с одной из самых грозных стихий. Беглецы не представляли себе точно, какое расстояние покрыли, но, судя по скорости бега коней, оно должно было быть немалое. Между тем лошади, находясь уже по грудь в воде, продвигались с величайшим трудом. Гленарван, Паганель, Остин — все считали себя уже погибшими, обреченными на страшную смерть. Лошади уже едва достигали ногами дна, глубина же в шесть футов воды грозила всадникам гибелью.

Не поддается описанию смертельная тоска этих восьми людей, на которых неотвратимо надвигался чудовищный водяной вал. Они чувствовали свое бессилие в борьбе со стихийным бедствием, превышаю-

щим человеческие силы. Не от их воли зависело теперь собственное спасение.

Прошло пять минут, и лошади поплыли. Теперь их несло вперед бурным и стремительным течением, равным самому быстрому галопу их коней. Быстрота превосходила двадцать миль в час.

Спасение казалось невозможным, как вдруг раздался голос майора:

— Дерево!

— Дерево? — воскликнул Гленарван.

— Там, там! — отозвался Талькав, указывая пальцем на гигантское ореховое дерево, одиноко поднимавшееся из воды саженях в восьмистах от них.

Подгонять спутников Талькаву не пришлось. Все понимали: любой ценой следовало достичь дерева, внезапно возникшего на их пути. Лошади, видимо, уже не в силах были доплыть до него, но люди могли еще спастись: течение несло их к дереву. В этот миг лошадь Тома Остина глухо заржала и исчезла под водой. Он высвободил ноги из стремян и поплыл, мощно рассекая руками воду.

— Хватайся за мое седло! — крикнул ему Гленарван.

— Спасибо, сэр, — ответил Том Остин. — Руки у меня крепкие!

— Как твоя лошадь, Роберт? — спросил Гленарван, обернувшись к юному Гранту.

— Она плывет, сэр, плывет, как рыба.

— Внимание! — громко крикнул майор.

Не успел он произнести это слово, как огромный вал настиг беглецов; чудовищный, в сорок футов вышиной, он обрушился на них с ужасающим шумом. Люди и животные — все исчезли в пенящемся водовороте. Колоссальная масса воды, в несколько миллионов тонн весом, понесла их в своем бешеном водовороте.

Когда вал схлынул, путешественники всплыли на поверхность и наспех пересчитали друг друга. Все были налицо, но лошади все, кроме Тауки, исчезли.

— Смелее! Смелее! — подбадривал Паганеля Гленарван, поддерживая его одной рукой и работая в воде другой.

— Ничего... ничего!.. — отозвался почтенный ученик. — Я даже доволен...

Но чем он был доволен, так навсегда и осталось неизвестным, ибо конец фразы бедняге пришлось проглотить вместе с большим количеством тинистой воды. Майор спокойно плыл вперед стилем, который одобрил бы любой учитель плавания. Матросы скользили, как два дельфина, попавшие в родную стихию. Что касается Роберта, то, уцепившись за гриву Тауки, он плыл вслед за ней. Лошадь, мощно рассекая грудью воду, инстинктивно плыла к дереву, куда, впрочем, несло ее и течение.

До дерева оставалось теперь сажень двадцать; несколько минут спустя весь отряд, к счастью, доплыл до него. Не будь дерева, гибель была бы неизбежной.

Вода заливала дерево до самых нижних ветвей, и потому взобраться на него было очень легко. Талькав, бросив лошадь, посадил Роберта и первым вскарабкался на дерево, вскоре его могучие руки помогли остальным измученным пловцам устроиться в безопасном месте.

А Тауку между тем быстро увлекало течением прочь. Она поворачивала к своему хозяину умную морду и, встряхивая длинной гривой, ржала, словно призывая его на помощь.

— Ты бросаешь ее на произвол судьбы! — сказал Паганель Талькаву.

— Я?! — воскликнул индеец.

И, кинувшись в бурные воды, он вынырнул сажень в десяти от дерева. Через несколько минут рука его уже уцепилась за гриву Тауки, и оба — лошадь и всадник — поплыли по течению к туманному горизонту севера.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Птичий образ жизни

Дерево, на котором Гленарван и его спутники нашли приют, имело сходство с ореховым. Листва его была блестящая, а макушка закругленная. В действи-

тельности же это было «омбу», растущее одиноко среди аргентинских равнин. Его огромный искривленный ствол уходит в землю не только толстыми корнями, но и могучими побегами, придающими ему особую устойчивость. Потому-то оно и устояло против штурма исполинских валов.

Омбу достигало футов ста высоты и могло покрыть своей тенью окружность в шестьдесят туазов. Основой этой громады был ствол в шесть футов толщиной и тянущиеся от него три массивные ветви. Две из них поднимались почти вертикально. Они поддерживали огромную крону листвы, разветвления которой, скрещенные, перепутанные, словно сплетенные корзинщиком, образовали непроницаемые тайники. Третья ветвь вытянулась почти горизонтально над ревущими водами, а нижние листья ее почти купались в воде. Эта ветвь была словно мыс зеленого острова, окруженного океаном. На таком гигантском дереве было достаточно места. Его роскошная листва давала вдоволь доступ воздуху и прохладе. Глядя на бесчисленные, вздымающиеся чуть не до облаков ветви, перевитые лианами, и на сквозившие сквозь них просветы в листве, можно было, право, подумать, что на стволе этого дерева вырос лес.

Появление беглецов на омбу спугнуло целые стаи пернатых. Птицы взлетели на верхние ветви, криками протестуя против столь вопиющего захвата их обиталища. Птиц, которые тоже нашли себе приют на этом одиноком дереве, было великое множество: сотни черных дроздов, скворцов, изаков, ильгуэрос, но больше всего колибри — пика-флор — с лучезарным оперением; когда колибри полетели, то, казалось, будто порыв ветра сорвал с дерева все цветы.

Таково было убежище, подвернувшееся маленькому отряду Гленарвана. Юный Грант и ловкий Вильсон, едва взобравшись на дерево, тотчас же залезли на его верхушку. Сквозь лиственный зеленый купол они с высоты окинули взглядом необъятный горизонт. Океан, созданный наводнением, окружал их со всех сторон; не видно было ни конца его, ни края. Ни единого другого

дерева не поднималось над этой водной равниной, — лишь одинокое омбу трепетало под напором бушевавших вокруг него волн. Вдали, увлекаемые с юга на север стремительным течением, проносились вырванные с корнями стволы деревьев, сломанные, скрученные ветви, солома с кровель разрушенных ранчо, балки, сорванные водой с крыш эстансий, трупы утонувших животных, окровавленные шкуры и плившая на качающемся дереве целая семья ягуаров, которые, рыча, вцепились когтями в свое утлое судно. А дальше Вильсону удалось разглядеть еле заметную темную точку. То был Талькав на своей верной Тауке, исчезающие вдали.

— Талькав! Друг Талькав! — крикнул Роберт, протягивая руку в ту сторону, куда скрылся мужественный патагонец.

— Он спасется, господин Роберт, — сказал Вильсон. — А теперь пойдемте к лорду.

Спустя минуту Роберт Грант и матрос, спустившись с «трехэтажных» ветвей, были уже на верхушке основного ствола. Здесь сидели Гленарван, Паганель, майор, Остин и Мюльреды, каждый сообразно своим вкусам: кто верхом, кто уцепившись за ветки. Вильсон рассказал о том, что видел с вершины омбу. Все единогласно присоединились к его мнению, что Талькав не погибнет, но не было уверенности в том, кто кого спасет: Талькав Тауку или Таука Талькава.

Несомненно, что положение пришельцев омбу было более угрожающим, чем Талькава. Дерево, повидимому, устоит перед напором воды, но прилив мог затопить его до самой верхушки, ибо эта часть равнины превратилась теперь в глубокую ложбину, образуя в этот час как бы природный водоем. Гленарван прежде всего распорядился сделать зарубки на стволе омбу, чтобы по ним следить в случае подъема за уровнем воды, но она не поднималась — повидимому, наводнение достигло наибольшей высоты. Это несколько успокоило путешественников.

— Что же мы теперь будем делать? — спросил Гленарван.

— Вить гнездо, черт возьми! — весело отозвался Паганель.

— Вить гнездо! — воскликнул Роберт.

— Конечно, мой мальчик, поскольку мы не можем жить жизнью рыб, нам остается только вести птичий образ жизни.

— Хорошо, — согласился Гленарван, — а кто будет нас кормить?

— Я, — ответил майор.

Все взглянули на Мак-Наббса.

Майор, примостившись с удобством в кресле из двух гибких ветвей, протягивал спутникам промокшие, но все же туго набитые чересседельные сумки.

— Узнаю вас, Мак-Наббс! — воскликнул Гленарван. — Вы всегда обо всем помните, даже тогда, когда позволительно обо всем забыть!

— Поскольку решено было не тонуть, то не было никакого смысла умирать с голоду, — отозвался майор.

— И я, конечно, тоже подумал бы о пище, не будь я столь рассеян, — наивно сказал Паганель.

— А что в этих сумках? — поинтересовался Том Остин.

— Пища для семи человек на два дня, — ответил Мак-Наббс.

— Отлично! — промолвил Гленарван. — Надеюсь, что за сутки вода заметно спадет.

— Или что мы найдем за это время способ добраться до суши, — прибавил Паганель.

— Итак, наш первый долг — позавтракать, — заявил Гленарван.

— Предварительно высушив наши одежды, — заметил майор.

— А откуда добыть огня? — спросил Вильсон.

— Развести его, — ответил Паганель.

— Где?

— Здесь, на верхушке ствола, черт возьми!

— А топливо?

— Сухие ветки, которые мы наломаем на этом же дереве.

— Но как их разжечь? — спросил Гленарван. — Наш трут превратился в мокрую губку.

— Обойдемся и без него, — ответил Паганель. — Немного сухого мха, увеличительное стекло моей подзорной трубы, луч солнца — и вы увидите, у какого чудесного огня я буду греться. Ну, кто пойдет в лес за дровами?

— Я! — крикнул Роберт.

И, сопровождаемый своим другом Вильсоном, мальчик, словно котенок, исчез в чаще ветвей.

Во время их отсутствия Паганель набрал достаточное количество сухого мха, уложил его на слой сырых листьев, в том месте, где расходились три толстые ветви ствола, затем вывинтил из подзорной трубы увеличительное стекло, и, поймав с его помощью солнечный луч, — а сделать это было легко, ибо дневное светило ярко сияло, — он без труда зажег сухой мох. Такой костер не представлял никакой опасности.

Вскоре Вильсон и Роберт вернулись с охапками сухих сучьев, которые тотчас же бросили на горящий мох. Чтобы поскорее разжечь сучья, Паганель прибег к арабскому способу: он расставил свои длинные ноги над костром и, то нагибаясь, то выпрямляясь, принялся раздувать огонь полами своего пончо. Сучья вспыхнули, и вскоре яркое пламя с треском взвилось над импровизированным очагом. Каждый обсушивался по-своему; пончо, повешенные на ветвях, развевались на ветру. Затем позавтракали, ограничивая порции, так как не следовало забывать о завтрашнем дне: ведь нахлынувшие в огромную ложбину воды могли схлынуть медленнее, чем надеялся Гленарван, а провизии было в обрез. На омбу не произрастало никаких плодов, но, по счастью, благодаря множеству птичьих гнезд на дереве оно могло снабжать своих гостей исключительно свежими яйцами, кроме того, имелось немало пернатых жильцов. Ни тем, ни другим не следовало пренебрегать.

Так как продолжительность пребывания на дереве была неизвестна, то надо было разместиться поудобнее.

— Кухня и столовая находятся у нас в нижнем этаже, а спальня будет этажом выше, — заявил Паганель. — Дом достаточно просторен, квартирная плата дешевая, стесняться нечего. Я вижу наверху люльки,

словно уготованные нам самой природой; если мы основательно привяжем себя к ним, то будем спать, как на лучших кроватях в мире. Опасаться нам нечего. К тому же можно установить караул: отряд в семь человек может отбить множество индейцев, и ему не страшна стая диких зверей.

— Нам только не хватает оружия, — заметил Том Остин.

— Мои револьверы при мне, — заявил Гленарван.

— И мои тоже, — отозвался Роберт.

— А зачем они нам, если господин Паганель не найдет способа изготовить порох? — заметил Том Остин.

— Это не нужно, — откликнулся Мак-Наббс, показывая совершенно сухую пороховницу.

— Откуда она у вас, майор? — спросил заинтересованный Паганель.

— Это пороховница Талькава. Он подумал о том, что она может нам пригодиться, и, прежде чем броситься спасать Тауку, отдал ее мне.

— Какой великодушный и отважный индеец! — воскликнул Гленарван.

— Да, если все патагонцы похожи на него, то я поздравляю Патагонию, — промолвил Том Остин.

— Прошу вспомнить и Тауку, — прибавил Паганель: — ведь она — неотъемлемая часть патагонца. Я уверен, что мы снова увидим Талькава верхом на Тауке.

— Как далеко находимся мы от Атлантического океана? — спросил майор.

— Милях в сорока, самое большее, — ответил географ. — А теперь, друзья мои, поскольку каждый из нас волен делать то, что ему заблагорассудится, я прошу разрешения покинуть вас. Я поднимусь наверх, выберу там наблюдательный пункт, с помощью моей подзорной трубы увижу, что творится на белом свете, и буду докладывать вам.

Ученому предоставили действовать по его усмотрению, и он, проворно взбираясь с ветки на ветку, исчез за зеленой завесой листвы, а его спутники занялись подготовкой к ночлегу. Они быстро покончили с этой

несложной работой: ведь им не пришлось ни устанавливать кровати, ни постилать простынь, ни одеял. Вскоре все снова собрались вокруг костра.

Завязался разговор, но не о настоящем положении путешественников, с которым неизбежно приходилось мириться, а о судьбе капитана Гранта. Если воды схлынут, то через три дня маленький отряд снова окажется на борту «Дункана», но с ними не будет несчастных, потерпевших кораблекрушение, — Гарри Гранта и его двух матросов. Казалось, что после такой неудачи, после этого бесполезного перехода через Америку, всякая надежда найти их была безвозвратно утрачена. Куда же теперь направиться искать их? Как сильно будут горевать Элен и Мери Грант, когда узнают, что будущее не сулит им никакой надежды!

— Бедная сестра! — промолвил Роберт. — Для нас с ней все кончено!

Впервые Гленарван не нашел для мальчика ни одного слова утешения. О какой надежде могла идти речь? Разве экспедиция не следовала тщательно указаниям документа?

— А все же тридцать седьмая параллель не выдуманная цифра, — сказал он. — Относится ли она к месту пленения Гарри Гранта, или же к крушению его судна, но эта цифра не вымысел, не вывод, не догадка! Мы прочли ее собственными глазами.

— Все это так, сэр, — отозвался Том Остин, — однако поиски наши ни к чему не привели.

— Вот это и раздражает меня и приводит в ярость! — воскликнул Гленарван.

— Что вас это раздражает, я понимаю, — спокойно заметил Мак-Наббс, — но приходить в ярость излишне. Именно потому, что у нас имеется бесспорная цифра, мы должны исчерпать до конца все ее указания.

— Что вы хотите этим сказать, — спросил Гленарван, — и что, по-вашему мнению, следует предпринять?

— Нечто очень простое и очень логичное, дорогой Эдуард. Добравшись до «Дункана», мы возьмем курс на восток и будем, если понадобится, плыть вдоль тридцать седьмой параллели до того пункта, откуда мы вышли.

— Неужели, Мак-Наббс, вы предполагаете, что я об этом не думал? — ответил Гленарван. — Да, конечно! Сотни раз думал! Но какие шансы мы имеем на успех? Покидая Американский материк, мы удаляемся от того места, которое указал сам Гарри Грант; удаляемся от Патагонии, о которой так ясно говорится в документе.

— Итак, хотите опять предпринять поиски в пампе, хотя и уверены в том, что «Британия» не потерпела крушения ни у берегов Тихого, ни у берегов Атлантического океана? — спросил майор.

Гленарван промолчал.

— И хотя шансов найти Гарри Гранта, следуя вдоль тридцать седьмой параллели, у нас очень мало, мы все же обязаны попытаться сделать это! — добавил Мак-Наббс.

— С этим я согласен, — отозвался Гленарван.

— А вы, друзья мои, — обратился майор к морякам, — согласны вы со мной?

— Совершенно согласны, — ответил Том Остин.

Мюльреди и Вильсон одобрили его слова утвердительным кивком головы.

— Выслушайте меня, друзья мои, — продолжал после некоторого размышления Гленарван, — и ты тоже, Роберт, вникни хорошенько в то, что я скажу, ибо вопрос этот очень важный. Я сделаю все, чтобы отыскать капитана Гранта. Я взял на себя обязательство сделать это, и если понадобится, то посвящу розыскам всю свою жизнь. Вся Шотландия поможет мне спасти этого мужественного, преданного ей человека. Я тоже думаю, что сколь ни мал шанс на успех, но мы должны обогнуть земной шар по тридцать седьмой параллели, и это я выполню. Но сейчас нам предстоит решить другой вопрос, более сложный, а именно, следует ли нам отныне окончательно отказаться от розысков на Американском материке?

На столь категорический вопрос никто не ответил. Присутствующие не отважились высказывать свое мнение.

— Так как же? — спросил Гленарван, обращаясь главным образом к майору.

— Ответить на ваш вопрос, дорогой Эдуард, — значит, взять на себя большую ответственность, — сказал Мак-Наббс. — Это требует размышлений. Прежде всего я хочу знать, через какие именно страны проходит тридцать седьмая параллель южной широты.

— Это вам скажет Паганель, — ответил Гленарван.

— Так спросим его.

Географа скрывала густая листва, и Гленарвану пришлось окликнуть его:

— Паганель! Паганель!

— Я здесь, — ответил голос, словно с неба.

— Где вы?

— На моей башне.

— Что вы там делаете?

— Оглядываю необъятный горизонт.

— Можете вы на минутку спуститься?

— Я вам нужен?

— Да.

— Зачем?

— Мы хотим узнать, через какие страны проходит тридцать седьмая параллель.

— Извольте, — сказал Паганель, — и мне вовсе не нужно ради этого спускаться.

— Так ответьте!

— Извольте, покидая Америку, тридцать седьмая параллель южной широты пересекает Атлантический океан.

— Хорошо!

— На пути она встречает острова Тристан-да-Кунья.

— Прекрасно!

— Далее проходит двумя градусами южнее мыса Доброй Надежды.

— Затем?

— Пересекает Индийский океан.

— Потом?

— Слегка затрагивает острова Сен-Пьер в Амстердамском архипелаге.

— Дальше?

— Пересекает Австралию, проходя через провинцию Виктория.

— Продолжайте!

— И по выходе из Австралии...

Последняя фраза осталась неоконченной. Колебался ли географ? Не знал ли ученый, как дальше идет тридцать седьмая параллель? Нет. Но с вершины омбу послышался неистовый вопль, громкий крик. Гленарван и его друзья побледнели и переглянулись. Неужели произошла новая катастрофа? Неужели несчастный Паганель упал?

Уже Вильсон и Мюльреды устремились к нему на помощь, как вдруг показалось длинное туловище — Паганель катился с ветки на ветку, тщетно стараясь за что-нибудь ухватиться. Жив ли он? Неизвестно. Еще минута, и он упал бы в ревущие волны, но мощная рука майора удержала его.

— Благодарствуйте, Мак-Наббс! — воскликнул Паганель.

— Что с вами? — спросил майор. — Что случилось? Опять ваша всегдашняя рассеянность, не так ли?

— Да, да, — ответил Паганель, задыхаясь от волнения. — Да, рассеянность... на этот раз просто феноменальная...

— В чем же дело?

— Мы заблуждались! Мы продолжаем заблуждаться! Мы непрерывно заблуждаемся!

— Что вы хотите этим сказать?

— Гленарван, майор, Роберт и вы все, друзья мои, слушайте! Мы ищем капитана Гранта там, где его нет!

— Что вы говорите? — воскликнул Гленарван.

— Ищем там, где его нет и где его вообще никогда не было! — добавил Паганель.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Путешественники продолжают вести птичий образ жизни

Это неожиданное заявление вызвало глубокое удивление. Что хотел этим сказать географ? Уж не сошел ли он с ума? Однако он говорил так уверенно, что все

взоры обратились к Гленарвану. Слова Паганеля были в сущности прямым ответом на вопрос Гленарвана. Но Гленарван ограничился тем, что отрицательно покачал головой. Он, видимо, отнесся скептически к словам ученого. Однако тот, справившись с волнением, снова заговорил.

— Да, да, — повторил он уверенно, — мы ошиблись и прочли в документе то, чего в нем нет.

— Объясните вашу мысль, Паганель, — попросил Мак-Наббс, — но только спокойнее.

— Все обстоит очень просто, майор. Я, как и вы, заблуждался. Как вы, я тоже неправильно толковал документ. И лишь минуту тому назад, когда я сидел на вершине дерева и отвечал на ваши вопросы, меня вдруг, когда я произносил слово «Австралия», словно озарило молнией, и мне все стало ясно.

— Что? — воскликнул Гленарван. — Вы утверждаете, что Гарри Грант...

— Да, я утверждаю, — перебил его Паганель, — что слово *austral* в документе не полное слово, как мы предполагали, а лишь корень слова *Australie*.

— Оригинально! — отозвался майор.

— Не оригинально, а невозможно, — заявил, пожимая плечами, Гленарван.

— Невозможно? — крикнул Паганель. — Во Франции подобного слова не существует.

— Следовательно, — продолжал Гленарван с сомнением, — вы утверждаете, ссылаясь на документ, что «Британия» потерпела крушение у берегов Австралии?

— Я уверен в этом, — ответил Паганель.

— Право, Паганель, подобное заверение в устах секретаря Географического общества меня очень удивляет, — проговорил Гленарван.

— Почему? — спросил задетый за живое Паганель.

— Да потому, что, если вы признаете слово *Австралия*, вы одновременно должны признать слово *индейцы*, а их там никогда не бывало.

Этот аргумент несколько не сразил Паганеля. Он улыбнулся: видимо, он ожидал его.

— Дорогой Гленарван, — сказал он, — не спешите торжествовать: сейчас я «разобью вас наголову», как говорят французы, и поверьте мне, никогда англичанину не случилось терпеть такого поражения. Да будет это расплатой за неудачи Франции при Креси и Азенкуре!

— Буду очень рад. Побейте меня, Паганель!

— Итак, слушайте! В документе об индейцах упоминается не больше, чем о Патагонии. Обрывок слова *indi* значит не *Indiens* — *индейцы*, а *indigènes* — *туземцы*! А то, что в Австралии живут *туземцы*, надеюсь, вы допускаете?

Гленарван пристально посмотрел на географа.

— Браво, Паганель! — одобрил майор.

— Ну, как, дорогой Гленарван, теперь вы принимаете толкование?

— Принимаю, но только при условии, если вы докажете, что *gonie* не есть конец слова *Патагония*.

— Конечно, нет! — крикнул Паганель. — Тут дело идет не о Патагонии. Подбирайте любые слова, только не это.

— Но какое же иное слово?

— *Космогония, теогония, агония...*

— *Агония*, — выбрал майор.

— Пусть так, — ответил Паганель, — данное слово не имеет значения; я не буду даже доискиваться его смысла. Важно то, что *austral* указывает на Австралию. Не сбей вы меня тогда с толку ложными толкованиями, я сразу пошел бы по правильному пути, ибо здесь все очевидно! Найди я сам этот документ, я только так и понял бы его!

На этот раз слова Паганеля были встречены криками «ура», приветствиями, поздравлениями. Остин, матросы, майор, а особенно счастливый Роберт, окрыленный новой надеждой, — все принялись рукоплескать достойному ученому. Гленарван, мало-помалу убеждавшийся в своей ошибке, заявил, что он почти готов сдаться.

— Еще один вопрос, дорогой Паганель, — сказал он, — и мне останется только преклониться перед вашей проницательностью.

— Спрашивайте, Гленарван!
— Как расшифровали вы документ при новом толковании?

— Очень просто. Вот документ, — ответил Паганель, указывая на драгоценную бумагу, которую он столь добросовестно изучал последние дни.

В то время как географ собирался с мыслями, все молчали. Наконец, Паганель, водя пальцем по отрывочным строкам документа, уверенно подчеркивая некоторые слова, прочел следующее:

— *«Седьмого июня тысяча восемьсот шестьдесят второго года трехмачтовое судно «Британия», из порта Глазго, потерпело крушение после...»* Здесь можно вставить, если хотите: *«двух дней», «трех дней» или «долгой агонии», — все равно — это безразлично. «...у берегов Австралии. Направляясь к берегу, два матроса и капитан Грант попытаются высадиться...», или «высадились на континент, где они попадут...», или «попали в плен к жестоким туземцам. Они бросили этот документ...»* и так далее и так далее. Ясно?

— Да, ясно, если слово *материк* можно применить к Австралии, представляющей собой лишь остров.

— Успокойтесь, дорогой Гленарван, лучшие географы сходятся на том, что этот остров следует называть «Австралийским материком».

— Тогда, друзья мои, остается сказать лишь одно: в Австралию! И да поможет нам бог! — воскликнул Гленарван.

— В Австралию! — хором подхватили спутники.

— Знаете, Паганель, — прибавил Гленарван, — ваше присутствие на «Дункане» — прямо-таки дело providения!

— Прекрасно! — отозвался географ. — Допустим, что я послан providением, и не будем больше говорить об этом.

Так закончился разговор, повлекший за собой столь важные последствия в дальнейшем. Он совершенно изменил настроение путешественников. Они как бы снова ухватились за ту путеводную нить, которая должна была вывести их из лабиринта, откуда они уже не чаяли выбраться. Над развалинами их рухнув-

ших замыслов вновь засияла надежда. Теперь они могли безбоязненно покинуть Американский материк, и мысленно они уже покинули его.

Возвратившись на борт «Дункана», они не принесут с собой отчаяния, и леди Элен и Мери Грант не будут оплакивать безвозвратно погибшего капитана Гранта. Охваченные радостными надеждами, путешественники забыли об опасностях, грозивших им самим, и жалели лишь о том, что не могут немедленно пуститься в путь.

Было четыре часа пополудни. Ужинать решили в шесть. Паганель хотел ознаменовать этот счастливый день роскошным пиром, а так как имевшиеся запасы пищи были очень скудны, то он предложил Роберту отправиться вместе с ним на охоту в «соседний лес». Мальчик захлопал от радости в ладоши. Взяли пороховницу Талькава, вычистили револьверы, зарядили и отправились.

— Не заходите слишком далеко, — серьезно напутствовал охотников майор.

После их ухода Гленарван и Мак-Наббс отправились посмотреть зарубки на дереве, а Вильсон и Мюльреди снова разожгли костер.

Гленарван, спустившись к поверхности образовавшегося огромного озера, не заметил никаких признаков убыли воды. Однако уровень ее достиг, повидимому, максимума. Но неистовая сила, с которой воды продолжали нестись с юга на север, указывала на то, что аргентинские реки не пришли еще в равновесие. Прежде чем начать спадать воде, необходимо было, чтобы эти бурлящие потоки успокоились, как море в час, когда прилив кончается и начинается отлив. Поэтому, пока воды неслись столь стремительно к северу, нельзя было рассчитывать на их убыль.

В то время как Гленарван и майор наблюдали течение, где-то на омбу раздались выстрелы, сопровождаемые шумными криками радости. Дискант Роберта сливался с басом Паганеля. Трудно было решить, кто из них был большим ребенком. Охота, повидимому, обещала быть удачной и сулила чудеса кулинарного искусства. Вернувшись к костру, майор и Гленарван радостно одобрили удачную уловку Вильсона. Этот

славный моряк при помощи булавки и бечевки затеял рыбную ловлю. Несколько дюжин маленьких рыбок *мохоррас*, вкусных, как корюшка, трепетали, обещая путешественникам изысканное лакомство.

В эту минуту охотники спустились с вершины омбу. Паганель осторожно нес яйца черных ласточек и связку воробьев, которых он намеревался подать за обедом под видом дроздов. Роберт ловко подстрелил несколько пар *ильгуэрос*, маленьких желто-зеленых птичек, очень приятных на вкус, — на них большой спрос на рынке в Монтевидео. Паганелю, умевшему на тысячу ладов готовить яйца, пришлось на этот раз ограничиться тем, что испечь их в горячей золе костра. Все же обед получился и разнообразный и тонкий. Сушеное мясо, крутые яйца, жареные мохоррас, воробьи и ильгуэрос — все это являлось изысканной трапезой, память о которой осталась надолго.

Все весело беседовали. Паганеля превозносили и как охотника и как повара. Паганель принимал похвалы с присущей ученому скромностью.

Затем он начал очень увлекательно рассказывать о великолепном омбу, который приютил их под своей сенью и корни которого, по мнению Паганеля, очень глубоко уходили в землю.

— Нам с Робертом казалось во время охоты, что мы в настоящем лесу, — рассказывал он. — Был момент, когда я начал опасаться, что мы заблудились; я никак не мог найти дорогу обратно! Солнце склонялось уже к западу! Тщетно искал я следы наших ног. Голод терзал нас! Уже из темной чащи доносилось рычание диких зверей... Виноват! я ошибся... Там не было диких зверей, очень, очень сожалею!

— Как, — спросил Гленарван, — вы жалеете об отсутствии диких зверей?

— Разумеется!

— Однако при их свирепости...

— Свирепости, говоря с научной точки зрения, не существует, — возразил ученый.

— Ну уж извините, Паганель! — вмешался майор. — Вы никогда не заставите меня поверить, что дикие звери полезны. Какая от них польза?

— Какая польза? — воскликнул Паганель. — Да хотя бы та, что прежде всего они необходимы для классификации: все эти разряды, семейства, роды, виды...

— Великая польза! — сказал Мак-Наббс. — Мне она вовсе не нужна! Будь я вместе с Ноем в ковчеге во время всемирного потопа, то, конечно, я не допустил бы, чтобы сей неблагоразумный патриарх поместил в ковчег по чете львов, тигров, пантер, медведей и других, столь же зловредных и бесполезных зверей.

— Вы сами не сделали бы этого? — спросил Паганель.

— Нет, не сделал бы.

— Ну так с зоологической точки зрения вы были бы неправы.

— Но не с точки зрения человеческой, — ответил Мак-Наббс.

— Это возмутительно! — воскликнул ученый. — Я бы как раз заставил Ноя взять с собой в ковчег и мегатериев, и птеродактилей, и вообще всех допотопных животных, которые, к сожалению, теперь вывелись...

— А я вам говорю, — возразил Мак-Наббс, — что Ной прекрасно поступил, оставив их на произвол судьбы, если только они действительно существовали в его время.

— А я вам говорю, — упорствовал Паганель, — что Ной поступил дурно и на веки вечные заслужил проклятия ученых.

Свидетели спора Паганеля и майора о старике Ное не могли удержаться от смеха. У майора, никогда в жизни ни с кем не вступавшего в спор, вопреки всем его принципам, происходили ежедневные стычки с Паганелем. Очевидно, ученый обладал какой-то особой способностью выводить майора из равновесия.

Гленарван, по своему обыкновению, вмешался в спор.

— Как это ни печально с научной и с человеческой точки зрения, — сказал он, — нам все же придется примириться с отсутствием диких зверей; кстати, ведь Паганель и не мог надеяться встретить их в этом воздушном лесу.

— А почему бы нет? — отозвался ученый.

— Дикие звери на дереве? — удивился Том Остин.

— Ну, конечно! «Американский тигр» — ягуар, когда его почти настигают охотники, обычно ищет спасения на деревьях. Одно из таких животных, захваченное наводнением, свободно могло найти себе приют между ветвями омбу.

— Надеюсь, вы все же не встретили ягуара? — спросил майор.

— Нет, не встретили, хотя и обошли весь «лес». А жаль! Поохотиться за таким зверем было бы чудесно. Ягуар — свирепый хищник. Одним ударом лапы он сворачивает шею лошади. Стоит ему однажды отвесть человеческого мяса, как он алчет его снова. Больше всего он любит лакомиться мясом индейцев, затем негров, затем мулатов и, наконец, белокожих.

— Я очень рад, что стою на четвертом месте, — ответил Мак-Наббс.

— Вот как? А по-моему, это доказывает только, что вы безвкусны, — презрительно сказал Паганель.

— Я очень рад, что безвкусен, — быстро возразил майор.

— Но это унизительно! — воскликнул неумолимый Паганель. — Ведь белые провозглашают себя высшей расой, но, видимо, господа ягуары отнюдь не придерживаются того же мнения!

— Как бы там ни было, друг Паганель, — промолвил Гленарван, — поскольку среди нас нет ни индейцев, ни негров, ни мулатов, то я очень доволен, что здесь нет ваших милых ягуаров. Наше положение во все не так уж приятно...

— Не так приятно? — воскликнул Паганель, придравшись к этому выражению, которое могло дать иное направление спору. — Вы жалуетесь на свою судьбу, Гленарван?

— Конечно, — ответил Гленарван. — Разве вам так уж удобно на этих жестких ветвях?

— Я никогда не чувствовал себя лучше даже в собственном кабинете! Мы живем, как птицы: распеваем, порхаем... Я начинаю думать, что людям предназначено жить на деревьях.

— Им не хватает только крыльев, — вставил майор.

— Когда-нибудь они их сделают себе.

— А пока, — сказал Гленарван, — позвольте мне, милый друг, предпочесть этому воздушному обиталищу усыпанную песком дорожку парка, паркетный пол дома или палубу судна.

— Видите ли, Гленарван, — ответил Паганель, — нужно уметь мириться с обстоятельствами. Хороши они — тем лучше, плохи — не надо роптать. Я вижу, вы жалеете о комфорте своего замка Малькольм-Касл!

— Нет, но...

— Я уверен, что Роберт очень доволен, — поспешил сказать Паганель, желая завербовать хоть одного сторонника.

— Очень доволен, господин Паганель! — весело воскликнул Роберт.

— В его возрасте это естественно, — заметил Гленарван.

— И в моем тоже, — возразил ученый. — Чем меньше удобств, тем меньше потребностей, а чем меньше потребностей, тем человек счастливее.

— Ну вот! Теперь Паганель поведет атаку на богатство и роскошь, — заметил Мак-Наббс.

— Ошибаетесь, майор, — отозвался ученый. — Но если хотите, то я расскажу вам по этому поводу арабскую сказочку, я как раз вспомнил ее.

— Пожалуйста, пожалуйста, господин Паганель! — воскликнул Роберт.

— А какова мораль вашей сказки? — поинтересовался майор.

— Как у всех сказок, милый друг.

— Значит, какие-нибудь пустяки, — ответил Мак-Наббс. — Но все же начните, Шехеразада, одну из ваших сказок, которые вы так искусно рассказываете.

— Жил-был когда-то сын великого Гарун-аль-Рашида, — начал Паганель. — Он был несчастлив и пошел за советом к старому дервишу. Мудрый старец выслушал его и сказал, что трудно найти счастье на этом свете. «Однако, — прибавил он, — я знаю верный

способ сделать вас счастливым». — «Какой?» — спросил юный принц. «Надеть на плечи рубашку счастливого человека», — ответил дервиш. Обрадованный принц обнял дервиша и отправился на поиски талисмана. Долго странствовал он, посетил столицы всего земного шара, пробовал надевать рубашки королей, рубашки императоров, рубашки принцев, рубашки вельмож — все напрасно: счастливее он не стал. Тогда принялся он надевать рубашки художников, рубашки воинов, рубашки купцов. Напрасно! Долго скитался он в тщетных поисках счастья. В конце концов, отчаявшись в успехе, принц печально отправился обратно во дворец отца. Внезапно увидел он, в поле идет за плугом землепашец и весело распевает... «Если и этот человек не счастлив, то, значит, счастья на земле нет», — решил принц. Он подошел к нему: «Добрый человек, счастлив ли ты?» — спросил он. «Да», — ответил тот. «У тебя есть какое-нибудь желание?» — «Нет!» — «Ты не променял бы свою долю на долю короля?» — «Никогда!» — «Тогда продай мне свою рубашку». — «Рубашку? А у меня ее нет!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Между огнем и водой

Сказка Паганеля имела огромный успех. Ему рукоплескали, но каждый остался при своем мнении, и ученый достиг обычного результата, присущего всякой дискуссии, — он никого не убедил. Но все были согласны с ним, что роптать на судьбу не следует, и если нет ни двора, ни хижины, то надо довольствоваться деревом.

Между тем наступил вечер. Такой тревожный день достойным образом мог увенчать лишь благотворный сон. Обитатели омбу были утомлены не только борьбой с наводнением, но и страшно измучившим их жгучим зноем. Их пернатые товарищи уже расположились на ночлег в гуще листвы; мелодичные ругады

ильгуэрос, этих пампских соловьев, мало-помалу затихли. Все птицы умолкли. Лучше всего было последовать их примеру.

Но прежде чем, по выражению Паганеля, «забраться в гнездышко», Гленарван, Роберт и географ взобрались на свою «обсерваторию», желая еще раз взглянуть на водную равнину. Было около девяти часов вечера. Солнце только что скрылось за горизонтом. Вся западная часть неба утопала в горячем тумане. Обычно яркие, созвездия Южного полушария мерцали сегодня смутно, будто скрытые мгlistым покровом. Тем не менее их можно было распознать, и Паганель заставил Роберта и Гленарвана взглянуться в звезды полярной зоны. Среди прочих звезд ученый указал им и на Южный Крест, на это созвездие из четырех светил первой и второй величины, расположенных в виде ромба приблизительно на высоте полюса; на созвездие Кентавра, в котором сверкает самая близкая к земле звезда, Альфа; на две обширные туманности Магеллана, из которых более крупная заволакивает пространство, в двести раз большее видимой поверхности Луны; и, наконец, «черную дыру» — то место на небесном своде, где словно совершенно отсутствуют звезды.

К сожалению, на небе еще не появился Орион, видимый с обоих полушарий, но все же Паганель рассказ своим двум ученикам о любопытной детали патагонской «космографии». По мнению поэтичных индейцев, Орион представляет собой громадное лассо и три бола, брошенные рукой великого охотника небесных прерий. Все эти созвездия, отражаясь в зеркале вод, были словно второе небо, и нельзя было не залюбоваться этим великолепным зрелищем.

В то время как ученый Паганель посвящал слушателей в тайны космографии, небо с восточной стороны потемнело. Густая, темная, резко очерченная туча постепенно поднималась на горизонте, затеняя звезды. Эта туча, мрачная и зловеющая, вскоре заволокла половину небесного свода. Казалось, она движется сама собой, ибо не было ни малейшего ветра. Воздух был неподвижен. Ни один листик на дереве не трепетал,

никакой ряби не пробегало на поверхности вод. Дышать становилось все труднее, казалось, будто какой-то колоссальный пневматический насос разредил воздух. Атмосфера была насыщена электричеством, и каждое живое существо ощущало ток по всему телу.

Гленарван, Паганель и Роберт почувствовали в теле какие-то покалывания.

— Надвигается гроза, — заметил Паганель.

— Ты не боишься грома? — спросил Гленарван мальчика.

— О сэр! — ответил Роберт.

— Тем лучше, потому что гроза приближается.

— И очень сильная, если судить по небу, — добавил Паганель.

— Меня беспокоит не гроза, — продолжал Гленарван, — а ливень, который сопровождает ее. Нас промочит до костей. Что бы вы ни говорили, Паганель, а гнездом человек довольствоваться не может, и вы скоро сами в этом убедитесь.

— О, относясь философски...

— Философия не помешает вам промокнуть.

— Нет, конечно, но она согревает.

— Однако давайте спустимся к нашим друзьям, — сказал Гленарван, — и посоветуем им, вооружившись философией, как можно плотнее завернуться в пончо, а главное, запастись терпением, ибо оно нам понадобится.

Гленарван в последний раз окинул взором грозное небо, которое целиком уже заволокли густые черные тучи; лишь на западе неясная полоса чуть светилась сумеречным светом. Вода потемнела, напоминая огромную тучу, готовую слиться с нависшим вдали густым туманом. Ничего не было видно. Ни проблеска света, ни звука. Тишина была столь же глубокой, как и темнота.

— Спустимся, — повторил Гленарван, — скоро разразится гроза.

Все трое соскользнули по гладким веткам вниз и были очень удивлены, очутившись в каком-то своеобразном полусвете. Он исходил от несметного коли-

чества светящихся точек, носившихся с жужжаньем над водой.

— Что это, фосфоресценция? — спросил Гленарван географа.

— Нет, — ответил тот, — это светляки, живые и недорогие алмазы, из которых дамы Буэнос-Айреса делают себе прекрасные уборы.

— Как! Эти летающие искры — насекомые? — воскликнул Роберт.

— Да, мой милый.

Роберт поймал одного из светляков. Паганель не ошибся — это было насекомое, похожее на крупного шмеля, с дюйм длиной. Индейцы зовут его *туко-туко*. Это удивительное жесткокрылое насекомое излучает свет двумя пятнами, которые находятся на его нагрудном щитке. Их довольно яркий свет дает возможность читать даже в темноте.

Паганель поднес насекомое к своим часам и смог разглядеть, что было десять часов вечера.

Гленарван, подойдя к майору и трем морякам, стал отдавать распоряжения на ночь. Нужно было приготовиться к сильной грозе. После первых раскатов грома, без сомнения, забушует ураган и омбу начнет сильно раскачивать. Поэтому каждому предложено было крепче привязать себя к доставшейся ему кровати из ветвей. Если нельзя было избежать потоков с неба, то во всяком случае следовало уберечься от вод земных и не упасть в бурный поток, разбивавшийся о подножие дерева.

Все пожелали друг другу спокойной ночи, не очень на это надеясь, и каждый, скользнув на свое воздушное ложе, завернулся в пончо и постарался уснуть.

Но приближение грозных явлений природы вызывает во всяком живом существе какую-то смутную тревогу, побороть которую не могут даже самые сильные. Постояльцы омбу, взволнованные, угнетенные, не могли сомкнуть глаз, и в одиннадцать часов первый отдаленный раскат грома застал всех еще бодрствующими. Гленарван пробрался на самый конец горизонтальной ветви и глянул сквозь гущу листвы.

Даль темного неба уже прорезали быстрые блестящие молнии, отчетливо отражаясь в водах разлившейся реки. Молнии бесшумно разрывали тучи, словно мягкую, пушистую ткань.

Оглядев небо, тонувшее во мраке до самого горизонта, Гленарван вернулся обратно.

— Ну, что скажете, Гленарван? — спросил Паганель.

— Скажу, что начало, друзья мои, не плохое, если так пойдет дальше, то буря будет страшная.

— Тем лучше! — воскликнул энтузиаст Паганель. — Поскольку избежать этого зрелища нельзя, то пусть оно будет по крайней мере красиво.

— Еще одна ваша новая теория, которая тоже рассыплется с треском, — заметил майор.

— Одна из лучших моих теорий, Мак-Наббс! Я согласен с Гленарваном — гроза будет великолепная. Только что, когда я пытался уснуть, мне припомнилось несколько случаев, обнадеживших меня на этот счет, ведь мы находимся сейчас в царстве великих электрических гроз. Я где-то читал, будто в тысяча семьсот девяносто третьем году именно здесь, в провинции Буэнос-Айрес, во время одной грозы молния ударила тридцать семь раз подряд! А мой коллега Мартин де Мусси, будучи в этих же местах, наблюдал раскат грома, который длился пятьдесят пять минут без перерыва.

— Наблюдал с часами в руках? — спросил майор.

— С часами в руках. Что особенно могло бы встревожить меня, — прибавил Паганель, — так это мысль, что на всей равнине единственным возвышенным пунктом является омбу, на котором мы находимся. Здесь был бы очень кстати громоотвод, ибо из всех деревьев пампы именно к омбу молния питает особую слабость. А кстати, вам неизвестно, друзья мои, что ученые не советуют укрываться во время грозы под деревьями.

— Я бы не сказал, что их совет уместен, — заявил майор.

— Право, Паганель, нельзя сказать, что вы удачно выбрали момент, сообщая нам эти успокоительные сведения, — прибавил иронически Гленарван.

— Ба! В любое время полезно приобретать знания, — отозвался Паганель. — Ну вот! Начинается.

Раскаты грома прервали этот несвоевременный разговор. Их сила нарастала, звук повышался. Они приближались, переходя из низких тонов в средние (если заимствовать это очень подходящее сравнение из музыки). Вскоре они стали резкими, заставляя с быстротой качающегося маятника вибрировать воздушные волны. Все пространство пылало. Среди этого огня невозможно было определить, какая именно электрическая искра вызывает эти нескончаемые раскаты грома, которые, перекатываясь, уходили в бесконечную глубину неба.

Непрерывно сверкавшие молнии принимали самые разнообразные формы. Одни, падая перпендикулярно, по пять-шесть раз ударяли все в одно и то же место. Другие представляли бы огромный интерес для ученого, ибо если Араго (как об этом свидетельствуют его интересные подсчеты) только дважды видел раздвоенную, вилообразную молнию, то здесь их можно было наблюдать сотнями. Некоторые, бесконечно разветвляясь, загорались, рассыпаясь коралловидными завитками, создавая на темном небесном своде причудливые световые эффекты. Вскоре по всему небу от востока до севера протянулась фосфорическая, ярко светящаяся полоса. Постепенно зарево охватило весь горизонт, воспламеняя тучи, словно горячее вещество, и, отраженное зеркалом вод, породило необъятный огненный круг, центром которого являлся омбу.

Гленарван и его спутники молча наблюдали грозное зрелище, разговаривать было немыслимо. Лучи белого, точно призрачного света озаряли на мгновение то невозмутимое лицо майора, то оживленное любопытством лицо Паганеля, то энергичные черты лица Гленарвана, то растерянное личико Роберта, то беспечные физиономии матросов.

Но пока еще не было ни дождя, ни ветра. Однако

вскоре хляби небесные разверзлись, и по черному фону неба протянулись косые полосы, словно нити на ткацком станке. Этот крупный дождь бил по глади озера и отскакивал тысячами брызг, озаренных вспышками молний.

Предвещал ли этот ливень окончание грозы? Предстояло ли путешественникам отделаться лишь обильным душем? Нет! В самый разгар электрической бури на конце основной горизонтальной ветви омбу вдруг появился окруженный черным дымом огненный шар величиной с кулак; покружившись несколько секунд на одном месте, он, подобно бомбе, разорвался с таким оглушительным грохотом, что его слышно было даже среди непрерывных раскатов грома. Запахло серой. На миг все затихло, и внезапно послышался возглас Тома Остина:

— Дерево горит!

Том Остин не ошибся. Пламя мгновенно, словно оно пришло в соприкосновение с огромным складом горючего вещества, охватило всю западную сторону омбу. Сухие сучья, гнезда из сухой травы и верхний губчатый слой древесины послужили прекрасной пищей для огня. Поднявшийся ветер еще сильнее раздул пламя. Надо было спастись бегством. Гленарван и его спутники начали поспешно перебираться на восточную часть омбу, не охваченную еще огнем; молча, взволнованные, растерянные, взбирались они вверх, скользили и, рискуя упасть, карабкались по сучьям, гнувшимся под их тяжестью. А между тем пылавшие ветви корчились, трещали, извивались в огне, словно заживо сжигаемые змеи. Горящие головни падали в воду и, бросая пламенные отблески, уносились течением. Пламя то взвивалось на огромную высоту, сливаясь с пылающим воздухом, то стлалось вниз, прибитое разъяренным ураганом, охватывая все дерево, словно туника Несса. Гленарван, Роберт, майор, Паганель, матросы были в отчаянии, их душил густой дым, их обжигал нестерпимый жар. Огонь добирался до них; ничто не могло ни потушить, ни приостановить его. Несчастные люди считали себя обреченными сго-

реть заживо, подобно индусам, которых сжигают в утробе их божества — истукана.

Наконец, положение стало невыносимым. Из двух смертей приходилось выбирать менее жестокую.

— В воду! — крикнул Гленарван.

Вильсон, которого уже касалось пламя, первый бросился в воду, но вдруг оттуда раздался его отчаянный призыв:

— Помогите! Помогите!

Остин стремительно кинулся к нему и помог вскарабкаться обратно на ствол.

— Что случилось?

— Кайманы! Кайманы! — крикнул Вильсон.

Действительно, вокруг омбу собрались опаснейшие из пресмыкающихся, их чешуя сверкала, отражая зарево пожара. Их вкось сплюснутые хвосты, их головы, напоминающие наконечник копья, их навывкате глаза, их растянутые до ушей пасти — все убедило Паганеля, что перед ним свирепые американские аллигаторы, называемые в испанских владениях кайманами. Их было штук десять. Они били воду гигантскими хвостами и грызли омбу длинными зубами.

Несчастные поняли, что гибель неизбежна. Их ждала ужасная смерть — или быть сожженными заживо, или послужить пищей кайманам. Сам майор промолвил спокойным голосом:

— Быть может, это в самом деле конец.

Бывают обстоятельства, когда люди бессильны бороться, обстоятельства, при которых неистовствующую стихию в силах победить лишь другая стихия. Гленарван блуждающим взором глядел на ополчившиеся против них огонь и воду, не зная, откуда можно ждать спасения.

Гроза стихала, но она вызвала в атмосфере значительное скопление паров, насыщенных электричеством, и привела их в бурное движение. На юге от омбу мало-помалу образовался колоссальный смерч, словно сгусток туманов конической формы, вершина его находилась внизу, основание — вверху; этот смерч соединял грозовые тучи с бушевавшими водами. Вскоре

он приблизился, крутясь с невероятной быстротой. Он втягивал в себя во время вращения воду, которую как бы выкачал из озера, и бешеная от этого вращения тяга воздуха всасывала в него окрестные воздушные течения. Внезапно гигантский смерч налетел на омбу и охватил его со всех сторон. Дерево задрожало до самых корней.

Гленарвану показалось, что кайманы атаковали омбу и вырывают его из земли мощными челюстями. Путешественники ухватились друг за друга: они почувствовали, что могучее дерево уступает натиску и падает; его пылающие ветви с оглушительным шипением погрузились в бурные воды. Все это произошло в мгновение ока. А смерч уже пронесся и, поднимая на своем пути воду из озера, казалось, опустошал его до дна.

Тогда омбу, рухнувшее в воду, гонимое ветром, поплыло, увлекаемое течением. Кайманы обратились в бегство; лишь один пополз по вывороченным корням и, разинув пасть, подбирался к людям, но Мюльреди схватил наполовину обгоревший кусок толстой ветки и так сильно ударил хищника по спине, что переломил ему хребет. Кайман упал в воду и, со страшной силой ударяя по ней хвостом, исчез в бурном потоке.

Гленарван и его спутники, спасенные от прожорливых пресмыкающихся, перебрались на подветренную сторону дерева, а омбу, чьи языки пламени, подхлестываемые ураганом, надувались подобно огненным парусам, увлекаемое течением, поплыло, словно горящий брандер, во мраке ночи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Атлантический океан

Уже больше двух часов плыло омбу по огромному озеру, но берега все еще не было видно. Языки пламени, пожиравшие дерево, мало-помалу угасли. Главная опасность этой жуткой переправы миновала.

Майор заявил, что никакого чуда не будет, если им удастся спастись.

Течение продолжало нести омбу все в том же направлении: с юго-запада на северо-восток. Темнота, то тут, то там прорезаемая вспышкой запоздалой молнии, вновь стала непроницаемой, и тщетно Паганель пытался разглядеть что-либо на горизонте. Гроза затихала, тучи рассеивались. Крупные капли дождя сменились мелкой водяной пылью, мчавшейся по ветру, и высоко в небе плоскими лентами опадали набухшие облака. Омбу несло по бурному потоку с такой поразительной быстротой, словно под его корой скрыт был какой-то мощный двигатель. Казалось возможным, что дерево будет плыть подобным образом еще многие дни. Около трех часов утра майор, однако, заметил, что корни омбу как будто задевают за дно. Том Остин с помощью оторванной от дерева ветки нащупал дно и установил, что оно поднимается. Действительно, минут через двадцать раздался толчок, и омбу круто остановилось.

— Земля! Земля! — крикнул Паганель.

Концы обугленных ветвей наткнулись на какую-то неровность почвы. Никогда, вероятно, ни одна мель не приносила такой радости мореплавателям: ведь тут мель являлась для них гаванью.

Роберт и Вильсон первыми прыгнули на твердую землю и кричали восторженно «ура», как вдруг послышался знакомый свист, затем лошадиный топот, и высокая фигура индейца выступила из мрака.

— Талькав! — воскликнул Роберт.

— Талькав!.. — хором подхватили его спутники.

— Amigos ¹, — отозвался патагонец.

Он ждал путешественников там, куда их должно было вынести течение, как вынесло к этому месту и его самого. Патагонец поднял Роберта, прижал его к груди, а Паганель бросился к нему на шею. Вскоре Гленарван, майор и моряки, радуясь, что снова видят своего верного проводника, крепко, с дружеской сер-

¹ Друзья (исп.).

дечностью пожимали ему руки. Затем патагонец повел их в сарай покинутой эстансии, находившейся вблизи. В ней пылал яркий костер, обогревший их, на огне жарились сочные ломти дичи, которую они тут же съели до последней крошки. И когда путешественники несколько пришли в себя, то ни один из них не верил, что ему удалось избежать стольких опасностей: воды, огня и грозных аргентинских кайманов.

Талькав в нескольких словах рассказал Паганелю историю своего спасения, приписав всю заслугу своему неустрашимому коню. Затем Паганель попытался разъяснить патагонцу новое предложенное им толкование документа и поделился с ним теми надеждами, которые это толкование сулило. Понял ли индеец остроумные доводы ученого? Навряд ли, но он видел, что друзья его довольны и надеются на что-то, и этого ему было достаточно.

После такого «отдыха» на омбу нашим отважным путешественникам не терпелось снова двинуться в путь. К восьми часам утра они были уже готовы выступить. Находясь столь далеко от всех эстансий и саладеро, им трудно было приобрести какие-либо средства передвижения. Приходилось идти пешком. Впрочем, осталось пройти всего лишь миль сорок. Да и Таука могла время от времени подвезти одного, а при надобности и двух утомленных пешеходов. За тридцать шесть часов можно было добраться до берега Атлантического океана.

Оставив за собой огромную низину, затопленную водой, путешественники двинулись по более возвышенным местам. Вокруг расстился все тот же однообразный аргентинский пейзаж; порой встречались то тут, то там насаженные европейцами рощицы, зеленея среди пастбищ, которые, впрочем, попадались столь же редко, как и в окрестностях Сьерры-Тандиль и Сьерры-Тапалькем. Туземные же деревья росли только по окраинам прерий и на подступах к мысу Корриентес.

Так закончился этот день. Назавтра, задолго до конца дня, путешественники почувствовали близость океана, — до него оставалось еще миль пятнадцать.

Виразон — морской ветер, дующий во вторую половину дня и ночи, пригибал к земле высокие травы. На тощей почве росли жидкие лесочки, низкие древовидные мимозы, кусты акации и пучки курр-мабеля. Несколько лагун соленой воды блестели, словно осколки разбитого стекла, они удлинляли путь, так как их приходилось огибать. Пешеходы спешили, стремясь до ночи добраться до озера Саладо у Атлантического океана, и, надо признаться, все очень устали, когда в восемь часов вечера у пенистой границы океана показались песчаные дюны вышиной в двадцать саженей. Вскоре послышался протяжный рокот волн.

— Океан! — воскликнул Паганель.

— Да, океан, — ответил Талькав.

И пешеходы, которые, казалось, еле передвигали ноги, карабкались теперь на дюны с замечательным проворством. Но уже наступила ночь. Напрасно пытались они разглядеть что-либо в темноте. «Дункана» не было видно.

— И тем не менее он здесь! — воскликнул Гленарван. — Он ждет нас, лавируя у этих берегов!

— Завтра мы увидим его, — отозвался Мак-Наббс.

Том Остин попытался окликнуть невидимую яхту, но не получил ответа. Дул сильный ветер, и море было бурное. Ветер гнал облака на запад и доносил брызги пенящихся волн до самых верхушек дюн. Таким образом, если бы «Дункан» даже и находился на условленном месте, вахтенный все равно не мог бы ни услышать крика, ни ответить на него.

На берегу нигде не было убежища для кораблей — ни залива, ни бухты, ни искусственного порта. Берег состоял из длинных песчаных отмелей, далеко выдававшихся в море, эти отмели более опасны для судов, чем выступающие из воды рифы. Вблизи отмелей море всегда особенно бурно, и беда кораблю, попавшему в такую погоду на эти песчаные отмели, — оно обречено на гибель!..

Не было, конечно, ничего удивительного в том, что «Дункан» держался в отдалении от этого опасного бесприютного берега. Джон Манглс, очень осторожный и

предусмотрительный, несомненно, не решился бы приблизиться к берегу. Таково было мнение Тома Остина: он полагал, что «Дункан» должен был крейсировать по меньшей мере в пяти милях от берега.

Итак, майор посоветовал своему нетерпеливому другу покориться необходимости. Не было никакой возможности рассеять густой мрак, зачем же напрасно напрягать зрение, тщетно всматриваясь в темный горизонт!

Высказав эти соображения, Мак-Наббс занялся устройством ночлега под прикрытием дюн. Остатки провизии были съедены за последним ужином. Затем, следуя примеру майора, каждый вырыл себе в песке своеобразную постель и, зарывшись до подбородка в песчаное одеяло, заснул тяжелым сном. Один Гленарван бодрствовал.

Дул сильный ветер, и океан еще не успокоился после недавней бури. Высокие волны с грохотом разбивались о дюны. Гленарван был взволнован сознанием, что «Дункан» находится так близко. Ему в голову не приходило, что корабль мог опоздать на свидание. Это было немыслимо. 14 октября Гленарван покинул бухту Талькауано и 12 ноября достиг берегов Атлантического океана. Если за эти тридцать дней отряд пересек Чили, перевалил через Кордильеры, пересек через пампу и Аргентинскую равнину, то «Дункан» должен был успеть обогнуть мыс Горн и подняться вдоль восточного берега континента. Ничто не могло задержать в пути такую быстроходную яхту как «Дункан». Возможно, конечно, что на просторах Атлантического океана не раз свирепствовал ураган, но «Дункан» был крепким судном, а его капитан — хорошим моряком. И поскольку «Дункан» должен был прийти, он пришел.

Эти размышления не могли, однако, успокоить Гленарвана. Когда сердце спорит с разумом, то последний редко оказывается победителем. А лорд из Малькольм-Касла ощущал в окружающем мраке близость всех тех, кого любил: его дорогой Элен, Мери Грант, экипажа «Дункана». Гленарван бродил по пустынному

берегу, на который набегали светящиеся фосфорическим блеском волны. Он всматривался, прислушивался. Порой ему казалось, будто во тьме светится какой-то тусклый огонек.

— Я не ошибаюсь, — говорил он себе, — я видел свет судового фонаря — фонаря «Дункана». Ах! почему мой взор не в силах проникнуть сквозь этот мрак!

И вдруг он вспомнил: ведь Паганель уверял, что он никталоп, что он наделен способностью видеть во тьме. И Гленарван пошел будить географа.

Ученый спал, как сурок в своей яме, когда сильная рука подняла его с песчаного ложа.

— Кто это? — крикнул он.

— Это я.

— Кто я?

— Гленарван. Вставайте, мне нужны ваши глаза.

— Мои глаза? — переспросил Паганель, отчаянно протирая их.

— Да, ваше зрение — чтобы найти в этой тьме наш «Дункан». Ну идите же!

— Черт бы побрал никталопию, — проворчал географ, впрочем очень довольный возможностью оказать Гленарвану услугу.

Паганель вылез из ямы, потянулся и, разминая на ходу закованные руки и ноги, последовал за Гленарваном на берег. Гленарван попросил его взглянуть в темный морской горизонт. В продолжение нескольких минут ученый добросовестно занимался созерцанием.

— Ну как? Видите вы что-нибудь? — спросил Гленарван.

— Ничего! Да в такой тьме даже кошка и та в двух шагах ничего не разглядит.

— Ищите красный или зеленый свет, то есть носовой или кормовой фонарь.

— Не вижу ни зеленого, ни красного света. Все черно! — ответил Паганель, у которого слипались глаза.

В течение получаса он покорно ходил за своим нетерпеливым другом, время от времени роняя голову

на грудь, потом резким движением снова поднимая ее. Он не отвечал, он молчал. Его ноги стали заплетаться, как у пьяного. Гленарван посмотрел на Паганеля — Паганель спал на ходу. Гленарван взял ученого под руку, отвел, не будя, к яме и удобно устроил его в ней.

На рассвете всех поднял на ноги крик:

— «Дункан»! «Дункан»!

— Ура, ура! — отозвались Гленарвану его спутники, бросаясь к берегу.

Действительно, милях в пяти в открытом море виднелась яхта. Предусмотрительно убрав нижние паруса, она дрейфовала под парами. Дым из ее трубы смешивался с утренним туманом. Море было бурное, и судно такого водоизмещения, как яхта, не могло без риска приблизиться к берегу.

Гленарван, вооружившись подзорной трубой Паганеля, следил за ходом «Дункана». Судя по всему, Джон Манглс, видимо, не замечал еще своих пассажиров на берегу и продолжал крейсировать, не меняя направления и подобрав паруса.

Но тут Талькав, всыпав двойной заряд пороха в свой карабин, выстрелил в сторону, где была яхта. Все прислушались. Все зорко вглядывались. Трижды карабин индейца будил эхо дюн.

Наконец, с борта яхты поднялся белый дымок.

— Они увидели нас! — воскликнул Гленарван. — Это пушка «Дункана»!

Несколько секунд спустя глухой звук выстрела донесся до берега. И в ту же минуту «Дункан», переменив курс и ускорив ход, пошел к берегу.

Вскоре в подзорную трубу можно было увидеть, как с яхты спускают шлюпку.

— Леди Элен не сможет поехать, — проговорил Том Остин, — море слишком бурно.

— Ни Джон Манглс, — сказал Мак-Наббс, — он не может оставить судна.

— Сестра, сестра! — повторял Роберт, простирая руки к яхте, которую сильно качало.

— Ах, как мне хочется уже быть на «Дункане»! — воскликнул Гленарван.

— Терпение, Эдуард, — ответил майор. — Через два часа вы там будете.

Два часа! Действительно, шестивесельная шлюпка не могла в более короткий срок совершить поездку в оба конца.

Патаговец, скрестив на груди руки, стоял рядом со своей Таукой и спокойно глядел на взволнованный океан. Гленарван подошел к нему, взял его за руку и, указывая на «Дункан», сказал:

— Едем с нами!

Индеец медленно покачал головой.

— Едем, друг! — повторил Гленарван.

— Нет, — мягко ответил Талькав. — Здесь Таука, там пампа, — добавил он, широким жестом указывая на беспредельную равнину.

Гленарван понял, что индеец никогда добровольно не покинет прерий, где покоился прах его предков. Он знал благоговейную любовь этих сынов пустыни к своей родине. Он не настаивал — лишь крепко пожал Талькаву руку. Гленарван не настаивал и тогда, когда индеец, улыбаясь, отказался принять плату за свой труд.

— По дружбе! — сказал он.

Взволнованный Гленарван ничего не смог ему ответить. Ему хотелось оставить честному индейцу хоть что-нибудь на память о друзьях европейцах. Но оружие, лошади — все погибло во время наводнения. Его спутники были не богаче, чем он. Гленарван не знал, что делать, как отблагодарить бескорыстного проводника, как вдруг его осенила счастливая мысль. Вынув из бумажника драгоценный медальон, служивший оправой дивному портрету, одному из лучших произведений кисти Лоуренса, он протянул его индейцу.

— Моя жена! — пояснил он.

Талькав растроганно посмотрел на портрет и сказал:

— Добра и красива!

Роберт, Паганель, майор, Том Остин, оба матроса один за другим стали трогательно прощаться с Таль-

кавом. Эти славные люди были искренне огорчены разлукой со своим отважным и преданным другом. Индеец всех прижимал поочередно к своей широкой груди. Паганель подарил ему карту Южной Америки и обоих океанов, которую патагонец не раз с любопытством разглядывал. Это было самое драгоценное сокровище ученого. Роберту нечего было подарить, кроме ласк, — он с жаром обнял своего спасителя, не забыв поцеловать и Тауку.

Между тем шлюпка подходила к берегу. Проскользнув через узкий пролив между отмелями, она мягко врезалась в песчаный берег.

— Что с моей женой? — спросил Гленарван.

— И с моей сестрой? — подхватил Роберт.

— Миссис Гленарван и мисс Грант ждут вас на яхте, — ответил рулевой. — Но надо торопиться, сэр, — прибавил он, — нельзя тратить ни минуты: уже начался отлив.

Все поспешили в последний раз обнять индейца. Талькав проводил своих друзей до самой шлюпки, уже снова спущенной на воду. В тот миг, когда Роберт садился в шлюпку, индеец взял его на руки и, с нежностью поглядев на мальчика, сказал:

— Знай: теперь ты настоящий мужчина!

— Прощай, друг, прощай! — еще раз сказал Гленарван.

— Неужели мы никогда не увидимся? — воскликнул Паганель.

— *Quién sabe!*¹ — ответил Талькав, поднимая руку к небу.

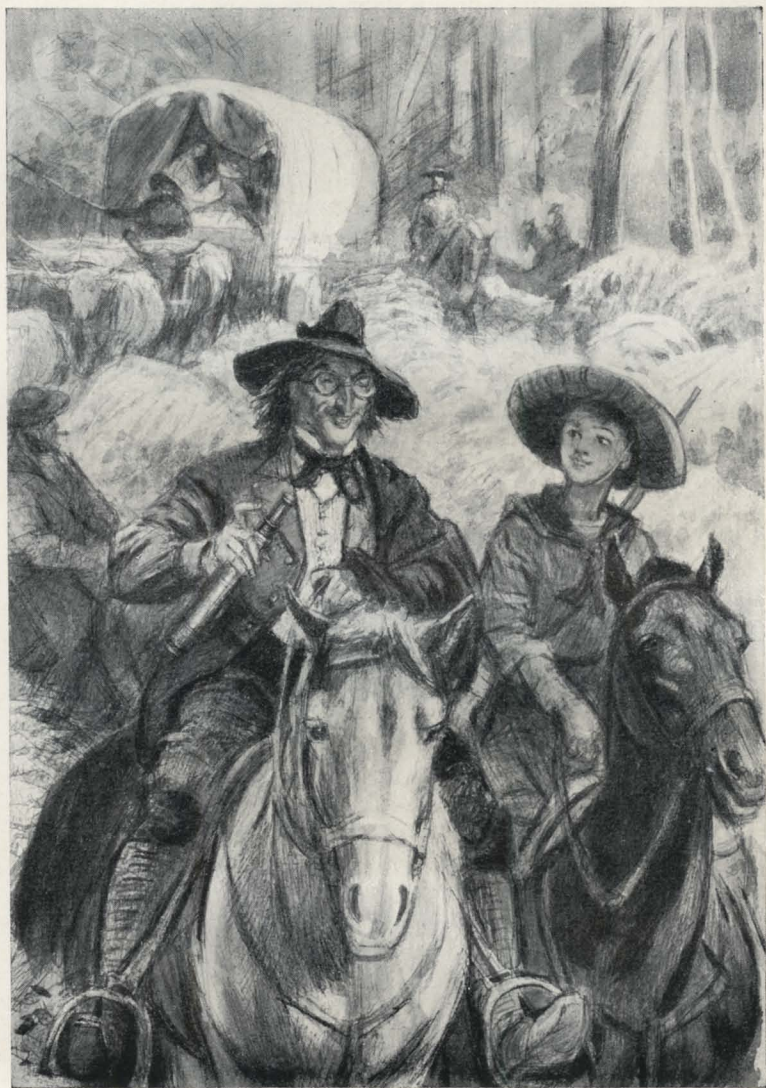
То были последние слова индейца. Их заглушил свист ветра.

Лодка быстро отчалила от берега и, увлекаемая отливом, направилась в открытое море. Долго над пенящимися волнами виднелся неподвижный силуэт Талькава, но мало-помалу его высокая фигура исчезла из виду.

¹ Кто знает! (*исп.*)

Через час Роберт первым взбежал по трапу на борт «Дункана» и бросился на шею к Мери Грант под несмолкаемые крики «ура» всего экипажа.

Так закончился этот переход по прямой линии через всю Южную Америку. Ни горы, ни реки не могли заставить путешественников уклониться от намеченного пути, и если этим самоотверженным, отважным людям не пришлось столкнуться на своем пути со злой волей других людей, то стихии, не раз обрушиваясь на них, подвергали их суровым испытаниям.

Часть вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Возвращение на «Дункан»

В первые минуты все отдались радостям встречи. Лорд Гленарван не хотел, чтобы неудачный исход поисков омрачил радость друзей, и поэтому первые слова его были

— Будем верить в успех, друзья мои, будем верить! Капитан Грант еще не с нами, но мы твердо уверены, что найдем его!

И достаточно было этих слов, чтобы вернуть надежду пассажирам «Дункана»

Ведь за то время, пока шлюпка шла к яхте, Элси и Мери Грант успели пережить все муки сомнения. Стоя на юте, они пытались сосчитать возвращающихся на борт. Молодая девушка то теряла надежду, то вновь обретала ее. Ей чудилось, что она видит отца. Ее сердце тревожно билось, она не в силах была говорить, она едва стояла на ногах. Леди Элен держала ее в своих объятиях. Джон Мангис находился рядом с Мери, молчал и пристально вглядывался вдаль. Его глаза моряка, привыкшие видеть на далеком расстоянии, не видели капитана Гранта.

— Он там! Вон он! Мой отец! — шептала молодая девушка.

Но шлюпка все приближалась, иллюзия рассеялась сама собой. Шлюпка не подошла еще на сто сажень, а уже не только Элен и Джон Мангис, но и Мери,

глаза которой были полны слез, потеряла всякую надежду. Ободряющие слова Гленарвана прозвучали вовремя.

После первых объятий Гленарван рассказал Элен, Мери Грант и Джону Манглсу о всех мытарствах экспедиции и затем ознакомил их с новым толкованием документа, которое предложил мудрый Жак Паганель. Гленарван с большой похвалой отзывался о Роберте и заверил Мери Грант, что она по праву может гордиться братом. Его мужество, его самоотверженность, опасности, которых он избежал, — все было так красочно рассказано Гленарваном, что мальчик не знал, куда деваться от смущения, и нашел приют в объятиях сестры.

— Не красней, Роберт, — сказал Джон Манглс, — ты достойный сын капитана Гранта.

Он притянул к себе брата Мери и расцеловал его в щеки, еще влажные от слез молодой девушки.

Излишне говорить здесь о том, как сердечно были встречены майор и географ, о том, с какой благодарностью вспоминали великодушного Талькава. Элен очень сожалела, что не может пожать руку честному индейцу. Мак-Наббс после первых же излиятий спустился к себе в каюту, чтобы прежде всего тщательно побриться. Что касается Паганеля, то тот порхал от одного к другому, как пчела, собирая мед похвал и улыбки. Он хотел обнять весь экипаж «Дункана» и, утверждая, что Элен и Мери Грант являются частью этого экипажа, начал с них и кончил мистером Олбинетом.

Стюард нашел, что единственный способ отблагодарить ученого за любезность — это провозгласить, что завтрак подан.

— Завтрак? — воскликнул географ.

— Да, господин Паганель, — ответил Олбинет.

— Настоящий завтрак, за настоящим столом, с приборами и салфетками?

— Конечно, господин Паганель!

— И нам не подадут ни сушеного мяса, ни крутых яиц, ни филе страуса?

— О сударь, — укоризненно промолвил уязвленный стюард.

— Я не хотел вас обидеть, друг мой, — сказал, улыбаясь, ученый, — но в течение месяца мы ели, лежа на земле, в лучшем случае, сидя верхом на ветвях. Поэтому тот завтрак, который вы нам обещаете, кажется мне мечтой, вымыслом, химерой.

— Пойдемте же, господин Паганель, и удостоверимся, что это реальность, — сказала Элен, едва удерживаясь от смеха.

— Позвольте предложить вам руку, — сказал галантный географ.

— Не будет ли каких-либо распоряжений относительно «Дункана», сэр? — спросил Джон Манглс.

— После завтрака, дорогой Джон, — ответил Гленарван, — мы обсудим сообща план нашей новой экспедиции.

Пассажиры яхты и молодой капитан спустились в кают-компанию. Механику дан был приказ держать яхту под парами, чтобы отплыть по первому сигналу. Свежевыбритый майор и другие путешественники, быстро переодевшиеся, уселись за стол.

Завтраку мистера Олбинета была оказана заслуженная честь. Его признали великолепным и даже превосходящим изумительные пиршества в пампе. Паганель брал по две порции каждого блюда, уверяя, что делает это «по рассеянности».

Это злополучное слово побудило Элен Гленарван спросить, часто ли милый француз впадал в свой обычный грех. Майор и лорд Гленарван, улыбаясь, переглянулись. Паганель громко расхохотался и поклялся честью в продолжение всего путешествия воздерживаться от присущего ему греха. Потом он очень забавно рассказал о своем разочаровании и о своем вдумчивом изучении поэмы Камозенса.

— В заключение скажу: «не было бы счастья, да несчастье помогло», и я не сожалею о своей ошибке.

— А почему, мой достойный друг? — спросил майор.

— Потому, что теперь я изучил не только испанский, но и португальский язык. Я говорю теперь на двух новых языках вместо одного.

— Право, я об этом не подумал, — ответил Мак-Наббс. — Поздравляю вас, Паганель, от всего сердца поздравляю!

Все зааплодировали ученому, который ни на секунду не переставал жевать. Паганель умудрялся одновременно и есть и вести разговор. Но он не заметил кое-чего, что не ускользнуло от Гленарвана: внимания Джона Манглса к Мери Грант. Легкий кивок Элен убедил Гленарвана, что это «именно так». Гленарван с сердечной симпатией посмотрел на молодых людей, а затем обратился к Джону Манглсу, но совсем по иному поводу.

— Как прошло ваше путешествие, Джон? — спросил он.

— При самых благоприятных условиях, — ответил капитан. — Только я должен довести до вашего сведения, сэр, что мы миновали Магелланов пролив.

— Вот как! — воскликнул Паганель. — Вы обогнули мыс Горн, а меня не было с вами!

— Ну так повесьтесь! — посоветовал майор.

— Эгоист! — отозвался географ. — Вы даете мне этот совет, чтобы забрать себе, как говорят, на счастье мою веревку.

— Полноте, дорогой Паганель! — вмешался в разговор Гленарван. — Ведь вы не вездесущи, нельзя же одновременно присутствовать в нескольких местах. Так как вы странствовали по пампе, то не могли в это же время огибать мыс Горн.

— Конечно, но это не мешает мне сожалеть о том, что меня там не было, — ответил ученый.

После этого Паганеля оставили в покое, а Джон Манглс начал рассказывать историю своего плавания. По его словам, огибая американский берег, он обследовал все острова западного архипелага, но не обнаружил там следов «Британии». У мыса Пилар, при входе в Магелланов пролив, яхту встретил противный ветер, пришлось повернуть на юг. «Дункан» проплыл мимо островов Отчаяния, поднялся до шестьдесят седьмой параллели, обогнул мыс Горн и, пройдя через пролив Лемера, оставил позади Огненную Землю и взял курс вдоль берегов Патагонии. Там, на высоте

мыса Корриентес, он испытал сильнейшую бурю, ту самую, которая с такой яростью обрушилась во время грозы на наших путешественников. Но яхта устояла против этого шторма и в течение трех дней крейсировала вдоль берегов, пока выстрелы из карабина не дали знать о прибытии с таким нетерпением ожидаемых путешественников. Что касается леди Гленарван и мисс Грант, то капитан «Дункана» был бы несправедлив, если бы забыл упомянуть о их редкой отваге. Буря не испугала их, и если они и беспокоились, то лишь за своих друзей, странствовавших по равнинам Аргентины.

Джон Манглс закончил свой рассказ. Лорд Гленарван поблагодарил его и обратился к Мери Грант.

— Дорогая мисс, — сказал он, — я вижу, что капитан Джон воздает должное вашим достоинствам. Я очень рад, что вы хорошо чувствовали себя на борту его судна.

— Могло ли быть иначе? — ответила Мери, взглянув на Элен Гленарван и едва заметно на молодого капитана.

— О, моя сестра вас очень любит, мистер Джон, — воскликнул Роберт. — И я также!

— А я плачу тебе тем же, дорогой мальчик, — ответил Джон Манглс, несколько смущенный словами Роберта. А Мери Грант слегка покраснела.

Джон Манглс поспешил переменить тему разговора:

— Я окончил рассказ о плавании «Дункана», — может быть, вы, сэр, ознакомите нас с подробностями вашего путешествия по Америке и расскажете также о подвигах нашего юного героя?

Ни одно повествование не могло доставить большего удовольствия Элен и мисс Грант. Гленарван не замедлил удовлетворить их любопытство. Он описал, не пропустив ни одного эпизода, все путешествие от одного океана к другому: о переходе через Кордильеры, о землетрясении, исчезновении Роберта, похищении его кондором, выстреле Талькава, нападении красных волков, самопожертвовании мальчика, знакомстве с сержантом Мануэлем, наводнении, убежище на омбу, молнии, пожаре, кайманах, смерче, о ночи на берегу

Атлантического океана. Все эти эпизоды, то страшные, то веселые, попеременно вызывали ужас или смех у слушателей. Не раз, когда речь шла о Роберте, его сестра и Элен Гленарван, восхищаясь, осыпали мальчика горячими поцелуями.

Свое повествование Эдуард Гленарван закончил словами:

— Теперь, друзья мои, подумаем о дальнейшем. Что было, то прошло, но будущее в наших руках. Поговорим о капитане Гарри Гранте.

Завтрак был окончен. Все перешли в салон Элен Гленарван и разместились вокруг стола, заваленного картами и планами, и разговор тотчас же возобновился.

— Дорогая Элен, — сказал Гленарван, — едва взойдя на борт «Дункана», я сказал, что хотя моряки, потерпевшие крушение на «Британии», не вернулись с нами, но у нас есть твердая надежда найти их. После перехода через Америку у нас создалось убеждение, больше того — уверенность, в том, что катастрофа не произошла ни у берегов Тихого океана, ни у берегов Атлантического. Из этого вытекает, что мы ошибочно толковали документ во всем, что касается Патагонии. К счастью, наш друг Паганель, осененный внезапным вдохновением, понял ошибку. Он доказал, что мы идем по ложному пути, и так истолковал документ, что теперь содержание его не вызывает ни малейших сомнений. Я говорю о документе, написанном по-французски, и я прошу Паганеля разъяснить его вам, чтобы ни у кого из присутствующих не осталось ни тени недоверия к моим словам.

Ученый не замедлил исполнить просьбу Гленарвана. Он убедительно и пространно рассуждал о словах *gonie* и *indi*; он ясно вывел из слова *austral* слово *Австралия*. Он доказывал, что судно капитана Гранта, отплыв от берегов Перу в направлении к Европе, потерпев аварию, могло оказаться в полосе южных течений Тихого океана, которые и увлекли его к берегам Австралии. В конце концов остроумные догадки ученого, его выводы были столь убедительны, что заслужили полное одобрение даже Джона Мангласа, очень осто-

рожного судьи в таких важных вопросах и человека, не склонного увлекаться игрой воображения. Как только Паганель окончил, Гленарван объявил, что «Дункан» тотчас же берет курс на Австралию.

Однако майор, прежде чем будет дан приказ взять курс на восток, попросил разрешения сделать одно замечание.

— Говорите, Мак-Наббс, — сказал Гленарван.

— Моя цель, — начал майор, — заключается не в том, чтобы ослабить впечатление от доказательств моего друга Паганеля; еще менее собираюсь я опровергать их, так как нахожу их серьезными, мудрыми, вполне достойными нашего внимания, и, несомненно, они должны лечь в основу наших будущих поисков. Но я хотел подвергнуть их последней проверке, чтобы их смысл стал бесспорным и неопровержимым.

Никто не понимал, куда клонит осторожный Мак-Наббс, все слушали его с некоторым беспокойством.

— Продолжайте, майор, — сказал Паганель, — я готов отвечать на все ваши вопросы.

— Вам будет это очень легко сделать, — промолвил майор. — Когда пять месяцев тому назад, в заливе Клайд, мы все изучали толкование этих трех документов, то нам казалось неоспоримым, что крушение «Британии» не могло произойти нигде, кроме как у берегов Патагонии. У нас не было и тени сомнения на этот счет.

— Совершенно верно, — подтвердил Гленарван.

— Позже, — продолжал майор, — когда Паганель благодаря своей благословенной рассеянности оказался на борту нашей яхты, документы были показаны ему, и он, не колеблясь, одобрил наше решение производить поиски у берегов Америки.

— Правильно, — подтвердил географ.

— И все же мы ошиблись, — закончил майор.

— Мы ошиблись, — повторил Паганель. — Человеку свойственно ошибаться, но лишь безрассудный человек упорствует в своей ошибке.

— Не горячитесь, Паганель! — промолвил майор. — Я вовсе не хочу сказать, что мы должны продолжать наши поиски в Америке.

— Тогда чего же вы хотите? — спросил Гленарван:

— Я хочу признания того, что Австралия кажется нам теперь единственно возможным местом крушения «Британии» совершенно так же, как некогда этим местом казалась нам Америка.

— Охотно признаем это, — ответил Паганель.

— Принимаю к сведению, — продолжал майор, — и пользуюсь случаем предостеречь вас от увлечения этой якобы «очевидностью». Как знать! А вдруг после Австралии какая-нибудь другая страна внушит нам такую же уверенность и новые поиски окажутся также неудачны, и тогда не станет ли в третий раз «очевидным», что их следует возобновить еще в какой-то другой стране?

Гленарван и Паганель переглянулись — соображения майора поразили их.

— Итак, — продолжал Мак-Наббс, — прежде чем мы отплывем в Австралию, я желал бы, чтобы произведена была последняя проверка. Вот документы, вот карты. Проследим последовательно все места, через которые проходит тридцать седьмая параллель, и посмотрим, не встретится ли нам другая страна, к которой можно отнести указания документа.

— Это очень легко сделать, — заявил Паганель, — так как, на наше счастье, под этой широтой расположено сравнительно мало земель.

— Посмотрим, — сказал майор, разворачивая английскую карту, вычерченную в проекции Меркатора¹ и представлявшую изображение всего земного шара на плоскости.

Карту разложили перед Элен, и все разместились так, чтобы следить за пояснениями Паганеля.

— Как я вам уже говорил, — начал географ, — тридцать седьмая параллель, пройдя через Южную Америку, пересекает острова Тристан-да-Кунья.

¹ Меркатор (1512—1594) — фламандский географ-картограф; предложил новый метод составления географических карт. Географические проекции Меркатора особенно важны в навигации; в картографии проекции Меркатора применяются и в настоящее время.

Я утверждаю, что в документе нет ни одного слова об этих островах.

Все еще раз тщательно рассмотрели документы и признали, что Паганель прав. Предположение об островах Тристан-да-Кунья было единогласно отвергнуто.

— Будем продолжать, — снова заговорил географ. — Выйдя из Атлантического океана, мы пройдем двумя градусами ниже мыса Доброй Надежды и попадем в Индийский океан. Только одна группа островов встречается нам на пути — группа островов Амстердамских. Обсудим вопрос и о них, как сделали мы это в связи с островами Тристан-да-Кунья.

После внимательной проверки Амстердамские острова были также отклонены: ни одного слова, полностью или в обрывке, не было сказано ни во французском, ни в немецком, ни в английском документах об этой группе островов Индийского океана.

— Теперь мы достигли Австралии, — продолжал Паганель. — Тридцать седьмая параллель вступает на материк у мыса Бернуилли и покидает его в заливе Туфолда. Вы согласитесь со мной, даже не проверяя текста документов, что английское слово *stra* и французское *austral* могут обозначать «Австралию»? Это настолько очевидно, что тут не о чем спорить.

Все согласились с заключением Паганеля. Его предположение казалось всесторонне обоснованным.

— Продолжайте, — сказал майор.

— Охотно, — откликнулся географ, — ведь такое путешествие нетрудно. Покинув залив Туфолда, мы пересекаем пролив, омывающий восточные берега Австралии, и встречаем на пути Новую Зеландию. Тут я напому вам, что обрывок слова *contin* во французском документе неопровержимо обозначает *continent* — континент. Стало быть, капитан Грант не мог найти убежища в Новой Зеландии, которая, как известно, не что иное, как остров. А поскольку это так, то изучайте, сравнивайте, переставляйте слова на все лады, и вы убедитесь, что они не имеют ни малейшего отношения к этой стране.

— Ни в коем случае, — согласился Джон Манглс после тщательного сличения документов и карты.

— Нет, — подтвердили остальные слушатели Паганеля и даже майор. — О Новой Зеландии не может быть и речи.

— Видите, — продолжал географ, — что на всем огромном пространстве, отделяющем этот большой остров от берегов Америки, тридцать седьмая параллель пересекает лишь один бесплодный и пустынный остров.

— Как он называется? — спросил майор.

— Взгляните на карту. Это остров Мария-Тереза, но нет никаких следов этого названия ни в одном из трех документов.

— Никаких, — подтвердил Гленарван.

— Итак, предоставляю вам, друзья мои, — закончил географ, — решить, справедливо ли предположение, что в документе речь идет об Австралии?

— Несомненно, — единодушно ответили пассажиры и капитан «Дункана».

— Джон, — сказал тогда Гленарван, — достаточно ли у нас съестных запасов и топлива?

— Да, сэр, я сделал обильные запасы в Талькауано. Впрочем, если понадобится, мы легко сможем их пополнить в Капштадте.

— В таком случае дайте приказ отплыть.

— Еще одно замечание... — перебил своего друга майор.

— Говорите, Мак-Наббс!

— Как бы мы ни были уверены, что именно успех ждет нас в Австралии, не следует ли все же, осторожности ради, на день-два сделать остановку на островах Тристан-да-Кунья и Амстердам. Они расположены на нашем пути и нисколько не удлинит его. Мы узнаем, не осталось ли там следов крушения «Британии».

— Как вы недоверчивы, майор! — воскликнул Паганель.

— Я забочусь, главным образом, о том, чтобы нам не пришлось возвращаться вторично по нашим собственным следам, если Австралия не оправдает наших надежд.

— Эта предосторожность не кажется мне излишней, — заметил Гленарван.

— И менее всего я склонен уговаривать вас отказаться от нее, — добавил Паганель, — напротив.

— Итак, Джон, отдайте приказ плыть к островам Тристан-да-Кунья, — распорядился Гленарван.

— Слушаюсь, сэр, — ответил капитан и поднялся на свой мостик. Роберт и Мери Грант горячо поблагодарили Гленарвана.

Вскоре «Дункан» удалился от американского берега, держа курс на восток, разрезая своим форштевнем волны Атлантического океана.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Острова Тристан-да-Кунья

Если бы яхта шла по экватору, то сто девяносто шесть градусов, отделяющих Австралию от Америки (или, точнее, мыс Бернуилли от мыса Корриентес), составили бы переход протяжением в одиннадцать тысяч семьсот шестьдесят географических миль. Но при следовании вдоль тридцать седьмой параллели эти сто девяносто шесть градусов составляли всего лишь девять тысяч четыреста восемьдесят миль пути. От американского берега до Тристан-да-Кунья две тысячи сто миль — расстояние, которое Джон Манглс рассчитывал пройти в десять дней, если восточные ветры не замедлят хода яхты. Молодому капитану повеселилось: к вечеру бриз заметно спал, потом вообще изменил направление. Море успокоилось, и «Дункан» снова смог показать свои высокие мореходные качества.

Пассажиры в тот же день вернулись к своему обычному времяпрепровождению. Казалось, что они и не покидали судна на целый месяц. Вместо волн Тихого океана перед их глазами плескались теперь волны Атлантического океана, а за исключением некоторой разницы в оттенках все волны похожи друг на друга. Стихии, подвергшие наших путешественни-

ков стольким грозным испытаниям, казалось, соединили теперь свои усилия, чтобы им благоприятствовать.

Океан был спокоен. Дул попутный ветер, и паруса «Дункана», вздувшись под западным бризом, помогали неугомимому пару, заключенному в котлах.

Таким образом, этот переход закончился быстро, без злключений и приключений. Все с доверием ждали австралийского берега. Надежду сменила уверенность. О капитане Гранте говорили так, будто яхта шла за ним в точно указанный порт. Уже были приготовлены каюта для него и койки для его двух товарищей. Мери Грант доставляло большую отраду самой устраивать отцовскую каюту, украшать ее. Мистер Олбинет уступил свою каюту, а сам переехал к миссис Олбинет. Каюта, предназначенная для капитана Гранта, находилась рядом с знаменитой каютой номер шесть, заказанной Жаком Паганелем на пароходе «Шотландия». Ученый-географ сидел, почти все время запершись в ней. Он работал с утра до вечера над научным трудом, озаглавленным «Необычайные впечатления географа в аргентинских пампах». Часто можно было слышать, как он взволнованно декламировал свои изящные периоды, прежде чем перенести их на бумагу. И не раз восторженный ученый изменял музе истории Клио, обращаясь к божественной Каллиопе, музе аттических поэм. Паганель не скрывал того, что целомудренные дочери Аполлона охотно покидают ради него вершины Парнаса или Геликона. Леди Элен высказала ему свое восхищение, а майор поздравил его с этими мифологическими посетительницами.

— Главное, берегитесь, дорогой Паганель, — говорил майор, — вашей рассеянности; если случайно вам придет фантазия овладеть австралийским языком, то не пытайтесь изучать его по китайской грамматике.

Итак, на яхте все шло прекрасно. Лорд и леди Гленарван с интересом наблюдали за Джоном Манглом и Мери Грант. Но так как порицать молодых людей было не за что, а Джон Манглс молчал, то они делали вид, что ничего не замечают.

— Что сказал бы капитан Грант по этому поводу? — спросил однажды жену Гленарван.

— Он решил бы, что Джон вполне достоин Мери, дорогой Эдуард, и не ошибся бы, — ответила Элен.

Тем временем яхта быстро приближалась к цели. Спустя пять дней после того, как скрылся из виду мыс Корриентес, а именно 16 ноября, подули сильные западные ветры, те самые, которые чрезвычайно благоприятствуют судам, огибающим южную оконечность Африки, где обычно дуют ветры юго-восточные. «Дункан» распустил паруса и под фоком, контр-бизанью, марселем, брамселем, лиселями, верхними парусами и стакселями полетел вперед, держась левым галсом, так быстро, что винт еле успевал касаться бегущих волн, рассекаемых форштевнем. Можно было подумать, что «Дункан» мчится за призом на гонках Темзинского Королевского яхт-клуба.

На следующий день увидели, что океан покрыт громадными водорослями и похож на огромный, заросший травами пруд. Казалось, то было Саргассовое море, покрытое обломками деревьев и растений, унесенных волнами океана с соседних материков. Впервые обратил на них внимание мореплавателей ученый Мори. «Дункан» как бы скользил по громадной равнине, которую Паганель сравнил с пампой, и движение яхты от этого несколько замедлилось.

Прошли еще сутки, и на рассвете вдруг послышался голос вахтенного матроса.

— Земля! — крикнул он.

— В каком направлении? — спросил Том Остин, стоявший на вахте.

— Под ветром! — ответил матрос.

При этом всегда волнующем известии палуба яхты немедленно наполнилась людьми. Из люка показалась подзорная труба. За ней следовал Жак Паганель. Ученый направил свой инструмент в указанном направлении, но не увидел там ничего похожего на землю.

— Взгляните на облака, — посоветовал ему Джон Манглс.

— Действительно, — сказал Паганель, — там вырисовывается нечто вроде утеса.

— Это Тристан-да-Кунья, — объявил Джон Манглс.

— В таком случае, если память мне не изменяет, — продолжал ученый, — мы находимся в восьмидесяти милях от острова, ибо вершина Тристан, высотой в семь тысяч футов, показывается над горизонтом именно на этом расстоянии.

— Совершенно верно, — подтвердил капитан Джон.

Прошло несколько часов, на горизонте уже вполне отчетливо можно было различить группу высоких скалистых островов. Коническая вершина Тристана выделялась темным силуэтом на голубом фоне неба, озаренная лучами восходящего солнца. Вскоре в общем скалистом массиве выступил главный остров, расположенный у вершины направленного на северо-восток треугольника.

Остров Тристан-да-Кунья находится под 37°8' южной широты и 10°44' западной долготы от Гринвича. В восемнадцати милях к юго-западу от него находится остров Инаксессибл, а в десяти милях на юго-восток — остров Найтингел, замыкающий этот маленький заброшенный в Атлантическом океане архипелаг. Около полудня яхта миновала две главные местные достопримечательности, которые служат морякам опознавательными пунктами, а именно: скалу на острове Инаксессибл, похожую на судно с распушенным парусом, а к северу от острова Найтингел — два острова, напоминающих развалины небольшой крепости. В три часа «Дункан» вошел в бухту Фалмут острова Тристан-да-Кунья, защищенную от западных ветров горой Гельп. Там дремало на якоре несколько китоловных судов, занимающихся ловлей тюленей и других морских животных, которыми изобилуют эти берега.

Джон Манглс занялся поисками надежного места для стоянки «Дункана», так как эти открытые гавани представляют большую опасность для судов при северном и северо-западном ветрах. Именно в этой бухте затонул в 1829 году английский бриг «Джулия» с командой и грузом. «Дункан» бросил якорь в полу-

миле от берега, на каменистое дно глубиной в двадцать сажень. Пассажиры и пассажирки тотчас сели в спущенную для них большую шлюпку и вскоре высадились на берег, покрытый мелким черным песком — мельчайшими остатками пережженных, выветрившихся известковых скал.

Столицей архипелага Тристан-да-Кунья является небольшой поселок, расположенный в глубине бухты близ широкого шумного ручья. Поселок насчитывает полусотню очень опрятных домиков, расположенных с той геометрической точностью, которая является последним словом английского градостроительства. За этим миниатюрным городком расстилается равнина величиною в полторы тысячи гектаров, окаймленная высокой насыпью из остывшей лавы. А над этой плоской возвышенностью подымается на семь тысяч футов вверх коническая вершина горы.

Гленарван был принят губернатором английской колонии и тотчас же осведомился у него относительно Гарри Гранта и «Британии». Но эти имена оказались совершенно неизвестными здесь. Острова Тристан-да-Кунья находятся вдалеке от обычного пути судов и редко посещаются ими. Со времени известного кораблекрушения английского судна «Блендон-Голл», разбившегося в 1821 году у скал острова Инаксессибл, только два судна потерпели кораблекрушение вблизи острова: в 1845 году «Примоге» и в 1857 году трехмачтовый американский корабль «Филадельфия». Этими тремя катастрофами ограничивалась местная статистика кораблекрушений.

Гленарван и не надеялся получить здесь более точные сведения, а расспрашивал губернатора только для очистки совести. Из тех же соображений он послал шлюпки объехать вокруг острова, окружность которого не превышает семнадцати миль. Ни Лондон, ни Париж не поместились бы на нем, будь он даже втрое больше.

Пока производились разведки, пассажиры «Дункана» прогуливались по поселку и окрестностям. Население Тристан-да-Кунья состоит из ста пятидесяти человек. Это англичане и американцы, женатые на

негритянках и капских готтентотках, славящихся своим исключительным безобразием. Дети от этих смешанных браков являют собой какую-то непривлекательную смесь саксонской сухости и африканской черноты.

Наши туристы были так рады, что у них под ногами твердая почва, что продолжили прогулку до той части берега, к которому прилегает долина, единственное обработанное место на этом острове. Все остальное пространство покрыто застывшей лавой. Остров пустынен и бесплоден. Там живет множество огромных альбатросов и сотни тысяч глупых пингвинов.

Путешественники, осмотрев эти вулканического происхождения скалы, снова спустились в долину. Там журчали многочисленные быстрые ручьи, питаемые вечными снегами горных вершин. Пейзаж оживляли зеленые кусты, на которых порхало множество птичек. Казалось, что их столько же, сколько цветов. Среди зеленеющих пастбищ возвышалось единственное дерево из семейства рожковых, футов в двадцать вышиной, и гигантское *туссе*, растение с древовидным стеблем, *ацена* с колючими семенами, могучие ломарии с переплетающимися волокнистыми стеблями, многолетние кустарниковые растения ануэрии, распространяющие одуряющий аромат, бальзамический мох, дикий сельдерей, папоротники — все это составляло, правда, не многочисленную, но роскошную флору острова. Чувствовалось, что на этом благодатном острове царит вечная весна. Паганель с жаром утверждал, что это и есть знаменитый остров Огигия, воспетый Фенелоном, и предложил леди Гленарван отыскать грот и последовать за пленительной нимфой Калипсо, а для себя мечтал лишь о роли нимфы-прислужницы!

Так, беседуя и любуясь окружающим, путешественники вернулись обратно на яхту лишь с наступлением ночи.

В окрестностях поселка паслись стада быков и баранов; ржаные, маисовые поля, огородные растения, ввезенные сюда лет сорок тому назад, составляли главное богатство населения; ими засеяно было все вокруг, чуть ли не самые улицы столицы.

Как раз в тот момент, когда Гленарван возвращался на яхту, к ней подплыли и шлюпки, которые успели в несколько часов объехать кругом весь остров, но ни малейших следов «Британии» не обнаружили. Это «кругосветное путешествие» имело единственный результат: острова Тристан-да-Кунья были окончательно исключены из программных поисков.

«Дункан» мог тотчас же покинуть эту группу африканских островов и продолжать свой путь на восток. Если он не снялся с якоря в тот же вечер, то только потому, что Гленарван разрешил своей команде заняться охотой на тюленей, несметные полчища которых под названием морских коров, львов, медведей и морских слонов, наводняли бухту Фалмут. Когда-то здесь водились киты, но их истребляли в таком количестве, что они почти совсем исчезли. Тюлени, те встречались целыми стадами. Экипаж яхты решил охотиться всю ночь и весь следующий день, чтобы пополнить запас жиров. Таким образом, отплытие «Дункана» было назначено на послезавтра, то есть на 20 ноября. За ужином Паганель сообщил своим спутникам несколько интересных сведений об островах Тристан-да-Кунья. Они узнали, что архипелаг был открыт в 1506 году португальцем Тристаном да-Кунья, одним из спутников д'Альбукерка, и в течение более ста лет оставался неисследованным. Эти острова, не без основания, считались «приютом бурь» и пользовались не лучшей репутацией, чем Бермудские острова. Поэтому к ним избегали приближаться, и ни одно судно добровольно не бросало возле него якоря, если его не принуждали к этому бури Атлантического океана.

В 1697 году три голландские судна Ост-Индской компании пристали к островам Тристан-да-Кунья, они определили координаты этих островов, а в 1700 году астроном Галлей внес в эти вычисления свои поправки. В период от 1712 до 1767 года с архипелагом Тристан-да-Кунья ознакомились несколько французских мореплавателей. Особенно много внимания уделил ему Лаперуз, побывавший тут, согласно полученным инструкциям, во время своего знаменитого

путешествия 1785 года. Эти острова, столь редко посещаемые, были необитаемы вплоть до 1811 года, когда американец Джонатан Ламберт колонизировал их. В январе 1811 года он высадился здесь с двумя товарищами, и они мужественно принялись за работу. Английский губернатор мыса Доброй Надежды, узнав, что остров колонизирован, предложил им протекторат Англии. Джонатан согласился и поднял над своей хижиной британский флаг. Казалось, Джонатан должен был бы мирно и безмятежно царствовать над своими «народами» — стариком итальянцем и португальским мулатом, но однажды, исследуя берега своей «империи», он утонул или был утоплен, что доподлинно неизвестно. Настал 1816 год. Наполеон был заключен на острове Св. Елены, и Англия, дабы бдительнее охранять его, поставила гарнизон — один на Тристан-да-Кунья, другой на острове Асенсьон. Гарнизон Тристана состоял из роты артиллеристов с мыса Доброй Надежды и отряда готтентотов. Он оставался здесь до самой смерти Наполеона, до 1821 года, а затем был переведен обратно на мыс Доброй Надежды.

— Здесь остался тогда один только европеец, — добавил Паганель, — капрал, шотландец...

— А! Шотландец! — повторил майор, которого всегда особенно интересовали его соотечественники.

— Звали его Вильям Гласс, — продолжал географ, — он поселился на острове со своей женой и двумя готтентотами. Вскоре к шотландцу присоединились два англичанина: один матрос и один рыбак с Темзы, экс-драгун аргентинской армии. Наконец, в тысяча восемьсот двадцать первом году один из потерпевших крушение на «Блендон-Голле» вместе со своей молодой женой нашел пристанище на острове. Итак, население острова в тысяча восемьсот двадцать первом году состояло уже из шести мужчин и двух женщин. В тысяча восемьсот двадцать девятом году там было уже семь мужчин, шесть женщин и четырнадцать детей. В тысяча восемьсот тридцать пятом году цифра эта поднялась до сорока, а теперь она утроилась.

— Так зарождаются нации, — сказал Гленарван.

— Скажу еще, чтобы дополнить историю Тристан-да-Кунья, — продолжал Паганель, — что этот остров кажется мне вполне достойным, подобно острову Хуан-Фернандес, называться островом Робинзонов. И действительно, если на Хуан-Фернандес забросило одного за другим на произвол судьбы двух моряков, то такая же участь едва не постигла на Тристан-да-Кунья двух ученых. В тысяча семьсот девяносто третьем году один из моих соотечественников, естествоиспытатель Обер Дю-Пти-Туар, увлеченный собиранием гербария, заблудился и смог добраться до своего судна лишь в тот момент, когда капитан уже давал приказ сняться с якоря. В тысяча восемьсот двадцать четвертом году один из ваших соотечественников, дорогой Гленарван, искусный рисовальщик, Огюст Эрл, был покинут там на целых восемь месяцев. Капитан судна, забыв о том, что Эрл остался на берегу, отплыл без него к мысу Доброй Надежды.

— Вот это уж действительно рассеянный капитан, — отозвался майор. — Без сомнения, это был один из ваших родичей, Паганель?

— Нет, майор, но во всяком случае он вполне достоин этой чести, — ответил географ и этим положил конец разговору.

Ночная охота команды «Дункана» оказалась удачной: убито было пятьдесят крупных тюленей. Разрешив охоту, Гленарван не мог запретить матросам извлекать из нее пользу. Поэтому следующий день был посвящен вытапливанию тюленьего жира и обработке шкур этих ценных животных. Само собой разумеется, что пассажиры и второй день использовали для экскурсии вглубь острова. Гленарван и майор захватили с собой ружья, чтобы поохотиться за местной дичью.

Гуляя, туристы спустились до самой подошвы горы, где вся земля усеяна бесформенными обломками скал, шлаком, кусками черной, пористой лавы и прочими вулканическими извержениями. Подножье горы представляло хаос шатких камней. Трудно было ошибиться в происхождении этого огромного конуса, и

английский капитан Кармайкел имел полное основание утверждать, что это потухший вулкан.

Охотники набрали на несколько кабанов. Пуля майора уложила на месте одного из них. Гленарван подстрелил несколько черных куропаток, из которых судовой повар приготовил превосходное рагу. На высоких горных площадках резвилось множество коз. Было на острове множество одичавших кошек — гордых, отважных и сильных животных, страшных даже для собак, они размножались и в будущем обещали развиться в великолепных хищных животных.

В восемь часов вечера все возвратились на яхту, а ночью «Дункан» навсегда покинул остров Тристан-да-Кунья.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Остров Амстердам

Джон Манглс намеревался запастись углем на мысе Доброй Надежды. Поэтому ему пришлось немного уклониться от тридцать седьмой параллели и подняться на два градуса к северу. «Дункан» находился ниже зоны пассатов и попал в полосу попутных западных ветров.

Меньше чем в шесть дней он покрыл тысячу триста миль, отделяющих Тристан-да-Кунья от южной оконечности Африки. 24 ноября в три часа дня уже показалась гора Столовая, а немного позже яхта поровнялась с горой Сигналов, указывающей вход в бухту. «Дункан» вошел туда к восьми часам вечера и бросил якорь в Кейптаунском порту.

Паганель, будучи членом Географического общества, не мог не знать, что южную оконечность Африки впервые увидел в 1486 году мельком португальский адмирал Бартоломей Диас, и только в 1497 году знаменитый Васко да Гама обогнул мыс. И как мог Паганель не знать этого, когда Камознс воспел великого мореплавателя в своей «Лузиаде». По этому поводу ученый сделал любопытное замечание: ведь если бы

Диас в 1486 году, за шесть лет до первого путешествия Христофора Колумба, обогнул мыс Доброй Надежды, то Америка еще долго не была бы открыта. И в самом деле, путь мимо мыса был наиболее коротким и прямым путем в восточную Индию. А великий генуэзский моряк, углубляясь все дальше и дальше на запад, ведь искал кратчайшего пути в «страну пряностей». Итак, если бы мыс обогнули раньше, то экспедиция Колумба была бы излишней и он, вероятно, не предпринял бы ее.

Город Кейптаун, основанный в 1652 году голландцем Ван-Рибеком, расположен в глубине Кейптаунской бухты. Это была столица очень значительной колонии, окончательно перешедшей к англичанам по договору 1815 года.

Пассажиры «Дункана» воспользовались стоянкой, чтобы посетить город. В их распоряжении было всего лишь двенадцать часов, так как капитану Джону нужен был только день, чтобы возобновить запасы угля, и он собирался сняться с якоря 26-го утром.

Впрочем, им и не понадобилось больше времени, чтобы обойти правильные квадраты шахматной доски, называемой Кейптауном, на которой тридцать тысяч белых и чернокожих жителей играли роль королей, королев, слонов, коней, быть может, пешек. По крайней мере таково было мнение Паганеля, и когда вы осмотрите замок, возвышающийся в юго-восточной части города, дворец и сад губернатора, биржу, музей, каменный крест, сооруженный Бартоломеем Диасом в честь своего открытия, и выпьете стакан понтейского вина, лучшего из местных вин, то вам не останется ничего больше делать, как отправляться в дальнейший путь.

Так и сделали наши путешественники на рассвете следующего дня. «Дункан», поставив кливер, фок и марсель, снялся с якоря и несколько часов спустя огибал знаменитый мыс Бурь, который португальский король-оптимист Жуан II так неудачно назвал мысом Доброй Надежды. Две тысячи девятьсот миль, отделяющие мыс Доброй Надежды от Амстердамского острова, при спокойном море и попутном ветре можно

пройти в десять дней. Мореплавателям больше повезло, чем путешественникам по пампе; им не пришлось жаловаться на неблагоприятность стихий.

— О море, море! — повторял Паганель. — Что было бы с человечеством, если бы не существовало морей. Корабль — это настоящая колесница цивилизации! Подумайте, друзья мои, если бы земной шар был огромным континентом, то мы даже в девятнадцатом веке не знали бы и тысячной части его. Взгляните, что происходит в глубине обширных материков. Человек едва осмеливается проникнуть в сибирскую тайгу, в равнины Центральной Азии, в пустыни Африки, в прерии Америки, в обширные степи Австралии, в ледяные пустыни полюсов... Смелый отступает, отважный погибает. Эти пространства непроходимы, средства сообщения недостаточны. Зной, болезни, дикость туземцев создают непреодолимые препятствия. Двадцать миль пустыни больше отделяют людей друг от друга, чем пятьсот миль океана! Люди, живущие на противоположных побережьях, считают себя соседями, и они чужды друг другу, если их отделяет какой-нибудь лес. Англия граничит с Австралией, тогда как Египет словно отдален на миллионы лье от Сенегала, а Пекин является антиподом Петербурга! В наше время пересечь море легче, чем любую Сахару, и только благодаря морю, как правильно сказал один американский ученый¹, между пятью частями свега установились родственные узы.

Паганель говорил с таким жаром, что даже майор ничего не возразил против этого гимна океану. Если бы для поисков Гарри Гранта нужно было следовать вдоль всей тридцать седьмой параллели по суше, то это путешествие оказалось бы неосуществимым, но море было к услугам отважных путешественников, оно переносило их из одной страны в другую, и 6 декабря первые лучи солнца осветили гору, как бы выходящую из недр морских. Это был остров Амстердам, лежащий под 37°47' южной широты и 77°24' восточной долготы, конусообразная вершина его в ясную погоду вид-

¹ Мори. (*Прим. автора.*)

неется на расстоянии пятидесяти миль. В восемь часов утра неопределенные очертания острова стали напоминать общий облик Тенерифе.

— Он очень похож и на Тристан-да-Кунья, — заметил Гленарван.

— Основательный вывод, — отозвался Паганель. — Он вытекает из геометрографической аксиомы: два острова, подобные третьему, подобны и между собой. Добавлю, что остров Амстердам так же, как и Тристан-да-Кунья, был богат тюленями и Робинзонами.

— Значит, Робинзоны имеются повсюду? — спросила Элен.

— Честное слово, сударыня, я очень мало знаю островов, где не бывало бы подобных приключений, — отозвался ученый, — сама жизнь уже ранее вашего знаменитого соотечественника Даниеля Дефо создала его роман.

— Господин Паганель, — обратилась к нему Мери Грант, — разрешите задать вам один вопрос.

— Хоть два, дорогая мисс. Я всегда готов на них ответить.

— Скажите, вы бы очень испугались, если вдруг оказались бы на необитаемом острове?

— Я? — воскликнул Паганель.

— Не вздумайте, друг мой, уверять нас, что это ваша заветная мечта, — сказал майор.

— Я не собираюсь уверять вас в этом, — ответил географ, — но подобное приключение не пугает меня: я начал бы новую жизнь — я стал бы охотиться, ловить рыбу, жил бы зимой в пещере, летом — на берегу, устроил бы склады для запасов. Словом, колонизировал бы весь остров.

— В полном одиночестве?

— Да, если б так сложились обстоятельства. Впрочем, разве на земле бывает полное одиночество? Разве нельзя найти себе друга среди животных, приручить молодого козленка, красноречивого попугая, милую обезьянку? А если случай пошлет вам товарища вроде верного Пятницы, то чего вам еще нужно? Два друга на одиноком утесе — вот вам и счастье. Вообразите себе: я и майор...

— Благодарю вас, — сказал Мак-Наббс, — у меня нет ни малейшего желания разыгрывать роль Робинзона, я слишком плохо сыграл бы ее.

— Дорогой Паганель, — вмешалась леди Элен, — снова ваше пылкое воображение уносит вас в мир фантазий. Но мне кажется, что действительность очень отличается от мечтаний. Вы воображаете себе каких-то вымышленных Робинзонов, которых судьба предусмотрено забрасывает на превосходно выбранные острова, где природа лелеет их, словно избалованных детей. Вы видите только лицевую сторону медали.

— Как! Вы не верите, что можно быть счастливым на необитаемом острове?

— Нет, не верю. Человек создан для общества, а не для уединения. Одиночество породит в нем лишь отчаяние. Это только вопрос времени. Пусть вначале он поглощен повседневными нуждами и заботами, отвлекающими все мысли несчастного, едва спасшегося от морских волн, пусть мысль о настоящем удаляет от него угрозу будущего. Но впоследствии, когда он осознает свое одиночество, вдали от себе подобных, без всякой надежды увидеть родину, увидеть тех, кого любит, что должен он переживать, какие страдания? Его островок — это для него весь мир. Все человечество — это он сам, и когда настанет смерть, страшная одинокая смерть, то он почувствует себя как последний человек в последний день существования мира. Поверьте мне, господин Паганель, лучше не быть этим человеком.

Паганель, не без сожаления, согласился с доводами Элен, и разговор о положительных и отрицательных сторонах одиночества продолжался до тех пор, пока «Дункан» бросил якорь в миле расстояния от острова Амстердам.

Этот уединенный в Индийском океане архипелаг состоит из двух островов, находящихся приблизительно в тридцати трех милях расстояния друг от друга, как раз на меридиане Индийского полуострова. На севере расположен остров Амстердам, или Сен-Пьер, на юге — остров Сен-Поль. Но следует отметить, что географы и мореплаватели часто путают их назва-

ния. Эти острова были открыты в декабре 1796 года голландцем Фламингом, затем их посетил Д'Антракasto — командир кораблей «Эсперанс» и «Решерш», направленных на поиски без вести пропавшего Лаперуза. С этого времени начинается путаница в обозначении островов. Мореплаватель Берроу, Боуте-Бопре в атласе Д'Антракasto, затем Горсбург, Пинкертон и другие географы, описывая остров Сен-Пьер, называют его островом Сен-Поль и наоборот.

В 1859 году офицеры австрийского фрегата «Наварра» во время своего кругосветного плавания избежали этой ошибки, которую Паганель непременно хотел исправить.

Остров Сен-Поль, расположенный к югу от острова Амстердам, — необитаемый клочок земли, образованный высокой горой конической формы, видимо бывшим вулканом. Остров Амстердам, к которому шлюпка подвезла пассажиров «Дункана», имеет миль двенадцать в окружности. Его население состоит из нескольких добровольных изгнанников, привыкших к своей печальной жизни. Это сторожа рыболовных промыслов, принадлежавших так же, как и самый остров, некоему Отовану, коммерсанту с острова Реюньон. Этот не признанный великими европейскими державами властелин получает со своего владения до восьмидесяти тысяч франков в год от ловли, засолки и вывоза рыбы «чейлодактилис», в просторечии именуемой треской.

Этому острову Амстердам суждено было принадлежать к французским владениям. Сначала он принадлежал Камини — судовладельцу из Сен-Дени, который поселился на нем первым. Впоследствии по какому-то международному соглашению остров переуступили поляку, который стал возделывать его при помощи рабов-мадагаскарцев. Что француз, что поляк — разницы никакой, поэтому остров снова попал в руки Отована и сделался французским.

Когда 6 декабря 1864 года «Дункан» бросил якорь у острова, его население составляли три человека: один француз и два мулата; все трое были служащими коммерсанта-собственника Отована. Паганель

таким образом мог пожать руку соотечественнику, почтенному господину Био, человеку весьма преклонных лет. Этот «мудрый старец» чрезвычайно радушно принял путешественников. Тот день, когда ему довелось оказать гостеприимство любезным и к тому же культурным европейцам, был для него счастливым днем. Остров Сен-Пьер обычно посещают лишь охотники за тюленями и реже китобои — люди грубые и неотесанные.

Био представил гостям своих подчиненных — обоих мулатов. Трое этих людей, несколько диких кабанов и множество водящихся в глубине острова простодушных пингвинов составляли все население острова. Домик, в котором жили трое островитян, был расположен в юго-западной части острова, в глубине естественной бухты, образовавшейся вследствие обвала горы. Еще задолго до «царствования» Отована I остров Сен-Пьер служил убежищем для потерпевших кораблекрушение. Паганель очень увлекательно рассказал об этом своим слушателям, озаглавив свой первый рассказ: «История двух шотландцев, покинувших на острове Амстердам».

— Дело было в тысяча восемьсот двадцать седьмом году. Английский корабль «Пальмира», проходя мимо острова, заметил поднимающийся к небу дымок. Капитан приблизился к берегу и вскоре увидел двух человек, подававших сигналы бедствия. Он отправил за ними шлюпку, которая доставила на корабль Жака Пэна, двадцатидвухлетнего юношу, и Роберта Прудфута, мужчину сорока восьми лет. Эти двое несчастных почти потеряли человеческий облик. Они прожили на острове восемнадцать месяцев, страшно бедствуя, почти лишённые пресной воды, питаясь ракушками, вылавливая изредка на крючок из согнутого гвоздя рыбу или питаясь мясом убитого кабаненка, порой голодая по трое суток. Охраняя, подобно весталкам, костер, разожженный при помощи последнего куска трута, они не давали ему ни на мгновение угаснуть, а уходя, брали с собой горящий уголек, словно какую-нибудь драгоценность. Так жили они, страдая, лишённые всего. Пэн и Прудфут были высажены на остров

шхуной, охотившейся за тюленями. Согласно обычаю рыбаков, оставленные на острове должны были прожить на нем месяц и, ожидая возвращения шхуны, топить жир тюленей и запастись шкуры. Но шхуна за ними не вернулась. Пять месяцев спустя к острову пристало английское судно «Го́йе», направлявшееся в Ван-Димен. Капитан судна по какому-то необъяснимому жестокому капризу отказался принять шотландцев на свое судно. Он отплыл, не оставив им ни одного сухаря, ни огнива; и, несомненно, двое страдальцев вскоре погибли бы, если бы проходившая мимо «Пальмира» не подобрала их.

Второе приключение, записанное в истории острова Амстердам, — если только подобный утес может иметь историю, — это приключение капитана Перона, на этот раз француза. Началась эта история так же, как и предшествующая история двух шотландцев, и закончилась так же: добровольное пребывание на острове, затем свое судно, которое не возвращается, а через сорок месяцев к берегам острова случайно, по воле ветров, заносится чужое судно. Но пребывание капитана Перона на острове ознаменовалось еще кровавой драмой, странно похожей на те события, которые пережил герой романа Даниеля Дефо.

Капитан Перон приказал посадить себя на остров с четырьмя матросами — двумя англичанами и двумя французами. Он намеревался охотиться в течение целых пятнадцати месяцев на морских львов. Охота была исключительно удачной, но когда истекли пятнадцать месяцев, то судно не возвратилось, а запасы провизии мало-помалу подошли к концу и между островитянами резко обострилась национальная рознь. Двое англичан взбунтовались против капитана Перона, и он неминуемо погиб бы, если бы матросы-соотечественники не пришли к нему на помощь. С той поры обе враждующие стороны день и ночь следили друг за другом. Не расставаясь с оружием, то побежденные, то победители, они влачили жизнь, полную лишений и тревог. Несомненно, в конце концов одна партия покончила бы с другой, если бы какое-то английское судно не подобрало и не доставило на

родину этих несчастных, которых разделила на скале Индийского океана жалкая национальная рознь.

Таковы были эти приключения. Дважды остров Амстердам служил как бы отечеством заброшенным на него морякам, которых провидение дважды спасло от мук, голода и смерти. Но с той поры ни одно судно не потерпело крушения у этих берегов. Волны вынесли бы, конечно, на берег какие-нибудь обломки судна, а люди как-нибудь добрались бы на шлюпках до рыболовных промыслов господина Вио. А между тем старец, много лет пребывавший на острове, ни разу не имел случая оказать гостеприимство потерпевшим крушение. О «Британии» и капитане Гранте он ничего не знал. Очевидно, эта катастрофа не произошла ни у острова Амстердам, ни у острова Сен-Поль, часто посещаемого рыбаками и китоловами.

Гленарвана не удивил и не огорчил этот ответ. Он и его спутники искали не столько тех мест, где капитан Грант побывал, сколько тех, где его не было. Они хотели установить тот факт, что на этих точках тридцать седьмой параллели Гарри Гранта нет, вот и все. Поэтому отплытие «Дункана» было назначено на следующий день.

До вечера путешественники бродили по острову, очень живописному, но настолько бедному флорой и фауной, что перечисление их не заполнило бы и страницы записной книжки самого многословного естествоиспытателя. Четвероногие, пернатые, рыбы и китообразные были представлены только дикими кабанами, белыми, как снег, буревестниками, альбатросами, окунями и тюленями. Там и сям из-под темной застывшей лавы били горячие ключи и железистые источники, и густые пары их клубились над вулканической почвой. Вода некоторых источников была высокой температуры. Джон Мангис погрузил в один из источников термометр Фаренгейта, и тот показал сто семьдесят шесть градусов¹. Рыба, пойманная в море почти в нескольких шагах от источника и брошенная в его

¹ По Цельсию 80 градусов.

почти кипящую воду, через пять минут была уже сварена. Это побудило Паганеля отказаться от мысли искупаться в источнике.

После хорошей прогулки, уже в сумерки, путешественники распрощались с почтенным господином Вю. Все горячо пожелали ему всяческого счастья на его пустынном острове, а старик в свою очередь пожелал полного успеха экспедиции. Затем шлюпка с «Дункана» доставила путешественников обратно на корабль.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Пари Жака Паганеля и майора Мак-Наббса

7 декабря в три часа утра «Дункан» стоял уже под парами. Заработала лебедка. Якорь вырвали из песчаного дна маленького порта, и он лег обратно в свое гнездо на борту. Лопасты винта стали бурлить воду, и яхта направилась в открытое море. Когда пассажиры в восемь часов утра поднялись на палубу, остров Амстердам уже таял на туманном горизонте. То была последняя стоянка вдоль тридцать седьмой параллели до самых австралийских берегов; теперь предстоял переход в три тысячи миль¹. При попутном ветре и благоприятной погоде за двенадцать дней «Дункан» достиг бы Австралии.

Мери Грант и Роберт не могли без волнения смотреть на волны, которые, вероятно, за несколько дней до крушения бороздила «Британия». Быть может, здесь капитан Грант на потерпевшем аварию судне с остатками своей команды боролся со страшными ураганами Индийского океана, сознавая, что его корабль с непреодолимой силой увлекает к берегу. Джон Манглс показал девушке на морской карте течения и объяснил ей их постоянное направление. Одно течение пересекает весь Индийский океан к Австралий-

¹ 4800 километров.

скому материку, и оно ощущается не только в Тихом, но и в Атлантическом океане. Если «Британия» во время урагана потеряла мачты и руль и таким образом оказалась безоружной против натиска волн и ветра, то она неминуемо должна была быть выброшена на берег и разбиться. Однако тут возникло сомнение. Последнее известие о капитане Гранте имелось из Кальяо 30 мая 1862 года в газете «Mercantile and Shipping». Каким же образом 7 июня, через восемь дней после отплытия от берега Перу, «Британия» оказалась в Индийском океане? Спрошенный по этому поводу Паганель дал на вопрос настолько ясный ответ, что удовлетворил даже самых придирчивых.

Прошло шесть дней с тех пор, как «Дункан» покинул остров Амстердам. Был вечер 12 декабря. Эдуард, Элен Гленарван, Мери и Роберт Грант, капитан Джон, Мак-Наббс и Паганель беседовали на палубе. По обыкновению, разговор шел о «Британии», ибо все мысли путешественников всегда были сосредоточены на ней. Случайно коснулись вышеупомянутого факта, и он тотчас посеял тревогу во всех умах. Паганель, услышав это замечание Гленарвана, встрепенулся и, ни слова не говоря, отправился за документом. Вернувшись, он молча пожал плечами, как человек, которому стыдно, что он мог хоть на мгновение взволноваться из-за такого пустяка.

— Хорошо, друг мой, — проговорил Гленарван, — но дайте нам хоть приблизительное объяснение.

— Нет, — ответил Паганель, — я задам только один вопрос и задам его капитану Джону.

— Я вас слушаю, господин Паганель, — ответил Джон Манглс.

— Может ли быстроходное судно за один месяц проплыть расстояние от Америки до Австралии?

— Да, если будет проходить по двести миль в сутки.

— Разве это рекордная скорость?

— Нисколько. Парусные клиперы часто идут значительно быстрее.

— В таком случае допустите, что морская вода

смыла одну цифру, и вместо 7 июня читайте 17 июня или 27 июня, тогда все станет ясным.

— В самом деле, — сказала Элен, — от тридцать первого мая до двадцать седьмого июня...

— ...Капитан Грант легко мог пересечь весь Тихий океан и очутиться в Индийском, — закончил за нее Паганель.

Слова ученого были радостно встречены всеми.

— Итак, еще одно место документа выяснено, — сказал Гленарван, — и снова мы обязаны этим нашему ученому другу. Теперь нам остается достигнуть лишь берегов Австралии и начать поиски следов «Британии» на ее западном побережье.

— Или на ее восточном побережье, — добавил Джон Манглс.

— Да, вы правы, Джон: в документе нет никаких указаний на то, что катастрофа произошла у западных, а не у восточных берегов, — из этого следует, что наши поиски должны быть направлены и на восточный и на западный берег обоих побережий, там, где проходит тридцать седьмая параллель.

— Значит, вам еще не ясно, на каком побережье следует искать? — спросила Мери.

— О нет, мисс! — поспешил прервать девушку Джон Манглс, желая рассеять ее беспокойство. — Мистер Гленарван, конечно, согласится с тем, что если бы капитан Грант высадился на восточном побережье Австралии, то получил бы там всяческую помощь и поддержку. Все это побережье населено англичанами — оно, так сказать, кишит колонистами. Команда «Британии» встретила бы соотечественников, не пройдя и десяти миль.

— Правильно, капитан Джон, — подтвердил Паганель, — я присоединяюсь к вашему мнению. На восточном побережье, в заливе Туфолда или в городе Иден, Гарри Грант нашел бы не только убежище в какой-нибудь английской колонии, но и корабль, на котором мог бы вернуться в Европу.

— Но, очевидно, в той части Австралии, куда плывет «Дункан», потерпевшие крушение не могли бы найти такую помощь? — спросила Элен.

— Нет, миссис, эти берега пустынные, — ответил Паганель. — Оттуда нет никаких дорог ни в Мельбурн, ни в Аделаиду. Если «Британия» разбилась о тамошние береговые рифы, то ей неоткуда было ждать помощи, точно так же как если бы это случилось у негостеприимных берегов Африки.

— Но тогда, какая же судьба постигла моего отца за эти два года? — промолвила девушка.

— Дорогая Мери, — отозвался Паганель, — ведь вы уверены в том, что капитану Гранту после кораблекрушения удалось добраться до австралийского берега? Не так ли?

— Да, господин Паганель, — ответила девушка.

— Давайте же разберемся в том, что могло случиться с капитаном Грантом? Тут могут быть только три предположения: либо Гарри Грант и его спутники добрались до английских колоний, либо они попали в плен к туземцам, либо, наконец, заблудились в необъятных пустынях Австралии.

Паганель умолк, ожидая прочесть в глазах своих слушателей одобрение.

— Продолжайте, Паганель, — сказал Гленарван.

— Продолжаю, — ответил географ, — и прежде всего отвожу первую гипотезу, ибо если бы Гарри Грант добрался до английских колоний, то он давным-давно бы, здоров и невредим, вернулся к своим детям, в свой родной город Дунде.

— Бедный отец! — прошептала Мери Грант. — Вот уже два года, как он в разлуке с нами!

— Не перебивай, сестрица, господина Паганеля! — остановил ее Роберт. — Он сейчас скажет нам...

— Увы, нет, мой мальчик! Единственное, что я полагаю, это то, что капитан Грант находится в плену у австралийцев или...

— А эти туземцы, — поспешно перебила его Элен, — опасные люди?

— Успокойтесь, миссис, — ответил ученый, понявший тревогу леди Элен, — эти туземцы, правда, люди дикие и стоят на самой низшей ступени развития, но кроткие и не кровожадные, как их соседи новозеландцы. Поверьте мне: если потерпевшие крушение

на «Британии» попали к ним в плен, то их жизни никогда не грозила никакая опасность. Все путешественники единодушно утверждают, что австралийцы не любят кровопролития и часто новозеландцы помогали им отражать нападения действительно жестоких беглых каторжников.

— Вы слышите, что говорит господин Паганель? — обратилась Элен к Мери Грант. — Если ваш отец находится в плену у туземцев, — а в документе есть на это указания, — то мы найдем его.

— А если он заблудился в этой огромной стране? — спросила молодая девушка, вопрошающе глядя на Паганеля.

— Ну и что же! — уверенно воскликнул географ. — Все равно и тогда мы разыщем его! Не правда ли, друзья мои?

— Конечно! — подтвердил Гленарван, желая дать беседе менее грустное направление. — Но я не допускаю, чтобы он заблудился.

— Я также, — заявил Паганель.

— А велика ли Австралия? — спросил Роберт.

— Австралия, мой мальчик, занимает около семисот семидесяти пяти миллионов гектаров, иными словами — это примерно четыре пятых площади Европы.

— Она так велика? — удивленно проговорил майор.

— Да, Мак-Наббс, это совершенно точно. Полагаете ли вы, что подобная страна вправе именоваться континентом, как ее именуют в документе?

— Конечно, Паганель.

— И добавлю еще, — продолжал ученый, — что история почти не знает случаев, когда путешественники совершенно исчезали в этой огромной стране. Кажется, что Лейхардт — единственный, чья судьба неизвестна, да и то незадолго до моего отъезда мне сообщили в Географическом обществе, будто Мак-Интри напал на его следы.

— Разве не все области Австралии исследованы? — спросила Элен Гленарван.

— Нет, — ответил Паганель. — Этот континент исследован не более, чем центральная часть Африки,

несмотря на то, что недостатка в предприимчивых путешественниках не было. С тысяча шестьсот шестого по тысяча восемьсот шестьдесят второй год более пятидесяти человек занимались исследованием прибрежных и внутренних областей Австралии.

— Неужели пятьдесят? — недоверчиво переспросил майор.

— Да, Мак-Наббс, именно столько. Я говорю о мореплавателях, пускавшихся в опасные плавания вдоль неведомых австралийских берегов, и о путешественниках, осмелившихся углубляться в эту огромную страну.

— И все же я не верю, что их было пятьдесят, — заявил майор.

— В таком случае я докажу вам! — воскликнул географ, всегда волновавшийся, когда ему противоречили.

— Докажите, Паганель!

— Если вы мне не доверяете, то я сейчас же перечислю вам все эти пятьдесят имен.

— Ох, эти ученые! — спокойно промолвил майор. — Как смело решают они все вопросы!

— Майор, согласны вы держать со мной пари? Ставка — ваш карабин «Пурдей, Моор и Диксон» против моей подозрительной трубы фирмы Секретана.

— Отлично, если это доставит вам удовольствие, Паганель! — ответил Мак-Наббс.

— Хорошо, майор, — воскликнул ученый, — вам больше не придется убивать серн или лисиц из этого карабина! Разве только если я одолжу его вам, что, впрочем, я сделаю охотно.

— Паганель, — ответил серьезно майор, — когда вы будете нуждаться в моей подозрительной трубе, она всегда будет к вашим услугам.

— Так начнем! — воскликнул Паганель. — Милостивые государи и государыни, будьте нашими судьями, а ты, Роберт, веди счет очкам.

Лорд Эдуард и Элен Гленарван, Мери и Роберт, майор и Джон Манглс, которых этот спор забавлял, приготовились слушать географа. Ведь речь

шла об Австралии, куда направлялся «Дункан», и рассказ Паганеля был особенно кстати. Итак, его попросили немедленно начать рассказ.

— Мнемозина! — воскликнул ученый, — богиня памяти, праматерь целомудренных муз, вдохнови твоего верного и горячего почитателя! Друзья мои, двести пятьдесят восемь лет тому назад Австралия не была еще открыта. Правда, предполагали наличие какого-то обширного материка. Две карты тысяча пятьсот пятидесятого года, хранящиеся в нашем Британском музее, дорогой Гленарван, указывают, что к югу от Азии есть большая земля под названием «Великая Ява португальцев». Но эти карты не вполне достоверны. Вот почему я перехожу к семнадцатому веку, именно к тысяча шестьсот шестому году, когда испанский мореплаватель Квирос открыл неизвестную землю, которую назвал «Australia de Espiritu Santo», что значит «Южная земля святого духа». Некоторые авторы утверждали, что Квирос открыл не Австралию, а Ново-Гебридские острова. Я не буду обсуждать здесь этот спорный вопрос. Засчитай мне, Роберт, Квироса, и перейдем к следующим.

— Один! — объявил Роберт.

— В том же году Луис Вас-де-Торрес, младший командир эскадры Квироса, продолжил к югу исследование новооткрытых земель. Но честь открытия Австралии принадлежит голландцу Теодориху Гартогу, который высадился на западном берегу Австралии под двадцать пятым градусом широты и дал новой земле имя «Эндрахт» в честь своего корабля. После Гартога идет целый ряд мореплавателей. В тысяча шестьсот восемнадцатом году Цихен открывает на северном побережье земли Арнхемленда и Ван-Димена. В тысяча шестьсот девятнадцатом году Жан Эдельс дает свое имя части западного побережья. В тысяча шестьсот двадцать втором году Лёвэн спускается до мыса, носящего теперь его имя. В тысяча шестьсот двадцать седьмом году де Нуитц и де Витт — первый на западе, второй на юге — дополняют открытия своих предшественников. За ними следует командующий эскадрой Карпентар, который входит со своими

судами в огромный залив и поныне носящий название залива Карпентария. Наконец, в тысяча шестьсот сорок втором году знаменитый мореплаватель Тасман погибает остров Ван-Димен и, принимая за часть материка, называет его именем генерал-губернатора Батавии. Впоследствии история справедливо переименовала остров в Тасманию. Таким образом, австралийский материк мореплаватели обогнули со всех сторон и выяснили, что его омывают воды Тихого и Индийского океанов. В тысяча шестьсот пятьдесят пятом году этот громадный южный остров был назван Новой Голландией. Но названию этому не суждено было сохраниться за ним, ибо как раз в это время роль голландских мореплавателей начала снижаться. Сколько я назвал имен?

— Десять, — отозвался мальчик.

— Хорошо, ставлю крестик и перехожу к англичанам. В тысяча шестьсот восемьдесят шестом году корсар Вильямс Дампьер, один из знаменитых флибустьеров южных морей, член «Берегового братства», после множества приключений, то веселых, то печальных, причалил на своем судне «Лебедь» к северо-западному берегу Новой Голландии, под шестнадцатым градусом пятидесятой минутой широты. Он вступил в сношения с туземцами и весьма подробно описал их нравы, их нищету и жизнь. В тысяча шестьсот девяносто девятом году он вернулся в тот залив, где некогда высадился Гартог, но уже не как пират, а как командир «Ребука», корабля, входящего в состав королевского флота. До сих пор открытие Новой Голландии представляло интерес лишь чисто географический. Никто не намеревался колонизировать страну и в течение семидесяти одного года, с тысяча шестьсот девяносто девятого по тысяча семьсот семидесятый год, ни один мореплаватель не пристал к ее берегам. Но вот появился самый знаменитый в мире капитан Кук, и новый материк начинает быстро заселяться европейскими колонистами. Во время своих трех путешествий Джеймс Кук трижды высаживался в Новой Голландии. В первый раз тридцать первого марта тысяча семьсот семидесятого года. После удачного

наблюдения на Таити прохождения Венеры¹ через солнечный диск, Кук направил свое небольшое судно «Попытка» в западную часть Тихого океана. Здесь, открыв Новую Зеландию, он поплыл к восточному побережью Австралии и бросил якорь в одном из тамошних заливов, который оказался столь богатым неизвестными растениями, что Кук назвал его Ботанический залив. Он и поныне называется Ботани-бэй. Сношения Кука с местным туземным населением малоинтересны. Из Ботанического залива Кук поднялся к северу и под шестнадцатым градусом широты, против мыса Скорби, его судно «Попытка» наткнулось на коралловый риф в восьми лье от берега. Судну грозила опасность затонуть. Но Кук приказал сбросить в море орудия и съестные припасы; в следующую ночь прилив поднял облегченное судно с рифа, и если корабль не затонул, то только потому, что кусок коралла, застрявший в пробоине, очень уменьшал течь. Куку удалось ввести свое судно в маленькую бухту, в которую впадает река, названная «Попытка». Здесь в течение трех месяцев, на протяжении которых длилась починка судна, англичане пытались завязать сношения с туземцами, но безуспешно. Заделав пробоину, корабль поплыл дальше на север. Кук хотел узнать, существует ли пролив между Новой Гвинеей и Новой Голландией. После ряда опасностей, сотни раз рискуя своим кораблем, мореплаватель увидел на юго-западе широкий простор океана. Итак, пролив существовал! Кук проходит им и высаживается на маленьком острове, вступив от имени Англии во владение открытой им землей. Он дает ей типично британское название: Новый Южный Уэльс.

Три года спустя отважный моряк командовал уже двумя судами: «Открытие» и «Решение». Капитан Фюрно поплыл на корабле «Приключение» обследовать землю Ван-Димена и, вернувшись, высказал

¹ Прохождение через солнечный диск планеты Венеры должно было произойти в 1769 году. Это довольно редкое явление представляло большой интерес для астрономов. И действительно, оно должно было способствовать точному определению расстояния между солнцем и землей. (Прим. автора.)

предположение, что она является частью Новой Голландии. Лишь в тысяча семьсот семьдесят седьмом году, во время своего третьего путешествия, Кук сам посетил землю Ван-Димена. Его два судна, «Решение» и «Открытие», бросили якорь в бухте Авантюр. Оттуда Кук отплыл на Сандвичевы острова, где был убит дикарями.

— Это был великий человек, — сказал Гленарван.

— Величайший из всех мореплавателей. Бенкс, один из его спутников, подал английскому правительству мысль основать у Ботанического залива колонию. После Кука к новому матерiku устремились мореплаватели всех стран. В последнем полученном от Лаперуза письме, отправленном из Ботанического залива седьмого февраля тысяча семьсот восемьдесят седьмого года, несчастный мореплаватель извещает о своем намерении посетить залив Карпентария и все побережье Новой Голландии вплоть до земли Ван-Димена. Лаперуз отплыл в море и не вернулся. В тысяча семьсот восемьдесят восьмом году капитан Филипп основал в порте Джексон первую английскую колонию. В тысяча семьсот девяносто первом году Ванкувер объезжает довольно большую часть южного побережья материка. В тысяча семьсот девяносто втором году Д'Антрасто, посланный на поиски Лаперуза, объезжает кругом Новую Голландию, плывя с запада на юг, открывая по пути ряд новых островов. В тысяча семьсот девяносто пятом и тысяча семьсот девяносто седьмом годах двое отважных молодых людей, Флиндерс и Басс, плывут в лодке длиною в восемь футов, продолжая обследование южного побережья, а в тысяча семьсот девяносто седьмом году тот же Басс проплывает между землей Ван-Димена и Новой Голландией проливом, носящим теперь его имя. В том же году Фламинг, открывший остров Амстердам, находит на восточном побережье Новой Голландии реку Сван-Ривер, где водились прекраснейшие черные лебеди. Что касается Флиндерса, то в тысяча восемьсот первом году он возобновил свои интересные исследования и под тридцать пятым градусом сороковой минутой широты и сто тридцать восьмым

градусом пятьдесят восьмой минутой долготы его судно встречается в бухте Свидание с «Географом» и «Натуралистом» — двумя французскими судами, которыми командовали Боден и Гамелен.

— А, вы назвали капитана Бодена? — переспросил майор.

— Да. Почему это вас заинтересовало? — удивился географ.

— Просто так! Продолжайте, дорогой Паганель.

— Хорошо. К именам упомянутых мною мореплавателей прибавлю имя капитана Кинга, который с тысяча восемьсот семнадцатого по тысяча восемьсот двадцать второй год дополнил исследования субтропических зон Новой Голландии.

— Господин Паганель, я записал уже двадцать четыре имени, — предупредил Роберт.

— Хорошо! — отозвался географ. — Половина карабина майора уже моя. Теперь я покончил с мореплавателями и перехожу к сухопутным исследователям.

— Прекрасно, господин Паганель! — воскликнула Элен. — У вас удивительная память!

— Что очень неожиданно, — добавил Гленарван, — у человека такого...

— Такого рассеянного, хотите вы сказать? — прервал его Паганель. — Но, увы, у меня память лишь на даты и имена.

— Двадцать четыре имени, — повторил Роберт.

— Хорошо. Двадцать пятым был лейтенант Даус. Это происходило в тысяча семьсот восемьдесят девятом году, спустя год после основания колонии в Порт-Джексона. Уже совершенно было плавание вокруг нового материка, но что находится в глубине его, никто не мог сказать. Длинная цепь гор, параллельная восточному побережью, казалось, преграждала доступ внутрь страны. Лейтенант Даус после девятидневного пути вынужден был вернуться в Порт-Джексон. В том же году капитан Тенч столь же безуспешно пытался перевалить через эту высокую горную цепь. Обе эти неудачи отбили на три года у других исследователей охоту браться за это трудное дело. В тысяча семьсот

девяносто втором году полковник Патерсон, отважный исследователь Африки, снова попытался проникнуть внутрь материка, но и он потерпел неудачу. Зато в следующем году мужественный Гаукис, прсстой боцман английского флота, пробрался на двадцать миль дальше, чем все его предшественники. В течение следующих восемнадцати лет лишь двое — мореплаватель Басс и инженер Барелье — пытались пробраться внутрь материка, но столь же безуспешно, как и их предшественники. Наконец, в тысяча восемьсот тринадцатом году проход в горах был найден к западу от Сиднея. В тысяча восемьсот пятнадцатом году губернатор Макари воспользовался им, чтобы перебраться по ту сторону Голубых гор, и заложил там город Батерст. С той поры ряд путешественников обогащает географическую науку новыми данными и способствует процветанию колоний. Начало кладет в тысяча восемьсот девятнадцатом году Тросби, затем Окслей, проникший на триста миль внутрь страны, за ним Говель и Гун, отправившиеся как раз из залива Туфолда, где проходит тридцать седьмая параллель. В тысяча восемьсот двадцать девятом и тысяча восемьсот тридцатом годах капитан Штурт исследует течения рек Дарлинга и Муррея...

— Тридцать шесть, — сказал Роберт.

— Прекрасно! Я выиграю пари, — ответил Паганель. — Упомяну для полноты Эйре и Лейхардта, объехавших часть страны в тысяча восемьсот сороковом и тысяча восемьсот сорок первом годах; о Штурте — он путешествовал по Австралии в тысяча восемьсот сорок пятом году; о братьях Грегори и Гельпмане, обследовавших в тысяча восемьсот сорок шестом году западную часть материка; о Кеннеди, исследователе в тысяча восемьсот сорок седьмом году реки Виктория, а в тысяча восемьсот сорок восьмом году — северной части Австралии; о Грегори — в тысяча восемьсот пятьдесят втором; Остине — в тысяча восемьсот пятьдесят четвертом; снова о братьях Грегори — с тысяча восемьсот пятьдесят пятого по тысяча восемьсот пятьдесят восьмой год, изучавших на этот раз северо-западную часть материка; о Бебедже, прошед-

шем от озера Торренс до озера Эйр, и, наконец, о знаменитом в летописях Австралии путешественнике Стюарте, который трижды отважно пересек материк. Первая экспедиция Стюарта вглубь страны относится к тысяча восемьсот шестидесятому году. Позже, если пожелаете, я расскажу вам, каким образом Австралия была четырежды пересечена с юга на север, а сейчас ограничусь тем, что закончу этот длинный перечень именами смелых бойцов за науку от тысяча восемьсот шестидесятого до тысяча восемьсот шестьдесят второго года: братья Демпстер, Кларксон и Харпер, Берк и Уилс, Нейлсон, Уокер, Ленсбор, Мак-Кинлей, Говит...

— Пятьдесят шесть! — крикнул Роберт.

— Прекрасно! Видите, майор, я щажу вас, — продолжал Паганель. — Ибо еще не упомянул ни Дюпера, ни Бугенвиля, ни Фиц-Роя, ни Штока...

— Довольно! — взмолился Мак-Наббс, подавленный количеством имен.

— ...ни Перу, ни Куайе, — продолжал Паганель, не в силах остановиться, как экспресс на полном ходу, — ни Бенне, ни Кеннингема, ни Нутчела, ни Тьера...

— Пощадите!

— ...ни Диксона, ни Стрелецкого, ни Рейда, ни Вилкса, ни Митчеля...

— Остановитесь, Паганель! — вмешался хохотавший от души Гленарван. — Не добивайте злополучного Мак-Наббса. Будьте великодушны! Он признает себя побежденным.

— А его карабин? — торжествующе спросил географ.

— Он ваш, Паганель, — ответил майор. — И мне очень жаль его, но у вас такая память, с которой можно выиграть целый артиллерийский музей.

— Действительно, невозможно лучше знать Австралию, — заметила Элен. — Не забыть ни одного имени, ни одного самого незначительного факта...

— Ну, положим, относительно незначительных фактов... — сказал майор, сомнительно покачивая головой.

— Что такое? Что вы хотите этим сказать, Мак-Наббс? — воскликнул Паганель.

— Я хочу только сказать, что, вероятно, вам неизвестны некоторые подробности открытия Австралии.

— Например? — высокомерно спросил Паганель.

— А если я вам укажу неизвестную вам подробность, вернете ли вы мне мой карабин?

— Немедленно.

— По рукам?

— По рукам!

— Прекрасно! Знаете ли вы, Паганель, почему Австралия не является французским владением?

— Но, мне кажется...

— Или, вернее, известно ли вам, какое объяснение дают этому англичане?

— Нет, майор, — с некоторой досадой ответил Паганель.

— Так вот: Австралия только потому не принадлежит Франции, что капитан Боден, бывший, однако, далеко не робкого десятка, в тысяча восемьсот втором году так испугался кваканья австралийских лягушек, что поспешил поднять якорь, и бежал оттуда навсегда.

— Как! — воскликнул ученый. — Но это злая шутка!

— Очень злая, согласен, — ответил майор, — но в Соединенном королевстве ее считают историческим фактом.

— Это недостойно! — воскликнул патриот-географ. — Неужели об этом говорят серьезно?

— К сожалению, вполне серьезно, дорогой Паганель, — ответил среди общего хохота Гленарван. — Неужели вы не знали этой подробности?

— Решительно ничего не знал. Но я протестую! Сами англичане зовут нас «лягушатниками», а разве можно бояться лягушек, которых ешь.

— Тем не менее это так, — ответил, скромно улыбаясь, майор.

Таким образом, знаменитый карабин «Пурдей, Моор и Диксон» остался во владении майора Мак-Наббса.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Индийский океан бушует

Спустя два дня после этого разговора Джон Манглс, сделав в полдень наблюдения, сообщил, что «Дункан» находится под $133^{\circ} 37'$ долготы. Пассажиры, справившись по карте, с радостью убедились, что яхта отстоит лишь в пяти градусах от мыса Бернуилли. Между этим мысом и мысом Д'Антркасто австралийский берег описывает дугу, которая стягивается, словно хордой, тридцать седьмой параллелью. Если бы в то время «Дункан» поднялся вдоль экватора, то быстро достиг бы мыса Шатам, оставшегося от него в ста двадцати милях к северу. Яхта в то время плыла по той части Индийского океана, которая омывает Австралийский материк. Итак, можно было надеяться, что дня через четыре на горизонте покажется мыс Бернуилли.

До сих пор ходу яхты благоприятствовал попутный западный ветер, но за последние дни он начал малопомалу стихать и 13 декабря совсем спал. Паруса бессильно повисли вдоль мачт, и если бы у «Дункана» не было его мощной машины, то он был бы скован океанским штилем.

Такое состояние погоды могло продержаться неопределенно долгое время. Вечером Гленарван заговорил об этом с Джоном Манглсом. Молодой капитан, видя, как быстро опустошаются угольные камеры, казалось, был очень раздосадован этим штилем. Он приказал поднять все паруса на судне, вздернуть вверх лиселя и укрепить штаг, чтобы использовать даже ничтожное дуновение ветра, но, выражаясь по-матросски, «ветра не хватало наполнить даже шляпу».

— Во всяком случае, не следует слишком роптать, лучше штиль, чем встречный ветер, — заметил Гленарван.

— Вы правы, сэр, — ответил Джон Манглс, — но именно подобное затишье обычно предвещает пере-

мену погоды, а мы ведь плывем у границы муссонов¹, которые с октября по апрель дуют в северо-восточном направлении, и если они нас захватят, то сильно задержат в пути.

— Ничего не поделаешь, Джон. Если такое препятствие возникнет, придется покориться. В конце концов ведь это только задержка.

— Конечно, если только не разыграется буря.

— Разве вы опасаетесь бури? — спросил Гленарван, оглядывая совершенно безоблачное небо.

— Да, — ответил капитан, — я говорю это вам, сэр, но не хочу тревожить леди Гленарван и мисс Грант.

— Правильно, Джон, но что вас тревожит?

— Верные признаки надвигающейся бури. Не доверяйте, сэр, безоблачному небу. Оно очень обманчиво. Вот уже два дня, как барометр сильно понижается. В настоящий момент он стоит на двадцати семи дюймах². Это грозное предупреждение, которым я не могу пренебречь; особенно страшны бури южного океана — мне уже приходилось вступать в борьбу с ними. Водяные пары, сгущающиеся в большом количестве над огромными пространствами предполярных льдов, создают здесь сильное движение воздуха. Отсюда борьба экваториальных ветров с полярными, порождающая циклоны, ураганы и бури, с которыми кораблю очень трудно бороться.

— Джон, — ответил Гленарван, — «Дункан» — прочное судно, а его капитан — искусный моряк. Пусть разразится ураган, мы сумеем справиться с ним.

Сначала Джон Манглас строил свои опасения только на инстинкте моряка. Он был, как говорят англичане, искусным знатоком погоды — «weather-wise». Но упорное падение барометра заставило молодого капитана принять все необходимые меры предосторож-

¹ Муссоны — ветры, дующие с чрезвычайной силой в Индийском океане. Их направление различно в зависимости от времени года. (Прим. автора.)

² 73,09 сантиметра. Нормальная высота столбика в барометре 76 сантиметров.

ности. Джон Манглс ждал сильнейшей бури, хотя небо и не предвещало еще этого, но непогрешимый барометр не мог ввести капитана в заблуждение. Воздушные потоки устремляются из мест с высоким атмосферным давлением в места, где атмосферные давления ниже. Чем ближе друг к другу эти места, тем больше скорость ветра.

Джон Манглс провел на капитанском мостике всю ночь. Около одиннадцати часов южная сторона неба начала заволакиваться тучами. Джон Манглс вызвал наверх всю команду и приказал спустить верхние паруса. Он оставил лишь фок, контр-бизань, марсель и кливера. В полночь поднялся свежий ветер и быстро стал крепчать: скорость ветра достигла шести туазов в секунду. Треск мачт, шум, производимый работой команды, сухое щелканье парусов, скрип внутренних переборок яхты — все это дало понять пассажирам, что происходит что-то необычное. Паганель, Гленарван, майор, Роберт появились на палубе: одни из любопытства, другие — готовые принять участие в работе. Небо — ясное и звездное вечером — было затянуто теперь густыми облаками, пересечено пятнистыми полосами, напоминая шкуру леопарда.

— Ураган? — коротко спросил Гленарван Джона Манглса.

— Еще нет, но он близок, — ответил капитан.

Он приказал взять один риф у марселя. Матросы бросились исполнять его приказание. Не без труда, борясь с ветром, они уменьшили площадь паруса, подтянув его риф-сезнями к спущенной рее. Джон Манглс хотел сохранить возможно большую парусность, чтобы сделать яхту более устойчивой и уменьшить качку.

Приняв эти предосторожности, капитан отдал приказ Остину и боцману приготовиться к урагану, который вот-вот мог разыграться. Найтовы шлюпок и крепления запасного рангоута были удвоены. Укрепили боковые тали пушки. Туго тянули ванты и бакштаги. Задраили люки. Джон Манглс как офицер, стоящий над пробитой в укреплениях брешью, не покидал

наветренной стороны яхты и, находясь на юте, словно пытался вырвать у грозового неба его тайну.

Барометр упал до двадцати шести дюймов: то был редкий случай. Штормгласс¹ показывал бурю.

Был час ночи. Элен и Мери Грант, которых жестоко качало в их каютах, отважились подняться на палубу. Ветер дул со скоростью четырнадцати туазов в секунду. Он бешено свистел в снастях. Металлические тросы звенели, словно струны, по которым ударил чей-то гигантский смычок.

Блоки сталкивались друг с другом. Снасти с режущим свистом двигались по своим шероховатым желобам. Паруса оглушительно хлопали, как пушечные выстрелы. Чудовищные валы уже шли на приступ яхты, которая, как бы издеваясь над ними, словно морская ласточка, взлетала на их пенившиеся гребни.

Завидев пассажирок, Джон быстро подошел к ним и попросил вернуться в кают-компанию. Волны хлестали уже через борт и могли ежеминутно разлиться по палубе. Грохот разбушевавшихся стихий был столь оглушителен, что Элен едва расслышала просьбу молодого капитана.

— Опасности нет? — успела она спросить в минуту относительного затишья.

— Никакой, — ответил Джон Манглс. — Но ни вам, ни мисс Мери нельзя оставаться на палубе.

Элен Гленарван и Мери Грант не стали противиться приказу, скорее походившему на мольбу, и возвратились в кают-компанию как раз в ту самую минуту, когда чудовищная волна с такой яростью обрушилась на корму яхты, что в их каюте задрожали стеклянные иллюминаторы. Ярость ветра удвоилась. Мачты гнулись под тяжестью парусов, и яхта, казалось, взлетала над волнами.

— Фок на гитовы! — командовал Джон Манглс. — Спустить марсель и кливера!

Матросы кинулись выполнять приказание. Фалы

¹ Штормгласс — стеклянный сосуд, содержащий смесь, изменяющую цвет в зависимости от направления ветра и насыщенности атмосферы электричеством. (Прим. автора.)

ослабили, гитовы подтянули, и кливера были спущены с таким грохотом, что заглушили даже рев бури, и «Дункан», изрыгавший клубы черного дыма, судорожно пенил воду винтом, лопасти которого порой вздымались над водой.

Гленарван, майор, Паганель, Роберт с восхищением, смешанным с ужасом, наблюдали эту борьбу «Дункана» с волнами. Крепко уцепившись за планки фальшборта и не будучи в состоянии обменяться ни единым словом, они следили за стаями буревестников, зловещих птиц, носившихся в воздухе, словно тешась неистовством бури.

Вдруг пронзительный свист заглушил рев бури. Это со страшной силой вырвался пар, но не через паротводную трубу, а из предохранительных клапанов котла. Резко прозвучал тревожный свисток. Яхту сильно накренило, и Вильсон, стоявший у штурвала, был сбит с ног внезапным ударом румпеля. Никем не управляемый «Дункан» пошел поперек волны.

— Что случилось? — крикнул Джон Манглс, бросаясь на мостик.

— Судно ложится на бок, — ответил Том Остин.

— Руль сломался?

— К машине, к машине! — послышался голос механика.

Джон помчался по трапу. Все машинное отделение было заполнено густым паром. Поршни цилиндров бездействовали. Шатуны не вращали гребного вала. Механик, видя полную аварию машины и боясь взрыва котлов, выпустил из них пар через паротводную трубу.

— В чем дело? — спросил капитан.

— Винт испортился, то ли погнулся, то ли задел за что-то, — ответил механик. — Он перестал вращаться.

— А разве невозможно его очистить?

— Невозможно.

Не время было думать о починке, факт был налицо: винт не работал, и пар поэтому вырывался через предохранительные клапаны. Джону пришлось снова прибегнуть к помощи парусов и превратить ветер,

который был его наиболее грозным противником, в союзника.

Он поднялся на палубу, в двух словах изложил лорду Гленарвану положение дел и стал настаивать, чтобы он вместе с остальными пассажирами спустился в кают-компанию. Гленарван хотел остаться на палубе.

— Нет, сэр, — решительным тоном заявил Джон Манглс, — на палубе должен остаться я с моей командой. Уходите. Палубу может залить волна, и вас беспощадно смоем.

— Но мы можем быть полезны...

— Уходите, уходите, сэр, так нужно! Сейчас я хозяин судна. Уходите, я требую этого!

Очевидно, положение было критическим, если Джон Манглс мог так повелительно говорить с Гленарваном. Тот понял, что ему надлежит подать пример послушания. Он покинул палубу, за ним последовали его трое спутников, и все присоединились к пассажирам, тревожно ожидавшим в кают-компании развязки борьбы со стихиями.

— А мой Джон — человек энергичный, — проговорил, входя в кают-компанию, Гленарван.

— Да, — отозвался Паганель. — Он напоминает мне того боцмана в драме вашего великого Шекспира «Буря», который кричит королю, находящемуся на его корабле: «Вон отсюда! Молчите! Ступайте в каюту! Если вы не в силах усмирить стихии, то замолчите! Прочь с дороги, говорю вам!»

Тем временем Джон Манглс, не теряя ни секунды, пытался вывести судно из того опасного положения, в которое его поставила порча винта. Он решил лечь в дрейф, чтобы как можно меньше уклониться от курса. Следовало сохранить хоть некоторые паруса и повернуть судно в направлении бушевавшего ветра. Поставили марсель, взяв на нем риф, подняли нечто вроде фок-стакселя на грот-мачте, и «Дункан» стал носом к ветру.

Яхта, отличавшаяся блестящими мореходными качествами, описала дугу, как скаковая лошадь, которой всадили шпоры в бока, и повернулась крамболом

к ветру. Но выдержат ли паруса? Правда, они были сделаны из лучшей шотландской парусины, но какая ткань сможет сопротивляться такому чудовищному напору!

Избранный капитаном маневр давал яхте то преимущество, что она подставляла теперь волнам свои наиболее прочные части и держалась нужного направления. Однако ей грозила опасность попасть в огромный провал, зиявший между валами, и уже больше не всплыть. Но у капитана не было выбора, и он решил дрейфовать до тех пор, пока будут целы мачты и паруса. Команда находилась у него на глазах, готовая ежеминутно броситься туда, где она была необходима.

Джон Манглс, привязав себя к вантам, наблюдал за разъяренным океаном.

В таком положении прошла ночь. Все надеялись, что буря стихнет к рассвету. Напрасная надежда! Около восьми часов утра ветер еще усилился: теперь скорость его достигла восемнадцати туазов в секунду. Это был ураган.

Джон Манглс молчал, но втайне трепетал за судно и за пассажиров. «Дункан» получил ужасающий крен. Его пиллерсы трещали, и порой оконечность фока-реи касалась гребня волн. Был момент, когда вся команда «Дункана» думала, что яхта не поднимется. Матросы с топорами в руках уже бросились рубить ванты грот-мачты, как вдруг паруса сорвались с мачт и улетели, словно гигантские альбатросы. «Дункан» выпрямился, но, лишенный опоры, плыл вслепую, его стало так сильно качать, что мачты каждую минуту грозили рухнуть. Яхта не в состоянии была долго выдержать подобную качку; мачты расшатывались, борты давали трещины, швы расходились, казалось, сквозь них вот-вот хлынут волны.

Джону Манглсу оставалось одно: установить фор-стенги-стаксель и идти по ветру. На это потребовалось несколько часов усилий: двадцать раз приходилось начинать уже почти законченную работу. Лишь к трем часам пополудни удалось закрепить парус на штаге фок-мачты, и он надулся.

«Дункан» сразу помчался, подгоняемый дующим в корму ветром. Буря несла яхту к северо-востоку. Следовало во что бы то ни стало сохранить наибольшую скорость, ибо лишь от этого зависело ее спасение. Порой, опережая волны, катившиеся в том же направлении, «Дункан» разрезал их своим заостренным носом, зарываясь в них, подобно огромному киту, и волны перекатывались через палубу. Порой яхта плыла столь же быстро, как волны, тогда руль переставал действовать и яхта начинала метаться из стороны в сторону, рискуя стать поперек волн. Наконец, было и так, что ураган гнал волны быстрее «Дункана», тогда они перехлестывали через корму, перекатываясь через всю палубу.

В этом жутком положении, то надеясь, то отчаиваясь, провели путешественники весь день 15 декабря и всю ночь на 16-е. Джон Манглс ни на минуту не покидал своего поста и ничего не ел. Хотя его мучила страшная тревога, лицо его сохраняло бесстрастное выражение. Он напряженно вглядывался вглубь туманов, скопившихся на севере горизонта.

И в самом деле, молодой капитан имел основание опасаться худшего. «Дункан», отброшенный ураганом в сторону от своего пути, несся к австралийскому берегу с бешеной скоростью. Джон Манглс инстинктивно чувствовал, что его яхту несет какое-то необыкновенно быстрое течение. Каждую минуту он опасался того, что яхта налетит на подводные скалы и разобьется вдребезги. По расчетам молодого капитана берег должен был находиться в каких-нибудь двенадцати милях под ветром, а суша — это крушение, это — гибель судна. Во сто крат лучше было бы находиться в открытом океане, с яростью которого судно могло бы бороться, хотя бы уступая ей; но когда буря бросает судно на берег, оно гибнет.

Джон Манглс пошел к лорду Гленарвану и поговорил с ним наедине. Он ничего не скрыл от него, хладнокровно, как истый моряк, описал положение и в заключение предупредил Гленарвана, что, возможно, придется выброситься на берег.

— Чтобы попытаться, если это будет возможно, спасти пассажиров, — закончил он.

— Хорошо, Джон, — ответил Гленарван.

— А леди Элен? А мисс Грант?

— Я предупрежу их в самую последнюю минуту, когда уже исчезнет всякая надежда на спасение. Уведомьте меня.

— Я уведомлю вас, сэр.

Гленарван вернулся к пассажирам. Обе они, хотя и не представляли себе, как велика опасность, все же догадывались о ней. Они проявляли большое мужество, не уступавшее мужеству их спутников. Паганель излагал Роберту теории о направлении воздушных течений, проводя интересные сравнения между бурями, циклонами и ураганами. Майор ждал конца с фатализмом мусульманина.

Около одиннадцати часов ураган как будто начал стихать. Влажный туман немного рассеялся, и Джон смог в просвете разглядеть милях в шести под ветром какой-то низменный берег. «Дункан» полным ходом неся прямо к нему. Чудовищные волны бушевали в море, взлетая до высоты в пятьдесят футов и более. Джон понял, что глубина здесь не велика, иначе волны не достигали бы такой высоты.

— Здесь, очевидно, песчаные отмели, — сказал он Остину.

— Я того же мнения, — ответил его помощник.

— Все в божьей воле, — продолжал Джон Манглс. — Если он не укажет нам пути между этими мелями, то мы погибли.

— Сейчас прилив, капитан. Быть может, нам удастся пройти над отмелями?

— Но взгляните, Остин, на ярость волн. Какое судно в силах противостоять им?

Тем временем «Дункан» под фор-стенги-стакселем продолжал нестись к берегу со страшной быстротой. Вскоре он приблизился на расстояние двух миль. Туман ежеминутно заволакивал берег, однако Джону удалось разглядеть за пенившейся полосой прибоя более спокойный бассейн. Там «Дункан» был бы в относительной безопасности. Но как добраться туда?

Капитан вызвал пассажиров на палубу. Он не хотел, чтобы в час крушения они оказались запертыми в кают-компаниях. Гленарван и его спутники окинули взором грозно бушующее море. Мери Грант поблела.

— Джон, — тихо сказал Гленарван молодому капитану, — я попытаюсь спасти жену или погибнуть вместе с ней. Позаботься о мисс Грант.

— Хорошо, сэр, — ответил Джон Манглс, поднося руку Гленарвана к своим влажным от слез глазам.

«Дункан» находился всего в нескольких кабельтовых от края отмели. Высокая вода прилива дала бы, конечно, возможность яхте пройти через эти опасные мели. Но огромные волны, то поднимавшие, то опускавшие яхту, должны были неминуемо ударить ее килем о дно. О, если бы возможно было ослабить бушующие волны, замедлить бег бесконечно малых водяных частиц — одним словом, успокоить этот разъярившийся океан.

Джона Манглса внезапно осенила мысль о возможности найти выход.

— Жир! — крикнул он матросам. — Жир тащите, ребята, жир!

Команда сразу поняла мысль капитана. Он хотел пустить в ход средство, которое дает иногда прекрасные результаты.

Можно умерить ярость волн, покрыв их слоем жидкого жира. Этот слой всплывает на поверхность воды и умеряет их удары. Средство это оказывает свое действие немедленно, но оно очень кратковременно. Едва успеет судно проскользнуть по такому искусственно спокойному морю, как волны начинают бушевать еще яростней, и горе тому, кто отважился плыть вслед за первым судном¹.

Команда, силы которой удесятирились сознанием опасности, мгновенно поставила на бак бочонки с тюленьим жиром. Из них топорами вышибли днища

¹ Поэтому морской устав запрещает капитанам пускать в ход это средство, если вслед плывут другие суда. (Прим. автора.)

и подвесили бочонки над перилами правого и левого бортов.

— Готовься! — крикнул Джон Манглс, выжидавший благоприятного момента.

Через двадцать секунд яхта достигла края отмели, где бурлил и ревел прибой. Момент наступил.

— С богом! — крикнул молодой капитан.

Бочонки были опрокинуты, и из них полились потоки жира. Маслянистый слой мгновенно сковал пенящуюся поверхность моря. «Дункан» понесся по успокоившимся водам и вошел в тихий залив по ту сторону грозных мелей; а за его кормой снова с неописуемой яростью забушевал освободившийся от пут океан.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мыс Бернуилли

Первой заботой Джона Манглса было стать на два якоря на глубине пяти саженей. Дно оказалось пригодным — оно состояло из твердого гравия и отлично держало якоря. Таким образом, судну не грозила опасность быть унесенным в открытое море или сесть на мель. После стольких часов борьбы с грозной опасностью «Дункан» оказался, наконец, в маленькой бухте, защищенной от океанских ветров высокой дугообразной косой.

Лорд Гленарван пожал руку молодому капитану.

— Спасибо, Джон, — сказал он.

И Джон Манглс почувствовал себя щедро вознагражденным этими двумя словами.

Гленарван сохранил в тайне пережитые им душевные муки: ни Элен, ни Мери Грант, ни Роберт не подозревали, какой страшной опасности они только что избежали.

Оставалось выяснить одно существенное обстоятельство: в какое место побережья был заброшен «Дункан» этой страшной бурей? На сколько откло-

нился он от тридцать седьмой параллели? На каком расстоянии на юго-западе находится мыс Бернуилли?

Вот первые вопросы, которые были обращены к Джону Манглсу. Он тотчас же занялся наблюдениями и вычислениями и результаты их отметил на судовой карте.

Выяснилось, что «Дункан» не слишком уклонился от намеченного пути: всего на два градуса. Он находился под $136^{\circ}12'$ долготы и $35^{\circ}07'$ широты, у мыса Катастроф, на южном побережье Австралии, в трехстах милях от мыса Бернуилли.

Мыс Катастроф, носящий такое зловещее название, расположен против мыса Борда на острове Кенгуру. Между этими двумя мысами проходит пролив Инвестигейтор, ведущий к двум довольно глубоким заливам: на севере — к заливу Спенсера, на юге — к заливу Сент-Винсент. На восточном берегу этого последнего расположен порт Аделаида, столица провинции Южная Австралия. Город основан в 1836 году и имеет сорок тысяч жителей. Это довольно богатый город, но жители его больше заняты обработкой плодородной земли, приносящей им богатые урожаи винограда, апельсинов и других сельскохозяйственных продуктов, нежели промышленностью. Поэтому среди населения инженеров меньше, чем агрономов, а торговля и индустрия там не процветают.

Сможет ли «Дункан» исправить здесь свои повреждения? Вопрос этот надо было выяснить. Джон Манглс, желая знать, в чем именно заключаются повреждения, приказал водолазам спуститься за корму яхты, и те доложили ему, что одна из лопастей винта погнулась и задевала за ахтерштевень¹, вследствие чего винт не мог вращаться. Повреждение признано было серьезным, настолько серьезным, что починка требовала такого оборудования, которого, конечно, в Аделаиде не было.

¹ Ахтерштевень — деревянная часть, которой оканчивается корма судна. (Прим. автора)

Гленарван и капитан Джон после зрелых размышлений приняли такое решение: «Дункан» пойдет под парусами вдоль австралийского берега, разыскивая попутно следы крушения «Британии», затем сделает остановку у мыса Бернуилли, наведет там заключительные справки и продолжит плавание до Мельбурна, где повреждения яхты легко могут быть исправлены. Когда винт будет исправлен, то «Дункан» снова будет крейсировать вдоль восточных берегов, где и закончит свои поиски.

План этот был одобрен. Джон Мангльс решил сняться с якоря, воспользовавшись первым попутным ветром. Ждать пришлось недолго. К вечеру ураган совершенно стих. Легкий юго-западный бриз сменил его. Стали готовиться к отплытию. Поставлены были новые паруса. В четыре часа утра матросы взялись за шпиль, якорь вырвали из грунта, подняли наверх, и «Дункан» под фоком, марселем, брамселем, кливерами, контр-бизанью и топселем плавно пошел вдоль австралийских берегов.

Через два часа мыс Катастроф скрылся из виду, и яхта плыла мимо пролива Инвестигейтор. Вечером обогнули мыс Борда и прошли вдоль острова Кенгуру. Этот остров, самый большой из австралийских островов, являлся местом, где укрывающиеся преступники пользуются неприкосновенностью. Вид острова очарователен. Бесконечные ковры зеленой растительности спускаются к прибрежным слоистым скалам. По равнинам и в лесах, как в 1802 году, в пору открытия острова, еще резвятся неисчислимые стада кенгуру.

На следующий день, в то время как «Дункан» крейсировал вдоль побережья, на остров были посланы шлюпки с командой для осмотра крутых берегов Кенгуру. Яхта находилась под тридцать шестой параллелью, а Гленарван хотел, чтобы были обследованы все берега вплоть до тридцать восьмой параллели.

Днем 18 декабря яхта, лавировавшая, как настоящий клипер, прошла вблизи берега бухты Энкунте, куда в 1828 году попал путешественник Штурт после

открытия Муррея, самой большой реки в Южной Австралии. Но берега этой бухты нисколько не напоминали цветущие берега острова Кенгуру, это были берега мрачные, бесплодные, плоские и изрезанные, подобно берегам полярных земель. Лишь кое-где однообразие нарушалось то серым утесом, то бугристым песчаным мысом.

Команда шлюпок несла во время этого плавания тяжелую работу, но никто не роптал. Почти всегда моряков сопровождали на берег Гленарван, неразлучный с ним Паганель и юный Роберт. Они хотели лично участвовать в поисках «Британии». Но самые тщательные розыски ничего не обнаружили. Австралийские берега были столь же немые, как и прерии Патагонии. Все же не следовало терять надежды до тех пор, пока не будет достигнут тот пункт, который был указан в документе.

Поиски в этих местах производились лишь как добавочная мера предосторожности, чтобы застраховать себя от какой-либо случайности. Ночью «Дункан» дрейфовал, чтобы, по возможности, держаться на том же месте, где его настигли сумерки, а днем на берегу производились самые тщательные поиски.

20 декабря путешественники поровнялись с мысом Бернуилли, не обнаружив на своем пути ни малейших признаков крушения «Британии». Но безуспешность поисков ничего не доказывала. Ведь с момента катастрофы прошло два года, за это время море могло и даже должно было сорвать с подводных камней, разбросать и уничтожить все обломки трехмачтового судна. К тому же туземцы, чувствующие кораблекрушение, как коршун чует падаль, несомненно, подобрали мельчайшие части «Британии». А Гарри Грант и оба его спутника, попав в плен в ту минуту, когда волны выбросили их на берег, были, конечно, уведены вглубь материка.

Однако тогда теряла смысл одна из остроумных гипотез Жака Паганеля. Пока речь шла об Аргентине, ученый вправе был утверждать, что цифры, указанные в документе, относятся не к месту кораблекрушения, а к месту нахождения пленных. Конечно,

в пампе большие реки с их многочисленными притоками легко могли вынести в море драгоценный документ. Здесь же, в этой части Австралии, реки, пересекающие тридцать седьмую параллель, немногочисленны. К тому же Рио-Колорадо и Рио-Негро текут к морю по пустынным побережьям, негодным для жилья и незаселенным, тогда как главные австралийские реки — Муррей, Ярра, Торренс, Дарлинг — либо впадают одна в другую, либо несут свои воды в океан через устья, которые стали крупными гаванями, оживленными портами. Трудно было предположить, что по этим водам, где непрестанно движутся суда, такая бутылка могла беспрепятственно проникнуть в Индийский океан!

Это соображение не могло ускользнуть от людей проникательных. Гипотеза Паганеля, оправданная в условиях аргентинских провинций Патагонии, была неприемлема в Австралии. Паганель согласился с этими соображениями, когда их выдвинул майор Мак-Наббс. Стало очевидным, что градусы, о которых упоминалось в документе, относились только к месту крушения «Британии» и что бутылка была брошена в море у западного побережья Австралии.

Тем не менее, как справедливо заметил Гленарван, это толкование документа не исключало гипотезы, что капитан Грант находится в плену. Он сам наводит на эту мысль следующей фразой документа: *«...где они попадут в плен к жестоким туземцам»*. Поэтому искать пленных именно на тридцать седьмой, а не на какой-либо другой параллели, не было больше никаких оснований.

Так был разрешен этот долго обсуждавшийся вопрос. Окончательный вывод был таков: если вблизи мыса Бернуилли не удастся найти следов «Британии», то Гленарвану останется только вернуться в Европу. Правда, поиски окажутся бесплодными, но долг свой он добросовестно и мужественно выполнил.

Тем не менее это решение чрезвычайно огорчило пассажиров «Дункана», а Мери и Роберта привело в отчаяние. Съезжая на берег вместе с Эдуардом и Элен Гленарван, Джоном Манглсом, Мак-Наббсом и

Паганелем, дети капитана Гранта говорили себе: вопрос о том, спасся их отец или нет, будет теперь решен бесповоротно. Да, бесповоротно! Ибо во время предыдущего обсуждения Паганель совершенно основательно доказал, что на восточном берегу не могло быть крушения, так как если бы судно разбилось там о подводные камни, то капитан Грант давно нашел бы возможность вернуться на родину.

— Надейтесь, надейтесь, не переставайте надеяться, — повторяла Элен сидевшей подле нее Мери, в то время как шлюпка шла к берегу, — бог нас не покинет!

— Да, мисс Мери, — сказал капитан Джон, — когда люди исчерпают все свои возможности, тогда им на помощь приходит провидение и открывает пути, до сей поры им неведомые.

— Пусть вас услышит бог! — ответила Мери Грант.

Берег был уже близко — до него оставалось не больше одного кабельтова. Он полого спускался к воде у оконечности мыса, вдававшегося на две мили в море. Шлюпка причалила к берегу в маленькой природной бухте, образованной двумя коралловыми отмелями, — из таких отмелей со временем должен был возникнуть вокруг южного берега Австралии пояс из рифов. Да и теперь уже эти рифы были крайне опасны для кораблей, и, может быть, о них и разбилась «Британия».

Пассажиры яхты беспрепятственно высадились на совершенно пустынный берег. Вдоль него тянулся ряд слоистых утесов вышиной от шестидесяти до восьмидесяти футов. Трудно было бы одолеть без лестниц и крюков это естественное укрепление, но Джон Манглс обнаружил очень кстати полумилей южнее брешь, образовавшуюся, видимо, вследствие частичного обвала. Несомненно, морские волны, особенно мощные во время равноденствий, разбивались об это рыхлое заграждение из туфа и своими ударами подмывали верхние слои этого массива.

Гленарван и его спутники углубились в пролом и взошли по довольно крутому склону на вершину

утеса. Роберт, словно котенок, первый вскарабкался туда к полному отчаянию Паганеля, чувствующего себя униженным тем, что двенадцатилетний мальчуган опередил его, длинноногого сорокалетнего мужчину. Но зато географ оставил далеко позади себя безмятежного майора; тот остался к этому глубоко равнодушен.

Вскоре маленький отряд, собравшийся на вершине утеса, стал рассматривать расстилавшуюся перед ним равнину. Это был обширный неводеланный участок земли, поросший низкими кустами и густым колючим кустарником; бесплодная местность, которая Гленарвану напомнила глены Шотландии, а Паганелю — неплодородные ланды Бретани. Но если местность казалась необитаемой у побережья, то несколько построек, видневшихся вдаль, свидетельствовали о присутствии не дикаря, а цивилизованного человека.

— Мельница! — крикнул Роберт.

И действительно, милях в трех крутились крылья ветряной мельницы.

— Да, это мельница, — подтвердил Паганель, посмотрев в свою подзорную трубу. — Вот маленькое сооружение, и скромное и полезное. Вид такой мельницы всегда радует меня.

— Она напоминает мне колокольню, — сказала леди Элен.

— Да, мадам, и если одна перемалывает пищу для тела, то другая перемалывает пищу для души.

— Идем на мельницу, — сказал Гленарван.

Двинулись в путь.

После получасовой ходьбы началась местность, возделанная руками человека. Переход от бесплодной степи к возделанным полям был резкий. Вместо чащобы кустарников вдруг — зеленая живая изгородь, окружавшая, видимо, недавно выкорчеванный участок. Несколько быков и с полдюжины лошадей паслись на лугах, обсаженных раскидистыми акациями — питомицами обширных рассадников острова Кенгуру. Затем показались посевы злаков, местами начинавшие уже золотиться, стога сена, высившиеся, словно громадные улы, за новыми оградами — фруктовые

сады, достойные Горация, в которых прекрасное сочеталось с полезным. Дальше — сарай и другие надворные постройки, разумно расположенные, наконец простой уютный жилой дом, за которым, лаская его скользкой тенью своих длинных крыльев, возвышалась остроконечная мельница.

На лай четырех собак, возвестивших о появлении чужих людей, из дома вышел человек лет пятидесяти, привлекательной наружности. Вслед за ним показались пять красивых рослых юношей, его сыновей, и высокая, крепкая женщина, их мать. Ясно было, что этот человек, окруженный мужественной семьей, среди своих еще новых построек, в этой почти девственной местности, был законченный тип колониста-ирландца, который, устав от нищеты на родине, приехал искать удачи и счастья за океаном.

Не успели Гленарван и его спутники представиться, назвать свои имена и звания, как раздались теплые слова приветствия:

— Чужеземцы, добро пожаловать в дом Падди О'Мур!

— Вы ирландец? — спросил Гленарван, пожимая руку, протянутую ему колонистом.

— Я был им, — ответил Падди О'Мур. — Теперь я австралиец. Но кто бы вы ни были, господа, добро пожаловать и будьте как дома.

Оставалось воспользоваться этим радушным приглашением. Миссис О'Мур тотчас повела в дом Элен и Мери Грант, а сыновья колониста любезно помогали пришельцам снять оружие.

В нижнем этаже дома, сложенного из толстых бревен, находилась просторная зала, светлая и прохладная, как видно только что отстроенная. К стенам, выкрашенным яркой краской, было приделано несколько деревянных скамей. Тут же вдоль стен стояли десяток табуреток, два резных дубовых серванта с расставленной на них белой фаянсовой посудой и кувшинами из блестящего олова и, наконец, широкий длинный стол, за который свободно могли усесться двадцать человек. Вся обстановка залы соответствовала прочно построенному дому и его крепким, рослым обитателям.

В полдень подали обед. Из суповой миски, стоящей между ростбифом и жареной бараниной, валил пар, а вокруг стояли большие тарелки с маслинами, виноградом и апельсинами. Здесь было не только все необходимое, но даже излишек. Хозяин и хозяйка были так радушны, стол был так велик и уставлен такими соблазнительными яствами, что отклонить приглашение было бы неучтиво. Появились работники фермера и заняли, на равных правах с хозяевами, места за столом. Падди О'Мур жестом указал на места, предназначенные для гостей.

— Я ждал вас, — просто сказал он Гленарвану.

— Ждали? — с удивлением переспросил тот.

— Я всегда жду тех, кто приходит, — ответил ирландец.

Затем он торжественно произнес предобеденную молитву, а его семья и слуги почтительно стояли у стола.

Элен была растрогана такой простотой нравов. Взглянув на мужа, она поняла, что и он разделяет ее чувства.

Обеду воздали заслуженную честь. Завязался общий оживленный разговор. Река Твид¹, шириной в несколько туазов, образует между Шотландией и Англией более глубокую пропасть, чем двадцать лье Ирландского пролива, разделяющего Старую Каледонию и зеленый Эрин.

Падди О'Мур рассказал свою историю. Это была история всех эмигрантов, которых нужда заставила покинуть родину. Многие из них в поисках счастья приезжают издалека, но находят лишь нужду и горе. Они ропщут на судьбу, забывая, что виной их неудач является их собственная косность, их лень, их пороки. Но смелые, трудолюбивые и рачительные преуспевают. Таков был и таким остался Падди О'Мур. Он покинул Дундалк, где погибал от голода, и вместе с семьей отправился в Австралию, где высадился в Аделаиде. Там он отказался от высоких заработков углекопа и предпочел заняться земледелием.

¹ Река, отделяющая Шотландию от Англии. (Прим. автора.)

Через два месяца он уже возделывал участок, ныне столь процветающий.

Вся территория Южной Австралии разделена на участки площадью по восемь — десять акров. Эти участки правительство бесплатно предоставляет переселенцам, и с каждого такого участка трудолюбивый фермер снимает урожай, который не только кормит его, но дает ему возможность откладывать сбережения. Падди О'Мур знал это, его опыт в области агрономии очень помог ему. Он жил, трудился и на прибыль с первых участков приобрел новые. Его семья, как и его участки, процветала. Ирландский крестьянин превратился в земельного собственника, и, хотя его владение существовало всего два года, он был уже собственником пятисот акров земли, возделанных его заботами, и полусотни поголовья скота. Он был сам себе господин, этот недавний раб европейцев, и был свободен, как может быть свободен человек в этой самой свободной стране в мире.

Окончив свой рассказ, Падди О'Мур, несомненно, ждал, что на откровенность гости ответят откровенностью, но сам вопросов не задавал. Он принадлежал к тем сдержанным людям, которые говорят: «Я таков; каковы вы — я не спрашиваю». Гленарван сам хотел рассказать ему о «Дункане», о цели приезда к мысу Бернуилли и о розысках, которые он продолжал с такой неутомимой настойчивостью. Но, будучи человеком, прямо идущим к цели, он прежде всего спросил Падди О'Мура, не слышал ли тот чего-либо относительно крушения «Британии».

Тот ответил отрицательно, он никогда ничего не слышал о таком судне. В течение двух лет не случилось ни одного кораблекрушения ни вблизи мыса, ни в окрестностях. А так как «Британия» потерпела крушение не более двух лет тому назад, то ирландец с полной уверенностью утверждал, что никто из экипажа «Британии» не был выброшен на этой части западного побережья.

— А теперь, сэр, — спросил он, — позвольте узнать, почему вас интересует этот вопрос?

Тогда Гленарван рассказал колонисту историю документа, рассказал о плавании «Дункана» и обо всех попытках отыскать капитана Гранта. Он не скрыл, что его категорическое утверждение окончательно разбило надежду разыскать потерпевших крушение на «Британии».

Эти слова Гленарвана произвели удручающее впечатление на всех его спутников. У Роберта и Мери выступили слезы на глазах. Даже Паганель не находил для них ни единого слова утешения и надежды.

Джон Манглс терзался мучительной скорбью.

Отчаяние уже начинало овладевать этими мужественными, великодушными людьми, которые напрасно приплыли к этим далеким берегам, как вдруг раздался чей-то голос:

— Сэр, не теряйте надежды: если капитан Грант жив, то он находится в Австралии.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Айртон

Трудно описать изумление, вызванное этими словами. Гленарван вскочил с табурета и, оттолкнув его, крикнул:

— Кто это сказал?

— Я, — ответил один из работников Падди О'Мура, сидевший за противоположным концом стола.

— Ты, Айртон? — спросил колонист, изумленный не менее, чем Гленарван.

— Я, — отозвался взволнованно, но решительно Айртон, — я такой же шотландец, как и вы, сэр, я — один из потерпевших крушение на «Британии».

Это заявление произвело потрясающее впечатление. Мери Грант, почти лишившаяся чувств от волнения и счастья, склонилась на грудь Элен. Джон Манглс, Роберт, Паганель повскакали с мест и бросились к тому, кого Падди О'Мур называл Айртоном.

Это был человек лет сорока пяти, суровый на вид, с блестящими глазами, глубоко сидевшими под густыми бровями. Несмотря на худобу, он был, повидимому, силен. Он словно весь был кости и нервы; он, как говорят шотландцы, «не тратил зря времени на то, чтобы жиреть»; широкоплечий, среднего роста, с решительной осанкой, умным, энергичным лицом, располагавшим в его пользу. Внушаемое им чувство симпатии еще усиливалось при виде запечатлевшихся на его лице следов недавно пережитых тяжелых испытаний. Несомненно, он много выстрадал, но производил впечатление человека, способного переносить страдания, бороться с ними и преодолевать их.

Гленарван и его друзья тотчас же поняли это. Внешность Айртона сразу внушала к себе уважение. Гленарван засыпал его вопросами. Тот охотно отвечал. И Гленарван и Айртон, видимо, оба были взволнованы этой встречей, и поэтому вопросы Гленарвана были довольно сбивчивы.

— Вы один из потерпевших крушение на «Британии»? — спросил Гленарван.

— Да, сэр, я служил боцманом у капитана Гранта, — ответил Айртон.

— Вы спаслись во время кораблекрушения вместе с ним?

— Нет, сэр, нет! В ту страшную минуту волна смыла меня с палубы и выбросила на берег.

— Стало быть, вы не один из тех двух матросов, о которых упоминается в документе?

— Нет. Я не подозревал о существовании этого документа. Капитан бросил его в море, когда меня уже не было на судне.

— Но что же с капитаном... с капитаном?

— Я полагал, что он утонул, исчез, погиб вместе со всей командой «Британии». Мне казалось, что я один спасся.

— Но ведь вы только что сказали, что капитан Грант жив!

— Нет, я сказал: «Если капитан Грант жив...»

— И вы прибавили: «то он в Австралии».

— Да, он не может быть в ином месте.

— Значит, вам неизвестно, где он?

— Неизвестно, сэр. Повторяю: я считал его утонувшим или разбившимся о скалы. Это от вас я узнаю, что с ним, жив ли он еще.

— Но тогда что же вы знаете?

— Только одно: если капитан Грант еще жив, то он находится в Австралии.

— Где произошло крушение? — спросил майор Мак-Наббс.

Этот вопрос следовало задать первым, но Гленарван, взволнованный неожиданной встречей, торопясь узнать, где находится капитан Грант, не осведомился о месте гибели «Британии». С этой минуты разговор, бывший до сей поры непоследовательным, нелогичным, лишь слегка задевающим вопросы, не углубляющим их, после слов майора принял более спокойный характер, и вскоре все подробности этой загадочной истории предстали перед слушателями отчетливо и ясно.

На вопрос, заданный Мак-Наббсом, Айртон дал следующий ответ:

— Когда волна смыла меня с бака, где я в это время спускал кливер, «Британия» мчалась прямо к австралийскому берегу — до него осталось меньше двух кабельтовых. Следовательно, крушение произошло как раз в этом месте.

— Под тридцать седьмым градусом широты? — спросил Джон Манглс.

— Под тридцать седьмым, — подтвердил Айртон.

— На западном побережье?

— О нет, на восточном, — быстро возразил боцман.

— А когда произошло крушение?

— В ночь на двадцать седьмое июня тысяча восемьсот шестьдесят второго года.

— Так и есть! То самое число! — крикнул Гленарван.

— Как видите, сэр, я вправе был сказать: если капитан Грант еще жив, то его следует искать только на Австралийском материке и нигде больше.

— И мы будем искать его, найдем его и спасем его, мой друг! — воскликнул Паганель. — Ах, драгоценный документ, — продолжал географ с бесподобной наивностью, — надо признать, что ты попал в руки людей проницательных!

Но этого хвастовства Паганеля никто не заметил. Эдуард и Флен Гленарван, Мери и Роберт — все обступили Айртона, поочередно пожимая ему руки, словно присутствие этого человека служило верным залогом спасения капитана Гранта. Если при крушении удалось спастись матросу, то почему не удалось спастись и капитану? Айртон настаивал, что капитан жив, как и он. Где именно капитан находится, этого Айртон не знал, но не сомневался, что где-нибудь на материке Австралии.

На бесчисленные вопросы, которыми его забрасывали, боцман отвечал удивительно разумно и ясно. Пока он говорил, мисс Мери все время держала его руку в своих. Ведь этот человек был спутником ее отца, матроном с «Британии»! Он жил рядом с Гарри Грантом, скитался с ним по морям, преодолевал с ним общие опасности... Мери, плача от радости, не могла оторвать глаз от сурового лица боцмана.

До сих пор никому не приходило в голову усомниться в правдивости сообщений этого боцмана. Лишь майор и, пожалуй, Джон Манглс — люди менее доверчивые — прашивали себя, заслуживают ли слова Айртона полного доверия. Встреча с ним была столь неожиданна, что действительно могла внушить некоторое подозрение. Правда, Айртон называл события и даты абсолютно правильно, упоминая при этом поразительные подробности. Но как бы ни были точны подробности, они все же не дают основания к безоговорочному доверию, ибо замечено, что нередко ложь опирается на правдоподобные подробности. Но Мак-Наббс затаил сомнения в душе и промолчал.

Что касается Джона Манглса, то как только матрос заговорил с молодой девушкой об ее отце, так все его подозрения рассеялись и он поверил тому, что Айртон действительно товарищ капитана Гранта. Айртон отлично знал Мери и Роберта, он видел их

в Глазго в день отплытия «Британии». Он напомнил молодой девушке об ее присутствии с братом на прощальном завтраке, который капитан дал своим друзьям на борту «Британии». На этом завтраке присутствовал шериф города Мак-Интайр. Присматривать за Робертом — ему едва минуло тогда десять лет — поручено было боцману Дику Тернеру, а мальчуган вырвался от него и взобрался на бом-салинг.

— Правда, правда! — подтвердил Роберт.

Айртон напомнил множество мелких фактов, видимо, не придавая им того значения, которое они имели в глазах Джона Манглса. И каждый раз, когда боцман умолкал, Мери ласково повторяла:

— Еще расскажите нам, мистер Айртон, еще что-нибудь о нашем отце!

И боцман, припоминая все, что только могло быть интересно молодой девушке, продолжал свои рассказы. Гленарван хотел задать ему множество более полезных вопросов, но Элен удерживала его, указывая взглядом, как счастлива Мери.

Айртон рассказал всю историю плавания «Британии» по Тихому океану. Многие были уже известны Мери, ибо письма капитана Гранта получались вплоть до мая 1862 года. В течение года плавания Гарри Грант побывал на многих островах Океании. Он заходил в гавани Ново-Гебридских островов, Новой Гвинеи, Новой Зеландии, Новой Каледонии. Но все острова оказывались уже захваченными часто незаконно. Местные английские власти чинили Гранту всяческие препятствия, будучи предупреждены о цели, преследуемой им. Тем не менее капитан Грант нашел к западу от Новой Гвинеи подходящие земли: он не сомневался, что там легко будет основать шотландскую колонию и добиться ее процветания. Действительно, пригодный для стоянок порт, по пути между Молуккскими и Филиппинскими островами, должен был привлечь суда, особенно тогда, когда закончено будет прорытие Суэцкого канала и тем упразднен старый морской путь вокруг мыса Доброй Надежды. Гарри Грант принадлежал к числу тех, кто в Англии приветствовал предпринятое по инициативе Лесепса

прорытие Суэцкого канала, и не сочувствовал политическим распрям в деле, которое преследовало общенациональные интересы.

После обследования Новой Гвинеи «Британия» поплыла в Кальяо, чтобы пополнить запасы продовольствия и топлива. 30 мая 1862 года она покинула этот порт, направившись в Европу через Индийский океан, а затем — морским путем вокруг мыса Доброй Надежды. Через три недели после отплытия «Британии» разразилась страшная буря, лишившая судно управления, корабль сильно креноло. Пришлось срубить мачты. В трюме обнаружилась течь, и заделать ее не удавалось. Вскоре команда окончательно выбилась из сил. Помпы не успевали выкачивать воду. Неделю «Британия» была игрушкой урагана. Вода в трюме дошла до шести футов. Судно постепенно погружалось. Шлюпки снесло ураганом. Экипажу предстояла неминуемая гибель, когда в ночь на 27 июня, — Паганель угадал правильно, — неожиданно показалось восточное побережье Австралии. Вскоре «Британию» со страшной силой выбросило на берег. Волна смыла Айртона, бросила в пену прибоя, и он потерял сознание. Когда он пришел в себя, то был уже в плену у туземцев, которые увели его вглубь материка. С тех пор он ничего больше не слышал о «Британии» и был уверен, не без основания, что судно разбилось о коварные рифы залива Туфолда и погибло со всем экипажем и грузом.

Этим закончилась первая часть рассказа, имевшая отношение к капитану Гранту. Не раз рассказ Айртона прерывали горестные восклицания. Даже майор не усомнился в правдивости рассказа боцмана. Теперь следовало выслушать историю самого Айртона, представлявшую еще больший интерес, чем история «Британии». В самом деле, ведь благодаря документу было несомненно, что капитан Грант с двумя своими матросами уцелел, как и Айртон, а следовательно, зная участь одного, можно было с полным основанием составить себе представление об участи другого. Поэтому Айртона попросили рассказать о его приключениях; он сделал это очень просто и кратко.

Уцелевший после крушения моряк, оказавшийся в плену у туземного племени, был увенен вглубь страны, в места, орошаемые рекой Дарлинг, то есть приблизительно на четыреста миль к северу от тридцать седьмой параллели. Жил он там очень плохо, но не потому, что с ним дурно обращались, а потому, что само племя влачило жалкое существование. Долго тянулись эти два года тягостного рабства. Однако в его сердце продолжала теплиться надежда вырваться на волю. Он подстерегал только удобный случай побега, хотя знал, что ему будут угрожать бесчисленные опасности.

В одну октябрьскую ночь 1864 года он обманул бдительность туземцев и скрылся в дебрях девственных лесов. В течение месяца, питаясь кореньями, папоротниками и мимозным клеем, блуждал он по бесконечным пустынным местам, ориентируясь днем по солнцу, ночью — по звездам, часто изнемогая от отчаяния. Так брел он сквозь болота, через реки и горы — через всю необитаемую часть Австралийского материка, которую посетили до него только немногие отважные исследователи. Наконец, истощенный, умирающий, дотащился он до гостеприимного крова Падди О'Мура, где, поступив на работу, зажил счастливой жизнью.

— Если Айртон доволен мною, — сказал колонист-ирландец, когда моряк умолк, — то и я доволен им. Он человек умный, храбрый, отличный работник, и если ему нравится у меня, то дом Падди О'Мура будет его домом так долго, как он того захочет.

Айртон кивком головы поблагодарил ирландца и ожидал новых вопросов, хотя ему казалось, что законное любопытство его слушателей уже было удовлетворено. Что мог он еще добавить, чего не повторял уже много раз?

Гленарван хотел было уже приступить к обсуждению нового плана поисков, основанного на полученных им от Айртонa сведениях, как вдруг майор обратился к моряку с вопросом:

— Вы служили боцманом на «Британии»?

— Да, — ответил, не задумываясь, Айртон, и, сообразив, что вопрос Мак-Наббса был продиктован недоверием, он добавил: — Впрочем, у меня уцелел даже при крушении мой судовой договор.

Он поспешно направился за этим официальным документом. Его отсутствие длилось не более минуты, однако Падди О'Мур успел за это время сказать Гленарвану:

— Сэр, поверьте мне, Айртон — честный человек. За два месяца его службы я решительно ни в чем не могу упрекнуть его. О том, что он пережил кораблекрушение и был в плену, я слышал и раньше. Это прямой человек, достойный вашего доверия.

Гленарван только хотел ответить, что он никогда и не сомневался в правдивости Айртона, как боцман возвратился и подал Гленарвану заключенный по всем правилам договор, который был подписан владельцем «Британии», капитаном Грантом. Мери тотчас же узнала почерк отца. Документ гласил, что: «Том Айртон, матрос первого класса, принят на службу трехмачтового судна «Британия» из Глазго в качестве боцмана». Итак, относительно личности Айртона не могло быть больше никаких сомнений, ибо трудно было допустить, чтобы документ, находившийся в его руках, не принадлежал ему.

— Теперь, — сказал Гленарван, — я приглашаю вас всех немедленно высказаться по поводу того, что следует предпринять в дальнейшем. Ваш совет, Айртон, будет для нас особенно ценным, и я буду вам очень признателен.

Подумав немного, Айртон ответил:

— Спасибо, сэр, за доверие, которое вы мне оказываете, надеюсь оправдать его. Я немного знаю эту страну, нравы туземцев, и если смогу быть вам полезен...

— Несомненно, — ответил Гленарван.

— Я полагаю, как и вы, — продолжал Айртон, — что капитан Грант и его два матроса спаслись от крушения, а поскольку они не добрались до английских колоний и о них вообще нет никаких сведений, то я

уверен, что они, как и я, попали в плен к туземцам.

— Вы, Айртон, повторяете мои слова, — сказал Паганель. — Конечно, потерпевшие крушение попали в плен к туземцам, как они предвидели. Но значит ли это, что они, подобно вам, уведены к северу от тридцать седьмой параллели?

— Да, сэр, это вполне возможно, — ответил Айртон, — враждебные туземные племена избегают жить вблизи районов, подвластных англичанам.

— Это очень осложнит наши поиски, — проговорил озабоченно Гленарван. — Как найти следы пленников среди такого огромного материка?

Все молчали. Тщетно Элен вопросительно взглядывалась в спутников — она не находила ответа. Даже Паганель, вопреки обыкновению, был нем. Его всегдашняя изобретательность изменила ему.

Джон Манглс расхаживал по зале большими шагами, точно находился в затруднительном положении — и не в зале, а на палубе своего судна.

— Что бы вы предприняли, мистер Айртон? — обратилась к моряку Элен.

— Я, мадам, вернулся бы на «Дункан», отправился бы на место крушения, — с живостью ответил Айртон. — И там действовал бы сообразно обстоятельствам, а быть может, указаниям, которые послал бы мне счастливый случай.

— Правильно, — промолвил Гленарван, — только придется обождать, пока починят «Дункан».

— Значит, у вас на судне имеются повреждения? — спросил Айртон.

— Да, — отозвался Джон Манглс.

— Серьезные?

— Нет, но для исправления нужно такое оборудование, которого у нас на судне нет. У винта погнулась лопасть, и починить ее можно только в Мельбурне.

— А разве нельзя идти под парусами? — спросил боцман.

— Можно. Но только, если ветер будет встречный, то наш переход до залива Туфолда, займет слишком

много времени, а, кроме того, зайти в Мельбурн все равно необходимо.

— Так пусть «Дункан» плывет в Мельбурн, — воскликнул Паганель, — а мы без него доберемся до залива Туфолда!

— Каким образом? — поинтересовался Джон Манглс.

— Мы пересечем Австралию так же, как пересекли Южную Америку: следуя вдоль тридцать седьмой параллели.

— А что же будет с «Дунканом»? — с какой-то особой настойчивостью спросил Айртон.

— Либо «Дункан» найдет нас, либо мы найдем «Дункан». Если разыщем капитана Гранта, то вместе с ним вернемся в Мельбурн. Если продлим поиски до побережья, то «Дункан» отправится туда за нами. Кто возражает против этого плана? Вы, майор?

— Нет, — ответил Мак-Наббс, — если только переход через Австралию возможен.

— Настолько возможен, что я предлагаю миссис Гленарван и мисс Грант присоединиться к нам, — ответил ученый.

— Вы серьезно говорите, Паганель? — спросил Гленарван.

— Вполне серьезно, мой дорогой лорд. Это переход в триста пятьдесят миль, не больше. Делая по двенадцати миль ежедневно, мы закончим его менее, чем в месяц, как раз за то время, какое потребуется для ремонта «Дункана». Вот если б необходимо было пересечь Австралийский материк под более низкой широтой, там, где простираются его необозримые безводные пустыни с нестерпимым зноем, словом, если б надо было проделать то, перед чем отступали самые смелые путешественники, ну, тогда иное дело. А тридцать седьмая параллель проходит через провинцию Виктория, через английский край, почти всюду заселенный, с проезжими дорогами и железнодорожным движением. Это путешествие можно сделать даже в коляске, если угодно, и в повозке, что предпочтительней. Это вроде поездки из Лондона в Эдинбург, не опаснее.

— А дикие звери? — спросил Гленарван, желая предусмотреть все возможные возражения.

— В Австралии нет хищников.

— А дикари?

— Под этой широтой нет дикарей, кроме того, они не так опасны, как новозеландцы.

— А беглые каторжники?

— В южных провинциях Австралии их нет. Они встречаются только в восточных колониях. Провинция Виктория не дает «права убежища» беглым каторжникам и даже издала в этом году закон, воспрещающий допуск на ее территорию людей, отбывших наказание в других провинциях. В этом году управление провинции Виктория пригрозило одной паровой компании лишить ее субсидии, если суда этой компании будут продолжать погрузку угля в портах западного побережья, где разрешается проживать ссыльным. Неужели вы, англичанин, и этого не знаете!

— Прежде всего я не англичанин, — ответил Гленарван.

— То, что рассказал нам мистер Паганель, совершенно верно, — заявил Падди О'Мур. — Не только в провинции Виктория, но и во всей Южной Австралии, в Квинсленде и даже в Тасмании — нигде не допускают бывших каторжников. С тех пор как я живу на этой ферме, я не слыхал ни об одном каторжнике.

— Я тоже никогда ни одного не встречал, — заметил Айртон.

— Вот видите, друзья мои, — закончил Жак Паганель, — в этих краях очень мало дикарей, никаких диких зверей, никаких каторжников, а много ли найдется мест в Европе, о которых можно было бы сказать то же самое. Итак, решено?

— Как ваше мнение, Элен? — обратился к жене Гленарван.

— Наше общее мнение, дорогой Эдуард, — ответила она, поворачиваясь к остальным путешественникам: — В дорогу! В дорогу!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Отъезд

Гленарван обычно не откладывал исполнение принятого решения. Как только предложение Паганеля было одобрено, он тотчас же распорядился в самый короткий срок готовиться к отъезду и назначил его на 22 декабря.

Чего можно было ждать от этого перехода через Австралию? Поскольку факт пребывания капитана Гранта на материке был бесспорно установлен, предпринимаемая экспедиция могла дать важные результаты. Она увеличивала количество благоприятных шансов.

Никто не обольщал себя надеждой найти капитана именно на тридцать седьмой параллели, вдоль которой был намечен маршрут экспедиции, но можно было рассчитывать, что обнаружатся какие-нибудь следы пребывания Гарри Гранта, и, уж во всяком случае, она приводила прямо к месту кораблекрушения. А это было главное.

Кроме того, если Айртон согласится присоединиться к путешественникам, указывать им дорогу в лесах провинции Виктория и довести до восточного побережья, то это был еще лишний шанс на успех. Гленарван прекрасно понимал это и, стремясь заполучить себе столь полезного помощника в лице бывшего спутника Гарри Гранта, спросил хозяина дома, не будет ли он возражать, если Гленарван предложит Айртону сопровождать их экспедицию. Падди О'Мур согласился, хотя и не очень охотно, ему жаль было терять такого превосходного работника.

— Ну как, Айртон, примете вы участие в нашей экспедиции для розысков потерпевших крушение на «Британии»?

Айртон ответил на этот вопрос не сразу. Казалось, он несколько минут даже колебался, но затем, обдумав что-то, ответил:

— Хорошо, сэр, я отправлюсь с вами. Если мне не удастся навести вас на следы пребывания капитана

Гранта, то во всяком случае я доведу вас до того места, близ которого разбилось судно.

— Спасибо, Айртон, — промолвил Гленарван.

— Разрешите, сэр, задать вам один вопрос.

— Говорите, мой друг!

— Где вы встретитесь с «Дунканом»?

— В Мельбурне, если нам не понадобится пересечь Австралию от одного побережья до другого, в противном случае, если придется, то на восточном побережье.

— В таком случае, капитан «Дункана»...

— Капитан будет ждать моих распоряжений в Мельбурне.

— Хорошо, сэр, — сказал Айртон, — можете положиться на меня.

— Буду рассчитывать на вас, Айртон, — ответил Гленарван.

Пассажиры «Дункана» горячо поблагодарили боцмана «Британии». Дети капитана Гранта не знали, как выказать ему свою нежность. Все радовались решению Айртона, за исключением ирландца, терявшего в его лице умного и надежного помощника. Но Падди О'Мур понимал, какое значение придавал Гленарван участию боцмана в экспедиции, и потому примирился с этой утратой. Гленарван поручил ирландцу снабдить экспедицию средствами передвижения для путешествия через Австралию, и, заключив эту сделку и предварительно условившись с Айртоном о месте встречи, путешественники отправились обратно на яхту.

Возвращались весело. Все изменилось. Все сомнения исчезли. Теперь отважной экспедиции не придется вести вслепую поиски вдоль тридцать седьмой параллели. Гарри Грант нашел приют на этом материке, в этом уже нельзя было сомневаться, и сердца всех были полны той радостью, какая обычно царит в душе, когда уверенность сменяет, наконец, сомнения. Через два месяца — при благоприятных обстоятельствах — «Дункан» высадит Гарри Гранта на берег Шотландии.

Когда Джон Манглс поддерживал предложение Паганеля совершить переход через Австралию в

обществе пассажиров «Дункана», то он предполагал, что на этот раз и он примет участие в экспедиции. Начав на эту тему разговор с Гленарваном, он привел тысячу доводов в пользу своего участия в экспедиции: говорил о своей преданности миссис Элен и лорду Гленарвану, о своей пригодности как организатора, о ненужности своего присутствия на «Дункане». Словом, Джон Манглс привел множество всяких соображений, кроме главного, которое Гленарван знал и без него.

— Один только вопрос, Джон, — ответил Гленарван, выслушав молодого капитана, — вполне ли вы доверяете своему помощнику?

— Вполне, — ответил Джон Манглс. — Том Остин опытный моряк. Он доведет «Дункан» до Мельбурна, хорошо отремонтирует его, а затем приведет судно на место встречи точно в назначенный день. Том — человек долга и дисциплины. Он никогда не решится не выполнить приказа или отсрочить его. Вы можете вполне положиться на него так же, как и на меня, сэр.

— Решено, Джон: вы отправляетесь с нами, — сказал Гленарван и, улыбаясь, добавил: — Ведь желательно ваше присутствие, когда мы разыщем отца Мери Грант.

— О сэр! — пробормотал Джон Манглс.

Это все, что мог произнести молодой капитан. Поблуднев, он сжал протянутую ему Гленарваном руку.

На следующий день Джон Манглс в сопровождении плотника и матросов, несших съестные припасы, снова отправился в усадьбу Падди О'Мура. Он должен был вместе с ирландцем заняться организацией транспорта для экспедиции.

Вся семья колониста была в сборе, готовая по его указанию приступить к работе. Айртон находился тут же и не скупился на полезные советы, основанные на знании местных условий.

Падди с Айртоном сошлись на том, что женщинам следует ехать в фургоне, запряженном быками, а мужчинам — верхом на лошадях. Ирландец взялся снабдить экспедицию как животными, так и фургоном,

представлявшим собой повозку длиной в двадцать футов, с брезентовым верхом. Ее четыре колеса сделаны были из сплошного дерева, без спиц, без ободов, без железных обручей — словом, это были просто деревянные диски. Передний ход телеги, отстоявший на большом расстоянии от заднего хода, был прикреплен к кузову фургона довольно первобытным способом, так что телега не могла делать крутых поворотов; к этому переднему ходу приделано было длиннейшее, в тридцать пять футов, дышло, в него впрягались три пары быков. Эти животные тянули фургон при помощи ярма и прикрепленного к нему железной чечкой шейного кольца. Нужно было большое искусство, чтобы управлять этим узким, длинным и валким фургоном и править быками при помощи одной только остроконечной палки. Но Айртон постиг это искусство на здешней ирландской ферме, и Падди ручался за его ловкость. Поэтому Айртону и были поручены обязанности возницы.

Фургон без рессор был мало удобен. Но он был таков, и с этим приходилось мириться. Джон Манглс, не будучи в силах изменить что-либо в топорном строении колымаги, постарался сделать ее удобней внутри. Прежде всего он разделил фургон дощатой перегородкой на два отделения. Заднее предназначалось для хранения съестных припасов, багажа и походной кухни мистера Олбинета, переднее всецело поступало в распоряжение путешественниц. Плотник превратил его в уютную комнатку, с толстым ковром на полу, туалетным столиком и двумя койками для Элен и Мери Грант. Ночью для защиты от холода можно было опускать плотные кожаные занавеси. В случае необходимости и мужчины могли найти там приют во время сильных ливней, но в хорошую погоду они должны были ночевать в палатке. Джон Манглс решил собрать в тесном помещении все вещи, необходимые для обеих женщин. И это ему удалось. Элен и Мери Грант не должны были слишком сожалеть о комфортабельных каютах на «Дункане».

Снарядить в путь мужчин было проще. Приготовили семь выносливых лошадей: для Глснарвана,

Паганеля, Роберта Гранта, Мак-Наббса, Джона Мангlsa и двух матросов — Вильсона и Мюльреди, сопровождавших своего хозяина в этой новой экспедиции. Айртону предстояло занять полагающееся ему место на козлах фургона, а мистер Олбинет, которого верховая езда отнюдь не прельщала, мог прекрасно устроиться в багажном отделении. Лошади и быки паслись на лугах фермы, и к моменту отъезда их легко можно было собрать.

Отдав нужные распоряжения плотнику, Джон Манглс отправился на «Дункан» вместе с ирландским семейством, пожелавшим отдать визит Гленарвану. Айртон тоже присоединился к ним, и около четырех часов пополудни Джон и его спутники были уже на борту «Дункана».

Гостей встретили с распростертыми объятиями. Гленарван пригласил всех отобедать на яхте: он не пожелал остаться в долгу у гостеприимных австралийцев, и те с удовольствием приняли его приглашение. Меблировка кают, обои, стенные ковры и вся надводная часть яхты, отделанная кленом и полисандровым деревом, — все привело в восторг Падди О'Мура. Айртон же, наоборот, отнесся очень сдержанно ко всей этой дорогостоящей роскоши.

Зато боцман «Британии» произвел осмотр яхты с точки зрения мореплавателя. Он обследовал яхту до дна трюма, побывал в помещении, где работает винт, в машинном отделении осведомился о силе машины, о количестве топлива, поглощаемого ею, обследовал угольные камеры, кладовые, запасы пороха. Особенно заинтересовался он складом оружия и пушкой, стоящей на баке, и ее дальностью. Гленарван убедился, что Айртон действительно опытный моряк. Он понял это по тем специальным вопросам, которые тот задавал. Боцман закончил обход осмотром мачт и такелажа.

— Отличное у вас судно, сэр! — сказал он.

— А главное плывет отлично, — ответил Гленарван.

— А каков его тоннаж?

— Двести десять тонн.

— Думаю, я не ошибусь, если скажу, что «Дункан», плывя под всеми парусами, легко делает пятнадцать узлов.

— Считайте все семнадцать, — отозвался Джон Манглс, — и вы не ошибетесь.

— Семнадцать! — воскликнул боцман. — Следовательно, ни одно военное судно — я имею в виду наилучшие — не в силах соперничать с ним.

— Ни одно! — заявил капитан. — «Дункан» — настоящая гоночная яхта и не даст себя обогнать ни при какой скорости.

— Даже под парусами?

— Даже под парусами.

— В таком случае, сэр, и вы, капитан, примите поздравления моряка, знающего цену хорошему судну.

— Рад слышать это, Айртон, — ответил Гленарван. — Оставайтесь на нашем судне, и если вы захотите, этот корабль станет и вашим.

— Я подумаю об этом, сэр, — просто ответил боцман.

Появившийся в эту минуту мистер Олбинет доложил, что обед подан. Гленарван с гостями направился в кают-компанию.

— Умный малый этот Айртон, — заметил Паганель, обращаясь к майору.

— Слишком умный, — тихо отозвался Мак-Наббс, которому, впрочем без всяких оснований, не нравилось лицо боцмана и его манера держать себя.

Во время обеда Айртон, прекрасно знавший Австралийский материк, рассказывал о нем много интересных подробностей. Он осведомился у лорда Гленарвана, сколько матросов тот берет с собой в экспедицию. Узнав, что только двоих — Мюльреди и Вильсона, — он, казалось, удивился и посоветовал Гленарвану сформировать отряд из лучших матросов «Дункана». Он так упорно настаивал на этом, что такая горячность должна была изгладить всякое подозрение у майора.

— Но ведь наше путешествие по Южной Австралии не представляет никакой опасности? — проговорил Гленарван.

— Никакой, — поспешил подтвердить Айртон.

— В таком случае, оставим на судне как можно больше народа. Чтобы вести «Дункан» под парусами в Мельбурн и отремонтировать его, нужны люди. Очень важно, чтобы яхта прибыла точно в назначенный срок к месту свидания. Поэтому не будем сокращать его команду.

Айртон, повидимому, понял соображения лорда Гленарвана и больше не настаивал.

С наступлением вечера ирландцы и шотландцы распрощались. Айртон и семья Падди О'Мура вернулись на ферму. Лошади и фургон с быками должны были быть готовы к следующему дню. Отъезд назначили на восемь часов утра.

Элен Гленарван и Мери Грант занялись последними приготовлениями. Сборы были недолгие и менее кропотливые, чем сборы Жака Паганеля. Ученый добрую часть ночи провозился со своей подозрной трубой, вытирал ее, развинчивал, снова свинчивал, и поэтому утро застало его еще спящим. Майор зычным голосом разбудил его.

Джон Манглс отправил багаж на ферму. Шлюпка ждала путешественников, — они тотчас заняли в ней места. Молодой капитан отдавал последние распоряжения Тому Остину. Он особенно настаивал на том, чтобы его помощник ждал приказаний Гленарвана в Мельбурне и, каковы бы они ни были, точно выполнил их.

Старый моряк заверил Джона Манглса, что тот может положиться на него. От имени всей команды он пожелал Гленарвану полного успеха экспедиции. Шлюпка отчалила от трапа под громовое «ура» команды.

За десять минут она достигла берега, а спустя еще четверть часа путешественники были уже на ирландской ферме.

Все было готово к отъезду. Леди Элен пришла в восторг от своего помещения. Особенно понравился ей

огромный фургон, такой массивный, его первобытные колеса, а шесть впряженных попарно быков придавали фургону какой-то патриархальный вид. Айртон, держа в руках остроконечную палку, ждал приказаний нового хозяина.

— Черт возьми! — воскликнул Паганель. — Какая чудесная повозка! Ни одна почтовая карета в мире не сравнится с ней. Всего интереснее развезжать по свету по способу бродячих труп. Дом, который движется, катится, останавливается тогда, когда вам угодно, — что может быть лучше? Это некогда понимали сарматы и не путешествовали иначе.

— Господин Паганель, — обратилась к нему Элен, — надеюсь, что буду иметь удовольствие принимать вас в моем салоне?

— Конечно, сударыня! Почту за честь. Какой же день ваш приемный?

— Для своих друзей я буду дома ежедневно, — смеясь, ответила Элен, — а вы...

— ...самый преданный из них, мадам, — галантно ответил Паганель.

Этот обмен любезностями был прерван появлением семи оседланных и взнузданных лошадей. Их привел один из сыновей Падди О'Мура. Лорд Гленарван уплатил ирландцу-фермеру за все приобретенное у него и горячо поблагодарил, что для честного колониста было не менее ценно, чем полученные золотые гинеи.

Был дан сигнал к отъезду. Леди Элен и мисс Мери заняли места в своем отделении, Айртон — на козлах, а мистер Олбинет — в задней части фургона. Гленарван, майор, Паганель, Роберт, Джон Манглс, оба матроса, все вооруженные карабинами и револьверами, сели верхом на лошадей. «Бог в помощь!..» — крикнули Падди О'Мур и его семья.

Айртон издал особый возглас и кольнул длинной остроконечной палкой быков. Фургон тронулся, доски затрещали, оси в ступицах колес заскрипели, и вскоре гостеприимная ферма славного ирландца скрылась за поворотом дороги.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Провинция Виктория

Было 23 декабря 1864 года. Этот декабрь, столь унылый, столь хмурый, столь сырой в Северном полушарии, должен бы называться июнем на Австралийском материке. С астрономической точки зрения лето наступило здесь два дня тому назад, ибо, начиная с 21-го, солнце достигло тропика Козерога и его пребывание над горизонтом ежедневно сокращалось на несколько минут. Таким образом, новое путешествие Гленарвана должно было совершиться в самое жаркое время года и под почти тропическими лучами солнца.

Совокупность английских владений в этой части Тихого океана именуется Австралазией. Сюда входят Новая Голландия, Тасмания, Новая Зеландия и ряд соседних островов. Самый же Австралийский материк разделен на несколько обширных колоний-провинций, очень отличающихся друг от друга как по величине, так и по своим природным богатствам. При взгляде на современные карты Австралии, составленные Петерманом или Прешелем, сразу бросается в глаза прямолинейность границ австралийских провинций. Англичане провели их прямехонько, нисколько не соображаясь ни с горными склонами, ни с течением рек, ни с климатическими особенностями, ни с различием рас. Эти колонии-провинции представляют собой сопредельные прямоугольники, уложенные словно мозаика. В этих прямых линиях, прямых углах видна рука геометра, а не географа. Лишь берега с их разнообразными изгибами, фиордами, бухтами, мысами, заливами по прихоти природы своей очаровательной неправильностью противятся этой прямолинейности.

Это сходство с шахматной доской всегда и вполне законно вызывало насмешки Жака Паганеля.

— Если бы Австралия была французской колонией, то, несомненно, французские географы не проявили бы такого пристрастия к угольнику и рейсфедеру, — говорил он.

Обширный океанийский остров поделен в настоящее время на шесть колоний-провинций: Новый Южный Уэльс — столица Сидней; Квинсленд — столица Брисбен; Виктория — столица Мельбурн; Южная Австралия — столица Аделаида; Западная Австралия — столица Перт; наконец Северная Австралия, не имеющая еще столицы. Колонистами заселены лишь побережья. Редко-редко сколько-нибудь значительные города попадаются дальше двухсот миль. Что же касается центральной части материка, по площади равной двум третям Европы, то она почти не исследована.

К счастью, тридцать седьмая параллель проходит в стороне от этих беспредельных пустынь, а не через эти малодоступные области, стоившие науке стольких жертв. Гленарван не смог бы их преодолеть. Им предстояло пройти лишь южную часть Австралии, которая дробилась на узкую полосу провинции Аделаида и на провинцию Виктория во всю ее ширину, и, наконец, перебраться через вершину опрокинутого треугольника, представляющего Новый Южный Уэльс.

От мыса Бернуилли до границ Виктории — около шестидесяти двух миль. Это расстояние можно было свободно покрыть в два дня, и Айртон рассчитывал к вечеру следующего дня расположиться на ночлег в Апсли, самом западном городе провинции Виктория.

Обычно в начале всякого путешествия и всадники и лошади проявляют некоторую горячность. Против воодушевления первых ничего нельзя было возразить, но прыть вторых следовало умерить. Тот, кому предстоит далекий путь, должен беречь силы своего коня. Поэтому было решено ограничивать дневные переходы двадцатью пятью — тридцатью милями. К тому же приходилось соразмерять ход лошадей с более медленным шагом быков — настоящих живых механизмов, теряющих во времени столько же, сколько они выигрывают в силе.

Фургон с пассажирами и провиантом был ядром экспедиции, ее движущейся крепостью. Всадники могли отъезжать в сторону, но не должны были удаляться от фургона. Так как для них не было установлено никакого определенного порядка езды, то каждый в

известных границах мог действовать по своему усмотрению. Охотники могли рыскать по равнине за дичью, галантные кавалеры беседовать с обитательницами фургона, философы рассуждать друг с другом. Паганель, совмещавший в себе все эти качества, должен был поспевать всюду.

Переезд через провинцию Аделаида оказался малоинтересным. Ряд невысоких, но пыльных холмов чередовался с голыми равнинами, называемыми в этом краю «бушами», с прериями, поросшими кустарниками с остроконечными солоноватыми листьями — излюбленным лакомством овец. Между столбами телеграфной линии, недавно соединившей Аделаиду с побережьем океана, мирно паслись «pig's-faces» — «свиные рыла» — овцы со свиными рылами, порода, которая свойственна только Новой Голландии.

До сей поры эти равнины мало чем отличались от однообразных аргентинских памп. Такая же ровная, покрытая травой почва, такой же резко подчеркнутый на фоне неба горизонт. Мак-Наббс утверждал, что кажется, будто они не покидали Южной Америки, но Паганель уверял, что местность скоро изменится. Полагаясь на слова географа, все стали ждать каких-то чудес.

Около трех часов дня фургон пересек обширную безлесную долину — так называемую «Долину москитов». Географ имел удовольствие убедиться в правильности этого названия. Путешественники и их лошади очень страдали от непрекращавшихся укусов этих назойливых насекомых. Избежать укусов было невозможно. Легче было смягчить их нашатырным спиртом из походной аптечки. Паганель вышел из терпения и проклинал упорно преследующих его москитов, которые не переставали жалить его долговязую особу.

К вечеру несколько изгородей из акаций оживили облик долины. Там и сям поднимались группы белых камедных деревьев; далее показалась свежая колея; затем стала попадаться растительность, вывезенная из Европы: оливковые, лимонные деревья, дубы, и, наконец, потянулись содержащиеся в порядке частоколы.

В восемь часов вечера быки, подгоняемые заостренной палкой Айртона, добрались до «станции» Рэд-Гум. Словом «станция» здесь именуют скотоводческое хозяйство, где растят скот — главное богатство Австралии. Местные скотоводы зовутся «скваттеры», то есть «люди, садящиеся на землю». И в самом деле, первое, что делает усталый колонист после своих скитаний по необъятным равнинам, — это садится на землю.

Станция Рэд-Гум была невелика, тем не менее Гленарвана приняли очень радушно. Под кровом этих уединенных жилищ путешественник всегда найдет обильно накрытый стол и в лице австралийского колониста — гостеприимного хозяина.

На следующий день Айртон запряг быков, едва забрезжило утро. Он хотел к вечеру добраться до границы Виктории.

Местность постепенно становилась все более неровной. До горизонта волнообразно тянулись холмики, усыпанные красным песком; казалось, что на равнину брошен огромный красный флаг, складки которого вздулись кверху от ветра. «Малли» — род сосны с беловатыми пятнами, с прямым и гладким стволом — простирали свои темнозеленые ветви над тучными прериями, где бегало множество веселых тушканчиков. Позже потянулись обширные равнины, поросшие кустарником и молодыми камедными деревьями. Потом на смену им появились отдельные деревья, первые представители австралийских лесов.

Однако по мере приближения к границам Виктории вид местности заметно изменялся. Путешественники почувствовали себя в новой стране. Они неуклонно шли по прямой линии, и никакое препятствие на пути — будь то озеро или гора — не могли бы принудить их уклониться в сторону. Они твердо помнили геометрическую аксиому: прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками. Ни усталость, ни трудности пути не смущали их. Всадники соразмеряли аллюр коней с медленным шагом быков, и если эти спокойные животные и не передвигались быстро, то никогда и не останавливались в пути. Пройдя таким образом за два дня шестьдесят миль, караван прибыл

23 декабря в Апсли, ближайший город к границе провинции Виктория, расположенный в округе Уиммера, под сто сорок первым градусом долготы.

Айртон остановил фургон у постоялого двора, который, за неимением лучшей гостиницы, пышно именовался «Отель короны». Горячий ужин, состоявший из разных блюд, приготовленных исключительно из баранины, дымился на столе. За ужином много ели, но еще больше беседовали. Все горело желанием познакомиться с особенностями Австралийского материка и засыпали Паганеля вопросами. Географ не заставил себя долго просить и охотно описал провинцию Виктория, называемую также «Счастливой Австралией».

— Название это неверное! — высказал свое мнение Паганель. — Правильней было бы назвать эту провинцию «Богатой Австралией», ибо о странах можно сказать то же, что и о людях: «Богатство не приносит счастья». Благодаря своим золотым россыпям Австралия попала в лапы целого полчища свирепых опустошителей-авантюристов. Вы сами убедитесь в этом, когда мы будем проезжать через золотоносные земли.

— Кажется, колония Виктория основана недавно? — спросила леди Гленарван.

— Да, она основана всего каких-нибудь тридцать лет тому назад, а именно — шестого июня тысяча восемьсот тридцать пятого года, во вторник...

— ...в четверть восьмого вечера, — добавил майор, любивший подтрунить над географом по поводу точности приводимых им дат.

— Ошибаетесь, — серьезно возразил географ. — В семь часов десять минут. Именно в эту минуту Бетман и Фалкнер основали поселение Порт-Филлип на берегу той самой бухты, где теперь раскинулся большой город Мельбурн. В течение следующих пятнадцати лет эта колония входила в состав провинции Новый Южный Уэльс и имела общую с ней столицу Сидней, но в тысяча восемьсот пятьдесят первом году она была выделена в самостоятельную провинцию, получившую название «Виктория».

— И с той поры она значительно окрепла и развилась? — спросил Гленарван.

— Судите сами об этом, мой друг, — ответил Паганель, — я приведу вам цифры — последние статистические данные, и что бы ни говорил Мак-Наббс, я не знаю ничего более красноречивого, чем эти цифры.

— Говорите, — промолвил майор.

— Начинаю. В тысяча восемьсот тридцать шестом году колония Порт-Филлип насчитывала двести сорок четыре жителя, а в настоящее время население провинции Виктория достигло пятисот пятидесяти тысяч человек. Семь миллионов квадратных футов виноградников приносят ей ежегодно сто двадцать одну тысячу галлонов вина. Сто три тысячи лошадей галопом носятся по ее равнинам, и рогатый скот — в количестве шестисот семидесяти пяти тысяч двухсот семидесяти двух голов — пасется на ее беспредельных пастбищах.

— А имеются ли здесь свиньи? — поинтересовался Мак-Наббс.

— Да, майор. С вашего позволения, их здесь семьдесят девять тысяч шестьсот двадцать пять.

— А сколько тут баранов, Паганель?

— Семь миллионов сто пятьдесят тысяч девятьсот сорок три, Мак-Наббс!

— Считая и того, которого мы в данную минуту едим, Паганель?

— Нет, без него: ибо он уже на три четверти съеден.

— Браво, господин Паганель! — весело смеясь, воскликнула Элен. — Надо сознаться, что вы великолепно знаете все, что относится к географическим вопросам, и сколько бы ни старался кузен Мак-Наббс, ему не удастся поставить вас в тупик.

— Но ведь это моя профессия — все это знать, мадам, и в случае надобности сообщать вам. Поэтому можете мне поверить, когда я утверждаю, что эта необыкновенная страна готовит нам еще немало чудес.

— Однако до сих пор... — начал Мак-Наббс, любивший подзадорить географа.

— Да подождите же, нетерпеливый майор! — воскликнул Паганель. — Вы едва перешагнули границу, а уже досаждаете! Говорю вам, повторяю вам, клянусь вам, что это самый любопытный край на всем земном

шаре. Его возникновение, природа, растения, животные, климат, его грядущее исчезновение — удивляло, удивляет и удивит всех ученых мира. Представьте себе, друзья мои, материк, который, зарождаясь, поднимался из морских волн не своей центральной частью, а краями, как своеобразное гигантское кольцо; материк, который, быть может, таит в самой сердцевине своей полунспарившееся море; материк, где реки с каждым днем все больше и больше пересыхают; где нет сырости ни в воздухе, ни в почве; где деревья ежегодно теряют не листья, а кору; где листья обращены к солнцу ребром и не дают тени; где деревья часто негораемы; где тесаный камень тает от дождя; где леса низкорослы, а травы гигантской вышины; где животные необычны; где у четвероногих имеются клювы, как у ехидны и утконоса, что заставило ученых придумать особый класс птицезверей; где у кенгуру лапы разной длины; где у баранов свиные рыла; где лисицы порхают с дерева на дерево; где лебеди черны, где крысы выют гнезда; где птицы поражают разнообразием своего пения и своих голосов: одна служит будильником, другая — щелкает, как бич кучера почтовой кареты, третья — подражает точильщику, четвертая — тикает, точно маятник часов; где есть такая, которая смеется по утрам, когда восходит солнце, и такая, которая плачет по вечерам, когда оно заходит. О! Самая причудливая, самая нелогичная страна! Земля парадоксальная, опровергающая все законы природы! Ученый-ботаник Гримар имел полное основание сказать о ней: «Вот она, эта Австралия, некая пародия на мировые законы, или, вернее, вызов, брошенный всему остальному миру!»

Эта тирада, столь стремительно произнесенная Паганелем, казалось, никогда не кончится. Красноречивый секретарь Географического общества больше не владел собой. Он говорил без передышки, отчаянно жестикулируя, и так размахивал вилкой, что его соседям по столу положительно грозила опасность остаться без глаз. Наконец, голос его был заглушен громом аплодисментов и он умолк.

Конечно, после этого перечня особенностей Австра-

лийского материка никому не пришло в голову задать географу еще какие-либо вопросы. Однако майор своим неизменно спокойным голосом все же спросил:

— И это все, Паганель?

— Нет, представьте, не все! — воскликнул с новым азартом ученый.

— Как! В Австралии есть еще что-нибудь более удивительное? — спросила заинтригованная Элен.

— Да, мадам, ее климат. Он своими особенностями превосходит все, о чем я упоминал.

— А именно? — раздалось со всех сторон.

— Я не говорю уж о том, как богат воздух Австралии кислородом и беден азотом, не говорю также об отсутствии влажных ветров благодаря тому, что муссоны дуют параллельно побережью, не говорю и о том, что большинство болезней, начиная от тифа и кончая корью и разными хроническими болезнями, здесь неизвестно.

— Однако это уже немалое преимущество, — заметил Гленарван.

— Разумеется, но, повторяю, я не это имею в виду, — ответил Паганель. — Здесь климат обладает особенностью... прямо-таки неправдоподобной...

— Какой же? — заинтересовался Джон Манглс.

— Вы мне ни за что не поверите...

— Поверим! — воскликнули заинтересованные слушатели.

— Ну, так он...

— Что он?

— Способствует нравственности!

— Нравственности?

— Да, — подтвердил ученый. — Он благотворно воздействует на нравственность. В Австралии металлы не ржавеют на воздухе и люди тоже. Здесь сухой, чистый воздух быстро белил не только белье, но и души. В Англии подметили это свойство здешнего климата и решили сылать сюда людей для исправления.

— Как! Неужели это влияние столь ощутимо? — спросила Элен Гленарван.

— Да, очень, как на животных, так и на людях.

— Вы не шутите, господин Паганель?

— Нет, не шучу. Даже австралийские лошади и рогатый скот — и те здесь удивительно послушны. Вы сами в этом убедитесь.

— Не может быть!

— Но тем не менее это так. Злоумышленники, переселенные в эту живительную, оздоравливающую атмосферу, через несколько лет духовно перерождаются. Это известно филантропам. В Австралии все люди делаются лучше.

— Но тогда каким же станете вы, господин Паганель, в этой благодатной стране, вы, и без того такой хороший? — улыбаясь, проговорила Элен.

— Стану превосходным, просто превосходным! — ответил географ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Река Уиммера

На следующий день, 24 декабря, двинулись в путь на заре. Зной хотя был уже сильный, но терпимый. Дорога была ровной и удобной для лошадей. Маленький отряд углубился в довольно редкий лес. Вечером, после основательного перехода, сделали привал на берегу Белого озера, вода которого оказалась солоноватой и непригодной для питья.

Тут Жак Паганель должен был признать, что это Белое озеро заслужило название «белого», не более чем Черное море «черного», Красное море «красного», Желтая река «желтой», а Голубые горы «голубых». Впрочем, побуждаемый профессиональным самолюбием, географ рьяно отстаивал эти наименования, но его доводы никого не убедили.

Мистер Олбинет с обычной аккуратностью приготовил и подал ужин. Затем путешественники — одни в фургоне, другие в палатке — уснули, невзирая на жалобный вой «динго», этих австралийских шакалов.

За Белым озером раскинулась чудесная равнина, пестревшая хризантемами. Проснувшись на следующее

утро, Гленарван и его спутники пришли в восторг от раскинувшегося перед их взором великолепного зрелища.

Снова двинулись в путь. Одни лишь отдаленные холмы обрисовывали рельеф местности. До самого горизонта весенняя прерия зеленела и алела цветами. Голубые цветы мелколистного льна переплетались с яркокрасными цветами медвежьих когтей. Присущие этой местности многочисленные виды «*érgémophilas*» оживляли эту зелень, и участки, насквозь пропитанные солью, были густо покрыты серо-зелеными и красноватыми цветами серебрянки, лебеды, свекловичника. Эти растения очень полезны, так как из их золы путем промывки добывается отличная сода. Паганель, оказавшись среди цветов, тотчас же превратился в ботаника и начал называть все разновидности растений и, верный своему пристрастию все подкреплять цифрами, заявил, что австралийская флора состоит из четырех тысяч двухсот видов различных растений, принадлежащих к ста двадцати семействам.

Несколько позже, когда фургон за короткое время проехал еще десяток миль, выехали в рощицу высоких акаций, мимоз и белых камедных деревьев с разнообразными цветами. Растительное царство этой равнины, орошаемой множеством источников, благодарило дневное светило ароматом и цветами за свет и тепло, которое оно изливало на него. Животное царство представлено было более скупое. Лишь кое-где бродили по равнине эму, но приблизиться к ним было невозможно. Майору все же удалось подстрелить очень редкую, уже исчезающую с лица земли птицу. Это был *ябиру* — гигантский журавль английских колоний. Эта птица была пяти футов ростом, с черным, широким клювом конической формы, заостряющимся к концу, в длину она имела восемнадцать дюймов. Лилово-пурпурная окраска головы составляла резкий контраст с лоснящейся зеленой шеей, ослепительно белой грудью и яркокрасными длинными ногами. Казалось, природа израсходовала все лучшие краски на оперение ябиру.

Путешественники залюбовались этой птицей, и

майор остался бы героем дня, если бы юный Роберт несколько позже не встретил и метко не застрелил бы какое-то бесформенное животное — не то ежа, не то муравьеда, зачаток живого существа первобытных времен. Из его сомкнутой пасти висел длинный, растягивавшийся липкий язык, с помощью которого это животное ловит насекомых.

— Это ехидна, — объяснил Паганель. — Случалось ли вам когда-либо видеть подобное животное?

— Она отвратительна! — отозвался Гленарван.

— Отвратительна, но интересна, — заметил Паганель. — К тому же она встречается только в Австралии и больше ни в одной части света.

Конечно, Паганелю хотелось увезти с собой отвратительную ехидну, и он решил положить ее в багажное отделение, но мистер Олбинет восстал против этого с таким негодованием, что ученый вынужден был отказаться от мысли сохранить для науки этого представителя австралийских однопроходных.

В этот день путешественники достигли 141° 31' долготы. До сих пор навстречу им попадалось очень мало колонистов-земледельцев и мало скваттеров. Местность казалась пустынной. Туземцев не было и следа, ибо дикие племена кочуют севернее, по бесконечным пустыням, орошаемым притоками Дарлинга и Муррея.

Отряд Гленарвана заинтересовался встречей с грандиозным стадом, которое предприимчивые спекулянты перегоняли с восточных гор в провинции Виктория и Южная Австралия.

Около четырех часов пополудни Джон Манглс указал спутникам на огромный столб пыли, поднимавшийся на горизонте, милях в трех впереди. Чем было вызвано это явление? Паганель полагал, что это какой-нибудь метеор, и пылкая фантазия ученого подыскивала этому явлению правдоподобное объяснение, но Айртон преспокойно заявил, что пыль эта поднята идущим стадом.

Боцман не ошибся. Густое облако пыли приближалось. Вскоре послышалось мычанье, ржанье, блеянье вперемешку с хором пастушеских криков, свиста и брани.

Наконец, из этого вихря пыли выступил человек. То был главный вожатый четвероногой армии. Гленарван поехал к нему навстречу, и между ними быстро завязался разговор. Вожатый оказался владельцем части этого стада. Звался он Сэм Митчелл и направлялся теперь из восточных провинций к бухте Портленд.

Его стадо насчитывало двенадцать тысяч семьдесят пять голов: тысячу быков, одиннадцать тысяч баранов и семьдесят пять лошадей. Все эти животные, купленные тощими на равнинах у подножья Голубых гор, перегонялись теперь на тучные пастбища Южной Австралии, чтобы там откормиться и впоследствии дать большие барыши хозяину. Сэм Митчелл, выгадывая по два фунта стерлингов с быка и полфунта с барана, должен был выручить кругленькую сумму в сто пятьдесят тысяч франков. Это было выгодное дело, но сколько требовалось терпения, сколько энергии, чтобы переправить до места назначения это норовистое стадо, какой это был тяжелый труд! Да, нелегко достается барыш, получаемый от этого сурового ремесла.

В то время как стадо Сэма Митчелла продолжало продвигаться между купами мимоз, он в кратких словах рассказал свою историю. Элен Гленарван и Мери Грант вышли из фургона, все всадники соскочили с коней и, усевшись в тени раскидистого камедного дерева, слушали рассказ скотопромышленника.

Сэм Митчелл был в пути уже семь месяцев. В среднем он проходил ежедневно миль десять, и его бесконечное путешествие должно было продлиться еще месяца три. В этом трудном деле ему помогали тридцать погонщиков и двадцать собак. Среди погонщиков было пять негров, умевших очень ловко отыскивать по следам отбившихся от стада животных. За этой армией следовало шесть повозок. Погонщики, вооруженные бичами, с рукояткой длиною в восемнадцать дюймов и ремнем в девять футов, ездили между рядами животных, то и дело восстанавливая нарушаемый порядок, а собаки, словно легкая кавалерия, носились по флангам. Путешественники восхищались порядком, царившим в стаде. Различные породы животных шли

порознь, ибо дикие быки не будут пастись там, где прошли бараны. Поэтому быков гнали во главе стада. Разделенные на два батальона, они двигались впереди. За ними под командой двадцати вожатых следовали пять полков баранов; взвод лошадей шел в арьергарде. Сэм Митчелл обратил внимание слушателей, что вожаками этой армии являлись не люди, не собаки, а смышленные быки-вожаки, их превосходство признавали все их сородичи. Они важно шествовали впереди, инстинктивно выбирая лучшую дорогу, и, казалось, были твердо уверены в своем праве пользоваться общим уважением, и все стадо беспрекословно повиновалось им, и с ними приходилось считаться. Если быки останавливались, то надо было следовать их примеру, и никакие усилия не могли заставить животных двинуться вперед, пока быки сами не трогались в путь.

Скотопромышленник добавил еще некоторые подробности, достойные пера Ксенофонта. Пока стадо двигалось по равнине, все шло хорошо — никаких препятствий, никакой усталости. Животные паслись по дороге, утоляя жажду в многочисленных ручьях, ночью спали, днем двигались вперед и, послушные лаю собак, сбивались в круги. Но в дремучих лесах материка, в зарослях мимоз и эвкалиптовых деревьев трудности возрастали. Взводы, батальоны, полки то смешивались, то рассыпались, и требовалось немало времени, чтобы снова собрать всех воедино. Если, по несчастью, пропадал один из быков-вожаков, то его надо было во что бы то ни стало разыскать, иначе все стадо могло беспорядочно разбежаться; негры-погонщики часто тратили по нескольку дней на эти трудные поиски. Когда начинались сильные дожди, ленивые животные отказывались продолжать путь, а в бурные грозы паника охватывала обезумевший от страха скот.

Однако благодаря энергии и расторопности скотопромышленник преодолевал все эти снова и снова возникающие затруднения. Он шел вперед миля за милей, оставляя позади равнины, леса, горы. Но порой ко всем упомянутым качествам ему приходилось добав-

лять еще одно, высшее, терпение — терпение, которое нужно было сохранять не часы, не дни, но целые недели, — это бывало при переправе через реки. Тут препятствием являлась не трудность переплыть, а упрямство стада, которое отказывалось войти в воду. Быки, едва хлебнув воды, поворачивали обратно, бараны, завидев реку, разбегались в разные стороны. Надо было ждать ночи, чтобы загнать стадо в реку, но и это не удавалось. Баранов бросали в воду, но овцы не решались следовать за ними. Пытались по нескольку дней не давать животным пить, но и это не помогало. Переправляли на противоположный берег ягнят, надеясь, что матки приплывут на их блеяние, ягнята блеяли, а матки не двигались с места. Такое положение длилось порой целый месяц, и скотопромышленник не знал, что делать с этой блеющей, ржущей и мычащей армией. И вдруг в один прекрасный день, неожиданно, словно по капризу, неизвестно почему и как, часть стада устремляется в реку, но тут возникает новое затруднение — невозможно помешать этому стаду беспорядочно бросаться в воду, ибо образуется давка, и многие животные, попав в стремнины, тонут.

Все это рассказал Сэм Митчелл. Во время его рассказа большая часть стада прошла перед путешественниками в полном порядке, и скотопромышленник поспешил стать во главе своей армии, чтобы выбрать лучшее место для пастбища. Он простился с лордом Гленарваном и его спутниками. Все крепко пожали ему руку, и он, вскочив на прекрасного туземного коня, которого держал под уздцы один из его слуг, через несколько мгновений исчез в облаке пыли.

Фургон снова двинулся в путь и остановился лишь вечером у подножия горы Тальбот. На привале Паганель справедливо напомнил, что нынче 25 декабря, то есть первый день рождества, — праздник, столь чтимый в английских семьях. Но мистер Олбинет не забыл этого: в палатке был сервирован изысканный ужин, заслуживший горячую похвалу всех присутствующих. И действительно, мистер Олбинет превзошел самого себя: он умудрился приготовить из имевшихся запасов целый ряд европейских кушаний, кото-

рые редко можно получить в пустынях Австралии. На этом достопримечательном ужине поданы были оленье ветчина, ломтики солонины, копченая семга, пудинг из ячменной и овсяной муки, чай в неограниченном количестве, виски в изобилии и несколько бутылок портвейна. Можно было вообразить, что находишься в столовой замка Малькольм-Касл, в глубине горной Шотландии.

Хотя на этом пиршестве всего было в изобилии, начиная от имбирного супа и кончая печеньем на десерт, все же Паганель счел нужным дополнить десерт плодами дикого апельсинового дерева, росшего у подножия соседнего холма. Надо признаться, апельсины эти были довольно безвкусны, а их семечки обжигали рот подобно кайенскому перцу. Географ из любви к науке упорно ел эти апельсины и так сильно ожег себе нёбо, что не мог отвечать майору на его многочисленные вопросы о своеобразии австралийских пустынь.

На следующий день, 26 декабря, не произошло ничего примечательного. На пути попались истоки реки Нортон, а вскоре полувysохшая река Мекензи. Погода стояла прекрасная, не слишком жаркая. Дул южный ветер, навевавший прохладу, как северный ветер в Северном полушарии. Паганель обратил на это внимание своего юного друга Роберта Гранта.

— Это очень благоприятно для нас, — сказал он, — ибо средняя температура более высока в Южном полушарии, чем в Северном.

— Почему? — спросил мальчик.

— Почему, Роберт? А разве ты никогда не слышал, что Земля зимой ближе всего к Солнцу?

— Слыхал, господин Паганель.

— И что зимой холод вызывается тем, что лучи солнца падают на землю более косо?

— Да, господин Паганель.

— Так вот, мой мальчик, по этой причине в Южном полушарии более жарко.

— Не понимаю, — с удивлением ответил Роберт.

— Подумай хорошенько, — продолжал Паганель. — Когда в Европе зима, то какое время года в Австралии, на другом полушарии?

— Лето, — ответил Роберт.

— Так вот, если в это время года Земля находится ближе всего к Солнцу... понимаешь?

— Понимаю.

— Значит, лето Южного полушария жарче лета Северного полушария именно благодаря близости к Солнцу.

— Теперь мне все ясно, господин Паганель.

— Итак, когда говорят, что Земля ближе всего к Солнцу «зимой», то это верно лишь в отношении нас, жителей Северного полушария.

— Вот это никогда не приходило мне в голову, — промолвил Роберт.

— Ну, так больше не забывай этого, мой мальчик.

Роберт с большой охотой выслушал этот маленький урок космографии и в заключение узнал, что средняя годовая температура в провинции Виктория достигает $+74^{\circ}$ по Фаренгейту ($+23,33^{\circ}$ по Цельсию).

Вечером отряд сделал привал в пяти милях от озера Лондейл, между горой Друмонд, поднимавшейся на севере, и горой Дройден, невысокая вершина которой вычерчивалась на южном небосклоне.

На следующий день в одиннадцать часов утра фургон добрался до берегов реки Уиммери, у сто сорок третьего меридиана.

Река, шириною в полмили, катила свои прозрачные воды между двумя рядами высоких акаций и камедных деревьев. Там и сям великолепные миртовые деревья простирали на высоте пятнадцати футов свои длинные плакучие ветви, пестревшие красными цветами. Множество птиц — иволги, зяблики, золотокрылые голуби, не говоря уже о болтливых попугаях, — порхали среди зеленых ветвей. Внизу, на глади вод, плескалась пара черных лебедей, пугливых и неприступных. Эти редкие птицы австралийских рек вскоре исчезли в излучинах Уиммери, причудливо орошавшей эту пленительную долину.

Между тем фургон остановился на ковре из зеленых трав, свисавших словно бахромы над быстрыми водами реки. Ни моста, ни парома нигде не было.

А перебраться было необходимо. Айртон начал искать удобного брода. В четверти мили вверх по течению река показалась ему менее глубокой, и он решил, что в этом месте можно перебраться на другой берег. Сделанные им в нескольких местах измерения показали, что глубина реки тут не превышала трех футов. Фургон мог, не подвергаясь никакому риску, пройти по такому неглубокому месту.

— А нет ли иного способа переправиться на тот берег? — спросил Гленарван у боцмана.

— Нет, сэр, — ответил Айртон, — но эта переправа кажется мне безопасной. Как-нибудь переберемся.

— Следует ли жене и мисс Грант выйти из фургона?

— Ни в коем случае. Мои быки крепки на ногу, и я берусь вести их по верному пути.

— Тогда отправляйтесь, Айртон, — сказал Гленарван, — я полагаюсь на вас.

Всадники окружили тяжелый фургон и смело вошли в воду. Обычно, когда переправляют повозки вброд, то к ним прикрепляют непрерывную цепь пустых бочек, чтобы поддерживать их на поверхности воды, но здесь этот спасательный пояс отсутствовал, и надо было положиться на чутье быков и на осторожность Айртона. Последний, сидя на козлах, направлял упряжку, майор и два матроса рассекали быстрое течение, пробираясь в нескольких саженях впереди. Гленарван и Джон Манглс держались по обеим сторонам фургона, готовые ежеминутно прийти на помощь путешественницам. Паганель и Роберт замыкали шествие.

Все шло хорошо до середины Уиммери. Но тут глубина увеличилась, и вода поднялась выше осей. Быки, отнесенные течением в сторону от брода, могли потерять дно под ногами и увлечь за собой качавшийся фургон. Айртон отважно соскочил в воду и, схватив быков за рога, заставил их вернуться к броду.

В эту минуту фургон неожиданно натолкнулся на что-то, раздался треск, он накренился, вода залила ноги путешественниц, и, несмотря на все усилия Гле-

нарвана и Джона, уцепившихся за дощатую стенку фургона, его начало относить течением. Минута была опасная.

К счастью, вся упряжка быков мощно рванулась вперед и потащила за собой фургон. Вскоре быки и лошади ощутили под ногами подъем, ведущий к берегу, и животные и люди, промокшие, но довольные, очутились в безопасности на другом берегу.

Однако от толчка у фургона сломался передок, и лошадь Гленарвана потеряла передние подковы.

Надо было немедленно исправить эти повреждения. Путешественники смущенно переглядывались, не зная, что предпринять; тогда Айртон предложил съездить на стоянку Блек-Пойнт, расположенную в двадцати милях севернее, и привезти оттуда кузнеца.

— Поезжайте, конечно поезжайте, милейший Айртон, — сказал Гленарван. — Сколько вам потребуется времени, чтобы съездить туда и обратно?

— Часов пятнадцать, не больше, — ответил Айртон.

— Ну, так отправляйтесь, а мы в ожидании вашего возвращения расположимся лагерем на берегу Уиммери.

Несколько минут спустя боцман верхом на лошади Вильсона исчез в густых зарослях мимоз.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Берк и Стюарт

Остаток дня прошел в разговорах и прогулках. Путешественники бродили по берегам Уиммери, беседуя и восхищаясь красотой местности. Пепельно-серые журавли, ибисы взлетали с хриплыми криками при их приближении, птица атлас искала приюта в верхних ветвях дикого фигового дерева, иволги, чеканы-каменщики и еrimaques порхали между великолепными стеблями лилейных растений, а зимородки прекращали обычную рыбную ловлю, и лишь более цивилизованные попугаи — blue-monutain, и сверкающий всеми

цветами радуги маленький рошил с пунцовой головкой и желтой грудкой, и лори с красно-голубым оперением, сидя на вершинах цветущих камедных деревьев, продолжали свою оглушительную болтовню.

То лежа на траве у тихо журчащих вод, то блуждая наудачу по рощицам мимоз, путешественники любовались этой чудной природой до самого заката солнца. Ночь, наступившая после коротких сумерек, застигла их в полумиле от лагеря. Они вернулись к нему, руководясь не Полярной звездой, невидимой в Южном полушарии, а созвездием Южного Креста, сверкавшим на горизонте. Мистер Олбинет приготовил ужин в палатке. Все уселись за стол. Наибольший успех имело рагу из жареных попугаев, ловко подстреленных Вильсоном и искусно приготовленных стюардом.

Покончив с ужином, стали искать предлога по-дольше не ложиться спать в эту чудесную ночь. Леди Элен, к общему удовольствию, попросила Паганеля рассказать о знаменитых путешественниках, исследовавших Австралию, что было им уже давно обещано.

Паганель не заставил долго себя просить. Его слушатели растянулись у подножия великолепной банксии; вскоре дым сигар забелел в листве, тонувшей в ночном мраке, и географ, полагаясь на свою неистощимую память, начал рассказ:

— Вы, конечно, помните, друзья мои, — особенно вы, майор, — имена путешественников, о которых я говорил на борту «Дункана». Из всех, кто пытался проникнуть вглубь материка, только четверем удалось пересечь его с юга на север и с севера на юг. Это были Берк — в тысяча восемьсот шестидесятом и тысяча восемьсот шестьдесят первом годах, Мак-Кинлей — в тысяча восемьсот шестидесятом и тысяча восемьсот шестьдесят втором годах, Ленсборо — в тысяча восемьсот шестьдесят втором и Стюарт также в тысяча восемьсот шестьдесят втором году. О Мак-Кинлее и Ленсборо я сообщу очень мало. Первый прошел от города Аделаида до залива Карпентария, второй — от залива Карпентария до Мельбурна. Оба они были посланы

австралийскими организациями на поиски Берка, который больше не возвращался и которому не суждено было вернуться.

Берк и Стюарт — вот имена двух исследователей Австралии, о которых я без дальнейших предисловий собираюсь вам рассказать.

Двадцатого августа тысяча восемьсот шестидесятого года Мельбурнское Королевское общество отправило экспедицию, во главе которой стоял Роберт О'Гара Берк, бывший ирландский офицер. Его сопровождало одиннадцать человек: Вильям Джон Уилс, выдающийся молодой астроном, доктор Беклер, ботаник Грей, молодой военнослужащий индусской армии Кинг, затем Ландельс, Браге и несколько сипаев. Двадцать пять лошадей и двадцать пять верблюдов несли на себе путешественников, их багаж и съестные припасы на восемнадцать месяцев.

Экспедиция направлялась на северное побережье, к заливу Карпентария, но предварительно должна была исследовать берега реки Куперс-Крика¹. Экспедиция беспрепятственно пересекла Муррей и Дарлинг и достигла поселения Менэндье на границе колоний. Здесь стало очевидно, что громоздкий багаж обременителен. Это обстоятельство и несколько резкий характер Берка внесли разлад между членами экспедиции. Ландельс, ведущий верблюдов, отделился и вместе с несколькими погонщиками-индусами вернулся к Дарлингу. Берк продолжал продвигаться вперед. Идя то по великолепным, обильно орошаемым пастбищам, то по каменистым, безводным дорогам, он дошел до реки Куперс-Крика. Двадцатого ноября, после трехмесячного странствования, Берк впервые устроил на берегу этой реки склад провианта.

Здесь путешественники на некоторое время задержались, отыскивая подходящую дорогу на север, такую, где можно было бы найти воду. С большими трудностями они добрались до места, которое называли форт Уилс. На этом пункте, находящемся на полпути

¹ К р и к и — русла внутренних рек, которые остаются сухими большую часть года, исключая время дождей.

между Мельбурном и заливом Карпентария, они устроили сторожевой пост и обнесли его изгородью. Берк разделил свой отряд на две части. Одному отряду, возглавляемому Браге, предстояло остаться во вновь созданном форте в течение трех месяцев и больше, если хватит провианта, и ожидать возвращения другого отряда. Второй отряд состоял только из Берка, Кинга, Грея и Уилса. Они взяли с собой шесть верблюдов и съестных припасов на три месяца, а именно: три центнера муки, пятьдесят фунтов риса, пятьдесят фунтов овсяной муки, один центнер сушеного лошадиного мяса, сто фунтов соленой свинины и сала, а также тридцать фунтов сухарей. Взятых продуктов должно было хватить на путешествие в шестьсот лье в оба конца.

Эти четыре человека отправились в путь. После утомительного перехода через каменистую пустыню они достигли реки Эйр-Крик, конечного пункта, достигнутого в тысяча восемьсот сорок пятом году Стюартом, и отсюда, строго придерживаясь сто сорокового меридиана, они направились к северу.

Седьмого января под палящим солнцем они пересекли тропик. Часто их вводили в заблуждение соблазнительные миражи; еще чаще они страдали от жажды, утолить которую удавалось только в сильные грозы. Изредка они встречали бродячих туземцев, на которых у них не было оснований сетовать. В общем, их путь, не преграждаемый ни озерами, ни большими реками, ни горами, был не слишком труден.

Двенадцатого января на севере возникло несколько песчаных холмов, в том числе — гора Форбе, а за ними цепь гранитных гор. Здесь продвигаться было очень трудно: животные упрямылись, отказываясь идти вперед. «Мы все еще в области гранитных гор. Верблюды потекут от страха», — писал Берк в путевом дневнике. Однакож исследователи благодаря своей энергии добрались до берегов реки Тёрнер, а затем и до верхнего течения реки Флиндерс, где до них в тысяча восемьсот сорок первом году побывал Шток. Эта река течет среди двух рядов пальм и эвкалиптов и впадает в залив Карпентария.

Близость океана проявлялась множеством болотистых мест. Один из верблюдов погиб в болоте, остальные отказались идти дальше. Кингу и Грею пришлось остаться с ними. Берк и Уилс продолжали двигаться к северу и, преодолев ряд трудностей, о которых весьма смутно упоминается в их дневниках, достигли болотистого места, заливаемого морским приливом. Но самого океана они так и не увидели. Это произошло одиннадцатого февраля тысяча восемьсот шестьдесят первого года.

— Значит, им не удалось продвинуться дальше? — спросила Элен.

— Нет, мадам, — ответил Паганель. — Зыбкая болотистая почва уходила из-под ног, и пришлось вернуться к своим товарищам, оставшимся в форте Уилс. Грустное то было возвращение! Слабые, изнуренные, еле передвигая ноги, дотащились они до Грея и Кинга. Отсюда экспедиция, спускаясь к югу по уже пройденной дороге, направилась к реке Куперс-Крик. Нам неизвестны точно все перипетии, опасности, страдания этого путешествия, ибо в дорожном дневнике нет об этом записей, но, несомненно, оно было ужасно.

И действительно, в апреле в долину Купера прибыли уже только трое. Грей изнемог от тяжести пути и скончался. Четверо верблюдов погибли. Однако, доберись путешественники до форта Уилс, где их поджидал Браге со своим складом провианта, они были бы спасены.

Они удвоили усилия и тащились вперед еще несколько дней. Двадцать первого апреля показалась, наконец, ограда форта. Они вошли, и что же! В этот самый день, тщетно прождав их пять месяцев, Браге ушел из форта Уилс!

— Ушел? — воскликнул Роберт.

— Да, ушел, по роковой игре случая! Оставленная Браге записка свидетельствовала о том, что еще семью часами раньше он был здесь. Берк не мог и мечтать догнать его. Несчастные, брошенные на произвол судьбы, немного подкрепились оставленной на складе провизией. Но средств передвижения у них не было, а до реки Дарлинг оставалось еще полтораста лье.

Тогда Берк вопреки мнению Уилса решает идти к австралийским поселениям, расположенным у подножия горы Гопелес, в шестидесяти лье от форта Уилс. И вот трое путешественников пускаются в путь. Из двух уцелевших верблюдов один утонул в тинистом притоке Куперс-Крика, а второй так ослаб, что был не в силах сделать ни шагу; пришлось прикончить его и питаться его мясом. Вскоре припасы иссякли. Трое несчастных вынуждены были питаться только нарду — водяным растением, листья которого съедобны. Отдалиться от реки Куперс-Крика они не смеют, ибо кругом нет воды, взять же воды с собой им не в чем. Пожар уничтожает их хижину и их дорожные принадлежности. Они обречены на гибель! Им остается только умереть.

Берк подзывает к себе Кинга и говорит ему: «Мне осталось жить всего несколько часов. Вот мои часы и путевой дневник. Когда я умру, то прошу вас, вложите в мою правую руку пистолет и оставьте меня так лежать на земле, не хороните». Это были последние слова Берка. На следующий день в восемь часов утра он скончался. Растерянный, обезумевший Кинг бросился на поиски туземцев. Вернувшись, он застал мертвым также и Уилса. Кинга приютили туземцы. Там в сентябре месяце нашла его экспедиция Говита, которая одновременно с экспедициями Ленсборо и Мак-Кинлея послана была на розыски Берка. Таким образом, из четырех исследователей, пересекших Австралийский материк, уцелел лишь один...

Рассказ Паганеля произвел на всех слушателей тяжелое впечатление. Каждый думал о капитане Гранте, который, быть может, подобно Берку и его спутникам, скитался по этому роковому матерiku. Удалось ли потерпевшим кораблекрушение избежать страданий, выпавших на долю отважных исследователей? Это сопоставление было столь естественно, что слезы заблестели на глазах Мери Грант.

— Отец мой, бедный мой отец!.. — прошептала она.

— Мисс Мери, мисс Мери! — воскликнул Джон Манглс. — Чтобы испытать все эти опасности, нужно отважиться проникнуть вглубь материка! Капитан

Грант, как Кинг, попал к туземцам, и так же, как Кинг, он будет спасен! Ваш отец никогда не находился в таких страшных условиях.

— Никогда, — подтвердил Паганель. — Повторяю вам, дорогая мисс Мери, что австралийцы очень гостеприимны.

— О, если бы это было так! — промолвила молодая девушка.

— Ну, а Стюарт? — спросил Гленарван, желая отвлечь товарищей от этих грустных мыслей.

— Стюарт? — переспросил ученый. — О, ему более повезло! Еще в тысяча восемьсот сорок восьмом году Джон Мак-Дуаль-Стюарт предпринял первое путешествие по Австралии, сопровождая своего однофамильца в пустыню, простирающуюся к северу от Аделаиды. В тысяча восемьсот шестидесятом году Стюарт с двумя спутниками тщетно пытался проникнуть вглубь Австралии. Однако это был человек настойчивый. Первого января тысяча восемьсот шестьдесят первого года он во главе одиннадцати смельчаков вышел из Чемберс-Крика и остановился всего в шестидесяти лье от мыса Карпентария, но пересечь до конца этот опасный материк ему, из-за недостатка съестных припасов, не удалось, и он вернулся в Аделаиду.

Однако Стюарт отважился еще раз попытать счастья и организовал третью экспедицию, которой удалось достигнуть цели, к коей он столь пылко стремился.

Парламент Южной Австралии поддержал это новое начинание и постановил выдать Стюарту субсидию в две тысячи фунтов стерлингов. Стюарт, обладая уже опытом исследователя, тщательно готовился к этой экспедиции. Друзья его — естествоиспытатель Уотергоуз, Фринг, Кэжунк, а также его бывшие спутники — Вудфорд, Олд и другие, всего десять человек, — присоединились к нему. Он взял с собой двадцать бурдюков из американской кожи, вместимостью по семь галлонов воды каждый, и пятого апреля тысяча восемьсот шестьдесят второго года экспедиция в полном составе уже достигла бассейна Ньюкасл-Уотерс, перейдя восемнадцатую параллель в том самом месте, дальше которого Стюарт не смог продвинуться. Дальнейший

путь экспедиции проходил приблизительно вдоль сто тридцать первого меридиана, то есть в семи градусах к западу от маршрута Берка.

Базой для дальнейших исследований должен был служить бассейн Ньюкасл-Уотерс. Тщетно Стюарт старается пройти через окружающие его густые леса на север и северо-восток. Так же безуспешны были попытки достичь на западе реки Виктории; непроходимая чаща кустарников преграждала все пути. Тогда Стюарт решил перенести лагерь, и ему удалось раскинуть его несколько северней, у Говеровых болот. Отсюда, идя на восток, он наталкивается на своем пути среди равнин, поросших травой, на ручей Дейли и проходит вверх по его течению приблизительно миль на тридцать.

Местность становится чудесной: ее пастбища восхитили и обогатили бы любого скваттера; эвкалипты вздымали здесь свои вершины на огромную высоту. Восхищенный Стюарт продолжал идти вперед. Он достиг берегов реки Странгуэйс и ее притока Ропер-Крик, открытого Лейхардтом; воды этих рек струились среди великолепных пальмовых рощ, достойных детищ этого тропического края. Здесь жили туземные племена. Они радушно приняли исследователей.

Отсюда экспедиция направляется на северо-северо-запад, разыскивая среди почвы, покрытой песчаником и железистыми горными породами, истоки реки Адилейд, впадающей в залив Ван-Димена. Путь экспедиции проходил по области Арнхемленда, среди зарослей дикой капусты, бамбука, сосен и панданусов. Река Адилейд расширяется, берега становятся болотистыми. Океан близок.

Во вторник, двадцать второго июля, Стюарт разбивает лагерь среди болот Фриш-Уотер. Продвижение экспедиции очень затрудняют бесчисленные ручьи, и он посылает трех спутников на поиски более удобных дорог. На следующий день, то идя в обход непроходимых водоемов, то увязая в топях, Стюарт выбрался на плоскогорье, местами поросшее травой, местами пересекемое группами камедных деревьев и каких-то деревьев с волокнистой корой. В воздухе носились

стаи ибисов, гусей и каких-то очень пугливых водяных птиц. Туземцев вблизи не было, лишь вдали виднелись дымки их кочевий.

Двадцать четвертого июля, через девять месяцев после выезда из Аделаиды, Стюарт, желая в этот же день достигнуть берега океана, отправляется в восемь часов двадцать минут утра на север. Дорога шла отлого, в гору, почва была усеяна кусками железной руды, и всюду высились вулканического происхождения скалы. Деревья стали низкорослыми типа приморских. Перед глазами предстала вдруг широкая наносная долина, окаймленная деревьями. Стюарт отчетливо слышал шум океанского прибоя, но ничего не сказал своим спутникам. Они вошли в густую поросль ветвей дикого винограда. Стюарт сделал несколько шагов — и вот он на берегу Индийского океана!

«Море, море!» — вскричал изумленный Фринг.

Прибежали остальные члены экспедиции и троекратным «ура» приветствовали Индийский океан.

Австралийский материк был пересечен в четвертый раз. Стюарт, согласно обещанию, которое он дал губернатору, сире Ричарду Макдоналю, омыл ноги, лицо и руки в волнах Индийского океана и вернулся в долину, а на одном из деревьев вырезал свои инициалы: «М. Д. С.».

У ручья раскинули лагерь. На следующий день Фринк отправился на разведку: следовало выяснить, можно ли с юго-запада подойти к устью реки Адилейд. Но почва была слишком топкой для лошадей, и пришлось отказаться от этого намерения.

Тогда Стюарт выбрал на прогалине высокое дерево, срубил нижние ветви и на верхушке поднял австралийский флаг. На коре дерева он вырезал следующие слова: «Рой землю с южной стороны, на расстоянии фута».

И если какой-нибудь путешественник когда-либо разроет землю в указанном месте, то найдет там жестяную коробку с документом, каждое слово которого неизгладимо врезалось в мою память:

«Великое исследование и переход с юга на север Австралии.»

Исследователи, возглавляемые Джоном Мак-Дуаль-Стюартом, достигли этого места двадцать пятого июля тысяча восемьсот шестьдесят второго года, после того как пересекли Австралийский материк от Южного моря до берега Индийского океана, пройдя через центр страны. Они покинули город Аделаиду двадцать шестого октября тысяча восемьсот шестьдесят первого года, а последний населенный пункт английских колоний в северном направлении — двадцать первого января тысяча восемьсот шестьдесят второго года. В память этого счастливого события они подняли здесь австралийский флаг с начертанным на нем именем главы экспедиции. Все обстоит благополучно. Бог храни королеву!»

Ниже следуют подписи Стюарта и его спутников.

Так было увековечено это важное событие, нашедшее отклик во всем мире.

— А эти мужественные люди встретились вновь со своими друзьями на юге? — спросила леди Элен.

— Да, мадам, — ответил Паганель, — добрались до юга все, но не без труда! Больше всех пострадал Стюарт. Когда он двинулся в обратный путь, то здоровье его было расшатано цынгой. В начале сентября болезнь стала настолько прогрессировать, что Стюарт уже не надеялся добраться живым до населенных мест; он был не в силах держаться в седле и подвигался вперед, лежа на носилках, подвешенных между двумя лошадьми. В конце октября у него началось кровохарканье, совершенно его истощившее. Убили одну лошадь, чтобы сварить ему бульон. Двадцать восьмого октября Стюарт почувствовал, что умирает, но наступил спасительный кризис, и десятого декабря маленький отряд в полном составе достиг первого населенного места. Семнадцатого декабря Стюарт совершил въезд в Аделаиду и был встречен восторженными приветствиями жителей. Но здоровье его было уже подорвано, и немедленно после получения большой золотой медали от Географического общества он на судне «Инд» отплыл в свою любимую Шотландию, где мы его увидим по возвращении из Австралии.

— Этот человек, — заметил лорд Гленарван, — наделен был необычайной нравственной силой, которая превосходила даже его силы физические. Это всегда способствует свершению великих подвигов. Шотландия вправе им гордиться.

— А после смерти Стюарта никто из путешественников не пытался делать новые открытия? — спросила леди Элен.

— Пытались, — ответил Паганель, — я уже не раз упоминал о Лейхардте. Этот путешественник еще в тысяча восемьсот сорок четвертом году совершил замечательное путешествие на север Австралии. В тысяча восемьсот сорок восьмом году он предпринял вторую экспедицию, на этот раз на северо-восток Австралии. В течение семнадцати лет о нем ничего не было слышно. В прошлом году знаменитый ботаник, доктор Мюллер из Мельбурна, предпринял сбор пожертвований для снаряжения экспедиции на поиски Лейхардта. Нужная для экспедиции сумма была быстро собрана, и отряд отважных скваттеров во главе с умным и предприимчивым Мак-Индром двадцать первого июня тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года отправился из Парао. Сейчас, когда я рассказываю об этой экспедиции, она, вероятно, уже далеко углубилась внутрь страны. Пусть поиски Лейхардта увенчаются успехом, пожелаем же и ему и нам отыскать дорогих друзей!

Этими словами географ закончил свое повествование. Час был поздний. Слушатели разошлись. Несколько минут спустя все спокойно спали, и только птица-часы, укрывшись в листве белого камедного дерева, равномерно отбивала секунды этой безмятежной ночи.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Железная дорога из Мельбурна в Сэндхорст

Майор с неудовольствием узнал, что Айртон покидает лагерь, чтобы отправиться за кузнецом на стоянку Блэк-Пойнт. Но он ни словом не обмолвился о

своем недоверии к бывшему боцману, а ограничился наблюдением за окрестностями реки. Ничем не нарушаемое спокойствие царило окрест. Прошла короткая ночь, и над горизонтом снова засияло солнце.

Что касается Гленарвана, то он опасался лишь одного: как бы Айртон не вернулся один, без рабочего, в таком случае фургон останется сломанным и нельзя будет продолжать путь. Это задержит на несколько дней экспедицию, а Гленарван, которому не терпелось поскорее добиться успеха, не допускал никаких промедлений.

К счастью, Айртон не потратил зря ни своего времени, ни своих усилий. Он явился на следующий день на рассвете, его сопровождал человек, назвавшийся кузнецом стоянки Блэк-Пойнт. Это был рослый, крепкий парень, в лице его было что-то отталкивающее и зверское, что отнюдь не располагало в его пользу. В сущности это было не важно, если только он знал свое ремесло. Во всяком случае, он был чрезвычайно молчалив и слов даром не тратил.

— Хороший он кузнец? — спросил Джон Манглс боцмана.

— Я знаю его не больше вашего, капитан, — ответил Айртон. — Посмотрим.

Кузнец принялся за работу. По тому, как он чинил фургон, можно было заключить, что он знает свое дело. Работал он ловко, проявляя незаурядную силу. Майор заметил, что кожа вокруг его запястья сильно воспалена, представляя кольцо черноватой запекшейся крови. Это указывало на недавнее ранение, которое плохо скрывали рукава дешевой шерстяной рубашки. Мак-Наббс спросил кузнеца о происхождении этих, очевидно очень болезненных, ссадин, но тот ничего не ответил и продолжал работать.

Через два часа фургон был починен. Лошадь Гленарвана кузнец подковал очень быстро, так как догадался захватить с собой готовые подковы. Эти подковы имели особенность, которая не ускользнула от глаз майора: с наружной стороны на них грубо был вырезан трилистник. Мак-Наббс указал на это Айртону.

— Это клеймо станции Блэк-Пойнт, — пояснил боцман. — Оно помогает находить следы убежавших со стоянки лошадей и не путать их с чужими.

Подковав лошадь Гленарвана и получив плату за работу, кузнец ушел, произнеся за все время не более четырех слов.

Полчаса спустя путешественники снова тронулись в путь. Из-за росших по сторонам мимоз открывались обширные пространства, вполне заслуживавшие местное название: опенплейн — «открытая равнина». Там и сям среди кустов, высоких трав и изгородей, внутри которых паслись многочисленные стада, валялись обломки кварца и железистых горных пород. Несколькими милями далее колеса фургона стали довольно глубоко врезаться во влажный грунт. Здесь журчали извилистые ручьи, полускрытые зарослями гигантских тростников. Далее пришлось огибать обширные лагуны, высыхающие от солнца. Путешествие проходило гладко и, надо добавить, нескучно.

Леди Элен, вследствие ограниченных размеров «салона», поочередно приглашала к себе в гости всадников. Каждый из них не только отдыхал от верховой езды, но и приятно проводил время, беседуя с этой милой женщиной. Элен и Мери принимали гостей с очаровательной любезностью. Конечно, не был обойден этими ежедневными приглашениями и Джон Манглс, и его несколько серьезная беседа отнюдь не утомляла путешественниц. Напротив.

Продвигаясь таким образом, отряд пересек по диагонали почтовую дорогу из Краулэнда в Хорсгэм — дорогу очень пыльную, которую пешеходы обычно избегают. Близ границы округа Тальбот путешественники миновали ряд невысоких холмов и вечером разбили лагерь в трех милях севернее Мэриборо. Сеял мелкий дождь, и в любой иной стране он размыл бы почву, но здесь воздух настолько поглощал и впитывал в себя сырость, что в лагере нисколько не пострадали от дождя.

На следующий день, 29 декабря, отряд двигался несколько медленнее, ибо ехать пришлось по гористой местности, напоминавшей Швейцарию в миниатюре.

Все время надо было то взбираться на гору, то спускаться под гору, причем фургон так сильно трясло, что путешественники часть пути предпочли идти пешком, что было гораздо приятнее.

В одиннадцать часов подъехали к Карлсбруку, довольно значительному городу. Айртон предложил обогнуть город, не заезжая туда, чтобы выиграть время. Гленарван согласился с ним, но Паганель, всегда жадный к новым впечатлениям, очень хотел побывать в Карлсбруке. Ему предоставили эту возможность, а фургон медленно поехал дальше.

Паганель, по своему обыкновению, взял Роберта с собой. Они пробыли в Карлсбруке недолго, но даже этого кратковременного пребывания оказалось достаточно, чтобы составить себе точное представление об австралийских городах. В Карлсбруке был банк, здание суда, рынок, школа, церковь и сотня кирпичных, совершенно схожих между собой домов. Все это было расположено по английской системе — правильным четырехугольником, пересеченным параллельными улицами. Все было просто, но очень однообразно. По мере того как город разрастается, улицы его становятся длиннее, как штанишки подрастающего ребенка, и первоначальная симметрия отнюдь не нарушается.

В Карлсбруке царило большое оживление — обычное явление в этих лишь недавно возникших городах. В Австралии города вырастают, словно деревья под влиянием солнечного тепла. Люди, озабоченные делами, сновали по улицам. Торговцы золотом толпились у приисковых контор. Драгоценный металл под охраной местной полиции доставляли сюда с заводов Бендиго и горы Александр. Все эти люди, обуреваемые жаждой наживы, были так погружены в свои дела, что не обратили никакого внимания на приезд чужеземцев.

Паганель и Роберт, покружив час по городу, поехали вдоль тщательно возделанных полей догонять своих спутников. За этими полями потянулись обширные луга, называемые «Low Lewel plains», с бесчисленными стадами баранов и хижинами пастухов. Затем внезапно, как это часто бывает в Австралии, потяну-

лась пустыня. Симпсоновские холмы и гора Торангувер отмечали здесь южную границу округа Лоддон под сто сорок четвертым градусом долготы.

До этих пор экспедиция не встречала на своем пути туземных племен, ведущих первобытный образ жизни. Гленарвану уже приходило в голову, что в Австралии они встретят так же мало австралийцев, как в аргентинских пампах индейцев. Но Паганель успокоил его, сообщив, что дикие туземные племена кочуют главным образом по равнине у реки Муррей, милях в ста на восток.

— Мы приближаемся к стране золота, — сказал он. — Дня через два мы будем в богатейшем округе горы Александр. В тысяча восемьсот пятьдесят втором году туда потоком хлынули золотоискатели, и дикари вынуждены были уйти в пустыни Центральной Австралии. Мы с вами находимся теперь в цивилизованном крае, хотя это и не бросается в глаза; сегодня мы пересечем железную дорогу, соединяющую Муррей с океаном. Но должен признаться, друзья мои, что железная дорога в Австралии кажется мне явлением необычайным!

— Почему же, Паганель? — спросил Гленарван.

— Почему? Да потому, что это не под стать окружающему. Я знаю, что вы, англичане, привыкли колонизировать отдаленные владения, вы устраиваете телеграф и всемирные выставки в Новой Зеландии и смотрите на это как на дело самое обыденное. Но ум такого француза, как я, это приводит в замешательство и путает все его представления об Австралии.

— Это потому, что вы думаете о прошлом этой страны, а не о ее настоящем, — заметил Джон Манглс.

— Согласен, — ответил Паганель. — Но свист паровоза, мчащегося по пустыням, клубы пара, обволакивающие ветви мимоз и эвкалиптов, ехидны, утконосы и казуары, убегающие от курьерских поездов, дикари, которые в три часа тридцать отправляются в курьерских поездах из Мельбурна в Каслмейн, в Сандхурст или в Ичука, — все это изумит любого человека, если только он не англичанин и не американец. Вместе с вашей железной дорогой из пустыни прочь бежит поэзия.

— Пусть так, если на смену ей идет прогресс, — ответил майор.

Громкий свисток паровоза прервал спор. Путешественники находились не более как в миле от полотна железной дороги. Паровоз, пришедший малой скоростью с юга, остановился как раз там, где дорога, по которой ехал фургон, пересекала железнодорожный путь.

Эта железнодорожная линия, как сказал Паганель, соединяла столицу провинции Виктория с самой большой рекой Австралии — Муррей. Необъятная река эта, открытая в 1828 году Стюартом, берет свое начало в Австралийских Альпах и, впитав в себя воды рек Лахлан и Дарлинг, змеится вдоль всей северной границы провинции Виктория, впадая в бухту Энкауинтер, возле Аделаиды. Муррей протекает по цветущим, плодородным местностям, и благодаря удобному железнодорожному сообщению с Мельбурном вдоль ее берегов возникает все больше и больше скотоводческих хозяйств. В ту пору эта железнодорожная линия эксплуатировалась на протяжении ста пяти миль, от Сандхорста до Мельбурна, обслуживая Кайтен и Каслмейн. Дальнейший, строящийся участок, длиной в семьдесят миль, тянулся до Ичука, столицы провинции Риверина, основанной в этом самом году на берегу Муррея.

Тридцать седьмая параллель пересекала полотно железной дороги в нескольких милях севернее Каслмейна, у Кемден-Бриджа, моста, переброшенного через Люттон, один из многочисленных притоков Муррея.

Именно к этому месту и направил Айртон свой фургон, впереди которого галопом до Кемден-Бриджа скакали всадники. Их влекло туда также любопытство. Огромная толпа быстро неслась по направлению к железнодорожному мосту. Обитатели соседних поселений покинули дома, пастухи бросили стада, все запрудили подступы к полотну железной дороги. То и дело слышались крики:

— К железной дороге! К железной дороге!

Очевидно, это возбуждение вызвано было каким-то необыкновенным событием, может быть крупной катастрофой.

Гленарван и его спутники пришпорили лошадей и через несколько минут доскакали до Кемденского моста. Там они сразу поняли причину скопления людей.

Произошла ужасная катастрофа. Это было не столкновение поездов, а крушение поезда, которое напоминало самые крупные катастрофы, происходящие на американских линиях. Река, через которую переброшен был железнодорожный мост, была завалена обломками вагонов и паровоза. То ли мост не выдержал тяжести поезда, то ли поезд сошел с рельсов, но паровоз и пять из шести вагонов свалились в реку Люттон. Только последний вагон, чудом не свалившийся, ибо лопнула его цепь, стоял на рельсах в метре расстояния от пропасти. Внизу зловеще громоздились почерневшие, погнутые оси, обломки вагонов, исковерканные рельсы, обуглившиеся шпалы. Всюду вокруг валялись куски парового котла, разорвавшегося от сотрясения. Из этого нагромождения бесформенных обломков вырывались языки пламени, спирали пара, смешанные с клубами черного дыма. После ужасного крушения еще более ужасный пожар. Повсюду виднелись лужи крови, обуглившиеся оторванные конечности, обезображенные трупы. Никто не решался подсчитать, сколько жертв погребено под этими обломками.

Гленарван, Паганель, майор, Джон Манглс, смешавшись с толпой, прислушивались к тому, что говорилось вокруг. Каждый старался по-своему объяснить причину катастрофы.

— Мост подломился, — говорили одни.

— Какое там подломился, — возражали другие, — он и сейчас целехонек! Забыли, наверное, перед приходом поезда свести его, вот и все.

Действительно, мост был разводной, открывавший проход для речных судов. Неужели железнодорожный сторож, по непростительной небрежности, забыл свести мост и мчавшийся на всех парах поезд свалился в реку? Эта гипотеза казалась вполне правдоподобной, ибо если обломки половины моста валялись под разбитыми вагонами, то вторая половина его, отведенная на противоположный берег, все еще висела на совершенно

неповрежденных цепях. Итак, несомненно, катастрофа произошла из-за халатности железнодорожного сторожа.

Крушение произошло ночью с экспрессом номер тридцать семь, вышедшим из Мельбурна в одиннадцать часов сорок пять минут вечера. Было около четверти четвертого утра, когда поезд, выйдя за двадцать пять минут перед этим со станции Каслмейн, рухнул с Кемденского моста. Тотчас же пассажиры и служащие уцелевшего вагона попытались просить помощи пострадавшим, но телеграф, столбы которого валялись на земле, не работал. Каслмейнским властям понадобилось поэтому три часа, чтобы прибыть к месту крушения. Таким образом, только в шесть часов утра удалось начать спасательную работу под руководством главного инспектора колонии господина Мишеля и отряда полисменов во главе с полицейским офицером. Полисменам помогали скваттеры и их рабочие. Прежде всего занялись тушением огня, который с невероятной быстротой пожирал груды обломков. Несколько изуродованных до неузнаваемости трупов лежало на откосах полотна. Однако пришлось отказаться от мысли извлечь из такого пекла хотя бы одного человека. Огонь быстро довершил смертоносную работу крушения. Из всех пассажиров поезда, количество которых было неизвестно, уцелили лишь десять человек, ехавших в последнем вагоне. Управление железной дороги только что прислало за ними паровоз, чтобы доставить их обратно в Каслмейн. Тем временем лорд Гленарван, представившись инспектору, вступил с ним и с полицейским офицером в беседу. Последний был худощавый, высокий, невозмутимо хладнокровный человек. Если он и способен был что-либо чувствовать, то это никак не отражалось на его бесстрастном лице. Он отнесся к крушению, как математик к задаче, которую необходимо решить и определить неизвестное. Услыхав слова взволнованного Гленарвана: «Какое огромное несчастье!», он спокойно ответил:

— Хуже, чем несчастье, сэр.

— Хуже? — воскликнул Гленарван, неприятно пораженный этой фразой. — Что же может быть хуже подобного несчастья?

— Преступление, — спокойно ответил полицейский офицер.

Гленарван, не оспаривая этого слова, вопросительно взглянул на инспектора.

— Да, сэр, — отозвался главный инспектор, — расследование убедило нас, что катастрофа произошла вследствие преступления. Багажный вагон ограблен, на уцелевших пассажиров напала шайка из пяти-шести злоумышленников. Очевидно, мост не был сведен не по оплошности сторожа, а преднамеренно. Если сопоставить это обстоятельство с исчезновением железнодорожного сторожа, то можно не сомневаться, что этот негодяй был сообщником преступников.

Услышав это заключение главного инспектора, полицейский офицер отрицательно покачал головой.

— Вы не согласны со мной? — спросил инспектор.

— Нет, не согласен, поскольку речь идет о сообщничестве сторожа.

— Однако только при его соучастии можно допустить, что преступление совершено дикарями, бродящими по берегам Муррея, — возразил инспектор. — Если бы не его помощь, то туземцы, ничего не смыслящие в механизме моста, не могли бы развести его.

— Правильно, — сказал полицейский.

— Между тем, — продолжал инспектор, — показаниями некоего капитана установлено, что после того как его судно проплыло под Кемденским мостом в десять часов сорок минут вечера, этот мост согласно правилам был снова сведен.

— Совершенно верно.

— Таким образом, соучастие железнодорожного сторожа кажется мне неопровержимым.

Но полицейский офицер снова отрицательно покачал головой.

— Значит, сударь, вы полагаете, что туземцы не причастны к этому преступлению? — спросил Гленарван.

— Ни в коем случае.

— Но кто же виновен?

В это время в полумиле расстояния вверх по течению Муррея послышался гул голосов. Там собралась толпа, быстро возрастающая. Вскоре она приблизилась к мосту. В центре толпы шли два человека, несшие труп. То было окоченевшее тело железнодорожного сторожа. Удар кинжалом поразил его в сердце. Убийцы, оттащив тело своей жертвы подальше от Кемденского моста, очевидно, стремились направить первые розыски полиции по ложному пути.

Найденный труп полностью подтверждал предположения полицейского офицера: дикари были неповинны в преступлении.

— Люди, подстроившие это крушение, — сказал офицер, — хорошо знакомы с этой игрушкой.

И он показал ручные кандалы, сделанные из двух железных колец, замыкавшихся замком.

— Вскоре, — прибавил он, — я буду иметь удовольствие преподнести им этот браслет в виде новогоднего подарка.

— Так, значит, вы подозреваете...

— ...«бесплатных пассажиров» на судах ее величества.

— Что! Каторжников? — воскликнул Паганель, знавший, что в австралийских колониях эта метафора обозначает каторжников.

— Я полагал, что ссыльные не имеют права жительства в провинции Виктория, — заметил Гленарван.

— Вот еще! — отозвался полицейский офицер. — Они это право сами себе предоставили. Некоторым из этих молодчиков удастся бежать, и я не ошибусь, если скажу, что преступники прибыли сюда прямо-хонько с Пертской каторги. Но, поверьте, мы сумеем водворить их обратно.

Инспектор подтвердил жестом слова офицера. В эту минуту к переезду через полотно железной дороги подъехал фургон. Гленарван хотел избавить путешественниц от ужасного зрелища, он поспешно простился с инспектором и знаком пригласил своих друзей следовать за ним.

— Это не основание прерывать наше путешествие, — сказал он.

Подъехав к фургону, Гленарван сказал леди Элен, что произошла железнодорожная катастрофа, но умолчал о том, что она была следствием преступления. Не упомянул он также и о шайке беглых каторжников, решив сообщить об этом только Айртону. Затем маленький отряд перебрался через полотно железной дороги в нескольких сотнях метров выше моста и продолжал свой путь на восток.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Первая награда по географии

На горизонте, милях в двух от железной дороги, вырисовывались удлинённые профили нескольких холмов, замыкавших равнину. Фургон вскоре въехал в узкие, извилистые ущелья. Эти ущелья привели путешественников в очаровательную долину, где, разбившись на маленькие группы, росли, с поистине тропической роскошью, высокие деревья. Самыми замечательными среди них были казуарины, — они будто заимствовали у дуба его могучий ствол, у акаций — благоухающие грозди цветов, у сосны — жесткость сине-зеленых игл, с их ветвями сплетались причудливые конусообразные вершины стройных, редких по своему изяществу банксий — «*banksia latifolia*». Большие кусты с ниспадающими ветвями производили в этой чаще впечатление зеленого водопада, струящегося из переполненных водоемов.

Восхищенные взоры блуждали среди всех этих чудес природы, не зная, на чем остановиться.

Маленький отряд задержался на минуту. Айртон, по приказанию леди Элен, остановил упряжку быков, и огромные колеса перестали скрипеть по кварцевому песку. Густые зеленые ковры расстилались под деревьями, только какие-то правильные холмики разделяли их на достаточно отчетливые квадраты, напоми-

навшие большую шахматную доску. Паганель сразу узнал в этих одиноких зеленых квадратах поэтические места вечного упокоения. Он узнал эти четырехугольные могилы туземцев, следы которых ныне почти сплошь заросли травой и потому так редко попадают путешественнику на австралийской земле.

— Рощи смерти, — сказал он.

Действительно, перед глазами путешественников лежало кладбище туземцев, но такое свежее, такое тенистое, такое уютное, его так оживляли стаи порхающих птиц, что оно не навело грустных мыслей. Его легко можно было принять за райский сад той поры, когда бессмертие еще царило на земле. Казалось, что оно создано было для живых. Но могилы, некогда содержавшиеся дикарями в безукоризненном порядке, ныне уже исчезали под бурно нахлынувшими травами. Нашествие европейцев заставило туземцев уйти далеко от земель, где покоились их предки, и колонизация обрекала эти долины смерти под пастбища для скота. Поэтому такие рощицы встречаются все реже, и нога равнодушного путешественника часто ступает по земле, где покоится прах не так давно вымершего поколения.

Паганель и Роберт, опередив своих спутников, ехали по тенистым аллеям между заросшими травой могильными насыпями. Они разговаривали и просвещали друг друга, ибо географ утверждал, что ему очень многое дают беседы с юным Грантом. Но не проехали они и четверти мили, как лорд Гленарван заметил, что они остановились, затем спешили и наклонились к земле. Судя по их выразительным жестам, они рассматривали что-то чрезвычайно интересное.

Айртон погнал быков, и скоро фургон нагнал двух друзей. Причина их задержки и удивления сразу стала понятна. Под тенью великолепной банксии мирно спал мальчик-туземец лет восьми, одетый в европейское платье. О том, что мальчуган — уроженец центральных областей Австралии, красноречиво свидетельствовали его курчавые волосы, почти черная кожа, приплюснутый нос, толстые губы и необычно длинные руки; но

смышленное лицо ребенка и его одежда доказывали, что маленький австралиец уже приобщился к цивилизации.

Леди Элен очень заинтересовал мальчик, она вышла из фургона, и вскоре весь отряд окружил крепко спавшего маленького туземца.

— Бедное дитя! — проговорила Мери Грант. — Неужели он заблудился в этой пустыне?

— А я думаю, — ответила леди Элен, — что он пришел сюда издалека, чтобы посетить эти рощи смерти. Наверное, здесь покоятся те, кого он любил.

— Его нельзя здесь оставить, — заявил Роберт, — он ведь совсем один и...

Но сострадательная фраза Роберта осталась незавершенной: маленький австралиец, не просыпаясь, повернулся на другой бок, и, к величайшему удивлению, все увидели, что у него на спине плакат со следующей надписью:

«Толине. Должен быть доставлен в Ичуку под присмотром железнодорожного кондуктора Джеффри Смита. Проезд оплачен».

— Узнаю англичан! — воскликнул Паганель. — Они отправляют ребенка, словно какую-нибудь посылку, пишут на нем адрес, как на конверте. Мне говорили об этом, но я не верил.

— Бедняжка! — промолвила леди Элен. — Уж не был ли он в том поезде, который потерпел крушение у Кемден-Бриджа. Быть может, родители его погибли и он теперь сирота.

— Не думаю, — сказал Джон Манглс. — Этот плакат указывает как раз на то, что он путешествует один.

— Он просыпается, — сказала Мери Грант.

И действительно, ребенок просыпался. Он медленно открыл глаза и затем вновь закрыл их, ослепленный ярким дневным светом. Элен взяла его за руку, и мальчуган поднялся, удивленно глядя на путешественников. В первую минуту на лице ребенка отразился страх, но присутствие леди Элен, видимо, успокоило его.

— Понимаешь ли ты по-английски, дружок? — спросила его молодая женщина.

— Понимаю и говорю, — ответил мальчик на родном языке путешественников, но с сильным акцентом, напоминавшим акцент, с каким французы говорят по-английски.

— Как тебя зовут? — спросила Элен.

— Толине, — ответил маленький австралиец.

— А, Толине! — воскликнул Паганель. — Если я не ошибаюсь, на туземном языке это имя означает «древесная кора», не так ли?

Толине утвердительно кивнул головой и снова принялся разглядывать путешественниц.

— Откуда ты, дружок? — продолжала расспрашивать леди Элен.

— Я из Мельбурна и ехал в сандхордском поезде.

— Ты был в том поезде, который потерпел крушение на Кемденском мосту? — спросил Гленарван.

— Да, сэр, — ответил Толине, — но библейский бог спас меня.

— Ты путешествуешь один?

— Один. Высокоцитимый отец Пакстон поручил меня Джефри Смиту, но, увы! бедный кондуктор погиб.

— А ты никого, кроме него, не знал в этом поезде?

— Никого, сэр, но бог охраняет детей и не дает им погибнуть.

Толине говорил об этом так трогательно, что слова его хватали за сердце. Упомянув имя божье, он становился серьезным и глаза его начинали блестеть, и вы чувствовали, какая горячая вера жила в этой юной душе. Этот религиозный пыл в столь юном создании был легко объясним. Этот ребенок принадлежал к числу тех молодых туземцев, которых английские миссионеры окрестили и воспитали в строгих нравах методистской церкви. Его спокойные ответы, чистоплотность, скромная одежда придавали ему облик маленького священнослужителя.

Но куда брел мальчуган через эти пустынные места и почему покинул Кемденский мост? Элен спросила его об этом.

— Я возвращаюсь к моему племени в Лахлан, — пояснил Толине, — мне хочется повидать родных.

— Они австралийцы? — спросил Джон Манглс.

— Австралийцы из Лахлана, — ответил Толине.

— У тебя есть отец, мать? — спросил Роберт Грант.

— Да, брат мой, — ответил Толине, протягивая руку юному Гранту.

Роберта так сильно растрогало обращение «брат мой», что он расцеловал маленького австралийца, и мальчики сразу стали друзьями.

Между тем путешественников крайне заинтересовали ответы маленького дикаря; все уселись вокруг него. Солнце склонялось за верхушками деревьев. Место казалось удобным для стоянки, особенной надобности спешить не было, и Гленарван распорядился остановиться тут на привал. Айртон распряг быков, стреножил их с помощью Мюльреди и Вильсона и пустил пастись на свободе. Раскинули палатку. Олбигет приготовил обед. Толине согласился принять в нем участие, хотя не без некоторых церемоний, как ни был он голоден. Сели за стол. Мальчуганов посадили рядом. Роберт выбирал лучшие куски для нового товарища, и Толине принимал их с очаровательной застенчивостью.

Разговор между тем не умолкал. Каждого этот ребенок интересовал, и его засыпали вопросами. Путешественникам хотелось узнать его историю. Она была очень несложна. Прошлого Толине было подобно прошлому всех этих несчастных туземцев, отданных соседними туземными племенами в самом раннем возрасте на воспитание благотворительным обществам колоний. Австралийцы — народ кроткий. Они не относятся к английским захватчикам с такой яростной ненавистью, как новозеландцы и некоторые туземные племена Северной Австралии. Туземцев нередко можно встретить в больших городах: в Аделаиде, Сиднее, Мельбурне, прогуливающих в довольно примитивном одеянии; они торгуют мелкими кустарными изделиями, охотничьими и рыболовными принадлежностями, оружием, и некоторые вожди, из соображений несомненной экономии, охотно предоставляют своим детям возможность пользоваться выгодами английского образования.

Так поступили родители Толине, дикари обширного Лахланского края, раскинувшегося по ту сторону Мур-

рея. За пять лет пребывания в Мельбурне ребенок не видел никого из родных, и тем не менее неугасимая любовь к семье жила в сердце Толине и он не боялся тяжелого пути через пустыню, чтобы добраться до родного племени, быть может уже рассеянного по всему матерiku Австралии, к своей семье, быть может уже погибшей.

— А повидавшись с родителями, ты собираешься вернуться назад в Мельбурн, дитя мое? — спросила леди Элен.

— Да, мадам, — ответил Толине, с неподдельной нежностью глядя на молодую женщину.

— А чем хочешь ты заняться, когда вырастешь?

— Хочу вырвать моих братьев из нищеты и невежества: хочу научить их познать и любить бога. Я хочу стать миссионером.

Эти слова, произнесенные восьмилетним австралийцем с воодушевлением, рассмешили бы, вероятно, человека легкомысленного и поверхностного, но серьезные шотландцы поняли и оценили их. Их привело в восторг религиозное рвение этого юного существа, уже готового к борьбе. Паганель был тронут до глубины души и почувствовал подлинную симпатию к маленькому туземцу. А надо признаться, что до сих пор этот дикарь, одетый в европейское платье, был ему не очень по душе. Ведь Паганель явился в Австралию не для того, чтобы глядеть на австралийцев в сюртуке! Он хотел видеть их покрытых только обычной татуировкой. Эта «приличная» одежда мальчика сбивала его с толку. Однако восторженные слова Толине изменили мнение ученого, и он стал его поклонником.

Конец разговора должен был превратить почтенного географа в лучшего друга маленького австралийца. Когда Элен обратилась к Толине с вопросом, где он учится, тот сообщил, что он ученик Нормальной школы в Мельбурне, во главе которой стоит его преподобие Пакстон.

— Что же тебе преподают в этой школе? — спросила леди Гленарван.

— Мне преподают там ветхий завет, математику, географию...

— А! географию! — воскликнул с живостью Паганель.

— Да, сэр, — ответил Толине. — Я даже получил первую награду по географии перед январскими каникулами.

— Ты получил награду по географии, мой мальчик?

— Вот она, сэр, — проговорил Толине, вытаскивая книжку из кармана.

То была библия в хорошем переплете. На оборотной стороне первой страницы стояла надпись: «Нормальная школа в Мельбурне. Первая награда по географии ученику Толине из Лахлана».

И Паганель не выдержал! Подумать только: австралиец, хорошо знающий географию! Он был в восторге и расцеловал Толине в обе щеки, как, вероятно, поцеловал мальчика преподобный Пакстон в день раздачи наград. Однако Паганель должен был знать, что подобные случаи нередки в австралийских школах: юные дикари легко усваивают географию и охотно занимаются ею, чего никак нельзя сказать о математике, она дается им с трудом.

Толине удивила внезапная нежность ученого. Тогда леди Элен объяснила мальчику, что Паганель — знаменитый географ, к тому же выдающийся преподаватель.

— Преподаватель географии? — воскликнул Толине. — О сэр, проэкзаменуйте меня!

— Проэкзаменовать тебя, мой мальчик? — повторил Паганель. — Охотно! Я собирался сделать это даже помимо твоей просьбы. Мне очень интересно узнать, как преподают географию в Мельбурнской Нормальной школе.

— А что, Паганель, если Толине знает географию лучше вас? — спросил Мак-Наббс.

— Знает лучше секретаря Французского географического общества!..

И, поправив на переносице очки, выпрямившись во весь свой высокий рост, Паганель, как и подобает преподавателю, строго приступил к экзамену.

— Ученик Толине, встаньте!

Толине, который и без того стоял, принял более почтительную позу и стал ожидать вопросов географа.

— Ученик Толине, — продолжал Паганель, — назовите мне пять частей света.

— Океания, Азия, Африка, Америка и Европа, — ответил Толине.

— Прекрасно! Начнем же с Океании, поскольку в данный момент мы в ней находимся. Скажите, на какие части разделяется она?

— Она разделяется на Полинезию, Меланезию и Микронезию. Главные ее острова следующие: Австралия, принадлежащая англичанам; Новая Зеландия, тоже принадлежащая англичанам; Тасмания, принадлежащая англичанам; острова Чатам, Окленд, Макари, Кермадек, Макин, Мараки и прочие, также принадлежащие англичанам.

— Хорошо! — ответил Паганель. — А Новая Каледония, Сандвичевы острова, Менданские острова, Паумоту?

— Эти острова находятся под покровительством Великобритании.

— Как! Под покровительством Великобритании? — воскликнул Паганель. — Мне кажется, что — Франции...

— Франции? — удивленно спросил мальчуган.

— Эге-ге! — сказал Паганель. — Так вот чему вас учат в Мельбурнской Нормальной школе!

— Да, господин профессор. А разве это плохо?

— Превосходно, — ответил Паганель. — Итак, вся Океания принадлежит Англии. Это вопрос решенный. Ну, продолжим!

У Паганеля был полураздосадованный, полуудивленный вид, доставлявший глубокое удовольствие майору.

Экзамен продолжался.

— Перейдем к Азии, — сказал географ.

— Азия, — сказал Толине, — страна огромная. Столица ее — Калькутта. Главные города: Бомбей, Мадрас, Сингапур, Коломбо, острова: Лакадивские, Мальдивские и многие другие. Все принадлежат Англии.

— Хорошо, хорошо, ученик Толине. А что вы знаете об Африке.

— В Африке две главные колонии: на юге Капская со столицей Капштадтом, а на западе английские владения с главным городом Сьерра-Лионе.

— Прекрасный ответ! — сказал Паганель, которого начала забавлять эта англо-фантастическая география. — Я вижу, что преподавание у вас было поставлено как нельзя лучше. Что же касается Алжира, Марокко, Египта, то они, конечно, пропущены в английских атласах. Ну, а теперь я очень хотел бы поговорить об Америке.

— Америка делится на Северную и Южную, — начал Толине. — В первой Англии принадлежат: Канада, Новый Брунсвик, Новая Шотландия и Соединенные Штаты, под управлением губернатора Джонсона.

— Губернатора Джонсона? — воскликнул Паганель. — Преемник великого и доброго Линкольна, убитого безумным фанатиком — сторонником рабовладельцев? Чудесно! Лучше не может быть! Ну, а Южная Америка с Гвианой, с островами Фолклендскими, Шетландскими островами, Георгией, Ямайкой, Тринидадом и так далее и так далее — все это тоже принадлежит англичанам? Я не стану с тобою спорить об этом. Но, Толине, мне хотелось бы знать теперь твое мнение, или, вернее, мнение твоих преподавателей, о Европе.

— О Европе? — переспросил маленький австралиец, не понимавший, почему так горячится географ.

— Да, о Европе. Кому принадлежит Европа?

— Европа принадлежит, конечно, англичанам, — уверенно ответил мальчик.

— Я и сам так думал, — продолжал Паганель. — Но что именно входит в состав владений Англии в Европе, — вот что мне хотелось бы знать.

— Англичанам принадлежат Англия, Шотландия, Ирландия, Мальта, острова Джерсей, острова Ионические, Гебридские...

— Молодец, молодец, Толине! — перебил его Паганель. — Но ведь в Европе существуют другие государства, о которых ты забыл упомянуть, мой мальчик.

— Какие, сэр? — спросил, не смущаясь, мальчуган.

— Испания, Россия, Австрия, Пруссия, Франция...
— Это провинции, а не государства, — сказал Толине.

— Это уж слишком! — крикнул Паганель, срывая с носа очки.

— Конечно, провинции. Столица Испании — Гибралтар...

— Восхитительно! Чудесно! Бесподобно! Ну, а Франция? Я ведь француз, и мне хотелось бы знать, кому я принадлежу.

— Франция? Это английская провинция, — ответил спокойно Толине. — Главный город ее Калэ.

— Калэ! — воскликнул Паганель. — Как! Ты думаешь, что Калэ до сих пор принадлежит Англии?

— Конечно!

— И ты думаешь, что это столица Франции?

— Да, сэр. И там живет губернатор лорд Наполеон...

Тут Паганель разразился неудержимым смехом. Толине не успел закончить фразу. Мальчуган не знал, что и думать. Его спрашивали, он отвечал как можно лучше. Но нелепость его ответов нельзя было вменить ему в вину: он даже об этом не подозревал. Но юный австралиец не смутился, он серьезно выжидал, когда прекратится этот непонятный для него хохот.

— Вот видите, — смеясь, сказал майор, — я был прав, говоря, что ученик Толине превзойдет вас?

— Несомненно, милый майор, — ответил географ. — Так вот как преподают географию в Мельбурне! Подумать только: Европа, Азия, Африка, Америка, Океания — все, целый свет принадлежит англичанам! Черт возьми! При таком воспитании, я понимаю, что туземцы подчиняются англичанам... Ну, Толине, а луна? она как — тоже принадлежит англичанам?

— Она будет принадлежать им, — серьезно ответил маленький дикарь.

Тут Паганель вскочил — он больше не в силах был усидеть на месте. Его душил смех, он отбежал почти на четверть мили от лагеря и там смеялся вволю.

Во время отсутствия Паганеля Гленарван разыскал в своей дорожной библиотечке «Краткий очерк гео-

графии» Самуила Ричардсона. Эта книга очень популярна в Англии и дает несколько более точные сведения о земном шаре, чем мельбурнские преподаватели.

— Возьми эту книгу, дитя мое, — сказал Гленарван маленькому австралийцу. — У тебя несколько неправильные сведения по географии, их необходимо исправить. Я дарю тебе эту книгу на память о нашей встрече.

Толине молча взял книгу, стал внимательно ее рассматривать, недоверчиво качая головой и не решаясь сунуть ее в карман.

Тем временем совсем стемнело. Было уже десять часов вечера. Пора было подумать об отдыхе: ведь на следующий день нужно было встать на рассвете. Роберт предложил своему другу Толине половину своей постели; маленький туземец согласился.

Несколько минут спустя леди Элен и Мери Грант ушли в свой фургон, мужчины улеглись в палатке, и только доносившийся издали хохот Паганеля сливался с тихим, приятным щебетаньем сорок.

Но когда на следующее утро в шесть часов солнечные лучи разбудили спящих, они не нашли уже около себя австралийского мальчика. Толине исчез. Стремился ли он быстрее попасть в родной край, или его обидел смех Паганеля, этого никто не знал. Но Элен, проснувшись, нашла у себя на груди свежий букет мимоз, а Паганель обнаружил в кармане своей куртки «Географию» Самуила Ричардсона.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Рудники горы Александра

В 1814 году сэр Родерик Мерчисон, ныне президент Королевского географического общества в Лондоне, изучив очертание горной цепи, тянувшейся с севера на юг вдоль южного побережья Австралии, пришел к выводу, что существует сходство между нею и Уральским горным хребтом. Поскольку Уральский хребет золото-

носен, то геолог предположил, что драгоценный металл может встречаться и в австралийских горах. Он не ошибся. Действительно, два года спустя Мерчисону были присланы из Нового Южного Уэльса образчики золотой руды, и геолог уговорил многих корнуэльских рудокопов отправиться в золотоносные районы Новой Голландии.

Френсис Люттон нашел в Южной Австралии первые золотые самородки. Форб и Смит открыли первые золотые россыпи.

Лишь только разнесся слух об этих открытиях, как в Южную Австралию со всех частей света устремились золотоискатели: англичане, американцы, итальянцы, французы, немцы, китайцы. Однако лишь 3 апреля 1851 года Харгревс открыл чрезвычайно богатые залежи руды и предложил губернатору колонии Сидней Фитц-Рою за незначительную сумму в пятьсот фунтов стерлингов указать их месторождение. Предложение его не было принято, но слух об открытии Харгревса быстро распространился, и золотоискатели наводнили Соммерхилл и Ленис-Понд. Таким образом возник город Офир, который благодаря соседству с богатыми приисками быстро вырос и стал значительным центром.

До тех пор никто не интересовался провинцией Виктория, а между тем именно ей суждено было превзойти по богатству своих залежей все другие провинции.

Несколько месяцев спустя, в августе 1851 года, в провинции Виктория были найдены первые самородки, и вскоре в ее четырех округах: Балларат, Овенс, Бендиги и горы Александра — возникли обширные прииски. Все четыре округа были очень богаты рудой, но на реке Овенс обильные подпочвенные воды затрудняли добычу золота; в Балларате расчеты предпринимателей часто не оправдывались из-за разбросанности залежей золота; в Бендиги разработкам препятствовала каменная почва, и только на горе Александра все условия благоприятствовали добыче золота, и оно, расцениваясь по 1441 франку за фунт, продавалось прибыльней, чем где-либо на всем земном шаре.

Именно сюда, к месту, где так часто рушились целые состояния и гибло такое множество надежд, привела тридцать седьмая параллель кучку людей, искавших капитана Гранта.

Весь день 31 декабря путешественники ехали по чрезвычайно неровной дороге, измучившей и лошадей и быков; наконец, под вечер они увидели округлые вершины горы Александра. Лагерь разбили в узком ущелье этой невысокой горной цепи и, стреножив животных, пустили их пастись между глыбами кварца. Но это еще не был район золотых приисков. Лишь на следующий день, в первый день 1865 года, тяжелые колеса фургона заскрипели по дорогам этого золотосного края.

Жак Паганель и его спутники были в восхищении, что увидели эту знаменитую гору, носившую на местном наречии название Джебур. Сюда, к этой горе, стекались орды авантюристов, воров, честных людей, те, кто вешает, и те, кого вешают. При первых же слухах о «великом открытии» в золотом 1851 году жители — скваттеры, моряки — покинули города, пастбища, корабли. Золотая горячка приняла форму эпидемии, стала такой же заразной, как чума, и сколько людей погибло от нее тогда, когда уже считали, что держат счастье в руках! Шли толки, что расточительная природа посеяла в Австралии на двадцати пяти градусах широты многие миллионы. Настал день жатвы, и жнецы собрались, чтобы снять урожай.

Ремесло диггера, землекопа, преобладало над всеми другими, и если многие из пришельцев гибли, не выдерживая тяжелых трудов, то были такие, которые обогащались при первом же ударе заступы. О неудачниках молчали, о счастливых гремела молва, разнесшаяся потом по всем пяти частям света. Вскоре потоки авантюристов разных сословий наводнили берега Австралии. Только за последние четыре месяца 1852 года в Мельбурн приехали пятьдесят четыре тысячи эмигрантов — целая армия, но армия без вожда, недисциплинированная, армия, еще не одержавшая победы, — одним словом, пятьдесят тысяч мародеров самого отталкивающего пошиба.

В первые годы этого безумного опьянения повсюду царил неопишутый беспорядок; однако англичане, с присущей им настойчивостью, стали хозяевами положения. Туземная полиция и жандармерия перестали защищать интересы грабителей и стали на сторону людей честных. Произошел переворот, и Гленарвану не пришлось быть свидетелем сцен насилия 1852 года. С тех пор протекло тринадцать лет, и эксплуатация золотых россыпей стала производиться согласно строгой системе. Местами рудники были исчерпаны до дна. Золотые россыпи начали истощаться. Да и как могли не истощиться эти богатства природы, поскольку лишь с 1852 по 1858 год золотоискатели добыли из глубин викторианских рудников золота более чем на шестьдесят три миллиона фунтов стерлингов! Приток эмигрантов в связи с сокращением добычи золота значительно уменьшился, они бросились в еще не изведанные места, и открытые вскоре «Золотые поля» в Отаго, Мальборо и Новой Зеландии наводнились тысячами двуногих муравьев.

В одиннадцать часов прибыли в центр рудных разработок. Здесь вырос настоящий город с заводами, банками, церквями, казармами, коттеджами и редакциями газет. Не было нехватки и в гостиницах, фермах, виллах. Имелся даже театр, где места стоили по десять шиллингов, и он всегда был переполнен. В театре шла пьеса — «Франциск Обадия, или Счастливый рудокоп». Развязка пьесы такова: герой, уже потерявший надежду найти золото, при последнем ударе заступа наталкивается на небывалой величины самородок.

Гленарван, желая осмотреть обширные золотые прииски горы Александра, отправил фургон вперед под присмотром Айртона и Мюльреди, обещая нагнать его несколькими часами позднее. План этот привел в восторг Паганеля, и он, по своему обыкновению, взялся быть переводчиком и проводником своих спутников.

По его совету, первым делом направились к банку. Вымощенные широкие улицы тщательно поливались. Внимание привлекали гигантские рекламы различных золотопромышленных компаний. Одиночку-золотоискателя сменил союз власти и капиталов. Слышался шум

машин, промывавших песок и измельчавших драгоценный кварц.

За городскими постройками простирались золотые россыпи, иными словами — обширные земельные пустыни, где велись разработки. Здесь трудились рудокопы, нанятые и хорошо оплачиваемые золотопромышленными компаниями. Немыслимо было охватить глазом все видневшиеся вокруг ямы. Железо заступов вспыхивало на солнце, точно молнии. Среди рудокопов были люди самых различных национальностей. Они работали один подле другого на положении наемных людей.

— Не следует, однако, думать, — сказал Паганель, — что на австралийской земле перевелись азартные искатели золота. Конечно, большинство нанимается на работу к разным компаниям... Им ничего и не остается делать, ибо государство продало или сдало в аренду все золотоносные земли компаниям. Но тому, у которого ничего нет и который не может ни купить, ни арендовать золотоносную землю, остается еще один шанс разбогатеть.

— Какой? — спросила леди Элен.

— Удача при джемпинге, — ответил Паганель. — Даже мы, не имеющие никакого права на эти золотоносные россыпи, могли бы разбогатеть, если счастье улыбнется нам.

— Но каким образом? — поинтересовался майор.

— Благодаря джемпингу, о котором я имел уже честь вам говорить.

— А что такое джемпинг? — спросил майор.

— Это соглашение, вошедшее в силу среди рудокопов. Оно, правда, порой вызывает беспорядки и даже насилия, но власти бессильны отменить его.

— Рассказывайте, Паганель, — сказал Мак-Наббс, — не толките воду в ступе.

— Хорошо. Здесь существует правило, по которому любой находящийся в центре золотых приисков участок, где в течение суток не производилась работа (за исключением больших праздников), становится общественным достоянием. Первый, кто захватил такой участок, вправе разрабатывать его и разбогатеть, если

счастье улыбнется ему. Итак, Роберт, постарайся найти одну из таких брошенных ям, и она станет твоей!

— Господин Паганель, пожалуйста, не наводите моего брата на подобные мысли, — сказала Мери Грант.

— Я шучу, дорогая мисс, и Роберт отлично это понимает. Он — рудокоп? Никогда! Отрадно вскопать землю, переворачивать ее, обрабатывать, засеять, а затем пожать плоды своих трудов, но рыть ее подобно слепым кротам, чтобы извлечь несколько крупинок золота, — это жалкое ремесло, и тот, кто занимается этим, достоин сострадания...

Побывав в центральном пункте приисков и пройдя по участкам, почва которых состояла главным образом из кварца, глинистого сланца и песка и образовалась в процессе выветривания скал, путешественники подошли к банку.

Это было обширное здание, на фронтоне которого развевался английский флаг. Гленарван обратился к главному инспектору банка, и тот любезно согласился показать ему и его спутникам свое учреждение. В банке компании хранят золото, вырванное из недр земли.

Прошла та пора, когда рудокопа эксплуатировал колонист-торговец. Последний уплачивал ему на золотых россыпях пятьдесят три шиллинга за унцию и продавал унцию в Мельбурне за шестьдесят пять. Правда, торговец рисковал, переправляя золото, ибо по дорогам рыскали шайки грабителей и груз не всегда доходил до места назначения.

Инспектор показал посетителям любопытные образчики золотоносных пород и сообщил им ряд интересных подробностей о различных способах добычи золота.

— Обычно золото встречается в двух видах: золото россыпное и коренное. Его находят в руде либо смешанным с наносной почвой, либо заключенным в кварцевую породу. Поэтому при добыче золота соотносятся со свойствами почвы и производят раскопки либо поверхностные, либо глубокие. Золото россыпное

обычно находится на дне потоков, в долинах, оврагах и лежит соответственно своему объему: сначала зерна, потом пластинки, потом листочки. Коренное золото, находящееся в выветренной породе, добывают путем промывки. Оно образует то, что рудокопы именуют «кармашки», и бывает, что такой «кармашек» содержит целое состояние.

В горе Александра золото большей частью встречается в глинистых пластах и в расщелинах сланцевых скал. Здесь попадаются целые гнезда самородков.

Осмотрев различные образцы золота, посетители прошлись по минералогическому музею банка. Здесь были собраны и поименованы все образцы, из которых состоит почва Австралии, к каждому образцу был прикреплен ярлычок. Золото не является единственным богатством этой страны: Австралия по справедливости может быть названа огромным ларцем, в котором природа хранит свои драгоценности. За стеклами витрин сверкали белые топазы, могущие соперничать с топазами бразильскими, гранаты, рубины необыкновенной красоты — яркокрасные и розовые, сапфиры — бледно-голубые и темносиние, так же высоко ценимые, как сапфиры Малабара и Тибета, блестящие рутилы и, наконец, маленький алмаз, найденный на берегах Терона. Это была полная коллекция драгоценных камней, а за золотом для оправы ходить далеко не было необходимости. Оно было тут же в изобилии.

Поблагодарив инспектора за любезность, Гленарван простился с ним, а затем продолжал со своими спутниками осмотр золотых россыпей.

Как ни был Паганель равнодушен к благам сего мира, однако он то и дело бросал взгляд на землю. Это было выше его сил, и шутки его спутников не задевали его. Он ежеминутно нагибался, подымал то камешек, то кусок породы, то осколок кварца и, внимательно осмотрев, отшвыривал с пренебрежением. Это длилось в продолжение всей прогулки.

— Что с вами, Паганель? Потеряли вы что-нибудь? — спросил его майор.

— Конечно, потерял, — ответил ученый, — в этой стране золота и драгоценных камней, если вы ничего

не нашли, то, значит, потеряли. Не знаю почему, но мне очень приятно было бы увезти отсюда самородок весом в несколько унций, даже весом фунтов в двадцать, не более.

— А что бы вы сделали с ним, мой почтенный друг? — поинтересовался Гленарван.

— О, я сумел бы им распорядиться, я поднес бы его в дар моей родине, — ответил Паганель, — положил бы его в государственный банк Франции.

— И его приняли бы?

— Без сомнения, под видом железнодорожных облигаций.

Все поздравили Паганеля с его мыслью «облагодетельствовать» таким способом свою родину, а леди Элен пожелала ему найти самый крупный самородок в мире.

Так, весело разговаривая, путешественники обошли большую часть приисков. Всюду работы шли исправно, механически, но без воодушевления.

После двухчасовой прогулки Паганель заметил приличный трактир и предложил спутникам зайти туда и подождать фургон. Леди Элен согласилась, а так как сидеть в харчевне, ничего не заказывая, было неудобно, то Паганель потребовал у трактирщика принести какой-нибудь местный напиток.

Каждому принесли по кружке *ноблера*. В сущности это грог, но разница заключается в том, что вместо того, чтобы в большой стакан воды влить маленькую рюмку водки, здесь в большой стакан водки вливают маленькую рюмку воды, затем кладут сахар и пьют. Это было слишком по-австралийски, и, к удивлению трактирщика, посетители потребовали большой графин с водой, разбавили ноблер, превратив его в британский грог.

Затем заговорили о приисках и рудокопах. Паганель, очень довольный всем виденным, утверждал, однако, что было бы интересней побывать в этих местах в ту пору, когда гору Александра только что начинали разрабатывать.

— Земля, — пояснил он, — была тогда вся изрыта ямами, в которых кишело бесчисленное множество тру-

долюбивых муравьев, да еще каких трудолюбивых! Однако эмигранты переняли у муравьев только их пыл в работе, но, увы! не их предусмотрительность. Золото расточалось в кутежах, его пропивали, проигрывали; трактир, где мы сейчас находимся, был сущим адом. Игра в кости заканчивалась поножовщиной. Полиция была бессильна что-либо сделать, и не раз губернатор колонии вынужден бывал вызывать регулярные войска для усмирения разбушевавшихся золотоискателей. Однако ему удалось образумить их: он обязал каждого выбирать патент на право разработки здешних приисков и, не без труда, добился того, что здесь стало спокойнее и меньше беспорядков, чем в Калифорнии.

— Значит, золотоискателем может быть каждый? — спросила леди Элен.

— Да. Для этого не требуется получить степень бакалавра. Достаточно мускулистых рук. Гонимые нуждой, авантюристы являлись на прииски обычно без гроша, богатые — с заступом, бедные — с ножом, и все бросались копать землю с такой бешеной страстью, с какой они никогда не исполняли бы какого-нибудь честного ремесла. Какой своеобразный вид имели в ту пору эти золотоносные земли! Они были усеяны брезентовыми палатками, шалашами, хижинами, землянками, бараками из досок и ветвей. В центре возвышалась правительственная палатка, над которой развевался британский флаг. Вокруг располагались синие тиковые палатки государственных чиновников, дальше лавки менял, скупщиков золота, торговцев, спекулирующих и на богатстве и на нищете. Эти господа наживались наверняка. Посмотрели бы вы на этих длиннобородых золотоискателей в красных шерстяных рубашках, живших в грязи и сырости! Кругом стоял несмолкаемый гул от ударов кирок о землю, в воздухе носились зловонные испарения от разложившихся трупов животных. Густая пыль, словно облаком, окутывала несчастных, вызывая, конечно, высокую смертность. И будь климат Австралии менее здоровым, многие погибли бы от тифа. И если бы всем этим авантюристам удалось добиться успеха! Но страдания не

вознаграждаются, и если подсчитать, то окажется, что на одного разбогатевшего золотоискателя приходится сотня, две сотни, может быть даже тысяча, погибших в нужде и отчаянии.

— Не можете ли вы, Паганель, рассказать нам, каким способом они добывали золото? — спросил Гленарван.

— Очень просто, — ответил географ. — Первые золотоискатели промывали благородный металл почти так, как это делается еще и сейчас в Севеннах во Франции. В настоящее время золотопромышленные компании добывают золото иным способом: они добываются до истоков золота, до золотоносных жил, заключающих в себе самородки, пластинки и листочки, а первые золотоискатели довольствовались только промывкой золотоносных песков, — вот и все. Они рыли землю, брали те пласты, которые казались им наиболее богатыми золотом, а затем промывали их, добывая драгоценный металл. Промывка производилась посредством машины, заимствованной из Америки, в так называемой «люльке». Это был ящик длиной от пяти до шести футов, нечто вроде открытого гроба, разделенного на два отделения. В одном из этих отделений помещался ряд расположенных одно над другим решет, причем внизу ставились решета более частые. Второе отделение суживалось в нижней своей части. И вот на верхнее сито первого отделения сыпали золотоносный песок, лили на него воду и начинали качать люльку. В первом решете задерживались камешки, в следующих — руда и песок. Разжиженная земля уходила вместе с водой через второе отделение, суживающееся книзу. Вот какова была машина, какой тогда пользовались.

— Но ее еще надо было иметь, — заметил Джон Манглс.

— Обыкновенно машину покупали у разбогатевших или разорившихся золотоискателей или обходились без нее.

— А чем ее заменяли? — спросила Мери Грант.

— Железным листом, дорогая Мери, простым железным листом. Землю веяли, как пшеницу, с тою

лишь разницей, что вместо пшеничных зерен попадались иногда крупинки золота. В первый год золотой горячки многие золотоискатели разбогатели, не прибегая ни к какому иному оборудованию. Видите, друзья мои, то было замечательное время, хотя пара сапог стоила сто пятьдесят франков, а за стакан лимонада платили десять шиллингов. Ведь кто первый прибыл, тот и выиграл. Золото было повсюду в изобилии: на поверхности земли, на дне ручьев, даже на улицах Мельбурна — когда мостили, то пускали в дело золотоносный песок. Таким образом, за время с двадцать шестого января по двадцать четвертое февраля тысяча восемьсот пятьдесят второго года с горы Александра в Мельбурн доставлено было под охраной правительственных войск на восемь миллионов двести тридцать восемь тысяч семьсот пятьдесят франков драгоценного металла. Это составляет среднюю дневную добычу в сто шестьдесят четыре тысячи семьсот двадцать пять франков.

— Что составляет приблизительно сумму, отпускаемую на содержание русского императорского дома, — сказал Гленарван.

— Какой бедный человек! — заметил майор.

— А известны случаи внезапного обогащения? — спросила леди Элен.

— Некоторые известны.

— Вы знаете их? — спросил Гленарван.

— Конечно, знаю, — ответил Паганель. — В тысяча восемьсот пятьдесят втором году в округе Балларат найден был самородок весом в пятьсот семьдесят три унции, другой, в Джисленде, — весом в семьсот восемьдесят две унции, и там же в тысяча восемьсот шестьдесят первом году обнаружен был слиток в восемьсот тридцать четыре унции. Наконец, в том же Балларате некий рудокоп нашел самородок весом в шестьдесят пять килограммов. Это значит, что если фунт золота стоит тысячу семьсот двадцать два франка, то это составляет сумму в двести двадцать три тысячи восемьсот шестьдесят франков! Взмах лопаты, приносящий одиннадцать тысяч франков ежегодной ренты, вот это взмах!

— Насколько же возросла мировая добыча золота после открытия этих россыпей? — спросил Джон Манглс.

— Возросла колоссально, дорогой Джон. В начале столетия годовая добыча золота выражалась в сумме сорок семь миллионов франков, а в настоящее время в Австралии, Европе, Азии и Америке золота добывается на девятьсот миллионов, почти миллиард.

— Значит, возможно, господин Паганель, что на этом самом месте, где мы находимся, под нашими ногами скрыто много золота? — промолвил Роберт.

— Да, мой милый, целые миллионы! Мы топчем их. Но если мы их топчем, то только потому, что мы презираем золото.

— Значит, Австралия — счастливая страна? — заметил Роберт.

— Нет, Роберт, — ответил географ, — богатые золотом страны никогда не были счастливы. Они порождают лентяев, а не сильных и трудолюбивых людей. Вспомни Бразилию, Мексику, Калифорнию, Австралию, во что превратились они в девятнадцатом веке? Знай, мой мальчик: благоденствует не страна золота, а страна железа.

ГЛАВА ПЯТПАДЦАТАЯ

«Австралийская и Новозеландская газета»

2 января на восходе солнца путешественники миновали пределы золотonosного района и графства Тальбот. Теперь копыта лошадей ступали по пыльной почве графства Далхоуз. Несколько часов спустя отряд вброд переправился через речки Кальбоан и Кемпейс-Ривер между 144°35' и 144°45' долготы. Полдороги, отделявшей путешественников от цели, было уже пройдено. Еще пятнадцать дней столь же благополучного путешествия, — и маленький отряд достигнет берегов залива Туфолда.

Все были здоровы. Слова Паганеля относительно здорового климата Австралии сбывались, — почти никакой сырости и вполне терпимая жара. Лошади и быки тоже были в прекрасном состоянии.

Но после Кемден-Бриджа строй отряда несколько изменился. После того как Айртон узнал о том, что железнодорожная катастрофа была вызвана преступлением, он настоял на принятии некоторых мер предосторожности, которые до сих пор находил излишними. Теперь всадники не должны были упускать фургон из виду, а во время привалов кто-нибудь должен был стоять на карауле. Утром и вечером тщательно осматривали ружья. Несомненно, в окрестностях орудовала шайка злоумышленников, и хотя непосредственной опасности не было, тем не менее следовало быть начеку. Излишне говорить, что эти меры предосторожности были приняты без ведома Элен и Мери Грант: Гленарван не хотел пугать их. Конечно, эти меры были разумны. Неосторожность, даже простая беспечность могли обойтись слишком дорого. Впрочем, не один только Гленарван опасался злоумышленников — жители уединенных поселений и скваттеры на своих стоянках тоже принимали меры предосторожности против внезапных нападений. Дома уже с наступлением сумерек запирались наглухо. Собаки, спущенные с цепи, заливались лаем при приближении посторонних. У каждого пастуха, загонявшего на ночь огромные стада, висел на луке седла карабин. Весть о преступлении, совершенном на Кемден-Бридже, вызвала эти чрезвычайные меры, и многие колонисты, спавшие до тех пор с открытыми настежь дверями и окнами, теперь, как только смеркалось, уже запирали двери на все засовы.

Администрация провинций также приняла меры, свидетельствующие о бдительности и усердии. В окрестности отправлены были отряды туземных жандармов. Телеграммы доставлялись под охраной. До сей поры почтовая карета разъезжала по пустынным дорогам без конвоя, но в тот день, когда отряд путешественников пересекал большую дорогу из Килмора в Хиткот, то мимо, поднимая облака пыли, промчалась почтовая

карета, и Гленарван успел заметить блеснувшие карабины полисменов, скакавших рядом с ней. Можно было подумать, что вернулась та мрачная пора, когда вслед за открытием золотых россыпей на Австралийский материк хлынули подонки европейского общества.

В миле расстояния от килморской дороги фургон въехал в огромный, простиравшийся на сотни километров лес с гигантскими деревьями. Впервые после мыса Бернуилли путешественники попали в лес, занимающий площадь во много сот километров. У всех вырвался крик восторга при виде величественных эвкалиптов в двести футов высотой, с губчатой корой толщиной в пять дюймов. На стволах в двадцать футов в обхвате, изборожденных ручейками душистой смолы, не видно было ни единой ветки, ни единого сука, ни единого прихотливого отростка, даже узла. Будь эти стволы обточены токарем, и то они не были бы глаже. То была сотня одинаковых колонн, уходящих в небо. На огромной высоте эти колонны увенчивались капителями из круто изогнутых ветвей, на концах которых симметрично росли листья и крупные цветы, формой похожие на опрокинутые урны.

Под этой вечнозеленой завесой свободно веял ветер, высушивая почву. Деревья отстояли так далеко друг от друга, что между ними, словно по просеке, свободно проходили кони, стада быков, телеги. То была не лесная чаща с ее колючими кустами, не девственный лес, загроможденный свалившимися стволами, опутанный цепкими лианами, сквозь которые лишь топор да огонь в силах проложить дорогу пионерам. Ковер травы у подножия деревьев, завеса зелени на их вершинах, длинные, уходящие вдаль ряды стройных стволов, отсутствие тени, отсутствие прохлады, какой-то особенный свет, будто процеженный через тонкую ткань, однообразно расположенные пятна света, четкая игра бликов на земле создавали причудливое, избыточное неожиданностями зрелище. Лес Австралийского материка не похож на леса Нового Света. Эвкалипт *тара* — разновидность миртового дерева — преобладает среди древесных пород Австра-

лии. Если под этими зелеными сводами тень не густа и отсутствует полумрак, то это является своеобразной особенностью листьев этого дерева. Они обращены к солнцу не лицевой стороной, а ребром. Глаз видит эту необычную листву лишь в профиль. Поэтому лучи солнца проникают сквозь листву, словно через щели решетчатых жалюзи.

Все обратили на это внимание и были удивлены: почему столь своеобразно расположены листья? Конечно, с этим вопросом обратились к Паганелю, и он ответил, как человек, которого ничто не может поставить в тупик.

— Меня удивляет не эта странность природы, — ответил он: — природа знает, что делает, но меня удивляют ботаники, которые не всегда отдают себе отчет в том, что говорят. Природа не ошиблась, дав этим деревьям такую своеобразную листву, а вот люди заблуждаются, именуя их эвкалиптами.

— А что значит это слово? — спросила Мери Грант.

— По-гречески оно значит: *«Я хорошо покрываю»*. Ботаники попытались скрыть свою ошибку, назвав растение греческим словом, однако очевидно, что эвкалипт *«покрывает плохо»*.

— Вполне с вами согласен, любезнейший Паганель, — отозвался Гленарван. — Но все-таки объясните нам: почему листья растут таким образом?

— По вполне естественной и понятной причине, друзья мои. В этой стране, где воздух сух, где дожди редки, где почва иссушена, деревья не нуждаются ни в ветре, ни в солнце. Недостаток влаги вызывает у растений недостаток соков. Поэтому эти узкие листья, защищаясь от солнца и чрезмерных испарений обращают к солнцу не свою лицевую сторону, а ребро. Нег ничего умнее листа.

— И ничего более эгоистичного, — заметил майор, — они думают только о себе и совершенно забывают о путешественниках.

Все в душе согласилось с Мак-Наббсом, кроме Паганеля, который, вытирая потный лоб, ликовал, что ему довелось ехать под деревьями, не дающими тени. Но подобное расположение листвы имеет свои неудоб-

ства: переход через эти леса бывает очень продолжителен и мучителен, так как ничто не защищает путника от палящих лучей солнца.

В течение всего дня фургон катился между бесконечными рядами эвкалиптов. Ни одно четвероногое, ни один туземец не попались навстречу маленькому отряду. Только какаду сидели на вершинах этих гигантов деревьев, но на такой высоте, что их едва можно было разглядеть; их щебетанье доносилось как еле уловимое жужжание. Порой в отдалении между стволами пролетала стая попугайчиков, оживляя все вокруг разноцветным оперением. Но в общем глубокая тишина царила в этом огромном храме зелени, и лишь стук лошадиных копыт, несколько беглых слов, которыми порой перекидывались путешественники, скрип колес фургона да окрик Айртона, понукавшего ленивых быков, нарушали торжественную тишину.

Вечером разбили лагерь под эвкалиптами, на их стволах видны были явственные следы недавнего огня. Стволы этих гигантов походили на фабричные трубы, ибо огонь прожег весь ствол до самого верха. Однако, хотя от ствола оставалась лишь кора, дерево не погибало. Все же эта вредная привычка скваттеров и туземцев разводить костры у самого подножия деревьев постепенно уничтожает эти великолепные экземпляры, и в конце концов они исчезнут, подобно четырехсотлетним кедром Ливана, погибающим от небрежно зажигаемых вблизи лагерных костров.

Олбинет, по совету Паганеля, развел костер для приготовления ужина в одном из таких обгорелых полых стволов. Тяга получилась отличная, и весь дым уносило вверх, где он пропадал в темной листве.

На ночь приняли необходимые меры предосторожности: Айртон, Мюльреды, Вильсон и Джон Манглс по очереди охраняли лагерь.

Весь следующий день, 3 января, дорога тянулась все тем же бесконечным лесом с длинными симметричными рядами эвкалиптов. Казалось, ему и конца не будет. Однако к вечеру деревья поредели, и в нескольких милях впереди на небольшой поляне показался ряд домов, расположенных правильными рядами.

— Сеймур! — крикнул Паганель. — Это последний город провинции Виктория, через который мы проедем.

— Это большой город? — полюбопытствовала леди Элен.

— Это простое селение, мадам, — ответил Паганель, — но оно быстро превратится в город.

— А найдем мы там приличную гостиницу? — спросил Гленарван.

— Надеюсь, — ответил географ.

— Тогда направимся в Сеймур. Думаю, что наши отважные путешественницы рады будут поспать хоть одну ночь с удобствами.

— Мы с Мери согласны, дорогой Эдуард, — сказала Элен, — но только в том случае, если это не доставит лишних хлопот и не задержит нас в пути.

— Нет, нет, — ответил лорд Гленарван. — К тому же и быкам нашим надо отдохнуть, а завтра на рассвете мы снова двинемся в путь.

Было девять часов вечера. Луна склонялась уже к горизонту, и косые лучи ее тонули в тумане. Понемногу мрак сгущался. Весь отряд во главе с Паганелем вступил на широкие улицы Сеймура. Географ, казалось, всегда прекрасно знал местность, которую ему никогда не приходилось видеть; им руководил инстинкт, и он привел спутников прямо к гостинице «Северная Британия».

Лошадей и быков поставили на конюшню, фургон — в сарай, а путешественникам предоставили сравнительно хорошо обставленные комнаты. В десять часов вновь прибывшим подали ужин, к которому приложил руку мистер Олбинет. Паганель успел уже пройтись с Робертом по городу и о своей ночной прогулке рассказал весьма кратко: он ничего не видел.

Однако человек, менее рассеянный, заметил бы на улицах Сеймура какое-то необычайное оживление. Там и сям собирались группами обыватели, и число их мало-помалу все возрастало. Велись разговоры и у дверей домов. Люди тревожно расспрашивали о чем-то друг друга. Читали вслух утренние газеты, обсуждали их, спорили. Все это не ускользнуло бы даже от невни-

мательного наблюдателя. Но Паганель ничего не заметил.

Майор, не выходя в город, не переступив даже порога гостиницы, а только поговорив десять минут с словоохотливым хозяином мистером Диксоном, успел разузнать, в чем дело, но ни словом ни о чем не обмолвился.

После ужина, когда Элен Гленарван, Мери и Роберт Грант разошлись по комнатам, майор задержал остальных спутников и сказал:

— Обнаружены злодеи, вызвавшие крушение поезда на Сандхорстской железной дороге.

— Они арестованы? — поспешно спросил Айртон.

— Нет, — ответил Мак-Наббс, будто не замечая поспешности, с какой боцман задал вопрос (поспешности, впрочем, очень понятной при данных обстоятельствах).

— Тем хуже, — заметил Айртон.

— А кому же приписывают преступление? — спросил Гленарван.

— Читайте, — сказал майор, протягивая Гленарвану выпуск «Австралийской и Новозеландской газеты», — и вы убедитесь в том, что главный инспектор не ошибался.

Гленарван прочел вслух следующее:

«Сидней, второго января тысяча восемьсот шестьдесят шестого года. Наши читатели, наверное, помнят, что в ночь с двадцать девятого на тридцатое декабря прошлого года произошло крушение поезда у Кемден-Бриджа, в пяти милях, на перегоне от станции Каслмейн до Мельбурна. Ночной курьерский поезд, вышедший из Мельбурна в одиннадцать часов сорок пять минут вечера и мчавшийся на всех парах, свалился в реку Люттон, так как Кемденский мост был разведен. Ограбление пассажиров, труп железнодорожного сторожа, найденный в полумиле от Кемденского моста, все это свидетельствовало, что крушение было следствием преступления, и действительно, расследование установило, что преступление совершено шайкой каторжников, бежавших полгода тому назад из Перт-

ской исправительной тюрьмы в Западной Австралии, в момент, когда их переправляли на остров Норфолк¹.

Шайка каторжников состоит из двадцати девяти человек. Атаманом ее является некий Бен Джойс, опаснейший преступник, недавно появившийся в Австралии.

Властям пока что не удалось еще задержать шайку. Поэтому предлагается жителям городов, колонистам и скваттерам быть настороже и сообщать главному следователю все сведения, могущие способствовать розыскам преступников.

Ж. П. Митчелл».

Когда Гленарван окончил чтение, Мак-Наббс повернулся к географу и сказал:

— Вот видите, Паганель, оказывается, и в Австралии водятся каторжники.

— Беглые — это неоспоримо! — отозвался ученый. — Но те, которые отбыли наказание, те не имеют здесь права жительства.

— Важно то, что они есть, — заметил Гленарван. — Но я полагаю, что их наличие не изменит наших планов и мы будем продолжать путешествие. А вы, Джон, какого мнения?

Джон Мангльс ответил не сразу, он колебался: с одной стороны, он понимал, какое это будет горе для Мери и Роберта Гранта, если приостановить розыски их отца, а с другой — он боялся подвергнуть экспедицию опасности.

— Если бы с нами не было леди Гленарван и мисс Грант, то меня очень мало тревожила бы шайка этих негодяев, — промолвил он, наконец.

Гленарван понял его и добавил:

— Само собой разумеется, что не может быть и речи о полном отказе от поисков, но не лучше ли, в интересах наших спутниц, отправиться в Мельбурн,

¹ Остров Норфолк находится на востоке от Австралии. Туда ссылают и содержат в тюремном заключении каторжников-рецидивистов и несправимых. Там они подвергаются особо строгому надзору. (Прим. автора.)

сесть там на «Дункан» и морем проехать к восточному побережью, где и возобновить наши поиски Гарри Гранта? Как ваше мнение, Мак-Наббс?

— Раньше чем высказаться, — ответил майор, — я хотел бы знать мнение Айртона.

Боцман взглянул на Гленарвана и ответил:

— Мы находимся в двухстах милях от Мельбурна, и мне кажется, что если опасность действительно существует, то она одинакова как на южной дороге, так и на восточной. Обе эти дороги пустынные, и одна стоит другой. Кроме того, я не думаю, чтобы тридцать злоумышленников могли испугать восемь хорошо вооруженных и смелых людей. Итак, по-моему, если нет ничего лучшего, то я предлагаю двигаться вперед.

— Правильно, Айртон, — согласился Паганель. — Продолжая путешествие на восток, мы можем напасть на следы капитана Гранта, а возвращаясь на юг, мы, наоборот, теряем шансы их найти. Поэтому я присоединяюсь к вашему мнению. Эти беглые из Пертской тюрьмы меня не пугают: честному человеку они не страшны.

Предложение продолжать путешествие по ранее намеченному плану поставили на голосование, и оно было принято единогласно.

— Мне хотелось бы, сэр, высказать еще одно соображение, — промолвил боцман, когда все собирались разойтись по комнатам.

— Говорите, Айртон.

— Не послать ли распоряжение «Дункану» держаться вблизи берегов?

— Зачем? — вмешался Джон Манглс. — Даже когда мы прибудем в залив Туфолда, то и тогда будет не поздно послать это распоряжение. А вдруг какой-нибудь непредвиденный случай заставит нас направиться в Мельбурн, и будет очень печально, если мы не застанем там «Дункана». К тому же судно, вероятно, не вышло еще из ремонта. Поэтому, принимая все это в соображение, я полагаю, что лучше с этим обождать.

— Хорошо, — согласился Айртон, не настаивая на своем предложении.

На следующее утро маленький отряд, хорошо вооруженный и готовый ко всяким неожиданностям, покинул Сеймур. Через полчаса путешественники снова очутились в эвкалиптовом лесу, тянущемся на восток. Гленарван предпочел бы ехать по открытым местам. Равнина менее удобна для нападений и засад, чем густой лес. Но выбора не было, и фургон целый день пробирался между однообразными великанами эвкалиптами. Вечером, проехав вдоль северной границы графства Англезии, путешественники пересекли сто сорок шестой меридиан и раскинули лагерь на рубеже округа Муррей.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой майор утверждает, что это обезьяны

На следующий день, 5 января, путешественники вступили на обширную территорию округа Муррей. Этот малообследованный, необитаемый округ простирается до высокой гряды Австралийских Альп. Цивилизация не успела еще разделить его на отдельные графства. Это самая глухая и мало посещаемая часть провинции. Когда-нибудь эти леса рухнут под топором дровосека, а прерии заполнятся стадами скваттеров, но пока здешняя почва столь же девственна, как в тот день, когда она поднялась со дна Индийского океана. Здесь была пустыня.

На всех английских картах эта область характеризуется следующими словами: «Reserve for the blacks» — «Заповедник для чернокожих». Сюда англичане-колонисты грубо оттеснили туземцев. Австралийской расе оставили на далеких равнинах, среди непроходимых лесов, несколько определенных участков земли, где австралийская раса обречена была на постепенное вымирание. Любой белый, — будь то колонист, эмигрант, скваттер, лесопромышленник, — имел право перейти границы заповедника, но чернокожий не смел выйти за черту его.

Паганель затронул в беседе со спутниками этот важный вопрос о туземных племенах. Все пришли к единодушному заключению, что колониальная политика обрекала туземные племена на вымирание, на изгнание из тех мест, где некогда жили их предки. Эта пагубная политика англичан сказывалась во всех их колониях, а особенно в Австралии. В первые времена колонизации ссыльные, да и сами колонисты, смотрели на туземцев, как на диких зверей. Они охотились на них с ружьями и, убивая их, громили их селения, ссылаясь на авторитет юристов, утверждая, что поскольку австралиец вне закона, то убийство этих отверженных не является преступлением. Сиднейские газеты предложили даже радикальное средство избавиться от туземного населения, живущего вокруг озера Гунтер, а именно — массовое отравление.

Как видим, англичане, овладев страной, призвали на помощь колонизации убийство. Их жестокость была неописуема. Они вели себя в Австралии точно так же, как в Индии, где исчезло пять миллионов индусов, как в Капской области, где от миллиона готтентотов уцелело всего лишь сто тысяч. Поэтому австралийское туземное население, поредевшее в результате жестоких мер и спаиваемое колонизаторами, постепенно вырождалось и вскоре под давлением смертоносной цивилизации совершенно исчезнет. Правда, отдельные губернаторы издавали указы против кровожадных лесопромышленников, согласно когорым белого, который отрезал чернокожему нос или уши или отрубал у него мизинец, чтобы «прочистить им трубку», следовало подвергать нескольким ударам плети. Тщетные угрозы! Убийства все ширились, и целые племена исчезали с лица земли. Достаточно упомянуть остров Ван-Димен. Здесь в начале XIX века было пять тысяч туземцев, а в 1863 году их осталось всего семь человек. А недавно «Меркурий» сообщил о том, что в город Хобарт приехал «последний из тасманцев».

Ни Гленарван, ни майор, ни Джон Манглс не возражали Паганелю. Будь они даже англичанами, то и тогда им нечего было бы сказать что-либо в защиту

своих соотечественников: факты были очевидны, неопровержимы.

— Лет пятьдесят тому назад, — добавил Паганель, — мы встретили бы на нашем пути много австралийских племен, теперь же нам не попался ни один туземец. Пройдет столетие, и на этом материке совершенно вымрет черная раса.

В самом деле, заповедник, предоставленный чернокожим, казался совершенно безлюдным. Нигде ни следа кочевий или поселений. Равнины чередовались с лесами, и мало-помалу облик местности становился все более диким. Казалось, что в этот отдаленный край никогда не заглядывает ни одно живое существо — ни человек, ни зверь, как вдруг Роберт, остановившись перед группой эвкалиптов, воскликнул:

— Обезьяна! Смотрите, обезьяна!

И он указал на большое черное существо, которое, скользя с ветки на ветку, перебиралось с одной вершины на другую с такой изумительной ловкостью, что можно было подумать, будто его поддерживают в воздухе какие-то перепончатые крылья. Неужели в этой удивительной стране обезьяны летают подобно тем лисицам, которых природа снабдила крыльями летучей мыши?

Между тем фургон остановился, и все, не отводя глаз, следили за черным животным, которое постепенно скрылось в чаще высоких эвкалиптов. Однако вскоре оно с молниеносной быстротой спустилось по стволу, соскочило на землю и, пробежав несколько саженей со всевозможными ужимками и прыжками, ухватило длинными руками за гладкий ствол громадного камедного дерева. Путешественники не представляли себе, как это животное вскарабкается по прямому и скользкому стволу, который нельзя было даже обхватить руками. Но тут у обезьяны появилось в руках нечто вроде топорика, и она, вырубая на стволе небольшие зарубки, вскарабкалась по ним до верхушки дерева и через несколько секунд скрылась в густой листве.

— Вот так обезьяна! — воскликнул майор.

— Эта обезьяна — чистокровный австралиец, — ответил Паганель.

Не успели спутники географа пожать плечами, как вдруг вблизи послышались крики, нечто вроде: «Коо-э! коо-э!» Айртон погнался быков, и через каких-нибудь сто шагов путешественники неожиданно наткнулись на становище туземцев.

Какое печальное зрелище! На голой земле раскинулось с десятков шалашей. Эти «гунисо», сделанные из кусков коры, заходящих друг на друга наподобие черепицы, защищали своих жалких обитателей лишь с одной стороны. Эти обитатели, несчастные существа, опустившиеся вследствие нищеты, имели отталкивающий вид. Их было человек тридцать — мужчин, женщин и детей, одетых в лохмотья шкур кенгуру. Завидев фургон, они бросились было бежать, но несколько слов Айртона, произнесенных на непонятном для путешественников местном наречии, видимо, успокоили их: они вернулись.

Туземцы были ростом от пяти футов четырех дюймов до пяти футов семи дюймов, цвет кожи у них был темный, но не черный, а словно старая сажа, длинные руки, выпяченные животы, лохматые волосы. Тела дикарей были татуированы и испещрены шрамами от надрезов, сделанных ими в знак траура при погребальных обрядах. Трудно было вообразить себе лица, менее отвечающие европейскому идеалу красоты: огромный рот, нос приплюснутый и словно раздавленный, выдающаяся вперед нижняя челюсть с белыми, торчащими зубами. Никогда человеческое существо не было столь схоже с животными.

— Роберт не ошибся, — сказал Мак-Наббс, — это, несомненно, обезьяны, но породистые.

— Мак-Наббс, — спросила леди Элен, — неужели вы оправдываете тех, кто, как диких животных, преследует этих несчастных людей?

— Людей! — воскликнул майор. — Но они в лучшем случае нечто промежуточное между человеком и орангутангом. Сравните их профили с профилем обезьяны, и вы убедитесь в неоспоримом сходстве.

В данном случае Мак-Наббс был прав. Профиль туземцев-австралийцев очень резкий и почти равен по измерению профилю орангутанга. Господин де Риэнци

не без основания предложил отнести этих несчастных к особому классу «человекообразных обезьян».

Но еще более права была леди Элен, полагая, что эти существа одарены человеческой душой, хотя и находятся на самой низкой ступени развития. Между животным и австралийцем существует непроходимая пропасть. Паскаль утверждал, что «никогда человек не бывает животным», но тут же с неменьшей мудростью добавлял: «но никогда не бывает и ангелом».

Но в данном случае леди Элен и Мери Грант опровергали последнее утверждение мыслителя.

Обе сострадательные женщины вышли из фургона, ласково протянули руки несчастным созданиям и предложили им еды, которую те с отталкивающей жадностью поглощали. Туземцы тем более должны были принять леди Элен за божество, что в их представлении чернокожие после смерти перевоплощаются в белых.

Особенное сострадание возбудили в путешественницах женщины-дикарки. Ничто не может сравниться с участью австралийки. Природа-мачеха отказала ей в малейшей доле привлекательности; это раба, которую насильно умыкает грубый мужчина и которая вместо свадебного подарка получает удары «вади» — палки своего владыки. Выйдя замуж, австралийская женщина преждевременно и поразительно быстро стареет. На нее падает вся тяжесть трудов кочевой жизни. Во время переходов ей приходится тащить детей в люльке из плетеного тростника, охотничьи и рыболовные принадлежности мужа, запасы растения «*phormium tenax*», из которого она плетет сети. Она обязана добывать пищу для семьи, она охотится за ящерицами, двуутробками и змеями, подчас взбираясь за ними до самых верхушек деревьев; она рубит дрова для очага, сдирает кору для постройки шалашей; это несчастное выючное животное, она не знает, что такое покой, и питается отвратительными объедками своего владыки — мужа. Некоторые из этих несчастных женщин, быть может давно лишенные пищи, пытались подманить к себе птиц семенами. Они лежали на раскаленной земле неподвижно, словно мертвые, поджидая

часами, пока обманутая их неподвижностью птичка не сядет сама им на руку. Видимо, поистине надо было быть австралийским пернатым, чтобы попасться им в руки.

Между тем туземцы, успокоенные ласковым обращением путешественников, окружили их, и пришлось оберегать запасы от расхищения. Говорили дикари с прищелкиванием языка, с присвистом. Их речь напоминала крики животных. Но в голосе их подчас слышались и мягкие, ласковые нотки. Туземцы часто повторяли слово «ноки», сопровождая его таким выразительным жестом, что легко было понять, что это слово означает: «дай мне». Относилось это «дай» ко всему имуществу путешественников, начиная от самых мелких вещей. Мистеру Олбинету пришлось проявить немало энергии, чтобы уберечь багаж и особенно съестные припасы экспедиции от расхищения. Эти несчастные, изголодавшиеся люди бросали на фургон страшные взгляды, показывая острые зубы, которые, быть может, разрывали клочья человеческого мяса. Большинство австралийских племен в мирное время не людоеды, но очень немногие дикари откажутся пожрать мясо побежденного врага.

Тем временем Гленарван, по просьбе леди Элен, приказал раздать окружающим туземцам некоторое количество съестных припасов. Дикари, поняв, в чем дело, стали так бурно выражать свой восторг, что это не могло не тронуть самое черствое сердце. Они выпускали такие крики, какие выпускают дикие звери, когда сторож приносит им их ежедневный рацион. Не соглашаясь с Мак-Наббсом, нельзя было, однако, отрицать, что эта раса во многом схожа была с животными.

Мистер Олбинет, будучи человеком благовоспитанным, хотел сначала накормить женщин. Но эти несчастные создания не осмелились прикоснуться к пище раньше своих грозных мужей. Те набросились на сухари и сушеное мясо, словно звери на добычу.

Слезы навернулись на глаза Мери Грант при мысли о том, что ее отец может быть пленником подобных дикарей. Она живо представила себе, как дол-

жен был страдать такой человек, как Гарри Грант, живя в плену у этого кочевого племени, будучи обречен на нищету, голод, дурное обращение. Джон Манглс, с тревожной заботливостью наблюдавший за молодой девушкой, угадал ее мысли и, предупреждая ее желание, обратился к боцману «Британии»:

— Айртон, вы убежали от таких дикарей?

— Да, капитан, все эти племена, кочующие по Центральной Австралии, схожи между собой. Только вы видите перед собой ничтожную кучку этих бедняг, тогда как по берегам Дарлинга живут многолюдные племена, во главе которых стоят вожди, облеченные грозной властью.

— Но что может делать европеец среди этих туземцев? — спросил Джон Манглс.

— То, что делал я сам, — ответил Айртон, — охотиться, ловить рыбу, принимать участие в битвах. С пленником, как я вам уже говорил, обращаются в зависимости от тех услуг, какие он оказывает племени, и если европеец умен и храбр, то он занимает видное положение в племени.

— Но все же он остается пленником? — спросила Мери Грант.

— Конечно, и с него не спускают глаз ни днем, ни ночью.

— Тем не менее ведь вам, Айртон, удалось бежать, — вмешался в разговор майор.

— Да, мистер Мак-Наббс, удалось благодаря сражению между моим племенем и соседним. Мне повезло: я бежал и, конечно, не раскаиваюсь в этом. Но если бы понадобилось проделать все это снова, то я, кажется, предпочел бы вечное рабство тем мукам, которые мне пришлось испытать, странствуя по пустыням Центральной Австралии. Дай бог, чтобы капитан Грант не рискнул на подобный шаг!

— Конечно, мисс Грант, мы должны желать, чтобы ваш отец оставался в плену у туземцев, — промолвил Джон Манглс. — Ведь в этом случае будет гораздо легче найти его следы, чем если бы он скитался по лесам материка.

— Вы все еще надеетесь на то, что мы его разыщем? — спросила молодая девушка.

— Я не перестаю надеяться на то, что когда-нибудь увижу вас счастливой, мисс Мери.

Взгляд влажных от слез глаз Мери Грант послужил благодарностью молодому капитану.

В то время как велся этот разговор, среди туземцев началось какое-то необычайное движение: они громко кричали, бегали туда и сюда, хватали оружие и, казалось, были охвачены какой-то дикой яростью.

Гленарван не мог понять, что творится с дикарями, но тут майор обратился к боцману:

— Скажите, Айртон, — поскольку вы так долго жили среди австралийцев, то, наверное, понимаете, что они говорят.

— Понимаю, но приблизительно, — ответил боцман, — ибо здесь у каждого племени свое наречие. Все же я догадываюсь, в чем тут дело: желая отблагодарить мистера Гленарвана за угощение, эти дикари хотят показать ему подобие боя.

Он был прав. Туземцы без дальних слов набросились друг на друга, с хорошо разыгранной яростью, и если бы не предупреждение Айртон, то можно было подумать, что присутствуешь при настоящем сражении.

Действительно, по словам путешественников, австралийцы — превосходные актеры, и в данном случае они проявили недюжинный талант.

Все их оружие нападения и защиты состоит из палицы — дубины, способной проломить самый крепкий череп, и секиры вроде индийского томагавка, расщепленной палки, в развилке которой зажат острый камень, прикрепленный растительным клеем. Эта секира с длинной ручкой в десять футов является грозным оружием в бою и полезным инструментом в мирное время. Она с равным успехом рубит головы и отсекает ветки, врубается в людские тела и в стволы деревьев.

Бойцы с воплями налетали друг на друга, потрясая палицами и секирами. Одни падали, точно мертвые, другие издавали победный клич. Женщины, преимущественно старухи, словно одержимые, подстрекали бой-

цов, набрасывались на мнимые трупы и делали вид, что терзают их с яростью. Элен все время боялась, как бы это представление не перешло в настоящее сражение. Впрочем, дети, принимавшие участие в этом мнимом бою, тузили друг друга по-настоящему; особенно неистовствовали девочки, награждая друг друга полновесными тумаками.

Мнимый бой длился минут десять, внезапно бойцы остановились. Оружие выпало из их рук. Глубокая тишина сменила шум и сумятицу. Туземцы замерли, словно действующие лица в живых картинах. Казалось, они окаменели. Что послужило причиной этой внезапной перемены, этого оцепенения? Вскоре это выяснилось. Над верхушками камедных деревьев появилась стая какаду. Птицы наполняли воздух болтовней; их яркое оперение делало стаю похожей на летающую радугу. Появление разноцветной стаи прервало бой: война сменялась более полезным занятием — охотой.

Один из туземцев схватил какое-то своеобразной формы орудие, покрашенное в красный цвет, и, отделившись от неподвижных товарищей, пробираясь между деревьями и кустами, направился к стае какаду. Он полз бесшумно, не задевая ни одного листика, не сдвигая ни одного камешка. Казалось, скользит какая-то тень.

Подкравшись к птицам на достаточно близкое расстояние, дикарь метнул свое оружие. Оно понеслось по горизонтальной линии, футах в двух от земли. Пролетев футов сорок, оно, не касаясь земли, вдруг под прямым углом поднялось футов на сто, сразило около дюжины птиц и, описав параболу, упало к ногам охотника.

Гленарван и его спутники были поражены — они не верили своим глазам.

— Это бумеранг, — пояснил Айртон.

— Бумеранг! Австралийский бумеранг! — воскликнул Паганель и мигом бросился поднимать это удивительное оружие, чтобы, как ребенок, «посмотреть, что у него внутри».

И в самом деле, можно было подумать, что внутри бумеранга скрыт какой-то механизм или пружина, внезапное распрямление которой изменяет его направление. Но ничего подобного не было. Бумеранг состоял из загнутого куска твердого дерева длиной в тридцать — сорок дюймов. Толщина этого куска в середине равнялась приблизительно трем дюймам, а края были заострены. Вогнутый с одной стороны на полдюйма, он имел два ребра на выпуклой стороне.

Все в целом было столь же несложно, сколь и непонятно.

— Так вот каков этот пресловутый бумеранг! — сказал Паганель, тщательно осмотрев странное оружие. — Кусок дерева и больше ничего. Но почему же, летя по горизонтали, он то вдруг поднимается вверх, то затем возвращается к тому, кто его кинул? Ни ученые, ни путешественники не могли до сих пор найти объяснение этому явлению.

— Не похож ли в этом отношении бумеранг на серсо, которое, брошенное известным образом, возвращается к своей точке отправления, — промолвил Джон Манглс.

— Или, скорее, на возвратное движение бильярдного шара, получившего удар кием в определенную точку? — добавил Гленарван.

— Нет, — ответил Паганель. — В обоих случаях имеется опорная точка, которая и обуславливает возвратное движение: у серсо — земля, у бильярдного шара — сукно бильярда. Но у бумеранга нет никакой точки опоры: оружие не касается земли и все же поднимается на значительную высоту.

— Чем же объясните вы это явление, господин Паганель? — спросила леди Элен.

— Я не пытаюсь объяснить, а только устанавливаю факт. Повидимому, тут все зависит от способа, которым кидают бумеранг, и от формы его строения. А способ, каким бросать бумеранг, — это уж тайна австралийцев.

— Во всяком случае, для обезьян это очень искусная выдумка, — промолвила леди Элен, взглянув на майора, который недоверчиво покачал головой.

Однако время шло, и Гленарван, считая, что не следует больше задерживаться, хотел уже просить путешественниц занять места в фургоне, как вдруг прибежал дикарь и что-то возбужденно выкрикнул.

— Вот как! — проговорил Айртон. — Они выследили казуаров.

— Что? Речь идет об охоте? — заинтересовался Гленарван.

— О! Это надо непременно посмотреть! — воскликнул Паганель. — Зрелище, должно быть, любопытное. Быть может, снова в дело будет пущен бумеранг.

— А ваше мнение, Айртон? — спросил Гленарван боцмана.

— Мне кажется, что это не очень задержит нас, сэр, — ответил тот.

Туземцы не теряли ни секунды. Убить несколько казуаров — это необыкновенная удача: это значит, что племя будет обеспечено пищей по крайней мере на несколько дней. Поэтому охотники пускают в ход все свое искусство, чтобы завладеть такой добычей. Но каким образом умудряются они настигать без собак и убивать без ружей такое быстрое пернатое? Это было самое интересное в том зрелище, которое так хотел увидеть Паганель.

Эму, или австралийский казуар (у туземцев он называется «мурек»), встречается на равнинах Австралии все реже и реже. Это крупная птица в два с половиной фута вышиной, с белым мясом, напоминающим мясо индейки. На голове у казуара роговая чешуя, глаза светлоричневые, клюв черный, загнутый книзу. На ногах по три пальца, вооруженных могучими когтями. Крылья — настоящие культияпки, не могут служить ему для полетов. Его оперение, или, пожалуй, его шерсть, темнее на шее и на груди. Но если казуар не может летать, то столь быстро бежит, что свободно обгоняет скаковую лошадь. Таким образом, захватить казуара можно только хитростью, и какой еще хитростью!

Вот почему по знаку прибежавшего дикаря человек десять австралийцев быстро рассыпались цепью, словно отряд стрелков, по чудесной равнине, где кру-

гом синели цветы дикого индиго. Путешественники столпились на опушке рощи мимоз.

При приближении туземцев штук шесть казуаров сорвались с места и отбежали примерно на милю. Прибежавший дикарь, видимо охотник данного племени, удостоверившись, где находятся птицы, знаком приказал товарищам остановиться. Дикари растянулись на земле, а охотник, вынув из сетки две искусно сшитые вместе шкуры казуаров, надел их на себя. Правую руку он поднял над головой и стал подражать походке казуара, ищущего пищу. Туземец приближался к стае. Он то останавливался, прикидываясь, что ищет зерна, то поднимал вокруг себя ногами целые облака пыли. Он подражал повадке казуара. Он с таким поразительным совершенством подражал глухому ворчанью казуара, что птицы были обмануты. Вскоре дикарь оказался среди беспечной стаи. Внезапно он взмахнул дубиной, и пять казуаров из шести рухнули на землю.

Охота была успешно закончена.

Гленарван, путешественницы и весь отряд распрощались с туземцами.

Но австралийцы, видимо, отнюдь не были огорчены этой разлукой. Быть может, успешная охота на казуаров заставила их забыть, кто удовлетворил их нестерпимый голод. Им не было даже свойственно чувство простой животной признательности, присущей дикарям и животным и преобладающей над признательностью сердца.

Но тем не менее нельзя было в некоторых случаях не восхищаться их смышленостью, их ловкостью.

— Ну, теперь, мой дорогой Мак-Наббс, вы охотно признаете, что австралийцы не обезьяны, — сказала леди Элен.

— А почему? Неужели потому, что они ловко подражают повадкам животных? — спросил майор. — Но это только подкрепляет мои слова.

— Шутка — не ответ, — возразила леди Элен. — Я хочу, майор, чтобы вы отказались от ваших слов.

— Хорошо, кузина, итак, да, или, вернее, нет, австралийцы не обезьяны, но обезьяны — австралийцы.

— Как так?

— Вспомните, что говорят чернокожие об этой интересной породе орангутангов?

— Что же они говорят? — спросила леди Элен.

— Они говорят, — ответил майор, — будто обезьяны — это чернокожие, но только более хитрые, чем они: «Они ничего не говорят, чтобы ничего не делать», — утверждал некий ревнивый негр, хозяин которого кормил бездельника орангутанга.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Скотоводы-миллионеры

После спокойно проведенной ночи под 146°15' долготы путешественники 6 января в семь часов утра снова тронулись в путь, пересекая обширный округ Муррей. Они двигались на восток, и следы каравана по равнине тянулись совершенно прямой линией. Дважды пересекли они следы скваттеров, направлявшихся на север; следы эти, несомненно, смешались бы, если бы на пыльной земле не отпечатывались подковы коня Гленарвана с клеймом стоянки Блек-Пойнт — трилистником.

Местами равнину бороздили извилистые, часто пересыхающие речки, по берегам которых росли буксы. Речки берут свое начало на склонах гор Буффало-Рэнгс, невысокая, но живописная цепь которых змеилась на горизонте.

Решено было добраться к ночи до подножья этих гор и там расположиться лагерем. Айртон подгонял быков, и те, сделав в этот день переход в тридцать пять миль, несколько устали. Здесь под большими деревьями раскинули палатку. Наступала ночь. Наспех поужинали: после такого тяжелого перехода больше хотелось спать, чем есть.

Паганель, который должен был нести караул в первую смену, не спал. С ружьем на плече он прогуливался взад и вперед, чтобы не задремать. Несмотря на безлунную ночь, кругом благодаря яркому сиянию

южных звезд было светло. Ученый с увлечением читал эту великую книгу неба, всегда исполненную интереса для тех, кто ее понимает. Глубокую тишину уснувшей природы нарушал лишь звон железных пут на ногах лошадей.

Паганель, предавшись своему астрономическому созерцанию, занят был больше делами небесными, чем земными, как вдруг какой-то звук вывел его из задумчивости. Географ прислушался, и, к его великому изумлению, он распознал звуки рояля. Чья-то сильная рука посылала звучные аккорды в ночную тишь. Ошибки не могло быть.

— Рояль в пустыне! — пробормотал Паганель. — Никак не могу этому поверить.

Действительно, это было более, чем неправдоподобно, и Паганель предпочел уверить себя, что это какая-то удивительная австралийская птица подражает звукам рояля Эрара или Плейеля, точно так же, как другие австралийские птицы подражают звукам часов и точильной машины.

Но в эту минуту в воздухе прозвучал ясный, чистый голос — к пианисту присоединился певец. Паганель слушал, не сдвываясь. Но через несколько мгновений он вынужден был признать, что слышит чудесные звуки арии «Il mio tesoro tanto» из «Дон Жуана».

— Черт возьми! Как бы необычайны ни были австралийские птицы, как бы музыкальны ни были попугаи, они не могут спеть арию из оперы Моцарта! — вскричал географ и прослушал до конца гениальную мелодию.

Впечатление от этой дивной арии, раздававшейся в тиши австралийской ночи, было неопишимо. Долго звучал этот голос, чаруя Паганеля, наконец умолк, и все кругом объяла тишина.

Когда Вильсон пришел сменить ученого, то он застал его погруженным в глубокую задумчивость. Паганель ничего не сказал матросу, решив сообщить завтра Гленарвану об этой странной музыке, и пошел спать в палатку.

На следующее утро весь лагерь был разбужен неожиданным лаем собак. Гленарван тотчас же вскочил

на ноги. Два великолепных пойнтера, превосходные образчики английских породистых собак, прыгая, резвились на опушке рощицы. При приближении путешественников они скрылись среди деревьев и залаляли громче.

— Очевидно, в этой пустыне есть какая-то стоянка, — промолвил Гленарван, — а также охотники, поскольку имеются охотничьи собаки.

Паганель открыл было рот, чтобы поделиться своими ночными впечатлениями, как вдруг появились верхом на великолепных чистокровных конях-гунтерах двое молодых людей. Оба джентльмена, одетые в изящные охотничьи костюмы, заметив путников, расположившихся табором, словно цыгане, остановили лошадей. Они, казалось, недоумевали, что означает здесь присутствие этих вооруженных людей, но, увидев путешественниц, выходящих из фургона, тотчас же спешились и, сняв шляпы, направились к женщинам. Лорд Гленарван пошел навстречу незнакомцам и в качестве приезжего первый отрекомендовался, назвав свое имя и звание. Молодые люди поклонились, и старший сказал:

— Сэр, не пожелают ли ваши дамы и вы со своими спутниками оказать нам честь отдохнуть у нас в доме?

— С кем имею честь говорить? — спросил Гленарван.

— Мишель и Сенди Патерсон — владельцы скотоводческого хозяйства Готтем. Вы находитесь на территории нашей станции, и до дома не больше четверти мили.

— Господа, откровенно говоря, я не хотел бы злоупотреблять вашим гостеприимством... — начал Гленарван.

— Сэр, — ответил Мишель Патерсон, — принимая наше приглашение, вы бесконечно обяжете бедных изгнанников, если согласитесь посетить их в этой пустыне.

Гленарван поклонился в знак благодарности.

— Сэр, — обратился Паганель к Мишелю Патерсону, — не будет ли нескромностью, если я спрошу вас, не вы ли пели вчера божественную арию Моцарта?

— Да, сэр, — ответил джентльмен. — Я пел, а мне сопровождал мой брат Сенди.

— В таком случае, сэр, примите искренние поздравления француза, пламенного поклонника музыки! — сказал Паганель, протягивая руку молодому человеку.

Тот сердечно пожал ее, затем он указал своим гостям дорогу, которой надо было держаться. Лошадей поручили Айртону и матросам.

А путешественники, беседуя и восхищаясь окружающими видами, направились пешком в обществе молодых людей к усадьбе.

Скотоводческое хозяйство Патерсонов содержалось в таком же образцовом порядке, в каком содержатся английские парки. Громадные луга, обнесенные серой оградой, расстилались кругом, насколько мог охватить глаз. Там паслись тысячи быков и миллионы баранов. Множество пастухов и еще большее количество собак охраняли это шумное, буйное стадо. К мычанию и блеянию присоединялись лай собак и резкое щелканье бичей пастухов.

На востоке тянулась роща австралийских акаций и камедных деревьев, за которой высилась величественная гора Готтем, поднимающаяся на семь с половиной тысяч футов над уровнем моря. Во все стороны расходились длинные аллеи вечнозеленых деревьев. Там и сям виднелись густые заросли «грэстри», десятифутового кустарника, похожего на карликовые пальмы, но с густыми длинными и узкими листьями. Воздух был напоен благоуханием мятнолавровых деревьев, усыпанных гроздьями белых, тонко пахнущих цветов.

К очаровательной группе туземных растений присоединялись деревья, вывезенные из Европы. Тут были персиковые, грушевые, яблоневые, фиговые, апельсиновые, смоковницы и даже дубовые деревья, встреченные громким «ура» путешественников. Идя под тенью, отбрасываемой деревьями их родины, они восхищались порхавшими между ветвями птицами с шелковистым оперением и иволгами, одетыми словно в золото и черный бархат.

Впервые нашим путешественникам довелось увидеть *менуру* — птицу-лиру. Хвост ее похож на изящный

инструмент Орфея — лиру. Когда она носилась среди древовидных папоротников и хвост ее ударял по листьям, то казалось, что вот-вот зазвучат гармоничные аккорды, подобные тем, которые царь Амфион некогда вдохновенно извлекал из своей лиры, чудесно воскрешая стены города Фив. Паганелю захотелось сыграть на этой лире.

Однако лорд Гленарван не только восхищался этими волшебными чудесами так неожиданно возникшего перед ними среди австралийской пустыни оазиса. Он выслушал рассказ молодых людей. В Англии, среди цивилизованной природы, новоприбывшие гости прежде всего сообщили бы хозяевам, откуда они прибыли и куда держат путь. Но здесь Патерсоны, движимые неуловимым чувством деликатности, почли долгом своим прежде всего ознакомить путешественников, которым предлагали кров, с теми, чье гостеприимство принималось.

Итак, они поведали свою историю.

Они были теми молодыми англичанами, которые полагают, что богатство не освобождает от работы. Мишель и Сенди Патерсон были сыновьями лондонского банкира. Когда они стали взрослыми, то отец сказал им: «Вот вам, дети мои, миллионы, отправляйтесь в какую-нибудь далекую колонию, положите там начало любому крупному предприятию и, работая, ознакомьтесь с жизнью. Если вы будете удачливы, тем лучше! Если погорите, что делать! Не будем сожалеть, что потеряли миллионы, поскольку они помогли вам стать людьми». Молодые люди повиновались отцу. Выбрав в Австралии колонию Виктория, они решили именно там снять жатву с пущенных в оборот родительских миллионов и не раскаялись в этом. Спустя три года их предприятие пышно расцвело.

В провинциях Виктория, Новом Южном Уэльсе и в Южной Австралии имеется более чем три тысячи подюжных имений. Одни принадлежат скотопромышленникам, которые разводят там скот, другие — «сетлерам», которые главным образом занимаются земледелием. До появления в этих местах двух молодых англичан самым процветающим имением было имение

господина Жамисона. Оно простиралось на сто километров, причем километров двадцать тянулось вдоль реки Парао, притока Дарлинга.

Теперь имение Патерсонов превзошло его как по величине, так и по умению вести хозяйство. Молодые люди одновременно занялись и скотоводством и земледелием. Они с большой энергией и очень умно управляли своим огромным поместьем.

Оно находилось вдалеке от больших городов, среди редко посещаемой области Муррей, занимая пространство между 146° 48' и 147°, иначе говоря площадь шириною и длиною в пять лье, между Буффало и Готтем. На двух северных концах этого обширного прямоугольника налево вздымалась вершина Абердеен, а направо — вершины Хиг-Барнен. Не было недостатка и в чудесных извилистых реках. Успешно развивалось как скотоводство, так и земледелие. На десяти тысячах акров великолепно обработанной земли произрастали как туземные, так и привозные растения. Миллионы скота жирели на тучных пастбищах. Поэтому продукты этого хозяйства высоко ценились на рынках Каслмейна и Мельбурна.

Патерсоны закончили свой рассказ; в конце широкой аллеи, по сторонам которой росли казуариновые деревья, показался дом Патерсонов.

То был охотничий дом из кирпича и дерева, прятавшийся среди густых эмерофилис. Вокруг шла увешанная китайскими фонариками крытая веранда, напоминавшая галереи древнеримских зданий. Окна защищены были разноцветными парусиновыми навесами, казавшимися огромными цветами. Трудно было представить себе более уютный, более прелестный и более комфортабельный уголок. На лужайках и среди рощиц, окружающих дом, высились бронзовые канделябры, увенчанные изящными фонарями. С наступлением темноты весь парк освещался белым светом газа от газометра, скрытого в чаще акаций и древовидных папоротников.

Вблизи дома нигде не было видно ни службы, ни конюшен, ни сараев — ничего, что говорило бы о сельском хозяйстве. Все строения — настоящий поселок

более чем в двадцать домов и хижин — находились в четверти мили от дома, в глубине маленькой долины. Хозяйский дом соединен был с этим поселком электрическими проводами — телеграфом, обеспечивая мгновенное сообщение, а дом, удаленный от всякого шума, казался затерянным в чаще экзотических деревьев.

В конце казуариновой аллеи через журчащую горную речку переброшен был изящный железный мостик. Он вел в часть парка, прилегавшую к дому.

По ту сторону мостика их встретил внушительного вида управляющий. Двери готтемского дома широко распахнулись, и гости вошли в великолепные апартаменты.

Вся роскошь, даваемая богатством, в сочетании с тонким артистическим вкусом предстала перед ними.

Из прихожей, увешанной принадлежностями верховой езды и охоты, двери вели в просторную гостиную с пяти окнами. Здесь стоял рояль, заваленный всевозможными старинными и современными партитурами, виднелись мольберты с недоконченными полотнами, цоколи с мраморными статуями; несколько картин кисти фламандских мастеров и гобелены с вытканными на них рисунками с мифологическими сюжетами висели на стенах. Ноги утопали в мягких, словно густая трава, коврах, с потолка свисала старинная люстра. Всюду был расставлен драгоценный фарфор, дорогие безделушки, все это было как-то странно видеть в австралийском доме. В этой сказочной гостиной, казалось, было собрано все, что могло мысленно перенести в Европу. Можно было подумать, что находишься в каком-нибудь княжеском замке во Франции или в Англии.

Пять окон пропускали сквозь тонкую ткань парусины мягкий полусвет. Леди Элен, подойдя к окну, пришла в восторг. Дом господствовал над широкой долиной, расстилавшейся на восток до самых гор. Чередование лугов и лесов, то тут, то там привольные поляны, вдаль группа изящно закругленных холмов, все вместе являло неопишемую по красоте картину. Ни один уголок земного шара не мог сравниться с этой

долиной, даже знаменитая Райская долина в Телемарке Норвегии.

Грандиозная панорама, пересекаемая полосами то света, то тени, ежечасно изменялась в зависимости от солнца.

Пока Элен наслаждалась открывавшимся из окна видом, Сенди Патерсон приказал управляющему распорядиться завтраком для гостей, и менее чем через четверть часа путешественники сидели за роскошно сервированным столом. Качество кушаний и вин были выше всяких похвал, но всего приятнее было то радушие, с которым молодые хозяева принимали гостей. Узнав о цели экспедиции, хозяева горячо заинтересовались поисками Гленарвана, и слова их укрепили надежды детей капитана Гранта.

— Гарри Грант, несомненно, попал в плен к туземцам, поскольку он не появился нигде на побережье, — сказал Мишель Патерсон. — Судя по найденному документу, капитан точно знал, где находится, и если он не добрался до какой-нибудь английской колонии, то лишь потому, что после высадки на берег он был захвачен в плен дикарями.

— Точно то же случилось и с его боцманом Айртоном, — заметил Джон Манглс.

— А вам никогда не случалось слышать о гибели «Британии»? — спросила леди Элен у братьев Патерсон.

— Никогда, миссис, — ответил Мишель.

— А как, по-вашему, обращаются австралийцы со своими пленниками?

— Австралийцы не жестоки, — ответил молодой скваттер, — и мисс Грант может быть спокойна на этот счет. Известно множество случаев, свидетельствующих о мягкости их характера, и многие европейцы, долго жившие среди этих дикарей, никогда не имели повода жаловаться на грубое обращение.

— То же самое утверждал и Кинг, — сказал Паганель, — единственный уцелевший из экспедиции Берка.

— И не только этот отважный исследователь, — вмешался в разговор Сенди Патерсон, — но и английский солдат, по имени Бакли, который дезертировал

в тысяча восемьсот третьем году из Порт-Филлипа, попал к туземцам и прожил у них тридцать три года.

— А в одном из последних номеров «Австралийской газеты», — добавил Мишель Патерсон, — есть сообщение о том, что какой-то Морилл вернулся на родину после шестнадцатилетнего плена. Судьба капитана Гранта очень похожа на его судьбу. Морилл был взят в плен туземцами и уведен вглубь материка после крушения судна «Перуанка» в тысяча восемьсот сорок шестом году. Итак, я полагаю, что вам ни в коем случае не следует терять надежды.

Сведения, сообщенные молодыми хозяевами, чрезвычайно обрадовали путешественников, ибо подтверждали слова Паганеля и Айртон.

Когда Элен и Мери Грант удалились, то мужчины заговорили о каторжниках. Патерсоны знали о катастрофе на Кемденском мосту, но бродившая в окрестностях шайка беглых каторжников не внушала им ни малейшей тревоги. Трудно было предположить, что шайка злоумышленников осмелится напасть на имение, где было более ста мужчин. К тому же немислимо было ожидать, что эти злодеи забредут в пустыню, прилегающую к реке Муррею, где им нечем было поживиться, или что они рискнут приблизиться к колониям Нового Южного Уэльса, дороги которых бдительно охранялись. Такого же мнения придерживался и Айртон.

Гленарван, уступая просьбам радушных хозяев, согласился провести у них весь день. Эти двенадцать часов задержки превратились в часы отдыха как для путешественников, так и для лошадей и быков, поставленных в удобные стойла.

Итак, решено было остаться до следующего утра, и молодые хозяева предоставили на усмотрение гостей программу дня, которая была ими охотно принята.

В полдень семь чистокровных коней нетерпеливо били копытами землю у крыльца дома. Дамам подали коляску, запряженную четвериком. Двинулись в путь. Всадники, вооруженные превосходными охотничьими ружьями, скакали по обоим сторонам экипажа. Доез-

жие неслись верхом впереди, а своры пойнтеров оглашали лес веселым лаем.

В течение четырех часов кавалькада объезжала аллеи и дороги парка, по размерам равного маленькому германскому государству. Если здесь встречалось меньше жителей, то зато все кругом кишело баранами. Что же касается дичи, то ее было такое изобилие, что целая армия загонщиков была бы не в силах согнать ее на охотников. Вскоре загревели выстрелы, испугивая мирных обитателей рощ и равнин. Юный Роберт, охотившийся рядом с Мак-Наббсом, творил чудеса. Отважный мальчуган, вопреки просьбам сестры, всегда был впереди и стрелял первым. Джон Манглас обещал следить за Робертом, и Мери Грант успокоилась.

Во время облавы подстрелили несколько австралийских животных, которых даже Паганель знал только по названию. В числе этих туземных животных были убиты вомбат и бандикут.

Вомбат — травоядное животное, размером с барана, и мясо его превкусное. Бандикут — животное из породы сумчатых и хитростью превосходит даже европейскую лису: он мог бы поучить ее искусству красть обитателей птичников. Такое животное, довольно отталкивающее по виду, почти в полтора фута длиной, убил Паганель, утверждая, из охотничьей гордости, что животное очаровательно.

Роберт ловко подстрелил мохнатохвостое животное, похожее на маленькую лису, с черным, усеянным белыми пятнами мехом, не уступающим и куньему, и пару двуутробок, прятавшихся в густой листве больших деревьев.

Но из всех этих охотничьих подвигов бесспорно наибольший интерес представляла охота на кенгуру. Около четырех часов пополудни собаки вспугнули стадо этих любопытных сумчатых животных. Детиныши мигом залезли в материнские сумки, и все стадо гуськом помчалось прочь от охотников. Очень любопытно наблюдать огромные скачки кенгуру. Их задние лапы вдвое длиннее передних и растягиваются словно пружины.

Во главе стада несся самец ростом футов в пять, великолепный экземпляр исполина-кенгуру. Погоня продолжалась на протяжении четырех-пяти миль. Кенгуру не проявляли признаков усталости, а собаки, не без основания опасавшиеся их могучих лап, вооруженных острыми когтями, не смели напасть на них. Но, наконец, выбившись из сил, стадо остановилось, и вождя, прислонясь к стволу дерева, приготовился к защите. Одна из собак с разбегу наскочила на него, но в тот же миг взлетела на воздух и свалилась с распоротым брюхом.

Ясно было, что и всей своре не справиться с этими могучими животными. Приходилось охотникам взяться за ружья — только пули могли уложить кенгуру-исполина.

В эту минуту Роберт едва не пал жертвой собственной неосторожности. Желая точнее прицелиться, он настолько приблизился к кенгуру, что тот одним прыжком бросился на него. Роберт упал, раздался крик. Сидевшая в экипаже Мери Грант в ужасе, не в силах произнести ни слова, протягивала руки к брату. Никто из охотников не решался стрелять в животное, опасаясь попасть в мальчика, но внезапно Джон Манглс, рискуя жизнью, выхватил из-за пояса нож, бросился на кенгуру и поразил его в самое сердце. Животное рухнуло. Роберт поднялся невредимый. Миг — и сестра радостно прижимала его к груди.

— Спасибо, мистер Джон, спасибо! — сказала Мери Грант, протягивая руку молодому капитану.

— Он был на моем попечении, — отозвался Джон Манглс, пожимая дрожащую руку молодой девушки.

Этим происшествием закончилась охота.

После гибели вожака стадо кенгуру разбежалось, а тушу убитого кенгуру-исполина увезли охотники.

Вернулись домой в шесть часов вечера. Охотников ожидал великолепный обед. Среди прочих яств гостям особенно пришелся по вкусу бульон из хвоста кенгуру, приготовленный по туземному способу.

После мороженого и шербета гости перешли в гостиную. Вечер был посвящен музыке. Леди Элен, прекрасная пианистка, предложила аккомпанировать

радушным хозяевам, и те с большим чувством исполнили отрывки из новейших партитур Гуно, Виктора Массне, Фелисьена Давида и даже произведения непонятого Рихарда Вагнера.

В одиннадцать часов вечера подали чай, который сервирован был по-английски — изысканно. Но Паганель все же попросил, чтобы ему дали попробовать австралийского чаю. Географу принесли бурду, темную, как чернила, которую готовят так: полфунта чаю кипятят в литре воды в течение четырех часов. Паганель попробовал, поморщился, но объявил, что напиток превосходный. В полночь гости разошлись по удобным просторным комнатам, и сновидения продолжились столь приятно проведенный день.

На заре следующего дня они распрощались с молодыми скваттерами. Сердечно поблагодарив, с них взяли обещание посетить Малькольм. Затем фургон тронулся в путь, обогнул подножье горы Готтем, и вскоре домик, словно мимолетное видение, исчез из глаз путешественников.

Еще пять миль тянулись владения Патерсонов, и лишь в девять часов утра путешественники выехали за последнюю ограду и углубились в почти неисследованную область провинции Виктория.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Австралийские Альпы

Огромный барьер преграждал путь на юго-восток. Это была цепь Австралийских Альп — подобие гигантских крепостных стен, причудливо извивающихся на протяжении тысячи пятисот миль, задерживая движение облаков на высоте четырех тысяч футов.

Небо заволакивали облака, и солнечные лучи, проходя сквозь сгустившиеся пары, не были знойны, таким образом, жара не очень давала себя чувствовать, однако из-за все возрастающей неровности почвы продвигаться было все труднее и труднее. Там и сям

начали попадаться холмики, поросшие молодыми зелеными камедными деревьями. Дальше потянулись высокие холмы. Это уже были отроги Альп. Отсюда дорога все время шла в гору. Это особенно заметно было по усилиям быков. Их ярмо скрипело под тяжестью громоздкого фургона, они громко пыхтели, и мускулы их ног так туго напрягались, что казалось, вот-вот лопнут. Фургон трещал при неожиданных толчках, которых не удавалось избежать, несмотря на всю ловкость, с которой правил Айртон. Путешественники относились ко всему этому весело.

Джон Манглс с двумя матросами, обследуя путь, ехал несколько впереди. Они отыскивали среди неровностей почвы наиболее удобный проезд, точнее говоря, фарватер, ибо продвижение фургона вперед похоже было на движение корабля, плывущего по бурному морю между рифами.

Задача была трудной, а подчас даже опасной. Порой Вильсон прокладывал топором дорогу среди густой чащи кустарников. Глинистая и влажная почва словно ускользала из-под их ног. Путь удлинляли частые объезды непреодолимых препятствий: высоких гранитных скал, глубоких оврагов, не внушающих доверия лагун. Поэтому в течение целого дня едва прошли полградуса долготы.

Вечером расположились лагерем у подошвы Альп, на берегу горной речки Кобонгра, в маленькой долине, поросшей кустарником футов четырех вышины, со светлокрасными листьями.

— Нелегко будет перевалить через эти горы, — проговорил Гленарван, глядя на горную цепь, очертания которой уже начинали теряться в надвигавшейся вечерней мгле. — Альпы! Одно название уже заставляет призадуматься.

— Не надо понимать буквально, дорогой Гленарван, — отозвался Паганель. — Не воображайте, что вам предстоит пересечь всю Швейцарию. В Австралии есть Пиренеи, Альпы, Голубые горы, как в Европе, но все это в миниатюре. Это свидетельствует только о скудости фантазии географа или о бедности нашего словаря собственных имен.

— Так, значит, эти Австралийские Альпы... — начала Элен.

— Игрушечные горы, — ответил Паганель. — Мы не заметим, как переберемся через них.

— Говорите только за себя! — сказал майор. — Лишь рассеянный человек может перевалить через горную цепь и не заметить этого.

— Рассеянный! — воскликнул географ. — Нет, я больше уже не рассеянный. Пусть это подтвердят наши дамы. Разве с тех пор, как я ступил на этот материк, я не сдержал слова? Бывал ли я хоть раз рассеян? Можно ли упрекнуть меня в каком-нибудь промахе?

— Ни в одном, господин Паганель! — заявила Мери Грант.

— Вы само совершенство! Даже чересчур совершенны! — смеясь, добавила Элен. — Ваша рассеянность была вам к лицу.

— Не правда ли, ведь если у меня не будет ни одного недостатка, то я стану заурядным человеком! — отозвался Паганель. — Надеюсь, что в ближайшем будущем я сделаю какой-нибудь крупный промах, который всех насмешит. Знаете, когда я ни в чем не ошибаюсь, то мне кажется, что я изменяю своему призванию.

На следующий день, 9 января, вопреки утверждениям простодушного географа, маленький отряд с большими трудностями совершал переход через Альпы. Приходилось идти на авось, углубляться в узкие глубокие ущелья, которые могли завести в тупик.

Айртон оказался бы в очень затруднительном положении, если бы после часа тяжелого пути по горной тропе перед ними неожиданно не возник жалкий кабачок.

— Не думаю, чтобы кабачок в подобном месте давал бы большой доход хозяину! — воскликнул Паганель. — Кому он тут нужен?

— Да хотя бы нам, здесь мы получим сведения о дальнейшем пути, в которых мы очень нуждаемся, — отозвался Гленарван. — Войдем!

Гленарван, сопровождаемый Айртоном, вошел в кабачок. Хозяин производил впечатление человека грубого, с неприветливой, отталкивающей физиономией, свидетельствующей о том, что он сам являлся главным потребителем джина, бренди и виски своего кабачка. Обычно его единственными посетителями были путешественные скваттеры и пастухи, перегоняющие стада.

На задаваемые вопросы кабатчик отвечал очень неохотно, тем не менее благодаря его указаниям Айртон смог ориентироваться и сообразить, по какой дороге следует идти.

Гленарван отблагодарил кабатчика за его советы несколькими кронами и собирался уже уходить, как вдруг заметил наклеенное на стене объявление колониальной полиции о бегстве каторжников из Пертской тюрьмы и о награде за выдачу Бена Джойса: сто фунтов стерлингов.

— Несомненно, этот негодяй заслуживает виселицы, — сказал Гленарван боцману, прочитав объявление.

— Для этого нужно сначала поймать его! — оговаривался Айртон. — Сто фунтов стерлингов — денюжки немалые! Он не стоит их.

— Да и кабатчик не внушает доверия, хотя у него висит это объявление полиции, — добавил Гленарван.

— Это верно, — промолвил Айртон.

Гленарван и боцман вернулись к фургону. Отсюда отряд направился к тому месту, где дорога по направлению к Люкноускому перевалу уходила в узкий, извилистый проход, пересекавший горную цепь. Начался трудный подъем. Не раз приходилось путешественникам выходить из фургона, а их спутникам — спешиться. То приходилось поддерживать тяжелую колымагу, то подталкивать ее, то удерживать на опасных спусках, то распрягать быков на крутых поворотах, то подкладывать клинья под колеса, когда фургон катился назад. Не раз Айртон должен был прибегать к помощи лошадей, и без того утомленных подъемом.

Была ли тут виной чрезвычайная усталость или что-либо другое, но в этот день пала одна лошадь. Она

вдруг рухнула, хотя ничто не указывало на возможность подобного несчастного случая. Это была лошадь Мюльреди, и когда он хотел заставить ее встать, то оказалось, что конь издох.

Айртон подошел к лежавшей на земле лошади, но, видимо, никак не мог понять причину этой внезапной смерти.

— По всей вероятности, у лошади лопнул какой-нибудь сосуд, — предположил Гленарван.

— Очевидно, — отозвался Айртон.

— Садись на мою лошадь, Мюльреди, — сказал Гленарван матросу, — а я сяду в фургон, к жене.

Мюльреди повиновался, и маленький отряд, оставив труп животного в пищу воронам, продолжал утомительный подъем.

Цепь Австралийских Альп не очень широка, и ширина подножья хребта не превышает восьми миль. Следовательно, если дорога, выбранная Айртоном, действительно вела к восточному склону, то двумя сутками позже маленький отряд должен был бы оказаться уже по ту сторону хребта, а там до самого моря шла совершенно гладкая дорога.

Днем 10 января путешественники достигли самой высокой точки перевала, на высоте двух тысяч футов. Они очутились на плоскогорье, откуда открывался широкий вид: на севере блестела зеркальная гладь спокойных вод озера Омео, над которым высоко в небе реяли водяные птицы, а дальше расстилались обширные луга Муррея; к югу разворачивалась зеленеющая скатерть Джинсленда — его золотоносные земли, высокие леса, весь этот девственный первобытный край. Природа была здесь еще владычицей, и над водами рек и над огромными деревьями, еще не тронутыми топором. Скваттеры, встречавшиеся там, правда пока еще изредка, не решались вступать с ней в бой. Казалось, что цепь этих Альп отделяет друг от друга два совершенно различных края, из которых один сохранял всю свою первобытную красоту. Солнце в это время как раз заходило, и лучи его, пронизывая багровые облака, придавали более яркую окраску округу Муррей, тогда как Джинсленд, заслоненный щитом гор, был

окутан смутной мглой, и казалось, что вся заальпийская область погрузилась в преждевременную ночь. Зрители, стоявшие между столь резко друг от друга отличающимися областями, были сильно поражены таким контрастом и с волнением смотрели на простиравшийся перед ними почти неведомый край, сквозь который им предстояло пройти до самой границы провинции Виктория.

Здесь же, на плоскогорье, устроили привал. На следующее утро начался спуск. Спускались довольно быстро. Внезапно путешественников застиг жестокий град и принудил их укрыться под скалами. Собственно, это были даже не градины, а целые куски льда размером с кулак, падавшие из грозовых туч так стремительно, словно их выпустили из пращи, и, получив несколько основательных ударов, Паганель и Роберт поспешили укрыться под скалы. Фургон в нескольких местах изрешетило. Против ударов столь острых льдинок не устояли бы даже крыши домов. Некоторые градины врезались в стволы деревьев. Из опасения быть убитыми этим невиданным градом пришлось ждать, когда он прекратится. Это продолжалось час, затем маленький отряд снова двинулся в путь по отлогим каменистым тропам, скользким от таявшего града.

К вечеру фургон, сильно расшатанный, но еще крепко держащийся на своих грубых деревянных колесах, одолел последние уступы Альп среди высоких пихт. Горный проход заканчивался у равнин Джинсленда. Альпы были благополучно освоены, и отданы были обычные приказания расположиться на ночлег.

Двенадцатого с рассветом маленький отряд, охваченный неослабевающим воодушевлением, снова двинулся в путь. Все стремились скорее добраться до цели, то есть до того места на берегу Тихого океана, где произошло крушение «Британии». Только там можно было надеяться напасть на следы потерпевших крушение, а не здесь, в этом пустынном Джинсленде. Айртон настаивал, чтобы лорд Гленарван поскорее отправил «Дункану» приказ прибыть к восточному побережью, где яхта могла быть полезна при поисках. По мнению боцмана, надо было воспользоваться дорогой,

ведущей из Люкноу в Мельбурн. Позднее послать гонца будет труднее, ибо со столицей не будет прямого сообщения.

Это предложение боцмана казалось разумным, и Паганель советовал обратить на него внимание. Географ согласен был с тем, что яхта могла быть полезна при подобных обстоятельствах, ибо в дальнейшем сообщение с Мельбурном станет невозможным.

Гленарван колебался и, вероятно, послал бы приказ «Дункану», чего так усиленно добивался Айртон, если бы этому очень энергично не воспротивился майор. Мак-Наббс доказывал, что присутствие Айртонна необходимо для экспедиции, ибо он ведь знал окрестности побережья, и если отряд случайно нападет на следы Гарри Гранта, то боцман лучше всякого другого сумеет повести отряд по этим следам, и, наконец, только он, Айртон, может указать место крушения «Британии». Словом, майор настаивал на том, чтобы путешествие продолжалось без всяких изменений. Он нашел единомышленника в лице Джона Манглса. Молодой капитан полагал, что распоряжения Гленарвана легче будет переслать на «Дункан» из залива Туфолда, чем отсюда, откуда гонцу пришлось бы проехать двести миль по дикой местности.

Майор и капитан одержали верх. Решено было ничего не предпринимать до прибытия в залив Туфолда. Майору, наблюдавшему за Айртоном, показалось, что тот чем-то несколько разочарован. Но Мак-Наббс не поделился ни с кем своими наблюдениями, а, по обыкновению, оставил их при себе.

Равнины, простиравшиеся у подножия Австралийских Альп, шли еле заметным уклоном к востоку. Монотонное однообразие пейзажа кое-где нарушалось рощами мимоз, эвкалиптов и различных пород камедных деревьев, а также кустами растения гастролобиум грандифлорум с ярко окрашенными цветами. Не раз дорогу преграждали небольшие горные речки, точнее — ручьи, берега которых густо заросли мелким тростником и орхидеями. Эти ручейки переходили вброд. Вдали видно было, как при приближении отряда убегали стаи дроф и казуаров, а через кусты,

словно пружинные паяцы, перепрыгивали кенгуру. Но всадники и не помышляли об охоте, да и для истомленных лошадей это было бы лишней нагрузкой.

К тому же стояла удушливая жара. Атмосфера насыщена была электричеством. Животные и люди ощущали это на себе. Все устали и молча продвигались вперед. Тишину нарушали лишь окрики Айртона, подгонявшего измученных быков.

От двенадцати часов до двух ехали по любопытному лесу папоротников. Будь путешественники менее утомлены, то они, конечно, пришли бы в восторг. Эти древовидные растения вышиной футов в тридцать были в полном цвету. И лошади и всадники свободно, не наклоняясь, проезжали под свисавшими долу ветвями этих гигантских папоротников, и лишь порой колесико шпоры всадника звякало, ударяясь об стволы. Под неподвижным шатром зеленой листвы царил прохлада, на которую никто не роптал. Жак Паганель, как всегда экспансивный, несколько раз удовлетворенно вздохнул, вспугнув целые стаи попугаев и какаду, поднявших оглушительную болтовню.

Географ продолжал ликовать и восторженно кричать, как вдруг его спутники увидели, что он пошатнулся и рухнул вместе с лошадей на землю. Неужели он упал в обморок или, того хуже, не случился ли с ним солнечный удар?

Все бросились к нему.

— Паганель! Паганель! Что с вами случилось? — вскричал Гленарван.

— Случилось то, что я остался без лошади, милый друг, — ответил географ, высвобождая ноги из стремян.

— Что, ваша лошадь?..

— Пала, словно пораженная молнией, как и лошадь Мюльреди.

Гленарван, Джон Манглс и Вильсон осмотрели животное. Паганель не ошибся: лошадь внезапно околела.

— Странно! — проговорил Джон Манглс.

— Очень странно, — пробормотал майор.

Гленарван был чрезвычайно озабочен этим новым злоключением. Действительно, в таком пустынном крае

негде было пополнить убыль в лошадях; и если налицо была эпидемия, то продолжать путь окажется весьма затруднительным.

Между тем еще до наступления вечера предположение об «эпидемии» подтвердилось: третья лошадь — лошадь Вильсона — пала и, что еще хуже, пал один из быков. Таким образом, в распоряжении экспедиции оставалось только три быка и четыре лошади.

Положение становилось угрожающим. Правда, всадники, лишившиеся лошадей, могли, конечно, продолжать путь пешком: ведь немало скваттеров таким образом только и путешествует через этот пустынный край. Но если быки падут и придется бросить фургон, то как быть с путешественниками? В силах ли они будут пройти пешком сто двадцать миль, оставшиеся до залива Туфолда.

Обеспокоенные, Гленарван и Джон Манглс осмотрели уцелевших лошадей. Быть может, окажется возможным предотвратить новые жертвы? Но осмотр не обнаружил на них не только признаков какой-либо болезни, но даже слабости. Лошади были вполне здоровы и отлично перенесли утомительное путешествие. Гленарван начал надеяться, что эта странная эпидемия не потребует больше жертв.

Такого же мнения был Айртон, который никак не мог понять причины этого молниеносного падежа животных.

Отряд снова тронулся в путь. По временам то один, то другой пешеход отдыхали в фургоне. Вечером после небольшого перехода, в десять миль, сделали привал и расположились лагерем. Ночь прошла благополучно под сенью древовидных папоротников, между которыми носились огромные летучие мыши, столь метко названные летающими лисицами.

Следующий день, 13 января, был погожий. Падеж скота прекратился. Состояние здоровья членов экспедиции попрежнему было удовлетворительное. Лошади и быки хорошо справлялись с работой. В «салоне» леди Элен благодаря непрерывному потоку посетителей было очень оживленно. Мистер Олбинет усердно

потчевал присутствующих прохладительными напитками, что было очень кстати при тридцатиградусной жаре. Выпили полбочонка шотландского эля. Все признали, что пивовары «Баркелей и К°» — величайшие граждане Англии, что они более велики, чем сам Веллингтон, никогда не варивший такого вкусного пива (уж таково самолюбие шотландца). Паганель пил много, но ораторствовал еще больше и на самые разнообразные темы.

Столь хорошо начавшийся день, казалось, должен был закончиться столь же удачно. Отряд прошел добрых пятнадцать миль по довольно гористой местности с почвой красноватого оттенка, и все надеялись в тот же вечер расположиться лагерем на берегах Сноуи, полноводной реки, впадающей на юге провинции Виктория в Тихий океан. Вскоре колеса фургона покатались по черноватой наносной почве, поросшей буйными травами и зарослями гастролобиума.

Наступал вечер. Туман, поднимавшийся на горизонте, четко обозначил местонахождение реки Сноуи. Быки протащили фургон еще несколько миль. За небольшим холмом дорога круто поворачивала в высокий лес. Айртон направил утомленных быков между высокими стволами, погруженными во мрак, и уже достиг опушки леса, как вдруг в полумиле от реки фургон завяз до самых ступиц.

— Осторожней! — крикнул он ехавшим за ним всадникам.

— Что случилось? — спросил Гленарван.

— Мы завязли, — ответил Айртон.

Он подгонял быков криками и ударами заостренной палки, но животные увязли по колена и не могли двинуться с места.

— Расположимся здесь лагерем, — предложил Джон Манглс.

— Это лучшее, что мы можем сделать, — отозвался Айртон. — Завтра при свете дня легче будет отсюда выбраться.

— Привал! — крикнул Гленарван.

После коротких сумерек быстро наступила ночь, но прохлады она не принесла. Воздух был душен; на

горизонте вспыхивали ослепительные молнии отдаленной грозы.

Кое-как устроились на ночлег в увязшем фургоне, а палатку раскинули под темными сводами больших деревьев. Только бы не полил ночью дождь, а так можно было, не жалуясь, провести ночь.

Айртону не без труда удалось высвободить быков из трясины, они завязли уже по брюхо. Он отвел их на пастбище вместе с лошадьми, выбрал им подножный корм, что делал всегда сам. Гленарван, заметив, что в этот вечер он проявил особое старание, тепло поблагодарил его, ибо хорошее состояние скота являлось теперь делом первейшей важности.

Тем временем путешественники скромно поужинали. Но усталость и духота лишали аппетита, и все нуждались не столько в пище, сколько в отдыхе. Элен и Мери Грант, пожелав всем спокойной ночи, улеглись на свои обычные места в фургоне. Мужчины легли, кто в палатке, кто прямо растянулся под деревьями, на густой траве, что не представляло никакой опасности для здоровья.

Мало-помалу все уснули тяжелым сном. Небо заволокло большими, густыми тучами, делалось все темней и темней. Воздух был неподвижен. Ночную тишину лишь изредка нарушали заунывные крики *морнука*, похожие на печальное кукование европейской кукушки.

Около одиннадцати часов вечера, после недолгого, нездорового сна, тяжелого и утомительного, майор проснулся. Он с удивлением заметил какой-то неясный свет, мерцавший среди деревьев. Мак-Наббс принял его было за распространившийся по земле пожар.

Он встал и направился к лесу. Велико же было его удивление, когда он увидел, что источником зарева была фосфоресценция огромного поля грибов. Их поры светились в темноте очень ярко.

Майор, не будучи эгоистом, уже хотел было разбудить Паганеля, чтобы и ученый полюбовался этим редким явлением, как вдруг остановился словно вкопанный.

Фосфорический свет освещал весь лес на полмили кругом, и Мак-Наббсу показалось, что какие-то тени скользят вдоль опушки. Был ли то обман зрения? Была ли это галлюцинация?

Майор бросился на землю и стал внимательно наблюдать. Вскоре он ясно увидел, как несколько человек, то нагибаясь, то снова выпрямляясь, искали на земле какие-то следы.

Следовало во что бы то ни стало узнать, чего хотят эти люди.

Мак-Наббс, не раздумывая и не будя своих спутников, пополз, словно дикий зверь в прериях, и исчез среди высоких трав.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Неожиданная развязка

Ночь была ужасна. В два часа пополудни полил проливной дождь и шел до утра. Палатка оказалась ненадежным убежищем. Гленарван и его спутники укрылись в фургоне. Никто не мог уснуть. Беседовали о том, о сем. Лишь майор, кратковременное отсутствие которого никто не заметил, молчал и слушал. Жесточайший ливень не прекращался. Можно было опасаться, что Сноуи выступит из берегов, а тогда, увязший в трясине, фургон оказался бы в очень критическом положении. Поэтому Мюльреды, Айртон и Джон Мангс поминутно ходили к реке взглянуть на уровень и возвращались, промокшие с головы до ног.

Наконец, начало светать. Дождь утих, но солнечные лучи не могли пробить плотной пелены облаков. Огромные лужи желтоватой воды, похожие на мутные, грязные пруды, покрывали кругом землю. Из размытой почвы поднимались горячие испарения, насыщая воздух нездоровой сыростью.

Гленарван прежде всего занялся фургоном. Он предполагал, что это самое важное. Принялись осматривать тяжелую повозку. Она глубоко осела среди большой котловины в вязкой глине. Передок почти целиком

провалился в трясину, а задний — по оси. Вытащить эту махину удастся, пожалуй, лишь соединенными усилиями людей, быков и лошадей.

— Во всяком случае, надо торопиться, ибо когда глина подсохнет, то вытащить фургон будет еще труднее, — заметил Джон Манглс.

— Поспешим, — отозвался Айртон.

Гленарван, оба матроса, Джон Манглс и Айртон отправились за быками и лошадьми в лес, где животные провели ночь. Это был мрачный лес высоких камедных деревьев. На большом расстоянии друг от друга высились засохшие деревья, давным-давно сброшившие с себя кору, или, точнее, деревья, с которых содрали лыко, как с пробковых дубов во время сбора пробки. В двухстах футах над землей торчали их чахлые кроны с переплетающимися между собой обнаженными ветвями. Ни одна птица не гнездилась на деревьях-скелетах, ни один лист не дрожал на сухих ветвях, стучащих, словно кости. Понять, что именно вызывает эту довольно частую в Австралии гибель целых лесов, будто пораженных какой-то эпидемической болезнью, очень трудно. Ни старики туземцы, ни их предки, уже давно почившие, никогда не видели эти леса зеленеющими.

Гленарван, идя лесом, смотрел на серое небо, на котором четко вырисовывались, словно вырезанные, мельчайшие веточки. Айртон очень удивляло, что он не находит лошадей и быков на том месте, куда он их отвел накануне, но стреноженные животные не могли забрести далеко!

Их стали искать в лесу, но безуспешно. Удивленный Айртон вернулся на берег Сноуи, поросший великолепными мимозами, и принялся громко звать быков привычным окликом, но те не появлялись. Боцман, казалось, был очень обеспокоен, спутники его тревожно переглядывались.

Так, в тщетных поисках, прошел уже целый час, и Гленарван собирался вернуться к фургону, находившемуся в доброй миле от него, как вдруг откуда-то издалека послышалось лошадиное ржанье, почти немедленно за ним раздалось мычанье.

— Вот они где! — воскликнул Джон Манглс, устремляясь в чащу высоких кустарников гастролобиума, которые свободно могли укрыть от глаз целое стадо.

Гленарван, Мюльреди и Айртон бросились вслед за ним и оцепенели: два быка и три лошади лежали подобно предыдущим животным на земле, словно сраженные молнией. Их трупы уже успели окоченеть, и стоя тощих воронов, каркая в гуще мимоз, подстерегала минуту, когда можно будет наброситься на добычу.

Гленарван и его спутники переглянулись, а у Вильсона невольно вырвалось крепкое словцо.

— Ничего не поделаешь, Вильсон, — сказал, едва сдерживаясь, лорд Гленарван. — Айртон, уведите уцелевших быка и лошадь. Теперь им вдвоем придется выручать нас из беды.

— Если бы фургон не увяз в грязи, — молвил Джон Манглс, — то эта пара животных, подвигаясь помаленьку, пожалуй, смогла бы дотащить повозку до побережья. Необходимо во что бы то ни стало высвободить эту проклятую повозку.

— Попытаемся сделать это, Джон, — ответил Гленарван. — А теперь вернемся в лагерь: там, верно, уже обеспокоены нашим долгим отсутствием.

Айртон снял путы с быка, а Мюльреди — с лошади, и все направились в лагерь вдоль извилистого берега реки.

Полчаса спустя Паганель, Мак-Наббс, Элен и Мери Грант были посвящены во все происшедшее.

— Очень досадно, Айртон, что вам не пришло в голову подковать всех наших животных тогда, когда мы проходили подле Уиммери, — не выдержав, сказал боцману майор.

— Почему, сэр?

— Да потому, что из всех лошадей уцелела только та, которую перековал ваш кузнец.

— Совершенно верно, — промолвил Джон Манглс. — Как это странно!

— Это просто случайность, и только, — ответил боцман, пристально глядя на майора.

Мак-Наббс сжал губы, как бы удерживая слова, которые готовы были сорваться с языка.

Гленарван, Манглс, Элен ждали, что майор пояснит свою мысль, но он молча направился к фургону, который осматривал Айртон.

— Что он хотел сказать? — спросил Гленарван у Джона Манглса.

— Не знаю, — ответил молодой капитан, — но майор не бросает слов на ветер.

— Правильно, Джон, — сказала Элен. — Мак-Наббс, очевидно, подозревает в чем-то Айртона.

— Подозревает? — пожимая плечами, молвил Паганель.

— Но в чем? — удивился Гленарван. — Неужели он считает Айртона способным убить наших лошадей и быков? С какой целью? Разве интересы боцмана не совпадают с нашими?

— Вы правы, мой дорогой Эдуард, — промолвила леди Элен, — и я добавлю, что боцман с самого начала нашего путешествия дал нам неоднократное доказательство преданности.

— Без сомнения, — подтвердил Джон Манглс. — Но что же в таком случае хотел сказать майор? Я хочу во что бы то ни стало это выяснить.

— Не считает ли он его сообщником каторжников? — неосторожно воскликнул Паганель.

— Каких каторжников? — спросила Мери Грант.

— Господин Паганель обмолвился, — поспешно ответил Джон Манглс. — Он прекрасно знает, что в провинции Виктория нет никаких каторжников.

— Ну, конечно, я это знаю, — спохватился географ, стараясь загладить свою ошибку. — Откуда я это взял? Какие каторжники — о них никто никогда не слышал в Австралии! К тому же не успеют они высадиться на берег, как тут же становятся порядочными людьми. Все климат! Знаете, мисс Мери, климат благотворно влияет на всех!

Бедный ученый, пытаясь исправить свой промах, подобно фургону, — все глубже увязал. Леди Элен не спускала с него глаз, и это лишало его хладнокровия.

Видя это и не желая больше смущать географа, Элен увела Мери в палатку, где мистер Олбинет накрывал на стол к завтраку по всем правилам искусства.

— Это меня следовало бы сослать на каторгу! — сконфуженно проговорил Паганель.

— Не спорю, — отозвался Гленарван.

Невозмутимо серьезный тон, каким это было сказано, еще сильнее огорчил достойного географа, а Гленарван вместе с Джоном Манглсом пошли к фургону.

Тем временем Айртон и оба матроса пытались вытащить фургон из трясины. Бык и лошадь, впряженные бок о бок, напрягали все силы. Постромки, казалось, вот-вот лопнут, хомуты готовы были разорваться. Вильсон и Мюльреди силились сдвинуть с места колеса, а боцман подгонял животных криком и ударами. Но тяжелый фургон не трогался с места. Высохшая глина держала его, словно цемент.

Джон Манглс приказал полить глину водой, чтобы она размякла. Тщетно: повозка оставалась неподвижной. После новых бесплодных усилий люди и животные прекратили напрасный труд. Оставалось разобрать фургон на части. Но для этого нужны были инструменты, а их не было.

Лишь Айртон не сдавался — он во что бы то ни стало хотел преодолеть это препятствие и собирался предпринять новую попытку, но Гленарван удержал его.

— Довольно, Айртон, довольно! — сказал он. — Надо поберечь быка и лошадь, поскольку нам придется продолжать путешествие пешком, то лошадь повезет путешественниц, а бык — провизию. Они нам еще будут полезны.

— Хорошо, сэр, — ответил боцман и стал отпрягать измученных животных.

— А теперь, друзья мои, — продолжал Гленарван, — вернемтесь в лагерь. Устроим совещание, обсудим наше положение, взвесим, на что мы можем надеяться и чего следует опасаться, и примем то или иное решение.

Путешественники, подкрепив силы после тяжелой ночи скромным завтраком, начали совещаться. Всем присутствующим предложено было высказаться.

Прежде всего следовало точно определить местонахождение лагеря. Паганель, на которого это задание было возложено, выполнил его со всей требуемой пунктуальностью.

По его словам, экспедиция находилась на берегу реки Сноуи, на тридцать седьмой параллели, под 147°53' долготы.

— А каковы точные координаты залива Туфолда? — спросил Гленарван.

— Он находится на сто пятидесятом градусе долготы, — ответил Паганель.

— Сколько же миль составляют эти два градуса семь минут?

— Семьдесят пять миль.

— А в каком расстоянии от нас Мельбурн?

— По меньшей мере в двухстах милях.

— Хорошо, — сказал Гленарван. — Теперь, когда местоположение выяснено, остается решить, что нам предпринять.

Ответ был единодушный: немедленно идти к побережью океана. Элен и Мери Грант обязались делать в сутки по пяти миль. Отважные женщины готовы были, если понадобится, пройти пешком от реки Сноуи до залива Туфолда.

— Вы отважный товарищ в путешествии, дорогая Элен, — сказал жене Гленарван. — Но найдем ли мы на побережье все то, в чем нуждаемся?

— Несомненно, — ответил Паганель. — Иден — город, существующий не со вчерашнего дня, и его порт должен быть связан с Мельбурном, я даже полагаю, что в тридцати пяти милях отсюда, в поселке Делегит, мы сможем запастись съестными припасами и добыть какие-нибудь средства передвижения.

— А как быть с «Дунканом»? — спросил Айртон. — Не считаете ли вы, милорд, своевременным приказать ему идти в залив Туфолда?

— Ваше мнение, Джон? — спросил Гленарван.

— Мне кажется, сэр, что не следует с этим торопиться, — ответил, подумав, молодой капитан. — Вы всегда успеете вызвать Тома Остина к побережью.

— Это совершенно очевидно, — добавил Паганель.

— Заметьте, — продолжал Джон Манглс, — что через четыре-пять дней мы будем в Идене.

— Четыре-пять дней? — повторил Айртон, качая головой. — Нет, капитан, считайте дней пятнадцать, а то и все двадцать, если впоследствии вы не хотите раскаиваться в просчете.

— Пятнадцать или двадцать дней на семьдесят пять миль! — воскликнул Гленарван.

— Не менее, сэр. Нам предстоит пробираться по самой дикой части Виктории — через пустынные места, где, по словам скваттеров, нет никаких стоянок, где ничего нельзя достать. Все там заросло кустарником, дорог нет. Продвигаться придется с топором или факелом в руках, а при таких условиях, поверьте мне, вы много в день не пройдете.

Айртон заговорил уверенно, и глаза всех присутствующих вопросительно обратились к Паганелю, тот кивком головы подтвердил слова боцмана.

— Пусть так, — сказал Джон Манглс. — Ну что ж, в таком случае вы пошлете распоряжение «Дункану» через пятнадцать дней.

— Кроме того, — продолжал Айртон, — препятствия, о которых я упоминал, не самые главные, но ведь придется переправляться через реку Сноуи и, по всей вероятности, ждать убыли воды.

— Ждать? — воскликнул молодой капитан. — Да разве там нельзя найти брод?

— Не думаю, — ответил Айртон. — Сегодня утром я уже искал брод, но напрасно. Редко можно встретить в эту пору года реку, столь полноводную, ну, а поскольку это так, то с этим ничего не поделаешь.

— А разве Сноуи так широка? — спросила Элен Гленарван.

— И широка и глубока, миссис, — ответил Айртон. — Шириной с милю, и течение ее очень стремительно. Даже хороший пловец с трудом мог бы переплыть ее.

— Ну так что ж! — воскликнул ничем не смущавшийся Роберт. — Соорудим челнок. Срубим дерево, выдолбим его и поплывем. Вот и все!

— Молодец, сын капитана Гранта! — воскликнул Паганель.

— И он прав, — сказал Джон Манглс. — Нам этого не избежать. По-моему, нечего зря терять время на бесполезные прения.

— А вы что скажете, Айртон, — обратился к боцману Гленарван.

— Боюсь, сэр, что если во-время не подоспееет помощь, то мы и через месяц будем еще сидеть на берегах Сноуи.

— А у вас есть другой, какой-нибудь лучший план? — с некоторой досадой спросил Джон Манглс.

— Да, если «Дункан» покинет Мельбурн и приблизится к восточному побережью.

— Опять «Дункан»? А чем, скажите, нам поможет яхта, когда придет в залив Туфолда?

— Я не настаиваю на своем мнении. То, что я предлагаю, я предлагаю в общих интересах и готов пуститься в путь, как только вы прикажете, — после некоторого размышления довольно уклончиво ответил боцман.

И он скрестил руки на груди.

— Это не ответ, Айртон, — сказал Гленарван. — Посвятите нас в ваши планы, и мы обсудим их. Что же вы предлагаете?

— Я предлагаю следующее: в том тяжелом положении, в каком мы находимся, не подвергать себя риску, удаляясь от берегов Сноуи, — начал спокойным и уверенным тоном Айртон, — а ждать помощи здесь, получить ее мы сможем только от «Дункана». Раскинем здесь лагерь, и пусть один из нас отвезет Тому Остину приказ плыть в залив Туфолда.

Все были озадачены этим неожиданным предложением, а Джон Манглс явно недоволен.

— Тем временем, — продолжал боцман, — или вода в Сноуи спадет, тогда мы сможем перебраться через нее вброд, или мы соорудим лодку. Вот план, который я предлагаю, сэр.

— Хорошо, Айртон, — ответил Гленарван, — ваше предложение заслуживает серьезного обсуждения. Основной его недостаток заключается в промедлении,

но зато мы избежим изнурительной траты сил и, может быть, избежим многих опасностей. Что скажете, друзья мои?

— Говорите вы, дорогой Мак-Наббс, — обратилась к майору Элен. — Вы с самого начала обсуждения только слушаете и не проронили ни единого слова.

— Поскольку вы спрашиваете мое мнение, — ответил Мак-Наббс, — то я откровенно его выскажу: мне кажется, что Айртон сейчас говорил как человек умный и осторожный, и я поддерживаю его предложение.

Никто не ожидал такого ответа, ибо до сих пор Мак-Наббс всегда оспаривал все предложения Айртонна. Сам боцман был, видимо, удивлен; он бросил украдкой взгляд на майора. Паганель, Элен и матросы были и без того склонны поддержать проект Айртонна, а слова Мак-Наббса рассеяли их последние сомнения.

Гленарван объявил, что в принципе план Айртонна принимается.

— Ну, Джон, — спросил Гленарван молодого капитана, — вы тоже теперь согласны, что лучше остаться здесь, на берегу реки, и ждать средств переправы?

— Да, — ответил Джон Манглс, — если только наш гонец сумеет переправиться через Сноуи, чего мы не можем.

Все взглянули на боцмана. Тот торжествующе улыбнулся.

— Гонец не будет переправляться через реку, — заявил он.

— Не будет? — удивился Джон Манглс.

— Он вернется на Люкноускую дорогу и по ней отправится в Мельбурн.

— Двести пятьдесят миль пешком! — воскликнул молодой капитан.

— Нет, верхом, — ответил Айртон. — У нас имеется одна здоровая лошадь. На ней дня в четыре можно покрыть это расстояние. Прибавьте к этому два дня на переход «Дункана» в залив Туфолда и еще сутки, чтобы добраться до нашего лагеря. Итого, нужна неделя, чтобы гонец с отрядом матросов был здесь.

Майор кивал головой на слова Айртона, что очень удивляло Джона Манглса. Итак, предложение боцмана было принято единогласно, оставалось лишь выполнить этот действительно хорошо задуманный план.

— А теперь, друзья мои, — сказал Гленарван, — нам остается выбрать гонца. Он возьмет на себя поручение и трудное и рискованное, не буду этого скрывать. Кто готов пожертвовать собой ради своих товарищей? Кто отправится в Мельбурн с нашим наказом?

Вильсон, Мюльреди, Джон Манглс, Паганель и даже Роберт тотчас же предложили свои услуги. Особенно настойчив был Джон Манглс.

Но тут заговорил молчавший до этой минуты Айртон:

— Если вам угодно, сэр, то поеду я. Я знаю этот край. Много раз я скитался по местам, еще более диким и опасным. Я выпутаюсь из беды там, где другой погибнет. Поэтому я, в общих интересах, прошу отправить в Мельбурн меня. Вы дадите мне письмо к помощнику капитана яхты, и я ручаюсь, что через шесть дней «Дункан» бросит якорь в заливе Туфолда.

— Хорошо сказано, Айртон! — ответил Гленарван. — Вы человек умный и смелый и добьетесь своего!

Действительно, было очевидно, что Айртон лучше, чем кто-либо иной, справится с этой трудной задачей.

Все были согласны с этим. Лишь Джон Манглс сделал последнее возражение, сказав, что Айртон необходим, чтобы разыскать следы «Британии» и Гарри Гранта, но майор ответил, что экспедиция до возвращения боцмана никуда не тронется с берегов Сноуи и потому не может быть и речи о возобновлении этих важных поисков в его отсутствие. Следовательно, отъезд Айртон не принесет никакого ущерба интересам капитана Гранта.

— Итак, в путь, Айртон, — сказал Гленарван. — Не мешкайте и возвращайтесь через Иден в наш лагерь у Сноуи.

В глазах боцмана сверкнуло торжество. Он быстро отвернулся, но Джон Манглс уловил эту радость. Молодой капитан лишь инстинктивно чувствовал, как растет его недоверие к Айртону.

Боцман занялся приготовлениями к отъезду. Ему помогали два матроса: один седлал лошадь, другой заготавливал провизию. Гленарван в это время писал письмо Тому Остину. Он в нем приказывал помощнику капитана «Дункана» немедленно идти в залив Туфолда. Он рекомендовал Айртона как человека, на которого можно всецело положиться. По прибытии яхты на восточное побережье Том Остин должен был дать в распоряжение Айртона отряд матросов с яхты. Гленарван как раз дошел в письме до этого предписания, когда Мак-Наббс, не спускавший глаз со своего кузена, каким-то особенным тоном спросил его, как пишет он имя «Айртон».

— Так, как оно произносится, — ответил Гленарван.

— Это ошибка, — спокойно возразил майор, — оно произносится «Айртон», но пишется «Бен Джойс»!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

«Ландия! Зеландия!»

Это имя, Бен Джойс, произвело впечатление удара молнии. Айртон резко выпрямился. В руках его блеснул револьвер. Грянул выстрел. Гленарван упал. Снаряды раздалась ружейная стрельба.

Джон Манглс и матросы, растерявшиеся в первую минуту от неожиданности, бросились на Бена Джойса, но дерзкий каторжник уже исчез и присоединился к своей шайке, рассеянной на опушке камедного леса.

Палатка не представляла собой достаточной защиты от пуля. Пришлось отступать. Легко раненный Гленарван поднялся на ноги.

— К фургону! К фургону! — крикнул Джон Манглс, увлекая за собой Элен и Мери Грант, и вскоре они были в безопасности под прикрытием толстых дощатых боковых стенок фургона.

Джон Манглс, майор, Паганель и матросы схватили свои карабины и, укрываясь за фургоном, пригото-

лись отражать нападение каторжников. Олбинет поспешил занять место среди защитников.

Все это произошло с быстротой молнии. Джон Манглс внимательно наблюдал за лесной опушкой. Как только Бен Джойс добрался до своей шайки, выстрелы тотчас же прекратились. После беспорядочной стрельбы наступила глубокая тишина. Лишь там и сям среди камедных деревьев в воздухе вился легкий дымок. Высокие кусты гастролобиума не шевелились. Не было никаких признаков нападающих.

Майор и Джон Манглс предприняли разведку вплоть до опушки леса. Никого не было видно. Лишь кое-где виднелись многочисленные следы ног да дымился, догорая, затравочный порох. Майор, будучи человеком осторожным, затоптал его, понимая, что одной искры достаточно, чтобы зажечь страшный пожар в этом лесу высохших деревьев.

— Каторжники скрылись, — промолвил Джон Манглс.

— Да, — отозвался майор, — но это исчезновение тревожит меня. Я предпочел бы встретиться с этими разбойниками лицом к лицу: не так страшен тигр на равнине, как змея среди высоких трав. Обследуем этот кустарник вокруг фургона.

Майор и Джон Манглс обыскали всю окружающую местность. От опушки леса до берегов Сноуи они не встретили ни одного каторжника. Шайка Бена Джойса, казалось, умчалась, как стая хищных птиц. Это исчезновение было слишком странно, чтобы путешественники могли чувствовать себя в безопасности. Поэтому решили держаться настороже. Фургон — настоящая увязшая в глине крепость — превратился в центр лагеря. Два человека, меняясь каждый час, стояли на страже.

Первой заботой Элен и Мери Грант было перевязать рану Гленарвана. В ту минуту, когда ее муж упал, сраженный пулей Бена Джойса, леди Элен в ужасе бросилась к нему. Но, овладев собой, эта мужественная женщина помогла раненому дойти до фургона. Когда обнажили плечо Гленарвана, то майор,

исследовав рану, убедился, что пуля не задела ни костей, ни мускулов. Рана сильно кровоточила, но Гленарван, свободно двигая пальцами и предплечьем, успокоил жену и друзей. Тотчас же сделали перевязку, и Гленарван потребовал, чтобы о нем больше не беспокоились. Настало время обсудить только что происшедшие события. Путешественники, за исключением Мюльреди и Вильсона, стороживших снаружи, кое-как разместились в фургоне и обратились к майору за разъяснениями.

Но прежде чем начать рассказ, Мак-Наббс поведал леди Элен о том, о чем она не подозревала, то есть о побеге шайки каторжников из Пертской тюрьмы, об их появлении в провинции Виктория и о том, что крушение поезда на Кемденском мосту было делом их рук. Он показал ей номера «Австралийской и Новозеландской газеты», купленные им в Сеймуре, и прибавил, что полиция назначила премию в сто фунтов за голову Бена Джойса — опасного бандита, стяжавшего себе благодаря множеству преступлений мрачную славу.

Но каким образом Мак-Наббс признал в боцмане Айртоне Бена Джойса? Это была тайна, и всем хотелось узнать ее, и майор рассказал следующее.

С первого же дня встречи с Айртоном Мак-Наббс инстинктивно почувствовал к нему недоверие. Два-три незначительных факта, взгляд, которым боцман обменялся с кузнецом у реки Уиммери, его постоянное стремление по возможности миновать города и поселения, его настойчивое желание вызвать «Дункан» на восточное побережье, загадочная гибель бывших на его попечении животных — все это вместе взятое, а также какая-то настороженность боцмана в его поступках и словах возбуждало в майоре подозрения. Однако до событий прошлой ночи Мак-Наббс не мог определить, в чем именно он подозревает Айртон.

Но прошлой ночью, продираясь среди высоких кустов, он в полумиле от лагеря добрался до подозрительных теней, привлекая издали его внимание. Фосфоресцировавшие грибы чуть светились во мраке. Три человека рассматривали какие-то следы на земле, и среди них Мак-Наббс узнал кузнеца из Блек-Пойнта.

«Это они», — сказал один. «Да, — отозвался другой, — вот и трилистник на подкове». — «След идет от самой Уиммери». — «Все лошади околели». — «Яд под рукой». — «Его так много, что хватит на то, чтобы вывести из строя целый кавалерийский полк». — «Да, полезное растение этот гастролобиум!»

— Голоса смолкли, — продолжал Мак-Наббс, — и они удалились. Но того, что я слышал, было слишком мало, я последовал за ними. Вскоре разговор возобновился. «Ну и ловкач этот Бен Джойс! — сказал кузнец. — Как этот молодчина боцман хитро придумал насчет кораблекрушения! Если его план удастся, то мы богачи! Этот Айртон черт, а не человек». — «Нет, зови его Бен Джойс, он заслужил это имя!» Затем негодяи ушли из леса. Теперь я знал все, что мне нужно, и вернулся в лагерь, твердо убежденный в том, что Австралия не так уж благотворно влияет на всех каторжников, не в упрек будь это сказано Паганелю.

Майор умолк. Товарищи его сидели молча, размышляя.

— Итак, Айртон завлек нас сюда, чтобы ограбить и убить? — проговорил бледный от гнева Гленарван.

— Да! — ответил майор.

— И начиная от реки Уиммери его шайка идет по нашим следам, ожидая благоприятного момента?

— Да.

— Но, значит, этот негодяй вовсе не матрос «Британии»? Значит, он присвоил себе имя Айртона, украл его договорную книжку?

Все взглянули на Мак-Наббса: ведь ему тоже должны были прийти в голову подобные мысли.

— По-моему, достоверно во всей этой темной истории следующее, — ответил майор своим неизменно спокойным голосом. — По-моему, имя этого человека действительно Айртон. Бен Джойс — это его кличка. Несомненно, что он знал Гарри Гранта и что он был боцманом на борту «Британии». Эти факты с теми подробностями, которые Айртон рассказывал, подтверждаются разговорами каторжников. Не будем блуждать среди бесполезных гипотез, а признаем бесспорным, что Айртон и Бен Джойс — одно и то же лицо,

матрос «Британии» стал впоследствии главарем шайки беглых каторжников.

Эти объяснения Мак-Наббса не вызвали возражений.

— А теперь, — сказал Гленарван, — объясните мне, Мак-Наббс, каким образом и почему бывший боцман Гарри Гранта попал в Австралию?

— Каким образом? Не знаю, — ответил майор. — Да и полиция заявляет, что осведомлена не более моего. Почему? Это мне тоже неизвестно. Здесь кроется тайна, которую разъяснит только будущее.

— Полиция даже не подозревает, что Айртон и Бен Джойс одно и то же лицо, — заметил Джон Манглс.

— Вы правы, Джон, — ответил майор. — А эти сведения значительно облегчили бы розыски.

— Очевидно, этот несчастный поступил на ферму Падди О'Мура с какой-то преступной целью, — промолвила Элен.

— Несомненно, — отозвался Мак-Наббс. — Он, видимо, подготовлял какое-то покушение на ирландца, а тут ему подвернулось нечто более заманчивое. Случай свел его с нами. Он услышал рассказ Гленарвана, узнал историю кораблекрушения и, будучи дерзким и смелым человеком, тут же решил этим воспользоваться. Решено было организовать экспедицию. У Уиммери он вошел в сношения с одним из своих людей, кузнецом из Блек-Пойнта. Тот, подковав лошадь Гленарвана подковой с трилистником, дал тем самым возможность шайке идти по нашим следам. С помощью ядовитого растения Бен Джойс отравил одного за другим наших быков и лошадей. Наконец, когда пришло время, он завел нас в болота Сноуи и там предал в руки беглых каторжников, главой которых является.

Вся история Бена Джойса стала понятной. Майор, раскрыв тайну Бена Джойса, представил этого негодяя таким, каким был он на самом деле: дерзким и опасным преступником. Замыслы его были теперь разоблачены и обзывали Гленарвана к величайшей бдительности. К счастью, разоблаченный разбойник был менее опасен, чем предатель.

Однако из соображений, столь всесторонне выясненных майором, вытекал еще один важный вывод, о котором пока никто, кроме Мери Грант, не подумал. В то время как другие обсуждали прошлое, она думала о будущем.

Джон Манглс вдруг заметил ее бледное лицо, ее отчаяние. Он сразу понял, что она должна была переживать.

— Мисс Мери! Мисс Мери! Вы плачете! — воскликнул он.

— Ты плачешь, мое дитя? — с участием обратилась к ней леди Элен.

— Отец, мой отец!.. — прошептала бедняжка.

Она не в силах была продолжать. Но внезапно всех осенила одна и та же мысль — всем стали понятны и слезы Мери и причина, вызвавшая их. Она вспомнила отца!

Разоблачение предательства Айртона убивало всякую надежду найти Гарри Гранта. Каторжник, для того чтобы заманить Гленарвана вглубь материка, выдумал крушение у австралийского побережья. Об этом определенно говорили бандиты, когда их подслушал Мак-Наббс. Никогда «Британия» не разбивалась о подводные камни залива Туфолда! Никогда Гарри Грант не ступал ногой на Австралийский материк! Второй раз произвольное толкование документа толкнуло экспедицию на ложный путь.

Подавленные горем юных Грантов, спутники хранили гробовое молчание. Роберт плакал, прижавшись к сестре. Паганель бормотал досадливо:

— О! Злосчастный документ! тяжелому испытанию подвергаешь ты умы дюжины честных людей!

И, негодуя на самого себя, почтенный географ так яростно колотил себя кулаком по лбу, словно хотел размоэжить себе череп.

Тем временем Гленарван подошел к Мюльреди и Вильсону, стоявшим на страже. Глубокая тишина царила в долине между опушкой леса и рекой. Темные густые облака стлались по небу. Среди этой, погруженной в оцепенение природы далеко разнесся бы малейший звук, а между тем кругом царила мертвая

тишина. Повидимому, Бен Джойс и его шайка удалились на порядочное расстояние, иначе не порхали бы так весело на нижних ветвях деревьев стаи птиц, не объедали бы несколько кенгуру так мирно молодые побеги, не высовывала так доверчиво из кустов головы пара казуаров — все служило признаком того, что нет людей в окрестной мирной глуши.

— Вы ничего подозрительного не заметили и не слышали за последний час? — спросил Гленарван у матросов.

— Нет, ничего, сэр, — ответил Вильсон, — очевидно, каторжники теперь за несколько миль отсюда.

— По всей вероятности, их было слишком мало и они не рискнули напасть на нас, — добавил Мюльреди. — Надо думать, что этот Бен Джойс отправился вербовать себе помощников среди других, таких же беглых каторжников, которые бродят у подножья Альп.

— Возможно, что так, Мюльреди, — согласился Гленарван. — Эти негодяи — трусы. Они знают, что мы вооружены и вооружены прекрасно. Быть может, они ждут ночи, чтобы напасть на нас. Когда стемнеет, усилим бдительность. Ах, если бы мы могли выбраться из этого болота и продолжать путь к побережью! Но подъем воды в реке задерживает нас. Я оплатил бы золотом плот, который переправил бы нас на противоположный берег.

— А почему вы не прикажете нам выстроить такой плот, сэр? — спросил Вильсон. — Ведь деревьев здесь сколько угодно.

— Нет, Вильсон, — ответил Гленарван, — Сноуи это не река, а стремительный поток.

Тут к Гленарвану подошли Джон Манглс, майор и Паганель. Они только что обследовали Сноуи. В результате последних дождей воды реки поднялись еще на один фут. Они неслись стремительно, напоминая пороги американских рек. Нечего было и думать плыть по этой ревущей, клокочущей реке со множеством водоворотов. Джон Манглс заявил, что переправа невозможна.

— Однако нечего здесь сидеть сложа руки, — прибавил он. — То, что мы хотели предпринять до предательства Айртона, теперь, на мой взгляд, еще более необходимо.

— Что вы хотите сказать, Джон? — спросил Гленарван.

— Я хочу сказать, что нам срочно необходима помощь, и если нельзя попасть в залив Туфолда, то надо отправиться в Мельбурн.

— Но это рискованная попытка, Джон, — сказал Гленарван. — Не говоря уже обо всех опасностях подобного путешествия в двести миль по дикой стране, надо думать, что все дороги, все тропы, вероятно, отрезаны сообщниками Бена Джойса.

— Конечно, сэр, но нельзя же бездействовать. Айртону, по его словам, требовалась неделя, чтобы привести сюда матросов с «Дункана»; а я вернусь с ними на берега Сноуи через шесть дней. Итак, сэр? Каковы же будут ваши приказания?

Гленарвана опередил Паганель.

— Я должен высказать одно соображение, — сказал он. — Ехать в Мельбурн безусловно надо, но зачем опасностям подвергать Джона Манглса? Он капитан «Дункана» и поэтому не имеет права рисковать своей жизнью. Вместо него поеду я.

— Хорошо сказано! — похвалил майор. — Но почему вы?

— А мы-то разве не можем ехать? — в один голос воскликнули Мюльреди и Вильсон.

— А неужели вы думаете, что меня испугает путешествие в двести миль верхом? — спросил Мак-Наббс.

— Друзья мои, — заговорил Гленарван, — поскольку кто-то должен ехать в Мельбурн, то бросим жребий. Паганель, пишите наши имена.

— Во всяком случае, не ваше, сэр, — сказал Джон Манглс.

— Почему? — спросил Гленарван.

— Вы не имеете права покинуть леди Элен, и, кроме того, ваша рана еще не зажила!

— Гленарван, вы не должны покидать экспедицию! — воскликнул Паганель.

— Правильно, — сказал Мак-Наббс. — Ваше место здесь, Эдуард, вы должны остаться.

— Поездка предстоит опасная, и я не хочу взвалить мою долю опасности на других, — ответил Гленарван. — Пишите, Паганель. Пусть мое имя будет смешано с именами моих товарищей, и дай бог, чтобы жребий выпал мне.

Пришлось подчиниться его решению. Имя Гленарвана присоединили к остальным именам. Начали тянуть жребий, и он пал на Мюльреди. У отважного матроса вырвалось радостное «ура».

— Сэр, я готов пуститься в дорогу, — отрапортовал он.

Гленарван пожал руку Мюльреди и направился к фургону, а майор и Джон Манглс остались на страже.

Леди Элен немедленно узнала о решении послать гонца в Мельбурн и о том, на кого пал жребий. Она нашла слова для честного матроса, которые глубоко растрогали его. Все знали Мюльреди как человека храброго, толкового, неутомимого, и действительно случай выбрал удачного гонца.

Отъезд Мюльреди назначили на восемь часов вечера, после коротких австралийских сумерек. Вильсон взял на себя снарядить лошадь. Он предложил заменить предательскую подкову на левой ноге обыкновенной подковой, снятой с копыта одной из павших ночью лошадей. Благодаря этому каторжники не распознают следов Мюльреди, а преследовать его пешими они не смогут.

В то время как Вильсон был занят перековкой лошади, Гленарван занялся письмом Тому Остину, но ему мешала раненая рука, и он попросил Паганеля написать вместо него. Ученый, поглощенный какой-то навязчивой мыслью, казалось, не замечал того, что происходило вокруг. Среди всех этих тревожных обстоятельств Паганель думал лишь об одном: о неправильном истолковании документа. Он всячески переставлял слова, стараясь извлечь новый смысл, и с головой погрузился в эту работу.

Поэтому он не сразу понял просьбу Гленарвана, и тот принужден был повторить ее.

— А, прекрасно! Я готов! — отозвался Паганель.

И он, машинально вырвав листок из своей записной книжки, взял в руки карандаш и приготовился писать.

Гленарван начал диктовать следующее:

— «Приказываю Тому Остину немедленно выйти в море и отвести «Дункан»...

Дописывая это слово, Паганель случайно взглянул на валявшийся на земле номер «Австралийской и Новозеландской газеты».

Газета была сложена таким образом, что виднелось лишь слово *зеландская*. Паганель вдруг прекратил писать и, повидимому, забыл и Гленарвана, и его письмо, и то, что ему диктовали.

— Паганель! — окликнул его Гленарван.

— Ах! — воскликнул географ.

— Что с вами? — спросил майор.

— Ничего, ничего, — пробормотал Паганель. Потом он зашептал про себя: — Зеланд... ланд... ландия!

Он вскочил. Он схватил газету. Он тряс ее, стараясь удержать слова, рвавшиеся с его уст.

Леди Элен, Мери, Роберт, Гленарван с удивлением смотрели на географа, не понимая причины его волнения.

Паганель был похож на человека, который внезапно сошел с ума. Но его возбуждение быстро прошло. Ученый мало-помалу успокоился. Радость, блиставшая в его глазах, угасла. Он снова сел на свое место и спокойно сказал:

— Я к вашим услугам, сэр.

Гленарван возобновил диктовку письма, которое в окончательном виде гласило следующее: «Приказываю Тому Остину немедленно выйти в море и отвести «Дункан», придерживаясь тридцать седьмой параллели, к восточному побережью Австралии».

— Австралии? — переспросил Паганель. — Ах да, Австралии!..

Закончив письмо, географ передал его на подпись Гленарвану. Тот кое-как подписал — ему мешала рана.

Письмо запечатали. Паганель дрожавшей от волнения рукой надписал адрес:

«Тому Остину, помощнику капитана яхты «Дункан», Мельбурн».

Затем он вышел из фургона, жестикулируя и бормоча непонятные слова:

— Ландия! Ландия! Зеландия!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Четыре мучительных дня

Остаток дня прошел без происшествий. Все приготовления к отъезду Мюльреди были закончены. Честный матрос был счастлив доказать Гленарвану свою преданность.

К Паганелю вновь вернулись его хладнокровие и обычная манера держать себя. Правда, по его виду можно было догадаться, что он беспрерывно о чем-то размышляет, но он решил скрывать свою заботу. Надо полагать, что у него на это были серьезные основания, ибо майор слышал, как он повторял, словно борясь с самим собой:

— Нет, нет! Они мне не поверят! Да и зачем? Теперь уже слишком поздно!

Приняв это решение, Паганель показал Мюльреди, какой дорогой тому следует ехать в Мельбурн. Он объяснил по карте, что все тропинки в степи вели на дорогу в Люкноу. Эта дорога шла на юг до самого побережья и там круто поворачивала к Мельбурну. Мюльреди должен был все время держаться этого пути, не пытаясь ехать напрямик по малоизвестной местности. Ничего не могло быть проще, и Мюльреди не мог заблудиться. Опасность грозила лишь вблизи лагеря, на протяжении нескольких миль, где, по всей вероятности, прятались в засаде Бен Джойс и его шайка. Минув это место, Мюльреди мог спокойно продолжать путь, зная, что каторжники его уже не

догонят и он благополучно выполнит возложенное на него важное поручение.

В шесть часов пообедали. Лил проливной дождь, палатка протекала, и поэтому все укрылись в фургоне, который к тому же представлял надежное убежище. Увязнув в глине, он прочно покоился на ней, словно крепость на фундаменте. Арсенал состоял из семи карабинов и семи револьверов и давал возможность выдерживать довольно продолжительную осаду, ибо не было недостатка ни в боевых, ни в съестных припасах. Между тем не позже как через шесть дней «Дункан» должен был бросить якорь в заливе Туфолда, а еще через сутки его команда должна была появиться на противоположном берегу Сноуи. Даже если переправиться через реку будет невозможно, то шайка каторжников все равно вынуждена будет отступить перед превосходящими силами противника. Но для всего этого необходимо было, чтобы Мюльреди успешно выполнил свое опасное поручение.

В восемь часов вечера совершенно стемнело. Настала пора отправляться в путь. Привели оседланную лошадь. Ее копыта, из предосторожности обернутые тряпками, беззвучно ступали по земле. Животное имело утомленный вид, а между тем от его выносливости зависело общее спасение. Майор посоветовал Мюльреди поберечь силы коня, как только он окажется за пределами досягаемости для каторжников. Лучше опоздать на полдня, но зато наверняка добраться до цели.

Джон Манглс передал матросу револьвер, который он сам тщательно зарядил. Это было грозное оружие в руках отважного человека, ибо шесть выстрелов, один за другим, могли легко расчистить дорогу от преграждавших ее бандитов. Мюльреди вскочил на коня.

— Вот письмо, передай его Тому Остину, — сказал Гленарван. — Скажи: пусть, не теряя ни минуты, ведет «Дункан» в залив Туфолда, и если не найдет нас там, значит мы не смогли переправиться через Сноуи, — пусть тогда немедленно сам спешит нам на помощь! А теперь в путь, мой честный матрос, и да хранит тебя бог!

Гленарван, Элен и Мери Грант — все крепко пожали Мюльреди руку. Этот отъезд в темную дождливую ночь, дорогой, где на каждом шагу подстерегала опасность, сквозь необъятные пространства дикого, неизведанного края заставил бы сжаться сердца людей менее крепких духом, чем отважный матрос.

— Прощайте, сэр, — промолвил он спокойно.

И исчез, поскакав по тропе, шедшей вдоль опушки леса.

В эту минуту буря забушевала еще сильнее. Сухие ветви эвкалиптов глухо стучали друг о друга, порой слышно было, как они, с треском отламываясь, падали на размякшую землю. Немало гигантских деревьев, уже высохших, но до сих пор еще устойчивых, свалились в эту бурную ночь. Среди треска деревьев и рева Сноуи завывал ураган. Густые тучи, гонимые ветром к востоку, низко стлались над землей, словно клубы пара. Беспросветный мрак делал эту ночь еще более жуткой.

После отъезда Мюльреди путешественники забились в фургон. Элен, Мери, Гленарван и Паганель разместились в переднем отделении, наглухо закрытом. Во втором отделении устроились Олбинет, Вильсон и Роберт. Майор и Джон Манглс несли дозор снаружи. Это было необходимо, ибо можно было ожидать внезапного нападения каторжников.

Два верных стража находились на своем посту, стойчески перенося хлеставшие им в лицо порывы дождя и ветра. Они старались пронизать глазами мрак столь благоприятный для нападения, так как вой бури, шум ветра, треск сучьев, грохот валившихся деревьев и гул бушевавшего потока мешали что-либо расслышать.

Тем не менее среди этого оглушительного шума порой наступало короткое затишье. Ветер умолкал, словно переводя дыхание, и только Сноуи бурлила среди неподвижных камышей и черной завесы камедных деревьев. В такие мгновения тишина казалась особенно глубокой. Тогда майор и Джон Манглс прислушивались с удвоенным вниманием.

В одно из таких мгновений затишья до них донесся

пронзительный свист. Джон Манглс быстро подошел к майору.

— Слышали? — спросил он.

— Да, — ответил Мак-Наббс. — Но что это — человек или животное?

— Человек, — ответил Джон Манглс.

Оба стали напряженно вслушиваться. Внезапно необъяснимый свист повторился, ему ответил звук, похожий на выстрел. В этот миг буря забушевала с новой яростью.

Мак-Наббс и Джон Манглс, не будучи в состоянии расслышать друг друга, отошли обратно к фургону и стали с подветренной стороны. В эту минуту кожаные занавеси фургона отодвинулись, и Гленарван присоединился к товарищам. Он, как и они, слышал зловещий свист и выстрел, отдавшийся эхом под брезентовым навесом.

— Откуда донесся свист? — спросил он.

— Оттуда, — ответил Джон Манглс, указывая в сторону темной тропы, по которой поехал Мюльреди.

— С какого расстояния?

— Звуки донес ветер. Вероятно, милях в трех отсюда, — ответил Джон Манглс.

— Идем! — сказал Гленарван, вскидывая на плечо карабин.

— Нельзя! — отозвался майор. — Это западня, расставленная бандитами, они хотят отвлечь нас подальше от фургона.

— А если Мюльреди убили эти негодяи? — настаивал Гленарван, схватив за руку Мак-Наббса.

— Мы узнаем об этом завтра, — хладнокровно ответил майор, твердо решивший помешать Гленарвану совершить этот опрометчивый поступок.

— Вам нельзя оставлять лагерь, сэр, — сказал Джон, — пойду я.

— Ни в коем случае, — твердо возразил Мак-Наббс. — Неужели вы хотите, чтобы нас перебили поодиночке, хотите ослабить наши силы, хотите отдалиться на милость этих злодеев? Если Мюльреди убит, то это непоправимое несчастье, но зачем же нам приносить вторую жертву? Мюльреди отправился, ибо на него

нал жребий. Если бы жребий пал на меня, то отправился бы я, а не он, и не просил бы и не ждал бы ничьей помощи.

Майор был безусловно прав, удерживая Гленарвана и Джона Манглса. Было безумно и бесполезно искать матроса в такую темную ночь, в лесу, где притаились в засаде каторжники. Отряд Гленарвана насчитывал слишком мало людей, чтобы можно было рисковать еще чьей-нибудь жизнью.

Однако Гленарван, видимо, никак не мог согласиться с этими доводами. Рука его нервно сжимала карабин. Он ходил взад и вперед около фургона, прислушивался к малейшему шороху, вглядывался в зловещий мрак. Его терзала мысль, что один из близких ему людей лежит где-то смертельно раненный, всеми брошенный, тщетно взывая о помощи к тем, ради кого он рисковал жизнью. Мак-Наббс боялся, что ему не удастся удержать Гленарвана, если тот, повинуясь порыву своего сердца, бросится под выстрелы Бена Джойса.

— Эдуард, — сказал он, — успокойтесь. Послушайте друга. Подумайте об Элен, о Мери Грант, обо всех, кто здесь остался. Куда вы пойдете? Где будете искать Мюльреди? На него напали не ближе, чем в двух милях отсюда. На какой дороге? Какой тропой туда пробраться?

В эту минуту, как бы в ответ на слова майора, не вдалеке раздался жалобный крик.

— Слышите? — воскликнул Гленарван.

Этот крик послышался с той стороны, откуда прозвучал выстрел, на расстоянии какой-нибудь четверти мили. Гленарван, оттолкнув Мак-Наббса, хотел уже бежать по тропе в лес, когда шагах в трехстах от фургона послышался голос:

— Помогите! Помогите!

Голос был жалобный, отчаянный. Джон Манглс и майор бросились вперед. Вскоре они заметили, что вдоль опушки леса ползет и жалобно стонет какой-то человек. Это был Мюльреди, раненый, умирающий. Когда товарищи подняли его, то почувствовали, что их руки мокры от крови.

Ливень усилился, ураган неистовствовал в вершинах сухостойных деревьев. Борясь с яростными порывами ветра, Гленарван, майор и Джон Манглс понесли Мюльреди к фургону.

Когда они внесли Мюльреди в фургон, то все встали. Паганель, Роберт, Вильсон и Олбинет вышли, а Элен уступила несчастному Мюльреди свою койку. Майор снял с матроса промокшую от крови и дождя куртку и обнаружил у него в правом боку рану, нанесенную кинжалом. Майор умело перевязал ее. Были задеты важные органы, этого сказать Мак-Наббс не мог. Из раны, то усиливаясь, то ослабевая, струилась алая кровь. Бледность и слабость раненого говорили о том, что ранение очень серьезно. Майор, обмыв предварительно рану свежей водой, наложил на нее плотный тампон из трута и нескольких слоев корпии, затем туго забинтовал. Ему удалось таким способом остановить кровотечение. Мюльреди повернули на здоровый бок, приподняли голову, и Элен дала ему выпить несколько глотков воды.

Через четверть часа раненый, лежавший все время неподвижно, пошевелился, глаза его приоткрылись, он зашептал какие-то бессвязные слова. Майор нагнулся и расслышал, как он несколько раз пробормотал:

— Сэр... письмо... Бен Джойс...

Майор повторил эти слова вслух и вопросительно взглянул на товарищей. Что хотел сказать Мюльреди? Бен Джойс напал на матроса. Но ради чего? Неужели с целью помешать добраться до «Дункана»? Письмо... Гленарван осмотрел карманы Мюльреди. Письма, адресованного Тому Остину, там не оказалось!

Ночь прошла среди мучительного беспокойства. Опасались за жизнь раненого. У него был сильный жар. Элен и Мери Грант, две сестры милосердия, не отходили от Мюльреди. Никогда еще ни за одним пациентом не ухаживали столь внимательно и никогда не проявляли большего сочувствия к нему.

Рассвело. Дождь перестал, но тяжелые тучи еще ползли по небу. Земля усеяна была обломками ветвей, глина размокла, и хотя фургон увяз еще не совсем, но подступ к нему стал труднее.

Джон Мангис, Паганель и Гленарван отправились на рассвете обследовать окрестности лагеря. Они пошли по тропе, еще обгазированной кровью. Никаких признаков Бена Джойса и его шайки не было заметно. Дойдя до того места, где произошло нападение на матроса, они наткнулись на два трупа: то были бандиты, сраженные пулями Мюльреди. Один из них был кузнец из Блек-Пойнта. Смертельный оскал его лица внушал ужас. Гленарван прекратил разведку — далеко отходить от лагеря было неблагоприятно.

Они вернулись к фургону, чрезвычайно озабоченные серьезностью положения.

— Нечего и думать о посылке второго гонца в Мельбурн, — сказал Гленарван.

— Тем не менее это необходимо сделать, сэр, — возразил Джон Мангис, — я попытаюсь добиться успеха там, где мой матрос потерпел неудачу.

— Нет, Джон, у вас нет даже лошади для этого путешествия в двести миль.

Действительно, лошадь Мюльреди, единственная оставшаяся у путешественников, исчезла. Была ли она убита злодеями, носилась ли перепуганная в этой пустыне, или, быть может, ее захватили каторжники?

— Во всяком случае, — сказал Гленарван, — разлучаться мы больше не будем. Подождем здесь неделю, две недели, пока спадет вода в Сноуи. Тогда, делая короткие переходы, мы дойдем до залива Туфолда и уже оттуда более безопасным путем пошлем «Дункану» приказ идти к восточному побережью.

— Это единственный выход, который нам остается, — согласился Паганель.

— Итак, друзья мои, — продолжал Гленарван, — повторяю: не надо больше разлучаться. Слишком опасно подвергать себя риску, пробираться в одиночестве по этим дебрям, где бесчинствуют разбойники.

Гленарван был дважды прав, предлагая отказаться от новой попытки послать гонца в Мельбурн и решив терпеливо выжидать на берегу Сноуи понижения воды. Они находились в тридцати пяти милях от Делегита, первого пограничного городка провинции Новый Южный Уэльс. Там они найдут, конечно, средства передви-

жения к заливу Туфолда и оттуда отправят в Мельбурн телеграфный приказ о выходе «Дункана». Эти меры были разумны, но они запоздали. Не пошли Гленарван Мюльреди по дороге на Люкноу, скольких бед избежали бы они, не говоря уж о смертельной ране, нанесенной матросу!

Вернувшись в лагерь, Гленарван застал товарищей менее удрученными. Казалось, у них возродилась надежда.

— Ему лучше, ему лучше! — крикнул Роберт, бросаясь к Гленарвану.

— Мюльреди лучше?

— Да, Эдуард, — ответила Элен. — У него был кризис. Наш матрос будет жить!

— Где Мак-Наббс? — спросил Гленарван.

— Он у него. Мюльреди хотел что-то сказать ему. Не надо им мешать.

Действительно, час тому назад раненый очнулся от забытья, температура у него упала. Придя в себя, Мюльреди тотчас же попросил позвать Гленарвана, а в случае его отсутствия — майора. Мак-Наббс, видя, насколько раненый ослабел, хотел запретить ему всякие разговоры, но Мюльреди энергично настаивал, и майору пришлось сдаться.

Их беседа длилась уже несколько минут, когда вернулся Гленарван. Оставалось только ждать доклада майора. Вскоре кожаные занавески раздвинулись, и показался Мак-Наббс. Он прошел в раскинутую под камедным деревом палатку, где его ждали друзья. Его обычно спокойное лицо теперь казалось сумрачным и озабоченным. Когда взгляд его падал на Элен и на Мери Грант, то в нем отражалась глубокая грусть.

Гленарван стал расспрашивать майора, и вот что Мак-Наббс сообщил ему.

Покинув лагерь, Мюльреди поехал по тропе, указанной ему Паганелем. Он ехал быстро, насколько это возможно было в ночном мраке. По его расчету, он проехал не менее двух миль, как вдруг несколько человек, как будто бы пять, бросились наперерез лошади. Конь встал на дыбы. Мюльреди выхватил револьвер и

открыл огонь. Ему показалось, что двое упали. При вспышке выстрелов он узнал Бена Джойса. Больше Мюльреди ничего не видел. Он не успел до конца разрядить револьвер: сильный удар в бок сбросил его с седла, но сознания он не потерял. Убийцы же сочли его мертвым и начали его обшаривать. Он услышал, как один из разбойников сказал: «Нашел письмо!» — «Давай сюда, — отозвался Бен Джойс. — Теперь «Дункан» наш!»

Здесь у Гленарвана невольно вырвался крик, Мак-Наббс продолжал:

— «А теперь ловите лошадь, — приказал Бен Джойс, — через два дня я буду на борту «Дункана», а еще через шесть в заливе Туфолда. Там мы встретимся. Отряд Гленарвана будет еще барахтаться в болотах Сноуи. Переходите реку через Кемпльпирский мост, добирайтесь до побережья и ждите меня там. Я найду способ ввести вас на борт «Дункана». А когда мы побросаем команду в море, то с таким замечательным судном, как «Дункан», мы станем хозяевами Индийского океана». — «Ура Бену Джойсу!» — закричали каторжники. Привели лошадь Мюльреди, и Бен Джойс галопом ускорил по направлению к дороге на Люкноу, а шайка отправилась к реке. Мюльреди, хотя и был тяжело ранен, но все же нашел в себе силы дотащиться до того места, где мы нашли его почти умирающим. Вот, что рассказал мне Мюльреди, — закончил Мак-Наббс. — Вы понимаете теперь, почему отважный матрос так настаивал на разговоре со мной, — добавил он.

Сообщение майора привело в ужас Гленарвана и его спутников.

— Пираты! Пираты! — воскликнул Гленарван. — Они перебьют мою команду! Завладеют моим «Дунканом»!

— Да, — сказал Мак-Наббс, — Бен Джойс нападет на экипаж врасплох и тогда...

— Значит, нам надо добраться до побережья раньше, чем эти негодяи! — сказал Паганель.

— Но как переправиться через Сноуи? — спросил Вильсон.

— Таким же путем, каким перебрались каторжники, — ответил Гленарван. — Они перейдут Кемпльпирский мост — перейдем и мы.

— А как быть с Мюльреди? — спросила Элен.

— Мы понесем его! Будем сменяться! Не могу же я позволить каторжникам перерезать мою беззащитную команду!

Замысел перейти Сноуи через Кемпльпирский мост был осуществим, но рискован. Каторжники могли засесть вблизи у моста и охранять его, а их было бы по меньшей мере тридцать человек против семи. Но бывают в жизни мгновения, когда, не оглядываясь, надо идти вперед.

— Сэр, — обратился к Гленарвану Джон Манглс, — прежде чем идти на такой рискованный шаг, перейти Кемпльпирский мост, надо предварительно обследовать его. Я беру это на себя.

— Я пойду с вами, Джон, — заявил Паганель.

Это предложение географа было принято, и оба стали собираться в путь. Им предстояло спуститься по течению Сноуи до моста, о котором говорил Бен Джойс, и остерегаться встречи с каторжниками, которые, вероятно, наблюдали за берегами реки.

Итак, два мужественных путешественника, хорошо вооруженные, снабженные пищей, пустились в путь, пробираясь среди высоких камышей, росших по берегам реки, и вскоре исчезли из виду.

Их ждали весь день. Наступил вечер, а они все еще не возвращались. В лагере начали тревожиться.

Наконец, около одиннадцати часов Вильсон возвестил о их приближении. Паганель и Джон Манглс изнемогали от усталости после десятимильного перехода.

— Ну, как мост? — бросившись им навстречу, спросил Гленарван.

— Да, это мост из лиан, — ответил Джон Манглс. — Каторжники действительно переправились через него, но...

— Но что? — повторил Гленарван, предчувствуя новую беду.

— Но, перейдя мост, они сожгли его! — ответил Паганель.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Иден

Не время было предаваться отчаянию, надо было действовать. Кемпльпирский мост был сожжен, и необходимо было во что бы то ни стало переправиться через Сноуи и, опередив шайку Бена Джойса, добраться до залива Туфолда. Поэтому, не теряя времени на бесполезные разговоры, Гленарван и Джон Манглс на следующий день, 16 января, отправились к реке, чтобы на месте решить, как организовать переправу.

Бурная, вздувшаяся от дождей река Сноуи не спадала. Она крутилась водоворотами с неопишуемой яростью. Плыть по ней — значило обречь себя на верную гибель.

Гленарван, понунив голову, скрестив руки, неподвижно стоял на берегу.

— Хотите, я переберусь вплавь на тот берег? — спросил Джон Манглс.

— Нет, Джон, — ответил Гленарван, удерживая за руку отважного молодого человека, — подождем!

И они возвратились в лагерь. День прошел в томительном беспокойстве. Раз десять Гленарван возвращался на берег Сноуи, придумывая какой-нибудь смелый способ переправы. Но тщетно. Если бы вместо реки здесь протекал поток лавы, то он не был бы более непроходимым.

В эти долгие часы невольного бездействия леди Элен, руководствуясь советами майора, окружила Мюльреди величайшими заботами. Матрос чувствовал, что возвращается к жизни. Мак-Наббс считал теперь возможным утверждать, что ни одного важного органа у раненого не было затронуто и слабость его объяснялась лишь большой потерей крови, и теперь, поскольку кровотечение было остановлено и рана затягивалась, то полное выздоровление было только вопросом времени и покоя. Леди Элен настояла на том, чтобы Мюльреди остался в первом, лучшем, отделении фургона, что очень смущало раненого. Больше всего его тревожила мысль, что он задерживает весь отряд, и

ему обещали, что в том случае, если переправа через реку окажется возможной, то его оставят в лагере под присмотром Вильсона.

К несчастью, ни в этот день, ни в следующий, 17 января, не удалось переправиться. Задержка приводила Гленарвана в отчаяние. Напрасно леди Элен и майор старались успокоить его и уговаривали запастись терпением. Вот как! Запастись терпением, когда Бен Джойс, может быть, в эту минуту вступает на борт яхты! когда «Дункан», снявшись с якоря, уже несется на всех парах к роковому восточному побережью!

Джон Манглс, вместе с Гленарваном, переживал тяжелые часы. Стремясь во что бы то ни стало преодолеть препятствие, молодой капитан занялся сооружением из больших кусков коры камедных деревьев нечто вроде пироги. Сделанная из легких пластинок коры, скрепленная деревянными перекладинами, эта пирога была очень хрупкой.

Днем 18 января капитан и матросы решили испытать хрупкое суденышко. Все, что могли сделать ловкость, сила, проворство, отвага, все сделано было, но, как только пирогу подхватило течение, так она перевернулась и храбрецы чуть не поплатились жизнью за свою попытку. Пирога закружилась в водовороте и скрылась. Джону Манглсу и Вильсону не удалось проплыть даже десяти саженей по этой бурной реке, разлившейся на целую милю после дождей и таяния снегов.

Дни 19 и 20 января не принесли ничего утешительного. Майор и Гленарван поднялись вверх по течению Сноуи на целых пять миль, но брода так и не нашли. Река повсюду мчалась с той же бурной стремительностью: в нее вливались все воды горных ручьев и речек южного склона Австралийских Альп.

Пришлось отказаться от надежды спасти «Дункан». Со времени отъезда Бена Джойса прошло пять дней. По всей вероятности, яхта достигла восточного побережья и была уже в руках каторжников.

Однако такое положение не могло длиться бесконечно. Бурные разливы рек обычно быстро кон-

чаются. Двадцать первого утром Паганель заметил, что уровень воды в реке несколько понизился. Географ сообщил Гленарвану результат своих наблюдений.

— Не все ли равно! — ответил тот. — Теперь уж слишком поздно!

— Но это не основание, чтобы оставаться здесь, — заметил Мак-Наббс.

— Конечно, — отозвался Джон Манглс. — Быть может, уже завтра переправа станет возможной.

— Но спасет ли это мою несчастную команду! — воскликнул Гленарван.

— Прошу вас, выслушайте меня, — сказал молодой капитан. — Я знаю Тома Остина. Он, несомненно, выполнил ваш приказ и, как только стало возможным, ушел в море. Но откуда мы знаем, что яхта была уже отремонтирована к моменту приезда в Мельбурн Бена Джойса?.. А если нет? Если яхта не могла еще выйти в море и Остин задержался еще на день, на два?

— Ты прав, Джон! — согласился Гленарван. — Нам нужно добраться до залива Туфолда. Ведь мы находимся всего в тридцати пяти милях от Делегита!

— Верно, — подтвердил Паганель, — и в этом городе мы найдем средства передвижения. Кто знает, быть может, мы явимся во-время, чтобы предотвратить несчастье.

— В путь! — воскликнул Гленарван.

Тотчас же Джон Манглс и Вильсон принялись строить большой плот. Опыт показал, что куски коры не могут выдержать бурного натиска течения. Поэтому Джон Манглс срубил несколько камедных деревьев, из которых они сбили грубый, но прочный плот. Работа подвигалась медленно, и плот был закончен лишь на следующий день.

К этому времени воды Сноуи значительно спали. Бурный поток опять превратился в реку с быстрым течением. Джон надеялся, что, умело управляя и ведя плот окольным путем, он благополучно пристанет к противоположному берегу.

В половине первого путешественники погрузили на плот столько провизии, сколько каждый мог унести

с собой на два дня. Остальные съестные припасы вместе с фургоном и палаткой оставили по эту сторону реки. Мюльреди чувствовал себя настолько хорошо, что его можно было взять с собой. Он быстро поправлялся.

В час пополудни все заняли места на плоту, пришвартованном якорной цепью к берегу. Джон Манглс установил на правой стороне плота нечто вроде рулевого весла, при помощи которого можно было направлять плот. Править этим веслом капитан доверил Вильсону. Сам же, стоя на корме, он предполагал управлять плотом с помощью грубо сделанного кормового весла. Леди Элен, Мери Грант и Мюльреди разместились посредине плота. Гленарван, майор, Паганель и Роберт окружили их, готовые прийти к ним на помощь, если понадобится.

— Все готово, Вильсон? — спросил капитан.

— Все, капитан, — ответил Вильсон, взяв мощной рукой весло.

— Будь начеку! Держи против течения!

Джон Манглс отвязал плот и сильным ударом оттолкнул его от берега. На протяжении первых пятнадцати саженей все шло благополучно, Вильсон успешно боролся с течением. Но вскоре плот попал в водовороты и его так закружило, что ни веслом, ни кормовым веслом не удавалось его удержать. Несмотря на все усилия Джона Манглса и Вильсона, плот повернуло задом наперед, и грести было невозможно.

Пришлось смириться. Не было никакого способа остановить вращательное движение плота. Он кружился с невероятной быстротой и плыл вниз по течению. Джон Манглс стоял бледный, стиснув зубы, не отрывая глаз от водоворотов. Между тем течением плот постепенно вынесло на середину реки. Он находился теперь в полумиле расстояния от места отправления. Здесь течение было сильнее, но так как оно разбивало водовороты, то плот стал более устойчивым.

Джон Манглс и Вильсон опять взялись за весла, и им удалось направить плот наискось к противоположному левому берегу. Они были уже саженях в пятидесяти от него, как вдруг весло Вильсона сломалось.

Не сдерживаемый ничем, плот опять понесся по течению. Джон, рискуя сломать и свое весло, пытался направить плот к берегу. Вильсон, с окровавленными руками, бросился помогать ему. Наконец, их усилия увенчались успехом: после более чем получасовой переправы плот ударился о крутой берег. Толчок был так силен, что веревки, которыми были связаны бревна, лопнули, разошлись, и на плот хлынула, шумя, вода. Путешественники еле успели уцепиться за ветви прибрежных кустов и вытащить на берег промокших Мюльреди и обеих женщин. Все спаслись, но большая часть провианта и все оружие, кроме карабина майора, унесло течением вместе с обломками плота.

Переправившись через реку, маленький отряд очутился на другом берегу почти без оружия и съестных припасов в тридцати пяти милях от Делегита, среди глухой неведомой пустыни. Здесь нельзя было встретить ни колониста, ни скваттера, ибо местность была необитаема. Здесь рыскали одни лишь грабители.

Решено было пуститься в путь без промедления. Мюльреди, понимая, какой он является обузой, просил оставить его здесь одного до присылки помощи из Делегита.

Гленарван отказался исполнить его просьбу. До Делегита они могли дойти в три дня, а до побережья океана — в пять, то есть 26 января. Между тем «Дункан» должен был выйти из Мельбурна 16-го. Что значили теперь несколько часов промедления!

— Нет, друг мой, — закончил Гленарван, — я никого здесь не оставлю. Сделаем носилки и понесем тебя по очереди.

Носилки сделали из крепких ветвей эвкалипта и устлали охапками травы, и Мюльреди волей-неволей пришлось лечь на них. Гленарван захотел первым нести своего матроса. Он взялся за носилки с одной стороны, Вильсон — с другой, и отряд двинулся в путь.

Как печально было это зрелище! Как плохо кончилось столь удачно начатое путешествие! Теперь путешественники уже не искали здесь Гарри Гранта. Этот материк, где его не было и никогда не бывало, грозил стать роковым для тех, кто посвятил себя его

поискам. И если отважным соотечественникам его удастся добраться до побережья, то они не найдут там «Дункана», на котором могли бы вернуться на родину.

В молчании, грустно и тяжело прошел этот первый день пути. У носилок сменялись каждые десять минут, но никто из товарищей матроса не роптал, хотя усталость усугублялась сильной жарой.

Вечером, пройдя пять миль, остановились на привал в роще камедных деревьев. Поужинали остатками съестных припасов, уцелевших при крушении плота. В дальнейшем вся надежда была лишь на карабин майора.

Ночь провели плохо, к тому же пошел дождь. Казалось, день никогда не наступит. Снова двинулись в путь. Майору не удалось ничего подстрелить: этот несчастный край был хуже любой пустыни — даже животные избегали его.

К счастью, Роберт нашел гнездо дроф, и в нем двенадцать крупных яиц. Олбинет испек их в горячей золе. Эти печеные яйца и несколько сорванных на дне оврага пучков портулака составили весь завтрак 22 января.

Час от часу дорога становилась все труднее. Песчаные равнины были покрыты колючей травой «спинифекс», называемой в Мельбурне «дикобраз». Эта трава рвала в клочья одежду и до крови царапала ноги. Тем не менее мужественные женщины, не жалуясь, шли вперед, подавая пример спутникам, подбодряя то одного, то другого словом или взглядом.

Вечером остановились на привал у подножия горы Булла-Булла, на берегу горной речки Юнгалла. Ужин был бы очень скуден, если бы Мак-Наббсу не удалось подстрелить крупную крысу «*mus conditor*», очень ценимую за питательные свойства. Олбинет изжарил ее, и все жалели лишь о том, что она не была величиной с барана. Пришлось довольствоваться тем, что было.

Двадцать третьего января путешественники, утомленные, но все же полные энергии, снова отправились в путь. Обогнув подножье горы, они вышли на об-

ширный луг, поросший травой, похожей на китовый ус. Это было какое-то бесконечное переплетение, какая-то живая стена острых штыков; дорогу среди них приходилось прорубать топором или расчищать огнем.

В это утро завтракать не пришлось. Трудно представить себе что-либо более бесплодное, чем эта равнина, усеянная обломками кварца. Люди страдали не только от голода, но и от жажды. Эти муки усиливались страшной жарой. Гленарван и его спутники за два часа едва прошли полмили. Если недостаток воды и съестных припасов продлился бы до вечера, то путешественники упали бы и больше уже не встали.

Но счастливый случай пришел на помощь маленькому отряду: он набрел на кораллообразные кусты цефалота, цветы которого, имеющие форму чаши, наполнены приятной на вкус жидкостью. Все напилось и почувствовало, что к ним вернулись силы. Пищей явилось растение, которым питаются туземцы, когда не могут добыть ни дичи, ни насекомых, ни змей; его нашел в пересошем ручье горной речки Паганель, он знал о питательных свойствах этого растения, ему об этом неоднократно говорили его коллеги по Географическому обществу.

Это было нарду, тайнобрачное растение, то самое, которое поддерживало жизнь Берка и Кинга в пустынях Центральной Австралии. Под его листьями, похожими на листья трилистника, росли сухие споры. Эти споры, размером с чечевицу, растерли между двумя камнями — получилось нечто вроде муки, из которой выпекали грубый хлеб, несколько утоливший голод путешественников. В этом месте нарду росло в изобилии, и Олбинет сделал такой большой запас его, что путешественники были обеспечены пропитанием на несколько дней.

На следующий день, 24 января, Мюльреди прошел часть пути пешком. Его рана совсем зарубцевалась. До города Делегита оставалось не более десяти миль, и к вечеру путешественники остановились на привал под сто сорок девятым градусом долготы, на самой границе провинции Нового Южного Уэльса.

Мелкий пронизывающий дождь лил несколько часов подряд, укрыться было негде, но, к счастью, Джон Манглс обнаружил заброшенную, ветхую хижину дровосеков. Пришлось довольствоваться этим жалким шалашом из ветвей и соломы. Вильсон хотел развести костер, чтобы испечь из нарду хлеб, и отправился собирать валявшийся кругом хворост, но разжечь костер не удалось, ибо значительное содержание квасцовых веществ в дереве не давало ему гореть. Это было то самое «несгораемое дерево», о котором упоминал Пеганель, перечисляя удивительные явления, встречающиеся в Австралии.

Пришлось отказаться от огня, а следовательно, и от хлеба и лечь спать в сырой одежде. А прятавшиеся в верхушках деревьев птицы-пересмешники, казалось, издевались над несчастными путешественниками.

Однако страдания маленького отряда приближались к концу. И пора было. Молодые женщины делали героические усилия, но их силы истощались, они не шли, а еле тащились.

На следующий день выступили на рассвете. В одиннадцать часов утра показался Делегит, главный городок графства Уэлслей, находящийся в пятидесяти милях от залива Туфолда. В Делегите быстро разрешили вопрос о средствах дальнейшего передвижения. Гленарван, чувствуя себя так близко от берега океана, воспрянул духом. Быть может, «Дункан» действительно задержался и они опередят приход яхты! Через сутки они уже доберутся до залива Туфолда.

В полдень, после плотной трапезы, путешественники уселись в почтовую карету, и пять сильных лошадей умчали их из Делегита. Дорога содержалась в исправности, кучер и форейторы, предвидя щедрые чаевые, гнали лошадей во весь опор, молниеносно перепрыгая их на почтовых станциях, расположенных через каждые десять миль. Казалось, нетерпение, пожиравшее Гленарвана, передалось и им.

Весь день и всю ночь неслись таким аллюром, делая по шести миль в час. На следующий день, на рассвете, глухой рокот волн возвестил о близости Индийского океана. Надо было обогнуть залив, чтобы

доехать до тридцать седьмой параллели, места, где Том Остин должен был ждать путешественников.

Когда перед ними развернулся океан, то все взоры устремились вдаль, ища «Дункан»: может быть, чудом спасенная яхта дрейфует невдалеке от берега, как месяц тому назад дрейфовала у мыса Корриентес, близ аргентинских берегов!

Но на море ничего не было видно. Лишь вода и небо сливались на горизонте. Ни один парус не оживлял беспредельного простора океана. Оставалась еще одна надежда: быть может, Том Остин решил бросить якорь в самом заливе Туффолда, так как море было неспокойно и лавировать у открытых берегов было небезопасно.

— В Иден! — приказал Гленарван.

Почтовая карета тотчас же свернула направо и понеслась по дороге, проложенной вдоль берега, к маленькому городку Иден, отстоявшему в пяти милях от этого места.

Кучер остановил лошадей вблизи маяка, который указывал на вход в порт. На рейде стояло на якоре несколько судов, но ни на одном не развевался флаг Малькольма.

Гленарван, Джон Манглс и Паганель, выпрыгнув из почтовой кареты, побежали на таможенную. Они расспросили служащих и просмотрели списки судов, прибывавших в порт за последние дни.

Оказалось, что ни одно судно не входило в порт за истекшие семь дней.

— А может быть, «Дункан» еще не вышел из Мельбурна? — воскликнул Гленарван, цепляясь за последнюю надежду. — Может быть, мы опередили его.

Джон Манглс покачал головой. Капитан знал Тома Остина. Его помощник не мог на десять дней задержать выполнение приказа.

— Я хочу знать, как обстоит дело, — промолвил Гленарван. — Лучше горькая истина, чем неизвестность.

Через четверть часа начальнику порта в Мельбурне была послана телеграмма.

Затем путешественники направились в гостиницу «Виктория».

В два часа пополудни Гленарвану была вручена ответная телеграмма следующего содержания:

«Лорду Гленарвану, Иден, залив Туфолда. «Дункан» ушел в море 18-го текущего месяца в неизвестном направлении.

Ж. Эндрю».

Телеграмма выпала из рук Гленарвана.

Никаким сомнениям не было места! Честная шотландская яхта попала в руки Бена Джойса и стала пиратским судном!

Так закончился переход через Австралию, начавшийся при столь благоприятных условиях. Следы капитана Гранта и его спутников, казалось, были теперь безвозвратно утеряны. Эта неудача стоила жизни всему экипажу «Дункана». Гленарван потерпел поражение, и этого отважного человека, которого в пампе не заставили отступить ополчившиеся на него стихии, здесь, в Австралии, победила человеческая подлость.

Часть третья

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Макари»

Если когда-либо у тех, кто разыскивал капитана Гранта, должна была пропасть надежда найти его, то это именно теперь, когда они утратили одновременно все. Куда снаряжать новую экспедицию? Как организовать исследование новых стран? Ведь «Дункан» больше не существовал, и немедленное возвращение на родину было тоже невозможно. Итак, предприятие великодушных шотландцев не удалось. Неудача! Печальное слово, но в душе мужественного человека оно не находит отклика. И все же Гленарван должен был признать, что не в силах осуществить взятое на себя дело.

При этих тяжелых обстоятельствах Мери Грант имела мужество больше не упоминать имени своего отца. Она утаивала от всех свои душевные муки, думая о несчастной участи экипажа «Дункана». Горе дочери стучевалось перед чувствами друга, и она утешала Элен, некогда утешавшую ее. Мери первая заговорила о возвращении в Шотландию. Джон Манглас, видя ее столь мужественной, столь покорной судьбе, восхищался ею. Однажды он заговорил было о дальнейших поисках капитана Гранта, но Мери остановила его взглядом и позже сказала:

— Нет, мистер Джон, будем думать о тех, кто пожертвовал собой. Лорд Гленарван должен вернуться в Европу.

— Вы правы, мисс Мери, — ответил Джон Манглс, — это необходимо. Но необходимо также, чтобы английские власти знали о судьбе «Дункана». Не теряйте надежды. Я не брошу начатых поисков, и если нужно, то буду продолжать их один. Или я найду капитана Гранта, или погибну!

Джон Манглс брал на себя тяжелое обязательство. Мери приняла его и протянула руку молодому капитану, словно скрепляя договор. Джон обещал ей вечную преданность, а Мери ему — вечную благодарность.

В этот день окончательно решено было вернуться на родину. Порешили, не откладывая, выехать в Мельбурн. Наутро Джон Манглс пошел справиться, когда отплывет корабль на Мельбурн. Молодой капитан полагал, что между Иденом и столицей провинции Виктория существует регулярное сообщение.

Однако его ожидания не оправдались: суда в Мельбурн ходили редко. Три, четыре корабля, стоявших на якоре в порту, составляли весь местный торговый флот. И ни одно из них не шло ни в Мельбурн, ни в Сидней, ни в Пойнт-де-Галл. А между тем только в этих трех портах Гленарван мог надеяться найти суда, отплывающие в Англию.

Что оставалось делать? Ждать подходящего судна? Но можно было задержаться надолго, ибо в залив Туфолда суда заходят редко. Какое множество их проплывает в открытом море, не заходя в залив!

Поразмыслив и обсудив этот вопрос с товарищами, Гленарван решил ехать в Сидней сухопутным путем, как вдруг Паганель предложил проект, который никому не приходил в голову.

Географ независимо от Джона Манглса тоже побывал в заливе Туфолда и знал, что там не было судов, идущих на Мельбурн и Сидней. Но один бриг, стоявший на рейде, готовился к отплытию в Окленд, столицу И-ка-на-мауи, северного острова Новой Зеландии. Паганель предложил зафрахтовать этот бриг и плыть на нем в Окленд, откуда легко будет вернуться в Европу, ибо этот город связан с ней регулярными рейсами.

Предложение Паганеля заслуживало серьезного внимания. К тому же Паганель вопреки обыкновению не приводил бесчисленных доводов в пользу своего предложения, а ограничился лишь тем, что изложил суть дела и добавил, что переход займет дней пять-шесть. Действительно, от Австралии до Новой Зеландии расстояние не больше тысячи миль.

По странному совпадению Окленд находился как раз на той самой тридцать седьмой параллели, вдоль которой путешественники неотступно следовали от самых берегов Араукании. Несомненно, географ мог бы прибегнуть к этому выгодному для него доводу, даже не будучи обвинен в эгоизме, ибо это давало ему возможность попутно посетить берега Новой Зеландии. Однако Паганель не использовал это обстоятельство. Очевидно, он после двух неправильных толкований документа не хотел выдвигать третий вариант. Кроме того, о каком новом толковании могла идти речь, когда в документе определенно было сказано, что капитан Грант нашел убежище на континенте, а не на острове. А ведь Новая Зеландия, это всего лишь острова. Как бы там ни было, по этой ли причине, или по иной, но, предлагая отправиться в Окленд, Паганель умолчал о том, что поездка в Окленд может быть связана с новыми поисками, а только обратил внимание на то, что между этим городом и Великобританией имеется регулярное сообщение, которое легко можно будет использовать.

Джон Манглс поддержал предложение Паганеля, полагая, что лучше плыть на этом судне, чем ждать неопределенно долгое время прихода в залив Туфолда другого судна. Но, раньше чем решиться на это, он считал нужным побывать на бриге, о котором говорил географ. Гленарван, майор, Паганель, Роберт и молодой капитан сели в лодку и в несколько взмахов весел подплыли к интересовавшему их судну, стоявшему на якоре в двух кабельтовых от берега.

Это был бриг вместимостью в двести пятьдесят тонн, носивший название «Макари». Он совершал рейсы между портами Австралии и Новой Зеландии. Капитан, или, точнее сказать, хозяин брига, принял

посетителей довольно грубо. Они сразу поняли, что имеют дело с человеком невоспитанным, мало чем отличающимся от своих пяти матросов. Толстая красная физиономия, грубые руки, приплюснутый нос, вытекший глаз, отвисшая от тяжести трубки нижняя губа и зверский вид делали Билля Галлея мало приятным человеком. Но выбора не было, и для переезда в несколько дней с этим можно было примириться.

— Эй вы там, что вам здесь нужно? — крикнул Билль Галлей незнакомцам, всходившим на палубу, его брига.

— Вы капитан? — спросил Джон Манглс.

— Я, — ответил Галлей. — Еще что?

— «Макари» идет с грузом в Окленд?

— Да. Еще что?

— С каким грузом?

— Со всем, что продается и покупается. Еще что?

— Когда он отчаливает?

— Завтра в полдень, с отливом. Еще что?

— Возьмете пассажиров?

— Смотря каких, и притом, если они будут согласны есть из общего матросского котла.

— У них будет своя провизия.

— Еще что?

— Еще что?

— Да. Сколько их?

— Девять, из них две дамы.

— У меня нет кают.

— Они удовольствуются предоставленной им рубкой.

— Еще что?

— Согласны? — спросил Джон Манглс, которого несколько не смущали повадки и обращение капитана.

— Посмотрим, — пробурчал хозяин «Макари».

Билль Галлей прошелся раза два по палубе, топая грубыми, подбитыми гвоздями сапожищами, и вдруг, круто остановившись перед Джоном Манглсом, спросил:

— Сколько заплатите?

— А сколько вы хотите? — спросил Джон.

— Пятьдесят фунтов.

Гленарван кивнул головой, давая понять, что согласен.

— Ладно, — ответил Джон Манглс, — идет: пятьдесят фунтов.

— Только за проезд.

— Ладно.

— Еда особо.

— Уговорились. Еще что? — буркнул Галлей, протягивая руку.

— Что еще?

— Задаток.

— Вот половина цены — двадцать пять фунтов, — сказал Джон Манглс, вручая хозяину брига пересчитанные на его глазах деньги.

Галлей засунул их в карман, не найдя нужным поблагодарить.

— Завтра будьте на судне. До полудня. Приедете или нет, все равно снимаюсь с якоря.

— Приедем.

Закончив переговоры, Гленарван, майор, Роберт, Паганель и Джон Манглс покинули судно, причем Билль Галлей даже не соблаговолил прикоснуться к клеенчатой шляпе, покрывавшей его рыжие всклокоченные волосы.

— Ну и грубиян! — вырвалось у Джона Манглса.

— А мне он нравится, — отозвался Паганель. — Настоящий морской волк!

— Точнее, медведь, — возразил майор.

— Уверен, что этот медведь торговал некогда рабами, — прибавил Джон Манглс.

— Не все ли равно? — отозвался Гленарван. — Для нас важно, что он капитан «Макари», а «Макари» идет в Новую Зеландию. Во время перехода из залива Туфолда до Окленда мы мало будем видеть его, а после Окленда и совсем больше не встретимся.

Элен и Мери Грант были очень рады, узнав, что отъезд назначен на завтра. Гленарван предупредил их, что на «Макари» у них не будет тех удобств, какие были на «Дункане». Но такой пустяк не мог смутить мужественных женщин, перенесших столько испыта-

ний. Олбинету поручили заготовить провизию. Бедняга оплакивал свою несчастную жену, оставшуюся на яхте, она, несомненно, стала жертвой свирепых каторжников, разделив участь всего экипажа. Тем не менее он с обычным старанием выполнял свои обязанности стюарда, и «отдельное питание» заключалось в изысканных яствах, о которых, вероятно, и не мечтала команда «Макари». В несколько часов Олбинет закончил покупку запасов.

Тем временем майор получил деньги по чекам Гленарвана на Мельбурнский союзный банк. Он закупил оружие, боевые припасы, а Паганель приобрел прекрасную карту Новой Зеландии, составленную Джонстоном.

Мюльреди был здоров. Он почти не страдал от раны, которая несколькими днями ранее угрожала его жизни. Морское путешествие должно было окончательно восстановить его здоровье. Он надеялся, что ветры Тихого океана исцелят его. Вильсону поручено было подготовить на «Макари» помещение для пассажиров. При помощи щетки и метлы рубка брига преобразилась. Билль Галлей, пожав плечами, предоставил ему орудовать как угодно. Гленарван, его спутники и спутницы совершенно не интересовали капитана. Он даже не знал их имен. Этот «добавочный» груз дал ему еще лишних пятьдесят фунтов стерлингов — вот и все, и они заботили его меньше, чем те двести тонн дубленой кожи, которые до отказа переполняли его трюм. «На первом месте — кожа, на втором — люди».

Это был негоциант¹, однако одновременно довольно опытный моряк, отлично знающий эти моря, плавание в которых опасно из-за коралловых рифов.

Гленарван хотел использовать последние часы пребывания на суше для того, чтобы еще раз пребывать в том месте, где тридцать седьмая параллель пересекает побережье. У него к этому были две побудительные причины. Прежде всего он хотел еще раз осмотреть место предполагаемого крушения «Британии».

¹ Негоциант — торговец.

Айртон, несомненно, был раньше боцманом на «Британии», и было вполне возможно, что корабль потерпел крушение у этой части восточного побережья Австралии. Было бы легкомысленно покидать страну, не обследовав тщательно это место. Затем, если бы даже не удалось обнаружить следов «Британии», то ведь «Дункан» именно там был захвачен каторжниками. Быть может, происходил бой! И, может быть, на берегу сохранились еще следы борьбы, следы последнего отчаянного сопротивления? А если команда погибла в волнах, то волны могли выбросить на берег трупы?

Гленарван, сопровождаемый своим верным Джонсом, отправился на разведку. Хозяин гостиницы «Виктория» предоставил в их распоряжение двух верховых лошадей, и они снова направились к северу по дороге, огибавшей залив Туфолда.

Печальной была эта разведка. Гленарван и капитан Джон ехали молча, но каждый понимал другого без слов. Одни и те же мысли, одни и те же тревоги терзали обоих. Они всматривались в утесы, изъеденные морем. Им не о чем было спрашивать друг друга, не на что было отвечать.

Полагаясь на усердие и сообразительность Джона, можно не сомневаться, что каждый уголок побережья, каждый закоулок были самым тщательным образом осмотрены. Не были пропущены ни одна бухточка, ни один покатый пляж, ни одна песчаная отмель, куда прилив Тихого океана, хотя и не очень сильный, мог выбросить обломки корабля. Но не нашли ни малейших признаков того, что дало бы основание вновь начать поиски в этих местах. Ни малейших признаков крушения «Британии» не было.

Не нашлось ничего, что свидетельствовало бы о пребывании «Дункана». Вся эта часть австралийского побережья была пустынна. Все же Джон Манглс обнаружил недалеко от берега несомненные следы покинутого лагеря: обуглившиеся поленья недавно потухшего костра. Не прошло ли здесь несколько дней тому назад какое-нибудь туземное племя? Нет, костер этот был разведен не туземцами, ибо Гленарван уви-

дел предмет, несомненно доказывающий о пребывании здесь каторжников.

То была брошенная под деревом желтосерая изношенная, заплатанная шерстяная матросская блуза. На зловещих лохмотьях виднелось клеймо Пертской исправительной тюрьмы. Каторжника не было, но его одежда говорила о недавнем присутствии здесь. Эта ливрея каторги, побывав на плечах какого-то негодяя, догнивала ныне на пустынном побережье.

— Видите, Джон, — сказал Гленарван, — каторжники были тут! Где-то наши бедняги товарищи с «Дункана»?

— Да, — сказал капитан глухим голосом, — ясно, что их не высадили на берег, они погибли!..

— Презренные негодяи! Попадись они только в мои руки, я отомщу им за свою команду! — воскликнул Гленарван. Горе придало суровость лицу Гленарвана.

В течение нескольких минут лорд не отрывал взора от горизонта, словно высматривая судно, затерявшееся в беспредельных пространствах океана. Но мало-помалу взор его потух, лицо приняло обычное выражение, и, не проронив ни слова, не сделав ни одного жеста, Гленарван во весь опор поскакал обратно в Иден.

Оставалось выполнить только одну формальность: заявить о происшедшем полицейскому офицеру. В тот же вечер об этом сообщили Томасу Генксу. Городской голова, составляя протокол, едва мог скрыть свою радость. Он был в восторге, узнав, что Бен Джойс и его шайка исчезли. Его радость разделял весь город. Правда, каторжники покинули Австралию, совершив еще одно преступление, но все же они, наконец, покинули ее. Эта важная новость была немедленно передана по телеграфу властям в Мельбурн и Сидней.

Гленарван, сделав свое заявление, вернулся в гостиницу «Виктория».

Грустно провели путешественники последний вечер в Австралии. Их мысли невольно блуждали по этой стране, принесшей им так много несчастий. Они вспоминали все те надежды, которыми жили на мысе

Бернуилли, и о том, как надежды эти были столь жестоко обмануты в заливе Туфолда. Паганель был во власти какого-то лихорадочного возбуждения. Джон Манглс, наблюдавший за ним со времени происшествия у реки Сноуи, заметил, что географ и хочет сказать что-то и не хочет. Много раз Джон допрашивал его, но ученый молчал. И все же в этот вечер, проводя ученого в его комнату, Джон еще раз спросил, почему от так нервничает.

— Джон, — ответил уклончиво географ, — я нервничаю сейчас не более обычного.

— Господин Паганель, — решительно заявил Джон Манглс, — вас душит какая-то тайна.

— Ну, пусть так! Я ничего не могу с этим поделать, — воскликнул, отчаянно жестикулируя, географ.

— Но что вас так мучает?

— Радость — с одной стороны, отчаяние — с другой.

— Вы одновременно и счастливы и несчастны?

— Да, я и радуюсь и скорблю, что еду в Новую Зеландию!

— Нет ли у вас каких-нибудь новых указаний? — с живостью спросил Джон Манглс. — Может быть, вы попали на утерянный след капитана Гранта?

— Нет, друг Джон! Из Новой Зеландии не возвращаются. Однакож... Словом, вы знаете человеческую натуру: пока дышишь — надеешься. Ведь мой девиз: *«Spiro spero»*¹. И это лучший девиз на свете.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Прошлое страны, в которую едут путешественники

На следующий день, 27 января, пассажиры брига «Макари» расположились в тесной рубке. Билль Галлей не предложил, конечно, своей каюты путешественникам, впрочем, об этом жалеть не приходилось, ибо эта берлога была под стать своему медведю.

¹ «Пока дышу — надеюсь» (лат.).

В полдень, с наступлением отлива, начали сниматься с якоря и лишь с большим трудом подняли его. С юго-запада дул умеренный ветер. Постепенно поставили паруса. Пятеро матросов брига не торопились. Вильсон хотел было помочь команде, но Галлей грубо остановил его, сказав, чтобы он не вмешивался не в свое дело. Он, Галлей, привык сам выкручиваться из затруднительных положений и не нуждается ни в помощи, ни в советах.

Последняя фраза явно относилась к Джону Манглсу, который, видя медлительность и неумение матросов, не мог сдерживать улыбки. Джон принял намек Галлея к сведению и решил вмешаться в дело управления судном лишь в том случае, если судну из-за неловкости команды будет угрожать опасность.

Наконец, пятеро матросов, понукаемые бранными окриками хозяина, в конце концов поставили паруса, и «Макари» поплыл под нижними парусами, марсельями, брамсельями, бизанью и кливерами, вышел левым галсом в открытое море. Но, несмотря на это обилие парусов, бриг едва двигался вперед. Слишком закругленный нос «Макари», его широкое дно и тяжелая корма делали его типичным образцом тех неуклюжих судов, которые известны у моряков под названием «калоша».

Однако пришлось с этим мириться. К счастью, как бы медленно ни плыл «Макари», а через пять, самое большее шесть дней он должен же был бросить якорь на рейде Окленда.

В семь часов вечера берега Австралии скрылись за горизонтом, исчез и огонь иденского маяка. Море было бурным, и бриг изрядно качало. Он тяжело зарывался в волны. Пассажиров сильно встряхивало, и пребывание в рубке очень утомляло их, однако на палубу выйти было невозможно, ибо лил сильный дождь.

Каждый погрузился в свои думы. Говорили мало. Порой лишь леди Элен и Мери Грант перебрасывались несколькими словами. Гленарвану не сиделось на месте. Он рассказывал из угла в угол, тогда как майор сидел неподвижно. Джон Манглс и Роберт время от времени поднимались на палубу, чтобы взглянуть на

море. Что касается Паганеля, то тот бормотал где-то в углу непонятные и бессвязные слова.

О чем думал почтенный географ? О Новой Зеландии, куда влекла его судьба. Паганель перебирал в уме всю ее историю, и мрачное прошлое этого края воскресало перед его глазами.

Не было ли в истории этого края хоть какого-нибудь происшествия или случая, на основании которого исследователи этих островов могли назвать их материком? Как видим, Паганель, не переставая, искал новое толкование документа. Он был словно одержим, им владела словно какая-то навязчивая идея. Его воображение было целиком захвачено одним определенным словом — Новая Зеландия. Но одно слово, одно лишь слово смущало его.

— Контин... контин... — повторял он. — Это может означать только континент.

И он стал припоминать имена мореплавателей, посетивших эти два больших острова в южных морях.

13 декабря 1642 года голландец Тасман, открыв Ван-Дименову Землю, причалил к неведомым берегам Новой Зеландии. Он плыл вдоль этих берегов, и 17 декабря его суда вошли в просторную бухту, которая заканчивалась узким проливом, разделявшим два острова.

Северный остров был И-ка-на-мауи, что значило по-зеландски «рыба маори». Южный остров носил название Те-Вахи-Пунаму, то есть «кит, производящий зеленый нефрит». Авель Тасман послал на берег шлюпки, и те вернулись в сопровождении двух пирог, в которых сидели шумливые туземцы. Эти дикари были среднего роста, с темнокоричневой и желтой кожей; кости выдавались у них вперед, голос звучал резко, черные волосы связаны были по японской моде на макушке и увенчаны были большим белым пером.

Эта первая встреча европейцев с туземцами, казалось, предвещала доброжелательные и прочные отношения. Но на следующий день, когда одна из шлюпок выискивала более удобную стоянку, поближе к берегу, на нее напало множество туземцев, приплывших на семи пирогах. Шлюпка накренилась, наполнилась

водой. Боцмана, который командовал шлюпкой, ранило в шею грубо отточенной пикой. Он упал в море. Из шести матросов четверо были убиты, а двое уцелевших и раненый боцман вплавь вернулись на суда.

После этого зловещего происшествия Тасман приказал немедленно сниматься с якоря. Отомстив туземцам лишь несколькими мушкетными выстрелами, которые, по всей вероятности, не причинили им никакого вреда, Тасман ушел из бухты, получившей название бухты Избиения, поплыл вдоль западного побережья и 5 января бросил якорь у северной оконечности острова. Но сильный прибой и явная враждебность туземцев не позволили Тасману завестись пресной водой, и он окончательно покинул эти края, назвав их Землей Штатов — в честь голландских Генеральных штатов.

Голландский мореплаватель был убежден, что эти острова граничат с островами, обнаруженными к востоку от Огненной Земли, и не сомневался, что открыл «Великий южный материк».

«Но ошибку, которую мог допустить моряк семнадцатого века, никоим образом не мог сделать Гарри Грант, моряк девятнадцатого века, — твердил себе Пангель. — Нет, это невероятно! Тут что-то не так!»

В течение целого века никто не вспоминал об открытии Тасмана, и Новая Зеландия как бы не существовала. Когда французский мореплаватель Сюрвиль наткнулся на нее под 35° 27' широты, то на первых порах он не имел основания жаловаться на туземцев. Однажды на море разыгралась буря, во время которой шлюпка, перевозившая больных матросов с корабля Сюрвиля, была выброшена на берег бухты Рефюж. Там туземный вождь Наги-Нуи прекрасно принял французов и угостил их даже в собственной хижине. Все шло хорошо до тех пор, пока у Сюрвиля не украли одну из шлюпок. Сюрвиль тщетно требовал у туземцев возвращения шлюпки и в наказание за воровство спалил целую деревню. Эта жестокая и несправедливая месть, несомненно, сыграла роль в кровавых событиях, которые впоследствии разыгрались в Новой Зеландии.

6 октября 1769 года у этих берегов появился знаменитый Кук. Он поставил на якорь судно «Эндевор» в бухте Тауэ-Роа и пытался расположить к себе туземцев добрым отношением. Но чтобы добиться расположения людей, надо было сперва вступить в общение с ними. Кук, не колеблясь, взял в плен двух или трех туземцев и насильно облагодетельствовал их, осыпав подарками, а затем отправил восвояси. Вскоре многие туземцы, соблазненные их рассказами, добровольно явились на борт корабля и начали обменную торговлю с европейцами. Спустя некоторое время Кук переехал в бухту Хокса, большой залив на северном побережье острова. Там он оказался среди столь враждебно настроенных по отношению к себе дикарей, что пришлось, чтобы усмирить их, применить залп картечи.

20 октября «Эндевор» бросил якорь в бухте Токоту, где жило мирное племя в двести человек. Ботаники, находившиеся на судне, сделали здесь много полезных наблюдений, причем туземцы доставляли их на берег на своих пирогах. Кук сам посетил здесь два селения, обнесенных частоколами, брустверами и двойными рвами, что свидетельствовало о том, что туземцы умели строить укрепленные лагеря. Их главное укрепление расположено было на скале, которая во время морского прилива была, словно остров, окружена водой, ибо волны не только окружали ее, но с ревом прорывались сквозь естественную арку в шестьдесят футов вышины, на которой стояла эта неприступная крепость.

Кук пробыл в Новой Зеландии пять месяцев и, собрав множество всяческих диких, 31 марта покинул Новую Зеландию, дав свое имя проливу, разделяющему два ее острова. Ему предстояло вернуться сюда еще раз во время следующих своих путешествий.

И действительно, в 1773 году великий мореплаватель снова посетил бухту Хокса. В этот раз он стал свидетелем сцен людоедства. Впрочем, это было вызвано его спутниками. Судовые офицеры, найдя на берегу изуродованные останки какого-то молодого дикаря, привезли их на борт судна, «сварили» и предложили в пищу туземцам. Те жадно набросились на

это мясо. Какое убогое развлечение, быть поваром на пиршестве людоедов!

Во время третьего путешествия Кук снова посетил эти места, к которым питал особое пристрастие. Мореплаватель непременно хотел закончить здесь свои гидрографические съемки. Навсегда он покинул Новую Зеландию 25 февраля 1777 года.

В 1791 году Ванкувер провел двадцать дней в бухте Сомбр, но без всякой пользы для естественных наук и географии. В 1793 году Д'Антраксто исследовал на протяжении двадцати пяти миль северное побережье острова И-ка-на-мауи. Капитаны торгового флота Хаузен и Дальримп, а затем Баден, Ричардсон, Мооди заходили сюда ненадолго. Доктор Севедж провел тут пять недель и собрал немало интересных сведений о нравах новозеландцев.

В 1805 году племянник вождя Ранги-Ху, смывший Дуа-Тара, ушел в море на судне «Арго». Судно это, которым командовал капитан Баден, стояло тогда в бухте Островов.

Быть может, приключения этого Дуа-Тара послужат в будущем сюжетом героической поэмы для какого-нибудь новозеландского Гомера. Множество бед, несправедливостей и дурного обращения пережил этот дикарь. Вероломство, заключение, побои, ранения — все испытал этот несчастный за его верную службу. Можно себе представить, какое представление он получил о людях, почитавших себя культурными!

Дуа-Тара привезли в Лондон и там, на корабле, сделали матросом последнего разряда. Он служил козлом отпущения для всей команды. Если бы не почтенный Марсден, то несчастный юноша не перенес бы всех этих мук. Миссионер заинтересовался юным дикарем, его сметливостью, отвагой, необыкновенной кротостью и приветливостью. Он добыл для родины своего любимца несколько мешков зерна и орудия для обработки земли, но все это у бедняги украли. Злоключения и страдания вновь обрушились на несчастного Дуа-Тара, и лишь в 1814 году ему удалось вернуться в страну своих предков. Но как раз тогда, когда он

начал пожинать плоды трудов своих, смерть унесла его в возрасте двадцати восьми лет. Несомненно, это непоправимое несчастье на долгие годы задержало культурное развитие Новой Зеландии. Ничто не может заменить разумного, доброго человека, в сердце которого сочетаются любовь к добру и любовь к своей родине!

До 1816 года Новой Зеландией никто не интересовался. В этом году Томпсон, в 1817 году Николас, в 1819 году Марсден посетили различные местности обоих островов, а в 1820 году Ричард Крюйс, капитан 24-го пехотного полка, пробыл на этих островах десять месяцев, собрав за это время огромный материал о нравах туземцев.

В 1824 году Дюперей, командир судна «Кокиль», провел пятнадцать дней на якоре в бухте Островов и не мог нахвалиться поведением туземцев.

После него, в 1827 году, английскому китоловному судну «Меркурий» пришлось обороняться от туземцев. В том же году капитан Дильон во время двух своих стоянок встретил со стороны туземцев самый дружеский прием.

В марте 1827 года командир судна «Астролябия», знаменитый Дюмон-Дюрвиль, безоружный, одинокий, провел безнаказанно несколько дней среди новозеландцев. Он обменялся с ними подарками, слушал их пение, спал в хижинах и беспрепятственно выполнял необходимые работы по съемкам, результатом которых явились столь полезные карты для флота.

На следующий год английский бриг «Гаус», которым командовал Джон Джонс, войдя в бухту Островов, направился к Восточному мысу и чуть не погиб от предательства вождя Энараро. Многие спутники Джона Джонса были злодейски умерщвлены.

Из этих противоречивых данных о кротости и жестокости можно сделать лишь один вывод, что жестокость новозеландцев была не чем иным, как местью. Хороший или дурной прием всецело зависел от того, хороши или дурны были капитаны. Конечно, бывали отдельные случаи нападения, которые ничем не были оправданы, но чаще всего они являлись местью,

вызванной поведением европейцев. К сожалению, месть постигала порой людей, которые ее не заслуживали.

После Дюрвиля этнография Новой Зеландии была дополнена смелым исследователем, двадцать раз объехавшим вокруг земного шара, кочевником, бродягой — английским ученым Ирлем. Он посетил не исследованные дотоле местности обоих островов, и хотя лично не имел оснований жаловаться на туземцев, он неоднократно бывал свидетелем людоедства. Новозеландцы с отвратительной жадностью пожирали друг друга.

Те же сцены людоедства наблюдал в 1831 году во время своей стоянки в бухте Островов капитан Лаплас. Сражения между племенами стали более кровопролитными, ибо дикари уже с удивительным искусством научились владеть огнестрельным оружием. Поэтому некогда цветущие, густо населенные местности острова И-ка-на-мауи превратились в пустыни. Целые племена исчезли, как исчезают зажаренные и съеденные бараны.

Тщетно боролись миссионеры с этими кровожадными инстинктами. В 1808 году «Church Missionary Society» направило самых ловких агентов в главные поселки северных островов. Но невежество новозеландцев принудило их отказаться от мысли учредить там миссии. И лишь в 1814 году Марсден (покровитель Дуа-Тара), Халле и Кинг пристали к островам и купили у вождей двести акров земли, уплатив за нее дюжину топоров. Там обосновался центр англиканского общества.

Начало было трудным. Но в конце концов туземцы начали уважать жизнь миссионеров. Они не отвергали ни их забот, ни их учения. Нравы некоторых дикарей смягчились. Чувство благодарности пробудилось в этих безжалостных сердцах. Был даже случай в 1821 году, когда новозеландцы защитили своего уважаемого миссионера от грубых матросов, которые осыпали его бранью и готовы были расправиться с ним.

Таким образом, постепенно миссии расцвели, вопреки присутствию бежавших из порта Джаксона

каторжников, разлагающе действовавших на туземное население. В 1831 году «Журнал де миссион евангелик» указывал на два заслуживающих внимания учреждения, находящихся одно в Киди-Киди, на берегу пролива, вливающегося в море вблизи бухты Островов, другое — в Пай-Хия, на берегу реки Кава-Кава. Туземцы, обращенные в христианство под руководством миссионеров, проложили дороги сквозь огромные лесные чащобы, перебросили мосты через бурные потоки. Каждый миссионер в свою очередь отправлялся проповедовать в отдаленные поселки, строя там тростниковые или из древесного лыка часовни, школы для молодых туземцев; на скромных кровлях этих строений развевался флаг миссии, на котором виднелся крест и слова «Rongo-Pai», то есть «Евангелие» на местном наречии.

К сожалению, влияние миссионеров распространилось лишь на ближайшие окрестности, а все кочевники остались вне сферы их влияния. Людоедство исчезло лишь среди обращенных в христианство, да и то опасно было подвергать этих новообращенных слишком большим соблазнам. В них кровавый инстинкт еще не угас. Кроме того, новозеландские племена непрерывно враждовали между собой.

Новозеландцы не похожи на кротких австралийцев, которые отступают перед нашествием европейцев, — новозеландцы сопротивляются, защищаются, ненавидят захватчиков, и эта неукротимая ненависть побуждает их в данное время набрасываться на захватчиков-англичан.

Будущность этих двух больших островов поставлена на карту. Их ждет либо немедленное приобщение к цивилизации, либо вековое невежество. Все решит оружие.

Так Паганель, горя нетерпением поскорее добраться до Новой Зеландии, восстанавливал в памяти ее историю. Но ничто не давало ему права называть два острова «континентом». И если некоторые слова документа вновь воспламеняли воображение географа, то два слова *контти* мешали дать новое истолкование документам капитана Гранта.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Резня на Новой Зеландии

31 января, спустя четыре дня после отплытия, «Макари» не прошел еще и двух третей расстояния от Австралии до Новой Зеландии. Билль Галлей мало занимался своим судном, предоставляя все своим подчиненным. Он редко показывался на палубе, и никто не жаловался. Пусть бы он просто проводил все время у себя в каюте, никто не возражал бы, но грубиян-хозяин ежедневно напивался джином и бренди. Команда охотно следовала его примеру, и никогда ни одно судно не было так предоставлено воле волн, как «Макари» из залива Туфолда.

Эта непростительная беспечность заставляла Джона Манглса быть настороже и непрерывно наблюдать за ходом судна. Мюльреди и Вильсон не раз бросались выправлять руль, когда бриг кренило сильно набок. Нередко Галлей обрушивался за это на обоих матросов грубейшей бранью. Те были мало склонны терпеть его грубость и были не прочь скрутить пьяницу и засадить его на дно трюма на все время перехода. Но Джон Манглс не без труда сдерживал справедлирое негодование своих матросов.

Однако такое положение судна сильно заботило молодого капитана. Но, не желая тревожить Гленарвана, он поделился своими опасениями лишь с майором и Паганелем. Мак-Наббс, правда, в иных выражениях, но дал ему тот же совет, что Мюльреди и Вильсон.

— Если вы полагаете нужным, Джон, — сказал майор, — то, не колеблясь, берите на себя командование кораблем, или если вы предпочитаете иное выражение, то руководство судном. Этот пьянчуга, когда мы высадимся в Окленде, снова станет хозяином брига и пусть тогда, сколько его душе угодно, переворачивается и тонет.

— Конечно, мистер Мак-Наббс, я так поступлю, если это будет безусловно необходимо, — ответил Джон Манглс. — Пока мы в открытом море, доста-

точно того, что ни я, ни мои матросы не покидаем палубы. Но если этот Билль Галлей не протрезвится при приближении к берегу, то, признаюсь, я окажусь в очень затруднительном положении.

— Сможете вы держать правильный курс? — спросил Паганель.

— Это будет трудно, — ответил Джон. — Подумайте, ведь на этом судне нет ни одной морской карты.

— Неужели?

— Уверю вас. «Макари» плавает только между Иденом и Оклендом, и Билль Галлей так привык к этим местам, что ему не нужны никакие вычисления.

— Он, очевидно, воображает, что его бриг сам знает дорогу и идет, куда надо, — сказал Паганель.

— Ну, я что-то не верю в суда, которые сами выбирают правильный путь, — отозвался Джон Манглс. — Если только Билль Галлей будет пьян, когда мы подплывем к берегу, то он поставит нас в очень затруднительное положение.

— Будем надеяться, что вблизи берегов этот пьяница образумится, — промолвил Паганель.

— Значит, если понадобится, то вы не сумеете ввести «Макари» в Оклендский порт? — спросил Мак-Наббс.

— Без точной карты побережья это невозможно. Берега там очень опасны. Это ряд небольших, неправильных и причудливых фьордов, как фьорды Норвегии. Там множество рифов, и чтобы избежать их, надо иметь очень большой навык. Как бы ни было крепко судно, оно неминуемо разобьется, если киль наткнется на одну из таких подводных скал.

— В таком случае плывущим на судне придется искать спасения на берегу, не так ли? — спросил майор.

— Да, мистер Мак-Наббс, но только в том случае, если погода будет благоприятной.

— Рискованный выход, — отозвался Паганель. — Ибо берега Новой Зеландии очень негостеприимны, так что нам на суше грозит такая же опасность, как и на море.

— Вы намекаете на маорийцев, господин Паганель? — спросил Джон Манглс.

— Да, друг мой. Среди моряков, плавающих по океану, репутация маорийцев установлена прочно. Это не робкие австралийцы, но смышленное, кровожадное племя, людоеды, от которых пощады не ждите.

— Следовательно, если бы капитан Грант потерпел крушение у берегов Новой Зеландии, то вы не посоветовали бы нам разыскивать его? — спросил майор.

— На побережье — да, — ответил географ, — там, может быть, удалось бы найти следы «Британии», но внутри страны — нет. Всякий европеец, рискнувший проникнуть в этот опасный край, попадает в руки маорийцев, а любой пленник маорийцев обречен на верную гибель. Я настоял на том, чтобы мои друзья пересекли памиру, пересекли Австралию, но я никогда не стал бы уговаривать их пускаться в путь по тропам Новой Зеландии. Да сохранит нас судьба от этих свирепых туземцев.

Опасения Паганеля имели полное основание. Новая Зеландия пользуется ужасной славой, и почти каждое открытие какой-либо новой земли отмечено кровавой датой.

Перечень мореплавателей, погибших мученической смертью, очень велик. Первыми в этом кровавом перечне каннибализма можно назвать пять матросов Авеля Тасмана, убитых и съеденных туземцами. Та же участь постигла капитана Туклея и всех матросов его шлюпки. Так же были съедены новозеландцами пять рыбаков судна «Сидней-Ков», захваченных в восточной части пролива Фово. Следует перечислить еще четырех матросов шхуны «Братья», съеденных в гавани Молине, многих солдат из отряда генерала Гейтса, трех дезертиров с судна «Матильда», чтобы подойти к печальной судьбе капитана Мариона дю Френа.

11 мая 1772 года, после первого путешествия Кука, в бухту Островов вошли два французских судна: под командой Марион «Маскарен» и «Кастри» под командой его помощника, капитана Крозе. Лицемерные новозеландцы встретили вновь прибывших чрезвычайно радушно. Они даже притворились робкими, чтобы

приручить их, пришлось их одаривать, оказывать услуги, ежедневно дружески общаться с ними.

Их вождь, смывленный Такури, если верить Дюмон-Дюрвилю, принадлежал к племени вангароа и был родственником туземца, предательски захваченного в плен Сюрвилем два года тому назад.

В стране, где долг чести требует от каждого маорийца кровавой мести за оскорбление, Такури, конечно, не мог простить обиду, нанесенную не только ему, но и его племени. Он терпеливо выжидал появления какого-нибудь европейского судна, обдумывая свою месть, и привел ее в исполнение с чудовищным хладнокровием.

Обманув французов притворной робостью, Такури всеми средствами старался усыпить их бдительность. Он сам и его товарищи часто ночевали на французских кораблях. Они привозили французам отборную рыбу. Им сопутствовали их жены и дочери. Вскоре дикари узнали имена офицеров и стали приглашать посетить их поселения. Марион и Крозе, подкупленные такими знаками дружелюбия, объехали таким образом все побережье с его четырехтысячным населением. Туземцы встречали французов без всякого оружия и всячески старались внушить к себе полное доверие.

Капитан Марион стал на якорь в бухте Островов, чтобы сменить на судне «Кастри» мачты, очень пострадавшие от последних бурь. Он осмотрел остров и 23 мая нашел чудесный кедровый лес, находившийся в восьми километрах от берега, вблизи бухты, расположенной в четырех километрах от стоянки кораблей. В этом лесу разбили лагерь, и две трети матросов, вооружившись топорами и прочими инструментами, принялись рубить кедры и чинить дорожку, ведущую к бухте. Раскинули еще два лагеря: один на острове Моту-Аро, в центре бухты, куда перевели больных и судовых кузнецов и бондарей, а другой на берегу океана, в шести километрах от стоянки судов; последний сообщался с лагерем плотников. Во всех трех пунктах морякам помогали в их разнообразных работах сильные и ловкие дикари.

Однако капитан Марион считал необходимым принимать все же некоторые меры предосторожности. Так, дикарям запрещали появляться на судах вооруженными, а шлюпки ходили на берег не иначе, как с хорошо вооруженной командой. Но и Мариона и самых недоверчивых офицеров усыпило безукоризненное поведение дикарей, и глава экспедиции приказал матросам отправляться на берег без оружия. Тщетно капитан Крозе убеждал Мариона отменить этот приказ — он не добился успеха.

После этого предупредительность и преданность новозеландцев возросли. Их вожди близко подружились с французскими офицерами. Неоднократно Такури привозил на суда своего сына и оставлял его там ночевать. 8 июня, когда Марион нанес торжественный визит вождю, туземцы провозгласили французского капитана «великим вождем» всего края и в знак почтения украсили его волосы четырьмя белыми перьями.

Так прошло тридцать три дня пребывания судов в бухте Островов. Работа по замене мачт успешно продвигалась вперед. Ею руководил лично капитан Крозе. Суда запасались пресной водой из источников островка Моту-Аро. Все шло более чем благополучно, казалось, что не могло быть ни малейшего сомнения в успехе предприятия.

12 июня в два часа дня катер командира был спущен на воду для рыбной ловли близ поселения, где жил Такури. Марион отправился с двумя молодыми офицерами — Водрикуром и Легу, одним волонтером, одним каптенармусом и двенадцатью матросами. Их сопровождали пять туземных вождей во главе с Такури. Ничто не предвещало ужасной трагедии, ожидавшей шестнадцать европейцев из семнадцати.

Катер отвалил от борта, поплыл к берегу и вскоре скрылся из виду.

Вечером капитан Марион не вернулся ночевать на судно. Его отсутствие не возбудило ни в ком беспокойства. Все решили, что капитан отправился посетить лагерь в лесу и там заночевал.

На следующее утро шлюпка с судна «Кастри», по обыкновению, отправилась за пресной водой на островок Моту-Аро и благополучно вернулась обратно.

В девять часов утра вахтенный с «Маскарена» заметил в море обессиленного человека, плывшего к судам. Ему на помощь была послана шлюпка, которая и доставила его на судно.

Это был Турнер, гребец с катера капитана Мариона; он был ранен в бок копьем. Из семнадцати человек, покинувших судно, вернулся он один.

Турнера засыпали вопросами и вскоре узнали подробности ужасной драмы.

Катер несчастного Мариона причалил к берегу в семь часов утра. Дикари весело приветствовали гостей и на плечах вынесли на берег офицеров, так как те не желали замочить себе ног.

Затем французы разбрелись в разные стороны, и дикари тотчас же, вооруженные пиками, дубинками, кастетами, набросились на них, десять на одного, и убили их. Матросу Турнеру, дважды раненному копьем, удалось ускользнуть от врагов и спрятаться в чаще. Лежа там, он был свидетелем жестоких сцен. Дикари раздели мертвецов, вспороли им животы и разрезали на куски. Никем не замеченный, Турнер бросился в море и почти умирающий был подобран шлюпкой с «Маскарена».

Рассказ Турнера привел в ужас экипаж обоих судов. Раздались призывы к мести. Но прежде чем мстить за мертвых, надо было спасать живых. На берегу находилось три лагеря, и тысячи кровожадных дикарей-людоедов, уже отведавших человеческого мяса, окружали их.

В отсутствие капитана Крозе, ночевавшего в лагере, необходимые меры принял старший офицер Дюк-лемер. Он отправил с «Маскарена» шлюпку с отрядом солдат под командой офицера, которому приказал в первую очередь оказать помощь плотникам. Шлюпка поплыла вдоль побережья, офицер увидел выброшенный на мель катер капитана Мариона и высадился на берег.

Капитан Крозе, прошедший, как сказано, ночь в лагере, в лесу, ничего не знал о резне, когда около двух часов пополудни он увидел приближающийся взвод солдат. Предчувствуя беду, он поспешил им навстречу и узнал о том, что произошло. Не желая вносить панику среди команды, Крозе запретил сообщать ей о случившемся.

А между тем туземцы, собравшиеся толпами, заняли все окрестные возвышенности. Капитан Крозе велел собрать главные инструменты, а прочие зарыть, поджечь сарай и начал отступать во главе отряда в шестьдесят человек.

Туземцы следовали за ними, выкрикивая: «Такури мате Марион!»¹ Они думали, что, сообщив матросам о гибели их начальника, они приведут их в смятение, но те, охваченные бешенством, хотели броситься на дикарей. Капитану Крозе еле удалось удержать их.

Пройдя два лье, взвод добрался до берега, и, соединившись с матросами из второго лагеря, все начали размещаться по шлюпкам. В это время тысяча дикарей сидела неподвижно на берегу. Но лишь только лодки вышли в море, как вслед полетели камни. Тотчас же четыре матроса, хорошие стрелки, открыли огонь и перебили вождей племени, к великому изумлению дикарей, не имевших еще понятия об огнестрельном оружии.

Капитан Крозе, вернувшись на «Маскарен», тотчас же послал шлюпку с отрядом солдат на островок Моту-Аро. Под охраной этого отряда бывшие на островке больные провели там еще ночь, а утром перевезены были на суда.

На другой день сторожевой пост Моту-Аро был усилен добавочным отрядом солдат. Надо было очистить островок от наводнивших его туземцев, а затем продолжать пополнять запасы пресной воды. Поселение Моту-Аро насчитывало триста жителей. Французы напали на них. Шестерых вождей убили, остальных дикарей обратили в бегство штыками, а поселение сожгли.

¹ «Такури убил Мариона!»

Но «Кастри» не мог выйти в море без мачт. Крозе вынужден был отказаться от мысли использовать стволы кедров и приказал починить старые мачты. Работа по снабжению судов пресной водой продолжалась. Так прошел месяц. Дикари делали не раз попытки вернуть себе Моту-Аро, но неудачно. Лишь только их пироги подходили на расстояние пушечного выстрела, как их обращали в щепы.

Наконец, ремонт мачт был закончен. Оставалось узнать, не остался ли в живых кто-нибудь из шестнадцати жертв, и отомстить за убитых. Шлюпка с офицерами и отрядом солдат направилась к тому поселению, где жил Такури. При ее приближении вероломный и трусливый вождь, накинув плащ командира Мариона, бежал. Хижины поселка тщательно обыскали. В хижине Такури нашли человеческий череп, который недавно был сварен. На нем виднелись еще следы зубов людоеда. Тут на деревянном вертеле торчала человеческая ляжка, там валялась сорочка Мариона с окровавленным воротником, несколько поодаль одежда и пистолеты юного Водрикура, оружие, бывшее на шлюпке, куча разорванной одежды, а в соседнем поселке нашли вычищенные и сваренные человеческие внутренности.

Отряд собрал все эти неопровержимые доказательства убийства и людоедства. Человеческие останки были с почетом преданы земле, а поселения Такури и его соучастника Пики-Оре были сожжены. 14 июля 1772 года оба корабля покинули роковые места.

Таково было ужасное событие, которое должен помнить всякий путешественник, вступающий на берега Новой Зеландии. Неосторожен тот капитан, который не извлечет предостережения из этого рассказа. Новозеландцы и поныне вероломны и падки на человеческое мясо. В этом при всем своем пристрастии к Новой Зеландии убедился и Кук во время своего второго путешествия, в 1773 году. Шлюпка одного из его кораблей «Авантюр», посланная 17 декабря капитаном Фюрно на новозеландский берег за травой, не возвратилась. На шлюпке находился мичман и девять матросов. Обеспокоенный капитан Фюрно послал на

розыски лейтенанта Бюрнея. Тот, высадившись на берег, наткнулся на ужасную картину каннибализма и варварства, о которой, по его словам, «нельзя говорить без содрогания: кругом, на песке, валялись головы, внутренности, легкие наших товарищей, и тут же собаки грызли объедки».

Чтобы закончить этот кровавый перечень, следует упомянуть о нападении в 1815 году на судно «Братья» и гибель в 1820 году от руки тех же новозеландцев всей команды судна «Бойд» (до капитана включительно). Наконец, 1 марта 1829 года вождь Энараро разграбил английский бриг «Гаус», пришедший из Сиднея. При этом орда людоедов убила многих матросов и трупы их зажарила и съела.

Такова была Новая Зеландия, куда шел бриг «Макари» с тупоумной командой, возглавляемой капитаном-пьяницей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Подводные скалы

Тем временем утомительный переход продолжался. 2 февраля, спустя шесть дней после отплытия, с «Макари» еще не было видно оклендского побережья, хотя ветер был попутный — юго-западный, но бригу препятствовали встречные течения, и он еле двигался вперед. Море было бурное. «Макари» сильно качало, его корпус трещал, нырял в волны и с трудом оттуда поднимался. Плохо натянутые ванты, бакштаги и штаги слабо держали мачты, и сильная качка расшатывала их.

К счастью, Билль Галлей, не любивший торопиться, не поднимал всех парусов, в противном случае мачты неизбежно сломались бы. Джон Манглс надеялся, что жалкая посудина благополучно доплывет до гавани, но его огорчало, что его спутникам придется ехать в столь плохих условиях.

Однако ни леди Элен, ни Мери Грант не жаловались, хотя непрерывный дождь вынуждал их сидеть

в рубке, где было душно и сильно качало. Поэтому, не обращая внимания на дождь, они порой выходили на палубу, и только нестерпимые порывы ветра заставляли их спускаться обратно в тесную рубку, более пригодную для перевозки товаров, чем пассажиров, а тем более пассажиров.

Друзья всячески старались развлечь их. Паганель пытался рассказывать всевозможные истории, но они не имели успеха. Печальное возвращение действовало на путешественников угнетающе. Поскольку прежде они с интересом внимали повествованиям географа о пампе и Австралии, постольку теперь Новая Зеландия оставляла их холодными и равнодушными. И действительно, ведь они плыли в этот мрачный край помимо своей воли, без энтузиазма, в силу роковой необходимости.

Из всех пассажиров «Макари» наибольшего сожаления заслуживал Гленарван. Его редко можно было видеть в рубке — ему не сиделось на месте. Человек нервный, легко возбуждающийся, он не мог примириться с бездельничаньем. Все дни, порой даже ночи, проводил он на палубе, не обращая внимания ни на волны, хлеставшие по ней, ни на потоки дождя. Он то неподвижно стоял, опершись на поручни, то лихорадочно расхаживал по палубе, упорно вглядываясь в нависший кругом туман, а если туман на мгновение рассеивался, то Гленарван всматривался в просветы, словно вопрошал немые волны и хотел одним взмахом руки разорвать эту завесу тумана, это скопление паров, застилавшее горизонт. Он не мог примириться с постигшим его несчастьем, и лицо его выражало глубокое страдание. Это был энергичный человек, до сей поры счастливый и могущественный, которому вдруг изменило и то и другое.

Джон Манглс не покидал Гленарвана и вместе с ним переносил все прихоти непогоды. В этот день Гленарван с особенной настойчивостью вглядывался в просветы на горизонте.

— Вы ищете землю, сэр? — спросил Джон Манглс. Гленарван отрицательно покачал головой.

— Однако я уверен, что вы с нетерпением ждете

той минуты, когда покинете этот бриг, — промолвил молодой капитан. — Еще тридцать шесть часов тому назад мы должны были увидеть огни Оклендского порта.

Гленарван промолчал. Он продолжал смотреть в подозрную трубу в ту сторону горизонта, откуда дул ветер.

— Земля не в той стороне, — заметил Джон Манглс. — Вам следует направить подозрную трубу направо, сэр.

— Зачем, Джон? — ответил Гленарван. — Ведь я не землю ищу.

— А что же, сэр?

— Мою яхту! Мой «Дункан»! — гневно ответил Гленарван. — Она плавает в этих водах, пенит эти волны и служит зловещему ремеслу пиратов! Яхта тут, Джон! Тут, говорю вам, на пути между Австралией и Новой Зеландией. Я предчувствую, что мы встретим ее.

— Лучше бы нам не встречать ее, сэр!

— Почему, Джон?

— Вы забываете, сэр, в каком мы положении. Что мы будем делать на этом бриге, если «Дункан» погонится за нами? Мы не в силах будем уйти от него.

— Уйти, Джон?

— Да, сэр! Мы будем напрасно пытаться сделать это! Нас захватят, и мы окажемся во власти этих негодяев, а Бен Джойс уже показал, что не остановится перед преступлением. Речь идет не о нашей жизни — мы будем защищаться до последнего вздоха! А потом что? Подумайте, сэр, о леди Гленарван, о Мери Грант.

— Бедные женщины! — прошептал Гленарван. — У меня сердце разрывается, Джон, и порой я прихожу в отчаяние. Мне кажется, что нас ждут новые беды, что судьба ополчилась против нас, я боюсь, Джон!

— Вы, сэр?

— Не за себя, Джон, но за тех, кого я люблю и кого вы тоже любите.

— Успокойтесь, сэр, — ответил молодой капитан. — Бояться нечего. «Макари» идет плохо, но все-таки идет. Билль Галлей — тупоумная скотина, но ведь

я-то здесь, если я увижу, что подходить к берегу опасно, то поведу судно обратно в открытое море. Итак, с этой стороны почти или даже совсем нет опасности. А вот оказаться бок о бок с «Дунканом», вот это было бы ужасно, и я на вашем месте, сэр, осматривал бы горизонт не для того, чтобы увидеть его, а для того, чтобы уйти от него.

Джон Манглс был прав: встреча с «Дунканом» была бы роковой для «Макари». Ибо встреча с пиратами была бы страшна именно в этих водах, где они могли свободно разбойничать. К счастью, в этот день яхта не появилась, и шестая ночь со времени отплытия из залива Туфолда наступила без каких-либо угрожающих признаков.

Но этой ночи суждено было стать ужасной. Стемнело внезапно в семь часов вечера. Небо было грозным. Инстинкт моряка заговорил даже в пьяном Билле Галлее. Протирая глаза, тряся своей большой рыжей головой, он вышел из каюты и с силой втянул в себя воздух, как другой выпил бы стакан воды, и затем начал осматривать паруса. Ветер свежел и, повернув на четыре румба к западу, нес бриг к новозеландскому побережью.

Билль Галлей, грубо ругая матросов, велел им убрать брамсея. Джон Манглс мысленно одобрил это распоряжение капитана, но промолчал. Он решил не вступать ни в какие разговоры с грубияном-моряком. Но ни молодой капитан, ни Гленарван не ушли с палубы. Два часа спустя ветер усилился, и Билль Галлей приказал взять марсея на рифы. С этой работой было бы трудно справиться команде из пяти человек, если бы не имелись двойные реи американской системы, при наличии которых достаточно было опустить верхнюю рею, чтобы площадь марсея значительно уменьшилась.

Прошло еще два часа. Море становилось все более бурным. Волны так резко били в бриг, что всякий раз казалось, будто киль его натывается на подводные скалы, но этого не было, тяжелый корпус брига с трудом поднимался на волну. Набегавшие сзади волны перехлестывали через борт и бурно разливались по

палубе. Шлюпка, висевшая над левым бортом, была смыта нахлынувшим валом.

Джон Манглс тревожился. Любому другому судну такие волны были не страшны, но тяжеловесный «Макари» мог сразу пойти ко дну, ибо каждый раз, когда он зарывался в волны, то вода, заливавшая палубу, не успевая стекать по желобам, угрожала затопить бриг. Чтобы ускорить сток воды, благоразумнее было бы прорубить топорами отверстия в верхней части бортов, но Билль Галлей не согласился на эту меру предосторожности. Впрочем, «Макари» угрожала большая опасность, и ее предотвратить уже не было времени.

Около половины двенадцатого ночи до Джона Манглса и Вильсона, стоявших у борта с подветренной стороны, донесся какой-то необычный шум. Инстинкт моряков заставил их насторожиться. Джон схватил матроса за руку.

— Прибой! — сказал он.

— Да, — отозвался Вильсон, — волны разбиваются о рифы.

— Не больше как в двух кабельтовых?

— Не больше. Там земля!

Джон перегнулся через борт, посмотрел на темные волны и крикнул:

— Лот, Вильсон, лот!

Хозяин «Макари», стоявший на носу, повидимому, ничего не подозревал. Вильсон схватил лот, свернутый в лотбаке, и бросил его в воду. Лотлинь заскользил между его пальцами, но на третьем узле остановился.

— Три сажени, — крикнул Вильсон.

— Капитан, мы у бурунов! — крикнул Джон, подбегая к Биллю Галлею.

Заметил ли Джон Манглс, как Галлей пожал плечами, или нет, было неважно, только молодой капитан кинулся к рулю, повернул румпель, тогда как Вильсон, бросив лот, стал подтягивать марсель, чтобы привести бриг к ветру. Рулевой, которого Джон Манглс с силой оттолкнул, даже не понял, чем вызвано это внезапное нападение.

— К наветренным брасам! Трави! Трави! — кричал молодой капитан, поворачивая бриг таким образом, чтобы уйти от бурунов.

С полминуты судно шло, почти задевая правым бортом рифы, и, несмотря на темноту, Джон разглядел саженьях в четырех от «Макари» белые гребни ревущих волн. Тут Билль Галлей, поняв, наконец, грозящую судну опасность, потерял голову. Полупьяные матросы не могли понять, чего от них требует капитан. Его сбивчивая речь, противоречивость его приказаний, все говорило о том, что этот тупоумный пьяница не обладал хладнокровием. Галлей был совершенно ошеломлен: он полагал, что земля от него в тридцати — сорока милях, а она оказалась в восьми. Судно отнесло течением в сторону от его обычного пути, и это захватило незадачливого капитана врасплох.

Благодаря быстрому вмешательству Джона Манглса «Макари» избежал бурунов. Но Джон Манглс не знал фарватера. Быть может, рифы окружали его со всех сторон? Ветер нес бриг прямо на восток, и каждую минуту он мог налететь на подводную скалу.

Вскоре шум прибоя стал нарастать справа. Пришлось снова лавировать. Джон снова положил руль на ветер. Перед форштевнем судна то и дело возникали буруны. Надо было во что бы то ни стало выйти в открытое море. Но удастся ли этот маневр на неустойчивом судне, с малой парусностью? Шансов на успех было мало, но другого выхода не было.

— Руль на ветер! На борт! — крикнул Джон Манглс Вильсону.

«Макари» приближался к новой гряде подводных скал. Море вокруг кипело. Наступила минута мучительного ожидания. Волны светились от пены, будто вспыхивая фосфорическим светом. Море дико ревело.

Вильсон и Мюльреди налегли изо всех сил на штурвал. Вдруг почувствовался страшный толчок. «Макари» наткнулся на подводную скалу. Ватер-штаги лопнули, и фок-мачта потеряла устойчивость. «Удастся ли повернуть судно без других аварий?»

Нет, не удалось — ветер внезапно спал, бриг увалило под ветер. Нахлынувший вал подхватил его, поднял, понес прямо на рифы и со страшной силой швырнул на скалы. Фок-мачта со всей оснасткой рухнула. Бриг дважды ударился килем о скалы и замер, накренившись на правый борт на тридцать градусов.

Стекла в рубке разлетелись вдребезги. Пассажиры выбежали на палубу, но волны перекатывались по ней, и оставаться там было небезопасно. Джон Манглс, зная, что судно основательно увязло в песке, попросил пассажиров вернуться в рубку.

— Скажите правду, Джон, — спокойно спросил Гленарван, — что нам грозит?

— Правду, сэр? Хорошо: ко дну мы не пойдем, хотя судно может быть разбито волнами, но у нас есть время принять нужные меры.

— Теперь полночь?

— Да, сэр, надо подождать до утра.

— Нельзя ли спустить шлюпку?

— При такой волне и среди такого мрака это невозможно. К тому же мы даже не знаем, где можно пристать к берегу.

— Хорошо, Джон, останемся здесь до утра.

В это время Билль Галлей метался, словно сумасшедший, по палубе. Его матросы, придя в себя, вышибли дно у бочонка с водкой и начали пить. Джон предвидел, что это пьянство не замедлит вызвать дикие выходки. Рассчитывать на капитана нельзя было, он уже утратил свой авторитет. Этот жалкий человек рвал на себе волосы, ломал руки и думал только о своем грузе, который не был застрахован.

— Я разорен! Я погиб! — орал он, перебегая от одного борта к другому.

Джон Манглс не стал утешать его. Он посоветовал своим спутникам вооружиться, и все приготовились в случае необходимости дать отпор матросам. Тепили бренди, выкрикивая ужасные ругательства.

— Первого, кто только осмелится приблизиться к рубке, я убью, как собаку, — спокойно заявил майор.

Матросы, видимо, поняв, что с ними церемониться не будут, вдруг куда-то исчезли. Джон Манглс

забыл об этих пьяницах и с нетерпением ждал рас-света.

Бриг оставался совершенно неподвижным. Ветер стих. Море мало-помалу успокоилось. Корпус судна мог продержаться на воде еще несколько часов. С восходом солнца Джон Манглс надеялся разглядеть берег. Если пристать к нему будет возможно, то ялик, единственное оставшееся на судне средство сообщения, перевезет на берег команду и пассажиров. Ялику придется совершить несколько рейсов, ибо он мог вместить не более четырех человек. А шлюпка, как известно, была сорвана и унесена нахлынувшим валом в море.

Обдумывая опасное положение, в котором они все оказались, Джон Манглс, опершись о люк, прислушивался к шуму прибоя. Он старался разглядеть что-либо в окружавшем его беспросветном мраке. Он спрашивал себя, на каком расстоянии находится эта, столь желанная и столь опасная земля. Буруны часто отстоят на много миль от побережья. Выдержит ли легкая, хрупкая лодка такой большой переход?

В то время как Джон Манглс, обдумывая все это, ждал первых проблесков зари, пассажирки, успокоенные молодым капитаном, спали на своих койках. Полная неподвижность судна обещала им несколько часов отдыха. Гленарван, Джон Манглс и их спутники, не слыша больше криков мертвецки пьяных матросов, тоже слегка задремали, и в час ночи на «Макари», который лежал на своем песчаном ложе, воцарилось полное спокойствие.

Около четырех часов утра на востоке показались первые проблески зари. Облака слегка посветлели в бледных лучах рассвета. Джон Манглс поднялся на палубу. Туманная завеса висела на горизонте. Что-то как бы волнообразно колебалось высоко в утренних парах. Слабая зыбь пробегала по морю, и волны океана сливались с неподвижными тучами.

Джон Манглс ждал. Мало-помалу светлело, восток окрасился алым цветом. Туманная завеса медленно взвилась, из воды постепенно выступали черные скалы. Наконец, за каймой пены обрисовалась полоса, а над нею загорелся, словно маяк, яркий свет — то солнце,

еще не взошедшее, осветило остроконечную вершину горы. Земля находилась не больше как в девяти милях.

— Земля! — вскричал Джон Манглс.

Его спутники, проснувшиеся от этого крика, выбежали на палубу и молча глядели на берег, видневшийся теперь на горизонте. Гостеприимный или враждебный, он должен был дать им приют.

— Где Билль Галлей? — спросил Гленарван.

— Не знаю, сэр, — ответил Джон Манглс.

— А матросы?

— Скрылись, как и он.

— И, вероятно, мертвецки пьяны, как и он, — добавил Мак-Наббс.

— Разыщите их, — сказал Гленарван. — Нельзя же их бросить здесь, на этом судне.

Мюльреди и Вильсон спустились в кубрик и через две минуты вернулись. Там никого не оказалось. Они тщательно обыскали судно, до самого дна трюма, но ни Билля Галлея, ни его матросов нигде не нашли.

— Как! Никого? — сказал Гленарван.

— Не упали ли они в море? — спросил Паганель.

— Все возможно, — отозвался Джон Манглс, очень встревоженный этим исчезновением. Затем, направляясь на корму, он крикнул: — К ялику!

Вильсон и Мюльреди последовали за ним, чтобы спустить на воду ялик, но его не было — ялик исчез.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Матросы поневоле

Билль Галлей вместе с командой, воспользовавшись темнотой и тем, что все пассажиры спали, бежал с брига на единственной уцелевшей лодке. В этом не могло быть ни малейшего сомнения. Капитан, которого долг обязывает оставить судно последним, покинул его первым.

— Эти негодяи сбежали, — сказал Джон Манглс. — Что ж! Тем лучше, сэр: теперь мы избавлены от неприятных сцен.

— И я того же мнения, — подтвердил Гленарван. — К тому же, Джон, у нас на судне есть свой капитан и матросы, пусть не опытные, но храбрые, это ваши товарищи. Приказывайте, мы готовы повиноваться!

Майор, Паганель, Роберт, Вильсон, Мюльреди и даже Олбинет встретили рукоплесканиями слова Гленарвана и, выстроившись на палубе, ждали распоряжений Джона Манглса.

— Что надо делать? — спросил Гленарван.

Молодой капитан взглянул на море, на поврежденную оснастку брига и, подумав немного, ответил:

— У нас, сэр, есть два способа выйти из этого положения: либо снять бриг с рифов и выйти в море, либо доплыть до берега на плоту, который легко построить.

— Если бриг можно снять с рифов, то снимем его, — ответил Гленарван. — Это лучший выход, не правда ли?

— Да, сэр, ибо если мы доберемся до суши, то что с нами будет, если мы лишимся средств передвижения? Следует избегать высадки на берег, — сказал Паганель, — не забывайте, что это Новая Зеландия.

— Тем более что вследствие беспечности Галлея мы значительно отклонились от нашего курса, — прибавил Джон Манглс. — Нас, очевидно, отнесло к югу. В полдень я определю наше местонахождение, и если мои предположения, что мы находимся южнее Окленда, подтвердятся, то я попытаюсь достигнуть его, плывя вдоль берегов.

— Но ведь бриг поврежден. Как же быть? — спросила леди Элен.

— Не думаю, что авария серьезная, — ответил Джон Манглс. — Я сломанную фок-мачту заменю временной, и «Макари» пойдет медленно, но в том же направлении, куда нам нужно. А если, к несчастью, окажется, что корпус брига проломлен и нельзя будет снять его с рифов, то придется покориться необходимости плыть до берега на плоту и добираться пешком в Окленд.

— Итак, прежде всего осмотрим судно, — заявил майор, — это важнее всего.

Гленарван, Джон Манглс и Мюльреды спустились по трапу в трюм. Там было беспорядочно навалено почти двести тонн дубленых кож.

Благодаря прикрепленным к штагу таям оказалось возможным переместить тюки с кожей без особого труда. Чтобы облегчить судно, Джон Манглс распорядился немедленно выбросить часть тюков в море.

После усиленной трехчасовой работы показалось дно брига. Выяснилось, что два паза обшивочного пояса левого борта разошлись. Так как «Макари» лег на правый борт, то левый, поврежденный, борт был выше воды. Только благодаря этому в трюме не было течи. Вильсон законопатил разошедшиеся пазы паклей и аккуратно забил их медным листом. Опустили на дно трюма лот и выяснили, что в трюме воды было не более двух футов. Эту воду легко можно было выкачать насосами и тем облегчить судно.

Осмотр корпуса показал Джону Манглсу, что в целом бриг при посадке на рифы мало пострадал. Конечно, во время снятия брига часть фальшкиля, увязнув в песке, могла остаться в нем, но это было неопасно.

Закончив осмотр внутренних частей судна, Вильсон нырнул в воду, чтобы выяснить положение «Макари» на мели. Оказалось, что бриг, обращенный носом на северо-запад, сидит на песчано-илистой мели, круто опускающейся в море. Нижняя оконечность форштевня и две трети киля глубоко застряли в песке. Остальная часть корпуса до ахтерштевня была в воде, глубина которой достигала пяти саженей. Таким образом, руль не увяз и мог действовать свободно, что давало возможность воспользоваться им при первой же надобности.

В Тихом океане прилив не достигает особой высоты, но тем не менее Джон Манглс рассчитывал, что подъем воды поможет снять с мели «Макари». Бриг сел на мель приблизительно за час до начала отлива. Во время отлива бриг все больше и больше кренился на правый борт. В шесть часов утра, в момент

наибольшего спада воды, крен достиг своего максимума, следовательно подпирать бриг не было необходимости. Благодаря этому можно было сохранить реи и шесты, они нужны были Джону Манглсу для временной мачты, которую он собирался поставить на носу брига.

Оставалось принять меры для снятия «Макари» с мели. Это была долгая и утомительная работа. Ее, конечно, немыслимо было закончить к моменту прилива, то есть к двенадцати с четвертью часам дня. На этот раз можно было лишь проверить, какое действие окажет подъем воды на свободную часть брига, и только в момент следующего прилива необходимо был напрячь все силы и снять «Макари» с мели.

— За работу! — скомандовал Джон Манглс.

Добровольцы-матросы стали по местам. Джон Манглс распорядился убрать все паруса. Майор, Роберт, Паганель под руководством Вильсона взошли на марс. Надутый ветром грот-марсель препятствовал бы освобождению судна. Необходимо было его свернуть, что кое-как сделали. Затем после упорной и тяжелой для неопытных рук работы грот-брамстенгу спустили. Юный Роберт, проворный, как кошка, и отважный, как юнга, во многом очень помог товарищам в этой нелегкой работе.

Затем следовало бросить якорь, а может быть даже два, за корму, против кили. Эти якоря должны были во время прилива снять с мели «Макари». Такая операция — дело нетрудное, когда судно располагает шлюпкой. Якорь завозят в ней на нужное место и там бросают в воду. Но на бриге не имелось лодки, надо было чем-то ее заменить.

Гленарван был достаточно сведущ в морском деле, чтобы понять необходимость бросить якорь для снятия судна, севшего на мель во время отлива.

— Но как это сделать без лодки? — спросил он Джона Манглса.

— Соорудим плот из обломков фок-мачты и пустых бочонков, — ответил молодой капитан. — Завести якоря будет, конечно, трудно, но возможно, ибо якоря «Макари» невелики. Если они будут закинуты и не сорвутся, то я надеюсь на успех.

— Хорошо. Приступим к работе, Джон.

Все матросы и пассажиры были вызваны на палубу, и каждый принялся за работу. Срубили топорами снасти, еще удерживавшие фок-мачту. Мачта эта была сломана у топа, так что марс легко удалось снять. Джон Манглс предназначил этот материал для постройки плоты. Сбитую марсовую площадку укрепили на пустых бочонках, чем дали ей возможность выдержать тяжесть якорей. К этому плоту приделали для управления кормовое весло. Впрочем, отлив и так должен был отнести плот за корму, откуда, забросив якоря, легко было вернуться на судно, держась за протянутый с него канат.

К полудню работа над плотом была наполовину закончена. Джон Манглс, поручив Гленарвану руководить работой, сам занялся определением местонахождения брига. Это дело было делом чрезвычайно важным. К счастью, Джон Манглс нашел в каюте Биля Галлея ежегодный справочник Гринвичской обсерватории и секстант, хотя и очень грязный, но все же годный для работы. Молодой капитан вычистил его и принес на палубу.

Этот прибор при помощи нескольких подвижных зеркал давал отображение солнца на горизонте в полдень, то есть в тот момент, когда дневное светило находится в высшей точке. Таким образом ясно, что, работая с прибором, необходимо направлять зрительную трубу секстанта на истинный горизонт, тот, на линии которого сливаются вода и небо. Однако земля на севере тянулась как раз в виде обширной возвышенности, которая мешала наблюдателю. В таком случае подлинный горизонт заменяют искусственным. Обычно берут плоский сосуд, который наполняют ртутью, дающей совершенно зеркальную поверхность, над которой и ведут наблюдения.

К сожалению, у Джона Манглса на борту не было ртути, но он вышел из затруднения, заменив ртуть дегтем, поверхность которого вполне четко отражает солнце. Долготу местности Джон Манглс уже знал, ибо находился у западного побережья Новой Зеландии. Это было счастье, ибо за отсутствием на

«Макари» хронометра он не смог бы определить ее. Значит, ему неведома была лишь широта. Он попытался определить ее.

Угловая высота солнца на горизонте была $68^{\circ} 30'$. Вычитая полученный угол из прямого угла, то есть из 90° , Джон получил угловое склонение в $21^{\circ} 30'$. Склонение солнца в этот день, 3 февраля, равнялось $16^{\circ} 30'$, так было помечено в «Ежегоднике». Прибавив этот угол к только что найденному, он получил широту 38° .

Итак, «Макари» находился под 38° широты и $171^{\circ} 13'$ долготы. Отклонение могло быть незначительным в силу несовершенства прибора, но это не имело значения.

Справившись по карте Джонсона, купленной Паганелем в Идене, Джон Манглс убедился, что авария произошла у входа в бухту Аотеа, недалеко от мыса Кахуа, у берегов провинции Окленд. Так как город Окленд находится на тридцать седьмой параллели, то, значит, «Макари» снесло на один градус к югу от своего пути, и чтобы попасть в столицу Новой Зеландии, ему следовало теперь подняться на градус к северу.

— Итак, нам предстоит переход в какие-нибудь двадцать миль — это сущий пустяк, — сказал Гленарван.

— Да, пустяк, если ехать морем двадцать пять миль, но пройти пешком — это долгий и трудный путь, — возразил Паганель.

— Поэтому-то надо сделать все, что в человеческих силах, чтобы снять «Макари» с мели, — сказал Джон Манглс.

После определения широты снова принялись за работу. В четверть первого начался прилив, но Джон Манглс не мог им воспользоваться, ибо якоря не были еще заброшены. Однако он с некоторой тревогой следил за тем, что делается с «Макари». Не всплывет ли бриг благодаря приливу? Это должно было решиться в течение пяти минут.

Все ждали. Раздался легкий треск. Он происходил либо от того, что судно начинало всплывать, либо от

сотрясения его корпуса. Бриг не сдвинулся, но Джон Манглс не терял некоторые надежды на следующий прилив.

Работы продолжались. К двум часам плот был готов. На него погрузили малый якорь. Джон Манглс и Вильсон поместились на плоту, предварительно прикрепив к корме судна перлинь. Прилив отнес их на полкабельтова; тут они бросили якорь на глубине десяти саженей. Якорь хорошо держал, и плот вернулся к бригу.

Теперь предстояло заняться вторым, большим якорем. Его опустить оказалось сложнее. Но плот вновь отнесло приливом, и вскоре второй якорь был брошен позади первого, но уже на глубине пятнадцати саженей. Покончив с этим, Джон Манглс и Вильсон, подтягиваясь на канате, вернулись на «Макари».

Канат и перлинь взяли на брашпиль, и все, бывшие на «Макари», стали ждать нового прилива, разгар которого должен был наступить в час ночи, а было лишь шесть часов вечера.

Джон Манглс похвалил своих матросов и даже дал понять Паганелю, что, проявляя всегда столько усердия и храбрости, он когда-нибудь может стать боцманом.

Тем временем мистер Олбинет, потрудившийся в поте лица, вернулся на кухню. Он приготовил сытный обед, который пришелся очень кстати. Команда брига была голодна, и обед полностью удовлетворил всех и влил в них новые силы для предстоящих работ.

После обеда Джон Манглс принял последние меры предосторожности, которые должны были обеспечить успех задуманного плана. Когда речь идет о снятии с мели судна, то нельзя пренебрегать ничем. Порой дело срывается из-за самой незначительной перегрузки, и тогда киль не покидает своего песчаного ложа.

Джон Манглс уже распорядился выбросить в море большую часть товара для облегчения брига. Теперь же остальные тюки с кожей, тяжелые длинные деревянные брусья, запасные рей, несколько тонн чугуна для балласта, все это было перемещено на корму,

чтобы она своею тяжестью помогла подняться форштевню. Вильсон и Мюльреди перекатили туда еще несколько бочонков, которые они затем наполнили водой. Пробило полночь, когда эти последние работы были закончены. Вся команда устала до изнеможения, что было очень некстати, так как успех дела зависел только от самочувствия людей. Это побудило Джона Манглса принять новое решение.

К этому времени наступил штиль. Легкая зыбь едва рябила море. Джон Манглс, всматриваясь в горизонт, заметил, что ветер с юго-западного меняет направление на северо-западный. Моряк не мог ошибаться, глядя на особое расположение облаков и на их окраску. Вильсон и Мюльреди были того же мнения, что и капитан.

Джон Манглс, поделившись своими наблюдениями с Гленарваном, предложил ему отложить до завтра снятие брига с мели.

— Мои соображения таковы, — сказал молодой капитан: — прежде всего мы все очень утомлены, а чтобы высвободить «Макари», понадобятся все наши силы. Затем, в случае если нам даже и удастся снять бриг с мели, то как вести его среди подводных скал в столь темную ночь? Лучше действовать днем. К тому же у меня есть еще одно основание не торопиться: ветер; повидимому, станет благоприятным, и я хочу воспользоваться этим, чтобы, когда прилив поднимет эту старую калошу, ветер дал бы ей задний ход. Завтра, по моему, будет дуть северо-западный ветер. Мы поставим паруса на грот-мачту, и они помогут нам снять бриг с мели.

Доводы эти были настолько убедительны, что даже Гленарван и Паганель, самые нетерпеливые из пассажиров, и те сдались, и решено было всю операцию отложить на завтра.

Ночь прошла благополучно. Установили вахту, главным образом для наблюдения за якорями. Наступило утро. Предсказания Джона Манглса сбылись: ветер подул с северо-запада и вдобавок все более крепчал, что сильно помогало. Весь экипаж был вызван на палубу. Роберт, Вильсон и Мюльреди заняли

места наверху грот-мачты, а майор, Гленарван и Паганель — на палубе, чтобы в нужный момент поставить паруса. Грот-марса рею подняли при помощи блока, а грот и грот-марсель оставили на гитовах.

Было девять часов утра. До разгара прилива оставалось еще четыре часа. Джон Манглс использовал это время для того, чтобы заменить сломанную фок-мачту временной. Это должно было дать ему возможность уйти из этих опасных мест, как только «судно» будет снято с мели. Команда напрягла все силы, и незадолго до полудня фока-рея была прочно укреплена на носу брига в качестве временной мачты. Леди Элен и Мери Грант оказали большую помощь товарищам, приладив запасной парус к фор-брамрее. Они были рады, что смогли поработать для общего спасения. Когда оснастка «Макари» была закончена, то хотя внешний облик брига был не очень элегантен, он все же мог отлично плыть, не слишком удаляясь от берега.

Начался прилив. По морю пошли небольшие пенитые волны. Черные верхушки подводных скал малопомалу исчезли, заливаемые водой, словно морские животные, прячущиеся в родную стихию. Близился решительный момент. Путешественники ждали его с лихорадочным нетерпением. Все молчали и глядели на Джона, ожидая его приказаний.

Молодой капитан, перегнувшись через поручни шканцев, наблюдал за приливом. Порой он беспокойно поглядывал на сильно натянутые канат и перлинь якорей.

В час дня прилив достиг своего наивысшего подъема. Наступил тот момент, когда вода и не прибывает и не убывает. Надо было действовать без промедления. Поставили грот и грот-марсель, и оба паруса тотчас наполнились ветром!

— На брашпиль! — крикнул Джон Манглс.

Это был горизонтальный ворот, снабженный качалками, подобно пожарным насосам. Гленарван, Мюльреди и Роберт с одной стороны, Паганель, майор, Олбинет — с другой навалились на качалки, приводившие брашпиль в движение. Одновременно Джон Манглс и

Вильсон, схватив шесты для кренгования, присоединили свои усилия к усилиям товарищей.

— Смелей! Смелей! — кричал молодой капитан. — Дружно, все сразу!

Под могучим действием брашпиля канат и перлинь натянулись. Якорь держались крепко.

Чтобы добиться успеха, надо было торопиться. Через несколько минут должен был начаться отлив. Команда удвоила усилия. Свежий ветер надувал паруса, прижимая их к мачте. Корпус брига задрожал. Казалось, что он вот-вот приподнимется. Быть может, еще последнее усилие, и бриг вырвали бы из его песчаного ложа.

— Элен! Мери! — крикнул Гленарван.

Молодые женщины бросились помогать товарищам. Брашпиль лязгнул в последний раз, но бриг не двинулся. Операция не удалась. Начался отлив, и теперь было очевидно, что такой небольшой команде даже с помощью ветра и волн не снять с мели судна.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Теоретические обоснования людоедства

Итак, первый способ спасения, предложенный Джоном Манглсом, не удался. Надо было немедленно попытаться привести в исполнение второй. Было очевидно, что снять с рифов «Макари» невозможно, и столь же очевидно было, что единственно правильное решение — это покинуть бриг. Ожидать на брига маловероятной помощи было не только неосторожно, но безумно. Еще до того как появится какой-нибудь благодетельный корабль, «Макари» обратится в щепки. Стоит разыгаться буре или задуть с открытого моря свежему ветру, как волны поволокут злосчастный бриг по песку, разобьют его, растерзают и разметают его обломки. И поэтому Джон Манглс стремился добраться до суши еще до этой неминуемой гибели судна.

Он предложил построить такой крепкий плот, что на нем можно было бы перевезти на берег Новой Зеландии пассажиров и необходимое количество съестных припасов.

Обсуждать было не время, надо было действовать.

Закипела работа, ее прервали лишь с наступлением ночи. Около восьми часов вечера, после ужина, когда Элен и Мери Грант отдыхали в рубке на койках, Паганель и его друзья расхаживали по палубе, обсуждая то трудное положение, в которое попали. Роберт остался с ними. Храбрый мальчуган слушал и был готов исполнить любое приказание, любое опасное дело.

Паганель спросил молодого капитана, нельзя ли, вместо того чтобы высадить пассажиров на берег, проплыть с ними на плоту вдоль побережья до Окленда. Джон Манглс ответил, что это опасно.

— А могли бы мы проплыть до Окленда на ялике?

— Только в крайнем случае, — ответил Джон Манглс, — и лишь при условии, что мы плыли бы днем, а ночью отстаивались бы на якоре.

— Так, значит, подлецы, которые нас бросили...

— Ах, эти-то! — сказал Джон Манглс. — Ну, они были совсем пьяны, и боюсь, что в такую непроглядную ночь они поплатились жизнью за свою подлость.

— Тем хуже для них, — отозвался Паганель, — но тем хуже и для нас, ибо ялик был бы для нас очень полезен.

— Что делать, Паганель! — вмешался в разговор Гленарван. — Но ведь и плот доставит нас на сушу.

— А вот этого-то я и не хотел бы, — сказал географ.

— Как! — воскликнул Гленарван. — Неужели нас, людей закаленных, испугает путешествие в каких-нибудь двадцать миль после всех наших злоключений в пампе и в Австралии!

— Друзья мои, — ответил Паганель, — я не сомневаюсь ни в нашем мужестве, ни в выносливости наших спутниц. Двадцать миль — это сущий пустяк в любой иной стране, но не в Новой Зеландии. Надеюсь, вы не заподозрите меня в малодушии — ведь я

первый подбивал вас пересечь Америку, пересечь Австралию. Но здесь я еще раз повторяю: все что угодно, лишь бы не путешествие по этой вероломной стране.

— Нет! пусть любое путешествие по суше, чем верная гибель с осевшим на мель судном, — возразил Джон Манглс.

— А чего, собственно, нам следует опасаться в Новой Зеландии? — спросил Гленарван.

— Дикарей! — ответил Паганель.

— Дикарей! — повторил Гленарван. — Но разве мы не можем избежать встречи с ними, идя вдоль берега? К тому же нападение нескольких жалких дикарей не может утратить десять европейцев, хорошо вооруженных и готовых защищаться.

— Речь идет ни о каких-то жалких дикарях, — возразил, качая головой, Паганель. — Новозеландцы объединены в грозные племена, они борются с английскими захватчиками и часто побеждают их и всегда поедая убитых врагов.

— Так это людоеды! Людоеды! — крикнул Роберт, а затем прошептал еле слышно: — Сестра... мисс Элен...

— Не бойся, мой мальчик, — сказал Гленарван, желая успокоить его. — Наш друг Паганель преувеличивает.

— Я ничего не преувеличиваю! — возразил географ. — Роберт показал себя мужчиной, и я говорю с ним как с мужчиной, не скрывая от него правды. Новозеландцы — самые жестокие и, пожалуй, самые прожорливые из людоедов. Они пожирают все, что попадется им на пути. Война для них не более, как охота на лакомую дичь, именуемую человеком, и, надо признать, что это единственная война, заслуживающая какого-то логического оправдания. Европейцы убивают врагов своих, а затем хоронят. Дикари убивают врага и затем пожирают; совершенно справедливо сказал мой соотечественник Туссенель, что зло заключается не столько в том, что убитого врага зажарят, сколько в том, что его убивают, когда он не хочет умирать.

— Паганель, — ответил майор, — все это очень спорно, но сейчас спорить не время. Логично или нет быть съеденным, но мы не желаем, чтобы нас съели. Но почему же христианство до сей поры не искоренило еще людоедства?

— Неужели вы полагаете, Мак-Наббс, что все новозеландцы — христиане? Обращенных в христианскую веру очень мало, и сами миссионеры очень часто являются жертвами этих скотов. Еще в прошлом году досточтимый Уолькнер был зверски замучен дикарями. Маорийцы повесили его. Их жены вырвали его глаза, они выпили его кровь, пожрали его мозг, это преступление имело место в тысяча восемьсот шестьдесят четвертом году, в Опотике, в нескольких милях от Окленда, почти на глазах у английских властей. Друзья мои, понадобятся столетия, чтобы изменить человеческую природу. Чем маорийцы были, тем они останутся еще на долгое время. Вся их история — это история кровопролитий. Какое множество матросов-европейцев они убили и съели, начиная от матросов Тосмана и кончая разгромом «Хауса». И не белокорые пробудили в них вкус к человеческому мясу. Они еще задолго до появления европейцев лакомились человеческим мясом. Множество путешественников, живущих среди них, присутствовали при трапезах людоедов, когда лишь потребность в изысканном блюде толкала их пожирать мясо женщины или ребенка.

— Ба! — сказал майор. — Не рождено ли большинство рассказов воображением путешественников? Лестно вернуться из опаснейших стран, чуть не поймав в желудках людоедов.

— Допускаю, что в этих свидетельствах есть доля преувеличения, — ответил Паганель, — но обо всем этом рассказывали люди, достойные доверия, например, миссионеры Марсден, Кендаль, капитаны Диллон, Дюрвиль, Лаплас и многие другие, и я верю их рассказам, я не могу им не верить. Новозеландцы по природе своей жестоки. Когда у них умирает вождь, то они приносят человеческие жертвы. Они полагают,

что, принося эти жертвы, они смягчают гнев умершего, — иначе этот гнев мог бы обрушиться на живых, а заодно вождь получает слуг для загробной жизни. Но так как, принеся в жертву этих слуг, новозеландцы тут же пожирают их, то есть основание предполагать, что это делается скорее из желания полакомиться человеческим мясом, чем из суеверия.

— Однако, — заметил Джон Манглс, — мне кажется, что суеверие играет немалую роль в сценах людоедства. И поэтому, когда изменится религия, то изменятся и нравы.

— Милый друг Джон, — ответил Паганель, — вы затронули сейчас серьезный вопрос о происхождении людоедства. Что толкнуло людей на это: религиозные верования или голод? Этот вопрос в данный момент является для нас совершенно праздным. Почему существует людоедство — этот вопрос еще не решен. Но оно существует, и это единственное, о чем мы должны думать.

Паганель был прав. Людоедство в Новой Зеландии стало столь же хроническим явлением, как и на островах Фиджи, у берегов Торрессова пролива. Суеверие, несомненно, играет известную роль в этих гнусных обычаях, но часто людоедство существует главным образом потому, что дичь в этих местах бывает редко, а голод силен. Дикари начали есть человеческое мясо, чтобы удовлетворить терзающий их голод, а в дальнейшем жрецы узаконили и освятили этот чудовищный обычай, придав ему характер религиозного обряда.

К тому же, с точки зрения маорийцев, нет ничего более естественного, как поедать друг друга. Миссионеры нередко расспрашивали их о причинах людоедства, о том, почему они пожирают своих братьев, на что дикари отвечали, что ведь рыбы едят рыб, собаки пожирают человеческие трупы, люди едят собак, а собаки друг друга. У маорийцев существует даже легенда, что якобы одно божество пожрало другое. При наличии таких примеров почему им тоже не съедать себе подобных?

Кроме того, новозеландцы утверждают, что, пожирая врага, они тем самым уничтожат его духовную сущность и таким образом наследуют его душу, его силу, его доблесть, ибо все это главным образом заключено в его мозгу. Поэтому человеческий мозг является на пиршествах людоедов самым изысканным и почетным блюдом.

Однако Паганель настаивал, и не без основания, что главной причиной людоедства является голод и не только у новозеландцев, но и у европейских дикарей.

— Да, — прибавил географ, — людоедство долго имело место среди предков самых цивилизованных народов, и не примите это за личную обиду, но особенно оно было развито у шотландцев.

— В самом деле? — сказал Мак-Наббс.

— Да, майор, — подтвердил Паганель. — Если вы прочтете некоторые отрывки из летописей Шотландии, то увидите, каковы были ваши предки. Впрочем, не углубляясь даже в древние времена, можно указать, что в царствование Елизаветы, когда Шекспир создавал своего Шейлока, шотландский разбойник Сэвней Бек был казнен за людоедство. Что побудило его есть человеческое мясо? Религиозные верования? Нет, голод.

— Голод? — повторил Джон Манглс.

— Да, голод. Но главная потребность — есть мясо и тем питать свое тело и кровь азотом, который содержится в живом мясе. Не плохо питать легкие корнеплодами и крахмалом. Но тот, кто хочет быть сильным и деятельным, должен впитывать в себя пищу, способствующую образованию органических тканей и укрепляющую мускулы. До той поры, пока маорийцы не станут членами «Вегетарьянского общества», они будут питаться мясом и мясом человеческим, — повторил Паганель.

— А почему не мясом животных? — спросил Гленарван.

— Потому что в этой стране почти нет животных — это надо знать: не для того чтобы оправдать новозеландцев, но чтобы объяснить причины их

людоедства. В этом негостеприимном крае редко встречаются не только четвероногие, но даже птицы. Поэтому маорийцы во все времена питались человеческим мясом. У них существует даже «сезон людоедства», как в цивилизованных странах — охотничий сезон. Тогда у новозеландцев происходят великие битвы, иначе говоря — великие войны, после которых целые племена подаются на стол победителей.

— Итак, Паганель, вы полагаете, что людоедство в Новой Зеландии исчезнет, как только на ее лугах начнут пастись стада овец, быков и свиней? — спросил Гленарван.

— Очевидно, так, дорогой сэр. И потребуются еще долгие годы, чтобы маорийцы отказались от человеческого мяса, они предпочитают его всем прочим, и еще долгое время потомкам будет нравиться то, что любили их предки. По словам маорийцев, мясо новозеландцев имеет вкус свинины, только еще душистее. Что же касается мяса белокожих, то оно менее вкусно, ибо белые употребляют в пищу соль, что придает их мясу особый привкус, который лакомкам людоедам не нравится.

— Они очень привередливы, — заметил майор, — а в каком виде они едят это мясо — в жареном или вареном?

— Да зачем вам это нужно знать, мистер Мак-Наббс? — воскликнул Роберт.

— А как же, мой мальчик! — серьезно ответил майор. — Если мне когда-либо суждено кончать жизнь в зубах людоеда, так я предпочитаю, чтобы меня сварили.

— Почему?

— Чтобы быть уверенным, что меня не съедят еще живым.

— А если вас заживо сварят? — озадачил его географ.

— Да, скажу я вам, это выбор, пожалуй, не легкий, — ответил майор.

— Ну, как бы то ни было, но знайте, Мак-Наббс, что новозеландцы едят людей только в жареном или копченом виде. Они люди благовоспитанные и боль-

шие гурманы. Но что касается меня, то, признаюсь, я не хотел бы быть съеденным. Окончить жизнь в желудке дикаря! Тьфу!

— Словом, из всего этого я делаю вывод, что нам не следует попадаться им в руки, — заявил Джон Манглс. — Будем надеяться, что когда-нибудь их обратят в христианскую веру и это смягчит их жестокие нравы.

— Да, будем надеяться, — ответил Паганель, — но уверяю вас, что дикарь, который однажды отведал человеческого мяса, не легко впоследствии откажется от этой пищи. Я приведу вам два примера, а вы судите по ним.

— Послушаем, Паганель, — сказал Гленарван.

— Первый случай описан в «Хроник де ла Сосьетэ» в Бразилии. Португальскому миссионеру пришлось как-то натолкнуться на тяжело больную старую бразильянку. Ее дни были сочтены. Иезуит приобщил ее к нескольким истинам христианского вероучения. Затем, утолив, так сказать, ее духовный голод, он предложил своей пациентке некоторые европейские яства. «Увы, — ответила старуха, — мой желудок не переваривает никакой пищи. Существует только одно блюдо, которым я очень хотела бы полакомиться, но, к несчастью, здесь никто мне не может его достать». — «Что же это такое?» — спросил иезуит. «Ах, сын мой! Это рука маленького мальчика. Мне кажется, что я с удовольствием погрызла бы маленькие косточки».

— Вот как! А разве они вкусные? — спросил Роберт.

— На это тебе даст ответ вторая история, которую я расскажу, — ответил Паганель. — Однажды некий миссионер начал осуждать жестокий и противный всякому божескому закону обычай пожирать человеческое мясо. «И, кроме того, оно, по всей вероятности, отвратительно на вкус», — добавил он. «Ах, отец мой! — ответил дикарь, с жадностью взглянув на миссионера. — Говорите, что ваш бог воспрещает вам питаться человеческим мясом, но не говорите, что это не вкусно. Если бы вы только попробовали!..»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

*Высадка на землю, от которой лучше было бы
держаться подальше*

Факты, сообщенные Паганелем, были неоспоримы. Жестокость новозеландцев не подлежала сомнению. Высаживаться на их побережье было опасно. Но будь эта опасность во сто крат большей, все-таки приходилось идти ей навстречу. Джон Манглс сознавал необходимость безотлагательно покинуть судно, обреченное на близкую гибель. Из двух опасностей — одной бесспорной, а другой только возможной — ясно было, какую выбрать. Рассчитывать на то, что путешественников подберет какое-нибудь судно, было легкомысленно: «Макари» находился в стороне от пути судов, плывущих в Новую Зеландию. Обычно они проходят либо севернее, в Окленд, либо южнее, в Нью-Плимут, а бриг сел на мель между этими двумя пунктами, близ пустынных берегов И-ка-на-мауи. Берега опасные, редко посещаемые. Суда избегают их, и если ветер заносит их сюда, то они стремятся поскорее уйти из этих мест.

— Когда мы двинемся в путь? — спросил Гленарван.

— Завтра в десять часов утра, — ответил Джон Манглс, — в это время начнется прилив, и он отнесет нас прямо к берегу.

Постройка плота была закончена на следующий день, 5 февраля, около восьми часов утра. Джон Манглс приложил все усилия, чтобы оборудовать его наилучшим образом. Плот, сколоченный для заправки якорей, не мог, конечно, доставить на берег и пассажиров и съестные припасы. Тут нужен был плот более солидный, легко управляемый, способный выдерживать плавание в девять миль. Такой плот можно было соорудить только из мачт.

Вильсон и Мюльреди принялись за работу. Они перерубили весь такелаж, а затем взялись за грот-мачту.

Нижняя часть мачты, стеньга и брам-стеньга были

распилены и разъединены. Теперь главные части плота были уже спущены на воду. Их присоединили к обломкам фок-мачты. Все эти длинные шесты крепко-накрепко связали между собою канатами, а между ними Джон Манглс распорядился укрепить полдюжины пустых бочек — они должны были приподнять плот над водой.

На этот прочный фундамент Вильсон набил из решетчатых люков нечто вроде пола, таким образом волны могли перекатываться через плот, и вода, не задерживаясь, стекала сквозь решетки. К тому же крепко привязанные вокруг плота пустые бочки из-под воды образовали род борта, защищая плот от крупных волн.

В то утро Джон Манглс, заметив, что дует попутный ветер, распорядился установить посредине плота мачту. Ее укрепили с помощью вантов и подняли на нее парус. У задней части плота для управления им было установлено большое весло с широкой лопастью.

Столь тщательно и обдуманно сколоченный плот должен был выдержать удары волн. Но если ветер переменит направление, возможно ли будет управлять плотом, доплывет ли он тогда до берега? Вот в этом был вопрос.

В девять часов началась погрузка. Прежде всего на плот снесли съестные припасы в таком количестве, которого хватило бы до самого Окленда, ибо в этом бесплодном краю нельзя было рассчитывать достать что-либо съестное.

Из припасов, купленных Олбинетом, на брига сохранилось только небольшое количество мясных консервов. Этого, конечно, было недостаточно, пришлось запастись незамысловатым продовольствием брига: плохими морскими сухарями и двумя бочонками соленой рыбы. Стюард был очень огорчен этим.

Продукты сложили в герметически закупоренные, непроницаемые для морской воды ящики, которые спустили на плот и прикрепили к основанию мачты толстыми найтовками. Столь же заботливо погрузили в безопасное место ружья и боевые припасы. К счастью,

у путешественников были в достаточном количестве карабины и револьверы.

Погрузили также небольшой якорь на случай, если не удастся добраться до берега в продолжение прилива и придется ждать следующего.

В десять часов начался прилив. Дул слабый северо-западный ветер. По морю шла легкая зыбь.

— Все готово? — спросил Джон Манглс.

— Все готово, капитан! — ответил Вильсон.

— На посадку! — крикнул Джон Манглс.

Леди Элен и Мери Грант спустились на плот по грубой веревочной лестнице и сели у мачты на ящики со съестными припасами. Их спутники разместились вокруг них. Вильсон взялся за руль. Джон Манглс стал у снастей. Мюльреди перерубил канат, которым плот был прикреплен к бригу. Подняли парус, и плот под двойным действием — прилива и ветра — поплыл к берегу.

Побережье находилось в девяти милях. Это расстояние на шлюпке с хорошими гребцами можно пройти в каких-нибудь три часа, но плот не мог, конечно, плыть столь быстро. Если ветер продержится, то можно будет добраться до берега за один прилив, но если ветер спадет, то отлив увлечет плот обратно в море и придется бросить якорь в ожидании следующего прилива. Положение трудное, очень беспокоившее Джона Манглса.

Однако он верил в успех. Ветер свежел. Прилив начался в десять часов, необходимо было добраться до берега не позже трех часов дня, в противном случае придется стать на якорь или быть отнесенным наступившим отливом.

Вначале все шло хорошо. Черные вершушки рифов и желтизна песчаных отмелей мало-помалу исчезали под волнами надвигавшегося прилива. Требовалось внимание и большая ловкость, чтобы избежать столкновения с этими прячущимися под водой скалами и править плотом, который не очень повиновался рулю и легко уклонялся в сторону.

В двенадцать часов плот был в пяти милях от берега. Ясное небо позволяло с этого расстояния

отчетливо видеть все изгибы побережья. На северо-восточной стороне неба вырисовывалась гора странного вида в две с половиной тысячи футов высотой, казалось, что это силуэт запрокинутой назад головы кривляющейся обезьяны. То была гора Пиронгия, расположенная, судя по карте, как раз на тридцать восьмой параллели.

В половине первого Паганель обратил внимание своих спутников на то, что все подводные скалы исчезли под волнами прилива.

— Исключая одной, — отозвалась леди Элен.

— Какой? — спросил Паганель.

— Вон той, — ответила Элен, показывая на черную точку в миле расстояния от плота.

— Верно, — согласился географ. — Постараемся точно определить ее положение, чтобы не натолкнуться на нее: а то прилив скроет ее от наших глаз.

— Она находится как раз по направлению к северу от горы, — сказал Джон Манглс. — Вильсон, обходи ее!

— Есть, капитан! — ответил матрос, налегая всем своим корпусом на большое рулевое весло.

За полчаса прошли еще полмили. Но странно: черная точка продолжала виднеться среди волн. Джон Манглс внимательно вглядывался в нее и, чтобы лучше рассмотреть ее, попросил у Паганеля подзорную трубу. После минутного наблюдения капитан сказал:

— Это не скала, а нечто поднимающееся и опускающееся вместе с волной.

— Может быть, это обломок мачты с «Макари»? — спросила Элен.

— Нет, — ответил Гленарван, — ни один обломок не мог быть отнесен так далеко от судна.

— Постойте! — крикнул Джон Манглс. — Я узнаю его — это ялик!

— Ялик с брига? — спросил Гленарван.

— Да, сэр, он самый и перевернутый вверх дном.

— Несчастные! — крикнула Элен. — Они погибли!

— Да, погибли, — подтвердил Джон Манглс, — но они неминуемо обречены были на гибель при таком бурном море, в такую беспросветную ночь, среди этих рифов.

В течение нескольких минут пассажиры молчали, глядя на приближавшийся утлый челн. Повидимому, он перевернулся в четырех милях от берега, и, конечно, ни один из бывших на нем пассажиров не спасся.

— Этот ялик, пожалуй, может нам пригодиться, — сказал Гленарван.

— Конечно, — ответил Джон Манглс. — Правь на него, Вильсон.

Матрос выполнил приказание капитана, но ветер вскоре начал спадать, и плот добрался до опрокинутого ялика лишь к двум часам.

Мюльреди, стоявший на передней части плота, ловко подтянул ялик к борту плота.

— Пустой? — спросил Джон Манглс.

— Да, капитан, — ответил матрос, — ялик пуст и пробит, а потому служить нам не сможет.

— Значит, им нельзя воспользоваться? — спросил Мак-Наббс.

— Нельзя, — ответил Джон Манглс. — Этот обломок годен только на дрова.

— Жаль, — промолвил Паганель. — На таком ялике мы могли добраться до Окленда.

— Что делать, господин Паганель, приходится мириться с этим, — отозвался Джон Манглс. — Кстати, при таком бурном море я предпочитаю плыть на плоту, чем на этой утлой лодке. Достаточно легкого удара, и она дала бы течь. Итак, сэр, здесь нам больше нечего делать.

— Едем дальше, Джон, — сказал Гленарван.

— Правь прямо на берег, Вильсон! — приказал молодой капитан.

Прилив должен был держаться еще около часа. За это время плот прошел еще мили две. Но тут ветер почти стих, и казалось, что он начинает дуть от берега. Плот остановился. Вскоре под действием отлива его начало относить в открытое море. Нельзя было терять ни секунды.

— Отдай якорь! — крикнул Джон Манглс.

Мюльреди, бывший наготове, бросил якорь. Плот отнесло еще назад на два туаза, но его удержал туго натянувшийся перлинь, и путешественники пригото-

лись к длительной стоянке. Следующий прилив должен был наступить в девять часов вечера, а так как Джон Манглс не решался плыть ночью, то путешественникам предстояло простоять на якоре до пяти часов утра. Они находились менее чем в трех милях от берега.

На море поднялось довольно сильное волнение, и казалось, что волны катились прямо к берегу. Когда Гленарван узнал, что им предстоит провести на плоту всю ночь, то спросил Джона Манглса, почему не воспользоваться этими волнами и не приблизиться к берегу.

— Это кажущееся движение, сэр, — ответил молодой капитан, — а на самом деле эти волны неподвижны. Это лишь непрерывное движение молекул воды. Попробуйте, бросьте в волны кусочек дерева, и увидите, что его никуда не унесет, пока не начнется отлив. Нет, сэр, нам остается только запастись терпением и ждать.

— И пообедать, — добавил майор.

Олбинет тотчас достал из ящика с провизией несколько кусков сушеного мяса и дюжину сухарей. Стюард был очень смущен скудостью этого меню, но тем не менее все ели охотно, даже путешественницы, хотя резкая качка мало способствовала аппетиту.

Действительно, резкие толчки, получавшиеся оттого, что плот, натягиваемый канатом, выдерживал натиск волн, были очень утомительны. Плот, то и дело взлетающий на гребень коротких неправильных волн, сильно встряхивало будто о камень подводной скалы. Порой казалось, что он действительно бьется о камни. Перлинь сильно дергало, и молодой капитан каждые полчаса вынужден был отпускать снасти. Без этой предосторожности он неизбежно перетерся бы, и плот унесло бы в открытое море.

Легко понять опасения Джона Манглса: каждую минуту мог лопнуть канат или сорваться якорь, и тогда путешественники оказались бы в безвыходном положении.

Приближалась ночь. Диск солнца, кроваво-красный, узкий вследствие преломления света, вот-вот должен был скрыться за горизонтом. Далеко на западе

вода блестела и сверкала, словно расплавленное серебро. Кругом было лишь небо, да море, да выделялся корпус «Макари», неподвижно стоявший на мели.

Сумерки быстро сгустились; опустилась ночь, земля и корабль потонули во мраке.

Тоскливое состояние овладело потерпевшими крушение путешественниками на этом тесном плоту, среди беспросветного мрака! Одни забылись в тревожной дремоте, полной тяжких сновидений, другие всю ночь не могли сомкнуть глаз. Все встретили рассвет разбитые усталостью.

Снова начался прилив, и снова с открытого моря подул ветер. Было шесть часов утра. Время было дорого — нельзя было терять ни минуты. Джон Манглс приготовился к отплытию. Он приказал поднять якорь. Но лапы якоря вследствие толчков натянутого перелиня очень глубоко засели в песке. Без брашпиля, даже таями, сооруженными Вильсоном, вырвать якорь оказалось невозможным.

Почти полчаса прошло в тщетных попытках, пока, наконец, Джон Манглс, выведенный из терпения, велел перерубить канат, — этим молодой капитан лишил себя возможности стать на якорь, в случае если прилив и на этот раз не донесет их до берега. Но Джон Манглс не хотел больше задерживаться, и удар топора предал плот на волю ветра и течения. Скорость последнего достигала двух миль в час.

Подняли парус, и плот медленно понесло к земле, которая смутно, какой-то серой массой вырисовывалась на горизонте, озаренная лучами восходящего солнца.

Рифы искусно обогнули, и они остались позади. Но при переменчивом ветре, дующем с моря, плот двигался настолько медленно, что казалось, будто он совсем не приближается к берегу: как трудно было добраться до этой Новой Зеландии, берега которой грозили столькими опасностями!

В девять часов до земли оставалось расстояния менее мили. Крутые берега щетинились бурунами. Нужно было отыскать место для высадки. Ветер все слабел и слабел и, наконец, совсем стих. Парус повис

и стал хлестать по мачте. Джон приказал спустить его. Теперь лишь прилив нес плот к берегу, но управлять им больше уже нельзя было, а огромные морские водоросли замедляли ход плота.

В десять часов Джон убедился, что они почти не двигаются вперед, а до берега оставалось еще добрых три кабельтова. Якоря уже у них не было. Неужели теперь их отнесет отливом обратно в открытое море?

Джон Манглс, скрестив руки, снедаемый тревогой, мрачно глядел на эту недоступную для них землю.

К счастью, — на этот раз действительно к счастью, — почувствовался толчок, плот остановился. Он наткнулся на мель в двадцати пяти саженях от берега. Гленарван, Роберт, Вильсон и Мюльреди бросились в воду и крепко привязали канатами плот к выступам скал. Путешественниц осторожно перенесли на руках, не замочив им даже края одежды. Вскоре все участники экспедиции оказались на этой грозящей столькими опасностями земле, Новой Зеландии!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Настоящее страны, куда попали путешественники

Гленарван хотел немедленно двинуться вдоль побережья к Окленду, но небо с утра заволокло густыми тучами и после высадки на берег, около одиннадцати часов утра, начался ливень. Пуститься в путь было невозможно. Пришлось искать убежища.

Вильсон очень кстати заметил грот, выдолбленный морем в базальтовых скалах, и путешественники приютились в нем вместе с оружием и съестными припасами. В гроте оказалось множество сухих водорослей, некогда занесенных сюда морскими волнами. Это были как бы готовые лежанки, которыми путешественники тотчас воспользовались. У входа в пещеру валялся хворост, развели костер, и все обсушивались.

Джон Манглс надеялся, что такой сильный проливной дождь скоро прекратится, но он ошибся: ливень не прекращался в продолжение нескольких часов,

а около полудня поднялся вдобавок сильнейший ветер. Эта отвратительная погода могла вывести из терпения любого человека. Что было делать? Пуститься в до-рогу в такую жуткую погоду, не имея средств передвижения, было безумием. Кроме того, путь в Окленд должен был отнять несколько дней, и лишние двенадцать часов запоздания не имели значения, если только не появятся туземцы.

Во время этой вынужденной остановки разговор шел о войне, ареной которой в это время была Новая Зеландия. Но чтобы понять и оценить серьезность положения, в каком очутились на этих островах потерпевшие крушение, надо знать историю этой кровавой борьбы, которая разыгралась на острове И-ка-на-мауи.

После появления Авеля Тасмана в проливе Кука в декабре 1642 года Новую Зеландию часто посещали европейские суда, но это не мешало новозеландцам сохранять полную независимость на своих островах. Ни одно европейское государство не помышляло о захвате этого архипелага, занимающего на Тихом океане господствующее положение. Лишь некоторые миссионеры, обосновавшиеся в различных пунктах островов, приобщали население этих вновь открытых стран к христианской цивилизации; особенно радели об этом англиканские миссионеры, желая приучить новозеландских вождей к мысли, что им необходимо смиренно склониться под игом Англии. Миссионерам удалось добиться своего: ловко одураченные ими вожди подписали письмо к королеве Виктории, прося ее «высокого покровительства». Впрочем, наиболее дальновидные понимали безумие такого поступка, и один из них, приложив к этому посланию отпечаток своей татуировки, пророчески сказал: «Мы потеряли свою родину. Отныне она не принадлежит нам больше. Скоро придут иноземцы и обратят нас в рабство!»

И действительно, 29 января 1840 года в бухте Островов на севере И-ка-на-мауи появился английский корвет «Герольд». Капитан корвета Гобсон высадился у селения Корора-Река. Туземцы были приглашены в протестантскую церковь на собрание, и там

капитан Гобсон прочел им привезенные от английской королевы грамоты, в которых та изъявляла согласие на принятие под свое покровительство Новой Зеландии.

5 января 1841 года английский резидент вызвал к себе в селение Пайа главных вождей новозеландцев. На состоявшемся собрании капитан Гобсон убеждал вождей подчиниться английской королеве, говоря, что она уже отправила войска и корабли для защиты Новой Зеландии, уверяя, что власть вождей останется неприкосновенной и свобода — полной. «Однако, — закончил свою речь капитан Гобсон, — земли должны перейти к королеве, за которые она щедро уплатит».

Большинство вождей, найдя цену королевского покровительства слишком высокой, отказалось. Но посулы и подарки соблазнили этих дикарей больше, чем пышные слова капитана Гобсона, и покровительство Англии было принято.

Что же произошло в Новой Зеландии с того знаменательного 1840 года до того момента, когда «Дункан» вышел из залива Клайд? Ничего такого, чего не знал бы Жак Паганель и о чем он готов был рассказать своим товарищам.

— Миссис, — обратился он к Элен, — я повторяю то, что уже неоднократно говорил, а именно: новозеландцы — народ мужественный. Уступив однажды притязаниям Англии, они вскоре начали защищать пядь за пядью каждый клочок родной земли. Маорийские племена организованы подобно древним кланам Шотландии. Это несколько знатных родов, которые безоговорочно подчиняются мудрому вождю. Мужчины Новой Зеландии — люди гордые и храбрые. Одни из них — высокого роста, с гладкими длинными волосами, похожие на мальтийцев или багдадских евреев, принадлежат к высшей расе, а другие — меньше ростом, коренастые, те похожи на мулатов. Но и те и другие крепкие, гордые, воинственные. Некогда был у них знаменитый вождь, по имени Хихи, столь же прославленный, как Версенжиторикс. Не приходится удивляться, что на острове И-ка-на-мауи идет непрерывная война с англичанами, ибо там живет замечатель-

ное в своем роде племя вайкатов, во главе которого стоит Вильям Томсон.

— Но разве англичане не хозяева главных пунктов Новой Зеландии? — спросил Джон Манглс.

— Конечно, дорогой Джон, — ответил Паганель. — После того как в тысяча восемьсот сороковом году капитан Гобсон захватил Новую Зеландию, он стал ее губернатором, и на этих островах с тысяча восемьсот сорокового по тысяча восемьсот шестидесятый год постепенно возникло девять колоний в самых лучших местах. Таким образом, возникло девять провинций: четыре на северном острове — Окленд, Таранаки, Веллингтон, Хокс, и пять на южном острове — Нельсон, Марлборо, Кентерберри, Отаго и Саутленд. Население островов, по данным от тридцатого июня тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года, составляло всего сто восемьдесят тысяч триста сорок шесть жителей. Во многих местах возникли крупные торговые города. Когда мы доберемся до Окленда, то вы восхититесь красотой местоположения этого южного Коринфа, который господствует над узким перешейком, переброшенным, точно мост, через Тихий океан. В Окленде насчитывается уже двенадцать тысяч жителей. На западном побережье возник Нью-Плимут, на востоке — Агурири, на юге — Веллингтон; все это цветущие города с оживленной торговлей. На южном острове Те-Вахи-Пунаму вы не знали бы, какому городу отдать предпочтение: утопающему ли в садах Нельсону, прославленному своими винами, как во Франции — Монпелье, Пиктону ли, расположенному у пролива Кука, или Крайстчерчу, Инверкаргиллу и Данидину — этим городам богатейшей провинции Отаго, куда стекаются золотоискатели со всего земного шара. Заметьте себе, друзья мои, что это не скопища хижин, населенных семействами дикарей, а настоящие города с портами, соборами, банками, доками, ботаническими садами, музеями, обществами акклиматизации, газетами, больницами, благотворительными обществами, философскими институтами, масонскими ложами, клубами, обществами хорового пения, с театрами, с дворцами, построенными для всемирной

выставки, точь-в-точь как в Париже или Лондоне. И если память мне не изменяет, то в текущем тысяча восемьсот шестьдесят пятом году, быть может, даже в то время, когда я все это вам рассказываю, промышленные изделия всего земного шара выставлены здесь, в этой стране людоедов.

— Как! Несмотря на войну с туземцами? — спросила леди Элен.

— Англичан мало волнует война, — ответил Паганель. — Они сражаются и одновременно устраивают выставки. Их это не страшит. Они даже прокладывают под выстрелами новозеландцев железные дороги. В провинции Окленд два железнодорожных пути из Дрюри и Мэре-Мэре, эти линии должны пройти через главнейшие пункты, занятые повстанцами. Я готов биться об заклад, что рабочие, прокладывающие их, стреляют в туземцев с паровозов.

— Но к каким же результатам привела эта бесконечная война? — спросил Джон Манглс.

— Вот уже шесть месяцев, как мы покинули Европу, и я не знаю, что произошло за время нашего отсутствия, — ответил Паганель, — знаю лишь о нескольких фактах, о которых прочел в газетах Мериборо и Сеймура во время нашего перехода через Австралию, но в ту пору на острове И-ка-на-мауи еще ожесточенно сражались.

— А когда началась эта война? — спросила Мери Грант.

— Вы, дорогая мисс, верно, хотели спросить, «когда она возобновилась», — ответил Паганель, — ведь первое восстание произошло в тысяча восемьсот сорок пятом году. Итак, эта война возобновилась в конце тысяча восемьсот шестьдесят третьего года. Но майорийцы задолго до этого подготавливались к свержению английского владычества. Туземная национальная партия вела деятельную пропаганду за избрание маорийским вождем Потатау. Эта партия хотела провозгласить этого строгого вождя королем, а селение, где он проживал, лежавшее между реками Уаикато и Вайпа, сделать столицей нового государства. Потатау был скорее лукавым, чем храбрым стариком, но у него

был умный и энергичный премьер-министр из племени игатихауа, которое обитало на Оклендском перешейке до захвата его иноземцами. Этот министр, по имени Вильям Томсон, сделался душой освободительной войны. Он очень умело объединил маорийцев в боевые отряды. По его наущению один вождь из провинции Таранаки сплотил вокруг себя разрозненные племена, объединив их национальной идеей. Другой вождь, из Уaikато, основал «Земельную лигу», которая убеждала туземцев не продавать своих земель английскому правительству. Английские газеты начали печатать тревожные известия, и правительство не на шутку встревожилось деятельностью «Земельной лиги». Словом, умы были возбуждены, мина готова была взорваться. Не хватало лишь искры, или, вернее, столкновения интересов новозеландцев и англичан, чтобы вызвать этот взрыв.

— И он произошел?.. — спросил Гленарван.

— ...в тысяча восемьсот шестидесятом году, — ответил Паганель, — в провинции Таранаки, на юго-западном побережье острова И-ка-на-мауи. Одному туземцу принадлежало шестьсот акров земли близ Нью-Плимута. Он продал эту землю английскому правительству. Когда землемеры явились вымерять проданный участок, то вождь Кинги заявил протест. Он построил на спорных шестистах акрах укрепленный лагерь и огородил его высоким частоколом. Спустя несколько дней полковник Гольд с отрядом взял это укрепление приступом. В этот день прозвучал первый выстрел колониальной войны.

— Многочисленны маорийцы? — спросил Джон Манглс.

— За последние сто лет маорийское население очень убыло, — ответил географ. — В тысяча семьсот шестьдесят девятом году Кук определял число их в четыреста тысяч человек. А в тысяча восемьсот сорок пятом году, согласно переписи туземного протектората, количество маорийцев сократилось до ста девяти тысяч. В настоящее время, несмотря на болезни, водку и избиения, производимые англичанами-«просветите-

лями», на обоих островах все же насчитывается девяносто тысяч туземцев, в том числе тридцать тысяч воинов, которые, по-моему, еще долго будут наносить поражения английским войскам.

— А успешно до сих пор протекает восстание? — спросила леди Элен.

— Да: Сами англичане неоднократно восхищались отвагой новозеландцев. Они ведут партизанскую войну, войну налетов и стычек, набрасываются на мелкие отряды регулярных войск и грабят усадьбы английских поселенцев. Генерал Камерон не чувствовал себя в безопасности в этом краю, где за каждым кустом могла притаиться засада. В тысяча восемьсот шестьдесят третьем году после долгих и кровопролитных боев маорийцы укрепились у верховий реки Уaikato, на конце цепи крутых холмов, защитив свои позиции тремя оборонительными линиями. Туземные агитаторы усиленно призывали все население подняться на защиту родной земли, обещая полную победу над «пакекас», то есть белыми. Против туземцев сражались три тысячи английских солдат под командой генерала Камерона и беспощадно расправлялись с маорийцами, с тех пор как те зверски убили капитана Спрента. Происходили кровопролитные сражения. Иные длились двенадцать часов, но маорийцы не отступали под пушечными выстрелами европейцев. Ядром этой свободолюбивой, отважной армии являлось свирепое племя вайкато во главе с Вильямом Томсоном. Этот туземный полководец командовал сначала двумя с половиной тысячами воинов, затем восемью тысячами, ибо к нему присоединились со своими подданными два грозных вождя — Шонги и Хеки. Женщины в этой войне самоотверженно помогали мужчинам. Но правое дело не всегда одерживает победу. После кровопролитных боев генерал Камерон все же усмирил восставший округ Уaikato, но оказавшимся уже опустошенным, обезлюдевшим, ибо маорийцы разбежались. Эта война дала примеры высокого героизма. Так, четвереста маорийцев, запертые в крепости Оракан, осаждаемые тысячей англичан под командой генерала Карей, страдающая от жажды и голода, отказались сдаться. На-

конец, однажды в полдень, прорвав фронт врагов, они скрылись в болотах.

— Но усмирением округа Уаикато эта кровопролитная война закончилась? — спросил Джон Манглс.

— Нет, друг мой, этим она не закончилась, — ответил Паганель. — Англичане решили идти на провинцию Таранаки и осадить крепость Матаитава, где засел Вильям Томсон. Но взять эту крепость им будет трудно. Помнится, перед самым отъездом из Парижа я прочел в газетах, что племя таранга изъявило покорность генералу и губернатору и что те оставили туземцам три четверти земель. В этих сообщениях говорилось также о том, что главный вождь восстания, Вильям Томсон, собирается сдаться, однако австралийские газеты не подтвердили этих слухов — возможно, что в данный момент новозеландцы снова энергично готовятся к сопротивлению.

— По вашему мнению, Паганель, — спросил Гленарван, — ареной этих военных действий будут провинции Таранаки и Окленд?

— Думаю, что да.

— И одна из них — это именно та провинция, куда мы заброшены крушением «Макари»?

— Та самая. Мы высадились в нескольких милях от гавани Кахвиа, где еще и сейчас, по-моему, развевается маорийский флаг.

— Тогда благоразумнее двинуться на север, — предложил Гленарван.

— Конечно, — согласился Паганель. — Новозеландцы ненавидят европейцев, особенно англичан. Поэтому постараемся не попадаться им в руки.

— Быть может, мы встретим какой-нибудь отряд английских войск, — промолвила леди Элен. — Какое это было бы счастье!

— Конечно, — согласился географ, — но я мало на это надеюсь. Маленькие английские отряды избегают бывать в здешних местах, где за каждым кустом, за каждым деревом прячется искусный стрелок. Я не очень-то рассчитываю на конвой солдат сорокового полка. Но на западном побережье, вдоль которого лежит наш путь в Окленд, находится несколько мис-

сий, и мы сможем там останавливаться. Я даже замышляю попасть на дорогу, по которой шел Гохштеттер, следуя вдоль течения реки Уаикато.

— А кто он — путешественник? — спросил Роберт Грант.

— Да, мой мальчик, он член научной экспедиции, совершившей кругосветное путешествие на австралийском фрегате «Наварра» в тысяча восемьсот пятьдесят восьмом году.

— Господин Паганель, — не унимался Роберт, глаза которого загорелись энтузиазмом при мысли о великих географических открытиях, — а в Новой Зеландии бывали такие же мужественные путешественники, как в Австралии Берк и Стюарт?

— Да, их было даже несколько, мой мальчик: например, доктор Гукер, профессор Бризар, естествоиспытатель Диффенбах и Юлиус Гаст. Но, несмотря на то, что некоторые из них заплатились жизнью за свою страсть к приключениям, они все же не пользуются такой известностью, как исследователи Австралии и Африки.

— А вы знаете историю их путешествий? — спросил юный Грант.

— Еще бы! Но я вижу, дружок, что ты хочешь знать об этих путешественниках столько же, сколько и я. Так и быть, расскажу тебе.

— Благодарю вас, господин Паганель, я вас слушаю.

— И мы тоже послушаем, — заявила леди Элен. — Уже не в первый раз благодаря дурной погоде мы узнаем много нового. Итак, господин Паганель, рассказывайте, мы слушаем.

— К вашим услугам, — ответил географ. — Но рассказ мой будет кратким. Здесь не было таких отважных исследователей, которые один на один боролись с австралийским Минотавром:¹ Новая Зеландия — слишком маленькая страна, ее не так уж трудно изучать. Поэтому мои герои были не путешественники,

¹ Минотавр — в греческой мифологии, чудовище с телом человека и головой быка.

а обыкновенные туристы, ставшие жертвой обычных несчастных случаев.

— Назовите их имена, — попросила Мери Грант.

— Геометр Уиткомб и Чарльтон Говит, тот самый, который нашел останки Берка, погибшего во время той памятной экспедиции, о которой я вам уже рассказывал на стоянке у Уиммери. Уиткомб и Говит стояли во главе двух самостоятельных экспедиций на острове Те-Вахи-Пунаму. Обе экспедиции в начале тысяча восемьсот шестьдесят третьего года отправились из Крайстчерча с целью открыть проходы в горах на севере провинции Кентербери. Говит, перевалив через горную цепь у северной границы провинции, разбил лагерь на берегу озера Браннера. Уиткомб же нашел в долине Ракаиа проход, ведущий к восточному склону горы Тиндаль. У Уиткомба был спутник, Яков Лупер, который впоследствии опубликовал в газете «Литтлтон-таймс» отчет об этом путешествии и о катастрофе, которой оно завершилось. Если память мне не изменяет, то эти два исследователя двадцать второго апреля тысяча восемьсот шестьдесят третьего года находились у ледника, где берут начало истоки реки Ракаиа. Они поднялись на вершину горы и там стали искать новый горный перевал. На следующий день Уиткомб и Лупер, измученные тяжелым подъемом и холодом, при сильном снегопаде, остановились на привал на высоте в четыре тысячи футов над уровнем моря. В течение семи дней они бродили по горам, по дну долин, и всюду путь им заграждали отвесные скалы, часто они не могли развести костра, порой голодали, их сахар превратился в сироп, их сухари — в мокрое тесто, их одежда и одеяла насквозь промокли от дождя, их терзали насекомые. В хорошие дни они проходили не более трех миль, но бывали дни, когда они делали не более двухсот ярдов. Наконец, двадцать девятого апреля они набрали на маорийскую хижину; в садике близ нее нашлось несколько кучек картофеля. Это была последняя трапеза двух друзей. Вечером они добрались до морского берега близ устья реки Тарамакау. Надо было переправиться на правый берег, чтобы идти на север, к реке Грея. Тарамакау —

широкая и глубокая река. Лупер после долгих поисков нашел два продырявленных челнока, которые он починил как сумел и связал их вместе. Под вечер оба путешественника сели в челноки и стали переправляться, но едва успели они добраться до середины реки, как челноки наполнились водой. Уиткомб бросился в реку и вернулся вплавь к левому берегу. Яков Лупер плавать не умел, а уцепился за свой челнок, и это спасло его, но ему пришлось пережить немало потрясений. Несчастное понесло к бурунам. Первая волна накрыла его, вторая вынесла на поверхность воды. Его ударило о скалы. Наступила непроглядная ночь. Дождь лил как из ведра. Окровавленного, промокшего Лупера носило несколько часов по волнам. Наконец, челнок ударился о берег, и Лупера в бессознательном состоянии выбросило на землю. Очнувшись на рассвете, Лупер дополз до ручья и увидел, что течение отнесло его на целую милю от того места, где они пытались переправиться через реку. Он встал, пошел вдоль берега и вскоре набрел на злосчастного Уиткомба — тот был мертв, он увяз в тине. Лупер выкопал руками яму и предал труп товарища земле. Два дня спустя Лупера, умирающего от голода, приютили какие-то гостеприимные маорийцы. Среди них бывают и такие. Четвертого мая он добрался до озера Браннера, на берегу которого был раскинут лагерь Чарльтона Говита, который спустя шесть недель погиб таким же образом, как и несчастный Уиткомб.

— Да, — сказал Джон Манглс, — кажется, будто сопутствующие друг другу путешественники связаны между собой какими-то узами, и стоит этим узам порваться, как путешественники гибнут один за другим.

— Вы правы, друг Джон, — ответил Паганель, — я часто об этом думал. Скажите, в силу какого закона солидарности Говит погиб почти при тех же обстоятельствах, при каких погиб Уиткомб? Что тут скажешь? Чарльтон Говит был приглашен мистером Уайдом, начальником правительственных работ. Ему поручено было составить проект проезжей дороги от равнины Хурунуи до устья реки Тарамакау. Говит выехал первого января тысяча восемьсот шестьдесят

третьего года в сопровождении пяти человек. Он великолепно справился с возложенным на него поручением: была проложена дорога длиной в сорок миль, до самой реки Тарамакау. Говит вернулся в Крайстчерч, и, несмотря на то, что надвигалась зима, он испросил разрешения продолжать работы. Мистер Уайд согласился. Говит, запасшись всем необходимым, вернулся в лагерь, чтобы перезимовать там. Двадцать седьмого июня Говит и двое рабочих, Роберт Литль и Генри Мюлис, покинули лагерь. Они переправились через озеро Браннера. С тех пор они исчезли бесследно. Их утлый челнок найден был на берегу опрокинутым. Говита и его спутников искали в течение девяти недель, но тщетно! Очевидно, несчастные не умели плавать и утонули в озере.

— А быть может, они целы, невредимы и живут у какого-нибудь новозеландского племени, — промолвила Элен. — Ведь мертвыми их никто не видел.

— Увы, нет, — ответил Паганель, — ибо спустя год после катастрофы они еще не вернулись... — И географ шепотом dokonчил: — А когда из Новой Зеландии больше года не возвращаются, то, значит, люди безвозвратно погибли.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тридцать миль к северу

7 февраля в шесть часов утра Гленарван дал сигнал к отправлению. Дождь прекратился ночью. Сероватые тучки, заволакивавшие небо, не пропускали солнечных лучей на высоте трех миль от земли. Умеренная жара обещала, что предстоящее путешествие не будет слишком утомительным.

Паганель определил по карте расстояние от мыса Кахвиа до Окленда: оно равнялось восьмидесяти милям, которые можно было пройти в восемь дней, делая по десяти миль в день. Но вместо того чтобы идти вдоль извилистых берегов моря, географ предпочел направиться к селению Нгаруаваха, расположен-

ному в тридцати милях, при слиянии двух рек — Уайкато и Вайпы. Там пролегал «почтовый тракт», точнее — тропа, доступная для повозок, пересекавшая почти весь остров — от Нейпира у залива Хокса и дальше до Окленда. По тракту можно было добраться до Дрюри, там следует отдохнуть в хорошей гостинице, которую особенно рекомендует естествоиспытатель Гохштеттер. Распределив между собой съестные припасы, путешественники двинулись вдоль берега бухты Аотеа. Из предосторожности они шли, держа наготове заряженные карабины, пристально вглядываясь в холмистые равнины, расстилавшиеся к востоку.

Паганель поминутно заглядывал в карту и как знаток восторгался точностью ее малейших деталей.

Часть дня маленький отряд шел по песку, образовавшемуся из осколков двухстворчатых раковин, высохших костей, смешанных главным образом с перекисью и закисью железа, и стоит приблизить к такой почве магнит, как он тотчас же покрывается блестящими кристалликами.

На берегу, о который бесшумно плескались волны прилива, безбоязненно резвилось несколько тюленей. Эти морские животные, с круглой головой, широким покатым лбом, выразительными глазами, имели добродушный вид. Глядя на них, понятно, почему мифология, воспевая этих своеобразных обитателей моря, воплотила в них образ обольстительницы-сирены.

Тюлени во множестве водятся у берегов Новой Зеландии, и охота на них представляет собой выгодное занятие, так как их жир и кожа пользуются большим спросом.

Среди тюленей выделялись три-четыре морских слона. Они были сероголубого цвета, длиной в двадцать пять — тридцать футов. Эти огромные животные лениво раскинулись на толстом слое гигантских водорослей — ламинарий, поднимали хобот, смешно поводили длинными, грубыми усами, завитыми колечками, как бороды щеголей.

Роберт с интересом наблюдал за ними.

— Каково! — вдруг воскликнул удивленный мальчуган. — Тюлени едят гальку!

Действительно, некоторые животные с жадностью глотали валявшиеся на берегу камешки.

— Тюлени глотают береговую гальку, — ответил Паганель. — Это несомненно.

— Какая странная пища, ведь ее трудно переварить, — удивился Роберт.

— Эти животные глотают камни не для того, чтобы насытиться ими, а для того, чтобы нагрузить себя балластом и таким образом легче спуститься на дно. Вернувшись на берег, они без дальних церемоний выбросят из себя этот балласт. Ты сейчас увидишь, как тюлени, наглотавшись камешков, нырнут в воду.

Действительно, вскоре с полдюжины тюленей, видимо достаточно нагрузив себя балластом, тяжело переваливаясь, поползли по берегу и исчезли в водной стихии. Но Гленарван не мог терять драгоценное время, ожидая возвращения тюленей на берег, и затем наблюдать, как они начнут разгружаться. К большому огорчению Паганеля, маленький отряд опять тронулся в путь.

В десять часоз остановились для завтрака на привал у подножья большой базальтовой скалы, на берегу моря. Скалы эти были словно кельтские каменные памятники. Здесь на мели нашли множество устриц, но они были мелкие и мало приятные на вкус. По совету Паганеля, Олбинет испек их на раскаленных углях, и в таком виде они имели большой успех — за завтраком их съели не одну дюжину.

Отдохнув, путешественники снова двинулись вдоль берега бухты. На гребнях скал ютилось множество морских птиц: фрегаты, глупыши, чайки и, наконец, огромные альбатросы, неподвижно сидевшие на остроконечных верлушках утесов.

К четырем часам пополудни пройдено было без всякого напряжения и усталости десять миль. Путешественники решили идти вперед до самой ночи, когда надо было изменить направление пути и продвигаться вдоль подножия гор, видневшихся на севере, а обогнув их, углубиться в долину реки Вайпа.

Вдали простирались бесконечные луга, казалось, что по ним легко будет идти. Но, приблизившись к этому морю зелени, путешественники были разочарованы: вместо травы перед ними была поросль кустарников с белыми цветами, среди которой виднелось бесчисленное множество высоких папоротников, очень распространенных в Новой Зеландии. Пришлось прокладывать дорогу между деревянистыми стеблями, что было трудно. Тем не менее к восьми часам вечера миновали первые отроги горной цепи Хакарихатоа — Ран и остановились на привал.

После перехода в четырнадцать миль следовало подумать об отдыхе. Так как не было ни фургона, ни палатки, то легли под сенью великолепных норфолкских сосен. К счастью, в одеялах недостатка не было, и, разостлав их, устроили постели.

Гленарван принял необходимые меры предосторожности на ночь. Вооруженные мужчины должны были по двое дежурить до самого утра. Костров не разводили. Огненный барьер — отличная защита от хищных зверей, но в Новой Зеландии нет ни тигров, ни львов, ни медведей, ни других хищных зверей; правда, что их в полной мере заменяют сами новозеландцы, и огонь привлеч бы только внимание этих двуногих ягуаров.

Ночь прошла благополучно, беспокоили лишь укусы песчаных мух — *нгаму*, на туземном наречии, и дерзкая семья крыс, исправно прогрызавших мешки со съестными припасами.

На следующее утро, 8 февраля, Паганель проснулся в более спокойном настроении, почти примиренный с Новой Зеландией. Маорийцы, которых географ особенно опасался, не появлялись, и эти кровожадные людоеды не тревожили его даже во сне. Он с удовлетворением поведал об этом Гленарвану.

— Я полагаю, что мы благополучно закончим нашу маленькую прогулку, — добавил он. — Сегодня вечером мы доберемся до слияния рек Вайпа и Уаикато и выйдем на дорогу в Окленд, а там нам уже нечего бояться встречи с туземцами.

— Какое расстояние нам предстоит пройти до слияния рек Вайпа и Уаикато? — спросил Гленарван.

— Пятнадцать миль — путь, равный тому, который мы сделали вчера.

— Но этот несносный кустарник очень сильно затрудняет путь, — заметил Гленарван.

— Нет, — отозвался географ, — теперь мы пойдем вдоль берега Вайпы, это дорога легкая, и мы быстро пройдем ее.

— Так вперед! — воскликнул Гленарван, увидя, что путешественницы готовы.

В продолжение первых часов пути густой кустарник задерживал путников. Конечно, ни в фургоне, ни верхом не пройти было бы там, где пробирались путешественники. Поэтому об австралийской повозке не жалели. До той поры, пока через эти заросли не проложат проезжих дорог, Новая Зеландия будет доступна лишь одним пешеходам. Бесчисленные разновидности папоротников с не меньшим упорством, чем сами маорийцы, защищают здесь родную землю от чужестранцев.

Поэтому, пересекая равнину, где горная цепь Хакарихатоа переходит в холмы, маленькому отряду пришлось преодолеть множество препятствий. Тем не менее еще до полудня путешественники добрались до реки Вайпа и отсюда без затруднений пошли вдоль ее крутого берега к северу.

То была чудесная долина, пересеченная небольшими горными речками со свежей, чистой водой, прихотливо извивавшимися среди кустарников. По словам ботаника Гукера, в Новой Зеландии произрастают до двух тысяч различных видов растений, из них пятьсот свойственны исключительно этой стране. Цветов здесь мало и они блеклой окраски. Мало и однолетних растений, но зато множество папоротников, злаков и зонтичных. Там и сям, в некотором отдалении от берега, над темной зеленью виднелись высокие деревья: *метросидеры* с яркокрасными цветами, норфолкские сосны, туи с вертикально растущими ветвями и разновидность кипарисов — *риму*, не менее печальные,

чем их европейские родичи. Стволы всех этих деревьев утопали в зеленом море папоротников.

Между ветвями больших деревьев и над кустами порхали и болтали какаду, зеленые, с красной полоской на шее какарики, туапо с великолепными черными бакенбардами и попугаи, названные естествоиспытателями «южные несторы», величиной с утку, рыжие, с яркой подпушкой крыльев.

Майору и Роберту удалось, не удаляясь от товарищей, подстрелить несколько прятавшихся в кустах болотных куликов и куропаток. Олбинет тут же на ходу ощипал их.

Что же касается Паганеля, то, равнодушно относящийся к питательным свойствам дичи, он жаждал раздобыть себе какую-нибудь птицу, свойственную одной лишь Новой Зеландии. Любознательность естествоиспытателя заглушала в нем аппетит путешественника. Он вспомнил описания местной птицы туи. Европейцы зовут ее то «пересмешник» — за ее беспрестанное, словно насмешливое воркованье, то «кюре» — за ее оперение, черное с белым воротом, напоминающее сутану.

— Туи так сильно жиреет зимой, что заболевает и даже не может летать, — рассказывал Паганель майору. — Тогда, чтобы избавиться от лишнего жира и стать более легкой, она ранит себя в грудь клювом. Не кажется ли это вам странным, Мак-Наббс?

— Это настолько странно, — ответил майор, — что я не верю ни единому слову вашего рассказа.

Но, к великому сожалению географа, ему не удалось достать ни одного экземпляра туи, чтобы показать недоверчивому майору ее истерзанную, окровавленную грудь.

Но зато Паганелю посчастливилось натолкнуться на другое странное пернатое, которое, спасаясь от постоянных преследований человека, собаки и кошки, бежало в необитаемые районы. Повидимому, оно скоро вообще исчезнет из новозеландской фауны. Роберт, шаривший повсюду, как настоящая ищейка, наткнулся на гнездо из переплетенных корней деревьев, где сидела пара куриц без крыльев, без хвоста, с четырьмя пальцами на лапах, длинным, как у бекаса, клювом и

густым белым оперением. Странные животные казались переходной ступенью от яйценосных к млекопитающим.

То были новозеландские *киви-киви*, австралийские бескрылые, которые одинаково охотно питаются личинками, червяками, насекомыми и семенами. Эта птица водится исключительно в Новой Зеландии, и в зоологических садах Европы ее с большим трудом удалось акклиматизировать. Ее оригинальный вид, ее комичные движения всегда привлекали к ней внимание путешественников, и когда Академия наук поручила Дюмон-Дюрвилю, предпринявшему во главе большой научной экспедиции путешествие на острова Океании, привезти экземпляры этой странной птицы, то ученому, несмотря на обещанную туземцам награду, так и не удалось раздобыть живую киви-киви.

Паганель, в восторге от счастливой находки, связал вместе двух курочек и энергично зашагал вперед, радуясь тому, что принесет их в дар Парижскому зоологическому саду. Увлекающийся географ уже представлял себе заманчивую надпись: «Дар Жака Паганеля», красующуюся на самой лучшей клетке.

Тем временем маленький отряд бодро подвигался вперед по берегу реки Вайпа. Местность была пустынная, нигде не видно было следов туземцев, никакой тропинки, указывающей на присутствие человека в этих равнинах. Река струилась между высоким кустарником или же среди длинных песчаных отмелей, и тогда видна была вся равнина, которую на востоке замыкала невысокая горная цепь. Своей своеобразной формой, своими контурами, словно тонувшими во мгле, эти горы напоминали гигантских допотопных животных. Казалось, что то лежит внезапно окаменевшее стадо колоссальных китообразных. Такое хаотически-причудливое нагромождение скал свидетельствовало о их вулканическом происхождении. Действительно, Новая Зеландия — не что иное, как сравнительно недавний продукт вулканических процессов. Эти острова и по сию пору продолжают подниматься из воды. Есть места, которые за двадцать лет поднялись над уровнем моря на целую сажень. Огонь продолжает сотря-

сать недра Новой Зеландии, вызывая в ней судороги, вырываясь во множестве мест через кратеры вулканов.

К четырем часам дня прошли бодрым шагом девять миль. Судя по карте, по которой то и дело справлялся Паганель, место слияния рек Вайпа и Уаикато находится не более как в пяти милях. Там же проходит дорога на Окленд и можно будет остановиться на ночлег. Остающиеся пятьдесят миль до Окленда пройдут в два-три дня, а если случайно встретится почтовый дилижанс, который два раза в месяц ходит между заливом Хокса и Оклендом, то до этого города можно будет доехать за восемь часов.

— Значит, нам придется еще раз заночевать под открытым небом? — спросил Гленарван.

— Да, — ответил Паганель, — но надеюсь, что это будет в последний раз.

— Тем лучше, ибо эти ночевки тяжелое испытание для леди Элен и Мери Грант.

— Которое они переносят не жалуясь, — заметил Джон Манглс. — Если я верно понял вас, господин Паганель, то вы как будто упоминали о каком-то поселении, расположенном вблизи от места слияния этих двух рек.

— Да, — ответил географ, — это Нгаруавахиа, миль в двух ниже слияния рек.

— Нельзя ли будет устроиться там на ночь? Наши спутницы предпочтут, конечно, пройти лишних две мили, чтобы отдохнуть в приличной гостинице.

— В гостинице! — воскликнул Паганель. — Гостиница в маорийском селении! Но там нет даже постоянного двора или кабака! Это не что иное, как куча туземных хижин, и, по-моему, лучше нам не искать там приюта на ночь, а благоразумнее держаться подальше от этой деревни.

— Всё ваши страхи, Паганель! — промолвил Гленарван.

— Дорогой сэр, поверьте мне, лучше недоверие, чем доверие, когда имеешь дело с маорийцами. Неизвестно, в каких отношениях в данное время состоят они с англичанами: подавлено ли восстание, или маорийцы одержали верх. А вдруг мы попадем туда,

когда война в самом разгаре. Без ложной скромности надо признать, что мы представляем для туземцев неплохую добычу, и мне совсем не улыбается узнать помимо своей воли, что такое новозеландское гостеприимство. Поэтому я нахожу благоразумным обойти стороной это поселение и постараться избежать встречи с туземцами. Вот когда мы доберемся до Дрюри, тогда другое дело: там наши мужественные спутники смогут отлично отдохнуть от утомительного пути.

Мнение географа восторжествовало. Элен предпочла провести еще одну ночь под открытым небом, чем подвергать опасности своих товарищей. Ни она, ни Мери Грант не просили сделать еще остановку, и все опять зашагали вдоль берега реки.

Два часа спустя с гор поползли вечерние тени. Солнце, склонявшееся к горизонту, вдруг пробилось сквозь тучи, и его лучи озарили красным светом далекие вершины восточных гор. То был словно краткий прощальный привет путешественникам.

Гленарван и его спутники прибавили шагу, ибо знали, сколь коротки сумерки под этой широтой и с какой быстротой здесь наступает ночь. Надо было непременно добраться до слияния рек, прежде чем стусится мрак. Но внезапно все кругом заволгло густым туманом, и держаться верного направления стало очень трудно.

К счастью, слух заменил зрение, в данном случае бесполезное. Вскоре усилившийся рокот потока оповестил о том, что две реки слились в единое русло. В восемь часов вечера маленький отряд достиг, наконец, того места, где Вайпа с ревом вливается в русло Уаикато.

— Это Уаикато, — воскликнул Паганель, — и до рога в Окленд идет вдоль ее правого берега!

— Реку мы увидим завтра, а теперь давайте остановимся на ночлег, — заявил майор. — Мне кажется, что вон та густая тень — это тень рощицы, будто нарочно выросшая на том месте, чтобы мы могли разбить лагерь. Поужинаем и ляжем спать.

— Хорошо, поужинаем, — ответил Паганель, — но только всухомятку: сухарями и сухим мясом, не сле-

дует разводить костра. Мы явились сюда инкогнито и постараемся так же уйти отсюда, благо туман скрывает нас.

Вблизи действительно оказалась рощица, и, дойдя до нее, путники, следуя совету географа, бесшумно поужинали всухомятку и вскоре, утомленные переходом в пятнадцать миль, погрузились в глубокий сон.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Национальная река

На следующее утро, на рассвете, довольно плотный туман тяжело навис над рекой. Часть паров, насыщавших воздух, сгустилась под действием ночной прохлады и покрыла густым облаком поверхность вод. Однако лучи солнца вскоре пронзили эти клубящиеся массы, и туман растаял под оком сияющего светила. Очистились затуманенные берега, и Уаикато предстала во всей своей утренней красе.

Узкая длинная коса, поросшая кустарником, заканчивалась у слияния двух рек острым мысом. Более бурная Вайпа мчалась на протяжении четверти мили, не сливаясь с Уаикато. Но могучая, спокойная река все же брала верх над бурливой рекой, поглощала ее и плавно увлекала к Тихому океану.

Когда туман рассеялся, то на реке показалась пирога, поднимавшаяся вверх по течению. Это была лодка длиной в семьдесят футов, шириной в пять и глубиной в три фута, целиком выдолбленная из местной ели кахикатеа, и приподнятой передней частью, подобно венецианской гондоле. Дно ее было устлано сухим папоротником. Пирога быстро скользила на восьми веслах, на корме ее сидел человек, управлявший лопатообразным веслом. Это был туземец высокого роста, лет сорока пяти, широкогрудый, мускулистый, с мощными руками и ногами. Выпуклый лоб, изборозженный глубокими морщинами, свирепый взгляд, мрачное выражение лица придавали ему грозный вид.

То был один из виднейших вождей маорийцев. Об этом можно было судить по искусной татуировке, покрывавшей его лицо и тело. От ноздрей его орлиной формы носа расходились спиралью две черные линии, окружавшие желтые глаза и затем терявшиеся на лбу, под пышной шевелюрой. Его рот, обнажавший два ряда ослепительно блестящих зубов, был также окружен пестрыми, изящными завитками татуировки, спускавшейся на подбородок и на могучую грудь маорийца.

Эта татуировка — *моко* — новозеландцев является знаком высокого отличия. Такой почетной росписи достоин лишь тот, кто отличился в нескольких боях, причем рабы и простолюдины не имеют права на «моко». Знаменитых вождей узнают по законченности, по тонкости и по характеру рисунка, который часто изображает животных. Некоторые туземные вожди раз по пять подвергают себя мучительной процедуре «моко». И чем знатнее в Новой Зеландии человек, тем больше он изукрашен.

Дюмон-Дюрвиль сообщает любопытные подробности об этом обычае. Он заметил, что «моко» играет среди туземцев ту же роль, что гербы среди знатных родов в Европе. Однако существует и разница, а именно: в то время как герб европейца свидетельствует о том, что основатель рода имел какие-то заслуги, которых впоследствии могут и не иметь его потомки, «моко» удостоверяет только личные качества и храбрость того, кто им украшен.

Кроме того, татуировка маорийца, помимо внушаемого ею почтения, несомненно, полезна, ибо утолщает кожные покровы и делает их менее восприимчивыми как к перемене погоды, так и к беспрестанным укусам moskitov.

Что касается вождя, правившего лодкой, то его знатность не внушала сомнений. Острая кость альбатроса, употребляемого маорийскими татуировщиками, глубоко пробороздила пять раз тесными узорами его надменное лицо. Он был закутан в плащ, сотканный из растения *формиум* и отделанный собачьими шкурами. Повязка, которой он был опоясан, еще хранила

следы крови недавних сражений. В удлиненные мочки ушей вдеты были серьги из зеленого нефрита, а на шее висело ожерелье из *пунаму* — священных камешков, очень чтимых суеверными новозеландцами. Рядом с вождем лежало английское ружье и *патупату* — нечто вроде топора изумрудного цвета, с двойным лезвием восемнадцати дюймов длины.

Подле вождя сидело девять менее знатных воинов, но столь же сурового вида и вооруженных. Некоторые, казалось, еще страдали от недавно полученных ран. Все сидели неподвижно, завернувшись в плащи из формиума. Три свирепые собаки лежали у их ног. Гребцы были, повидимому, рабами или слугами вождя. Гребли они с большой силой против не очень сильного течения и плыли довольно быстро.

Посредине пироги сидели, прижавшись друг к другу, десять пленных европейцев, ноги у них были связаны, но руки свободны. То были Гленарван, Элен, Мери Грант, Роберт, Паганель, майор, Джон Манглс, стюард и оба матроса.

Накануне вечером маленький отряд, заблудившись в густом тумане, расположился на ночлег среди многочисленного отряда туземцев. Около полуночи спавших путешественников взяли в плен и перенесли на пирогу. До сих пор маорийцы ничего дурного им не сделали, но сопротивляться было бы уже бесполезно, ибо их оружие и боевые припасы находились в руках дикарей и пленников тотчас же пристрелили бы из их собственных ружей.

Из английских отрывочных слов, проскальзывавших в разговорах туземцев, пленники поняли, что это маорийцы, разбитые английскими войсками, и они пробираются к верховьям Уаикато. Их вождь, оказав упорное сопротивление 42-му полку, потеряв во время сражения лучших бойцов, возвращался теперь на берега этой реки, чтобы набрать новое войско идти с ним на соединение с неукротимым Вильямом Томсоном, не переставшим бороться с завоевателями. Этот вождь носил зловещее имя Кай-Куму, что на туземном наречии значит: «Тот, кто пожирает врага». Он был отважен, смел, но его жестокость не уступала его доб-

лести. Ждать пощады от такого человека не приходилось. Его имя было хорошо известно английским солдатам, и за его голову губернатором Новой Зеландии недавно была обещана денежная награда.

Это страшное несчастье обрушилось на Гленарвана как раз тогда, когда он был почти на пороге столь желанного Окленда, откуда прямым рейсом можно было вернуться в Европу.

Однако, глядя на холодное и спокойное лицо Гленарвана, никто не подумал бы, что он переживает такие муки. Он никогда не падал духом при тяжелых обстоятельствах. Он понимал, что должен служить опорой и примером для жены и спутников, и готов был умереть первым, если его смерть улучшит их положение. Пред лицом грозной опасности этот мужественный человек ни на одно мгновение не раскаялся в своем великодушном порыве, увлекшем его в эти дикие края.

Спутники Гленарвана были достойны его. Они разделяли его благородные мысли, и по их гордым, спокойным лицам нельзя было подумать, что они плывут навстречу такой ужасной смерти. По совету Гленарвана, они сговорились выказывать полнейшее равнодушие ко всему происходящему. Только такое поведение могло внушить дикарям уважение. Дикарям вообще, а маорийцам особенно, присуще чувство собственного достоинства, никогда не покидающее их. Они уважают того, кто заставляет своим хладнокровием и мужеством уважать себя. Гленарван знал, что подобным поведением он и его товарищи избавят себя от грубого обращения.

С момента отплытия маорийцы, малоразговорчивые, как все дикари, едва перекинулись несколькими фразами, однако Гленарван понял, что английский язык им знаком. Он решил спросить новозеландского вождя, какую участь тот им готовит.

— Куда ты везешь нас, вождь! — спросил он Кай-Куму голосом, в котором не слышалось ни малейшего страха.

Вождь холодно посмотрел на него и промолчал.

— Что собираешься ты сделать с нами? — снова спросил его Гленарван.

Глаза Кай-Куму блеснули, и он важно ответил:

— Обменять тебя, если твои захотят взять тебя. Убить тебя, если они откажутся.

Гленарван не стал больше задавать вопросов, но в его сердце затеплилась надежда. Он понял, что какие-то маорийские вожди попали в плен к англичанам и туземцы попытаются вернуть их путем обмена. Следовательно, какой-то шанс на спасение существовал и положение пленников не являлось столь отчаянным.

Тем временем лодка быстро плыла вверх по реке. Паганель, которого природная живость заставляла легко переходить от одной крайности к другой, воспрянул духом. Он говорил себе, что маорийцы избавили их от необходимости самим добираться до английских аванпостов и что плен послужит им в этом смысле на пользу. Таким образом, примирившись со своей судьбой, географ принялся следить по карте за тем путем, по которому несла величественная Уаикато свои воды.

Леди Элен и Мери Грант, всячески подавляя свой ужас, вполголоса беседовали с Гленарваном, и самый опытный физиономист никогда не догадался бы по лицам этих женщин, какие душевные муки терзали их.

Уаикато является, так сказать, национальной рекой Новой Зеландии. Маорийцы гордятся ею и любят ее, как немцы Рейн, а славяне — Дунай. Эта река несет свои воды на протяжении двухсот миль по самым плодородным и красивым местностям северного острова — провинциям Веллингтон и Окленд. Ее именем называются все прибрежные туземные племена, неукротимые и неукрошенные, которые все как один восстали против захватчиков. На Уаикато почти не плавают иноземные суда. Лишь пироги островитян пересекают своими высокими носами ее волны. Только немногие туристы отваживаются плыть среди ее священных берегов, а верховье Уаикато является запрещенной зоной для нечестивых европейцев. Паганель знал, как чтят туземцы эту великую новозеландскую

реку. Ему было известно, что ни один естествоиспытатель не поднимался по Уаикато выше ее слияния с Вайпа. Но куда же заблагорассудится Кай-Куму увезти своих пленников? И географ не смог бы угадать этого, если бы часто повторяемое вождем и его воинами слово «Таупо» не привлекло его внимания. Он посмотрел на карту и увидел, что название это относится к озеру, знаменитому в географических летописях. Расположено оно в самой гористой части острова, на юге провинции Окленд. Уаикато вытекает из этого озера. Географ определил по карте, что расстояние между озером и местом слияния с Вайпа — около ста двадцати миль.

Паганель попросил Джона Манглса на французском языке, чтобы не быть понятым дикарями, определить скорость движения их лодки. Молодой капитан определил ее примерно в три мили в час.

— В таком случае, — сказал географ, — если мы будем останавливаться на ночь, то наше путешествие продлится около четырех дней.

— А где расположены английские посты? — спросил Гленарван.

— Это трудно сказать, — ответил Паганель. — Однако военные действия сосредоточились в провинции Таранаки, и, по всей вероятности, войска скопились по ту сторону озера, на противоположном склоне гор, там, где находится очаг восстания.

— Будем надеяться, что это так! — промолвила леди Элен.

Гленарван с грустью посмотрел на свою молодую жену, на Мери Грант, на этих несчастных женщин, находящихся во власти свирепых туземцев, увозимых в дикий край, где на помощь им не мог прийти ни один человек. Но, заметив устремленный на него взгляд Кай-Куму, Гленарван осторожности ради и не желая, чтобы вождь догадался, что одна из пленниц его жена, подавил свое волнение и с наигранным равнодушием стал глядеть на берега реки.

Пирога прошла, не останавливаясь, мимо бывшей резиденции короля Потатау, расположенной в полумиле от слияния рек. Никакая другая пирога не

бороздила вод Уаикато. Несколько разрушенных хижин, видневшихся там и сям по берегам, свидетельствовали о недавних ужасах войны. Прибрежные поселения казались покинутыми, берега были пустынные. Лишь водяные птицы нарушали грустную тишину этих безлюдных мест. То в воздух взвивалась и исчезала за деревьями *танарунга* — болотная птица с черными крыльями, белым брюшком и красным клювом, то *матуку*, неуклюжая, глупая на вид цапля пепельного цвета, и красивая цапля *котуку*, белая, с желтым клювом и черными ногами, спокойно смотрели на проплывавшую пирогу. А там, где высокие, крутые берега указывали на глубину реки, сидели чайки-мартыны — *котаре*, на языке маорийцев, — подстерегая крошечных угрей, миллионы которых кишат в новозеландских реках. В кустах, над самой водой, охорашивались при первых лучах солнца гордецы удода и прелестные куры-султанки. Весь этот мирок пернатых спокойно наслаждался жизнью и отсутствием людей, которых изгнала или уничтожила война.

В этой части Уаикато течет, широко разлившись среди необозримых равнин, но ближе к верховью холмы и горы как бы сжимают долину, в которой река проложила себе русло. В десяти милях от слияния рек, на карте Паганеля, на левом берегу должен был находиться приток Кири-Кирироа, и действительно там он оказался, но Кай-Куму не остановился здесь. Он велел дать пленникам их собственные съестные припасы, захваченные маорийцами во время ночного нападения. Что же касается самого вождя, его воинов и рабов, то они довольствовались своей обычной пищей — съедобным папоротником, печеными кореньями и картофелем капанас, в изобилии разводимым на обоих островах. Мяса за трапезой маорийцев не было, а мясные консервы пленников, видимо, нисколько их не прельщали.

В три часа дня на правом берегу реки показались первые отроги горной цепи Покароа-Рэндж, похожей на разрушенные крепостные стены. На остроконечных вершинах местами виднелись развалины *па* — старинных укреплений, некогда воздвигнутых на непри-

ступных местах маорийцами. Они напоминали огромные орлиные гнезда.

Солнце уже скрывалось за горизонтом, когда пирога причалила к крутому берегу, заваленному пемзовыми камнями вулканического происхождения, нанесенными сюда водами Уaikато. В этом месте росло несколько деревьев, под которыми показалось удобным раскинуть лагерь.

Кай-Куму приказал высадить на берег пленников. Мужчинам связали руки, но женщин оставили свободными. Всех поместили в центре лагеря, а вокруг разложили костры, образовавшие вокруг непреодолимую огненную преграду.

Еще прежде, чем Кай-Куму сообщил пленникам о своем намерении обменять их, Гленарван и Джон Мангис обсуждали различные способы бегства из плена. То, что невозможно было сделать, находясь в пироге, то они надеялись осуществить на берегу во время привала, пользуясь ночной темнотой.

Но после разговора Гленарвана с новозеландским вождем было благоразумнее отказаться от побега. Следовало запастись терпением. Обмен пленными представлял больше шансов на спасение, чем рукопашная схватка или бегство сквозь неведомый край. Несомненно, могло возникнуть множество обстоятельств, которые задержали бы переговоры об обмене или даже помешали бы им, но все-таки наилучшим исходом было ждать результата этих переговоров. В самом деле, что могли сделать десять безоружных людей против тридцати вооруженных дикарей? К тому же Гленарван предполагал, и он не ошибался, что какой-то видный вождь племени Кай-Куму был захвачен в плен и что его соплеменники во что бы то ни стало хотят освободить его.

На следующий день пирога понеслась вверх по реке с еще большей скоростью. В десять часов она ненадолго остановилась у впадения в Уaikато Похайены, маленькой речки, извивавшейся по равнинам правого берега. Здесь к пироге Кай-Куму присоединилась еще одна пирога с десятью туземцами. Воины еле обменялись приветствием: «Айрэ-майра», что зна-

чит: «Доброго здоровья», и обе пироги поплыли рядом. Вновь прибывшие маорийцы, видимо, недавно сражались с английскими войсками. Об этом свидетельствовала их одежда, вся в клочьях, их окровавленное оружие, их еще кровоточащие раны. Воины были мрачны, молчаливы. Со свойственной всем диким народам сдержанностью они сделали вид, что не обращают никакого внимания на европейцев.

В полдень на западе показались вершины Маунгатотари. Долина, по которой протекала Уаикато, начала сужаться, и могучая река, стиснутая крутыми берегами, бушевала, словно горный поток. Но гребцы только сильнее налегали на весла, сопровождая свои движения дикой мелодией, ритм которой совпадал со взмахами их весел, и пирога быстро помчалась по пенящимся волнам. Стремнина осталась позади, и Уаикато попрежнему плавно понесла свои воды между крутыми берегами.

Под вечер Кай-Куму приказал причалить к крутому узкому берегу, к которому отвесно спускались первые отроги гор. Там уже располагались на ночлег человек двадцать туземцев, также высадившихся из своих пирог. Под деревьями пылали костры. Какой-то вождь, столь же знатный, как Кай-Куму, не спеша подошел к нему и дружески его приветствовал, проделав *шонгуи*, то есть потерся носом о его нос. Пленников поместили посредине лагеря и приставили к ним на всю ночь бдительную стражу.

На следующее утро продолжался тот же длительный путь вверх по течению Уаикато. Из мелких прибоев выплывали все новые пироги, на которых сидело воинов шестьдесят. Очевидно, это были участники последнего восстания, которые, так или иначе пострадав от английских пуль, возвращались теперь к себе в горы. Порой из плывших гуськом пирог поднимался голос певца, певшего патриотический гимн, призывавший маорийцев на борьбу с захватчиками:

Папа ра ти вати тиди
И дунга нэи...

Звучный голос певца будил эхо в горах. И после каждой строфы туземцы хором подхватывали воин-

ственный припев, ударяя себя в грудь, точно в барабаны, а гребцы в такие минуты с новой силой налегали на весла, и пироги, преодолевая течение, летели по водной поверхности.

В этот день на Уаикато можно было наблюдать любопытное явление. Около четырех часов пополудни пирога, управляемая твердой рукой Кай-Куму, смело, не замедляя хода, вошла в узкое ущелье. Стремительный поток яростно хлестал о многочисленные подводные скалы и опасные для лодок островки. Перевернись пирога,, то всех постигла бы верная гибель, ибо спасения искать было негде: всякий, кто осмелился бы ступить на кипящую прибрежную тину, неминуемо погиб бы.

Дело в том, что Уаикато текла здесь среди тех горячих источников, которые издавна привлекали к себе внимание туристов. Окись железа окрашивала в бурокрасный цвет прибрежный ил, на котором не было ни одной пяди твердой земли. Воздух насыщен был едким запахом серы. Туземцы легко переносили его, но пленники сильно страдали от удушливых испарений, поднимавшихся из расщелин почвы, выделяясь из пузырей, которые лопались под напором подземных газов. Но если обонянию трудно было освоиться с этими серными испарениями, то взор мог лишь восхищаться этим величественным зрелищем.

Пироги нырнули в густое облако белых паров. Их ослепительно белые завитки нависали куполами над рекой. По берегам сотни гейзеров то курились парами, то били фонтанами воды, и, глядя на эти разнообразные каскады пара и воды, казалось, будто они созданы рукой человека и управляются скрытым механизмом. Вода и пар, смешиваясь в воздухе, переливались на солнце всеми цветами радуги.

В этом месте Уаикато течет по зыбкому ложу, непрерывно кипящему под действием подземного огня. Невдалеке, к востоку от реки, на берегах озера Роторуа, регут горячие ключи и дымящиеся водопады Ротомакана и Тетарата, исследованные некоторыми отважными путешественниками. Вся местность изобилует гейзерами, кратерами и сопками. Через них

извергается избыток газов, не находящий исхода через узкие кратеры Тонгариро и Вакари, двух действующих вулканов Новой Зеландии.

Две мили пироги плыли под сводом серных испарений, клубившихся над водой; внезапно, на смену серному облаку, повеяло струей чистого, свежего воздуха, который принес облегчение задыхавшимся пленникам. Район серных источников остался позади.

До конца дня пироги благодаря могучим усилиям гребцов преодолели еще две стремнины — Гипапатуа и Таматеа. Вечером Кай-Куму остановился на ночлег в сотне миль от слияния Вайпы и Уaikато. Река, которая до сих пор, закругляясь, текла к востоку, с этого места вливалась в озеро Таупо, как огромный водопад в бассейн.

На следующее утро на правом берегу реки показалась гора. Жак Паганель, справясь по карте, выяснил, что это гора Таубара вышиной в три тысячи футов.

В полдень вся вереница пирог всплыла в озеро Таупо через один из рукавов реки. Туземцы восторженно приветствовали лоскут, развевавшийся на крыше хижины, — то был их национальный флаг.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Озеро Таупо

В доисторические времена в центре Новозеландского острова вследствие обвала земной коры образовалась бездонная пропасть длиной в двадцать пять миль и двадцать шириною. Воды, стекавшие с окрестных гор в эту огромную впадину, постепенно превратили ее в озеро, но в озеро-бездну, ибо до сих пор ни один лот не смог промерить его глубины.

Таково это необычное озеро, носящее название Таупо, лежащее на высоте тысячи двухсот пятидесяти футов над уровнем моря и окруженное горами высотой в две тысячи восемьсот футов. К западу — громадные остроконечные скалы, на севере — несколько

отдаленных вершин, поросших невысоким лесом, на востоке — широкий отлогий песчаный берег, по которому вьется дорога и где меж зеленых кустов красиво поблескивают пемзовые камни; к югу, за линией леса, высокие конические вершины вулканов. Таков величественный ландшафт, окаймляющий это огромное водное пространство, где свирепствуют бури, не уступающие в ярости океанским циклонам.

Вся эта местность кипит и клокочет, словно колосальный котел, подвешенный над подземным огнем. Земля дрожит, и кора ее, словно корка перестоявшегося в печи пирога, во многих местах трескается, и оттуда вырываются пары, и, конечно, все это плоскогорье рухнуло бы в пылающее под ним подземное горнило, если бы скопившиеся пары не находили себе выхода на расстоянии двадцати миль от озера через кратеры вулкана Тонгариро.

Этот увенчанный дымом и огнем вулкан возвышался над мелкими огнедышащими сопками и был виден с северного берега озера. Тонгариро принадлежит к сложной орографической системе. Позади него одиноко высится среди равнины другой вулкан Руапеху, коническая вершина которого теряется среди облаков на высоте девяти тысяч футов. Ни один смертный никогда не ступал на его неприступную вершину, ни один человеческий взор не проникал в глубину его кратера, тогда как на протяжении последних двадцати лет трое исследователей — Бидвиль, Дисон и Гохштеттер — трижды производили измерение его более доступных вершин.

С этими вулканами связано множество легенд, и при иных обстоятельствах Паганель не преминул бы поведать своим товарищам хотя бы легенду о ссоре из-за женщин двух друзей и соседей, Тонгариро и Таранаки. Тонгариро, вспыльчивый, как всякий вулкан, вышел из себя и ударил Таранаки. Тот, избитый и униженный, убежал, обронив по дороге в долине Вангани две вершины, добрался до берега моря, где возвышается теперь совсем одиноко под именем Эгмонт.

Но сейчас ни географ не был склонен рассказывать, ни друзья слушать его. Молча разглядывали они северо-восточный берег озера Таупо, куда забросила их злая судьба.

Миссия, основанная достопочтенным Грасом в Пукаве, на западном побережье озера, более не существовала. Война изгнала далеко из этих краев проповедника. Пленники были тут одни во власти жаждущих мести маорийцев, и как раз в той части острова, куда никогда не заглядывали миссионеры.

Кай-Куму на пироге пересек бухточку, обогнул острый мыс, вдающийся далеко в озеро, и причалил к восточному берегу, у подошвы первых отрогов Манго — горы вышиной более чем в две тысячи футов. Здесь раскинулись поля формиума, драгоценного новозеландского льна. У туземцев он зовется *харакек*. В этом полезном растении ни одна часть не пропадает даром. Цветы дают превосходный мед. Стебли — клейкое вещество, заменяющее воск и крахмал. Еще более полезны листья; из свежих делают бумагу, из сухих — трут. Разрезанные вдоль стебли идут на веревки, канаты и сети. Из расчесанных волокон ткут одеяла, цыновки, плащи и передники. Ткань из новозеландского льна, окрашенная в красный или черный цвет, идет на одежду самых элегантных маорийцев.

Этот драгоценный новозеландский лен встречается повсеместно на обоих островах: на морском побережье и по берегам озер и рек. Дикие кусты его покрывают целые поля. Его красно-коричневые цветы, напоминающие цветы агавы, во множестве выглядывают из зеленой гущи длинных, острых, как клинки, листьев. Красивые птицы нектария, завсегдатаи полей формиума, стаями летали над ними, наслаждаясь медовым соком цветов. В озере полоскались, уже ручные, утки, черные с серыми и зелеными пятнами.

В четверти мили, на крутом откосе горы, виднелся «па» — неприступная крепость маорийцев. Пленников одного за другим высадили из пироги и, развязав им руки и ноги, повели их в крепость. Тропинка вилась по зарослям формиума, затем — через пышно разросшуюся рощицу. Здесь росли *кайкатеа* с неоппадаю-

щими листьями и красными ягодами, и *австралийские драцены*, называемые туземцами *ти*, и *гуйус*, ягодами которых пользуются для окраски материй в черный цвет. При приближении пленников и воинов стаи крупных голубей с оперением, отливающим металлом, стаи совиных попугаев пепельного цвета и целая масса скворцов с красноватым хохолком взвились в воздух и улетели вдаль.

Пройдя довольно большое расстояние, Гленарван, леди Элен, Мери Грант и их спутники вошли в «па». Эта крепость была обнесена тремя поясами укреплений. Первый, наружный, представлял собой частокол из крепких кольев футов в пятнадцать вышиной; второй пояс был из таких же кольев; третий, внутренний, представлял собой ивовую ограду с проделанными в ней бойницами. Внутри «па» виднелось несколько своеобразных маорийских построек и около сорока симметрично расположенных хижин.

Ужасное впечатление произвели на пленников мертвые головы, «украшавшие» кольца второго частокола. Леди Элен и Мери отвернулись больше от отвращения, чем от страха. Эти головы принадлежали павшим в боях враждебным вождям.

Географ признал это по глазным впадинам, лишенным глаз. Головы препарируются индейцами следующим образом: из них выскабливают мозги и удаляют кожные покровы, носы укрепляют маленькими дощечками, ноздри начиняют льном, рты и веки сшивают, и все копят в продолжение тридцати часов. Препарированные таким образом они не портятся и, сохраняясь очень долго, являются трофеями победителей.

Нередко маорийцы сохраняют таким же образом и головы своих вождей, но в таком случае глаза остаются неприкосновенны в своих глазных впадинах и словно смотрят на вас. Новозеландцы с гордостью показывают эти останки. Они вызывают восхищение молодых вождей, и в честь этих останков происходят пышные церемонии.

Но в крепости Кай-Куму торчали лишь вражьи головы, и среди них, несомненно, немалую долю составляли черепа английские.

Жилище Кай-Куму находилось в глубине «па», среди нескольких других хижин, которые принадлежали туземцам не столь высокого ранга. Перед его хижинкой расстилалась большая открытая площадка, которую европейцы, пожалуй, назвали бы военным плацем. Жилище вождя было построено из кольев, оплетенных ветвями, внутри оно было обито циновками из формиума. Оно имело двадцать футов в длину, пятнадцать — в ширину, десять — в высоту, иными словами, заключало в себе три тысячи кубических футов — помещение вполне достаточное для новозеландского вождя.

В постройке имелось только одно отверстие, служившее дверью, оно было завешено плотной циновкой. Крыша выдавалась над дверью выступом, на котором имелось углубление для хранения дождевой воды. На концах стропил вырезано было несколько фигур. Портал радовал взор гостей резными изображениями веток, листьев, символических фигур чудовищ, множеством своеобразных орнаментов, вышедших из-под резцов туземных мастеров. Глинобитный пол возвышался на полфута над уровнем окружающей почвы. Тростниковые решетки и матрасы из сухого папоротника, покрытые циновками из тонких и гибких листьев «тифы», служили ложем. Посредине хижины виднелась яма, обложенная внутри камнями: она заменяла очаг. Отверстие в крыше служило трубой. Когда из очага валил густой дым, то в конце концов его вытягивало в это отверстие, предварительно изрядно закоптив стены. Рядом с хижинкой Кай-Куму находились склады, в которых хранились запасы вождя — его урожай формиума, картофеля и съедобного папоротника. Тут же помещались очаги, на раскаленных камнях которых готовилась пища дикарей. Подальше, в небольших загонах, содержались свиньи и козы, эти редко встречающиеся здесь потомки завезенных некогда капитаном Куком домашних животных. Там и сям бегали собаки в поисках скудной пищи. Видимо, маорийцы не слишком-то заботились о животных, мясом которых питались.

Гленарван и его спутники стояли у какой-то пустой хижины, разглядывая все это, в ожидании, когда вождю заблагорассудится дать о них какое-либо распоряжение. Тем временем толпа старух продолжала осыпать их бранью. Эти ведьмы, сжимая кулаки, подступали к «проклятым европейцам», выли и угрожали им. Несколько английских слов, сорвавшихся с их толстых губ, дали понять, что они требуют немедленной мести.

Среди этих воплей и угроз леди Элен оставалась паружно спокойной, сохраняя полное хладнокровие, и героически держала себя в руках, не желая еще сильнее встревожить мужа. Бедняжка Мери была близка к обмороку. Джон Манглс поддерживал ее, готовый отдать за нее жизнь. Его товарищи по-разному относились к этому граду брани и угроз: одни, подобно майору, оставались равнодушны, другие, как Паганель, едва сдерживали себя.

Гленарван, желая избавить жену от натиска этих старых мегер, направился к Кай-Куму и, указывая на эту отвратительную толпу, сказал:

— Прогони их.

Маорийский вождь пристально взглянул на пленника, не удостоил его ответом, но, повернувшись к ревущим старухам, жестом велел им замолчать. Гленарван наклонил голову в знак благодарности и, не торопясь, вернулся к своим.

В это время в «па» собралось человек сто новозеландцев: тут были и старики, и люди зрелого возраста, и юноши. Одни, мрачные, но спокойные, ожидали распоряжения Кай-Куму, другие предавались неистовому горю, оплакивая родственников или друзей, павших в последних боях.

Из всех маорийских вождей, восставших по призыву Вильяма Томсона, лишь один Кай-Куму вернулся живым на берега своего озера, он первый оповестил свое племя о поражении, нанесенном повстанцам на равнинах нижнего течения Уаикато. Из двухсот воинов, выступивших под его начальством защищать родную землю, вернулось всего пятьдесят. Правда, некоторые из сражавшихся попали в плен к англичанам, но

скольким воинам, распростертым на поле брани, уже не суждено было вернуться в родные места!

Этим объяснялось глубокое отчаяние, охватившее туземцев по возвращении Кай-Куму. Слух о последней битве еще не доходил до них, эта весть поразила всех, как громом.

У дикарей душевная горе выражается обычно во внешних проявлениях. И вот родичи и друзья погибших воинов, особенно женщины, раздирали себе лицо и плечи острыми раковинами. Струилась кровь, смешиваясь со слезами. Чем сильнее скорбь, тем глубже ранение. Страшно было смотреть на этих окровавленных, обезумевших новозеландок.

Отчаяние туземцев усугублялось еще одним обстоятельством, имевшим большое значение в их глазах: мало того, что их родич или друг погиб, но они не могли захоронить его прах в семейной могиле. А согласно верованиям маорийцев для загробной жизни необходимо, чтобы останки хранились у родственников. Туземцы кладут в *удуна*, что значит «обитель славы», не тленное тело, но кости, которые предварительно тщательно очищают, скоблят, полируют и даже покрывают лаком. Эти усыпальницы украшают деревянными статуями, на которых с точностью воспроизводят татуировку покойного. А теперь могилы будут пусты, не будут свершены погребальные обряды, и кости убитых будут глотать дикие собаки, или они будут истлевать не погребенные на поле боя.

Эти мысли увеличивали отчаяние. К угрозам женщин присоединились теперь, по адресу европейцев, проклятия мужчин. Брань усилилась, жесты стали более угрожающими. Крики могли смениться насилием.

Кай-Куму, видимо, боясь, что будет не в силах обуздать фанатиков племени, приказал отвести пленников в святилище, расположенное на другом конце «па», на площадке, заканчивающейся обрывом.

Это святилище представляло собой хижину, примыкавшую к краю скалы в сто футов вышины. В этом священной доме туземные жрецы — *арики* — обучали новозеландцев религии. В этой просторной, со всех сторон закрытой хижине хранилась изысканная,

священная пища, которую в лице своих жрецов поглощал бог Мауи-Ранга-Ранги.

Здесь, почувствовав себя временно в безопасности от ярости туземцев, пленники растянулись на циновках из формиума. Леди Элен, обессиленная и измученная, склонилась на грудь к мужу. Гленарван крепко обнял ее.

— Мужайся, дорогая Элен, — повторял он.

Как только за пленниками заперли дверь, Роберт, взобравшись на плечи к Вильсону, умудрился просунуть голову в щель между крышей и стеной, на которой развешаны были амулеты.

Отсюда ему видно было все как на ладони до самого дворца Кай-Куму.

— Они собрались вокруг вождя, — прошептал мальчик. — Они машут руками... завывают... Кай-Куму хочет говорить...

Роберт молчал несколько минут, а затем продолжал:

— Кай-Куму что-то говорит... Дикари успокаиваются... Они слушают его...

— Очевидно, вождь, покровительствуя нам, преследует какую-то личную цель, — заметил майор. — Он хочет обменять нас на вождей своего племени. Но согласятся ли его воины на такой обмен?

— Да, — снова раздался голос мальчика, — они повинуются... расходятся... Одни входят в свои хижины... другие покидают крепость...

— Это действительно так? — воскликнул майор.

— Да, мистер Мак-Наббс, — ответил Роберт, — около Кай-Кума остались только воины, бывшие в его пироге... А! Один из них идет к нам...

— Слезай, Роберт! — приказал Гленарван.

В эту минуту Элен, выпрямившись, схватила мужа за руку.

— Эдуард, — сказала она твердым голосом, — ни я, ни Мери Грант не должны живыми попасть в руки дикарей!

И, говоря это, она протянула Гленарвану заряженный револьвер. Глаза Гленарвана сверкнули радостью.

— Оружие! — воскликнул он.

— Да! Маорийцы не обыскивают своих пленниц. Но это оружие, Эдуард, не для них, а для нас.

— Спрячьте револьвер, Гленарван, — поспешно сказал Мак-Наббс. — Еще не время.

Револьвер исчез под одеждой Эдуарда.

Цыновка, которой был завешен вход в хижину, поднялась. Вошел какой-то туземец. Он знаком предложил пленникам следовать за ним.

Гленарван и его товарищи, держась один возле другого, прошли через площадь и остановились перед Кай-Куму.

Вождя окружали наиболее видные воины его племени. Среди них виднелся маорец, чья пирога присоединилась к пироге Кай-Куму при впадении Похайвены в Уaikато. Это был человек лет сорока, мощного сложения, с угрюмым, свирепым лицом. Его имя было Кара-Тете, что на новозеландском языке значит «вспыльчивый». По изяществу его татуировки видно было, что он занимает высокое положение среди своего племени, и сам Кай-Куму выказывал ему известное почтение. Однако наблюдательный человек понял бы, что между этими двумя вождями существует соперничество. От внимания майора не ускользнуло, что влияние, которым пользовался Кара-Тете, возбуждало недобрые чувства в Кай-Куму. Оба стояли во главе крупных племен, населявших берега Уaikато, и оба обладали равной властью. И хотя Кай-Куму улыбался во время этого разговора, глаза его выражали глубокую неприязнь.

Кай-Куму начал допрашивать Гленарвана.

— Ты англичанин? — спросил он.

— Да, — не колеблясь ответил тот, понимая, что эта национальность облегчит обмен.

— А твои спутники? — продолжал Кай-Куму.

— Мои спутники такие же англичане, как и я. Мы — путешественники, потерпевшие кораблекрушение. И если тебе интересно знать, то прибавлю, что никто из нас не принимал участие в войне.

— Это неважно! — грубо заметил Кара-Тете. — Все англичане — наши враги. Твои земляки захватили наш остров! Они сожгли наши селения!

— Они неправы, — сказал серьезно Гленарван. — Я говорю тебе это не потому, что я в твоей власти, а потому, что таково мое мнение.

— Слушай, — продолжал Кай-Куму, — Тогонга, верховный жрец нашего бога Нуи-Атуа, попал в руки твоих братьев — он пленник пакекас¹. Наш бог велит нам выкупить его. Я хотел бы вырвать твое сердце, хотел бы, чтобы твоя голова и головы твоих товарищей навеки повисли на столбах этой изгороди... но Нуи-Атуа изрек свое слово!

И говоря это, Кай-Куму, до сих пор прекрасно владевший собой, задрожал от гнева, и лицо его перекошилось от ярости. Но через несколько минут, овладев собой, он снова заговорил:

— Как ты думаешь, согласишься ли англичане обменять на тебя нашего Тогонга?

Гленарван не сразу ответил, а молча, внимательно вглядывался в маорийского вождя.

— Не знаю, — проговорил он, наконец.

— Отвечай, — продолжал Кай-Куму, — стоит ли твоя жизнь жизни нашего Тогонга?

— Нет, — ответил Гленарван. — Я не вождь и не священнослужитель среди своих.

Паганель, пораженный этим ответом, изумленно глядел на Гленарвана.

Кай-Куму, казалось, был тоже удивлен.

— Итак, ты сомневаешься? — спросил он.

— Я не знаю, — повторил Гленарван.

— Значит, твой не согласится обменять тебя на нашего Тогонга.

— На одного меня — нет, а на всех — быть может.

— У нас, маорийцев, принято менять голову на голову.

— В таком случае, начни с того, что предложи обменять своего жреца на этих двух женщин, — предложил Гленарван, указывая на леди Элен и Мери Грант.

Элен рванулась к мужу, но майор удержал ее.

— Эти две женщины, — продолжал Гленарван, почтительно склоняясь перед Элен и Мери Грант, — занимают высокое положение в своей стране.

¹ Пакекас — европейцы.

Вождь холодно посмотрел на своего пленника. Злая усмешка промелькнула на его губах, но он тут же подавил ее и ответил, еле сдерживаясь:

— Неужели ты надеешься обмануть Кай-Куму словами, проклятый европеец? Ты думаешь, что Кай-Куму не умеет читать в человеческих сердцах? — Вождь указал на Элен: — Вот твоя жена!

— Нет, моя! — вскричал Кара-Тете и, оттолкнув прочих пленников, положил руку на плечо побледневшей леди Элен.

— Эдуард! — крикнула несчастная женщина, обезумев от ужаса.

Гленарван молча поднял руку. Грянул выстрел. Кара-Тете пал мертвым.

При звуке выстрела множество туземцев высыпали из хижин и мгновенно заполнили площадь. Сотни рук угрожающе протянулись к несчастным пленникам. Револьвер вырвали из рук Гленарвана. Кай-Куму бросил на него странный взгляд. Затем, прикрыв одной рукой убийцу, он поднял другую, сдерживая толпу, готовую ринуться на «проклятых пакекас».

И, покрывая шум толпы, он громовым голосом крикнул:

— Табу! Табу!

При этих словах толпа дикарей разом замерла перед Гленарваном и его товарищами, словно их поразила какая-то сверхъестественная сила.

Через несколько минут пленников отвели в служившее им тюрьмой святилище. Но ни Роберта, ни Жака Паганеля с ними не было.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Похороны маорийского вождя

Кай-Куму, как это нередко бывает в Новой Зеландии, одновременно был и вождем своего племени и его ариком, то есть жрецом, и имел право в качестве жреца налагать табу — запрет на людей и вещи.

Табу — в обычае у всех народов Полинезии, прежде всего это запрет прикасаться к определенным лицам или предметам. Религия маорийцев учит, что всякого, поднявшего святотатственную руку на кого-нибудь или на что-нибудь, отмеченным табу, то есть на то, что объявлено священным, разгневанное божество карает смертью. Причем, если божество отомстило за нанесенную ему обиду не сразу, то жрец сделает это за него.

Вожди налагают табу иногда из политических соображений, но чаще табу обусловлено событиями личной, повседневной жизни. На туземца налагают табу во многих случаях на несколько дней: когда он стрижет себе волосы, когда только что подвергся татуировке, когда сколачивает себе пирог или строит дом, когда смертельно болен и, наконец, когда он скончался. Если неумеренное вылавливание рыбы грозит опустошить реку, если туземцы начинают есть недоспелые сладкие пататы, что грозит опустошить плантации, то на рыбу и на пататы накладывается оберегающее их табу. Если вождь пожелает избавиться от назойливых гостей, то он накладывает на свой дом табу, если вождь пожелает монополизировать деловые сношения с каким-нибудь иноземным судном, то он наложит на него табу. Прибегает он к этому средству и по отношению к европейскому купцу, которого хочет лишить покупателей. Табу вождя напоминает бывшее вето королей.

Если предмет объявлен неприкосновенным, то никто не может безнаказанно тронуть его. Когда табу налагается на туземца, то он в течение определенного времени не имеет права прикасаться к пище известного рода. Если это человек богатый, то его рабы кладут ему в рот те кушанья, к которым он не смеет прикоснуться сам. Если же это бедняк, то он вынужден подбирать пищу ртом, и этот запрет превращает его в какое-то животное.

Словом, этот своеобразный обычай направляет и видоизменяет мельчайшие поступки новозеландцев. Табу обладает силой закона, больше того, можно сказать, что все туземное законодательство, неоспоримое

и не подлежащее обсуждению, заключается в частом применении табу.

Что же касается табу, наложенного на наших пленников, то оно было произвольным и имело целью спасти их от ярости, охватившей племя. Лишь только Кай-Куму произнес это магическое слово, как тотчас же его друзья и приверженцы остановились и прикрыли собой пленников от ярости туземцев, а затем стали охранять их.

Однако Гленарван не заблуждался относительно ожидавшей его участи. Он понимал, что поплатится жизнью за убийство вождя. Но у дикарей смерть осужденного — это лишь конец долгих пыток, поэтому Гленарван приготовился жестоко искупить то законное негодование, которое побудило его убить Кара-Тете, но он все же надеялся, что гнев Кай-Куму обрушится лишь на него одного.

Какую ужасную ночь провели Гленарван и его спутники! Кто в силах описать их тоску, измерить их муки! Бедняжка Роберт! Мужественный Паганель! Они так и не появились. Их участь не внушала сомнений! Они были первыми жертвами мстительных туземцев. Всякая надежда на их спасение исчезла даже у Мак-Наббса, всегда такого уравновешенного. А Джон Манглс, видя мрачное отчаяние Мери Грант, разлученной с братом, чувствовал себя близким к безумию. Гленарван думал об ужасной просьбе Элен, о ее желании умереть от его руки во избежание пыток или рабства. И он спрашивал себя, хватит ли у него сил исполнить эту страшную просьбу.

«А Мери — какое право я имею убить ее?» — в отчаянии думал Джон Манглс.

О побеге нечего было и помышлять: десять вооруженных с головы до ног воинов стерегли двери храма.

Наступило утро 13 февраля. Туземцы не входили ни в какое общение с пленниками, на которых наложили табу. В храме имелось некоторое количество съестных припасов, но несчастные едва к ним прикоснулись. Скорбь подавляла голод. День прошел, не принеся ни перемены, ни надежды. Очевидно, час

погребения убитого вождя и час казни убийцы должны были пробить одновременно.

Гленарван подумал, что Кай-Куму оставил мысль об обмене пленников, но у Мак-Наббса еще теплилась слабая надежда.

— Как знать, не чувствует ли в глубине души Кай-Куму, что вы оказали ему услугу?

Но, что бы ни говорил ему Мак-Наббс, Гленарван не обольщал себя никакими надеждами. Прошло и 14 февраля, а приготовлений к казни в этот день тоже не было сделано. Причина задержки заключалась в следующем.

Маорийцы веруют, что в течение трех дней душа умершего пребывает в его теле, и поэтому покойника хоронят только по истечении трех суток. Этот обычай, заставлявший откладывать погребение, соблюдается очень строго.

До 15 февраля «па» была совершенно пустынна. Джон Манглс, взобравшись на плечи Вильсона, часто вглядывался в наружные укрепления. Туземцы не показывались. Сменялись лишь часовые, бдительно охранявшие двери храма.

Но на третий день двери хижины распахнулись. Несколько сот маорийцев — мужчин, женщин, детей — высыпали на площадь «па», все были спокойны и безмолвны.

Кай-Куму вышел из своего жилища и, окруженный главными вождями племени, поднялся на земляную насыпь в несколько футов вышины, находившуюся посредине крепости. Толпа туземцев стала полукругом в нескольких саженьях позади. Все продолжали хранить глубокое молчание.

По знаку Кай-Куму один из воинов направился к храму.

— Помни, — сказала Элен мужу.

Гленарван молча прижал ее к сердцу. В эту минуту Мери Грант подошла к Джону Манглсу.

— Лорд и леди Гленарван полагают, — сказала она, — что если муж может убить жену, чтобы избавить ее от позора, то жених имеет право убить свою невесту. Джон, в эту последнюю минуту разве я не

смею сказать, что в душе вы уже давно называете меня своей невестой, не правда ли? Могу я так же надеяться на вас, дорогой Джон, как надеется леди Элен на мужа?

— Мери! — воскликнул в смятении молодой капитан. — Мери! Дорогая!

Он не успел договорить: цыновку приподняли и пленников повели к Кай-Куму. Женщины примирились со своей участью. Мужчины скрывали душевные муки под наружным спокойствием, говорившим о сверхчеловеческой силе воли.

Пленников подвели к новозеландскому вождю. Приговор того был короток.

— Ты убил Кара-Тете? — спросил он Гленарвана.

— Убил, — ответил лорд.

— Завтра на рассвете ты умрешь.

— Один? — спросил Гленарван, сердце его заби-лось.

— Ах, если б жизнь нашего Тогонга не была бы ценнее, чем ваша! — со свирепым сожалением воскликнул Кай-Куму.

В эту минуту среди туземцев произошло какое-то движение. Гленарван быстро оглянулся. Толпа расступилась, и появился воин, весь в поту, изнемогавший от усталости. Лишь только Кай-Куму завидел его, как он тотчас же обратился к нему по-английски, очевидно желая быть понятым пленниками:

— Ты пришел из стана пакекас?

— Да, — ответил маориец.

— Ты видел пленника — нашего Тогонга?

— Видел.

— Он жив?

— Он умер. Англичане расстреляли его.

Участь Гленарвана и его спутников была решена.

— Все вы умрете завтра на рассвете! — воскликнул Кай-Куму.

Итак, одинаковая кара обрушилась на всех пленников.

Их не отвели обратно в храм, ибо они должны были присутствовать при погребении вождя и при всех кровавых обрядах, сопровождавших это погребение.

Отряд туземцев отвел их на несколько шагов в сторону, к подножию огромного дерева — куди. Там стояли они, окруженные стражей, не спускавшей с них глаз. Остальные маорийцы, погруженные в печаль по поводу гибели своего вождя, казалось, забыли о них.

Прошло трое, установленных обычаем, суток. Итак, теперь душа покойного окончательно покинула его бренное тело. Начался обряд погребения. Принесли тело вождя и положили его на небольшой могильный холм посреди крепости. Покойник облачен был в роскошные одежды и покрыт великолепной цыновкой из формиума. Его голову венчал венок из зеленых листьев, украшенный перьями. Лицо, руки, грудь покойника, смазанные растительным маслом, не обнаруживали никаких признаков тления.

Родственники и друзья Кара-Тете подошли к могильной насыпи, на которой лежал покойник, и вдруг, словно повинаясь палочке капельмейстера, дирижирующего похоронным гимном, воздух огласился рыданиями, стонами. Заунывен и тяжек был ритм этих надгробных стенаний. Друзья покойного били себя по голове, а родственницы яростно раздирали ногтями лица, проливая больше крови, чем слез. Эти несчастные женщины добросовестно выполняли дикий обряд. Но, видимо, подобных проявлений скорби было недостаточно для умиротворения души умершего, и воины, желая отвести гнев вождя от его соплеменников и предоставить ему на том свете все те блага, которыми он пользовался на земле, полагали, что спутница жизни Кара-Тете не должна покинуть умершего. Несчастливая женщина и сама не согласилась бы пережить мужа. Таков был обычай, таков был закон, и история Новой Зеландии насчитывает немало примеров подобных жертв.

Появилась вдова Кара-Тете. Она была еще молода. Растрепанные волосы в беспорядке падали ей на плечи, она рыдала и голосила. Среди воплей слышались порой слова, в которых она прославляла добродетели умершего супруга и горестно жалела о нем.

Вдруг, охваченная безудержным порывом горя, она гростерлась у подножия насыпи и начала биться головой о землю.

В эту минуту к ней подошел Кай-Куму. Злополучная жертва поднялась, но вождь могучим ударом дубины повалил ее обратно на землю, и она, как пораженная громом, упала мертвая.

Тотчас раздались дикие крики. Сотни рук угрожающе протянулись к пленникам, потрясенным этим страшным зрелищем. Но никто не тронулся с места, ибо похоронный обряд еще не был закончен.

Жена Кара-Тете снова соединилась с мужем. Их тела лежали теперь рядом. Но для загробной жизни усопшему было мало верной супруги. Кто станет прислуживать им у Нуи-Атуа, если за ними не последуют в тот мир их рабы?

Шесть несчастных были приведены к трупам своих властелинов. Это были слуги, ставшие рабами в силу беспощадных законов войны. Пока жив был Кара-Тете, они испытывали самые жестокие лишения, страдали от грубого обращения, недоедали, работали наравне с животными, а ныне, согласно верованиям маорийцев, они обречены были влечить такое же жалкое существование в загробной жизни.

Эти несчастные, казалось, безропотно примирились со своей участью. Она их не удивляла: они давно предвидели ее. Их руки не были связаны, что свидетельствовало о том, что обреченные примут смерть не сопротивляясь.

Впрочем, их смерть была легкой: их избавили от длительных мучений. Попытки предназначались виновникам гибели вождя. Те, стоя в двадцати шагах, старались не смотреть на отвратительное зрелище; ему предстояло сделаться еще ужаснее.

Шесть ударов дубинами, нанесенные шестью сильными воинами, покончили с жертвами, которые расprostерлись на земле, среди лужи крови. Это послужило сигналом к жуткой сцене людоедства.

На тела убитых рабов не распространяется табу, охраняющее тело их властелина. Тела рабов — достояние племени. Это мелкие подачки, брошенные похо-

ронным плакальщикам. И едва жертвоприношение было закончено, как вся масса туземцев — вожди, воины, старики, женщины, дети — без различия пола и возраста, охваченные животной яростью, набросились на бездыханные останки жертв... И в мгновение ока тела рабов, еще теплые, были растерзаны, разорваны, раскромсаны, даже не на куски, а на клочья. Из двухсот присутствовавших на погребении маорийцев каждый получил свою долю человеческого мяса. Они боролись, дрались и спорили из-за каждого куска. Капли дымящейся крови покрывали чудовищ-гостей, и вся эта отвратительная орда, обливаясь кровавыми брызгами, урчала. Это было исступление, бред разъяренных тигров. Казалось, то был цирк, где укротители пожирали диких животных. Затем в двадцати различных местах вспыхнули костры. Запах горелого мяса отравил воздух, и если бы не оглушительный шум пиршества, если бы не крики этих обжор, до отвала наевшихся, то пленникам было бы слышно, как на зубах этих людоедов трещали кости их жертв.

Гленарван и его спутники, задыхаясь от отвращения, пытались скрыть от женщин эту гнусную сцену. Они понимали, какие муки ждут их завтра при восходе солнца и какие жестокие пытки придется им испытать перед смертью. Они онемели от ужаса и отвращения.

Вслед за пиршеством начались похоронные танцы. Появилась крепчайшая наливка, настоянная на стручковом перце, которая еще сильнее опьянила и так уже пьяных от крови дикарей, и в них не осталось ничего человеческого. Казалось, — мгновение, и они забудут о табу и набросятся на приведенных в ужас их исступлением пленников.

Но среди общего опьянения Кай-Куму сохранял выдержку. Он позволил кровавой оргии дойти до кульминационной точки, а затем прекратил, и обряд погребения был закончен в установленном порядке. Трупы Кара-Тете и его супруги подняли и согласно новозеландскому обычаю усадили так, что колени были подобраны к животу, и скрестили им руки. Пришло время предать трупы земле, но погребение не

было еще окончательным, истлеть должно было лишь тело, а кости сохраниться.

Удупа, то есть место для могилы, выбрали вне крепости, милях в двух от нее, на вершине небольшой горы Маунганаму, поднимавшейся на правом берегу озера.

Именно туда должны были быть перенесены тела вождя и его супруги. К земляной насыпи, где находились тела, принесли два первобытных паланкина, или, проще говоря, носилки. На них посадили оба трупа, укрепив на них одежду лианами. Четыре воина подняли носилки на плечи и двинулись к месту последнего упокоения в сопровождении всего племени, снова затянувшего траурный гимн.

Пленники, продолжавшие находиться под бдительным надзором стражи, видели, как похоронная процессия вышла за пределы первой ограды, затем пение и крики мало-помалу затихли в отдалении.

С полчаса мрачное шествие, двигавшееся в глубине долины, не было видно пленникам, затем оно снова показалось, извиваясь вдоль горных тропинок. На столь большом расстоянии волнообразное движение этой длинной колонны людей казалось каким-то призрачным.

Процессия остановилась на высоте восьмисот футов, на вершине Маунганаму, как раз у того места, где была вырыта могила для погребения Кара-Тете.

Если бы хоронили простого маорийца, то его опустили бы в яму и засыпали камнями. Но для могущественного, грозного вождя, которому без сомнения в недалеком будущем предстояло быть возведенным в сан божества, племя приготовило могилу, достойную его подвигов на земле.

Удупа окружал частокол, а возле самой ямы, где должны были покоиться тела вождя и его супруги, расставлены были заостренные кверху колья, украшенные резными, красными от охры фигурами. Родственники усопших не забыли, что Вайдуа — дух умершего — нуждается в пище так же, как и брренное тело, живя на земле. Поэтому возле могилы вместе

с оружием и одеждой покойного были положены всевозможные съестные припасы.

Таким образом, полный комфорт окружал мертвого вождя. Оба супруга покоились рядом, и после новых воплей их засыпали землей и цветами. Затем процессия в глубоком молчании спустилась с горы. Отныне никто, под страхом смертной казни, не смел взойти на Маунганаму, на гору наложено было табу, как некогда на гору Тонгариро, на вершине которой покоятся останки вождя, погибшего в 1846 году во время землетрясения.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Последние часы

В тот момент, когда солнце скрылось за вершины гор, по ту сторону озера Таупо, пленников отвели обратно в тюрьму. Несчастливым предстояло выйти из нее лишь тогда, когда вершины горной цепи Вахити-Рэндж окрасятся первыми лучами солнца.

Это была их последняя ночь перед смертью. Несмотря на изнеможение, несмотря на переживаемый ими ужас, они сели вместе ужинать.

— Нам нужны все наши силы, чтобы смело смотреть смерти в лицо, — проговорил Гленарван. — Надо показать этим дикарям, как умеют умирать европейцы.

Закончив ужин, леди Элен вслух произнесла молитву. Все спутники, обнажив головы, присоединились к ней.

Есть ли человек, который перед смертью не вспомнит бога! Помолившись, пленники обнялись.

Мери Грант и леди Элен, отойдя в уголок хижины, улеглись там на циновке. Благодетельный сон, во время которого забывается всякое горе, смежил им глаза. Сломленные усталостью и бессонными ночами, несчастные женщины заснули, прижавшись друг к другу.

Гленарван отвел друзей в сторону и сказал:

— Дорогие товарищи, если завтра нам суждено

будет умереть, то я уверен, что мы умрем мужественно, сознавая, что стремились к благородной цели. Но дело в том, что здесь нас ждет не только смерть, но и пытки, быть может, бесчестие, и эти две женщины...

Здесь голос Гленарвана дрогнул. Он умолк, желая справиться со своим волнением.

— Джон, — обратился он через минуту к молодому капитану, — вы обещали Мери то же, что я обещал Элен. Как же вы решили поступить?

— Мне кажется, что я имею право выполнить это обещание, — ответил Джон Манглс.

— Да, Джон, но ведь у нас нет оружия.

— Вот оно, — сказал молодой капитан, показывая кинжал, — я вырвал его из рук Кара-Тете, когда этот дикарь свалился у ваших ног. И пусть, сэр, тот из нас, кто переживет другого, выполнит желание вашей жены и Мери Грант.

После этих слов воцарилось глубокое молчание. Его нарушил майор.

— Друзья мои, — сказал он, — не прибегайте к этой крайней мере до самой последней минуты. Я не сторонник неоправимых поступков.

— Говоря это, я имел в виду не нас, мужчин, — ответил Гленарван. — Какая бы смерть ни ждала нас, мы сумеем без страха встретить ее. Ах, если бы мы были одни, то я уже двадцать раз крикнул бы вам: «Друзья, попытаемся прорваться силой! Нападем на этих негодяев!» Но жена моя, но Мери...

Джон Манглс приподнял цыновку и начал считать маорийцев, стороживших дверь храма. Их было двадцать пять. На площади пылал большой костер, бросавший зловещие отблески на хижины, на изгороди «па». Некоторые дикари лежали вокруг костра, иные стояли неподвижно, вырисовываясь резкими черными силуэтами на фоне яркого пламени. Но все они то и дело глядели на хижину, наблюдать за которой им было поручено.

Говорят, что у пленника, задумавшего бежать, больше шансов на успех, чем у тюремщика, который стережет его. Тюремщик может забыть, что стережет, — узник никогда не может забыть, что его

стерегут. Узник чаще думает о побеге, чем его страж о том, как помешать побегу. Отсюда частые и поразительные побеги.

Но тут узников стерег не равнодушный тюремщик — их стерегла ненависть, жажда мести. Если пленников не связали, то лишь потому, что здесь это было бы лишним, ибо двадцать пять человек сторожили единственный выход из храма.

Эта постройка, примыкавшая к скале, завершавшей крепость, была доступна лишь со стороны входа. Отсюда узкая полоса земли вела на площадь «па». Две боковые стены хижины поднимались над отвесными скалами, под которыми зияла пропасть футов в сто глубиной. Спуститься по склону пропасти было невозможно. Немыслимо также было бежать через заднюю стену, упиравшуюся в огромную отвесную скалу. Единственным выходом была дверь храма, открывавшаяся на узкую полосу земли, которая соединяла его с площадью «па», подобно подъемному мосту. Но тут на страже стояли маорийцы. Итак, бегство было невозможно, и Гленарван, который чуть не двадцать раз обследовал стены своей тюрьмы, принужден был признать это.

А между тем мучительные часы этой ночи бежали один за другим. Горы окутал непроницаемый мрак. На небе не видно было ни луны, ни звезд. Порой порывы ветра сотрясали сваи святилища. На мгновение они раздували костер маорийцев, и отблески пламени озаряли мимолетным светом внутренность храма и сидевших в нем узников. Несчастные были погружены в свои предсмертные думы. Мертвая тишина царила в хижине.

Около четырех часов утра внимание майора привлек какой-то шорох, доносившийся как будто от задней стены, упиравшейся в скалу.

Сначала Мак-Наббс не придал этому шороху никакого значения, но так как он не прекращался, то майор начал прислушиваться, а затем, заинтересовавшись, принял ухом к земле. Ему показалось, будто кто-то за стеной скребет, роет землю.

Удостоверившись, что слух не обманывает его, он

тихо подошел к Гленарвану и Джону Манглсу и отвлек их от мучительных дум, прошептав:

— Прислушайтесь, — и знаком показал, что надо нагнуться.

Что кто-то роет землю, теперь было слышно все явственнее. Вот под нажимом какого-то острого орудия заскрипели и скатились вниз камешки.

— Какой-нибудь зверь роет нору, — сказал Джон Манглс.

Гленарван вдруг ударил себя по лбу.

— Как знать! — сказал он. — А вдруг это человек!

— А вот мы сейчас выясним, человек это или животное, — отозвался майор.

К ним подошли Вильсон и Олбинет, и вчетвером они принялись подкапываться под стену: Джон Манглс копал кинжалом, остальные — вырванными из земли камнями или просто руками. Мюльреди, растянувшись на полу и приподняв циновку, наблюдал за группой туземцев.

Дикари неподвижно сидели вокруг костра, не подозревая о том, что происходит в каких-нибудь двадцати шагах от них.

Земля, которую пленники копали, была рыхлая, легко крошилась, под ней залег кремнистый туф, и потому, несмотря на отсутствие инструментов, подкоп быстро углублялся. Вскоре стало очевидным, что какой-то человек, быть может, несколько человек, роет подкоп в хижину. С какой целью? Знали ли они о том, что здесь находятся пленники, или тут был с их стороны какой-то личный интерес?

Пленники удвоили усилия. Кровь сочилась из их пальцев, но они все рыли и рыли. Через полчаса они вырыли яму в полсажени глубиной. Шорох с той стороны доносился все отчетливей: ясно было, что работающих отделял друг от друга лишь тонкий слой земли. Так прошло еще несколько минут, как вдруг майор отдернул руку, пораненную каким-то острым орудием. Он едва удержал крик. Джон Манглс отклонил лезвием кинжала нож, показавшийся из земли, и схватил руку, которая его держала. То была рука женщины или ребенка, рука европейца!

Ни с той, ни с другой стороны не было произнесено ни слова. Очевидно, обе стороны были заинтересованы в том, чтобы молчать.

— Уж не Роберт ли это? — прошептал Гленарван.

Как ни тихо произнес он это имя, но Мери Грант, разбуженная происходившим вокруг нее движением, проскользнула к Гленарвану и, схватив эту перепачканную землей руку, осыпала ее поцелуями.

— Ты! Ты! — шептала девушка. Как могла она не узнать этой детской руки! — Ты, мой Роберт!

— Да, сестричка, это я, — слышался голос Роберта. — Я пришел всех вас спасти. Но только тише!

— Храбрый мальчик!.. — повторял Гленарван.

— Следите за дикарями у входа, — снова донесся голос юного Гранта.

Мюльреди, который оставил свой наблюдательный пост, привлеченный появлением мальчугана, опять гернул к своим обязанностям.

— Все в порядке, — промолвил он, — только четыре человека на страже. Остальные спят.

— Смелее, — отозвался Вильсон.

В одну минуту отверстие было расширено, и Роберт из объятий сестры перешел в объятия Элен. Вокруг пояса у него была закручена длинная веревка из формиума.

— Мальчик, мой мальчик, — шептала Элен, — как это дикари не убили тебя!

— Нет, не убили, я даже сам не понимаю, как это мне удалось во время общей суматохи ускользнуть. Я выбрался из крепости и два дня скрывался в кустарниках, а ночью бродил вблизи крепости. Мне хотелось увидеть вас. Когда все племя хоронило вождя, я осмотрел ту сторону крепости, на которой находится ваша тюрьма, и увидел, что смогу добраться до вас. Я стащил из какой-то пустой хижины вот этот нож и веревку и вскарабкался к вам, хватаясь то за пучки трав, то за ветки кустов. К счастью, в скале, на которой стоит хижина, оказалось нечто вроде грота, и, чтобы добраться до вас, мне надо было прокопать только несколько футов в рыхлой земле. И вот я с вами!

Двадцать поцелуев послужили безмолвным ответом на слова Роберта.

— Идем! — сказал он решительным тоном.

— А Паганель внизу? — спросил Гленарван.

— Господин Паганель? — удивленно переспросил Роберт.

— Да. Он ждет нас?

— Нет, сэр. Разве господин Паганель не с вами?

— Его здесь нет, Роберт, — ответила Мери Грант.

— Как! Ты не видел его? — спросил Гленарван. — Значит, вы не встретились во время суматохи? Разве вы не вместе убежали?

— Нет, сэр, — ответил мальчик, удрученный известием об исчезновении своего друга Паганеля.

— Бежим, — сказал майор. — Нельзя терять ни минуты. Где бы ни был Паганель, он не может быть в более опасном положении, чем мы. Идем!

Действительно, каждая минута была дорога. Нужно было спастись бегством. К счастью, побег не представлял больших трудностей, если не считать почти вертикального двадцатифутового спуска по выходе из грота. Дальше до самого подножия горы склон не был крутым. Оттуда пленники могли быстро добраться до тянувшихся внизу долин. Маорийцы, если заметят бегство европейцев, должны будут в погоне за ними проделать длинный путь в обход, ибо им не был известен проход, вырытый между хижинной и склоном горы.

Побег начался. Приняли все нужные меры предосторожности. Пленники один за другим пробрались через узкий проход и оказались в гроте. Джон Манглс, прежде чем покинуть святилище, уничтожил все следы подкопа и в свою очередь скользнул в отверстие, закрыв его затем циновкой, что делало проход совершенно незаметным.

Теперь предстояло спуститься по отвесной скале до самого начала откоса. Спуск был бы неосуществим, не захвати Роберт веревки из формиума. Ее размотали, один конец привязали к выступу скалы, а второй сбросили вниз. Джон Манглс, прежде чем позволить друзьям ввериться этой скрученной из волокон

формиума веревке, испробовал ее. Она показалась ему не очень крепкой. Приходилось быть осмотрительным: падение с такой высоты могло оказаться смертельным.

— Эта веревка, по-моему, может выдержать не более двух человек, — сказал он, — с этим придется считаться. Пусть первыми спускаются лорд и леди Гленарван. Когда они окажутся у подошвы скалы, то пусть три раза дернут за веревку, — это будет значить, что за ними могут спускаться остальные.

— Первым спущусь я, — сказал Роберт. — Я нашел внизу глубокую впадину, где могут спрятаться те, кто спустятся первыми.

— Ну, спускайся, дитя мое, — сказал Гленарван, пожимая руку Роберту.

Мальчик скрылся. Через минуту трехкратное подергивание веревки дало знать, что он благополучно спустился. Гленарван и Элен тотчас вышли из грота. Было темно, но вершины гор, поднимавшихся на востоке, уже начали чуть-чуть сереть.

Резкий утренний холодок подбодрил молодую женщину, и она почувствовала прилив сил. Первым начал спускаться Гленарван, за ним Элен. Оба благополучно достигли того места, где отвесная стена и вершина откоса встречались. Отсюда Гленарван, поддерживая жену, начал спускаться вниз по откосу горы. Он, нащупав пучки травы и кустики, испытывал сначала их прочность, а затем уже ставил на них ногу Элен. Над ними, щебеча, вились какие-то внезапно разбуженные птицы. Беглецы вздрагивали, когда сорвавшийся из-под ноги камень с шумом скатывался к подножию горы.

Гленарван с женой уже спустились почти до половины откоса, как вдруг из грота послышался шепот Джона Манглса:

— Стойте!..

Гленарван, уцепившись рукой за куст, другой поддерживая жену, замер на месте.

Тревогу поднял Вильсон. Услышав какие-то звуки на площади перед хижинкой, он вернулся в храм, поднял циновку и стал наблюдать за маорийцами. По его знаку Джон Манглс приостановил спуск Гленарвана. Оказалось, что какой-то воин, уловив смутный,

необычный шорох, встал и подошел к хижине. Стоя в двух шагах от нее, маориец, склонив голову набок, прислушивался. Так простоял он минуту, показавшуюся Вильсону часом. Затем, досадливо тряхнув головой, туземец вернулся к товарищам, поднял с земли охапку хвороста и подбросил ее в потухающий костер. Огонь запылал ярче и осветил лицо воина, переставшего тревожиться, и, взглянув на первые проблески зари, белевшие на горизонте, он снова улегся у костра, чтобы согреться.

— Все в порядке, — тихо сказал Вильсон, вернувшись в грот.

Джон дернул веревку, и Гленарван продолжал спуск, вскоре он и леди Элен очутились на узенькой тропинке, где их уже ждал Роберт.

Снова трижды дрогнула веревка, и Джон Манглс и Мери Грант пустились в опасный путь.

Они удачно достигли земли и вскоре встретились с Гленарванами в указанном Робертом углублении.

Через пять минут беглецы, благополучно выбравшись из храма, покинули свое временное убежище и, сторонясь заселенных берегов озера, пошли узкими тропами в самую глубь гор. Они продвигались быстро, стараясь избегать мест, где кто-либо мог их увидеть. Безмолвно, словно тени, скользили они между кустами. Куда шли они? Туда, куда глаза глядят, но они были свободны!

Около пяти часов начало светать. Высоко плывущие в небе облака окрасились под голубоватый мрамор. На вершинах гор таял утренний туман. Вот-вот должно было показаться дневное светило, и его восход, вместо того чтобы быть сигналом к казни, мог обнаружить теперь бегство осужденных.

Итак, следовало спешить, чтобы находиться вне досягаемости дикарей до наступления рокового момента. Но беглецы подвигались медленно, ибо тропинки были круты. Гленарван не вел, а, точнее, нес на руках жену. Мери Грант опиралась на руку Джона Манглса. Роберт, счастливый, торжествующий, радуясь успеху своего предприятия, шел впереди. Оба матроса замыкали шествие.

Еще полчаса — и из-за туманного горизонта должно было появиться лучезарное светило.

Эти полчаса беглецы шли наугад: с ними не было Паганеля, который всегда вел их правильным путем, Паганеля, отсутствие которого тревожило и омрачало их счастье. Но они все же шли на восток, навстречу разгоравшейся чудесной заре. Вскоре они достигли высоты пятисот футов над озером Таупо, и здесь утренний холод особенно сильно давал себя чувствовать. Перед беглецами вырисовывались неясные контуры холмов и промоздившихся над ними гор. Но Гленарван желал лишь одного — затеряться среди этих гор. «А там, когда-нибудь, — думал он, — мы выберемся из этого горного лабиринта».

Наконец, появилось солнце и озарило первыми лучами беглецов.

И вдруг раздался ужасающий вой сотен голосов. Он доносился из крепости, местонахождение которой Гленарван представлял себе смутно; к тому же густой туман скрывал простиравшиеся внизу долины.

Но беглецы поняли, — их исчезновение обнаружили. Удастся ли им ускользнуть от погони? Заметили ли их туземцы? Не выдадут ли их следы?

В эту минуту клубившийся внизу туман взвился кверху и на минуту окутал беглецов влажным облаком, и тогда они увидели в трехстах футах под собой яростную толпу туземцев. Они видели дикарей, но и те тоже заметили их. Снова раздалось завывания, лай собак; все племя, тщетно попытавшись перебраться через скалу, где стояла хижина, бросилось тогда вон из крепости и помчалось кратчайшими тропинками в погоню за узниками, избежавшими их мест.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Табу

До вершины горы оставалась еще сотня футов. Важно было до нее дойти и скрыться за ней от взоров маорийцев. Беглецы надеялись, что им удастся

по какому-нибудь проходимому горному кряжу добраться до соседних горных вершин, столь запутанных, что, пожалуй, лишь один бедный Паганель сумел бы в них разобраться.

Угрожающие вопли раздавались все ближе и ближе, беглецы ускорили шаги. Орда дикарей подбегала уже к подошве горы.

— Смелей! Смелее, друзья! — кричал Гленарван, подбадривая товарищей словом и жестом.

Менее чем в пять минут беглецы достигли вершины горы. Тут они остановились, чтобы оглядеться и решить, как сбить с толку маорийцев.

С этой высоты перед глазами беглецов, окруженное живописными горами, расстиралось озеро Таупо. На севере поднимались вершины Пиронгии, на юге — огнедышащий кратер Тонгариро, на востоке взор встречал горную цепь, примыкающую к Вахити-Рэндж, к этой большой горной цепи, звенья которой пересекают весь северный остров, от пролива Кука вплоть до Восточного мыса. Итак, предстояло спуститься по противоположному склону и углубиться в узкие ущелья, из которых, быть может, не было выхода.

Гленарван тревожно огляделся. Под лучами солнца туман рассеялся, и теперь отчетливо видны были малейшие неровности почвы. Ни одно движение дикарей не могло ускользнуть от его взора.

Туземцы были теперь менее чем в пятистах футах от беглецов, когда последние добрались до вершины.

Гленарван понимал, что нельзя было ни на минуту задерживаться. Как ни были они утомлены, надо бежать, чтобы не попасть в руки преследователей.

— Спускайтесь! — крикнул он. — Спускайтесь, а то нам перережут путь.

Но, когда несчастные женщины через силу поднялись на ноги, Мак-Наббс остановил их.

— Это бесполезно, Гленарван, — сказал он, — взгляните.

И действительно, в поведении туземцев произошло какое-то непонятное изменение. Погоня внезапно прекратилась у подножия горы, словно ее прекратило чье-то властное приказание. Дикари вдруг хлынули

вспять, словно морские волны, разбившиеся о непреодолимый утес.

Все эти жаждавшие крови дикари, столпившись у подошвы горы, вопили, жестикулировали, размахивали ружьями и топорами, но не продвигались вперед ни на шаг. Их собаки неистово лаяли, остановившись, как и дикари, словно вкопанные.

Что же произошло? Какая невидимая сила удерживала туземцев? Беглецы глядели, ничего не понимая, трепеща, как бы племя Кай-Куму не сбросило с себя столь внезапно сковавших его чар.

Вдруг у Джона Манглса вырвался крик, заставивший товарищей оглянуться. Он указывал рукой на маленькую крепость, высившуюся на самой верхушке горы.

— Могила вождя Кара-Тете! — воскликнул Роберт.

— Так ли это, Роберт? — спросил Гленарван.

— Да, сэр, это действительно его могила, я узнаю ее...

Мальчик не ошибался. Футах в пятидесяти над ними у края вершины высился свежеевыкрашенный частокол, и Гленарван узнал могилу новозеландского вождя. Счастливый случай привел беглецов на вершину Маунганаму.

Лорд Гленарван и его спутники, вскарабкавшись по последним уступам, поднялись к самой могиле вождя. Широкий вход в ограду был завешен цыновками. Гленарван хотел было войти, но вдруг быстро подался назад.

— Там дикарь, — проговорил он.

— Дикарь у этой могилы? — спросил майор.

— Да, Мак-Наббс.

— Ну что же! Войдем.

Гленарван, майор, Роберт и Джон Манглс проникли за ограду. Там находился маориец в длинном плаще из формиума. Тень от ограды мешала разглядеть черты его лица. Он сидел спокойно и невозмутимо завтракал...

Гленарван хотел уже заговорить с ним, как туземец на чистейшем английском языке любезно сказал:

— Садитесь, мой дорогой лорд! Завтрак ждет вас. То был Паганель. Услышав его голос, все бросились к милейшему географу обнимать его. Паганель нашелся! Для беглецов он олицетворял спасение. Каждому не терпелось расспросить его, каждый хотел узнать, каким образом и почему оказался он на вершине Маунганаму, но Гленарван одним словом пресек это несвоевременное любопытство.

— Дикари! — сказал он.

— Дикари! — повторил, пожимая плечами, Паганель. — Вот личности, которых я от души презираю.

— Но разве они не могут...

— Они-то! Эти болваны? Идемте, посмотрим на них.

Все последовали за Паганелем. Новозеландцы находились на том же месте, у подошвы горы, издавая ужасающие вопли.

— Кричите! Завывайте! Старайтесь, дурачье, — сказал Паганель. — Попробуйте-ка, взберитесь на эту гору!

— А почему они не могут взобраться на нее? — спросил Гленарван.

— Да потому, что на ней похоронен их вождь, потому что на эту гору наложено табу!

— Табу?

— Да, друзья мои! И потому я забрался сюда, как в одно из тех убежищ, в которых в средние века несчастные находили себе безопасный приют.

Действительно, эта гора находилась под запретом и стала недоступной для суеверных дикарей.

Это не было для беглецов окончательным спасением, но во всяком случае благодетельной передышкой, которую следовало использовать. Гленарван, охваченный невыразимым волнением, молчал, а майор с довольным видом покачивал головой.

— А теперь, друзья мои, — сказал Паганель, — если эти скоты рассчитывают взять нас измором, то они жестоко ошибутся! Не пройдет и двух дней, как мы будем вне досягаемости этих негодяев.

— Мы убежим! — сказал Гленарван. — Но как?

— Как мы убежим, не знаю, но убежим! — ответил Паганель.

Тут все начали просить географа рассказать о его приключениях. Но как это ни странно, на этот раз словоохотливый ученый был очень скуп на слова. Он, такой любитель рассказывать, отвечал теперь друзьям неясно и уклончиво.

«Подменили моего Паганеля», — подумал Мак-Наббс.

В самом деле, в почтенном ученом произошла какая-то перемена: он усердно кутался в свою огромную шаль из формиума и словно избегал любопытных взглядов. Ни от кого не ускользнуло, что когда речь заходила о нем самом, то Паганель смущался, и все, из деликатности, делали вид, что не замечают этого. Впрочем, когда разговор не касался его личности, то к нему опять возвращалась его обычная жизнерадостность.

Что же касается его приключений, то вот что он нашел возможным рассказать товарищам, усевшимся вокруг него у ограды.

После убийства Кара-Тете Паганель, как и Роберт, воспользовался суматохой и ускользнул из «па». Но ему не так повезло, как юному Гранту, он угодил в другое становище маорийцев. Вождем этого племени был человек высокого роста, с умным лицом, более развитой, чем его воины. Он правильно говорил по-английски и приветствовал географа, потершись носом о его нос.

Вначале Паганель не знал, пленник он или нет, но вскоре, заметив, что вождь любезно, но все же неотступно следует за ним, понял, как обстоит дело.

Вождь этот, по имени Хихи, что значит «луч солнца», отнюдь не был злым человеком. Видимо, очки и подозрная труба географа ставили на недосягаемую высоту Паганеля, и Хихи решил привязать его к себе — не только хорошим обращением, но и крепкими веревками из формиума, особенно на ночь.

Так длилось трое долгих суток. На вопрос, хорошо или плохо обращались с ним в этот промежуток вре-

мени, географ ответил: «И да и нет», не вдаваясь в дальнейшие подробности. Словом, он был пленником, и его положение было не лучше положения его несчастных друзей, разница была лишь в том, что ему не грозила немедленная казнь.

К счастью, однажды ночью он умудрился перегрызть свои веревки и убежать. Он видел издали, как происходило погребение Кара-Тете на вершине Маунганаму, и знал, что тем самым на эту гору налагался запрет. Не желая покидать края, где находились в плену его друзья, Паганель решил искать убежища на запретной горе. Ему удалось выполнить этот опасный замысел. В прошлую ночь он добрался до могилы Кара-Тете и здесь, «восстанавливая свои силы», ждал, не освободит ли какой-нибудь счастливый случай его друзей.

Таков был рассказ Паганеля. Быть может, он намеренно умолчал о каких-нибудь обстоятельствах своего пребывания у туземцев? Смущение географа не раз наводило слушателей на такое предположение. Но как бы то ни было, все единодушно поздравили его с чудесным избавлением.

Покончив с прошлым, занялись настоящим. Положение беглецов продолжало оставаться чрезвычайно опасным. Туземцы, не решаясь взобраться на вершину Маунганаму, рассчитывали уморить пленников голодом и жаждой. Вопрос был только во времени, а дикари умеют ждать.

Гленарван не скрывал от себя опасности положения, но решил выжидать какого-нибудь удобного случая либо создать его. Прежде всего следовало тщательно осмотреть гору Маунганаму, свою импровизированную крепость: не для того, чтобы защищать ее — ведь приступа бояться было нечего, но для того, чтобы из нее выбраться. Поэтому Гленарван вместе с майором, Джоном Манглсом, Робертом и Паганелем тщательно обследовали гору: все ее тропинки, их направление, все склоны горы. Горный хребет длинной в милю, соединявший Маунганаму с горной цепью Вахити, полого спускался к равнине. Его узкое и причудливо-извилистое ребро представляло собой един-

ственно доступную дорогу в случае бегства. Если беглецам под прикрытием ночной темноты удастся пробраться этим путем незамеченными, то, возможно, что они ускользнут от маорийских воинов и достигнут глубоких долин гор Вахити.

Но эта дорога была небезопасна. В нижней части она была доступна ружейным выстрелам, а под перекрестным огнем стерегущих внизу дикарей никто не мог пробраться безнаказанно.

Когда Гленарван и его друзья отважились ступить на опасный участок хребта, то воины встретили их градом пуль, но ни одна не попала в цель. Ветер донес до них несколько пыжей, которые были сделаны из какой-то печатной бумаги. Паганель из любопытства подобрал их и, расправив бумагу, с трудом разобрал, что на ней было напечатано.

— Каково! — воскликнул он. — Знаете, друзья мои, чем эти негодяи набивают ружья?

— Нет, Паганель, — ответил Гленарван.

— Страницами, вырванными из библии! Признаться, жаль мне миссионеров, просвещающих этих маорийцев. Нелегко им будет создать маорийские библиотеки.

— А каким текстом из библии дикари забили пыжи и стреляли в нас? — спросил Гленарван.

— Текстом, который говорит, что мы должны уповать на бога, — ответил Джон.

— Прочти нам вслух, Джон, — сказал лорд Гленарван.

И Джон прочел вслух текст, который пощадил порохов.

— Псалом девяностый: «Ибо уповающий на мя — спасется».

— Друзья мои, — сказал Гленарван, — отнесем эти слова надежды нашим мужественным спутникам, они вселят бодрость в их сердца!

Гленарван и его спутники поднялись на вершину горы по крутым тропинкам, чтобы обследовать могилу вождя. Взираясь, они с удивлением почувствовали, что земля под их ногами время от времени вздрагивала, словно стенки котла, в котором кипит

вода. Очевидно, в недрах горы скопилось большое количество паров, образовавшихся под действием подземного огня.

Это своеобразное явление не могло удивить людей, недавно проплывших между гейзерами Уаикато. Они знали, что центральная область И-ка-на-мауи подвержена землетрясениям. Это настоящее сито, сквозь скважины которого выбиваются наружу горячие ключи и серные пары.

Паганель, уже ранее наблюдавший гору Маунганаму, обратил внимание спутников на ее вулканическую природу. По мнению географа, Маунганаму была одной из тех многочисленных конусообразных гор центральной части острова, которым рано или поздно суждено превратиться в вулкан. Достаточно незначительного механического воздействия, чтобы в этой почве из беловатого кремнистого туфа образовался кратер.

— Что же, — заметил Гленарван, — здесь мы не в большей опасности, чем над паровым котлом «Дункана». Земная кора по крепости не уступит листовому железу.

— Согласен, — ответил майор, — но даже самый лучший паровой котел от долгого употребления в конце концов лопается.

— Но я не стремлюсь оставаться на всю жизнь на этой горе, Мак-Наббс! — возразил Паганель. — Укажите мне безопасный путь, и я тотчас покину ее.

— Ах, почему Маунганаму не может сама нести нас, раз в ее недрах скрыта такая колоссальная механическая сила! — воскликнул Джон Манглс. — Под нашими ногами таятся, быть может, миллионы лошадиных сил, пропадающих неиспользованными. «Дункану» хватило бы тысячной доли их, чтобы увезти нас на край света!

Напоминание о «Дункане» навело на Гленарвана грустные мысли, ибо, как ни было тяжело его собственное положение, он нередко забывал о нем, горюя об участи своей команды.

Добравшись до вершины Маунганаму, где находились остальные спутники, Гленарван все еще погружен

был в печальные думы. Леди Элен, завидев мужа, сейчас же пошла ему навстречу.

— Дорогой Эдуард, — сказала она, — выяснили ли вы наше положение? Надеяться нам на спасение или нет?

— Будем надеяться, дорогая Элен, — ответил Гленарван. — Дикари никогда не переступят запретной зоны, и у нас будет достаточно времени обдумать план бегства.

— А теперь — в могилу! — весело воскликнул Паганель. — Она наша крепость, наш замок, наша столовая, наш рабочий кабинет. В ней нас никто не потревожит. Миссис Элен и мисс Грант, разрешите оказать вам гостеприимство в моей прелестной обители.

Все пошли вслед за милейшим Паганелем. Когда дикари увидели, что беглецы опять кощунственно оскверняют своим присутствием священную могилу, то дали по ним множество залпов, разразившись ужасающими воплями, звучавшими даже едва ли не громче этих выстрелов. К счастью, пули не долетали далеко, они достигали лишь половины горы, а вопли терялись в пространстве.

Элен, Мери Грант и их спутники, видя, что суеверие маорийцев превосходит их гнев, спокойно вошли за ограду склепа.

Это место погребения новозеландского вождя было огорожено частоколом, окрашенным в красную краску. Символические фигуры, настоящая татуировка по дереву повествовали о высоком происхождении и славных подвигах усопшего. Между столбами частокола висели четки из амулетов, раковин и обточенных камешков. Внутри ограды земля была покрыта ковром зеленых листьев. В центре невысокий холмик указывал, что тут недавно была вырыта могила.

Кругом разложены были доспехи вождя: заряженные ружья, его копье, его великолепный топор из зеленого нефрита, возле находился запас пуль и пороха, нужных, по верованию дикарей, Кара-Тете для охоты в «вечной жизни».

— Вот целый арсенал, который мы используем лучше, чем покойный! — сказал Паганель. — Какая

удачная мысль осенила этих дикарей брать оружие с собой на тот свет!

— Э, да это ружья английского образца! — промолвил майор.

— Несомненно, — отозвался Гленарван. — И надо признаться, что обычай дарить дикарям огнестрельное оружие довольно нелеп, ибо дикари пускают его в ход против завоевателей, и они правы. Нам эти ружья очень пригодятся.

— А что нам пригодится еще более, — добавил Паганель, — это съестные припасы и вода, предназначенные для Кара-Тете.

Действительно, родичи и друзья покойного не поскупились. Количество продовольствия свидетельствовало о глубоком уважении, которое они питали к высоким качествам вождя. Съестных припасов могло хватить десяти человекам на полмесяца, а покойному вождю — на целую вечность. Пища была растительная, она состояла из папоротника, сладкого патата и картофеля, уже давно ввезенного в Новую Зеландию европейцами. В объемистых сосудах хранилась чистая вода, обычно употребляемая новозеландцами во время еды. Вблизи виднелась дюжина искусно сплетенных корзин, наполненных плитками какой-то зеленой каменеди, неизвестной нашим путешественникам.

Итак, беглецы были обеспечены пищей и питьем по меньшей мере на несколько дней. Они отнюдь не заставили себя долго просить и начали разбирать припасы вождя.

Гленарван, отобрав нужные продукты, передал их мистеру Олбинету. Стюард, неизменно соблюдающий установленные формы даже при самых тяжелых обстоятельствах, нашел, что меню обеда несколько скудно. К тому же он не умел готовить эти корни и в его распоряжении не было огня.

Но Паганель вывел его из затруднения, посоветовав закопать папоротник и патат прямо в землю. Действительно, температура верхнего слоя земли была очень высока, и если бы измерить ее термометром, то он, наверно, показал бы от шестидесяти до шестидесяти пяти градусов тепла.

Мистер Олбинет чуть не обварился, ибо когда он рыл яму, собираясь положить в нее коренья, то оттуда вырвался столб пара, взлетев со свистом вверх на целую сажень.

Стюард в ужасе упал навзничь.

— Заверните кран! — крикнул майор и, подбежав с двумя матросами к яме, с их помощью закидал яму кусками пемзы.

Паганель наблюдал за происходящим и что-то загадочно бормотал:

— Так... так... А почему бы и нет?

— Вас не обожгло? — спросил майор Олбинета.

— Нет, мистер Мак-Наббс, — ответил стюард, — я, право, не ожидал...

— ...такой удачи! — воскликнул весело Паганель. — Оказывается, здесь имеется не только пища и вода Кара-Тете, но и огонь в земле. Да, эта гора — настоящий рай! Я предлагаю основать здесь колонию, заняться землепашеством и ждать здесь конца наших дней! Мы будем Робинзонами горы Маунганаму! Поистине я затруднился бы сказать, чего нам еще не хватает на этой уютной вершине!

— Прочности самой вершины, — отозвался Джон Манглс.

— Ну! Не со вчерашнего же дня она существует, — возразил Паганель. — Уже с давних времен она оказывает сопротивление действию подземного огня, — выдержит и то недолгое время, которое мы проведем на ней.

— Завтрак подан, — провозгласил мистер Олбинет таким торжественным тоном, словно выполнял свои обязанности в Малькольм-Касле.

Беглецы, усевшись у ограды, тотчас принялись за еду, которую с некоторых пор столь неукоснительно посылало им провидение при самых тяжелых обстоятельствах.

Путешественники не были слишком взыскательны в отношении выбора блюд, но мнения о съедобном папоротнике разделились. Одни находили, что он сладок и приятного вкуса, другим же он казался слизистым, безвкусным и удивительно жестким. Зато сладкий

патат, испеченный в горячей почве, оказался превосходным. Паганель заметил, что усопший вождь был не плохо снабжен для загробной жизни.

Когда голод был утолен, то Гленарван предложил немедленно обсудить план бегства.

— Как, уже? — жалобно воскликнул Паганель. — Вы собираетесь так скоро покинуть это чудесное место?

— Допустим, что мы в Капуе, господин Паганель, — ответила Элен. — Но вы знаете, что не следует подражать Ганнибалу¹.

— Мадам, — ответил географ, — я никогда не позволю себе перечить вам, вы желаете обсуждать план бегства, будем же обсуждать его!

— Прежде всего, — сказал Гленарван, — я полагаю, что нам следует бежать до того, как нас вынудит к тому голод. У нас еще есть пока силы, и их надо использовать. Предлагаю этой же ночью под защитой тьмы пробраться сквозь расположение туземцев к восточной долине.

— Чудесно, если только маорийцы дадут нам пройти! — отозвался Паганель.

— Ну, а если они не дадут, тогда что? — спросил Джон Мангльс.

— Тогда мы прибегнем к сильно действующим средствам, — ответил Паганель.

— Следовательно, у вас имеются сильно действующие средства? — заинтересовался майор.

— В таком количестве, что я даже не знаю, что с ними делать, — заявил географ, не вдаваясь ни в какие пояснения.

Оставалось ждать наступления ночи, чтобы попытаться прорваться сквозь цепь маорийцев.

Дикари не двигались с места. Казалось, что их ряды не поредели, а даже пополнились запоздавшими товарищами. Горящие там и сям костры образовали словно огненный пояс вокруг горы. Когда соседние долины погрузились во тьму, то казалось, будто гора Маунганаму вздымается из огромного костра, а вер-

¹ Армии Ганнибала, задержавшись в Капуе, совершенно разложились.

шина ее теряется во мраке. Шестьюстами футами ниже слышались ропот, крики, шум вражеского бивуака.

В девять часов, когда на землю спустилась беспросветная тьма, Гленарван и Джон Манглс, прежде чем вести своих товарищей по столь опасному пути, решили произвести разведку.

Они начали бесшумно спускаться и минут через десять были уже на узком горном хребте, пересекавшем неприятельскую цепь на высоте пятидесяти футов.

Сначала все шло хорошо. Лежавшие вокруг костров маорийцы, казалось, не замечали двух беглецов, и те продвинулись еще на несколько шагов вперед. Но внезапно слева, справа загремели выстрелы.

— Назад! — крикнул Гленарван. — У этих разбойников глаза как у кошек и отменные ружья.

Гленарван и Джон Манглс поспешно поднялись обратно по крутому склону и успокоили своих друзей, испуганных стрельбой. Шляпа Гленарвана оказалась простреленной двумя пулями. Итак, отважиться идти по длиннейшему горному хребту между двумя рядами стрелков было невозможно.

— Отложим это дело до завтра, — сказал Паганель. — Поскольку нам не удалось обмануть бдительность туземцев, разрешите мне угостить их блюдом моего собственного изготовления.

Было довольно прохладно. К счастью, Кара-Тете захватил в могилу свои лучшие ночные одежды и теплые одеяла из формиума. Беглецы без стеснения укутались в них, улеглись и вскоре, охраняемые суеверием туземцев, спокойно уснули на тепловатой земле, содрогавшейся от kloкочущих внутри нее газов.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Сильно действующие средства Паганеля

На следующее утро 17 февраля первые лучи восходящего солнца разбудили беглецов, спавших на вершине Маунганаму. Маорийцы давно уже бродили

у подножия горы, внимательно наблюдая за тем, что на ней происходит. Яростные крики встретили европейцев, лишь только те показались из-за частокола, оскверненного ими. Выйдя оттуда, они беглым взглядом окинули окрестные горы, объятые туманом глубокие долины, озеро Таупо, воды которого слегка рябил утренний ветер. Горя желанием узнать новый план Паганеля, все окружили географа, вопросительно глядя на него.

Паганель не замедлил удовлетворить любопытство спутников.

— Друзья мои, — начал он, — мой план хорош тем, что если он и не удастся, то наше положение от этого отнюдь не ухудшится. Но он должен succeed, должен!

— А что это за план? — спросил Мак-Наббс.

— Мой план таков, — ответил Паганель. — Суеверие туземцев превратило это место в убежище для нас, а теперь это же суеверие должно помочь нам выбраться из него. Если мне удастся внушить Кай-Куму, будто мы пали жертвой нашего кощунства, что нас поразили громы небесные, словом, что мы погибли и погибли ужасной смертью, то не полагаете ли вы, что Кай-Куму тотчас покинет подножие Маунганаму и вернется обратно в свое селение?

— Безусловно, — согласился Гленарван.

— А какой ужасной смертью вы умертвите нас? — спросила леди Элен.

— Смертью святотатцев, друзья мои, — ответил Паганель. — Карающее пламя у нас под ногами. Откроем же ему путь!

— Что! Вы хотите вызвать извержение вулкана? — воскликнул Джон Манглс.

— Да, искусственное, импровизированное, ярость которого мы будем регулировать сами. Под нами кроется огромное количество подземных паров и пламени, стремящихся вырваться наружу. Организуем же для нашего блага искусственное извержение!

— Хорошая мысль! — заметил майор. — Удачно задумано, Паганель!

— Вы понимаете, — продолжал географ, — мы

притворимся, будто нас пожрало пламя новозеландского Плутона, а сами в это время скроемся в могиле Кара-Тете, где пробудем три, четыре, пять дней, — словом, до тех пор, пока дикари, убедившись в нашей гибели, удалятся.

— А вдруг они пожелают собственными глазами убедиться в постигшей нас каре и взберутся на вершину? — промолвила мисс Грант.

— Нет, дорогая Мери, — ответил Паганель, — этого они никогда не сделают. Гора находится под запретом, а если она сама покарает своих осквернителей, то табу будет еще могущественней.

— Ваш план действительно хорошо задуман, — сказал Гленарван. — Против него есть только одно соображение, а именно: вдруг дикари решат оставаться у подошвы Маунганаму до тех пор, пока мы не умрем с голоду. Но это мало вероятно, особенно если мы будем осмотрительны.

— А когда мы приступим к осуществлению вашего плана? — спросила Элен.

— Сегодня вечером, — ответил Паганель, — лишь только стемнеет.

— Решено, — заявил Мак-Наббс. — Паганель, вы настоящий гений. Я человек неувлекающийся, но тут и я ручаюсь за успех. Ах, дурачье! Мы им такое чудо преподнесем, что оно на целое столетие отодвинет их обращение в христианство, уж пусть миссионеры на нас за это не сетуют!

Итак, план Паганеля был единодушно одобрен, и действительно суеверие маорийцев могло сильно способствовать его осуществлению. Идея была хороша, но привести ее в исполнение было не так-то легко. А вдруг вулкан поглотит смельчаков, прорывших кратер? Сумеют ли они обуздать извержение, когда пары, пламя, огненная лава буйно выплеснутся наружу? Не рухнет ли вся вершина в огненную бездну? Ведь это значило разбудить те силы, власть над которыми до сей поры принадлежала природе.

Паганель предвидел все эти опасности и рассчитывал действовать осторожно, не доводя дело до крайности. Достаточно было лишь видимости извержения,

чтобы обмануть маорийцев, а не его грозная реальность.

Каким долгим показался им этот день! Каждый считывал казавшиеся нескончаемыми часы! Все было приготовлено для бегства. Съестные припасы разделили между беглецами, вручив каждому необременительный сверток. К ним из запасов вождя присоединили ружья и несколько цыновок. Само собой разумеется, что эти приготовления делались втайне от дикарей, за частоколом.

В шесть часов вечера стюард подал сытный обед. Никто не мог предвидеть, где и когда в этих долинах удастся подкрепить силы, и потому ели впрок. Основным блюдом явилось полдюжины крупных тушеных крыс, пойманных Вильсоном. Леди Элен и Мери Грант наотрез отказались отведать этой дичи, столь ценимой в Новой Зеландии, но мужчины отдали ей честь, словно настоящие маорийцы. Мясо крыс оказалось действительно превосходным, и от шести грызунов остались лишь обглоданные кости.

Наступили сумерки. Солнце скрылось за грядой густых грозовых туч. На горизонте сверкали молнии, и издали громыхал гром.

Паганель был в восторге от грозы: ведь она благоприятствовала его замыслам и придавала затеянному спектаклю большее правдоподобие. Дикари относятся с суеверным страхом к этим грозным явлениям природы. Новозеландцы слышат в громе разъяренный голос своего божества Нуи-Атуа, а в молнии видят гневное сверкание его очей.

Значит, само божество явилось покарать нечестивцев, нарушивших табу. В восемь часов вечера вершину Маунганаму окутал зловещий мрак. Небо подготовило черный фон для взрыва пламени, который собирался вызвать Паганель. Маорийцы не могли уже больше видеть узников. Настала пора действовать и действовать без промедления. Гленарван, Паганель, Мак-Наббс, Роберт, стюард и оба матроса дружно принялись за работу.

Место для кратера было выбрано в тридцати шагах от могилы Кара-Тете. Важно было, чтобы извержение

пощадило могилу, ибо с исчезновением ее перестало бы действовать табу.

В этом месте Паганель заметил огромную каменную скалу, вокруг которой клубились пары. Очевидно, эта скала прикрывала небольшой кратер, естественно образовавшийся на этом месте, и лишь ее тяжесть препятствовала извержению. Если удастся откатить камень в сторону, то пары и лава тотчас вырвутся наружу через освободившееся отверстие.

Землекопы использовали в качестве рычагов колья, вырванные из частокола, и с силой начали выворачивать огромную каменную глыбу. Под их дружным напором глыба вскоре закачалась. Они вырыли для нее по склону горы небольшую траншею, по которой та могла бы скатиться вниз. По мере того как они приподнимали глыбу, сотрясение почвы ощущалось все сильнее. Из-под тонкой коры земли доносились глухой рев и свист пламени. Отважные землекопы, словно циклопы, раздувающие подземный огонь, работали молча. Вскоре несколько трещин, из которых выбивались горячие пары, показали, что место становилось опасным. Но вот последнее усилие, и скала, сорвавшись с места, стремительно покатилась вниз по склону горы и скрылась из виду.

В эту же минуту разверзся тонкий слой земли, из образовавшегося отверстия с шумом вырвался огненный столб и хлынули кипящая вода и лава; потоки их устремились по склону горы к лагерю туземцев и в долину.

Вся вершина содрогнулась. Казалось, она вот-вот рухнет в бездонную пропасть.

Гленарван и его спутники еле успели спастись от извержения, отбежав за ограду могилы, но все же легкие брызги почти кипящей воды ошпарили их. Вода сначала распространяла легкий запах говяжьего навару, а затем сильный запах серы. Ил, лава, вулканические обломки — все слилось в едином потоке, бороздившем склоны Маунганаму. Соседние горы осветились отблеском извержения. Глубокие долины ярко озарились заревом. Дикари вскочили на ноги и завопили, а лава подбиралась уже к их лагерю, и дикари

бросились бежать. Взобравшись на соседние холмы, они с ужасом наблюдали это грозное явление, этот вулкан, поглотивший, по повелению их разгневанного божества, святотатцев, которые осквернили священную гору. Когда грохот извержения несколько ослабевал, то слышно было, как маорийцы возглашали:

— Табу! Табу! Табу!

Тем временем из кратера Маунганаму вырывалось огромное количество паров, раскаленных камней, лавы. То был уже не гейзер вроде тех, что встречаются вблизи вулкана Гекла в Исландии, это был такой же вулкан, как сама Гекла. Вся kloкочущая огненная масса, сдерживаемая до тех пор поверхностью вершины Маунганаму, ибо достаточным выходом для нее был вулкан Тонгариро, теперь, когда ей открыли новый выход, со страшной силой устремилась в него, и в эту ночь, вследствие закона равновесия сосудов, другие вулканические извержения значительно ослабели.

Через час после начала извержения этого нового на земном шаре вулкана по его склонам уже неслись широкие потоки огненной лавы. Бесчисленное множество крыс покинуло норы, убегая с охваченной пламенем земли.

В течение всей ночи среди бушевавшей грозы новый вулкан действовал с такой страшной силой, которая не могла не внушать беспокойства Гленарвану, ибо извержение расширяло воронку кратера.

Беглецы, укрывшись за частоколом, следили за все возрастающей силой грозного явления природы.

Наступило утро, но ярость вулкана не ослабевала. К пламени примешивались густые желтоватые пары. Всюду змеились потоки лавы.

Гленарван с бьющимся сердцем подстерегал сквозь щели частокола каждое движение туземцев. Маорийцы бежали на соседние склоны, куда не достигало извержение вулкана. У подножия горы лежало несколько обуглившихся трупов. В отдалении, по направлению к «па», раскаленная лава сожгла десятка два хижин, которые продолжали еще дымиться. Кое-где стояли

группы новозеландцев, с благоговейным ужасом взирая на объятую пламенем вершину Маунганаму.

В это время среди воинов появился Кай-Куму, и Гленарван тотчас узнал его. Вождь подошел с той стороны горы, где лава не текла, и остановился у ее подножия с простертыми вперед руками, словно колдун, совершающий заклинания; он немного покривлялся, причем смысл его кривляний не ускользнул от беглецов, и, как предвидел Паганель, Кай-Куму наложил на гору-мстительницу еще более строгое табу.

Вскоре маорийцы двинулись вереницами по извилистым тропинкам вниз, в «па».

— Они уходят, — воскликнул Гленарван. — Они покидают свой сторожевой пост! Наша военная хитрость удалась! Ну, моя дорогая Элен, мои добрые товарищи, мы мертвы! Мы погребены. Но сегодня вечером мы воскреснем, мы покинем нашу могилу, мы убежим от этих варваров!

Трудно представить себе радость беглецов. Во всех сердцах снова затеплилась надежда. Отважные путешественники забыли о прошлом, забыли о будущем, думая лишь о настоящем. А между тем добраться до какой-нибудь английской колонии было нелегко, странствуя среди этого неведомого края. Но поскольку им удалось обмануть Кай-Куму, то казалось, что уже теперь никакие дикари Новой Зеландии не страшны.

Майор отнюдь не скрывал своего презрения к маорийцам и не скупился на бранные слова по их адресу. В этом он и Паганель состязались. Паганель именовал туземцев дурацкими ослиами, идиотами Тихого океана, дикарями Бедлама, кретинами и проч. и проч.

Однако беглецам следовало пробыть еще целый день до того, как бежать. Это время употребили на обсуждение плана бегства. К счастью, Паганель сохранил свою драгоценную карту Новой Зеландии и смог указать наиболее безопасные пути.

Обсудив вопрос со всех сторон, решили направиться на восток, к бухте Пленти. Этот путь проходил по местам неисследованным, но зато безлюдным. А путешественников, уже привыкших выходить из всевозможных затруднений, страшило лишь одно — встреча

с маорийцами. Они во что бы то ни стало хотели избежать этого и стремились добраться до восточного побережья, где миссионеры основали несколько колоний. К тому же эта часть острова избежала ужасов войны, и отряды туземцев там не рыскали.

Расстояние от озера Таупо до бухты Пленти не превышало ста миль. Это составляло десять дней пути, по десять миль в день. Конечно, путешествие нелегкое, но среди этих отважных людей никто не думал об усталости. Лишь бы добраться до какой-нибудь миссии, а там можно будет отдохнуть, выжидая okazji до Окленда, который попрежнему продолжал оставаться целью их путешествия. Приняв это решение, Гленарван и его спутники продолжали до самого вечера наблюдать за туземцами, но ни одного дикаря не видно было у подошвы горы, и когда тьма поглотила окрестные долины, то ни один костер не указывал на присутствие маорийцев. Путь был свободен!

В девять часов вечера, среди непроглядного мрака, Гленарван подал сигнал к выступлению. Захватив с собой оружие и одеяния Кара-Тете, все начали осторожно спускаться с Маунганаму. Впереди шли Джон Манглс и Вильсон, приглядываясь к малейшему проблеску света, останавливаясь при любом шорохе. Каждый беглец, можно сказать, не шел, а скользил по склону, словно стараясь слиться с ним.

Спустившись на двести футов, молодой капитан и матрос очутились на том опасном горном хребте, который столь бдительно охраняли туземцы.

Если бы оказалось, что маорийцы хитрее беглецов и не дали себя обмануть искусственно вызванным извержением, а только сделали вид, что уходят, с целью захватить беглецов, то именно здесь, на этом хребте, должно было обнаружиться их присутствие. Несмотря на всю свою уверенность и на шутки неунывающего Паганеля, Гленарван не мог не волноваться: от этого десятиминутного перехода по гребню зависела жизнь его близких. Он чувствовал, как билось сердце прижавшейся к нему жены. Однако Гленарвану даже и в голову не приходила мысль повернуть обратно. Столь же далек от этого был и Джон Манглс.

Молодой капитан полз впереди под покровом ночи по узкому гребню. За ним ползли остальные, замирая, когда скатывался вниз по склону какой-нибудь камень. Если дикари продолжали сторожить их у подножия хребта, то этот необычный шорох непременно вызвал бы град ружейных выстрелов. Однако, пробираясь ползком, словно змеи, вдоль покатого хребта, беглецы не могли продвигаться быстро. Когда Джон Манглс дополз до самого низкого места склона, то оказался едва в двадцати пяти футах от площадки, где еще накануне был лагерь туземцев. Отсюда хребет круто шел в гору, и этот подъем вел к лесу.

Во всяком случае, это опасное место путешественники благополучно миновали и начали молча подниматься в гору. Леса еще не было видно, но они знали, что приближаются к нему, и, если только не наткнутся на засаду, думал Гленарван, то, оказавшись в лесу, они будут в безопасности. В то же время он понимал, что с этой минуты защита табу кончается, ибо восходящая часть гребня не являлась уже частью горы Маунганаму, а лежала к востоку от озера Таупо. Стало быть, тут следовало опасаться не только обстрела, но и рукопашной схватки с туземцами.

В течение десяти минут беглецы бесшумно поднимались к вышележащему плоскогорью. Джон еще не мог разглядеть леса, но тот должен был находиться от них менее, чем в двухстах футах.

Внезапно молодой капитан остановился и даже попытался назад. Ему послышался во мраке какой-то шорох. Все замерли на месте. Джон Манглс так долго стоял неподвижно, что спутники его встревожились. Они выжидали. Кто опишет их мучительное волнение! Неужели придется возвращаться искать убежища на вершине Маунганаму?

Но Джон Манглс, убедившись, что шум не возобновляется, снова осторожно начал подниматься по узкому гребню. Вскоре впереди, в темноте, смутно обрисовался лес. Еще несколько шагов — и беглецы укрылись под густой листвой деревьев.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Между двух огней

Темная ночь благоприятствовала побегу. Следовало воспользоваться темнотой, чтобы подальше отойти от роковых берегов озера Таупо. Паганель встал во главе маленького отряда, проявив снова во время этого трудного странствования в горах свое изумительное чутье путешественника. Он с непостижимой уверенностью пробирался по едва приметным тропинкам, не уклоняясь ни на шаг в сторону. Правда, географу очень помогала его никталопия: кошачьи глаза различали в непроницаемой тьме самые мелкие предметы.

В течение трех часов беглецы безостановочно шли по отлогим восточным склонам гор. Паганель отклонился немного к юго-востоку, стремясь попасть в узкое ущелье между горными цепями Кайманава и Вахити-Рэндж, по которому проходит дорога от Окленда к бухте Хокса. Миновав это ущелье, он предполагал оставить в стороне дорогу под защитой высоких гор и пробираться к побережью по необитаемой части провинции.

К девяти часам утра, после двенадцати часов ходьбы, было пройдено двенадцать миль. Требовать большего от мужественных женщин было невозможно. К тому же место казалось подходящим для привала. Добрались до ущелья, разделявшего обе горные цепи. Дорога в Оберленд осталась справа, она шла по направлению к югу, и Паганель, справившись по карте, свернул к северо-востоку, и в десять часов маленький отряд очутился у крутого горного уступа. Здесь вынули из сумок съестные припасы и оказали им должную честь. Даже Мери Грант и майор, которым съедобный папоротник был не по вкусу, теперь ели его с аппетитом.

Отдохнув до двух часов пополудни, путешественники опять двинулись к востоку и вторично остановились на привал вечером в восьми милях от гор. Здесь все с наслаждением растянулись под открытым небом и уснули крепким сном.

На следующий день дорога оказалась труднее. Приходилось идти через живописный район вулканических озер, гейзеров и дымящихся серных сопок, лежащих к востоку от Вахити. Этот путь был приятен для глаз, но не для ног. Все время приходилось делать обходы, крюки, преодолевать утомительные препятствия. Но какое необычайное зрелище! Сколько бесконечного разнообразия дарит природа.

На обширном пространстве в двадцать квадратных миль подземные силы проявляли себя во всем своем разнообразии. Из рощ дикого чайного дерева струились прозрачные соляные источники, над которыми реяли мириады насекомых. Вода этих источников едко пахла жженым порохом и оставляла на земле белый осадок, напоминавший ослепительно сверкающий снег. Источники почти кипели, тогда как соседние стлались ледяной скатертью. Гигантские папоротники росли по их берегам в условиях, казалось, сходных с условиями силурийской эры.

Со всех сторон били водяные струи, окутанные парами, точно фонтаны в парке. Одни из них били непрерывно, другие с перерывами, словно подчиняясь прихоти своенравного Плутона. Фонтаны шли амфитеатром по естественным уступам. Воды их, смешанные с клубами белого пара, разъедая полупрозрачные ступени гигантских природных лестниц, струились по ним кипящими водопадами, насыщая собой целые озера.

На смену горячим ключам и бурным гейзерам пошли серные сопки. Земля казалась покрытой крупными волдырями. Это были полупотухшие кратеры, через многочисленные трещины которых выбивались различные газы. Воздух насыщен был едким, неприятным запахом серной кислоты, и земля кругом была усеяна кристаллами серы. Здесь целыми веками накапливались неисчислимые богатства, и сюда, в эти еще малоисследованные области Новой Зеландии, вторгнется промышленность, если когда-нибудь серные источники в Сицилии иссякнут.

Можно себе представить, как трудно было путешественникам продвигаться среди такого нагромождения

препятствий! Место для привала найти было нелегко, и охотникам не попадалось ни одной птицы, достойной быть ощипанной руками мистера Олбинета. Приходилось довольствоваться съедобными папоротником и сладким пататом — скудной едой, которая не могла восстановить силы изнуренных пешеходов, и потому каждый стремился как можно скорее выбраться из этой бесплодной, пустынной местности.

Однако понадобилось не менее четырех дней, чтобы пересечь этот труднопроходимый край, и лишь 23 февраля путешественники могли расположиться лагерем в пятидесяти милях от Маунганаму, у подошвы безымянной горы, обозначенной на карте Паганеля. Перед их глазами расстилались равнины, поросшие кустарником, и высокие леса маячили на горизонте.

Конечно, это было приятно, но лишь в том случае, если эти места не привлекли уже слишком много обитателей, но до сих пор путешественники не видели даже тени туземца.

В этот день Мак-Наббс и Роберт подстрелили трех киви, очень скрасивших обед, но, увы, ненадолго, ибо через несколько минут от дичи не осталось и следа.

За десертом, состоявшим из картофеля и сладкого патата, Паганель внес предложение, восторженно поддержанное всеми: назвать безымянную гору, вершина которой терялась на высоте трех тысяч футов в облаках, именем Гленарвана. Географ тщательно нанес имя шотландского лорда на свою карту.

Бесполезно описывать остальную часть путешествия: дни проходили однообразно и малоинтересно.

Путешественники шли обычно целый день по лесам и равнинам. Джон Манглс определял направление по солнцу и звездам. Милосердное небо не посылало ни сильного зноя, ни проливного дождя. Тем не менее все возрастающая от перенесенных испытаний усталость замедляла продвижение, и им хотелось поскорее добраться до миссий.

Все же они продолжали разговаривать между собой, но общие разговоры прекратились. Отряд раз-

бился на отдельные группы. И каждый был поглощен своей заботой.

Большую часть пути Гленарван шел один, все чаще вспоминая по мере приближения к побережью яхту «Дункан» и ее команду. Он не думал об опасностях, которые подстерегали их на пути к Окленду, а думал о своих погибших матросах. Страшная картина эта все время мерещилась ему.

О Гарри Гранте никто больше не упоминал. К чему, когда помочь ему все равно не могли! Если имя капитана и упоминалось, то лишь в беседах его дочери с Джоном Манглсом.

Молодой капитан никогда не напоминал молодой девушке того, что она сказала ему в ту ужасную ночь в храме. Чувство деликатности не позволяло ему злоупотреблять признанием, которое вырвалось у нее в минуту отчаяния.

Говоря о Гарри Гранте, Джон Манглс всегда строил проекты будущих поисков капитана Гранта. Он уверял Мери, что лорд Гленарван организует новую экспедицию. Молодой капитан исходил из того, что подлинность найденного в бутылке документа не подлежала сомнению. Следовательно, Гарри Грант находится где-то живой и невредимый. А если так, то надо обшарить весь шар земной, а его найти!

Мери упивалась этими речами. Они жили с Джоном Манглсом одними мыслями, одними надеждами. Элен часто принимала участие в этих разговорах, и хотя не разделяла надежд молодых людей, но воздерживалась напоминать им о печальной действительности.

Мак-Наббс, Роберт, Вильсон и Мюльреди старались, не удаляясь от товарищей, настрелять как можно больше дичи.

Паганель, неизменно закутанный в плащ из формiuма, молчаливый, задумчивый, держался в стороне.

Следует оговориться, что, хотя испытания, опасности, усталость и лишения превращают обычно людей, даже с очень хорошим характером, в придирчивых и раздражительных, наши путешественники остались

попрежнему преданы друг другу, тесно сплочены и каждый был готов пожертвовать жизнью ради другого.

25 февраля дорогу путникам преградила река, то была, судя по карте Паганеля, Уаикаре. Ее перешли вброд.

В течение двух дней тянулись равнины, поросшие кустарником. Итак, половина пути между озером Таупо и побережьем океана была пройдена благополучно, хотя все очень устали.

Затем начались дремучие, бесконечные леса, напоминавшие австралийские, только вместо эвкалиптов здесь росли каури. Хотя у Гленарвана и у его спутников способность восторгаться за четыре месяца странствований притупилась, но все же они восхищались гигантскими соснами, достойными соперниками ливанских кедров и мамонтовых деревьев Калифорнии. Стволы этих сосен были так высоки, что только футах в ста от земли начинались ветви. Деревья росли небольшими группами. Лес состоял из бесконечного количества отдельных небольших рощ, деревья которых простирали свои зеленые зонты на двести футов над землей.

Некоторые деревья еще молодые, едва достигшие ста лет, походили на красные ели европейских стран: они были увенчаны конусообразными кронами темного цвета. Старые деревья, возрастом пятьсот — шестьсот лет, были словно огромные шатры зелени, покоившиеся на бесчисленных переплетающихся ветвях. У этих патриархов новозеландских лесов стволы были до пятидесяти футов в окружности. Все наши путники, взявшись за руки, не могли бы охватить такой гигантский ствол.

Три дня маленький отряд брел под огромными зелеными сводами девственного леса по глинистой почве, на которую никогда не ступала нога человека. Это видно было по нагроможденным повсюду кучам смолистой камеди, которая на долгие годы могла бы обеспечить туземцев товаром для торговли с европейцами.

Охотники встречали большие стаи киви, столь редко попадающиеся в тех местностях, где бывают маорийцы. В этих недоступных лесах птицы укрылись от новозе-

ландских собак. Мясо их было здоровой и обильной пищей для путников.

Паганелю даже удалось высмотреть в самой гуще леса пару гигантских птиц. В нем тотчас же пробудился инстинкт натуралиста. Он позвал своих спутников, и, невзирая на усталость, он, майор и Роберт бросились преследовать их. Эта любознательность ученого вполне понятна, если предположить, что он признавал в них птиц «моа» из семейства «dinornis», которых многие естествоиспытатели считают породой, исчезнувшей с лица земли. Кроме того, встреча с этими птицами подтвердила предположение Гофштеттера о существовании бескрылых гигантов Новой Зеландии.

Моа, которых преследовал Паганель, эти современники мегатерий и преродактилей, были ростом футов восемнадцати. Это были неестественно огромные и очень трусливые страусы, ибо они обратились в бегство с молниеносной быстротой. Ни одна пуля не догнала их! Спустя несколько минут погони эти неуловимые моа скрылись за высокими деревьями.

Вечером 1 марта Гленарван и его спутники вышли, наконец, из леса и расположились лагерем у подошвы горы Икиранги, высотой в пять с половиной тысяч футов.

Итак, путешественники прошли около ста миль от горы Маунганаму и не больше тридцати миль отделяли их от берега океана. Джон Манглс надеялся сделать этот переход от Маунганаму до побережья в десять дней, но он не подозревал об ожидающих впереди трудностях пути.

На деле оказалось, что частые обходы, всевозможные препятствия, неправильное определение местоположения отряда удлинili маршрут еще на одну пятую, и путешественники, добравшись до горы Икиранги, пришли в полное изнеможение.

Чтобы выйти на побережье, требовалось еще два дня, причем путешественники должны были удвоить свою энергию и бдительность, ибо вступили в местность, которую часто посещают туземцы. Однако все преодолели усталость и на следующий день на расвете вновь двинулись в путь.

Особенно трудным оказался путь между горами Икиранги справа и Гарди, возвышавшейся слева на три тысячи семьсот футов. Здесь равнина на протяжении десяти миль заросла гибкими растениями, метко прозванными «лианы-душители». На каждом шагу руки и ноги запутывались в них, они, словно змеи, цепко обвивались вокруг всего тела. В течение двух дней приходилось продвигаться вперед с топором в руках, борясь с этой многоголовой гидрой, с этими несносными растениями, которых Паганель охотно причислил бы к классу животных-растений.

Здесь, среди равнин, охотиться было невозможно, и охотники не вносили обычного вклада пищи. Съестные припасы истощались, пополнить их было нечем. Вода иссякла, и путники не могли утолить жажду, еще в большей степени усугублявшуюся усталостью.

Гленарван и его близкие испытывали страшные муки. Впервые они готовы были пасть духом. Наконец, еле продвигаясь вперед, измученные путники, повинаясь лишь инстинкту самосохранения, добрались до мыса Лоттин на побережье Тихого океана.

Здесь виднелось несколько заброшенных хижин разгромленного войной селения, заброшенные поля, повсюду следы грабежа, пожара. И тут судьба готовила несчастным путникам еще новое ужасное испытание.

Они брели вдоль берега, как вдруг в одной миле от них появился отряд туземцев. Дикари устремились к ним, размахивая оружием. Податься было некуда, ибо за их спиной было море. Гленарван, собрав последние остатки сил, хотел отдать приказ защищаться, как вдруг Джон Манглс воскликнул:

— Шлюпка! Шлюпка!

Действительно, на плоском песчаном берегу, в двадцати шагах от беглецов, виднелась севшая на мель пирога с шестью веслами. Гленарван и его спутники мгновенно сдвинули пирогу с мели, прыгнули в нее и поплыли прочь от опасного берега. Джон Манглс, Мак-Наббс, Вильсон, Мюльреди сели на весла. Гленарван взялся за руль, обе женщины, Олбинет, Паганель и Роберт разместились на корме.

В десять минут пирога находилась уже в четверти мили от берега. Море было спокойно. Беглецы молчали.

Джон, не желая слишком далеко удаляться от берега, намеревался отдать приказ плыть вдоль побережья, как вдруг весло замерло у него в руках: из-за мыса Лоттин показались три пироги — то была погоня.

— В море! В море! — крикнул молодой капитан. — Лучше утонуть в волнах!

Четыре гребца налегли на весла, и пирога снова понеслась в открытое море. В течение получаса ей удалось сохранять прежнее расстояние между собой и преследователями, но несчастные, измученные люди вскоре ослабели, и вражеские пироги стали приближаться. Они находились теперь меньше чем в двух милях расстояния. Итак, не было никакой возможности избежать нападения туземцев, а те приготовились уже стрелять.

Что оставалось делать Гленарвану. Стоя на корме пироги, он обводил горизонт взглядом, словно ожидая откуда-то помощи? Чего он ждал? Чего хотел? Или предчувствовал что-то?

Вдруг его взор вспыхнул радостью, рука протянулась вперед, указывая на какую-то точку вдали.

— Корабль! — крикнул он. — Корабль, друзья мои! Гребите! Гребите сильнее!

Ни один из четырех гребцов не обернулся, чтобы взглянуть на это неожиданно появившееся судно, ибо нельзя было упустить ни одного взмаха весла. Лишь Паганель, поднявшись, направил подзорную трубу на указанную Гленарваном точку.

— Да, — проговорил географ, — это судно — пароход. Он разводит пары, идет к нам. Дружней, храбрые товарищи!

Беглецы с новой энергией налегли на весла, и снова в течение получаса пирога удерживала преследователей на том же расстоянии. Пароход вырисовывался все яснее и яснее. Уже четко можно было разглядеть две его мачты со спущенными парусами и густые клубы черного дыма.

Гленарван, передав руль Роберту, схватил подозрительную трубу Паганеля и внимательно следил за каждым движением судна.

Но что должны были почувствовать Джон Манглс и остальные беглецы, когда они увидели, что черты лица Гленарвана исказились, лицо побледнело и подозрительная труба выпала из рук. Одно слово объяснило им это внезапное потрясение.

— «Дункан»! — воскликнул Гленарван. — «Дункан» и каторжники.

— «Дункан»! — воскликнул Джон Манглс, бросая весло и сразу вставая.

— Да! Смерть! Смерть с двух сторон, — прошептал Гленарван, сломленный отчаянием.

Действительно, то была яхта — яхта с командой бандитов! У майора невольно вырвалось проклятие. Это было уж слишком!

Между тем пирога была предоставлена самой себе. Куда плыть? Куда бежать? Кого предпочесть, дикарей или каторжников? С ближайшей пироги раздался выстрел, пуля попала в весло Вильсона. Несколько ударов весел, и пирога приблизилась к «Дункану». Яхта шла полным ходом и находилась в какой-нибудь полумиле от беглецов.

Джон Манглс, видя, что они окружены, не знал, куда направить пирогу. Обе несчастные женщины, стоя на коленях, в отчаянии молились. Дикари открыли беглый огонь, пули градом сыпались вокруг пироги. Вдруг раздался оглушительный выстрел, над головами беглецов пролетело пушечное ядро: это был выстрел из пушки, находившейся на «Дункане». Очутившись под перекрестным огнем, беглецы замерли на месте между «Дунканом» и пирогами.

Джон Манглс, обезумев от отчаяния, схватил топор, собираясь прорубить днище пироги и потопить ее, как вдруг голос Роберта остановил его.

— Том Остин! Том Остин! — кричал мальчуган. — Он на борту! Я вижу его! Он узнал нас, он машет шляпой!

Топор Джона повис в воздухе. Над головой беглецов со свистом пронеслось второе ядро, расколовшее

ближайшую пирогу. На «Дункане» грянуло громкое «ура». Дикари в ужасе повернули пироги и стремительно поплыли обратно к берегу.

— К нам! К нам, Том! — громовым голосом крикнул Джон Манглс.

Через несколько минут десять беглецов, не соображая, каким образом, ничего не понимая, были уже в безопасности на борту «Дункана».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

*Почему «Дункан» крейсировал вдоль восточного берега
Новой Зеландии*

Невозможно описать чувств Гленарвана и его друзей, когда их слуха коснулись старинные напевы Шотландии. В тот момент, когда они поднимались по трапу, на палубе «Дункана» волынщик заиграл народную песню древнего клана Малькольм и восторженное «ура» приветствовало возвращение лорда.

Гленарван, Джон Манглс, Паганель, Роберт, даже майор — все плакали и обнимались. То был порыв радости, восторга. Географ совсем потерял голову: он приплясывал, как сумасшедший, и угрожал своей неразлучной трубой уже подплывавшим к берегу уцелевшим пирогам.

Но, видя, в каких лохмотьях одежды Гленарвана и его спутников, как они исхудали, заметив, как бледны их лица, хранившие следы пережитых страшных мук, команда яхты тотчас прервала бурные излияния радости. На борт «Дункана» вернулись тени тех отважных, блестящих путешественников, которые три месяца тому назад, полные надежд, устремились на розыски капитана Гранта. Случай, только случай, привел их на судно, которое они никогда уже больше не надеялись увидеть. Но в каком ужасном виде возвратились они, как истощены, как слабы они были!

Но раньше, чем подумать об отдыхе, о пище, о питье, Гленарван спросил Тома Остина: каким обра-

зом «Дункан» очутился у восточного берега Новой Зеландии? Каким образом не попал в руки Бена Джойса? Какой сказочно счастливый случай привел яхту навстречу беглецам?

«Почему? Как? Зачем?» — посыпались со всех сторон вопросы.

Старый моряк не знал, кого слушать. Наконец, он решил слушать только Гленарвана и отвечать только ему.

— А где же каторжники? — спросил Гленарван. — Что сделали вы с каторжниками?

— С каторжниками? — переспросил озадаченный Том Остин.

— Ну да! С теми негодьями, которые хотели захватить яхту.

— Какую яхту? — спросил Том Остин. — Вашу яхту?

— Ну да, Том, яхту «Дункан». Ведь явился же к вам Бен Джойс?

— Никакого Бена Джойса не знаю. Никогда не видел такого, — ответил Остин.

— Как «никогда»?! — воскликнул Гленарван, пораженный ответом старого моряка. — Так почему же, Том, почему «Дункан» крейсирует сейчас вдоль берегов Новой Зеландии?

Если Гленарван, Элен, Мери Грант, Паганель, майор, Роберт, Джон Манглс, Мюльреди, Вильсон не понимали, чему так удивлялся старый моряк, то каково же было их изумление, когда Том спокойно ответил:

— Он крейсирует здесь по вашему приказанию, сэр.

— Как, по-моему приказанию?! — воскликнул Гленарван.

— Так точно, сэр, я только выполнял распоряжение, содержавшееся в вашем письме от четырнадцатого января.

— В моем письме? В моем письме? — восклицал Гленарван.

Тут десять путешественников окружили Тома Остина и пожирали его глазами: значит, письмо, написанное у реки Сноуи, все-таки дошло до «Дункана»?

— Давайте объяснимся, — сказал Гленарван, — а то мне кажется, что я грежу. Вы получили письмо, Том?

— Да.

— В Мельбурне?

— В Мельбурне, в тот момент, когда я закончил ремонт.

— И это письмо?..

— Оно было написано не вашей рукой, но подпись была ваша, сэр.

— Правильно. Мое письмо вам доставил каторжник по имени Бен Джойс?

— Нет, сэр, моряк по имени Айртон, боцман с «Британии».

— Ну да! Айртон и Бен Джойс — это одно и то же лицо! А что было написано в этом письме?

— В нем вы приказывали мне покинуть Мельбурн и идти крейсировать у восточного побережья...

— Австралии! — крикнул Гленарван с горячностью, смутившей старого моряка.

— Австралии? — удивленно переспросил Том, широко открывая глаза. — Нет! Новой Зеландии!

— Австралии, Том, Австралии! — хором подгвердили спутники Гленарвана.

Тут на Остина нашло помрачение. Гленарван говорил с такой уверенностью, что старому моряку показалось, будто он действительно ошибся, читая письмо. Неужели он, преданный, исполнительный моряк, мог так ошибиться? Он смугился и покраснел.

— Успокойтесь, Том, — ласково проговорила Элен, — видно, так было суждено.

— Да нет же, миссис, простите меня, — пробормотал старый моряк. — Это невозможно! Я не ошибся! Айртон тоже прочел это письмо, и он уговаривал меня, чтобы я вопреки вашему приказанию повел яхту к австралийским берегам!

— Айртон? — воскликнул Гленарван.

— Он самый. Айртон убеждал меня, что в письме ошибка и что вы назначили место встречи — залив Туфолда.

— У вас сохранилось письмо, Том? — спросил крайне заинтересованный майор.

— Да, мистер Мак-Наббс, — ответил Остин. — Я сейчас его принесу.

И Остин побежал к себе в каюту. Во время его отсутствия все молчали и переглядывались. Только майор, впевнив взор в Паганеля и скрестив на груди руки, проговорил:

— Ну, знаете, Паганель, это уж слишком!

— А? Что вы сказали? — пробормотал географ.

Согнув спину, с очками на лбу, он удивительно похож был на гигантский вопросительный знак.

Остин возвратился. Он держал в руке письмо, написанное Паганелем и подписанное Гленарваном.

— Прочтите, пожалуйста, — сказал старый моряк.

Гленарван взял письмо и стал читать:

— «Приказываю Тому Остину немедленно выйти в море и отвести «Дункан», придерживаясь тридцать седьмой параллели, к восточному побережью Новой Зеландии...»

— Новой Зеландии! — воскликнул, сорвавшись с места, Паганель.

Он вырвал письмо из рук Гленарвана, протер себе глаза, поправил очки на носу и в свою очередь прочел письмо.

— Новой Зеландии! — повторил он непередаваемым тоном, роняя письмо.

В этот момент он почувствовал, что на его плечо легла чья-то рука. Он оглянулся. Перед ним стоял майор.

— Что ж, почтеннейший Паганель, — невозмутимо сказал Мак-Наббс, — хорошо еще, что вы не послали «Дункан» в Индо-Китай.

Эта шутка доконала бедного географа. Грянул дружный, гомерический хохот. Паганель, как сумасшедший, бегал взад и вперед по палубе, сжимал голову руками и рвал на себе волосы. Он не понимал, что делает и что он намерен делать. Спустившись по трапу с юта, он бесцельно принялся ходить, спотыкаясь, по палубе, наконец поднялся на бак. Там он споткнулся о свернутый канат, пошатнулся и ухва-

тился за какую-то подвернувшуюся ему под руку веревку.

Раздался оглушительный грохот. Пушка выстрелила. Град картечи взбороздил спокойные воды океана. Злополучный Паганель, оказывается, уцепился за спусковую веревку заряженной пушки, и грянул выстрел. Географа отбросило на трап бака, и он провалился в кубрик.

За возгласом удивления последовал крик ужаса. Все решили, что произошло несчастье. Матросы гурьбой бросились вниз и вынесли Паганеля на палубу. Его длинное тело скрючилось вдвое, он был, повидимому, не в силах говорить. Его перенесли на ют. Майор, заменявший при несчастных случаях врача, хотел раздеть бедного Паганеля, чтобы перевязать его раны, но не успел он прикоснуться к умирающему, как тот подскочил, словно от электрического тока.

— Ни за что! Ни за что! — вскричал он поспешно, запахнувшись в свою дырявую одежду, и быстро застегнул ее на все пуговицы.

— Но послушайте, Паганель... — сказал майор.

— Нет, говорю я!

— Надо же осмотреть...

— Я не позволю осматривать себя.

— А вдруг у вас сломаны... — уговаривал Мак-Наббс.

— Да, сломаны, — подтвердил Паганель, твердо становясь на длинные ноги, — но то, что я сломал, починит плотник.

— А что вы сломали?

— Столб, подпирающий палубу, когда летел вниз.

Эти слова вызвали новый, еще более громкий взрыв хохота. Такой ответ совершенно успокоил всех друзей почтенного Паганеля, который вышел цел и невредим из своего приключения с пушкой.

«Как странно, — подумал майор, — до чего стыдлив этот географ!»

Когда Паганель пришел в себя, то ему предстояло ответить еще на один неизбежный вопрос.

— Теперь, Паганель, отвечайте чистосердечно, — сказал Гленарван. — Я признаю, что ваша рассеян-

ность была для нас благодеянием. Если бы не вы, то «Дункан», несомненно, попал бы в руки каторжников. Если б не вы, то нас снова захватили бы маорийцы. Но, ради бога, ответьте мне, в силу какой странной ассоциации идей вы вместо «Австралии» написали в письме «Новая Зеландия»?

— Да потому, черт возьми, написал, — воскликнул Паганель, — что...

Но тут он посмотрел на Роберта и на его сестру и осекся. Потом ответил:

— Что поделаешь, дорогой Гленарван! Я безумец, я сумасшедший, я неисправимое существо. И, видно, таким я умру.

— Если только с вас раньше не сдерут кожу, — заметил майор.

— Сдерут? — гневно воскликнул географ. — Это что, намек?

— Какой намек, Паганель? — спросил спокойно Мак-Наббс.

На этом разговор оборвался. Таинственное появление «Дункана» разъяснилось. Чудом спасшиеся путешественники мечтали лишь об одном — поскорее попасть в свои удобные, уютные каюты, а затем позавтракать.

Когда леди Элен, Мери Грант, майор, Паганель и Роберт ушли, то Гленарван и Джон Манглс задержались на палубе, желая кое о чем расспросить Тома.

— А теперь, мой старый Том, — обратился Гленарван к Тому Остину, — скажите мне: вас не удивил мой приказ крейсировать у берегов Новой Зеландии?

— Да, сэр, признаться, я был очень удивлен, — ответил старый моряк. — Но я не имею обыкновения критиковать получаемые приказания, а просто повинуюсь им. Мог ли я поступить иначе? Не выполни я в точности вашего приказа и произойди от этого какая-нибудь катастрофа, то виноват был бы я? А вы, капитан, разве поступили бы иначе? — спросил он Джона Манглса.

— Нет, Том, я поступил бы точно так же, как вы.

— Но что же вы подумали? — спросил Гленарван.

— Я подумал, сэр, что в интересах Гарри Гранта

надо плыть туда, куда вы приказываете. Я решил, что в силу каких-то новых соображений вы отправитесь в Новую Зеландию на каком-нибудь другом судне, а мне следует ждать вас у восточного побережья этого острова. Кстати, отплывая из Мельбурна, я никому не сообщил, куда именно мы направляемся, и команда узнала об этом лишь тогда, когда мы были в открытом море. Но тут на борту случилось происшествие, которое очень смутило меня.

— Что именно, Том? — спросил Гленарван.

— Да то, что когда на следующий день после нашего отплытия из Мельбурна боцман Айртон узнал, куда идет «Дункан»...

— Айртон! — воскликнул Гленарван. — Разве он на яхте?

— Да, сэр.

— Айртон здесь! — повторил Гленарван, глядя на Джона Манглса.

— Судьба, — отозвался молодой капитан.

Мгновенно, с быстротой молнии, перед глазами этих двух людей промелькнули все злодеяния Айртона: задуманное им предательство, рана Гленарвана, покушение на убийство Мюльреди, муки, испытанные отрядом, заведенным в болото у берегов Сноуи. И вот теперь, в силу удивительного стечения обстоятельств, каторжник находится в их власти.

— А где же он? — живо спросил Гленарван.

— В каюте бака под стражей, — ответил Том Остин.

— А почему вы арестовали его?

— Потому, что когда Айртон увидел, что яхта плывет в Новую Зеландию, то пришел в ярость и хотел заставить меня изменить направление судна, потому, что он угрожал мне, потому, наконец, что он начал подстрекать мою команду к бунту. Я понял, что это опасный малый, и принял необходимые меры предосторожности.

— А что было дальше?

— С тех пор он сидит в каюте и не пытается из нее выйти.

— Вы хорошо поступили, Том!

Тут Гленарвана и Джона Манглса пригласили в кают-компанию: завтрак, о котором они так мечтали, был подан. Все сели за стол, и ни слова не было сказано об Айртоне. Но после завтрака, когда путешественники подкрепились и собрались на палубе, то Гленарван сообщил им, что бывший боцман находится на «Дункане» и что он хочет при них допросить Айртона.

— А можно мне не присутствовать на этом допросе? — спросила леди Элен. — Признаюсь, дорогой Эдуард, что мне будет тяжело видеть этого несчастного.

— Это будет очная ставка, Элен, — ответил Гленарван. — Очень прошу вас остаться. Нужно, чтобы Бен Джойс встретился лицом к лицу со всеми своими жертвами.

Это соображение заставило Элен сдаться. Она и Мери Грант сели подле Гленарвана. Вокруг разместились майор, Паганель, Джон Манглс, Роберт, Вильсон, Мюльреди, Олбинет — все те, кто так жестоко пострадал от предательства каторжника. Команда яхты, не понимая всей важности происходящего, хранила глубокое молчание.

— Приведите Айртона, — сказал Гленарван.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Айртон или Бен Джойс?

Ввели Айртона. Он уверенным шагом прошел по палубе и поднялся по трапу в рубку. Его взор был мрачен, зубы стиснуты, кулаки судорожно сжаты. В нем не было видно ни вызывающей дерзости, ни смирения.

Оказавшись перед Гленарваном, он молча скрестил руки на груди и ждал вопроса.

— Итак, Айртон, — начал Гленарван, — вот мы с вами теперь на том самом «Дункане», который вы хотели предать шайке Бена Джойса.

При этих словах губы боцмана слегка задрожали. Легкая краска покрыла его бесстрастное лицо. Но то

была не краска раскаяния, а краска стыда за постигшую его неудачу. Он — узник на той яхте, которой он собирался командовать, и его участь должна была решиться через несколько минут. Он молчал. Гленарван терпеливо ждал, тот продолжал молчать.

— Говорите, Айртон, — промолвил, наконец, Гленарван. — Что вы можете ответить мне?

Айртон, видимо, колебался. Морщины на лбу его стали глубже. Наконец, он сказал спокойно:

— Мне нечего говорить, сэр. Я имел глупость пасться вам в руки. Поступайте, как вам будет угодно.

Сказав это, боцман устремил взгляд на берег, расстилавшийся на западе, и сделал вид, что ему глубоко безразлично все происходящее вокруг. Глядя на него, можно было подумать, что он не имеет ко всему происходящему никакого отношения. Но Гленарван решил держать себя в руках. Ему хотелось во что бы то ни стало выяснить некоторые подробности таинственного прошлого Айртона, особенно той части его прошлого, которая относилась к Гарри Гранту и «Британии». Он возобновил допрос. Он говорил мягко, стараясь подавить кипевшее в нем негодование.

— Я полагаю, Айртон, — снова заговорил он, — что вы не откажетесь ответить на некоторые вопросы, которые я хочу задать вам. Прежде всего скажите, как вас звать: Айртон или Бен Джойс? Были вы или не были боцманом на «Британии»?

Айртон все так же безучастно продолжал смотреть на берег, словно не слышал вопросов.

В глазах Гленарвана вспыхнул гнев, но он сдержал себя и продолжал допрашивать боцмана.

— Ответьте мне: при каких обстоятельствах вы покинули «Британию» и почему оказались в Австралии?

То же молчание, тот же безразличный вид.

— Послушайте, Айртон, — еще раз обратился к нему Гленарван, — в ваших интересах отвечать: только откровенность может облегчить вашу участь. В последний раз спрашиваю вас: желаете вы отвечать или нет?

Айртон повернулся к Гленарвану и посмотрел ему прямо в глаза.

— Сэр, я не буду отвечать, — произнес он, — пусть правосудие само изобличит меня.

— Это будет очень легко сделать, — заметил Гленарван.

— Легко, сэр? — насмешливо спросил Айртон. — Мне кажется, вы ошибаетесь, сэр. Я утверждаю, что лучший судья стал бы в тупик, разбирая мое дело. Кто объяснит, почему я появился в Австралии, раз капитана Гранта здесь нет? Кто докажет, что я и Бен Джойс одно и то же. лицо, поскольку мои приметы дает полиция, а я никогда не бывал в ее руках, сообщники же мои все на свободе? Кто, кроме вас, может обвинить меня не только в каком-либо преступлении, но даже в проступке, достойном порицания? Кто может подтвердить, что я хотел захватить это судно и передать его каторжникам? Никто! Слышите? Никто! Вы подозреваете меня? Хорошо. Но нужны доказательства, чтобы осудить человека, а у вас их нет. До тех пор, пока у вас их не будет, я — Айртон, боцман «Британии».

Говоря это, Айртон оживился, но потом снова впал в прежнее безразличие. Он, очевидно, предполагал, что его заявление положит конец допросу, но ошибся. Гленарван заговорил снова:

— Айртон, я не судебный следователь, которому поручено расследовать ваше прошлое. Это не мое дело. Нам важно выяснить наши взаимоотношения. Я не пытаюсь у вас того, что могло бы вас скомпрометировать. Это дело правосудия. Но вам известно, какие поиски я предпринял, и вы одним намеком можете навести меня на утерянный след. Согласны вы отвечать?

Айртон отрицательно покачал головой, как человек, решивший молчать.

— Скажете вы мне, где находится капитан Грант? — спросил Гленарван.

— Нет, сэр, — ответил Айртон.

— Скажете вы мне, где потерпела крушение «Британия»?

— Нет!

— Айртон, — сказал почти умоляющим тоном Гленарван, — если вам известно, где находится Гарри

Грант, то скажите об этом не мне, но его бедным детям, ведь они ждут от вас хотя бы одно слово!

Айртон заколебался. На его лице отразилась внутренняя борьба. Но он все же тихо ответил:

— Не могу, сэр.

И тут же резко, словно раскаиваясь в минутной слабости, добавил:

— Нет! Нет! Вы ничего от меня не узнаете! Можете меня повесить, если хотите.

— Повесить! — вскричал, выйдя из себя, Гленарван.

Но, овладев собой, он сказал серьезно:

— Айртон, здесь нет ни судей, ни палачей. На первой же стоянке вы будете переданы английским властям.

— Только этого я и прошу, — заявил боцман.

Сказав это, он спокойным шагом направился в каюту, служившую ему тюрьмой. У ее дверей поставили двух матросов, которым было приказано следить за каждым движением заключенного.

Свидетели этой сцены разошлись, одновременно возмущенные и в отчаянии.

Поскольку Гленарвану не удалось ничего выпытать у Айртон, то что ему оставалось делать? Очевидно, только одно — привести в исполнение план, задуманный в Идене: возвращаться в Европу, с тем чтобы когда-нибудь впоследствии возобновить поиски, а сейчас приходилось отказаться от этой мысли, ибо следы «Британии» безвозвратно утеряны, документ не допускал никакого иного толкования, так как на протяжении тридцать седьмой параллели уже не было ни единой не исследованной ими страны. Таким образом, «Дункану» оставалось только идти обратно на родину. Гленарван, посоветовавшись с друзьями, обсудил с Джоном Манглсом более подробно вопрос о возвращении.

Джон осмотрел угольные ямы и убедился, что угля хватит не больше чем на пятнадцать дней. Значит, на первой же стоянке необходимо пополнить запас топлива. Джон предложил Гленарвану плыть в бухту Талькауано, где «Дункан» однажды уже пополнил запасы перед тем, как пуститься в кругосветное пла-

вание. Это был прямой путь, как раз по тридцать седьмой параллели. Снабженная с избытком всем необходимым, яхта поплывет на юг и, обогнув мыс Горн, направится по Атлантическому океану в Шотландию.

Когда этот план был одобрен, то механик получил приказ разводить пары. Полчаса спустя «Дункан» взял курс на бухту Талькауано, яхта понеслась по зеркальной глади океана, и в шесть часов вечера последние горы Новой Зеландии скрылись в горячих клубах тумана, опоясывающего горизонт.

Итак, началось возвращение на родину. Грустное плавание для этих отважных людей, разыскивавших Гарри Гранта и возвращавшихся теперь без него! Команда «Дункана», некогда столь веселая, исполненная надежд на успех в момент отплытия из Шотландии, теперь пала духом и в самом печальном настроении возвращалась в Европу. Ни один из этих храбрых матросов не радовался перспективе скорого возвращения на родину, все согласны были еще долго подвергаться опасностям океанского плавания, лишь бы найти капитана Гранта.

Восторженные крики «ура», которыми только что приветствовали Гленарвана, сменились унынием, прекратилось непрестанное общение между пассажирами, умолкли беседы, развлекавшие их в пути. Все держались порознь, каждый прятался в своей каюте, и редко-редко кто-нибудь показывался на палубе «Дункана».

Паганель, у которого все переживания, и радостные и горестные, выражались особенно бурно, Паганель, у которого всегда находились слова утешения, хранил теперь мрачное молчание. Его почти не было видно. Природная словоохотливость и чисто французская живость сменились добровольной молчаливостью и упадком духа. Он, казалось, пал духом даже больше, чем его товарищи. Если Гленарван заговаривал о том, что со временем можно возобновить поиски капитана Гранта, то Паганель отрицательно качал головой, как человек, потерявший всякую надежду и убежденный в том, что все потерпевшие крушение на «Британии» безвозвратно погибли.

А между тем на борту «Дункана» находился человек — Айртон, который мог рассказать об этой катастрофе, но он упорно молчал. Несомненно, что если этот негодяй не знал, где находится в данное время капитан Грант, то ему во всяком случае было известно место крушения. Но, видимо, Грант был для боцмана нежелательным свидетелем, и потому он молчал. Это вызывало всеобщий гнев. Особенно возмущались матросы. Они хотели даже расправиться с ним.

Неоднократно Гленарван пытался добиться чего-нибудь от боцмана, но ни обещания, ни угрозы не действовали. Упорство Айртона было столь необъяснимо, что майора даже взяло сомнение, знает ли тот вообще что-либо. Того же мнения придерживался и географ: оно подтверждало его личное мнение о судьбе Гарри Гранта.

Но если Айртон ничего не знал, то почему же он не признавался в этом? Его неведение не могло ему повредить, а его молчание затрудняло составление нового плана. На основании того, что боцман находился в Австралии, разве можно было заключать, что на этом же континенте находится и Гарри Грант? Необходимо было обязательно заставить Айртона высказаться.

Видя, что Гленарван ничего не может добиться от боцмана, леди Элен попросила мужа разрешить ей в свою очередь попытаться сломить упорство Айртона. Быть может, думала она, там, где потерпел неудачу мужчина, женщина, более кроткая, одержит победу. Разве не похоже это на старую басню об урагане, который не мог сорвать плащ с путника, тогда как первые лучи солнца заставили этого путника добровольно сбросить с себя плащ?

Гленарван, зная, как умна его молодая жена, предоставил ей свободу действий.

В этот день, 5 марта, Айртона привели в каюту леди Элен. Здесь же сидела Мери Грант. Присутствие молодой девушки могло оказать большое влияние на боцмана, а леди Элен не хотела упустить ни одного шанса на успех.

Целый час женщины провели с боцманом «Британии», но о чем они говорили, какие доводы приводили, желая вырвать у каторжника тайну, никто об этом ничего не узнал. Впрочем, после этого свидания с Айртоном Элен и Мери Грант казались сильно разочарованными. Видимо, они потерпели неудачу. Когда боцмана вели обратно в каюту, то матросы встречали его угрозами. Айртон молча пожимал плечами, что еще больше увеличило ярость команды, и лишь вмешательство Джона Манглса и Гленарвана спасло Айртона от расправы.

Но леди Элен не сдалась. Она надеялась найти доступ к сердцу этого безжалостного человека и на следующий день пошла в каюту Айртона, желая предотвратить бурные сцены, происходившие при появлении боцмана на палубе яхты.

В течение долгих двух часов добрая, кроткая женщина провела с глазу на глаз с атаманом беглых каторжников. Гленарван в волнении бродил около каюты, то желая испробовать все средства к раскрытию тайны Айртона, то порываясь избавить жену от этой тягостной беседы.

Но на этот раз, когда леди Элен вышла из каюты, ее лицо выражало удовлетворение. Неужели ей удалось пробудить жалость, уже давно уснувшую в сердце этого негодяя?

Мак-Наббс, который первый увидел ее, не мог сдерживать недоверчивого жеста.

Однако среди команды тотчас же разнесся слух, будто боцман сдался, наконец, на уговоры Элен Гленарван, и матросы собрались на палубе быстрее, чем по свистку Тома Остина, созывающего их на работу.

Гленарван бросился навстречу жене.

— Айртон все рассказал вам? — спросил он.

— Нет, — ответила Элен, — но, уступая моей просьбе, он пожелал переговорить с вами.

— Ах, дорогая Элен, неужели вы добились своего!

— Надеюсь, Эдуард!

— Не пообещали ли вы ему чего-нибудь от моего имени?

— Я обещала ему лишь одно, а именно: что вы приложите все усилия, чтобы смягчить его участь.

— Хорошо, дорогая. Пусть сейчас же приведут ко мне Айртона.

Леди Элен в сопровождении Мери Грант ушла в свою каюту, а боцмана привели в кают-компанию, где его ожидал Гленарван.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Соглашение

Лишь только боцмана ввели в кают-компанию, как стража тотчас же удалилась.

— Вы хотели переговорить со мной, Айртон? — спросил Гленарван.

— Да, сэр, — ответил боцман.

— Наедине?

— Да. Но мне кажется, что если бы при нашем разговоре присутствовали майор Мак-Наббс и господин Паганель, то это было бы лучше.

— Лучше для кого?

— Для меня.

Айртон говорил очень спокойно. Гленарван пристально посмотрел на него и послал за Мак-Наббсом и Паганелем, которые тотчас же явились. Как только оба его друга уселись, Гленарван сказал боцману:

— Мы слушаем вас.

Айртон несколько минут собирался с мыслями и, наконец, сказал:

— Сэр, когда два человека заключают между собой контракт или соглашение, то обычно присутствуют свидетели, вот почему я просил, чтобы мистер Паганель и майор Мак-Наббс присутствовали при нашем разговоре, так как, говоря откровенно, я хочу предложить вам сделку.

Гленарван, привыкший к повадкам Айртона, даже не поморщился, хотя вступать в какое-либо соглашение с этим человеком показалось ему несколько странным.

— В чем же заключается эта сделка?

— Вот в чем, — ответил Айртон. — Вы хотите получить от меня некоторые полезные для вас сведения, а я хочу получить от вас кое-какие преимущества, очень для меня ценные. Словом, сэр, подходит вам это или нет?

— А что это за сведения? — живо спросил Паганель.

— Нет, — остановил его Гленарван, — какое это преимущество?

Айртон кивнул головой в знак того, что он понял мысль Гленарвана.

— Вот, — сказал он, — те условия, которые я выставляю. Скажите, сэр, вы не отказались от намерения передать меня английским властям?

— Нет, Айртон, не отказался, и это будет только справедливо.

— Не оспариваю, — спокойно отозвался боцман. — Следовательно, вы не согласитесь вернуть мне свободу?

Гленарван с минуту колебался, ибо трудно было сразу ответить на этот столь отчетливо поставленный вопрос. Ведь от ответа зависела, быть может, судьба Гарри Гранта. Однако чувство долга взяло верх, и он ответил:

— Нет, Айртон, я не могу вернуть вам свободу.

— Я не прошу ее! — гордо ответил боцман.

— Так что же вам нужно?

— Нечто промежуточное между ожидающей меня виселицей и свободой, которую вы, сэр, дать мне не можете.

— И это?..

— Я прошу высадить меня на одном из пустынных островов Тихого океана и снабдить меня предметами первой необходимости. Я сам постараюсь выпутаться, как сумею, из этого положения, а если найдется свободное время, то — как знать! — быть может, я и раскаюсь.

Гленарван, не подготовленный к такому предложению, поглядел на друзей. Те молчали. Подумав несколько минут, Гленарван ответил:

— А если я пообещаю вам сделать то, о чем вы просите, Айртон, то вы сообщите мне обо всем, что меня интересует?

— Да, сэр, все, что я знаю о капитане Гранте и о судьбе «Британии».

— Всю правду?

— Всю.

— Но кто же поручится мне...

— О! Я понимаю, что вас беспокоит, сэр, но вам придется поверить мне на слово — поверить слову злодея! Что поделаешь! Таково положение вещей. Придется либо соглашаться, либо нет.

— Я доверяю вам, Айртон, — просто сказал Гленарван.

— И вы правы, сэр. Впрочем, если я даже обману вас, вы всегда сможете отомстить мне.

— Каким образом?

— Вернуться на остров и снова арестовать меня: ведь убежать с этого острова я не смогу.

У Айртонa находился ответ на все. Он предупреждал любые затруднения, сам приводил против себя неопровержимые доводы. Ясно было, что он относится к предлагаемой им сделке с подчеркнутой добросовестностью. Невозможно было проявить большего доверия к своему собеседнику. Однако он пошел еще дальше.

— Мистер Гленарван, и вы, господа, — добавил он, — мне хочется убедить вас в том, что я играю в открытую. Я не стремлюсь ввести вас в заблуждение и сейчас представляю вам новое доказательство своей искренности. Я откровенен потому, что верю в вашу честность.

— Говорите, Айртон, — ответил Гленарван.

— У меня ведь еще нет вашего согласия на мое предложение, и тем не менее я не скрою от вас, что знаю очень немного о Гарри Гранте.

— Немного! — воскликнул Гленарван.

— Да, сэр. Подробности, которые я могу сообщить вам, касаются лично меня. Вряд ли они помогут вам напасть на утерянный след.

Сильное разочарование отразилось на лицах Гленарвана и майора. Они были уверены, что боцман вла-

деет важной тайной, а тот признается, что сведения, которые он может сообщить, будут для них бесполезны. Лишь Паганель оставался невозмутимо спокоен.

Однако признание Айртона, сделанное в ущерб себе, тронуло присутствующих. Особенное впечатление на них произвела последняя фраза боцмана:

— Итак, сэр, вы предупреждены: сделка менее выгодна для вас, чем для меня.

— Это не важно, — ответил Гленарван. — Я согласен на ваше предложение, Айртон, и даю вам слово высадить вас на одном из островов Тихого океана.

— Отлично, сэр, — промолвил боцман.

Был ли доволен решением Гленарвана этот странный человек? Сомнительно, ибо на его бесстрастном лице не отразилось ни малейшего волнения. Казалось, что речь идет не о нем, а о ком-то другом.

— Я готов отвечать, — сказал он.

— Мы не будем задавать вам никаких вопросов, — сказал Гленарван. — Расскажите, Айртон, все, что вам известно, и прежде всего сообщите, кто вы такой.

— Господа, — начал Айртон, — я действительно Том Айртон, боцман «Британии». Двенадцатого марта тысяча восемьсот шестьдесят первого года я отплыл из Глазго на корабле Гарри Гранта. В течение четырнадцати месяцев мы вместе с ним бороздили волны Тихого океана в поисках подходящего места для основания шотландской колонии. Гарри Грант — человек, созданный для великих дел, но у нас с ним часто происходили серьезные столкновения. Мы не сошлись характерами. Я не умею беспрекословно подчиняться, а Гарри Грант, когда принимал какое-нибудь решение, то не выносил противоречий. Это человек железной воли как по отношению к себе, так и по отношению к другим. Но все же я осмелился восстать против него. Я попытался поднять мятеж среди команды и захватить корабль в свои руки. Кто был прав, кто виноват из нас — это теперь неважно, но, как бы то ни было, Гарри Грант, не колеблясь, высадил меня восьмого апреля тысяча восемьсот шестьдесят второго года на западном побережье Австралии.

— Австралии? — повторил майор, прерывая рассказ Айртона. — Следовательно, вы покинули «Британию» до ее стоянки в Кальяо, откуда были получены последние сведения о ней?

— Да, — ответил боцман. — Пока я находился на борту «Британии», она ни разу не заходила в Кальяо, и если я упомянул вам на ферме Падди О'Мура о Кальяо, то только потому, что я узнал из вашего рассказа, что «Британия» туда заходила.

— Продолжайте, Айртон, — сказал Гленарван.

— Итак, я оказался один на почти пустынном берегу, но всего в двадцати милях от Пертской исправительной тюрьмы. Блуждая по побережью, я встретил шайку каторжников, только что бежавших из тюрьмы, и присоединился к ним. Вы разрешите мне не рассказывать о моей жизни в течение этих двух с половиной лет. Скажу только, что под именем Бена Джойса я стал главарем шайки беглых каторжников. В сентябре тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года я явился на ирландскую ферму и поступил туда батраком под моим подлинным именем — Айртон. Я выжидал на этой ферме подходящего случая завладеть каким-нибудь судном. Это было моей заветной мечтой. Два месяца спустя появился «Дункан». Во время вашего пребывания на ферме вы рассказали всю историю капитана Гранта. Тут я узнал то, что было мне неизвестно: о стоянке «Британии» в порту Кальяо, о последних известиях с нее, датированных июнем тысяча восемьсот шестьдесят второго года (это было спустя два месяца после моей высадки), узнал историю с документами, узнал, что судно погибло на тридцать седьмой параллели, узнал, наконец, те веские причины, которые заставляют вас искать Гарри Гранта на Австралийском материке. Я не колебался. Я решил завладеть «Дунканом», великолепным судном, способным опередить быстроходнейшие суда британского флота. Но яхта была повреждена и требовала ремонта. Поэтому я дал ей отплыть в Мельбурн, а сам, назвавшись боцманом «Британии», как это и было в действительности, предложил провести вас в качестве проводника к вымышленному мной месту круше-

ния судна капитана Гранта, у восточного побережья Австралии. Таким образом, я направил вашу экспедицию через провинцию Виктория, а моя шайка то шла вслед за нами, то опережала нас. Мои молодцы совершили у Кемденского моста ненужное преступление, ибо лишь только «Дункан» подошел бы к восточному берегу, так он неминуемо попал бы в мои руки, а с такой яхтой я стал бы хозяином океана. Таким образом, не вызывая ни в ком подозрения, я довел ваш отряд до реки Сноуи. Быки и лошади пали один вслед за другим, отравленные гастрологиумом. Я завел фургон в топи Сноуи. По моему настоянию... Но остальное вам известно, сэр, и вы можете быть уверены, что только рассеянность господина Паганеля помешала мне командовать теперь «Дунканом». Вот вся моя история, господа. К несчастью, мои разоблачения не наведут вас на следы Гарри Гранта. Как видите, сделка со мной была для вас мало выгодна.

Боцман умолк и, скрестив, по своему обыкновению, руки на груди, ждал. Гленарван и его друзья молчали. Они понимали, что все в рассказе этого странного злодея было правдой. Захват «Дункана» не удался только по не зависевшим от него обстоятельствам. Его сообщники прибыли на берег залива Туфолда, доказательством чего служила куртка каторжника, найденная Гленарваном. Тут они, согласно приказу атамана, поджидали яхту, и, устав ждать, они, конечно, опять занялись грабежами и поджогами в селениях Нового Южного Уэльса.

Первым возобновил допрос боцмана майор: ему хотелось уточнить некоторые даты, касавшиеся «Британии».

— Итак, — спросил он, — вас высадили на западном побережье Австралии восьмого апреля тысяча восемьсот шестьдесят второго года?

— Точно так.

— А вы не знаете, каковы были дальнейшие планы Гарри Гранта?

— Очень смутно.

— Все же сообщите нам то, что вы знаете. Самый ничтожный факт может навести нас на верный путь.

— Я могу сообщить вам, сэр, — ответил боцман, — что капитан Грант собирался посетить Новую Зеландию. Но во время моего пребывания на борту «Британии» это намерение выполнено не было. Таким образом, не исключена возможность, что капитан Грант, отплыв из Калья, направился в Новую Зеландию. Это вполне согласуется с датой крушения судна, указанной в документе: двадцать седьмого июня тысяча восемьсот шестьдесят второго года.

— Ясно, — сказал Паганель.

— Однако ничего в уцелевших обрывках слов не указывает на Новую Зеландию, — возразил Гленарван.

— На это я не могу ничего вам ответить, — сказал боцман.

— Хорошо, Айртон, — промолвил Гленарван, — вы сдержали слово, я тоже сдержу свое. Обсудим вопрос о том, на каком из островов Тихого океана вас высажить.

— О, это мне безразлично, — сказал Айртон.

— Ступайте в свою каюту и ждите там нашего решения, — сказал Гленарван.

Боцман удалился под конвоем двух матросов.

— Этот негодяй мог бы быть настоящим человеком, — промолвил майор.

— Да, — согласился Гленарван. — Это человек умный, с сильным характером. Как жаль, что его способности направлены в дурную сторону.

— А Гарри Грант?

— Боюсь, что он погиб. Бедные дети! Кто может сказать, где их отец?

— Я, — отозвался Паганель. — Да, я!

Читатель заметил, что географ, обычно столь словоохотливый, столь нетерпеливый, не проронил ни одного слова во все время допроса. Он молча слушал. Но произнесенная им короткая фраза стоила многих. Гленарван был поражен.

— Вы, Паганель? Вы знаете, где капитан Грант? — воскликнул он.

— Да, насколько это возможно знать, — ответил географ.

— А откуда вы это узнали?

— Все из того же документа.

— А-а... — протянул майор тоном полнейшего недоверия.

— Вы сперва послушайте, Мак-Наббс, а потом пожимайте плечами, — заметил географ. — Я до сих пор молчал, потому что знал, что вы все равно мне не поверите. Говорить было бесполезно, но если я сейчас решаюсь на это, то только потому, что слова Айртона подтвердили мои предположения.

— Итак, вы полагаете, что в Новой Зеландии... — начал Гленарван.

— Выслушайте и судите сами, — отвечал Паганель. — Ведь ошибка, которая спасла нас, была сделана мною не случайно, не без оснований, вернее, «основания». В то время как я писал под диктовку Гленарвана это письмо, слово «Зеландия» не выходило у меня из головы, и вот почему. Помните, когда мы все ехали в фургоне, то Мак-Наббс рассказывал миссис Гленарван о каторжниках, о крушении у Кемденского моста? При этом он дал ей прочесть номер «Австралийской и Новозеландской газеты», где описывалась эта катастрофа. В тот момент, когда я дописывал письмо, газета лежала на полу таким образом, что в ее заголовке можно было прочитать два слога — «ландия». И вдруг меня осенила мысль, что «ландия» документа является частью слова «Зеландия».

— Что такое? — вырвалось у Гленарвана.

— Да, — продолжал Паганель тоном глубокого убеждения, — это толкование не приходило мне в голову. И знаете почему? Да потому, что я изучал французский экземпляр документа, более полный, чем другие, а в нем-то это важное слово как раз отсутствует.

— Ой-ой! Какой вы фантазер, Паганель! — промолвил Мак-Наббс. — Как легко вы забываете свои предшествующие выводы!

— Пожалуйста, майор, я готов отвечать на ваши вопросы.

— Тогда скажите мне, что обозначает слово *austral*?

— То же, что и раньше: «южные страны».

— Хорошо! А обрывок слова *indi*, который вы сначала считали частью *indiens* — «индейцы», а потом частью *indigènes* — «туземцы»? А теперь как вы его понимаете?

— Третье и последнее толкование таково: оно является корнем слова *indigenes* — «нужда».

— А *contin*? Означает попрежнему «континент»? — воскликнул Мак-Наббс.

— Нет, поскольку Новая Зеландия только острова.

— Тогда как же? — спросил Гленарван.

— Дорогой сэр, я сейчас прочту вам документ в моем новом, третьем толковании, а вы судите сами. Но прошу о следующем: во-первых, постарайтесь забыть, насколько возможно, все прежние толкования и отбросьте предвзятые мнения; во-вторых, имейте в виду, что некоторые места покажутся вам несколько вольноистолкованными; таково, например, слово *agonie*, которое я никак не могу истолковать иначе. Но эти места никакого значения не имеют. К тому же мое толкование зиждется на французском тексте документа, который писал англичанин, а ему некоторые особенности чужого языка могли быть чужды. Теперь, после этого предуведомления, я начинаю.

И Паганель медленно и внятно прочел следующее:

— «*Двадцать седьмого июня тысяча восемьсот шестьдесят второго года трехмачтовое судно «Британия», из Глазго, после долгой агонии потерпело крушение в южных морях, у берегов Новой Зеландии (по-английски Zealand). Двум матросам и капитану Гранту удалось добраться до берега. Здесь, терпя постоянно жестокие лишения, они бросили этот документ под ... долготы и тридцать седьмым градусом одиннадцатой минутой широты. Окажите им помощь, или они погибнут.*»

Паганель умолк. Подобное толкование документа было вполне допустимо. Но именно потому, что оно было столь убедительным, как и первые толкования, оно могло быть столь же ошибочным.

Гленарван и майор не стали его оспаривать.

— А так как следы «Британии» не были найдены

ни у берегов Патагонии, ни у берегов Австралии, там, где проходит тридцать седьмая параллель, то все преимушества на стороне Новой Зеландии.

Это последнее замечание географа произвело сильное впечатление на его друзей.

— Скажите, Паганель, — спросил Гленарван, — почему вы почти два месяца держали это новое толкование в тайне?

— Потому что я не хотел зря обнадеживать вас. К тому же ведь мы все равно плывем в Окленд, лежащий на той широте, которая была указана в документе.

— Ну, а потом, когда мы от этого пути отклонились, почему тогда вы тоже молчали?

— Потому что, как бы правильно мое толкование ни было, все равно оно не могло бы помочь спасти капитана Гранта.

— Почему вы так думаете?

— Да потому, что со времени крушения судна прошло два года и капитан не появился, значит он пал жертвой или крушения, или новозеландцев.

— Значит, вы полагаете?.. — спросил Гленарван.

— Я полагаю, что, может быть, мы натолкнемся на какие-либо остатки «Британии», но сами потерпевшие крушение погибли.

— Ни слова об этом, друзья мои, — сказал Гленарван. — Предоставьте мне выбрать подходящий момент, чтобы сообщить эту печальную весть детям капитана Гранта.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Крик в ночи

Команда «Дункана» вскоре узнала, что сообщение Айртона не пролило света на таинственную судьбу капитана Гранта. Все впали в глубокое уныние: ведь на бодмана возлагалось столько надежд, а ему ничего не известно, что могло бы навести «Дункан» на следы «Британии».

Итак, яхта продолжала держаться намеченного курса. Оставалось только выбрать остров, на который можно было бы высадить Айртона.

Паганель и Джон Манглс справились по корабельным картам. Как раз на тридцать седьмой параллели значился уединенный островок Мария-Тереза. Этот скалистый, затерянный среди Тихого океана островок отстоит в трех с половиной тысячах миль от американского побережья и в тысяче пятистах милях от Новой Зеландии. На севере ближайшей к нему землей является архипелаг Туамоту, находящийся под протекторатом Франции; к югу нет никаких земель вплоть до вечных льдов Южного полюса. Ни одно судно не пристаёт к берегам этого уединенного островка. Никакого отголоска того, что происходит в мире, не долетает до него, лишь буревестники во время дальних перелетов отдыхают здесь, и на множестве карт этот островок, омываемый волнами Тихого океана, вообще не обозначен.

Если где-нибудь на земном шаре и существовало полное уединение, то именно на этом островке, заброшенном в океане, в стороне от всех морских путей. Айртону сообщили о местоположении острова. Боцман согласился поселиться там, вдали от людей, и «Дункан» взял курс к Марии-Терезы. В этот момент яхта находилась как раз на прямой линии от залива Талькауано к острову Марии-Терезы.

Два дня спустя, в два часа дня, вахтенный матрос дал знать, что на горизонте показалась земля. То был остров Марии-Терезы, низкий, продолговатый, едва выступавший из воды, очертаниями своими похожий на огромного кита.

Яхта рассекала волны с быстротой шестнадцати узлов в час и находилась от него на расстоянии тридцати миль. Мало-помалу выступили очертания острова. На фоне заходящего солнца отчетливо вырисовался его причудливый силуэт. Там и сям выделялись невысокие вершины, блестящие в лучах дневного светила.

В пять часов Джону Манглсу показалось, будто над островом вьется легкий дымок.

— Что это, вулкан? — спросил он Паганеля.

Тот рассматривал остров в подзорную трубу.

— Не знаю, что вам сказать, — ответил географ. — Этот остров малоизвестен, возможно, что он вулканического происхождения.

— Но если остров возник вследствие извержения, то не следует ли опасаться, что следующее извержение разрушит его? — спросил Гленарван.

— Это маловероятно, — ответил Паганель. — Он существует уже несколько столетий, и это достаточная гарантия его долголетия. А вот остров Джулия, показавшийся из воды Средиземного моря, тот исчез бесследно через несколько месяцев.

— Хорошо, — сказал Гленарван. — Как вы полагаете, Джон, сможем мы подойти к берегу до наступления ночи?

— Нет, сэр. Я не могу рисковать ночью подходить к незнакомому берегу. Я буду крейсировать, делая короткие галсы, а завтра на рассвете мы пошлем туда шлюпку.

В восемь часов вечера остров Марии-Терезы, бывший всего в пяти милях от яхты, казался какой-то удлинненной, едва видной тенью. «Дункан» продолжал приближаться к нему.

В девять часов на островке вспыхнул довольно яркий огонек. Он светился ровным, неподвижным светом.

— Вот что указывает на вулкан, — проговорил Паганель, внимательно всматриваясь вдаль.

— Но на таком близком расстоянии мы должны были бы слышать грохот, сопровождающий извержение, — заметил Джон Манглс, — а восточный ветер не доносит до нас никакого шума.

— Действительно, вулкан блеснит, но безмолвствует, — согласился Паганель. — Притом, мне кажется, что этот огонь мигает, словно огонь маяка.

— Вы правы, — отозвался Джон. — А между тем на этих берегах нет маяков. А! — воскликнул он. — Вот второй огонек — теперь уже на самом берегу. Смотрите! Он колышется! Он меняет место!

Джон не ошибался. Действительно, появился второй огонек. Он то потухал, то снова разгорался.

— Значит, остров обитаем? — спросил Гленарван.

— Очевидно, населен дикарями, — ответил Паганель.

— Но в таком случае мы не можем высадить туда боцмана.

— Конечно, нет, — вмешался майор, — это был бы слишком плохой подарок даже для дикарей.

— В таком случае, мы поищем другой необитаемый остров, — сказал Гленарван, который не мог сдерживать улыбки на замечание майора. — Я обещал Айртону, что он будет жив и невредим, и сдержу слово.

— Во всяком случае, надо быть настороже, — сказал Паганель, — у новозеландцев, как некогда у жителей Корнуэльских островов, в ходу варварский обычай заманивать к берегам суда с помощью вспыхивающих там и сям огней. Возможно, что туземцам Марии-Терезы знаком этот прием.

— Держись в четверти мили от берега! — крикнул Джон Манглс матросу, стоявшему у руля. — Завтра на рассвете мы узнаем, в чем дело.

В одиннадцать часов Джон Манглс и пассажиры разошлись по своим каютам. На баке прохаживался вахтенный, на корме у румпеля стоял рулевой.

В это время на ют поднялись Мери Грант и Роберт. Дети капитана Гранта, облокотившись на перила, с грустью смотрели на блестящее фосфорическим светом море и на светящуюся струю за кормой «Дункана». Мери думала о будущем Роберта, Роберт — о будущем сестры. Оба думали об отце. Жив ли еще их обожаемый отец? Неужели надо отказаться от надежды свидеться с ним? Но нет, как жить без него? Что станет с ними? Что было бы с ними и теперь без Гленарвана и его жены?

Мальчик, которого горе сделало взрослым не по годам, догадывался, какие мысли волнуют сестру.

— Мери, — промолвил он, беря ее руку, — никогда не следует отчаиваться. Вспомни, чему учил нас отец. «Самое главное не падать духом», — говаривал он. Будем же мужественны и стойки, как наш отец, — это давало ему силу преодолевать все препятствия. До сих

пор, сестра, ты работала для меня, теперь настала моя очередь.

— Милый Роберт!.. — сказала молодая девушка.

— Мери, мне надо сказать тебе кое-что. Ты не будешь сердиться, правда?

— Зачем же мне сердиться на тебя, дитя мое!

— И ты позволишь мне сделать то, что я задумал?

— Что ты хочешь сказать? — взволнованно спросила Мери.

— Сестра! Я хочу быть моряком...

— Ты покинешь меня? — вскрикнула Мери, сжимая руку брата.

— Да, сестра, я буду моряком, как мой отец, как капитан Джон! Мери, дорогая Мери, ведь капитан Джон не потерял надежды разыскать отца. Верь в его преданность, как я верю в нее. Джон обещал сделать из меня отличного, выдающегося моряка, а пока мы будем вместе искать отца. Скажи, сестра, что ты согласна. То, что отец сделал бы для нас, мы, а особенно я, должны сделать для него. У меня только одна цель в жизни: искать, непрестанно искать того, кто никогда не покинул бы нас, ни тебя, ни меня. Мери, дорогая моя, как он был добр, наш отец!

— Как благороден, как великодушен! — добавила Мери. — Знаешь, Роберт, ведь наша родина им уже гордилась, и если б судьба не пресекла его деятельности, то он занял бы место среди выдающихся людей нашей страны.

— Я в этом уверен! — воскликнул Роберт.

Мери Грант прижала брата к груди, и мальчик почувствовал, как лоб его оросили ее слезы.

— Мери! Мери! — воскликнул — он. — Пусть наши друзья молчат, но я до сих пор не утратил и никогда не утрачу надежды. Такой человек, как наш отец, не мог умереть, не выполнив своей задачи!

Мери Грант не в силах была отвечать: ее душили рыдания. Молодая девушка была глубоко взволнована мыслью о новых поисках Гарри Гранта и о безграничной преданности молодого капитана.

— Значит, мистер Джон еще не потерял надежды? — спросила она.

— Нет, он продолжает надеяться, — ответил Роберт. — Это брат, который никогда нас не покинет. Ведь правда, сестра, я буду моряком, и мы вместе будем искать отца? Ты согласна?

— Согласна! Но нам придется расстаться... — прошептала девушка.

— Ты останешься не одна, Мери. Я знаю! Мой друг Джон сказал мне это. Миссис Гленарван не позволит тебе уйти. Ты женщина, сестра, и можешь и должна согласиться принять ее благодеяния. Отказаться — значит, быть неблагодарной. Но мужчина, — отец много раз повторял мне это, — мужчина должен сам ковать свою судьбу!

— Что будет с нашим милым домом в Денди? Ведь с ним связано столько воспоминаний!

— Мы сохраним его, сестричка! Все обдумали, и хорошо обдумали, наш друг Джон и лорд Гленарван. Ты будешь жить в замке Малькольм у лорда и леди Гленарван, как их дочь. Это он сам сказал моему другу Джону, а тот рассказал мне. Ты будешь чувствовать себя у них как дома, тебе будет с кем поговорить об отце. А в один прекрасный день мы привезем его самого! Ах! Какой это будет чудесный день! — воскликнул, сияя восторгом, Роберт.

— Брат мой, мальчик мой, как счастлив был бы отец, если бы слышал тебя! — сказала Мери. — Как ты похож, милый Роберт, на него, на нашего обожаемого отца! Когда ты станешь взрослым, то будешь вылитый отец!

— О Мери! — краснея от благородной сыновьей гордости, воскликнул мальчик.

— Но чем отблагодарим мы лорда и леди Гленарван? — промолвила Мери.

— О, это легко сделать! — сказал с юношеской самоуверенностью Роберт. — Мы будем любить их, почитать, говорить им об этом, крепко целовать, а если нужно будет, то пожертвуем ради них жизнью.

— Нет, лучше жить для них! — воскликнула девушка, целуя брата. — Они предпочтут это, и я тоже.

Дети капитана Гранта умолкли. Мечтательно глядели они друг на друга, окутанные ночной мглой. Но,

мысленно продолжая свой разговор, они задавали друг другу вопросы и отвечали на них. Вокруг тихо зыбилось море и светилась сквозь сумрак бурлившая за винтом вода.

Вдруг произошло нечто странное, сверхъестественное. Брату и сестре одновременно показалось, будто из лона волн, попеременно то темных, то светящихся, прозвучал чей-то голос, и его глубокий, тоскующий звук проник в самую глубь их сердец.

— Помогите! Помогите! — прозвучало в тиши.

— Мери, ты слышала, слышала? — спросил Роберт.

И поспешно перегнувшись через перила, оба стали напряженно вглядываться в мглу, но ничего не было видно — лишь безграничный сумрак стлался перед ними темной пеленой.

— Роберт, — пролепетала бледная от волнения Мери, — мне почудилось... Да, почудилось, как и тебе... Мы бредим с тобой, Роберт, милый...

Но снова раздался голос, призывавший на помощь, и на этот раз иллюзия была так сильна, что у обоих одновременно вырвался тот же крик:

— Отец! Отец!

Это было уже слишком для Мери. Волнение ее было так сильно, что она без чувств упала на руки брата.

— Помогите! — крикнул Роберт. — Сестра! Отец!.. Помогите!..

Рулевой бросился поднимать бесчувственную девушку. Прибежали стоявшие на вахте матросы, появились разбуженные шумом Джон Манглс, Элен, Гленарван.

— Сестра умирает, а отец там! — воскликнул Роберт, указывая на волны.

Никто не мог понять, в чем дело.

— Да, да, — повторял мальчик, — отец мой там! Я слышал его голос, сестра тоже слышала...

В эту минуту Мери пришла в себя и, словно безумная, повторяла:

— Отец! Отец там!

Несчастливая девушка, перегнувшись через перила, хотела броситься в море.

— Милорд, леди Элен, говорю вам, отец там! — твердила она, сжимая руки. — Уверяю вас, я слышала его голос! Он подымался из волн, словно жалоба, звучал, словно последнее «прости»...

У бедняжки сделались судороги, она рыдала и билась. Пришлось отнести ее в каюту. Элен пошла туда же, чтобы оказать ей помощь.

А Роберт продолжал повторять:

— Отец мой! Отец мой там! Я в этом уверен, сэр!

Свидетели этой мучительной сцены не сомневались, что дети капитана Гранта стали жертвой галлюцинации. Но как убедить их в этом?

Гленарван первый попытался это сделать. Взяв за руку Роберта, он спросил его:

— Ты слышал голос своего отца, дитя мое?

— Да, сэр. Там, среди волн. Он кричал: «Помогите! Помогите!»

— И ты узнал этот голос?

— Узнал ли я его голос, милорд? О да, клянусь вам! Моя сестра тоже слышала и тоже узнала его. Неужели вы думаете, что мы оба ошиблись? Сэр, едемте скорее на помощь отцу! Шлюпку! Шлюпку!

Гленарван, поняв, что разубедить бедного мальчика невозможно, решил сделать последнюю попытку и позвал рулевого.

— Гаукинс, — спросил он, — вы стояли у руля, когда мисс Грант сделалось дурно?

— Да, — ответил Гаукинс.

— И вы ничего не заметили, ничего не слышали?

— Ничего.

— Вот видишь, Роберт!

— Если бы это был отец Гаукинса, то Гаукинс не сказал бы, что ничего не слышал! — с неукротимой энергией воскликнул мальчик. — Это был мой отец, сэр, мой отец, отец!

Рыдания прервали его голос. Бледный и безмолвный, Роберт тоже лишился чувств. Гленарван приказал отнести его в каюту и уложить в постель. Измученный волнением, мальчик впал в тяжелое забытие.

— Бедные сироты, — промолвил Джон Манглс, — какое тяжелое испытание выпало им на долю!

— Да, — отозвался Гленарван, — чрезмерное горе могло вызвать у них одновременно одинаковую галлюцинацию.

— Одновременно у обоих? — прошептал Паганель. — Странно! Наука не допускает этого.

Затем географ, перегнувшись через перила и сделав всем окружающим знак молчать, в свою очередь стал прислушиваться.

Кругом царил тишина. Паганель громко крикнул. Никто не ответил.

— Странно, странно, — повторял географ, возвращаясь в свою каюту. — Родство мыслей и горя все же не объясняет подобного явления.

На следующий день, 8 марта, в пять часов утра, едва стало светать, как пассажиры, в том числе Роберт и Мери, — ибо их невозможно было удержать в каюте, — собрались на палубе «Дункана». Каждому хотелось увидеть землю, которую лишь мельком видели накануне. Подзорные трубы с жадностью направились на остров. Яхта шла вдоль острова на расстоянии мили от берегов. Можно было разглядеть мельчайшие подробности.

Вдруг раздался крик Роберта. Мальчик уверял, что видит трех людей: двое бегут по берегу, размахивая руками, а третий машет флагом.

— Английский флаг! — вскричал Джон Манглс, взглянув в подзорную трубу.

— Верно! — воскликнул Паганель, быстро оборачиваясь к Роберту.

— Сэр, — заговорил мальчик, дрожа от волнения, — если вы не хотите, чтобы я добрался до берега вплавь, то велите спустить шлюпку. На коленях умоляю вас, позвольте мне первым высадиться на берег!

Никто не решался вымолвить ни слова. Как! На этом островке, лежащем на тридцать седьмой параллели, живут три человека, потерпевших кораблекрушение, англичане! И каждый, вспоминая ночное происшествие, думал о том голосе, который слышали Роберт и Мери. Быть может, дети действительно слышали чей-то голос, но был ли то голос их отца? Увы! Нет, нет и нет! И каждый, думая о том тяжком разочаровании,

которое ожидало сирот, трепетал, боясь, что бедные дети не в силах будут перенести это новое испытание. Но как удержать их? У Гленарвана не хватало на это духу.

— Спустить шлюпку! — приказал он.

В одно мгновение шлюпка была спущена. Дети капитана Гранта, Гленарван, Джон Манглс, Паганель быстро спустились в нее, и она стремительно понеслась вперед под бешеными ударами весел шести матросов.

В десяти туазах от берега Мери издала душераздирающий крик:

— Отец!

На берегу рядом с двумя другими мужчинами стоял высокий, крепко сложенный человек. Его выразительное лицо, доброе и мужественное, было похоже одновременно и на лицо дочери и на лицо сына. Несомненно, это был тот самый человек, которого так часто описывали Мери и Роберт. Их сердца не обманули их — то был их отец, то был капитан Грант.

Капитан услышал крик Мери, протянул к ней руки и упал на песок, словно сраженный молнией.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Остров Табор

От радости не умирают, ибо отец и дети пришли в себя еще до того, как шлюпка доставила их на яхту. Как описать эту сцену! Вся команда плакала, глядя на эти три существа, слившиеся в безмолвном объятии.

Поднявшись на палубу «Дункана», олицетворявшую для Гарри Гранта его родную Шотландию, он дрожащим от волнения голосом горячо поблагодарил Гленарвана, леди Элен и весь экипаж.

За тот промежуток времени, в течение которого шлюпка доплыла до яхты, Мери и Роберт успели в нескольких словах рассказать отцу историю его поисков.

В каком неоплатном долгу был он перед Элен Гленарван, этой благородной женщиной, и ее спутниками!

Ведь, начиная от Гленарвана и кончая последним матросом, все они боролись, страдали ради него? Гарри Грант выражал переполнявшую его сердце благодарность с такой простотой, с таким благородством, его мужественное лицо дышало таким чистым, таким кротким чувством, что вся команда почувствовала себя полностью вознагражденной за перенесенные испытания. Даже невозмутимый майор и тот прослезился. Что же касается Паганеля, то он плакал, как ребенок, даже не пытаясь скрыть своих слез.

Гарри Грант не сводил глаз с дочери. Он находил ее красивой, очаровательной и повторял это вслух, призывая в свидетельницы леди Элен, чтобы убедиться, что отцовские чувства не обманывают его. Затем, поворачиваясь к сыну, он восклицал с восторгом:

— Как он вырос! Совсем мужчина.

И осыпал любимых детей бесконечными поцелуями.

Роберт представил отцу по очереди всех своих друзей. Хотя мальчуган старался разнообразить характеристики, но все совпадали в одном, что каждый прекрасно относился к бедным сиротам. Когда наступила очередь Джона Манглса, то молодой капитан покраснел, словно девушка, и его голос дрожал во время разговора с отцом Мери.

Леди Элен рассказала капитану Гранту о их путешествии. Капитан мог гордиться и сыном и дочерью.

Гарри Грант узнал о подвигах юного героя, узнал о том, что мальчик уже уплатил Гленарвану часть отцовского долга. Вслед за Элен заговорил Джон Манглс. Он в таких выражениях говорил о Мери, что Гарри Грант, которому Элен уже успела сообщить в нескольких словах о взаимной любви молодых людей, соединил руку дочери с рукой отважного молодого капитана.

Когда обо всем уже было переговорено тысячу раз, Гленарван рассказал Гарри Гранту об Айртоне. Капитан полностью подтвердил все сообщенное боцманом.

— Это малый с головой и смельчак, — добавил он, — но страсти увлекли его в сторону зла. Будем надеяться, что он одумается и раскаяние вернет его к честной жизни.

Но Гарри Грант хотел, прежде чем высажат Айртона на остров Марии-Терезы, принять там, на своей скале, новых друзей. Он пригласил их посетить его деревянный домик и отобедать за столом Робинзона Океании.

Гленарван и его спутники с удовольствием приняли приглашение. Роберт и Мери горели желанием увидеть места, где так долго страдал их отец.

Снарядили лодку, и вскоре капитан с детьми, Эдуард с Элен Гленарван, майор, Джон Манглс и Паганель высадились на берег острова.

Достаточно было нескольких часов, чтобы обойти владения Гарри Гранта. Этот островок был в сущности вершиной подводной горы, плоскогорьем со множеством базальтовых скал и обломков вулканических пород. Под действием подземного огня эта гора в древние геологические эпохи постепенно поднялась из вод Тихого океана. Но с тех пор прошло много веков, вулкан потух, и образовался мирный островок; на нем наслонился плодородный чернозем, постепенно этой новой землей завладела растительность. Китоловы оставили тут несколько домашних животных — коз и свиней, те расплодились и с течением времени одичали. Таким образом, на островке, затерянном среди Тихого океана, появились представители всех трех царств природы. Когда же на остров попали моряки, потерпевшие крушение на «Британии», то силы природы стали направляться рукой человека. В два с половиной года Гарри Грант и его матросы совершенно преобразили остров. Несколько тщательно обработанных акров земли приносили высокие урожаи.

Гости подошли к домику, расположенному под сенью зеленых камедных деревьев; перед окнами расстилалось безбрежное море, сверкавшее под ослепительными лучами солнца. Гарри Грант распорядился поставить стол под раскидистыми деревьями, и все уселись вокруг него. Подали заднюю ножку козленка, хлеб из нарду, несколько чашек молока, два-три стебля дикого цикория, чистую холодную воду.

Паганель был в восторге. Воскресли его старые мечты стать Робинзоном.

— Жалеть о судьбе этого плута Айртона не придется! Островок — настоящий рай! — с восторгом воскликнул географ.

— Да, этот крохотный островок был раем для трех несчастных, потерпевших крушение, — отозвался Гарри Грант. — Но я сожалею, что это не большой, плодородный остров, где вместо ручья протекала бы река, а вместо бухточки был бы удобный порт.

— А почему вы сожалеете об этом, капитан? — спросил Гленарван.

— Потому что я мог бы основать здесь, в Тихом океане, колонию и подарить ее Шотландии.

— Вот как, капитан Грант! Вы, стало быть, не оставили замысла, сделавшего вас столь популярным на нашей родине? — спросил Гленарван.

— Нет, сэр, не оставил. Мне кажется, что вам суждено было спасти меня именно для того, чтобы я имел возможность привести в исполнение мой замысел. Необходимо, чтобы наши бедняки, обитатели древней Каледонии, нашли себе убежище от нищеты на новой земле. Нашей дорогой родине необходимо иметь в этих морях свою, ей одной принадлежащую колонию, которая ни от кого не зависела бы и благоденствовала бы, чего ей так не хватает в Европе!

— А! Это хорошо сказано, капитан Грант! — сказала леди Элен. — Прекрасный план и вполне достоин благородного сердца! Но этот островок...

— Наш скалистый островок может прокормить лишь несколько колонистов, а нам нужны обширные, плодородные земли.

— Ну что ж, — воскликнул Гленарван, — будущее в наших руках! Будем искать эти земли вместе.

Гарри Грант и Гленарван крепко пожали друг другу руки, словно закрепляя этим рукопожатием данное обещание.

Затем все пожелали узнать на этом самом островке, в этом скромном домике историю крушения «Британии», историю жизни этих людей за эти два долгих года.

Гарри Грант охотно исполнил желание своих новых друзей.

— История моя, — начал он, — похожа на историю всех Робинзонов, заброшенных на пустынный остров и понявших, что им надо рассчитывать лишь на самих себя, и они должны бороться за свою жизнь с силами природы. В ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое июня тысяча восемьсот шестьдесят второго года «Британия», потеряв управление во время шестидневной бури, разбилась о скалы острова Марии-Терезы. Море яростно бушевало, организовать спасение было невозможно, и вся моя несчастная команда погибла. Лишь матросам Бобу Лирсу, Джо Беллу и мне после многих тщетных попыток удалось добраться до берега.

Земля, приютившая нас, представляла собой пустынный островок длиной в пять миль, шириною в две. На нем росло около тридцати деревьев, было несколько лужаек и источник свежей пресной воды, к счастью никогда не пересыхавший. Оказавшись с моими двумя матросами в этом затерянном уголке земного шара, я не пал духом и приготовился к упорной борьбе. Боб и Джо, мои отважные товарищи по несчастью, энергично помогали мне.

По примеру Робинзона, героя Даниеля Дефо, мы начали с того, что подобрали обломки судна, инструменты, небольшое количество пороха, оружие и мешок с драгоценным для нас зерном. Первые дни были очень тяжелы, но вскоре охота и рыбная ловля обеспечили нас пищей, ибо остров кишел дикими козами, а у берегов водилось множество морских животных. Мало-помалу наша жизнь наладилась.

Благодаря тому, что мне удалось спасти от крушения астрономические приборы, я мог точно определить, где находится островок, на каком расстоянии он лежит от обычных путей судов, и понял, что лишь счастливый случай может нас выручить. Непрестанно думая о моих любимых детях, но не надеясь больше их увидеть, я мужественно подчинился выпавшему на мою долю испытанию. Между тем мы работали не покладая рук. Вскоре несколько акров земли были засеяны семенами, спасенными с «Британии». Картофель, цикорий и шавель оздоровили нашу обычную пищу. Со временем появились другие овощи. Мы поймали и приручили

несколько диких козлят. Появилось молоко, масло. Из нарду, росшего на дне пересохших ручьев, мы выпекали довольно питательный хлеб. Словом, наш быт перестал нас тревожить.

Мы выстроили домик из выброшенных на берег обломков «Британии», покрыли его тщательно просмоленными парусами и под таким надежным убежищем благополучно пережили период дождей. Сколько в этом домике обсуждалось планов, сколько было мечтаний — и самая чудесная из наших грез ныне сбылась! Сначала я хотел пуститься в море на лодке, построенной из обломков «Британии», но ближайшая земля — архипелаг Паумоту — отстояла от нас на расстоянии в полторы тысячи миль. Никакая лодка не могла бы выдержать подобный переход. Я отказался от этой мысли и положился на судьбу.

Ах, дорогие мои дети! Как часто, стоя на береговых скалах, надеялись мы увидеть судно в морской дали, но за все время нашего заточения на горизонте только два-три раза показались паруса, но, промелькнув, скрылись. Так прошло два с половиной года. Мы перестали надеяться, но не впадали в отчаяние.

И вот, наконец, вчера, взобравшись на самую высокую гору, я увидел на западе легкий дымок. Он увеличивался. Вскоре я различил судно. Казалось, оно направлялось к нам. А вдруг оно пройдет мимо островка? Зачем ему здесь останавливаться!

Ах, какой это был мучительный день! Как только не разорвалось мое сердце! Товарищи зажгли костер на вершине одной из здешних гор. Наступила ночь, но яхта не сигнализировала, что заметили нас. А ведь в ней заключалось все наше спасение! Неужели она уплывет! Я больше не колебался. Тьма сгущалась. Судно могло ночью обогнуть остров и уйти. Я бросился в воду и поплыл к нему. Надежда утраивала мои силы. С нечеловеческой силой рассекал я волны. Уже яхта была от меня в каких-нибудь тридцати саженях, когда вдруг она переменяла галс. Вот тогда-то я стал отчаянно кричать, и крик этот слышали дети. Я вернулся на берег, обессиленный, сломленный волнением и усталостью. Матросы подобрали меня полумертвым.

Эта последняя ночь, проведенная нами на острове, была ужасной. Мы считали себя уже навеки обреченными на одиночество. Но вот наступил рассвет, и мы увидели, что яхта медленно лавирует. Потом вы спустили шлюпку... Мы были спасены! Какое великое счастье! Дети, мои дорогие дети были в этой шлюпке и протягивали ко мне руки!..

Рассказ Гарри Гранта закончился среди поцелуев и ласк, которыми осыпали его Мери и Роберт. И только тут капитан узнал, что своим спасением он обязан тому самому документу, который через неделю после крушения вложил в бутылку и доверил морю.

Но о чем задумался Жак Паганель во время рассказа капитана Гранта?

Почтенный географ в тысячный раз восстанавливал в уме слова документа. Он поочередно припоминал все три толкования, и все три оказались ложными. Как же был обозначен на этих полуизъеденных морской водой листках остров Марии-Терезы?

Паганель не мог больше выдержать. Он схватил за руку Гарри Гранта.

— Капитан, — воскликнул он, — скажите мне, что вы написали в вашем загадочном документе?

Вопрос географа возбудил общий интерес, ибо сейчас предстояло услышать разгадку тайны, которую тщетно пытались разгадать в течение девяти месяцев!

— Точно ли вы помните, капитан, текст документа? — спросил Паганель.

— Конечно, — ответил Гарри Грант. — Дня не проходило, чтобы я не припоминал этих слов: ведь на них зиждились все наши надежды.

— Что же это были за слова, капитан? — спросил Гленарван. — Наше самолюбие задето за живое!

— Я к вашим услугам, — ответил Гарри Грант. — Вы ведь знаете, что, стремясь увеличить наши шансы на спасение, я вложил в бутылку документы, написанные на трех языках. Какой же из трех вас интересует?

— Разве они были не тождественны? — воскликнул Паганель.

— Тождественны, за исключением одного слова.

— Тогда процитируйте нам французский текст, — сказал Гленарван, — он был в наилучшей сохранности, и наши толкования основывались главным образом на нем.

— Хорошо. Вот французский текст, слово в слово: *«Двадцать седьмого июня тысяча восемьсот шестьдесят второго года трехмачтовое судно «Британия», из Глазго, потерпело крушение в тысяча пятистах лье от Патагонии, в Южном полушарии. Два матроса и капитан Грант добрались до острова Табор...»*

— Что?! — воскликнул Паганель.

— *«Там, — продолжал Гарри Грант, — постоянно терпя жестокие лишения, они бросили этот документ под сто пятьдесят третьим градусом долготы и тридцать седьмым градусом одиннадцатой минутой широты. Окажите им помощь, или они погибнут».*

При слове «Табор» Паганель вскочил с места. И, не будучи в силах сдержать себя, воскликнул:

— Как остров Табор? Да ведь это остров Марии-Терезы!

— Совершенно верно, мистер Паганель, — ответил Гарри Грант. — На английских и немецких картах — Мария-Тереза, а на французских — он значится как остров Табор.

В эту минуту тяжелый кулак опустился на плечо Паганеля, который даже присел от удара. Надо признаться, что удар этот нанесен был майором, впервые вышедшим из рамок приличия.

— Географ! — сказал с глубочайшим презрением Мак-Наббс.

Но Паганель даже и не осознал удара. Что значил этот удар по сравнению с ударом, нанесенным его самолюбием ученого!

— Итак, — сказал Мак-Наббс капитану Гранту, — он был недалеко от истины. Патагония, Австралия, Новая Зеландия казались ему бесспорным местонахождением потерпевших крушение. Слово *contin*, которое он истолковал вначале как *continent* (континент), стало впоследствии *continue* (постоянная); *indi* означало сперва *indiens* (индейцы), а затем *indigènes* (туземцы), наконец, правильно было понято слово *indi-*

gence (лишения). Только обрывок слова *abor* ввел в заблуждение проницательного географа. Паганель упорно считал его частью французского глагола *aborder* (причаливать), тогда как это было название острова Табор, того самого, где нашли приют потерпевшие крушение на «Британии». Ошибка эта была, впрочем, простительна, поскольку на корабельных картах «Дункана» этот островок значился под названием «Мария-Тереза».

— Все равно! — восклицал Паганель, вырывая на себе волосы. — Я не должен был забывать этого двойного наименования! Это непростительная ошибка, заблуждение, недостойное секретаря Географического общества! Я опозорен!

— Господин Паганель, успокойтесь! — утешала географа леди Элен.

— Нет, нет! Я настоящий осел!

— И даже не ученый осел, — отозвался в виде утешения майор.

Как только обед был окончен, Гарри Грант привел свое жилище в порядок. Он ничего не брал с собой, желая, чтобы преступник унаследовал имущество честного человека.

Все вернулись на яхту. Гленарван намеревался отплыть в тот же день и дал приказ высадить боцмана на остров. Айртон привели на ют, и он оказался лицом к лицу с Гарри Грантом.

— Это я, Айртон, — промолвил Грант.

— Это вы, капитан, — отозвался боцман, несколько не удивляясь. — Ну что же, я очень рад видеть вас в добром здоровье.

— Повидимому, Айртон, я сделал ошибку, высадив вас на обитаемую землю.

— Повидимому, капитан.

— Вы сейчас останетесь вместо меня на этом пустынном островке. Надеюсь, что вы раскаетесь во всем том зле, которое причинили людям.

— Все может быть, — спокойно ответил Айртон.

Гленарван обратился к боцману:

— Итак, Айртон, вы продолжаете настаивать на том, чтобы я посадил вас на необитаемый остров?

— Да.

— Остров Табор вам подходит?

— Совершенно.

— Теперь, Айртон, послушайте мои последние слова. Здесь вы окажетесь вдаль от всякой земли, без всякой возможности общения с другими людьми. Чудеса случаются редко, и едва ли вам удастся убежать отсюда. Вы будете здесь одиноки, но вы не будете затеряны и отрезаны от мира, как был капитан Грант, ибо хотя вы и не заслуживаете, чтобы люди помнили о вас, но они все же будут о вас помнить. Я знаю, где найти вас, Айртон, и я этого никогда не забуду.

— Очень вам признателен, сэр, — просто ответил Айртон.

То были последние слова, которыми обменялись Гленарван и боцман.

Шлюпка стояла наготове. Айртон спустился в нее.

Джон Манглс предварительно отправил на остров несколько ящиков с консервами, одежду, инструменты, оружие, а также запас пороха и пуль. Таким образом, боцман получил возможность начать трудовую жизнь и, работая, переродиться. У него было все необходимое, даже книги.

Настал час расставания. Команда и пассажиры собрались на палубе. У многих сжалось сердце. Мери Грант и леди Элен не могли скрыть волнения.

— Неужели это так необходимо? — обратилась молодая женщина к мужу. — Неужели мы должны покинуть здесь этого несчастного?

— Да, Элен, необходимо, — ответил лорд Гленарван. — Это искупление!

В эту минуту шлюпка, по команде Джона Манглса, отчалила от яхты. Айртон, как всегда невозмутимый, стоя в лодке, снял шляпу и с суровой важностью поклонился.

Гленарван, а за ним вся команда обнажили головы, словно у постели умирающего, и шлюпка отплыла при гробовом молчании.

Как только она достигла берега, Айртон выскочил на песок, а лодка вернулась к яхте. Было четыре часа пополудни, и с юта пассажиры могли видеть боцмана,

который, скрестив на груди руки, неподвижно, словно статуя, стоял на прибрежной скале. Глаза его были устремлены на «Дункан».

— Отправляемся, сэр? — спросил Джон Манглс.

— Да, Джон, — ответил Гленарван, пытаясь скрыть волнение.

— Вперед! — крикнул капитан механику.

Пар засвистел по трубам, винт закрутился, и в восемь часов последние вершины острова Табор скрылись в вечерней мгле.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Последняя рассеянность Жака Паганеля

18 марта, через одиннадцать дней после того как «Дункан» отплыл от острова Табор, показались берега Америки, а на следующий день яхта бросила якорь в бухте Талькауано.

Яхта возвращалась сюда после пятимесячного плавания, во время которого, строго придерживаясь тридцать седьмой параллели, она совершила кругосветное плавание. Участники этой достопамятной, не имевшей прецедента экспедиции побывали в Чили, в пампе, в Аргентинской республике, на Атлантическом океане, на островах Тристан-да-Кунья, в Индийском океане, на Амстердамских островах, в Австралии, в Новой Зеландии, на острове Табор и в Тихом океане. Их усилия увенчались успехом, и они возвращались на родину, имея на борту потерпевших крушение моряков «Британии».

Ни один из отозвавшихся на призыв Гленарвана храбрых шотландцев не поплатился жизнью. Все, живые и невредимые, возвращались в свою старую Шотландию. Эта экспедиция напоминала битву, которую в древней истории именовали «битвой без слез».

Пополнив запасы, «Дункан» поплыл вдоль берегов Патагонии, обогнул мыс Горн и поплыл по Атлантическому океану.

Ни одно путешествие не протекало более благоприятно. Казалось, что яхта везет в своих недрах само

счастье. На борту больше не было никаких тайн. Все было ясно, даже нежные чувства Джона Манглса и Мери Грант.

Впрочем, нет, было нечто непонятное, что не давало покоя Мак-Наббсу. Почему Паганель так плотно застегивал на себе одежды и кутался по самые уши в кашне? Майору не терпелось узнать, чем вызвана эта странная причуда.

Но надо сказать, что, несмотря на все расспросы, на все намеки, на все подозрения Мак-Наббса, Паганель ни разу не расстегнулся. Не расстегнулся даже и тогда, когда «Дункан» пересекал экватор, и смола, которой были залиты пазы палубы, плавилась от пятидесятиградусного зноя.

— Он так рассеян, что воображает, будто он в Петербурге, — сказал майор, видя, как Паганель кутается в широчайший плащ, словно стоял такой холод, когда ртуть замерзает в термометре.

Наконец, 9 мая, через пятьдесят три дня после того как яхта вышла из бухты Талькауано, Джон Манглс заметил огни мыса Клар. Яхта вошла в пролив св. Георга, пересекла Ирландское море и 10 мая вышла в залив Клайд. В одиннадцать часов утра «Дункан» бросил якорь у Думбартона, а в два часа ночи пассажиры, приветствуемые громким «ура» горцев, входили в Малькольмский замок.

Значит, то была воля судьбы, что Гарри Грант и его два товарища спасутся, что Мери Грант станет женой Джона Манглса, а Роберт станет бравым моряком, таким, как Гарри Грант и Джон Манглс, и он будет работать вместе с ними, при помощи Гленарвана, над осуществлением проекта капитана Гранта. Но было ли суждено Паганелю умереть холостяком? Повидимому, нет.

Действительно, ученый после своих героических подвигов стал знаменитостью. Его рассеянность производила фурор в светском обществе Шотландии. Географы буквально разрывали на части, и он не поспевал бывать всюду, куда его приглашали.

Как раз в это время одна милейшая тридцатилетняя девица, не кто иная, как двоюродная сестра майора Мак-Наббса, особа несколько эксцентричная, но доб-

рая и еще довольно красивая, влюбилась в чудака-географа и предложила ему руку и сердце. В руке этой был миллион, но это обстоятельство обходили молчаньем.

Паганель отнюдь не был равнодушен к нежным чувствам мисс Арабеллы, однако не решался признаться в них.

Посредником между этими двумя сердцами, созданными друг для друга, явился майор. Он сказал Паганелю, что женитьба — это та «последняя рассеянность», которую географ может себе позволить.

Но странно! Паганель почему-то никак не мог произнести решительное слово.

— Разве мисс Арабелла вам не нравится? — спрашивал Мак-Наббс.

— Что вы, майор! Она очаровательна, — восклицал Паганель, — даже слишком очаровательна! И, признаться, я рад был бы, если б этого очарования в мисс Арабелле было поменьше. Мне хотелось бы найти в ней хоть один недостаток!

— Будьте спокойны, — отвечал майор, — недостатки найдутся, и даже не один. У самой безупречно! женщины есть недостатки. Итак, Паганель, это дело решенное?

— Я не смею, — отвечал Паганель.

— Но скажите же, мой ученый друг, почему вы колеблетесь?

— Я недостоин мисс Арабеллы, — отвечал неизменно географ.

И дальше этого он не шел.

Но однажды настойчивый майор припер географа к стене, и тот под большим секретом поведал ему нечто, что было бы очень на руку полиции, если бы ей когда-нибудь понадобились приметы нашего ученого.

— Вот оно что! — воскликнул майор.

— Увы, это так! — подтвердил Паганель.

— Но это не имеет никакого значения, мой достойный друг!

— Вы думаете?

— Уверяю вас, благодаря этому вы еще более оригинальны. Это является добавлением к вашим личным

достоинствам. Это делает вас единственным в своем роде человеком, а о таком именно муже и мечтала всегда Арабелла.

И майор, сохраняя невозмутимое спокойствие, вышел, оставив Паганеля в мучительной тревоге.

Между Мак-Наббсом и Арабеллой произошел короткий разговор.

Через две недели в Малькольмском замке с большой пышностью отпраздновали свадьбу Жака Паганеля и мисс Арабеллы. Жених был великолепен, но все же застегнут на все пуговицы, невеста — восхитительна.

И тайна Паганеля так и осталась бы навсегда погребенной, если бы майор не поделился этой тайной с Гленарваном, а тот не рассказал бы о ней Элен, а Элен в свою очередь не шепнула бы об этом миссис Манглс. Одним словом, когда тайна дошла до ушей миссис Олбинет, — эта тайна получила огласку.

Паганель во время своего трехдневного пребывания у маорийцев был подвергнут татуировке — он был татуирован с ног до головы. На груди у него красовалась геральдическая птица киви, с распростертыми крыльями, клевавшая его сердце.

Только этот эпизод причинял Паганелю большое горе. Он никогда не мог простить новозеландцам татуировки, и она была причиной того, что он, несмотря на многочисленные приглашения, так и не вернулся в родную Францию, хотя сильно тосковал о ней. Ученый опасался, как бы Географическое общество в лице своего свежетатуированного секретаря не подверглось насмешкам карикатуристов и газетных острословов.

Возвращение капитана Гранта в Шотландию праздновалось шотландцами как национальное торжество, и Гарри Грант стал самым популярным человеком во всей Старой Каледонии. Его сын Роберт стал таким же моряком, как капитан Джон Манглс, и под покровительством Гленарвана он надеется осуществить отцовский проект: основать шотландскую колонию на островах Тихого океана.

КОММЕНТАРИЙ

ДЕТИ КАПИТАНА ГРАНТА

Роман «Дети капитана Гранта» печатался в «Журнале воспитания и развлечения» с середины 1866 года до начала 1868 года. В 1868 году роман был выпущен отдельным изданием.

В шестидесятые годы Жюль Верн вступил в пору своей высшей творческой зрелости, написав с 1863 года — за четыре-пять лет — несколько лучших своих романов и одновременно большой научно-популярный труд «Иллюстрированная география Франции» (в соавторстве с географом Т. Лавалле).

В то время когда читатели с нетерпением ждали очередных номеров «Журнала воспитания и развлечения» с продолжением романа «Дети капитана Гранта», Жюль Верн работал над романом «Двадцать тысяч лье под водой», детально разработал сюжет «Гектора Сервадака» и уже задумал ряд других романов.

Огромная писательская продуктивность не мешала Жюлю Верну предъявлять самые строгие требования к своему художественному мастерству.

В письмах к издателю Этцелю, относящихся к 1866—1868 годам, Жюль Верн постоянно жалуется на трудности, испытываемые им в процессе работы над композицией и стилем своих произведений. Стараясь стать, по его словам, «настоящим писателем и настоящим стилистом», он по пять — по восемь раз правил корректуры каждого романа, причем правка оказывалась такой радикальной, что с момента сдачи рукописи в набор и до выхода произведения из печати произведение неузнаваемо преображалось.

Вручив издателю первую часть «Детей капитана Гранта», своего пятого романа, Жюль Верн решил объединить уже вышед-

шие произведения в одну общую серию «Необыкновенные путешествия». Серия строилась по продуманному плану и должна была превратиться со временем, по мере накопления новых романов, в своеобразный художественно-географический очерк всего Земного шара.

«Дети капитана Гранта» составляют первый том знаменитой трилогии (том второй — «Двадцать тысяч лье под водой», том третий — «Таинственный остров»). Однако замысел трилогии появился значительно позднее, когда автор уже приступил к работе над романом «Таинственный остров», в котором сводятся воедино сюжетные линии двух предшествующих романов.

В 1878 году, после того как «Дети капитана Гранта» выдержали во многих странах мира десятки переизданий и успели приобрести репутацию своего рода классического произведения юношеской литературы, Жюль Верн, в соавторстве с драматургом Адольфом Деннери, переделал роман для сцены. По своим идейным и художественным достоинствам инсценировка «Детей капитана Гранта», впрочем, как и другие инсценировки произведений Жюля Верна, значительно слабее романа. Тем не менее «драмы-феерии» Жюля Верна и Деннери, написанные на сюжеты отдельных романов серии «Необыкновенных путешествий» («Вокруг света в восемьдесят дней», «Михаил Строгов»), пользовались во Франции, в России и в других странах успехом и долгое время не сходили со сцены.

Для написания романа «Дети капитана Гранта» Жюль Верн привлек и широко использовал многочисленные научные труды, и прежде всего — географические описания Южной Америки, Австралии и других мест, куда попадали герои романа в поисках капитана Гранта.

На русском языке «Дети капитана Гранта» впервые появились в конце 1868 года в переводе Марко Вовчок — спустя несколько месяцев после выхода романа отдельным изданием.

В русской печати «Дети капитана Гранта» были встречены единодушным одобрением. В рецензии, опубликованной на страницах «Отечественных записок» (1869, № 1), в частности, говорилось: «Из среды новейших европейских писателей для молодого возраста Верн выдается как занимательностью и интересом выбираемых им предметов, так и живою блестящею формою изложения своих рассказов».

Е. Брандис

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕТИ КАПИТАНА ГРАНТА

Часть первая

Глава первая. Рыба-молот	7
Глава вторая. Три документа	13
Глава третья. Малькольм-Касл	21
Глава четвертая. Предложение Элен Гленарван	28
Глава пятая. Отплытие «Дункана»	33
Глава шестая. Пассажиры каюты номер шесть	40
Глава седьмая. Откуда прибыл и куда направлялся Жак Паганель	48
Глава восьмая. Одним хорошим человеком больше на «Дункане»	54
Глава девятая. Пролив Магеллана	61
Глава десятая. Тридцать седьмая параллель	71
Глава одиннадцатая. Переход через Чили	80
Глава двенадцатая. На высоте двенадцати тысяч футов	88
Глава тринадцатая. Спуск с Кордильер	96
Глава четырнадцатая. Спасительный выстрел	106
Глава пятнадцатая. Испанский язык Жака Паганеля	113
Глава шестнадцатая. Рио-Колорадо	121
Глава семнадцатая. Пампа	132
Глава восемнадцатая. В поисках пресной воды	142
Глава девятнадцатая. Красные волки	153
Глава двадцатая. Аргентинские равнины	163
Глава двадцать первая. Форт Независимый	171
Глава двадцать вторая. Наводнение	180

<i>Глава двадцать третья.</i> Птичий образ жизни	189
<i>Глава двадцать четвертая.</i> Путешественники продолжают вести птичий образ жизни	198
<i>Глава двадцать пятая.</i> Между огнем и водой	207
<i>Глава двадцать шестая.</i> Атлантический океан	215

Часть вторая

<i>Глава первая.</i> Возвращение на «Дункан»	225
<i>Глава вторая.</i> Острова Тристан-да-Кунья	235
<i>Глава третья.</i> Остров Амстердам	244
<i>Глава четвертая.</i> Пары Жака Паганеля и майора Мак-Наббса	253
<i>Глава пятая.</i> Индийский океан бушует	267
<i>Глава шестая.</i> Мыс Бернуилли	277
<i>Глава седьмая.</i> Айртон	287
<i>Глава восьмая.</i> Отъезд	298
<i>Глава девятая.</i> Провинция Виктория	306
<i>Глава десятая.</i> Река Уиммера	314
<i>Глава одиннадцатая.</i> Берк и Стюарт	322
<i>Глава двенадцатая.</i> Железная дорога из Мельбурна в Сэндхорст	333
<i>Глава тринадцатая.</i> Первая награда по географии	343
<i>Глава четырнадцатая.</i> Рудники горы Александра	353
<i>Глава пятнадцатая.</i> «Австралийская и Новозеландская газета»	364
<i>Глава шестнадцатая,</i> в которой майор утверждает, что это обезьяны	373
<i>Глава семнадцатая.</i> Скотоводы-миллионеры	385
<i>Глава восемнадцатая.</i> Австралийские Альпы	396
<i>Глава девятнадцатая.</i> Неожданная развязка	407
<i>Глава двадцатая.</i> «Ландия! Зеландия!»	417
<i>Глава двадцать первая.</i> Четыре мучительных дня	427
<i>Глава двадцать вторая.</i> Иден	437

Часть третья

<i>Глава первая.</i> «Макари»	447
<i>Глава вторая.</i> Прошлое страны, в которую едут путешественники	455
<i>Глава третья.</i> Резня на Новой Зеландии	464
<i>Глава четвертая.</i> Подводные скалы	472

<i>Глава пятая. Матросы поневоле</i>	480
<i>Глава шестая. Теоретические обоснования людоедства . .</i>	489
<i>Глава седьмая. Высадка на землю, от которой лучше было бы держаться подальше</i>	497
<i>Глава восьмая. Настоящее страны, куда попали путеше- ственники</i>	504
<i>Глава девятая. Тридцать миль к северу</i>	515
<i>Глава десятая. Национальная река</i>	524
<i>Глава одиннадцатая. Озеро Таупо</i>	534
<i>Глава двенадцатая. Похороны маорийского вождя . . .</i>	544
<i>Глава тринадцатая. Последние часы</i>	553
<i>Глава четырнадцатая. Табу</i>	561
<i>Глава пятнадцатая. Сильно действующие средства Паганеля</i>	573
<i>Глава шестнадцатая. Между двух огней</i>	582
<i>Глава семнадцатая. Почему «Дункан» крейсировал вдоль восточного берега Новой Зеландии</i>	591
<i>Глава восемнадцатая. Айртон или Бен Джойс?</i>	598
<i>Глава девятнадцатая. Соглашение</i>	605
<i>Глава двадцатая. Крик в ночи</i>	614
<i>Глава двадцать первая. Остров Табор</i>	623
<i>Глава двадцать вторая. Последняя рассеянность Жака Па- ганеля</i>	633
<i>Комментарий</i>	639

Редактор *О. Лозовецкий*
Оформление художника *Т. Цинберг*
Художественный редактор
А. Гайденков
Технический редактор *Ф. Артемьева*
Корректоры: *В. Брагина* и
Л. Бунчукова

*

Сдано в набор 3/VI 1955 г. Подпи-
сано к печати 26/X 1955 г. А-66120.
Бумага $84 \times 108^{1/32}$ — $40^{1/4}$ л. 33,02 усл.
печ. л. 31,13 уч.-изд. л. + 3 вкл. = 31,28 л.
Тираж 390 000. Заказ № 159.
Цена 12 р.

Гослитиздат,
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

*

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической
промышленности. 2-я типография
«Печатный Двор» им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.